

4-25
EWE

36-4

943

ДЖОРДЖ ДЕ-ЛОНГ

ПЛАВАНИЕ „ЖАННЕТЫ“

Сокращенный перевод с английского
Г. В. КРИЧЕВСКОГО

343
H-22

ЖАНАПЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предпринятая лейтенантом американского военно-морского флота капитаном Дж. Де-Лонгом в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов прошлого столетия экспедиция по открытию Северного полюса и новых земель в Полярном бассейне, характерна тем, что капитал, затраченный на организацию, снаряжение и содержание экспедиции, был предоставлен частными лицами, но под флагом военно-морского министерства Соединенных штатов.

Боязнь ответственности перед судом и общественностью в случае неудачного исхода плавания, желание укомплектовать команду из военных моряков обязанных в силу существующей дисциплины и присяги выполнять военный устав, и, наконец, желание привлечь офицеров флота, как людей наиболее образованных в морской практике того времени, побудили Беннетта формально передать экспедицию, организованную на его средства, военному командованию.

Организация экспедиции протекала нормально, без излишней и вредной делу поспешности, причем на оборудование судна и снаряжение была затрачена колоссальная сумма средств, без обычной для частного предпринимателя скупости.

Конечно, при благополучном окончании экспедиции, тот же Беннетт вернул бы затраченный капитал с лихвой, путем выпуска дорого стоящих изданий отчета плавания, продажи собранного богатого научного материала и распродажи остатков снаряжения падким до сенсации и реликвий богатым американцам, не говоря уже об удовлетворении тщеславия предпринимателя, которое, естественно, в перспективе обещало быть огромным.

Выбор начальника экспедиции был очень удачен. Джордж Де-Лонг сумел подобрать себе прекрасных помощников, тщательно продумал весь план экспедиции, рационально выбрал снаряжение и тщательно подготовил судно к столь

серьезному плаванию при скудных научных познаниях Полярного бассейна и еще более скудных достижениях в области техники того времени (отсутствие радио, метеостанций, отсутствие точных гидрографических карт, карт морских течений и магнитных склонений).

Когда „Жаннета“, раздавленная льдами, перестала служить кровом и надеждой на спасение, — можно было ожидать разобщенности, падения дисциплины и отсутствия взаимопомощи среди экипажа, как это наблюдалось в почти аналогичном случае во время дрейфа экспедиции лейтенанта Г. Л. Брусилова на „Св. Анне“ в 1912—1914 годах. Но этого не случилось, и здесь огромную роль сыграла колоритная фигура Де-Лонга, человека выдержанного, тактичного, заботливого руководителя, внимательного ко всему экипажу, к его нуждам, здоровью и правильному распределению оставшегося после гибели „Жаннеты“ питания.

Неудачу экспедиции надо искать, конечно, не в отсутствии опыта со стороны руководства и тем более не в выборе типа судна. В ледовом паке и более могучее судно могло быть раздавлено титанической силой бушующей природы, играющей многотонными льдинами.

Неудачу нужно искать в недостаточной освещенности района плавания, в абсолютном незнании морских течений, в неблагоприятных ветрах в районе дрейфа „Жаннеты“, приведших к гибели последней.

Яркие страницы книги повествуют о героическом продвижении по льдам экипажа „Жаннеты“ и создают у читателя уверенность в спасении людей.

Незначительное обстоятельство — ни на чем не обоснованная уверенность в густой населенности севера Якутии и отсутствие правильной карты многочисленных рукавов дельты реки Лены, в то время еще не судоходной, — послужило причиной рокового исхода для части экипажа и для самого Де-Лонга.

Предлагаемая читателю книга была издана в прошлом столетии женою Де-Лонга, Эммой Де-Лонг, на основе: частных дневников и бумаг капитана Де-Лонга, ее собственной переписки с ним, вырезок сообщений из газет, частных сообщений спасшихся участников экспедиции на „Жаннете“ и различных материалов об экспедиции, полученных из секретариата военно-морского министерства в Вашингтоне.

Характерно, что в книге встречается очень мало сведений о результатах научных наблюдений и исследовательских

работах, несмотря на то, что в этом отношении экспедиция была очень не плохо, по тому времени, обставлена.

Во время плавания и дрейфа были проведены большие работы по метеорологии, собраны богатые коллекции по ботанике и зоологии, а кроме того велись постоянные астрономические и магнитные наблюдения.

Эмма Де-Лонг отсутствие этих сведений объясняет тем, что они должны были быть изданы правительством в виде отдельного труда; но мы, к сожалению, ими не располагаем.

Нашему читателю, современнику великих открытий и плаваний в Полярном бассейне, современнику опытного полярника советской страны академика-профессора Отто Юльевича Шмидта, открывшего на основе указаний вождя мирового пролетариата тов. Сталина Великий Северный морской путь; современнику освоения необъятных пространств Полярного бассейна и величайшего Сибирского материка — нашему читателю необходимо и небесполезно ознакомиться с плаванием первых пионеров-полярников, чтобы на их ошибках и их трагической гибели учиться и постигать то, что было им не под силу и на что мы имеем все условия и средства, создаваемые нашей прекрасной, цветущей, Великой Родиной.

П. Орловский

С. Е. ЛИОН

**МОИ ВСТРЕЧИ С УЧАСТНИКАМИ
ЭКСПЕДИЦИИ „ЖАННЕТЫ“**

Это было в 1881 году, пятьдесят четыре года тому назад; мне было тогда 25 лет, но я живо, как сейчас помню все подробности этих встреч и бесед, — так глубоко и отчетливо врезались они в мою память. Я жил тогда в городе Верхоянске, Якутской области, расположенном в верховьях многоводной реки Яны, за северным полярным кругом (67,5° северной широты). В Верхоянске было всего человек двести жителей. Привезли меня туда в феврале 1880 года из теплой Одессы по распоряжению Одесского генерал-губернатора Тотлебена, мотивировавшего свой „приговор“ следующей бессмертной фразой, которой не придумал бы сам Щедрин: „Несомненно принадлежит к социально-революционному обществу,¹ но за неимением улики ссылается в Восточную Сибирь“.

Я поселился в одной юрте еще с семью политическими ссыльными, и мы зажили коммуной. Мы состояли под надзором исправника Кочаровского, который был начальником, царем и богом Верхоянского округа; без его разрешения мы не могли отлучиться за черту города; через его цензуру проходили все наши письма и все письма к нам; за получением корреспонденций мы должны были ходить к Кочаровскому в полицейское управление, находившееся в пяти минутах ходьбы от нашей юрты. Почта приходила всего три или четыре раза в год; письмо из Европейской России шло к нам полгода, так что для того, чтобы обменяться письмом, нужен был целый год.

Мы до такой степени ненавидели и презирали наших тюремщиков, что избегали, кроме самых необходимых, официальных, всяких встреч и соприкосновений с Кочаровским и его помощником Ипатьевым. Для этих „внешних сношений“ с администрацией товарищи выбрали меня. Кочаровский был не только малообразованный, невежественный че-

¹ Т. е., по тогдашней терминологии, к подпольной организации, стремящейся к социальной революции.

ловек, но и очень глупый и при этом очень трусливый. К нам он питал большое уважение, считая нас очень образованными и всезнающими, и в то же время сильно побаивался нас, как бы мы не учинили какой-нибудь антиправительственной выходки или побега, так как это повредило бы его карьере.

Жизнь в этой проклятой дыре, именуемой совершенно незаслуженно „городом“, была невыразимо тосклива, мрачна и безнадежна, тем более, что ссылали тогда бессрочно, т. е. на всю жизнь, — ссылали и забывали.

И вдруг светлый луч ослепительной яркости блеснул в наше темное царство.

В половине ноября в нашу юрту явился казак и от имени Кочаровского просил меня явиться к нему на дом немедленно по важному делу. Сильно встревоженный столь необычным приглашением, я быстро оделся как можно теплее. Стоял пятидесятиградусный мороз (по Реомюру), в течение пятиминутной ходьбы до дома Кочаровского, расположенного против полицейского управления, можно было отморозить все лицо, если не укутать его башлыком.

Кочаровский принял меня очень любезно, пригласил в гостиную и, после предварительных приветствий и вопросов о здоровье и житье-бытье моем и товарищей, сообщил, что он только что получил с нарочным очень загадочное донесение от казачьего командира заполярного поселка Булун, расположенного на берегу одного из многочисленных рукавов дельты реки Лены, близ Ледовитого океана, в 900 километрах к северо-западу от Верхоянска; в этом донесении командир с величайшей тревогой сообщал, что там появились какие-то неведомые чужестранцы, говорящие на непонятном языке, выдающие себя за американцев, не понимающие ни по-русски, ни по-якутски; в заключение командир спрашивал: как поступить с ними? К этому Кочаровский глубокомысленно добавил:

— Я думаю, что это какие-нибудь контрабандисты, и хочу послать приказ арестовать их и привезти в Верхоянск. Вот об этом-то я и хотел посоветоваться с вами, — как вы думаете на этот счет?

Как ни был глуп Кочаровский, но подобной глупости я даже от него не ожидал.

— Какие могут быть контрабандисты в этих гиблых пустынях? — возразил ему я: — как туда добраться чужестранцам чрез Ледовитый океан? и с кем торговать? Это,

очевидно, участники какой-нибудь полярной экспедиции, спасшиеся после крушения: я, например, недавно читал в газетах об одной норвежской полярной экспедиции, пропавшей без вести года два тому назад, на поиски которой недавно послана в Ледовитый океан особая спасательная экспедиция, причем в газетах было объявлено распоряжение русского правительства ко всем губернаторам и исправникам оказывать всяческое содействие участникам обеих экспедиций, если бы таковые очутились в подведомственных им местах. Поэтому я настоятельно советую вам послать немедленно с нарочным командиру приказ оказать этим чужестранцам самую широкую помощь и гостеприимство, а также передать им письмо от вас с просьбой сообщить, кто они, откуда, в чем нуждаются, и т. п.

Кочаровский пришел в сильное волнение и замешательство; видя его колебания и нерешительность, я стал горячо убеждать его последовать моему совету:

— Если вы арестуете их, то могут произойти дипломатические осложнения, вы рискуете слететь с места; а если окажете помощь и содействие — вы получите награду и повышение.

В конце концов он согласился с моими доводами, и мы с ним стали обсуждать, как лучше это сделать. Он решил послать к командиру Булуна своего помощника Ипатьева, человека очень умного и ловкого; снабдили его, между прочим, целым ящиком медикаментов, взятых из Верхоянской больницы и изготовленных нашим товарищем по ссылке доктором Белым, а также письмом от Кочаровского, которое я на всякий случай написал на трех языках, — английском, французском и немецком, — и в котором заключались упомянутые вопросы и обещание оказать всякое содействие. В тот же день Ипатьев выехал в Булун.

Дня через три Кочаровский прислал за мною свои сани с кучером (это на расстоянии пяти минут ходьбы!), прося немедленно прибыть к нему; я, конечно, не замедлил явиться, и он сообщил мне, что только что прибыл нарочный от командира из Булуна и привез пакет, адрес на котором написан на каком-то иностранном языке; в пакете находились какие-то бумаги тоже на иностранном языке, которые он и просил меня перевести на русский.

Прочитав длинную депешу на английском языке, заключавшуюся в пакете, я сдержал охватившее меня радостное волнение, — волнение, подобное тому, которое испытывает

тюремный узник, выпускаемый на свободу, или политический ссыльный по окончании срока многолетней ссылки... Депеша эта была адресована в Петербург посланнику Североамериканских соединенных штатов, подписана флотским инженером-механиком Мельвиллем и гласила, что Североамериканская полярная экспедиция, отправившаяся к Северному полюсу на пароходе „Жаннета“ под начальством капитана Де-Лонга, потерпела крушение 12 июня 1881 года во льдах Северного Ледовитого океана в расстоянии 750 километров от берегов Сибири, против устьев реки Лены. Ее экипаж в количестве 33 человек спасся после гибели парохода „Жаннета“ на трех лодках, которые направились к устьям реки Лены. Но 12 сентября недалеко от Сибирских берегов разразилась страшная буря, которая разбросала лодки в разные стороны, и они потеряли друг друга из виду; той лодке, в которой находились Мельвилль, лейтенант Даненовер и девять матросов, удалось благополучно высадиться в одном из многочисленных рукавов дельты реки Лены.

О судьбе остальных двух лодок ничего не известно, но, повидимому, одна, самая меньшая, под командой лейтенанта Чиппа, с семью матросами, потонула в океане во время этой бури.

Наконец, третьей лодке под командой самого Де-Лонга, в которой находились доктор Амблер и двенадцать матросов, повидимому, тоже удалось благополучно высадиться где-нибудь в устьях дельты Лены, но отыскать их следы пока не удалось, и он, Мельвилль, употребит все усилия, чтобы найти капитана Де-Лонга с товарищами и спасти их.

В заключение Мельвилль просил выслать телеграфно деньги на поиски товарищей и ходатайствовать перед русским правительством об оказании местными властями всяческого содействия. Другая депеша аналогичного содержания была адресована в Вашингтон на имя морского министра.

Прочтя эти депешы, я перевел их Кочаровскому и прибавил:

— Вот видите, как я был прав и как правильно вы поступили, послав туда Ипатьева для оказания им помощи; хороши бы вы были, если бы приказали арестовать их!

Кочаровский самодовольно рассмеялся и сконфуженно возразил, что это он „просто пошутил“.

Немедленно он снарядил нарочного в Якутск отвезти эти депешы губернатору генералу Черняеву; в Якутске тогда еще не было телеграфа, так что оттуда был послан нароч-

ный с депешами к генерал-губернатору в Иркутск, отстоящий от Якутска на расстоянии около 3000 километров. Иркутск был тогда ближайшим телеграфным пунктом, отстоявшим от Верхоянска на расстоянии 4000 километров, т. е. восемнадцати дней пути для нарочного, летевшего сломя голову день и ночь!

6 декабря около 7 часов вечера Кочаровский вновь прислал за мной свои сани; был сильный мороз, —45 градусов по Реомюру; по дороге я узнал от его кучера, что в Верхоянск приехали какие-то американцы. Когда я, с сильно бьющимся сердцем, вошел в гостиную, то увидел стоящего среди комнаты Кочаровского и рядом с ним довольно высокого, крепко сложенного блондина с окладистой светлорыжей бородой, правильными чертами умного и выразительного лица, с огромной лысиной и большими голубыми глазами, серьезно и внимательно глядевшими; лицо было изможденное, озабоченное и грустное. Кочаровский представил нас друг другу, назвав мне просто его фамилию — инженер Мельвилль, а ему мою фамилию — Лион; мы крепко пожали друг другу руки, и я заговорил с ним по-английски...

Через несколько минут Кочаровский пригласил нас к обеденному столу, сервированному в той же гостиной; за обедом все время прислуживала стоя и потчевала нас радушно молодая гражданская жена Кочаровского, ни разу не присевшая за все время обеда. Меню состояло, главным образом, из разной дичи — дикие утки, бекасы, рябчики; из напитков фигурировали крепкая наливка, настоенная на бруснике, коньяк и простая местная водка, не очищенная и очень крепкая. Мельвилль, который незадолго перед тем едва не умер с товарищами от голода, ел с большим аппетитом и сказал мне, что это — его первый хороший обед с того времени, как он более двух лет тому назад покинул Сан-Франциско.

После обеда Кочаровский, который здорово выпил за обедом, извинился и ушел отдохнуть, так что я с Мельвиллем остались наедине; я попросил рассказать подробно, каким образом судьба занесла к нам его и его товарищей.

Мельвилль тяжело вздохнул и несколько минут как бы собирался с мыслями.

— Задачей нашей экспедиции, — начал он: — было достижение Северного полюса совершенно новым, еще ни разу не испробованным путем, — через Берингов пролив на запад Ледовитым океаном, полагаясь на морское течение, которое

должно было заставить „Жаннету“ дрейфовать все время на запад мимо и немного севернее Новосибирских островов, Земли Франца-Иосифа и Шпицбергена к берегам Гренландии. Отправившись из Сан-Франциско 9 августа 1879 года и пройдя в конце месяца через Берингов пролив, мы вскоре увидели дальнейший путь прегражденным сплошным бесконечным ледяным полем, тянувшимся куда глаз видел; лед был толщиной от 6 до 8 метров, торосистый и изрезанный промоинами. При таких условиях дрейфовать вместе с ледяным полем значило бы рисковать жизнью всего экипажа, так как льды могли ежеминутно раздавить „Жаннету“, как яичную скорлупу; поэтому мы решили зазимовать на так называемой Земле Врангеля, которая в то время считалась всеми географами обширным континентом, примыкающим к Гренландии, а с наступлением весны продолжить наш дрейф. Так мы и сделали; и тогда-то увидели, что пресловутая Земля Врангеля представляет собою не что иное, как маленький, высокий и гористый островок Врангеля.

„Раннею весною 1880 года, когда ледяное поле рассеялось, мы возобновили наш дрейф, течением которого нас отнесло на запад на расстояние около 75 километров от острова Врангеля; здесь дальнейший путь „Жаннете“ был прегражден опять непроходимым и бесконечным ледяным полем, в которое она вмерзла и в котором мы провели зиму 1880/81 года; это была уже вторая зима во льдах; настроение у всех нас стало очень мрачным. В течение весны и лета 1880 года и зимы 1880/81 года нас отнесло течением на запад на расстояние 770 километров, так что мы в начале июня 1881 года находились несколько севернее группы Новосибирских островов. Но ледяное поле вокруг „Жаннеты“ сжимало ее все сильнее, угрожая раздавить. 11 июня положение приняло столь угрожающий характер, что капитан Де-Лонг отдал приказание покинуть „Жаннету“ и выгрузить на лед все необходимое — лодки, сани, палатки, ездовых собак, все запасы провизии, одежду, медикаменты.

„Часа в три дня „Жаннета“ под напором льда накренилась так сильно, что сделалось невозможным стоять на палубе. Де-Лонг последним соскочил с корабля“.

Здесь Мельвилль в сильном волнении прервал свой рассказ; слезы показались на его глазах. Успокоившись, он продолжал:

— Мы немедленно занялись устройством своего ледяного лагеря. Нас было всего 33 человека, — 6 офицеров и 27 матросов.

„На другой день, 12 июня, часа в 4 дня „Жаннета“ под напором движущихся ледяных глыб стала качаться направо и налево; вслед за тем, гремя своими железными и деревянными частями, она вдруг выпрямилась почти вертикально; ледяные глыбы, раздавившие ее, медленно разошлись, и она стала погружаться в воду все быстрее и быстрее. Мы теперь очутились совершенно отрезанными от всего мира, без всякой надежды на чью-либо помощь, предоставленные самим себе; мы почувствовали наше полное, ужасающее одиночество.

„Мы очутились на ледяном поле в расстоянии 770 километров от дельты реки Лены, которую считали ближайшим пунктом, где мы найдем помощь, так как, по нашим сведениям, по Лене плавали пароходы, а берега ее были густо населены“.

— Откуда у вас были такие недешевые сведения?! — невольно воскликнул я. — Ведь никакого пароходства на Лене севернее Якутска не существует! И берега ее в тех местах совершенно пустынные и необитаемы, за исключением летних трех месяцев, когда прикочевывают туда тунгусы и якуты для рыболовства и охоты. Впрочем, у вас не было выбора.

— Вы правы, — грустно подтвердил Мельвилль, — мы в этом убедились на собственной шкуре. Итак, 17 июня мы начали свой поход на юг. Было бы слишком долго и слишком тяжело рассказывать вам все трудности, все ужасы и все смертельные опасности, которые мы пережили в течение нашего трехмесячного пути после гибели „Жаннеты“, пока лодке, под моей командой, посчастливилось высадиться на Сибирском берегу, в устьях реки Лены.

„11 сентября мы достигли кромки ледяного поля, и перед нами бурно шумело открытое море, простиравшееся до самого Сибирского берега; только 140 километров отделяли нас от мыса Баркова, конечного пункта нашего путешествия; мы были радостно настроены, надеясь, что при теперешнем попутном свежем ветре, если только он не слишком усилится, мы достигнем мыса Баркова и Сибирской земли в течение одной ночи. После обеда Чипп и я долго совещались между собою перед отплытием, прохаживаясь взад и вперед по льдине. Так как моя лодка была быстрейшая из трех, то я не испытывал никакого беспокойства; хотя лодка Чиппа была теперь менее нагружена чем раньше, но он, повидимому, полагал, что будет в состоянии держаться рядом, если только первая лодка не будет слишком спешить.

„Де-Лонг, позвав тут же нас обоих, приказал нам держаться друг возле друга на таком расстоянии, чтобы возможно было перекликаться, и дал инструкции на случай, если мы потеряем друг друга из виду: „Старайтесь плыть к мысу Баркову, отстоящему в 125 или 140 километрах к юго-западу. Не ждите меня, найдите проводника среди туземцев и подвигайтесь вверх по реке с возможною быстротою пока не дойдете до населенного пункта; будьте уверены, что вы и ваши две партии будете спасены, и не беспокойтесь о других. Если вы достигнете мыса Баркова, вы будете спасены, так как там достаточно много населения летом, и зимою, — затем, обращаясь ко мне в отдельности, добавил: — Мельвилль, вам не будет стоить никакого труда держаться близ меня, но если что-нибудь разъединит нас, вы легко найдете место для высадки, держась сибирского берега; и вы не хуже других знаете все, касающееся туземцев и их поселений“. Это было наше последнее совместное собеседование.

„Вслед за тем мы разместились по своим лодкам, и Де-Лонг тронулся на всех парусах, держа курс на юго-запад. Мы плыли быстро, но волнение на море значительно усилилось, и лодки бросало из стороны в сторону; так как моя лодка была быстроходнее остальных, то мне становилось все труднее держаться позади Де-Лонга. Я убрал один из парусов, благодаря чему Чипп не отставал от нас. Но волнение на море все усиливалось, лодки прыгали и ныряли; ветер угрожал сорвать мачты, и мы вынуждены были убрать паруса. Первая лодка, вообще не быстроходная, была слишком перегружена, имея на своем борту, кроме своей доли груза и провизии для 13 человек, все дневники, корабельные книги, журналы и т. п., не считая больших дубовых саней.

„Вторая лодка очень плохо справлялась теперь с бурным морем и временами терялась из виду. Первая лодка, при своих великолепных качествах, работала блестяще, но так как она была перегружена, то волны непрерывно заливали ее, угрожая потопить. К семи часам вечера разразилась страшная буря, и казалось, что мы не будем в состоянии долее бороться с нею. Моей лодке угрожала неминуемая опасность. При таких условиях держаться долее вблизи Де-Лонга стало невозможным без риска погубить обе лодки. Убедившись в этом, Де-Лонг, не будучи в состоянии перекричать бурю, дал знаками понять, что разрешает рас-

статься с ним. Вследствие этого я сейчас же поднял паруса, и лодка моя полетела стрелой вперед.

„Моя лодка летела вперед с большою скоростью, сильно обгоняя первую лодку; в это время матрос воскликнул, что Де-Лонг сигнализирует Чиппу; я обернулся назад и взглянул влево в том направлении, где, по моему предположению, должна была находиться вторая лодка. Сперва ее не было видно, но вдруг я увидел ее на далеком расстоянии на гребне волны, а затем она быстро исчезла из виду. Еще раз она показалась; громадная волна подхватила ее и погнала вперед; я видел, как кто-то старался высвободить парус, прижатый к мачте; лодка вновь исчезла в волнах, я ничего более не видел кроме пены и кипящих белых гребней холодного мрачного моря. Когда я увидел ее в последний раз, она была на расстоянии немного менее километра позади нас, а первая лодка находилась приблизительно посредине между нами, и я нисколько не сомневаюсь в том, что лодка Чиппа тогда потонула; впоследствии беседа с единственными двумя оставшимися в живых товарищами из первой лодки (Ниндеманном и Норосом) укрепила меня в этом мнении, так как они тоже наблюдали описанную мною картину и держатся того же мнения и, кроме того, утверждают, что весь экипаж Де-Лонга был убежден, что одновременно с лодкой Чиппа утонула и моя лодка.

„Мы потеряли окончательно из виду лодку Чиппа и растались с Де-Лонгом в ночь на 12 сентября; буря была так ужасна, что угрожала ежеминутной гибелью. К утру шторм продолжался с прежней силой; продолжать дальнейшее плавание было крайне опасно; так как мы находились в открытом море и укрыться от гигантских волн было негде, то я, вспомнив, применил старинный способ отсиживаться в открытом море во время бури; способ этот, называемый „водяным якорем“, заключается в том, что устраивается нечто вроде парашюта, подвесив к которому какую-либо тяжесть, опускают его под воду на небольшую глубину; к парашюту привязывается веревка, прикрепленная к рулю лодки; действие этого парашюта такое же, как парашюта воздушного; парашют с помощью веревки держит руль лодки все время наперерез волнам, разрезая их надвое, и тем самым ослабляет их силу и уменьшает опасность потопить лодку. И вот благодаря этому приспособлению, которое мы изготовили в течение двух часов, мы уцелели от гибели и продержались невредимо всю эту бурную ночь

на поверхности моря, непрерывно выкачивая воду из лодки. К пяти часам дня море и ветер значительно успокоились, и мы немедленно тронулись в дальнейший путь на юго-запад по направлению к мысу Баркову.

„Наши общие страдания спаяли нас друг с другом; я внимательно прислушивался ко всякому плану, который тот или другой матрос считал нужным предложить мне, с радостью одобряя тот, который, по моему мнению, мог облегчить или спасти нас, и отклоняя деликатно, чтобы не задеть самолюбия советчика, всякое неосновательное или несуразное предложение.

„Через несколько дней мучительного плавания по лабиринту бесчисленных протоков, речек и речушек, составляющих дельту реки Лены, мы пристали к высокому берегу какой-то протоки, где виднелись несколько покинутых юрт; так как было уже часа два дня, то мы решили пообедать. Пока товарищи разводили костер, я посматривал на реку и вдруг увидел, к величайшей радости, что к нам приближаются три ветки,¹ и в каждой по одному якуту. Не зная, настроены ли они дружелюбно, но припоминая, что, например, чукчи были иногда очень враждебны, я поспешно сел с товарищами в лодку, чтобы быть в равных условиях с незнакомцами, и приказал держать наготове наши ружья, но так, чтобы они не были видны. Подплывая навстречу к незнакомцам, я им кивал и делал знаки приблизиться, но они недоверчиво и испуганно пятились назад. Тогда я стал кричать им по-английски и по-немецки, и мы все хохотали по поводу моих последовательных бесплодных попыток завязать с ними разговор на всевозможных современных языках, о которых я имел хотя бы малейшее представление. Наконец, две ветки ушли от нас, а самый младший, и, повидимому, наиболее храбрый из этих туземцев подплыл к нашей лодке; я вручил изрядную порцию пеммикана² одному из матросов, приказав ему сперва съесть кусочек на его глазах для успокоения его подозрительности и остальное отдать ему.

„Его звали Фома, как это я узнал впоследствии. Я приказал одному из матросов не трогать его, пока он был у на-

¹ Ветка — это плоскодонная лодка из легких досок; управляется одним двухлопастным веслом; летит стрелой, даже против течения.

² Пеммикан — порошок из коровьего мяса, смешанный пополам с коровьим маслом; очень вкусное и питательное вещество, незаменимое в экспедициях, походах и т. п.; 200 граммов достаточно для прокормления человека в день.

шей лодки, а потом захватить его ветку; когда это было исполнено, юноша сильно расстроился, испугался и стал настоятельно просить отпустить его, говоря, что его ветка может опрокинуться; в это время нас отнесло течением вниз к тому месту, где мы перед тем отобедали, и я предложил ему высадиться вместе с нами. К этому времени он, по-видимому, понял, что мы не желали ему никакого зла, а только требовали дружеской помощи, так как, когда мы причалили, он стал подзывать своих двух спутников, которые быстро присоединились к нам и вытащили на берег свои ветки. Завязался дружеский разговор, а один из матросов, который был экспансивнее остальных, поцеловал каждого туземца в обе щеки; это приветствие они встретили изумлением. Я приказал приготовить чай и, пока чайник разогревался, стал показывать им наши ружья, топоры и другие предметы снаряжения, которые их очень заинтересовали. Пока они были этим заняты, матросы с самым деловитым видом обыскали их ветки и нашли в них немного рыбы, гуся и кусок дичи. Туземцы, отдавая их нам, приговаривали по-русски: „кушайте, кушайте“, сопровождая эти слова жестами, что надо класть пищу в рот. Это было первое слово нашего нового словаря — „кушать“. И мы стали сейчас же выведывать у них названия разных других их вещей, трогая пальцами — так, например: шапка, шейный платок, причем они дали понять, что все это они привезли из Булуна, — это-то мне и требовалось узнать. Поселок Булун значился на моей карте, и моя задача заключалась теперь в том, чтобы они доставали нас в Булун, который находился от нас, как они объяснили знаками, вверх по течению на юго-запад.

„Мы уселись на бревнах вокруг костра и занялись чаепитием; я налил по ложке спирта в каждую их чашку; Фоме эта смесь не очень понравилась, но остальные двое очевидно понимали в этом толк, и Федор, который оказался ссыльным якутом, попросил немного чистого спирта; я дал ему; его настроение сразу поднялось, и он попросил еще, но я отнес бутылку в лодку, дав ему понять, что больше нельзя ее трогать. Покончив с чаепитием, мы изжарили гуся, рыбу и дичину, поделили поровну между всеми и роскошно поужинали. После этого я объяснил им знаками, нарисовав на бумаге несколько хижин с большою церковью посредине, что желаю, чтобы они проводили нас в Булун. Они сразу поняли, но Фома закричал по-якутски: „Нет, нет: лед, лед; смерть!“ — и для наглядности лег на землю и закрыл глаза,

изображая покойника. Я никак не мог убедить их проводить нас в Булун; они ссылались на много причин, главным образом на громадную опасность, на расстояние, на приближение ледохода, на недостаток провизии и на плохие одежду и обувь.

„Тогда я сказал им, что мы желаем сейчас же отправиться в такое место, где бы мы могли поесть и поспать; они согласились, и мы поплыли вниз по реке; благодаря руководству наших новых друзей, менее чем через полчаса мы добрались благополучно до того мыса с юртами, которого весь день так ревностно и так тщетно старались достигнуть. Втащив на берег лодку и ветки, мы отнесли большую часть нашего багажа в юрты. Здесь когда-то был поселок, называвшийся Малый Борхай; от него упелело только несколько юрт, тогда как невдалеке было кладбище, полное могил якутов и тунгусов.

„Мы поместились в двух юртах, развели живительный огонь в камельке, сварили чай, а туземцы поставили свои сети и поймали немного рыбы на ужин.

„Третьего туземца звали Кирилл; Федор жил из милости у Фомы и Кирилла. Фома объяснил мне, что Кирилл отправится к некоему Василию Кулгар, своему тестю, и привезет нам домашнего оленя в пищу. Поужинав и приятно поболтав, мы все легли спать в нашей юрте.

„Мы провели спокойную ночь, а поутру хорошо позавтракали свежей рыбой, которую туземцы поймали в расставленные ночью сети. Через несколько дней после крайне мучительного плавания по лабиринту разных песчаных мелей и речушек, мы увидели какой-то низменный остров, на котором было раскинута около дюжины юрт, или палаток, амбары и церковь. Федор, чтобы возвестить наш приезд, выстрелил из ружья, и под руководством наших двух лоцманов мы быстро приблизились, всматриваясь жадными глазами, с сильно бьющимися сердцами, в деревню.

„Вскоре мы увидели, что над юртами вьется дым, и матросы наперерыв закричали: — „Я вижу человека!“ — „Я вижу двух человек!“ — „Посмотрите, вот собаки!“ — „Ура, я вижу женщину!“ — „Нет, несколько женщин!“ — „Посмотрите, какие молоденькие!“ и т. п.; наконец, когда мы совсем приблизились к острову и мелководье мешало нам пристать, то от берега отчалили две или три ветки, в одной из которых находился какой-то рыжеволосый русский. Мы сразу заметили его и разом воскликнули: „Вот русский!“ Ему это,

очевидно, понравилось, и, кивая головой, он кричал: „Русский, русский!“ Мы засыпали его сотней вопросов на английском, французском, испанском, немецком, шведском и других языках, о каких только имели малейшее понятие.

„Староста этой деревни Николай Чагра указал нам, где вода была поглубже, и скоро наша лодка причалила к берегу. На берегу собралась вся деревня приветствовать нас: мужчины, женщины, дети, собаки — все. Когда наша лодка была разгружена, несколько женщин и детей взялись за сани, на которых я сидел, наблюдая за разгрузкой, и повезли меня на расстояние около 70 метров к дому Николая Чагра. Лич и Лаутербах, которые совсем обессилели, ковыляя вслед за мною, опираясь на палки; за ними шли толпою остальные матросы, вооруженные горшками, котлами и спальными мешками. Николай усадил меня в почетном углу под иконами. Скоро в юрту пришли многие из жителей деревни. С помощью знаков и рисунков на бумаге я рассказал Николаю историю нашего крушения и путешествия, вплоть до этой деревни, которая называлась Джемевелох. Все выражали свою печаль и сострадание, женщины плакали; особенно внимательно слушал рыжеволосый русский, оказавшийся ссыльным, по фамилии Ефим Копылов.

„На другой день, 28 сентября, ветер стих, солнце ярко светило; я настаивал продолжать наш путь в Булун; Николай Чагра и наши два лоцмана сели в свои ветки, а Ефим Копылов сел к нам в лодку; провожаемые сердечными пожеланиями всей деревни, мы тронулись в путь, имея впереди три ветки. Но вскоре ветер снова страшно усилился, и, кроме того, на реке начался ледоход, так что мы почти не могли управлять лодкой; к тому же мы очутились в очень мелководных местах, лодка была перегружена до крайней степени и постоянно садилась на мель, волны ежеминутно грозили опрокинуть ее. Туземцы испугались ледохода, окружавшего нас со всех сторон и, видя, как заливают нашу лодку и что мы решительно не в состоянии продвигаться вперед, советовали нам вернуться обратно. Как ни жаждал я достичь Булуна, но при теперешних обстоятельствах я обязан был проявить особенную осторожность и не рисковать жизнью вверенных мне людей, так как если бы ледоход преградил наше дальнейшее продвижение и мы вынуждены были бы зазимовать во льдах реки между Джемевелохом и Булуном, то, по всей вероятности, большинство погибло бы от холода и голода, тем более, что из нас только трое

могли ходить, но даже и их силы значительно ослабели; кроме того, помимо почти непреодолимых препятствий для плавания, как мог я продолжать путешествие без лоцманов?

„Поэтому мы повернули обратно и через час были снова в Джемевелохе.

„В первую же ночь я изготовил письмо начальнику округа, изложив обстоятельства, приведшие нас в Джемевелох, и просил его послать копию этого письма американскому посланнику в Петербург; эти копии я написал по-французски, по-немецки и по-шведски; все это я запечатал в пакет, который зашил в полотняный мешочек. Я с Дане-новером пошли в юрту старосты и объяснили ему всю важность отослать немедленно этот пакет командиру Булуна. Он понял, но заявил, что пройдет 10 или 15 дней прежде чем можно будет безопасно переехать через залив.

„Недели через три, 29 октября, мне привезли из Булуна письмо от Бишофа и, самое важное и ценное, измятый грязный клочок бумажки, которую мы прочли с величайшим интересом и которая гласила следующее, — вот, прочтите сами“.

При этих словах Мельвилль вынул из кармана и протянул мне эту записочку, и я прочел неразборчиво написанные следующие строки:

„Полярный пароход „Жаннета“ погиб 11 июня; высадились в Сибири около 25 сентября; необходима помощь капитану и доктору и остальным (девяти) людям.

Вилльям Ф. С. Ниндемани, Луи Р. Норос,

Матросы флота США.

Отвечайте поскорее; нуждаются в пище и одежде“.

„Кузьма объяснил, — продолжал Мельвилль, — что Ниндемани и Норос находятся в пути к Булуну; что их нашли в местечке, именуемом Белкур, находящемся на берегу реки Лены при ее повороте на запад, в тридцати километрах к югу от покинутого поселка Арий; что они были очень больны и измучены от голода и холода; и что он, Кузьма, понял из их слов, что многие из их товарищей погибли. Но, судя по записке, я заключил, что не хватает только

одного человека, так как в ней значилось „Капитану и доктору и остальным (девяти) людям“.

„Я решил немедленно повидать Ниндеманна и Нороса, чтобы узнать, где находится Де-Лонг и его партия; я сказал Кузьме, чтобы он повез меня сейчас же в Булун, но он заявил, что это невозможно, так как собаки устали. Он прибавил, что командир Булуна Бишоф приказал ему передать словесно, что он приедет послезавтра в Джемевелох и привезет с собою пищу и одежду, а также несколько оленьих упряжек, чтобы отвезти всю партию в Булун.

„Только к вечеру 6 ноября мы добрались, наконец, до Булуна. Мы подъехали к какой-то общественной юрте, и пока я слезал с нарты, собралась толпа; мой ямщик стал рассказывать им, кто я и зачем я приехал, после чего несколько человек опередили меня и отворили наружную дверь, но остановились перед внутренней дверью, которая вела в комнату, где находились мои два товарища, Ниндеманн и Норос.

„После взаимных приветствий я рассказал им, что все из нашей лодки живы и здоровы, что мы оплакивали наших товарищей из первой и второй лодок, считая их погибшими; что уже тридцать дней, как я старался достичь Булуна; что их записку доставил посланный мною Кузьма, с которым они видались, и что я немедленно по получении их записки поспешил сюда, чтобы узнать о местонахождении Де-Лонга и его партии.

„Глубоко взволнованные Ниндеманн и Норос заявили, что бесполезно разыскивать их товарищей, которые давно уже умерли; они расстались с ними двадцать пять дней тому назад, и уже за несколько дней до расставания у них не оставалось абсолютно никакой пищи, так что они питались своей кожаной одеждой, а так же спиртом, прованским маслом и глицерином из походной аптечки, причем на каждого человека выдавалось в день по две унции спирта и по ложке масла или глицерина, а при расставании Де-Лонг поделил спирт поровну между всеми и отправил их форсированным маршем вдоль западного берега Лены до ближайшего поселения, расстояние до которого, по его предложению, равнялось приблизительно сорока километрам.

„Они рассказали мне о страшных страданиях, перенесенных всеми ими еще до расставания; как они съели свою собаку, каких больших усилий стоило им проташиться на несколько шагов вперед; как Эриксен умер и был похоронен

в реке; и как Де-Лонг, видя, что его партия не в состоянии далее бороться, отрядил, в качестве самых сильных, Ниндеманна и Нороса. Ниндеманну была дана инструкция идти вперед как можно быстрее, придерживаясь западного берега Лены, но если он найдет какую-либо помощь, то возвратится к Де-Лонгу и его товарищам, которые будут продолжать идти по его следам. Он оставил их на берегу маленькой речки, текущей к северо-западу от одного из главных рукавов, и пошел по западному берегу по направлению к большому заливу, который он, согласно инструкции, данной Де-Лонгом, обогнул к западу, а оттуда повернул в восточном направлении к главному руслу Лены в том месте, где река, миновав горы, образует широкий залив, у которого и застряли Де-Лонг и его партия.

„Все это и еще многое другое они рассказали мне, начиная от момента их высадки на берег Ледовитого океана и до прибытия в Булун. У Ниндеманна была снятая для него мистером Коллинсом копия карты, имевшейся у Де-Лонга, которая была схожа с имевшейся у меня копией, и я по их описанию нарисовал для себя приблизительно карту местности к северу и к югу от стоянки Де-Лонга, чтобы руководствоваться ею в предстоящих мне поисках. Не могло быть и речи о том, чтобы Ниндеманн и Норос сопровождали меня, потому что, не говоря уже о затруднениях в отношении транспорта и пищи, оба они были настолько больны, что едва могли держаться на ногах.

„Я переночевал с ними; но прежде чем лечь спать, я отправил депешу морскому министру, копию с нее посланнику США в Петербурге и другую копию мистеру Джемсу Гордону Беннетту. Это сообщение я написал по-английски, а потом кое-как объяснил его содержание молодому священнику, который написал его по-русски; затем я запечатал его в пакет, к которому прикрепил два гусиных пера, чтобы показать, что оно должно лететь как птица, и отправил с нарочным, а сам стал дожидаться возвращения Бишофа, так как один только он имел власть снабдить меня всем необходимым для поисков Де-Лонга и Чиппа с их товарищами.

„Через два дня прибыл нарочный ко мне с извещением от Бишофа, что он дожидается меня в Бурулохе. Я немедленно помчался в Бурулох, где застал не только Бишофа, но и всех моих товарищей, которые представили меня Бишофу. Это был статный мужчина, очень высокого роста,

со спокойными и властными манерами. Последовали крепкие рукопожатия, и мы уселись завтракать.

„Тут я узнал, к великому моему огорчению, что наш бедный товарищ Джон Коль сошел с ума; он, видимо, утратил всякое представление о времени, месте и событиях.

„Бишоф предоставил в мое распоряжение две упряжки собак, по одиннадцати в каждой, с двумя каюрами и снабдил провизией всех на десять дней.

„Простившись с моими друзьями, которые должны были, переночевав в Бурулохе, отправиться поутру в Булун, Верхоянск и Якутск, я отправился вниз по реке Лене. В Булун я возвратился 27 ноября поздно ночью, пробыв в пути двадцать три дня.

„Я сейчас же разбудил Бартлетта, который рассказал мне, что исправник Кочаровский послал в Булун своего помощника Ипатьева с медикаментами и с письмом от вас, мой дорогой друг, и что Ипатьев, не застав меня в Булуно и узнав от него, Бартлетта, где я нахожусь, поспешно поехал отыскивать меня. Поэтому я решил дожждаться Ипатьева, который действительно приехал через два дня. 1 декабря я выехал вместе с ним в Верхоянск, и вот, как видите, сегодня я уже здесь и благодарю вас от всей души за все, что вы сделали для нас. Я очень просил бы вас навестить меня завтра, так как мне необходимо серьезно поговорить с Кочаровским относительно дальнейших мероприятий. Итак — до завтра“.

Он крепко пожал мне руку, и я, полный волнующих впечатлений и восторженных надежд, точно на крыльях, поспешил домой к ожидавшим меня товарищам; было уже четыре часа утра.

Город спал глубоким сном. Стоял мороз градусов 50 по Реомюру; но, как всегда здесь в сильные морозы, не было ни малейшего ветра.

Товарищи еще и не думали ложиться спать и в нетерпеливом ожидании моего возвращения коротали ночное время в оживленных разговорах, догадках и пылких планах, связанных с приездом Мельвилля.

Я рассказал им всю трагическую эпопею экспедиции „Жаннеты“. Нас прежде всего заинтересовала мысль о возможности побега в лодке вниз по реке Яне и берегом Ледовитого океана на восток через Берингов пролив в Америку, и товарищи просили меня выведать незаметно у Мельвилля все подробные условия такого побега, а также при-

гласить его посетить нас. Попивая у ярко-пылающего камелька свой неизменный кирпичный чай без сахара и закусывая ржаными сухарями, мы не заметили, как стало уже рассветать; а рассветает здесь в декабре, в эту бесконечную полярную ночь, не раньше 10 часов; наконец, в 11 часов мы улеглись спать.

Я, конечно, спал очень недолго и, верный своему обещанию, в 2 часа уже опять был в квартире Кочаровского, который вскоре пригласил Мельвилля и меня к обильному завтраку. За завтраком Кочаровский расспрашивал через мое посредство Мельвилля о разных подробностях экспедиции „Жаннеты“. Пользуясь этим случаем, я вставлял и свои вопросы в этом направлении, — о размерах и устройстве их лодок, как управлять парусами во время бури, на каком расстоянии от берега надо держаться, во сколько месяцев можно пробраться в лодке до Берингова пролива и т. д.

По окончании завтрака Мельвилль попросил меня сказать Кочаровскому, что он просит его послать немедленно приказание Бишофу продолжать поиски, причем вручил мне очень подробную инструкцию, которую я тут же перевел Кочаровскому на русский язык, и она была немедленно послана в Булун. Инструкция эта гласила:

„Верхоянск, 7 декабря 1881 г.

Исправнику Верхоянского округа.

Сэр, от имени своего и от имени правительства Соединенных штатов Америки, прошу произвести тщательные поиски моих пропавших товарищей из обеих лодок. Лейтенант Де-Лонг и его партия, состоящая из 12 человек, будут найдены на западном берегу реки Лены, к югу от маленькой охотничьей стоянки Ку-Вины, между Ку-Виной и Белкуром; они не были в состоянии дойти до самого Белкура; поэтому, живые или мертвые, они находятся между Белкуром и Ку-Виной. Необходимо обыскать каждую юрту, каждую хижину, большую и маленькую, не найдутся ли книги, бумаги или кто-либо из людей их партии. Люди, оставшиеся без пищи и плохо одетые, должны были естественно искать убежища в хижинах, лежащих на их пути, и от истощения могли умереть в какой-либо из них; их тела пусть отвезут в какой-либо пункт ближе к Булуну и сложат рядом в какой-либо юрте, забаррикадив вход снегом и землею и приняв все меры, чтобы в эту юрту не

могли проникнуть животные и повредить тела, пока не придет кто-либо из Америки, чтобы окончательно распорядиться относительно их.

Что касается восьми товарищей из второй лодки, то поиски их должны быть произведены на пространстве между западным рукавом дельты Лены и восточным рукавом дельты реки Яны. С того момента, как наши три лодки были разъединены, нет никаких сведений о второй лодке; но так как было решено, что все три лодки должны направиться к мысу Баркову, а оттуда в устье Лены, то естественно предположить, что лейтенант Чипп направился к мысу Баркову, если только он справился с бурей; но если почему-либо ему не удалось достигнуть устьев реки Лены, лейтенант Чипп должен был продвигаться от мыса Баркова на запад к одному из северных рукавов Лены или же на юг к одному из восточных рукавов Лены. Если же все-таки ему не удалось добраться до реки Лены, то метели или другие причины могли заставить его направиться вдоль берега к реке Яне. Тщательные и непрерывные поиски должны начаться теперь же, в декабре, и продолжаться до тех пор, пока не будут найдены люди, книги и бумаги; кроме того необходимо, чтобы самое внимательное и тщательное исследование местности, в пределах которой находился Де-Лонг и его партия, было произведено раннею весною, когда снег только начинает обнажать землю и прежде чем весенние потоки начнут затоплять речные берега. Все поиски, упоминаемые в этой инструкции, должны контролироваться подлежащими русскими властями“.

По окончании деловой части моего визита я стал горячо просить Мельвилля посетить моих товарищей. Мельвилль, соблюдая неизменно все правила международной корректности, спросил через меня Кочаровского, не имеет ли он каких-либо возражений, на что Кочаровский ответил ему:

— О, нет! Я не думаю, чтобы нигилисты могли повредить республиканцу; но обед будет ждать вас к четырем часам.

Мы тотчас же отправились в нашу юрту в саях Кочаровского; в юрте мы застали только трех моих товарищей. Мельвилль просто и сердечно поздоровался с ними; при виде нашей скудной обстановки и худых, изможденных лиц, печальные глаза Мельвилля отразили чувство живейшей симпатии. Товарищи через мое посредство закидали его бесконечными вопросами о том, во сколько времени можно

достичь Берингова пролива в лодке, подобной их, какая нужна провизия, как устроить паруса и т. п. Мельвилль сразу понял в чем дело, но и виду не показал; со спокойной улыбкой стал он объяснять, что лодка должна быть легкая, чтобы ее без труда можно было вытаскивать на берег или переносить на льдины; рассказал, какая нужна провизия и в каком количестве на человека, рекомендуя пеммикан и ржаные сухари, дал указания, какие нужны морские приборы, как спастись во время бури и т. п.

Ровно в четыре часа сани Кочаровского подъехали за нами к нашей юрте и отвезли нас к Кочаровскому, который угостил нас таким же превосходным обедом. Мельвилль не оставался у меня в долгу и посещал нас буквально каждый день в предобеденные часы, выказывая необычайно теплую симпатию к нам и продолжая с самым невинным видом посвящать во все подробности морского путешествия вдоль берега Ледовитого океана до Берингова пролива. В свою очередь, он расспрашивал нас подробно о нашем житье-бытье, о наших тюрьмах, о том, что обозначает „в административном порядке“, много ли таких административно-ссылных и т. п.; и когда мы рассказали ему всю правду, когда объяснили, что за передачу или даже за простое хранение запрещенной книжки ссылают на каторгу, он был поражен и возмущен до глубины души царским произволом.

15 декабря приехали в Верхоянск из Булуна остальные товарищи Мельвилля. На другой же день в нашу юрту явился Бартлетт, поздоровался с нами, закурил трубку, уселся верхом на стул и с лукавым видом вдруг выпалил ломаным русским языком: „Я все-знай!“ — и вынул из кармана лист бумаги, на котором был изображен чертеж парусной лодки, с объяснениями, как ее построить. Он просидел у нас до поздней ночи и подробно объяснял нам, из какого материала надо строить лодку, как нужно управлять ею, как устроить паруса, как ими управлять и т. д.

Его лукавая простота, искреннее благодушие и откровенная симпатия к нам трогали до глубины души. И когда он уходил, мы крепко жимали мозолистые руки этого простого, честного матроса и хорошего товарища и горячо благодарили его. Он, видимо, был также очень растроган, хотя старался не подавать виду.

18 декабря Мельвилль уехал в Якутск.

Вскоре Кочаровского перевели исправником в Средне-колымск, а верхоянским исправником назначен был Ипатьев.

4 февраля вернулся из Якутска Мельвилль, чтобы продолжать поиски пропавших товарищей. В тот же день он посетил нас и сердечно, крепко жал наши руки; я откровенно рассказал ему, что у нас идут энергичные приготовления к побегу, сушится пеммикан, сооружается лодка в семи верстах от города, в лесу. Он от души пожелал нам успеха. Он рассказал мне, что в Якутске получил из Вашингтона от морского министра телеграмму не щадить усилий и не жалеть никаких денег для спасения остальных товарищей и что губернатор Черняев открыл ему в виду этого неограниченный кредит.

10 февраля Мельвилль, сердечно простившись со мною и с моими товарищами, выехал в Булун вместе с самим исправником Ипатьевым и капитаном Гринбек — шведом, участником экспедиции Норденшельда; Гринбек, по окончании этой экспедиции, поселился в Якутске на должности капитана парохода, плававшего от Якутска вверх по Лене до пристаней Качуга близ г. Киренска, так как дальше Лена уже не судоходна; он прекрасно говорил по-русски и по-английски, и поэтому Мельвилль взял его с собою.

Только 6 мая Мельвилль вернулся в Верхоянск. Ипатьев, который вернулся гораздо раньше, а именно в конце марта, сейчас же известил меня об этом, прося притти к нему. Мельвилль горячо поздоровался со мною. Он имел страшно измученный вид; мужественное лицо его выражало бесконечную грусть. Ипатьев угостил нас хорошим обедом, по окончании которого попросил у Мельвилля позволения удалиться, так как ему необходимо приготовить несколько срочных бумаг для отправления с нарочным в Якутск.

Кроме печальной повести о розысках погибшей партии Де-Лонга и рассказа о безуспешных стараниях найти какие-нибудь следы Чиппа, Мельвилль сказал, что он решил попутно найти могилы знаменитого русского лейтенанта Прончищева,¹ его жены и сопровождавших его нескольких ка-

¹ Прончищев стоял во главе большой северной экспедиции, посланной в 1735 году для исследования и описания берега Ледовитого океана от устьев Лены на запад; в июне он отправился из Якутска, его сопровождала молодая жена; в экспедиции участвовали лейтенант Лассиниус, штурман Челюскин, геодезист Чекин, врач и 50 казаков. Экспедиция в течение лета дошла до устьев реки Оленек, где зазимовала, а летом следующего года отправилась дальше на запад от реки Оленек до реки Анабара и далее до Хатангского залива, оттуда отправилась на северо-запад и достигла мыса Челюскина. Так как льды мешали дальнейшему плаванию, то экспедиция вернулась к устью реки Оленек, где вскоре Прончищев умер, а затем умерла его жена и остальные участники экспедиции.

заков, которые умерли в этой ужасной пустыне от голода и холода.

„Разыскать эти могилы очень просил меня генерал Черняев, если я попаду в эти места. С помощью моего якутского проводника я легко нашел эти шесть могил; они расположены на высокой площадке реки Оленек и рядом с юртами, в которых они проводили зиму; над одной из них до сих пор еще возвышается громадный деревянный крест вышиною в два метра, сильно наклонившийся; надписи все стерлись. Долго стоял я здесь, глядя грустно на расстилающийся предо мною великий Северный Ледовитый океан и думал о том, что много-много лет тому назад еще более грустно и тоскливо глядели на него эти измученные, полуживые люди, вспоминая горькое прошлое и мечтая о загадочном будущем. Перед моим мысленным взором проносились мужественный и доблестный Прончищев, его героическая и самоотверженная жена и его товарищи-казаки, все эти мученики науки и долга“.

Всю ночь я переписывал ледяной журнал Де-Лонга, данный мне Мельвиллем. На другой день Мельвилль посетил нас; он живо интересовался нашими приготовлениями к побегу и откровенно, от всей души пожелал нам успеха. 10 мая он, простившись сердечно с нами, покинул Верхоянск, направляясь на свою далекую родину, которую оставил почти три года тому назад.

25 мая река Яна, наконец, очистилась от льда, и, не теряя ни часу, мы безумно счастливые и полные надежд, на рассвете 26 мая, в числе 9 человек ссыльных, быстроплыли в сооруженной нами лодке вниз по течению полноводной реки, направляясь к обетованной Америке.

14 июня, сделав две тысячи верст, мы были уже в устьях Яны на берегу сурового и грозного Ледовитого океана. Но здесь нашему счастью и нашей свободе наступил конец: нас настигла погоня в виде целого отряда казаков и якутов во главе с новым помощником Верхоянского исправника Карзиным. Нас повезли бечевою в нашей же лодке обратно в проклятый Верхоянск.

Мне прибавили год ссылки и сослали как можно дальше на восток, на самый край российского царства к границе полудиких чукчей, в г. Среднеколымск.

Прошло почти четыре года с тех пор, как Мельвилль покинул Верхоянск; я изнывал, одинокий, в своей Колымской ссылке. И вдруг опять „светлый луч в темном царстве“:

7 марта 1886 года я получил по почте от Мельвилля его только что изданную объемистую книгу воспоминаний об экспедиции „Жаннеты“, озаглавленную:

«В дельте реки Лены

Р а с с к а з

о поисках командира Де-Лонга и его товарищей, с приложением отчета о спасательной экспедиции для поисков капитана Грили¹ и проекта достижения Северного полюса»

На заглавном листе этой книги я с большим волнением прочел следующую собственноручную надпись Мельвилля:

„С. Лиону, эсквайру.

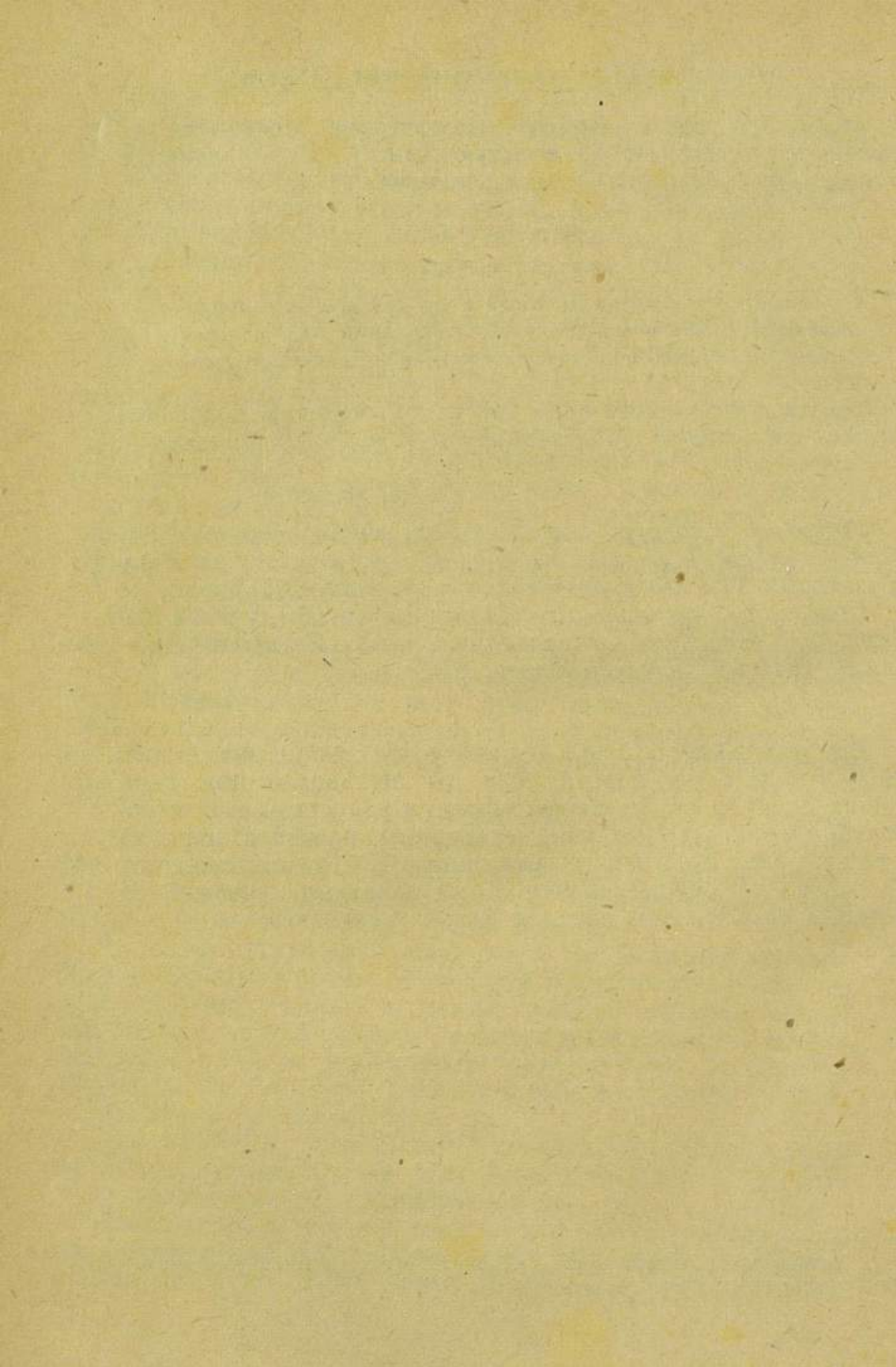
Первому человеку, который заговорил по-английски с автором после многих месяцев его отсутствия из дому и который был его переводчиком в далекой Сибири.

Сожалея о несчастном положении своего друга в Сибири, он остается искренне-преданный—Джордж Мельвилль, главный инженер флота США.

Автор“

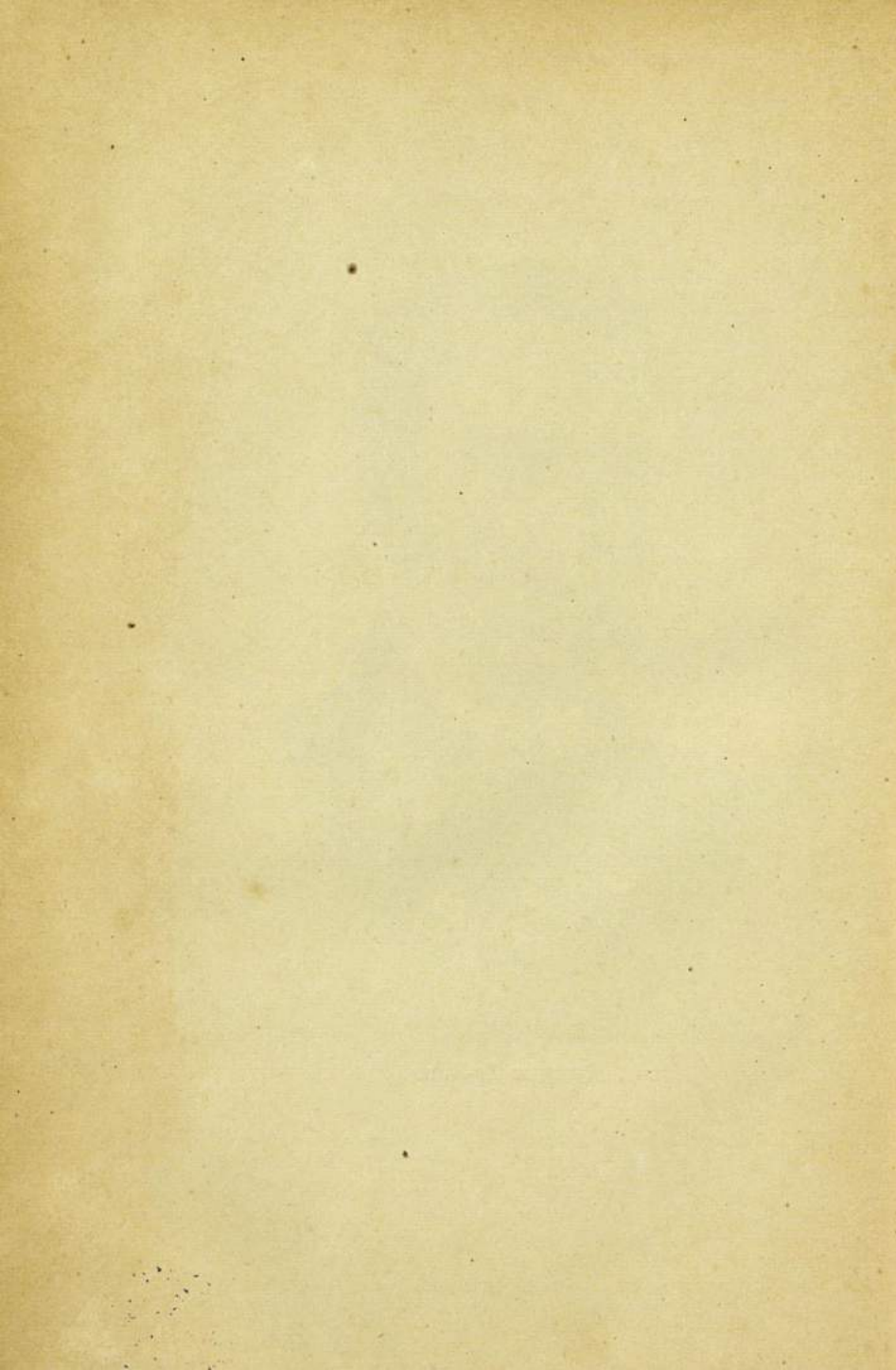
Вот уже 49 лет храню я эту книгу как зеницу ока. Много воды утекло с тех пор; и если бы Мельвилль дожил до наших дней, то он, я уверен, горячо и радостно приветствовал бы меня, уже не как несчастного пленника царской России, а как счастливого гражданина СССР, дождавшегося на склоне лет осуществления самых заветных мечтаний, за которые боролся всю жизнь с самой ранней юности.

¹ Мельвилль принимал участие в 1884 г. в спасательной экспедиции, разыскивавшей капитана Грили.

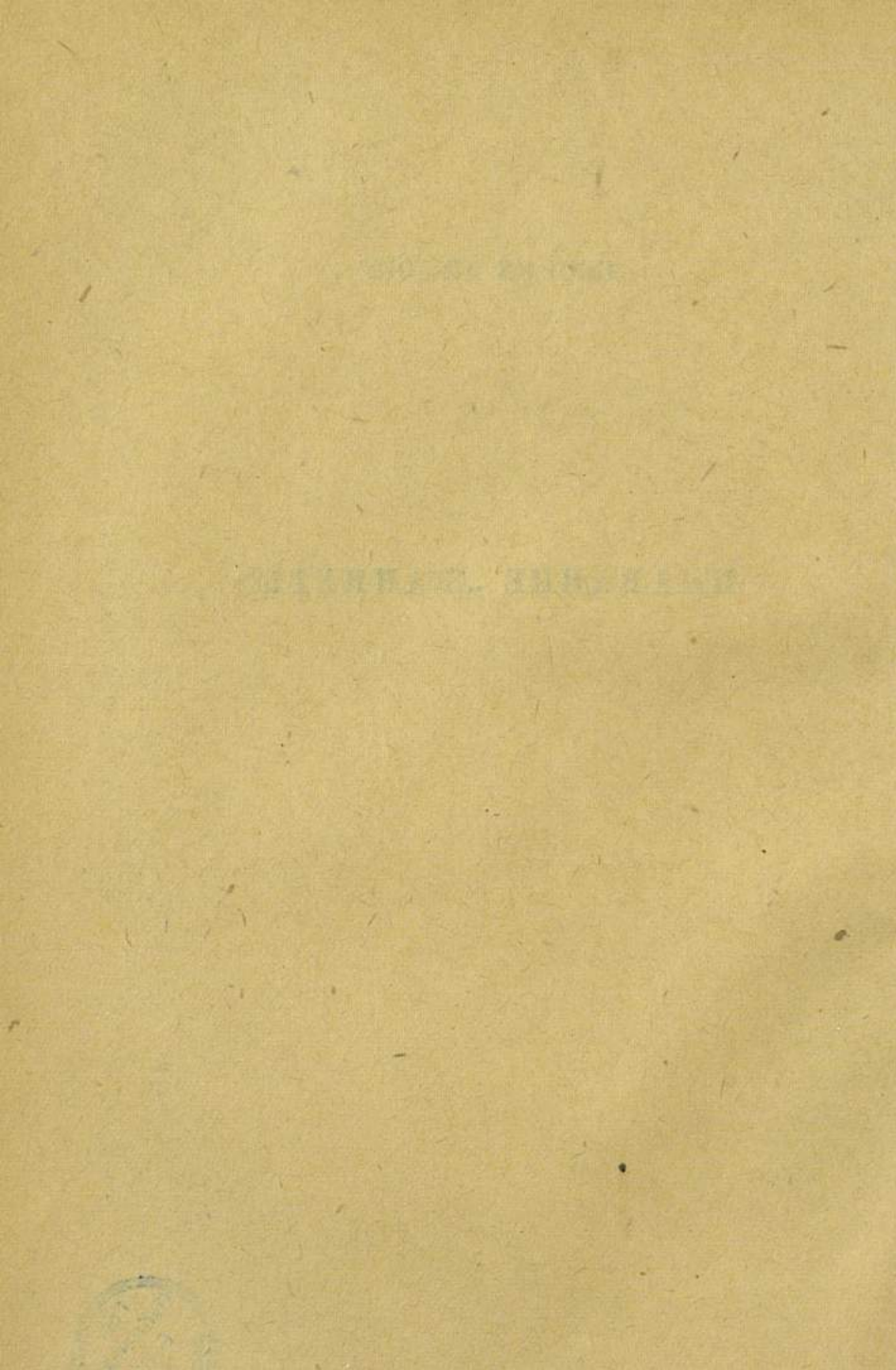
Джордж Де-Лонг

ДЖОРДЖ ДЕ-ЛОНГ

ПЛАВАНИЕ „ЖАННЕТЫ“

Глава I

НАЧАЛЬНИК ЭКСПЕДИЦИИ

Джордж Вашингтон Де-Лонг, потомок французских гугенотов, переселившихся в Америку, родился 22 августа 1844 года в Нью-Йорке.

Первоначальное образование он получил в Бруклинской школе, которая в 1857 году выдвинула его кандидатом для поступления в морское училище. Но родители Де-Лонга считали профессию моряка слишком опасной и не дали своего согласия.

С детства Де-Лонг увлекался путешествиями. По окончании школы он работал в канцелярии адвоката Окей. Когда в 1861 году вспыхнула война и Окей был призван в армию, Де-Лонг хотел сопровождать своего принципала, но его попытки оказались тщетны, — он не смог получить назначения.

Осенью 1861 года Де-Лонгу удалось добиться согласия родителей и поступить в Морскую академию, которую он окончил с отличием в 1865 году. Де-Лонг был назначен на военное судно „Сапан даigna“, на котором три года плавал вдоль западных берегов Европы, Америки, а также в Средиземном море.

После этого Де-Лонг служил морским офицером на других военных судах. В конце января 1873 года Де-Лонг был переведен на судно „Джуниата“, входившее в состав северо-атлантической эскадры. В мае 1873 года правительство Соединенных штатов направило „Джуниату“ на помощь судну „Поларис“, так как было получено сообщение о том, что одно из китобойных судов сняло с плывущего ледяного поля часть команды „Поларис“, в том числе капитана Тисона и моряка Ниндемана. „Джуниата“ достигла Упернивика в Гренландии, не встретив „Поларис“. Так как дальнейшее продвижение к северу было невозможно, капитан решил

отправить на дальнейшие поиски бот „Маленькая Джуниата“; Де-Лонг был назначен начальником этой экспедиции. Де-Лонгу не удалось обнаружить „Поларис“, команду которого спасло в сентябре китобойное судно „Арктика“. По возвращении в Нью-Йорк Де-Лонг заявил морскому департаменту о своем желании вновь отправиться в арктическую экспедицию. Неутомимая энергия, сила воли, стремление к преодолению трудностей — все в Де-Лонге содействовало развитию той „арктической лихорадки“, которая так часто овладевает людьми, уже испытавшими возбуждение, трудности и опасности северных исследований.

Глава II

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЭКСПЕДИЦИИ

Перед тем, как отплыть на „Джуниате“ к берегам Гренландии, лейтенант Де-Лонг посетил в Нью-Йорке одного из видных арктических исследователей Генри Гринелля, чтобы получить от него необходимые сведения. Гринелль передал Де-Лонгу карты, которыми он сам пользовался в экспедициях.

Когда плавание „Джуниаты“ окончилось, Де-Лонг снова посетил Гринелля. В продолжительной беседе они подробно обсуждали вопросы исследования Арктики. Спустя некоторое время на обеде, где кроме Де-Лонга и Гринелля присутствовал и доктор Бессельс и ряд арктических путешественников, Де-Лонг обратился к Гринеллю с вопросом: „Почему вы уже столько сделали в этом направлении, что вам следовало бы добиться разрешения этой проблемы.“ — „Я с большой охотой взял бы на себя руководство такой экспедицией, но я слишком стар, — ответил Гринелль, — и моя роль уже окончена. Теперь более молодые должны взять в свои руки это дело. Джеймс Гордон Беннетт, — вот кто мог бы взять на себя организацию такой экспедиции. Вам надо обратиться к нему“.

Этот разговор происходил 1 ноября 1873 года. Де-Лонг написал Беннетту, находившемуся в то время в Париже. Беннетт уже давно обдумывал план экспедиции, и между ним и Де-Лонгом завязалась переписка. Когда Беннетт вернулся в Америку, личное знакомство с Де-Лонгом убедило его, что в Де-Лонге он нашел опытного руководителя, — одно из важнейших условий успеха экспедиции. Де-Лонг в своих письмах рекомендовал своего товарища по плаванию на „Маленькой Джуниате“, лейтенанта Чиппа, и Беннетт увидел в Чиппе ближайшего сотрудника Де-Лонга. Дело заглохло до конца ноября 1876 года.

Чиппа следует телеграфно вызвать из Китая. После включения „Пандоры“ в состав американского флота необходимо провести через Конгресс закон, разрешающий полное или частичное укомплектование судна офицерами флота и поднятие национального вымпела на гротмачте, подчиняющее всю команду морским уставам и дисциплине.

Далее, президенту должно быть предоставлено право наделить начальника экспедиции дополнительными полномочиями, вызываемыми исключительными условиями и необходимыми для поддержания дисциплины.

Далее необходимо, чтобы правительственным агентам в Аляске было бы поручено приготовить обмундирование из тюленьей кожи для 35 человек, ростом от 165 до 180 сантиметров, достать 40 собак и, если возможно, 100 тонн угля. Далее следует обеспечить право пользования морской гаванью и доками в Сан-Франциско.

Мы должны получить также от правительства инструменты, запасы, принадлежности и снаряжение“.

В письме Де-Лонг представил также подробную смету расходов на трехлетнее плавание.

Свидание Беннетта и доктора Петермана состоялось 6 марта 1877 года. О результатах его Беннетт сообщил Де-Лонгу:

„Я только что вернулся из Готы. Вам, без сомнения, знаком д-р Петерман, инициатор двух немецких арктических экспедиций. Уверяю Вас, что три часа, проведенных с ним, вполне вознаградили меня за скучную поездку в Готу. Д-р Петерман сказал мне, что тридцатилетнее изучение проблемы Северного полюса убедило его в том, что проблема эта разрешима, однако не через пролив Смита и не через бухту Баффина. Англичане, по его мнению, настаивают на этом пути из гордости, так как они первые шли им. Он согласился со мной, и такова, если я правильно помню, и ваша точка зрения, что полюса можно достичь только сразу, в одну навигацию. Он идет даже дальше и утверждает, что при подходящем судне и с опытным в ледовых плаваниях начальником эта проблема может быть разрешена в одно лето. По его словам, все авторитеты сходятся в том, что на санях достичь полюса невозможно. Опыт показал ему, что вторая зимовка переносится труднее первой, что, как это ни странно, южане—греки и итальянцы—легче выносят арктическую зиму, чем северные—датчане и шведы. Я серьезно собираюсь снарядить еще одно судно и отправиться путем,

намеченным д-ром Петерманом, но, конечно, плавание будет продолжаться всю зиму, так как я не разделяю мнения Петермана о трех летних месяцах“.

Де-Лонг снова поехал в Англию и, тщательно осмотрев „Пандору“, которая была переименована в „Жаннету“, телеграфировал Беннетту, что предстоящий ремонт „Жаннеты“ и подготовка к экспедиции исключают возможность выйти в этом году. Было решено продолжать ремонт, а по окончании отплыть в Сан-Франциско и оттуда отправиться в экспедицию ранним летом 1879 года.

Выбирая путь через Берингов пролив, Де-Лонг основывался на следующих предположениях: теплые воды Японского течения могли открыть путь к полюсу; учитывался опыт китобойных судов, которые в этих областях дрейфовали к северу; отсюда Де-Лонг делал вывод, что течение идет в этом направлении и помогает достигать высоких широт.

Землю Врангеля, оказавшуюся небольшим островом, в то время считали обширным континентальным пространством. Предполагалось, что „Жаннета“ пойдет к северу вдоль побережья острова Врангеля. Когда же судно не сможет пробиваться во льдах, будет организована экспедиция на санях.

Доктор Петерман предполагал, что Земля Врангеля достигает полюса. Новизна пути заставляла ожидать, что экспедиция, если ей и не удастся разрешить основную задачу, во всяком случае обогатит науку новыми открытиями и наблюдениями. Детально обсуждался также вопрос о применении воздушных шаров.

В письме к Беннетту Де-Лонг, основываясь на собранных данных, указывал:

„Я отнюдь не рассматриваю воздушный шар, как способ достичь Северного полюса. От воздушного шара я жду только одного — возможности производить наблюдения с большей высоты. Один подъем может избавить от трудного продвижения в неправильном направлении“.

После встречи с профессором Кингом Де-Лонг писал Беннетту:

„Я пришел к заключению, что воздушный шар в арктических исследованиях нам не может пригодиться. Согласно подсчетам Кинга, для того, чтобы выдержать вес человека и каната на высоте 45 метров, понадобился бы шар диаметром в 6 метров 60 сантиметров. За время, нужное, чтобы выкопать уголь для газа (если бы нам удалось найти уголь на

Земле Врангеля), можно на санях или пешком подвинуться на 25 миль и достичь того места, которое будет видно при предполагаемом подъеме шара“.

В начале лета 1878 года ремонт и снаряжение „Жаннеты“ были закончены, и судно 18 июня 1878 года прибыло в Гавр, где простояло месяц, пополняя запасы.

В Гавре к Де-Лонгу присоединился в качестве одного из офицеров Даненовер, до того служивший на пароходе „Вандалия“. „Вандалия“ стояла в Смирне, откуда Даненовер, узнав о предполагаемой экспедиции, обратился к Беннетту с предложением своих услуг. С согласия Де-Лонга он был зачислен в число участников экспедиции. Джон Коль — боцман и Альфред Свитман — плотник, принятые в состав команды, имели уже опыт работы на Севере. Плавание из Гавра продолжалось 165 дней, и 27 декабря „Жаннета“ прибыла в Сан-Франциско.

Через месяц в Конгресс был внесен закон, уполномочивающий морского министра принять принадлежащее Джемсу Беннетту судно „Жаннета“ и использовать его для экспедиции к Северному полюсу через Берингов пролив; снабдить судно всеми материалами, необходимыми для арктического плавания; набрать команду для специальной службы на судне и оплачивать ее содержание, причем это содержание должно быть возмещено Джемсом Беннеттом Морскому департаменту.

Далее закон предусматривал, что судно будет подчиняться приказам и инструкциям Морского департамента и что „специально набранная“ команда должна подчиняться дисциплине, предусмотренной всеми правилами и всеми пунктами военного устава.

Наконец, в законе указывалось, что правительство Соединенных штатов не несет ответственности за все расходы, как уже произведенные, так и могущие предстоять в связи с экспедицией. На Беннетта возлагалась обязанность нести все расходы, все же права распоряжаться судном переходили к правительству.

Де-Лонгу приходилось тщательно следить, чтобы экспедиция была обеспечена всем необходимым и чтобы вместе с тем не производилось излишних расходов. Департамент назначил осмотр „Жаннеты“. Окончательное разрешение вопроса о пригодности судна зависело от морского министра. Де-Лонг считал необходимым лично представить министру необходимые пояснения.

О результатах своей встречи с министром Де-Лонг писал Беннетту из Вашингтона 20 февраля 1874 года:

„На просьбу принять меня последовало немедленное согласие. Министр заверил меня, что он заинтересован в удаче экспедиции, и высказал уверенность в нашем успехе. Как только Конгресс примет закон, уполномочивающий министра следить за снаряжением экспедиции, все необходимое будет сделано. „Вы будете, — заявил он, — назначены начальником экспедиции и тогда будете поступать всецело по своему усмотрению; вы получите такую команду, какую захотите. Равным образом снаряжение и снабжение судна будет происходить по вашим указаниям, и вам будет обеспечено всяческое содействие со стороны Морского департамента. При отплытии вам будут предоставлены все полномочия, коими располагают адмиралы, командующие флотом. Вы будете совершенно независимы и самостоятельны в своих распоряжениях и ответственны только передо мной. Вам будут также предоставлены все полномочия для поддержания дисциплины. Экспедиция должна удалиться“.

В речи, произнесенной 23 сентября 1882 года, морской министр Томпсон сказал:

— С первых дней подготовки экспедиции Беннетт настаивал перед департаментом на назначении Де-Лонга ее начальником. Морской департамент не мог провести этого назначения до тех пор, пока у него не было уверенности в профессиональных качествах Де-Лонга, в его мужестве, рассудительности и сильной воле. Все офицеры Морского департамента сходились в высокой оценке профессиональных достоинств Де-Лонга, и достаточно было нескольких встреч с ним, чтобы убедиться, что он обладает всем, что требуется от начальника экспедиции.

„Жаннета“ стояла в доке в Сан-Франциско, и Де-Лонг направил туда Даненовера для наблюдения за ходом работ. В инструкциях, данных Даненоверу, Де-Лонг между прочим писал:

„Департамент решил предоставить все материалы с тем, что оплачена будет только рабочая сила. Мы должны действовать так, чтобы расходы не были чрезмерны. Вам нужно будет сообщить коменданту, что вы прибыли с целью помочь работе и обеспечить оплату Беннеттом рабочей силы. Просите разрешить вам обратиться к конструктору, к главному инженеру и к офицеру по снабжению. Постарайтесь, поскольку возможно, уменьшить расходы. Посетите указан-

ных офицеров и просите их, чтобы они разрешили вам наблюдать за производимой работой. Так как они заняты другими важными делами и не могут входить во все детали, вы, не вмешиваясь в их распоряжения, как будущий участник экспедиции, хорошо знакомый с судном, наблюдайте за всеми подготовительными работами. Рабочие уже наняты департаментом, но если вы увидите, что их слишком много или что некоторые из них лентяй, — ваше указание без сомнения будет принято во внимание. Этот вопрос я должен представить вашему такту и осмотрительности. Мы все стремимся по возможности уменьшить расходы как правительства, так и Беннетта“.

Из письма Де-Лонга к Беннетту видно, какое значение он придавал инструкциям, данным им Даненоверу:

„Даненовер отправился в Сан-Франциско. Я дал ему подробные указания и внушил, что его задача — по возможности сократить расходы.“

Нет надобности, кажется, уверять вас в том, что я не отделяю ваших интересов от своих и так стараюсь уменьшить ваши расходы, как если бы мне самому приходилось их нести“.

Общий итог произведенных на „Жаннете“ работ излагается Де-Лонгом в письме, отправленном Беннетту уже после отплытия „Жаннеты“ из Сан-Франциско.

„Когда 30 мая я прибыл на судно, ремонт — вернее, переделки — был закончен, и новые котлы были на месте. Была надстроена новая палуба; судно было поставлено в док, проконопачено и выкрашено. Построен дом для зимнего пребывания команды и погружен в разобранный виде; сделана переносная обсерватория, зимние двери для кают, новые паруса и вся оснастка судна. Расширены угольные бункера и устроены новые, так что вместо прежних 89 тонн они вмещают теперь 132 тонны. Хорошо отремонтированы все машины, добавлены новые насосы, погружены инструменты и запасы, ружья, револьверы, аммуниция, хронометры, секстансы, компасы; большое количество канатов, парусины, плотничные инструменты.“

Все, чем располагал департамент, было в нашем распоряжении. Мне пришлось только добавить новый камбуз, койки для команды на баке и в кают-компании. Наконец, все было окончено, и мне передали судно. Я совершенно удовлетворен им, так как оно отвечает всем требованиям экспедиции, хотя „Жаннета“ несколько мала для всего,

Доктор Амблер

что я предполагаю взять с собою. Надо помнить, что до сих пор для такой экспедиции требовалось два судна. У нас имеется все необходимое для научных работ. Мы прекрасно снабжены всем, что требуется для плавания среди льдов, для астрономических исследований, для работ по исследованию магнетизма и тяготения и по естественно-научным вопросам. С хорошей командой, хорошим судном и хорошим питанием мы готовы ко всему“.

Большое значение имел выбор офицеров и команды. Мы уже говорили о лейтенанте Чиппе и Даненовере. С первым Де-Лонг сблизился во время экспедиции 1873 года, и дружба их никогда не прерывалась. Из Вашингтона 21 апреля 1879 года Де-Лонг писал Чиппу:

„Я не мог раньше написать вам и сообщить, как я рад вашему прибытию в Сан-Франциско и вашему согласию участвовать в нашей арктической экспедиции. Вы будете старшим офицером на судне и будете руководить работами до моего приезда. Я просил бы вас дать Даненоверу докончить все, что им было начато, и давать ему необходимые указания. Главным инженером у нас будет Мельвилль, и вы легко с ним сработаетесь“.

Мельвилль, назначенный главным инженером, плавал вместе с Де-Лонгом на „Ланкастере“. Департамент настолько ценил его, что очень неохотно согласился откомандировать на „Жаннету“.

Врачом на „Жаннету“ был приглашен доктор Амблер. Де-Лонг придавал большое значение выбору врача. Одно время предполагалось пригласить двух врачей. От кандидата на эту должность кроме основательных знаний в своей профессии, требовался большой опыт в плавании на судах и знакомство с условиями жизни моряков.

Лоцманом отправлялся Вильям Денбар, плававший на китобойных судах в Берингове проливе и севернее. Метеорологом Де-Лонг пригласил Джерома Коллинса из редакции „Нью-Йорк Геральд“, а натуралистом Реймонда Ньюкомба. К назначению этих двух лиц встретились некоторые препятствия, как это видно из письма морского министра Де-Лонгу от 26 мая 1879 года. „В ответ на ваше сообщение уведомляю вас, что я не могу делать назначений, касающихся гражданских лиц. Закон дает мне полномочие откомандировывать офицеров и назначать матросов. Ваши кандидаты не отвечают этим условиям. Если они согласятся на свое зачисление в качестве матросов, затруднения будут уstra-

нены. Во всяком случае, они должны будут подчиняться военной дисциплине“.

Де-Лонгу пришлось последовать указанию, и Ньюкомб и Коллинс были внесены в корабельные списки как матросы.

Команда судна подбиралась очень тщательно. В письме к лейтенанту Чиппу Де-Лонг указывал требования, которым должны отвечать кандидаты: „Холостые, совершенно здоровые, обладающие физической силой, умеющие читать и писать по-английски, не пьющие, веселые, первоклассные матросы, если можно, музыканты, предпочтительно норвежцы, датчане и шведы; избегайте англичан, шотландцев, ирландцев. Отказывайтесь совершенно от французов, итальянцев и испанцев.“

Стюард должен быть первоклассным; он может и не быть моряком. Повар тоже нужен умелый. Оплата — установленная для флота. Абсолютное и беспрекословное подчинение всем распоряжениям, каковы бы они ни были“.

Беннетт и Де-Лонг получали много писем, полных советов и предостережений. Один теоретик писал, что им предстоит открытие, которое по своему значению превзойдет открытие Америки Колумбом, так как, по его мнению, около 87 градусов широты они войдут в область тропической жары, источником которой служит центр земли. Другой был убежден в возможности установить для торговых целей постоянное сообщение между побережьем Тихого океана и Англией через Берингов пролив, Ледовитый океан, проливы Мельвилля, Ланкастера и Дэвиса и бухту Баффина. Этим путем можно будет пользоваться в течение всего лета, требуется только установка вех и маяков.

18 июня 1879 года Де-Лонг получил распоряжение морского министра. Ссылаясь на акты от 18 марта 1878 и 27 февраля 1879 года, морской министр писал:

„Как только „Жаннета“ будет вполне готова к отплытию, вы направитесь в Берингов пролив для выполнения порученного вам важного и опасного задания. Выполнение его департамент предоставляет вашему усмотрению и опытности, доверяя вам во всех вопросах, связанных с безопасностью судна, с дисциплиной, со здоровьем офицеров и команды и с неуклонным осуществлением поставленных перед экспедицией задач.“

Когда вы достигнете Берингова пролива, вам надлежит произвести в местах, где вы признаете это нужным, поиски сведений о судьбе профессора Норденшельда. Департаменту

не удалось получить подтверждение известия о его спасении. Если у вас будут основательные данные предполагать, что он в безопасности, вы будете продолжать свое плавание к Северному полюсу. В противном случае вы поступите так, как признаете необходимым для оказания ему помощи. Как только представится возможность, вы поставите департамент в известность о вашем местонахождении и обо всем, связанном с плаванием „Жаннеты“.

Томпсон, морской министр“.

Глава III

ОТ САН-ФРАНСИСКО К БУХТЕ ЛАВРЕНТИЯ

8 июля—27 августа 1879 года

Описание плавания „Жаннеты“ изложено на основании судового журнала, который вел Де-Лонг, и по записям, сделанным им после оставления судна. Кроме того, в нашем распоряжении были его письма, отправленные с пути к Берингову проливу.

Из дневника Де-Лонга

„Когда „Жаннета“ покидала Сан-Франциско, ее провожали яхты местного яхт-клуба и переполненные народом катера; на пристани теснились наши друзья, а телеграфный холм чернел людьми, взобравшимися туда, чтобы приветствовать нас и пожелать нам благополучного пути.

Суда, мимо которых мы проходили, салютовали нам. Крики, свистки и выстрелы с яхт гудели в воздухе.

Когда мы проходили мимо форта, нас встретили салютом в 21 выстрел, а гарнизон с одушевлением приветствовал „Жаннету“.

За кормой виднелась шхуна „Фанни Гайд“ — наш спутник — с 100 тоннами угля и с припасами, которые мы не могли взять на борт. Эту шхуну пришлось зафрахтовать в виду отказа Морского департамента отправить вместе с нами до Аляски военный корабль.

Надо добавить, что никто из морских офицеров не участвовал в наших проводах, хотя военные суда „Аляска“, „Тускарара“ и „Алерт“ находились в 25 милях, а буксирный пароход „Монтерей“ — в самой гавани Сан-Франциско.

„Монтерей“ через 15 минут пересек нам кильватер, не дав даже прощального свистка. У морского бакана мы расстались

с провожавшими нас друзьями. Они повернули к Сан-Франциско, и еще долго слышались их приветственные крики и свистки. Пока они не скрылись из виду, мы видели, как они салютовали нам.

Мы взяли курс на западо-северо-запад; легкий попутный ветер, скорость три узла. Распределил матросов на две вахты, по четыре часа каждая. Обязанности вахтенных офицеров были возложены на Денбара, Джона Коль и Вильяма Ниндеманна.

9 июля. В 19 часов 30 минут скрылись огни гавани. В 21 час подняли паруса на носу и на корме, а в 23 — все остальные. Сильный северо-восточный ветер, волны перекачивались через борт. Судно имеет очень большую осадку: 3 метра 50 см — нос и 4 метра — корма.

Туманно, временами дождь.

13 июля. В 10 часов осмотрел судно. Все в порядке, всюду чисто. Прочел военный устав и произвел смотр команды. Ясный приятный день, море спокойно“.

Из письма к жене

„На море, широта $38^{\circ}13'$, долгота $132^{\circ}02'$ З. в 450 милях к западу от Сан-Франциско. 13 июля 1879.

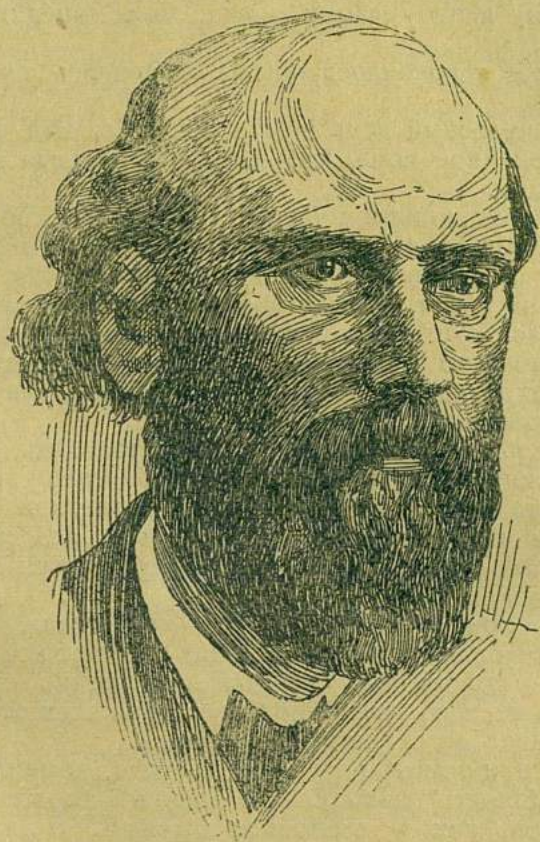
Вот мы и на пути к полюсу.

Первую ночь после отплытия почти совсем не было ветра, и мы медленно продвигались со скоростью четырех узлов в час. Однако на следующее утро поднялся северо-западный ветер, быстро усиливаясь. Я распустил паруса. Так как мы сильно нагружены, волны стали перекачиваться через борт во всех направлениях, и судно начало качаться и барахтаться, как свинья.

От дождя и тумана все и внутри и снаружи стало влажным, и я чувствовал себя более неуютно, чем когда-либо в плохую погоду в Тихом океане.

Коллинс и Ньюкомб страдали от морской болезни и в течение трех дней имели самый жалкий вид. Та же участь постигла повара, и нам пришлось шарить по всему судну, чтобы достать что-нибудь поесть.

На эти три дня наш повар куда-то исчез. Наконец доктор нашел его. Повар походил на тень; его длинная коса распустилась и развевалась по ветру, и перед нами стоял воскресший покойник. Хлороформ несколько подкрепил беднягу, и, чтобы заставить его быть на воздухе,

Джордж Мельвилъ

ему велели взяться за штурвал. Я, по правде, опасался за его жизнь. Надо было видеть, как судорожно он хватался за штурвал, когда судно начинало качать или когда волны разбивались на палубе. По его глазам, выходявшим из орбит, по прижатому к небу языку можно было представить его мучения.

Вчера море успокоилось, погода изменилась, и все повеселело.

Сегодня чудесный день, яркое небо, легкий восточный ветерок, спокойное море. Казалось, что никогда и не было плохой погоды.

Судно тоже в полном порядке. Правда, мы продвигаемся медленно, делая 4 и $4\frac{1}{2}$ узла, сжигая ежедневно около 5 тонн угля. Наше медленное продвижение вызывается глубокой осадкой судна и тем, что его задерживала мертвая зыбь. Последние 24 часа дует легкий норд-ост,—мы прошли 180 миль. Так как ежечасно наш уголь убавляется, судно становится более легким, и я рассчитываю через день или два идти со скоростью 6 узлов.

У нас удобная, сухая каюта. Я испытал печь, чтобы высушить одежду; печь дает много тепла и требует немного угля. Команда также, повидимому, удовлетворена баком, очень сухим и удобным. Палуба, конечно, все время оставалась мокрой. Мы еще не могли ничего сделать, но постепенно что-нибудь устроим.

Теперь о моих спутниках. Чипп, как всегда, спокоен и бодр. Он постоянно чем-нибудь занят и делает все спокойно, уверенно и методически. Он молчалив, редко смеется, но я знаю, что на него можно положиться во всех отношениях. Он уже привел на судне все в порядок.

Сегодня при осмотре судно было чисто, команда опрятно одета, и „Жаннета“ походила на военный корабль.

Даненовер, как и следовало ожидать, отлично справляется со своей работой и умело ведет судно. Мельвилль не изменяет его обычное веселое настроение. Он за столом сидит слева от меня и помогает разрезать и раздавать блюда.

У нас два дня тому назад сломалась штанга насоса. Многие инженеры в таком случае задержали бы судно на несколько дней или потребовали бы возвращения. Но Мельвилль спокойно заявил: „Ну что же, пойдем и без штанги, а когда дойдем, я сделаю вам 50 штук“. Думаю, он сумел бы из ободьев бочек соорудить целую машину. Такие, как он, обеспечивают успех экспедиции.

Он и доктор Амблер во многом похожи друг на друга. Доктор никогда не теряет бодрости. Во время плохой погоды он все время обходил судно, подбадривая Коллинса, Ньюкомба и китайца-повара. Бедный Коллинс чувствовал себя так плохо, что ему было не до шуток. Сейчас ему лучше, и он снова готов шутить.

Ньюкомб полон выдержки. Он с нетерпением ждал того момента, когда сможет приступить к своим занятиям. Поймал альбатроса в 213 сантиметров и выпотрошил его, чтобы набить чучело. Он прекрасно знает свое дело, каждую деталь; добродушно относится к подтруниванию и отвечает такими же шутками. Хотя его помещение и мало и все заполнено инструментами, он чувствует себя превосходно.

Денбар важен и серьезен; часто говорит о плаваниях в южных морях, много знает, и от него можно будет узнать много полезного.

Коль и Свитман такие же, как всегда. Коль выстаивает вахты, наблюдает за горизонтом и за появлением ветра.

На Свитмане лежит наблюдение за нашими запасами, и он ведет с Даненовером длинные разговоры о мерах и о весах.

Наш стюард обладает способностью находить предметы, как бы тщательно они ни были запрятаны. Кажется, нет пищи, которую он не нашел бы и не доставил нам. Вчера он разыскал прекрасный сыр, который я достал на зиму. Он отрезал громадный кусок и подал нам к обеду вместе с пирогом. Он никак не может понять, почему при таком обилии запасов на судне нам надо быть экономными.

На вахте стоят Коль, Денбар и Ниндемани. Ниндемани неутомим, как лошадь. На-днях решетка люка упала и почти оторвала ему мизинец; доктор наложил шов, и он продолжал свою работу, как будто ничего не случилось.

Повар на высоте, — готовит все очень вкусно, только не умеет готовить кофе.

У нас первоклассная команда, жизнерадостная и веселая. Каждый вечер у них пение и даже музыка. Столько хороших голосов, что можно было бы составить хор во главе с Коллинсом.

Относительно себя могу сказать: я знаю, что участвую в большом предприятии, и не хотел бы от него отказаться. Я сознаю, насколько успех зависит от меня и от моего руководства".

Из дневника

„20 июля. В 10 часов осмотрел судно. Сообщил команде о намерении Беннетта в будущем году следовать за нами и о том, что он позаботится о наших близких, если что-нибудь с нами случится. Мое сообщение было выслушано всеми с чувством удовлетворения“.

Из письма к жене

„29 июля. Мы в 300 милях от Уналашки. С 13-го дул почти постоянный встречный ветер, в редких случаях попутный, но он был слишком слаб, чтобы помочь нам. Поэтому мы идем очень медленно, почти каждый день туман и дождь“.

Из дневника

3 августа. Уналашка.

Наконец мы здесь. Прибыли вчера после полудня; два дня блуждали в густом тумане среди сотен островов, из которых не все нанесены на карту. Мне еще не приходилось встречаться с таким трудным плаванием, как наше. Густые туманы и приливы затрудняют плавание. Никогда не удавалось видеть в каком-либо направлении дальше, чем на три мили, и то на несколько минут.

Определять местонахождение судна не удавалось: когда можно было видеть солнце, нельзя было наблюдать горизонт и приходилось идти вслепую, ощупью. Здесь мы остаемся до 6-го и отсюда пойдем прямо к острову Михаила, не заходя на остров Павла. Мы застали пароход „Св. Павел“, направляющийся отсюда в Сан-Франциско. С ним пойдут наши письма и посылки; здесь стоит один таможенный катер и шхуна „Св. Георгий“.

Пароход „Св. Павел“ только что покинул острова Павла и Михаила. На борту 100 000 тюленьих шкур, принятых с острова. Стоимость этого груза — миллион долларов. Я предполагал остановиться на острове Павла, чтобы достать там тюленьи шкуры и вручить корреспонденцию агентам компании „Аляска“. Но оказывается, здесь я смогу получить шкуры и передать почту агентам компании, приехавшим на „Св. Павле“. Я очень доволен, так как смогу отплыть к острову Михаила 13-го и прибыть туда 16-го.

По полученным мною сообщениям море свободно от льдов. Таможенный катер доходил на север до Восточного

Ньюкомб

мыса, нигде не встретив льдов. Катер не приставал ни к Восточному мысу, ни к какому-либо пункту на сибирском побережье и не останавливался севернее острова Михаила. Там нас ожидают наши собаки; сани и меховая одежда уже на месте. Шхуна „Фанни Гайд“ еще не прибыла.

О Норденшельде нет никаких сведений. Капитан таможенного катера предполагает, что Норденшельд давно уже прошел к югу, иначе он остановился бы в бухте Лаврентия. Рассчитываем, что пока дойдем до острова Михаила, вопрос этот выяснится.

4 августа. Уналашка — очень красивое место.

Прекрасная гавань, и пребывание здесь было бы приятно, если бы не мучили москиты. За две прошлых ночи я имел не больше часа покоя. Вчера я лег спать в 22 часа, но до 4¹/₂ часов не мог сомкнуть глаз. Убивал их дюжинами. Я искусан с ног до головы. Занавески задерживали их лишь на короткое время. Пришлось бить москитов туфлями направо и налево, и только в 4¹/₂ часа я заснул измученный и усталый.

Кстати, здесь нет ни одной белой женщины.

5 августа. „Св. Павел“ отбыл сегодня в 3 час. 30 мин. с моими письмами и посылками. Я получил от агента торговой компании в Аляске целый ряд предметов, за которые агент компании Гринбаум отказывается получить плату; я хотел уплатить за погруженный уголь, но Гринбаум отказался, ссылаясь на полученные им инструкции.

Весь склад был предоставлен в наше распоряжение; нам было прислано много меховой одежды — пальто из оленьих шкур и перчатки; нам доставили сушеную рыбу для собачьего корма и 25 шкур молодого тюленя для одеял, ковров и настилов. Гринбаум дал мне прекрасную доху из тюленьей шкуры и большой халат, подбитый птичьими перьями.

Когда мы снялись с якоря, все провожали нас. Кроме салюта флагами в нашу честь был произведен залп из трех небольших пушек, стоящих перед помещением компании. Все желали нам счастливого плавания.

В первый день дул встречный ветер, но на следующий — мы имели легкий ветерок, который постепенно засвежел, так что мы сделали в первые 24 часа 173 мили и во вторые 136 миль. Затем направление ветра переменялось, и мы снова идем с прежней скоростью в 4 узла.

12 августа 1879 года. Остров Михаила. Пришли сюда в 10 часов. Плавание было не такое трудное, как к Уналашке, так как не было туманов, хотя оно осложнилось ме-

ями и отсутствием хороших карт. Наша шхуна с углем еще не прибыла; о Норденшельде нет никаких известий. Нас встретил агент компании, которому мы передали письма. В этом году он не имел никакой связи с бухтой Лаврентия, и сведений у него было не больше, чем у нас.

Меня смущает отсутствие нашей шхуны и полная неизвестность о судьбе Норденшельда. Недостаточное количество угля не дает мне возможности продолжать путь, и я вынужден тратить время на ожидание. Приходится также идти в бухту Лаврентия, чтобы узнать, наконец, о Норденшельде. Если там мы не получим сведений, придется пробиваться вдоль северного побережья Сибири, пока не станем на зимовку. А между тем уходит благоприятное время, когда мы могли бы дойти до Земли Келлетта и продвинуться к северу. Здесь имеется только 10 тонн угля, но он будет необходим зимой.

У меня возникла мысль дойти до бухты Лаврентия, разузнать о Норденшельде, а затем вернуться, чтобы встретить нашу шхуну. Но для этого пришлось бы дважды проделать тот же путь и сжечь двойное количество угля, а этого мы не можем себе позволить; затем я предполагал дать шхуне распоряжение идти вслед за нами, но и эту мысль пришлось оставить и выжидать прихода шхуны.

Я задал работу всем местным жителям: шить нам одежду; меня утешает сознание, что мы не теряем зря времени. Наши собаки и упряжь готовы. Собаки — славные животные; молодые и резвые, они приветливо встретили меня, когда я посетил их на берегу.

Это жалкое место; не считая местных жителей, здесь четыре человека и ни одной белой женщины.

Между всеми моими спутниками царит полное согласие. Чипп невозмутим, как всегда. Он теперь устраивает новый камбуз вместо старого. Даненовер ведет судовой журнал и занимается подсчетами наших запасов. Мельвилль — настоящее сокровище. Как инженер он несравним. Всегда веселый и жизнерадостный, всем довольный, он вносит бодрость одним своим присутствием. Он хорошо поет, никогда не беспокоится о будущем и готов ко всем случайностям; у него всегда находится для каждого слово привет. Доктор Амблер попрежнему весел и стойко переносит морскую болезнь.

У нас много свежего картофеля и брюквы, палуба завалена мешками с картофелем. Кроме того, в Уналашке мы достали целого барана, а также свежей говядины.

Коллинс целый день преследует нас своими шутками. Как-то мы решили не обращать на них внимания; когда он преподносил их, мы смотрели на него невинными и вопрошающими взглядами, как дети, и по два, по три раза просили объяснения. Наконец, он заявил нам, что по мере продвижения от Сан-Франциско наши умственные способности соответственно слабеют.

Я с своей стороны делаю все, что могу, чтобы добиться доверия и уважения моих спутников, и, кажется, мне это удастся. Я стараюсь мягко, но настойчиво поправлять все ошибки и никогда не выхожу из равновесия. Я сознаю свою ответственность и учитываю, как трудно руководить людьми моего возраста.

18 августа. Полдень. Только что прибыла наша шхуна и ошвартовалась у нашего борта. Скоро начнем погрузку угля и припасов. Последние шесть дней мы с нетерпением поджидали ее и на опыте испытали, как болит сердце от напрасного ожидания.

Теперь мы по горло заняты работой, так как отплытие к бухте Лаврентия назначено мною на утро 21-го. Если будет попутный ветер, мы сможем не тратить уголь, пока не пройдем Берингова пролива.

Мы постараемся разыскать Норденшельда и достичь Земли Келлетта прежде, чем застрянем во льдах.

Не могу не похвалиться нашей командой. Все веселы, хорошо настроены, на все готовы. Никаких ссор, все живут дружной семьей и вполне сознают, что я делаю все возможное для их удобства. И, действительно, им совсем не плохо живется. У них легкая работа, хорошие питание и одежда, и они, повидимому, довольны. Мы ловим неводом семгу и камбалу в таком количестве, что почти ежедневно едим свежую рыбу. Когда нам удалось достать гусей и уток, мы значительную часть выделили для команды. Когда гусей и уток нет, мы все едим консервированное мясо. Повар хорошо готовит и печет хлеб, не надо только придавать значение случайно попадающимся волоскам или соломе. Буфетчик вполне удовлетворителен, но мальчик-китаец — ненужный балласт. Ни за что не оставлю его. Он не понимает и не говорит по английски и своей глупостью уже довел меня до бешенства. Совершенный ребенок и очень кроткий. Он с улыбкой проливает воду, бьет тарелки и натывается на людей. Нашему стюарду-китайцу он доставляет только лишние заботы.

Из наших мехов на берегу уже изготовлена одежда, и у нас в самом деле превосходное снаряжение. Агент здешней компании Ньюманн преподнес мне полный комплект меховой одежды и настаивает, чтобы я взял его винчестер с боевыми патронами, хотя я и возражаю, так как у нас на судне четыре таких ружья. Но никакие протесты не помогают, и, чтобы его не обидеть, придется взять его ружье. Я организовал отряд охотников в составе Мельвилля, Коллинса, Денбара и доктора и отправил их на паровом катере. С собой они взяли палатку. Всю ночь их не было. Подстрелив около дюжины уток, они вернулись утром окоченевшие, жалуюсь на боль от спанья на земле.

21 августа. Очень хлопотливый день.

В час начали принимать от Ньюманна следующий груз: меховое обмундирование, 40 собак, 5 саней для собак, 40 пар собачьей упряжи, выдубленные тюленьи шкуры, бобровые шкуры, 12 спальных мешков, 69 пар сапог из тюленьей кожи, 7 пар сапог из оленьих шкур, 22 пары непромокаемых сапог, 78 пар шерстяных носков, 13 выделанных шкур, 2 выделанные волчьи шкуры, 52 двойные беличьи матросские куртки, 20 ординарных таких же курток, 4 легких беличьих куртки, 3 шкуры речного оленя, 50 пар брюк из оленьей шкуры, 12 пар брюк на тюленьем волосе, одну неотделанную шкуру, 4 выделанных бобровых шкуры, 1 байдарку, 92 килограмма сгущенного собачьего корма и т. д.

Готовая одежда была изготовлена из шкур, а 10 одеял мы отправили на берег по приходе.

Нам нужен переводчик для сношений с жителями Сибири, желательно также, чтобы он был знаком с управлением собачьими упряжками. С этой целью я пригласил двух туземцев—Алексея и Анегина. Алексей говорит по-английски и даже умеет немного писать.

Условия найма таковы: Алексей будет ежемесячно получать 20 долларов и полное снаряжение стоимостью до 50 долларов, а по окончании срока найма получит ружье с 1000 боевых патронов. Торговая компания в Аляске во время отсутствия Алексея будет выдавать его жене продукты стоимостью до 5 долларов в месяц. Анегину назначено по 15 долларов в месяц, такое же снаряжение, а его мать во время его отсутствия будет получать ежемесячно продукты на 5 долларов. Мы принимаем также на себя полное содержание Анегина и Алексея до их возвращения на остров Михаила. Сегодня они оба прибыли со мной на судно.

Алексея сопровождала жена, ребенок и предводитель его племени. Мы подарили жене китайскую чашку и блюдо, а мальчику свистульку. Я просил Ньюманна выдать предводителю из склада подходящий подарок. В 18 час. 30 мин. мы простились с Ньюманном, в 19 часов развели пары и отплыли; нас приветствовали выстрелами, мы отвечали паровым свистком.

Из письма Де-Лонга

22 августа. В море. Я изменил все свои планы. Когда 20-го мы грузили уголь и припасы, я выяснил, что на шхуне на 100 тонн больше угля, чем мы могли бы здесь забрать. Я решил, что это количество может компенсировать уголь, который уйдет во время нашего плавания в бухту Лаврентия, и лучше его иметь там, чем оставить на острове Михаила. Погрузка угля и припасов была приостановлена, и вчера в 7 часов мы отплыли к бухте Лаврентия. Шхуне дано распоряжение следовать за нами, и она завтра уйдет и, без сомнения, прибудет одновременно с нами, так как она сидит неглубоко, а у нас очень большая осадка. Море тихо, как зеркало, и мы хорошо идем. Расстояние лишь 300 миль, и я рассчитываю пройти его в два с половиной дня.

25 августа. Бухта Лаврентия. Утром 23-го погода предвещала шквал. Надо было или возвратиться, или идти вперед. Не желая возвращаться, я предпочел последнее. Когда мы вошли в Берингов пролив, ветер засвежел, и мы шли со скоростью 5 узлов. Глубины здесь настолько малы, что очень быстро появляются мадальные волны; они со всех сторон накатывались на борт. Мы замедлили ход. Но скоро разыгрался сильный шторм, и нам пришлось туго.

Шторм длился около 30 часов; затем шторм стал затихать, что дало нам возможность продвигаться далее, и сегодня мы достигли бухты. Во время шторма третьего дня сильная волна разбилась на борту, ударила у моей каюты и, проломив иллюминатор, совершенно затопила мое помещение; я дремал в кресле; внезапно меня залила волна, и осыпало осколками стекла; все мои вещи поплыли.

Наши собаки бродят по палубе; каждые пять минут у них начинается свалка; кажется они вполне довольны своей судьбой. Всего у нас 9 саней для собачьих упряжек, — 5 с острова Михаила и 4 привезенных мною из Англии. Кроме того, я достал здесь три бота.

Нанятые два туземца оказались очень приличными, толковыми и, странно сказать, чистоплотными людьми. Они живут вместе с командой, и пока их обязанность состоит в том, что они кормят и поят собак. Собаки без устали дерутся между собой, и, пока их не прибьешь, от них нет покоя. Я рассчитал мальчика-китайца и перевел его на шхуну, на которой он отправится обратно в Сан-Франциско. Он перешел на шхуну со своей неизменной детской кроткой улыбкой; он философски отнесся к неизбежному.

Бухта Лаврентия напоминает Магелланов пролив. Вершины гор, достигающие 600 метров, покрыты снегом, бухта прекрасная и пустынная. Единственный признак жизни — несколько грязных жителей, которые облепили судно и просят хлеба.

Вождь местных жителей, называющий себя Георгием и часто упоминающий о капитане Коган, рассказал мне на ломаном английском языке о том, что прошлую зиму во время одного из своих путешествий он видел судно, замерзшее в Колючинской бухте. На мои вопросы, был ли он на судне, я не мог добиться удовлетворительного ответа; он то отвечал „да“, то — „нет“. Он легко показывал на карте Колючинскую губу, Восточный мыс и острова Диомиды. По его словам, три месяца тому назад судно, которое он видел в Колючинской губе, находилось на северной стороне при входе в бухту Лаврентия, которая в то время была забита льдом. Судно было меньше „Жаннеты“. На этот раз он несомненно был на борту судна. Команда состояла из 25 человек. Капитаном был старик с седой бородой, не говорящий по-английски. На борту находились два офицера, говоривших по-английски, и третий офицер, русский, говоривший прекрасно на языке чукчей. На вопрос, знает ли он имя офицера, последовал ответ „да“, его имя „Хорпиш“. Просмотрев список офицеров, сопровождавших Норденшельда, я нашел лейтенанта Нордквист, офицера русского флота, и возможно, что с ним и говорил вождь. Хорпиш рассказал, что судно шведское, прозимовало в Колючинской губе и теперь идет на родину. У них не было меховой одежды, и они дрожали от холода. Вождь показал мне путь парохода от Колючинской губы к бухте Лаврентия и к островам Диомиды, а оттуда к югу вдоль побережья Камчатки. Пароход оставался только до следующего дня, а затем отплыл; на нем было много угля. Более точным определением времени, чем „три месяца тому назад“, служит указа-

ние, что пароход прибыл через неделю после ухода капитана Когана. До нашего прихода в бухту Лаврентия других судов здесь не было.

Вот итог всех моих расспросов, и ничего больше я не мог добиться. Продолжительное отсутствие сведений о Норденшельде я объясняю тем, что все расстояние до Японии Норденшельд должен был проплыть на парусах; но это только предположение. Сойдя на берег, я бродил по песчаной морской косе, называемой островом Литке. Здесь и там скелеты китов, кости моржей. Я видел что-то напоминающее могилу с девятью небольшими камнями, уложенными в песке.

Когда якорь был отдан, мы видели много плавающих вокруг нас уток. Повидимому, эта песчаная морская коса служит им местом отдыха. Но наше судно и мы сами спугнули их, так что на острове мы не нашли ни одной утки. В середине косы находился небольшой пруд, куда слетались птицы, и Ньюкомбу удалось подстрелить несколько штук. Здешние жители влачат самое жалкое существование. Их около двенадцати семейств.

27 августа. Вчера вечером пришла наша шхуна, и теперь мы грузим остаток угля и припасов и отплывем сегодня в 19 часов. Погода прекрасная, легкий южный ветер, тихое море, и я спешу выйти в море.

Я пришел к выводу, что „вождь“ видел судно Норденшельда. На мою телеграмму к морскому министру с запросом, можно ли положиться на сведения о шведской экспедиции, мне предложили обратиться к нашему министру иностранных дел, который снесся с нашим послом в Стокгольме.

Последние известия о Норденшельде указывали, что он был у мыса Сердце-Камень, в 130 милях отсюда; там имеется поселение. Я решил отправиться туда, чтобы выяснить; если подтвердится, что шведы там были и ушли, я пройду до Земли Врангеля; если же нет, я пойду наугад, пока не найду место, где они зимовали. У нас почти 160 тонн угля, много припасов, мы сможем еще долго плавать. Выходя в море, я выведу шхуну из гавани на буксире. Я дал капитану шхуны 50 долларов. Он добросовестно нас обслуживал. С ним идет наша почта, а также наш улыбающийся мальчик-китаец.

Глава IV

ДРЕЙФ ВО ЛЬДУ ОТ ОСТРОВА ГЕРАЛЬДА

27 августа—30 сентября 1879 года

Из дневника

27 августа. В 19 час. 35 мин., взяв шхуну на буксир, мы оставили бухту Лаврентия. В 21 час. 30 мин. мы расстались со шхуной; она направилась на юго-восток при северо-восточном ветре, а „Жаннета“, взяв курс северо-северо-восток, пошла к Берингову проливу.

28 августа. С утра, как обычно, встречный ветер, усиливающийся по мере нашего приближения к Берингову проливу. Дул северо-северо-восточный ветер, густой туман укутывал горы на азиатской стороне пролива. К югу от Восточного мыса, близко к берегу, виднелась шхуна, державшая курс к югу. Когда мы подняли наш кормовой флаг, шхуна нам ответила. Судя по марсу на топмачте, это был американский китобойный вельбот. Ветер дул сквозь пролив, как через дымоходную трубу, и, когда мы прошли пролив, ветер вместе с нами переменял направление на запад, а затем на северо-запад. Температура верхнего слоя воды была от 4 до 7 градусов выше температуры воздуха, он я не мог обнаружить течения, хотя были все основания предполагать, что более теплая вода течет к северу.

29 августа. Еще до выхода из бухты Лаврентия я решил дойти до мыса Сердце-Камень, чтобы получить сведения о Норденшельде. Когда мы были в Сан-Франциско, я узнал из газет о его проходе через Берингов пролив. Морской департамент на мой телеграфный запрос о достоверности этих сведений сообщил мне копию телеграммы нашего посланника в Стокгольме.

„По последним сведениям, был в Сердце-Камень, должен был отплыть в мае“.

Кроме того, мною была получена телеграмма от Сибирякова из С.-Петербурга с просьбой передать бумаги Сенгстеке, капитану судна „А. Е. Норденшельд“, снаряженному Сибиряковым для поисков „Веги“.

Все это побудило меня зайти в Сердце-Камень, чтобы проверить сведения, собранные мною в бухте Лаврентия.

Очень трудно определить, какой именно мыс — мыс „Сердце-Камень“, так как земля к северу и западу от Берингова пролива крайне неопределенно описана и очень неточно обозначена на картах. В полдень не удалось определить широту и долготу, и я не знаю точного нашего местонахождения.

В 16 часов я обнаружил окруженную холмами бухту, на левой стороне которой на высоком откосе виднелись яранги;¹ справа впереди, у самого берега, также были разбросаны яранги. Как раз выглянуло солнце, и Даненовер, пользуясь известной уже широтой Сердце-Камень — $62^{\circ}12'$, определил и долготу. Бухта идет к северу и к югу, ширина ее при входе около 7 миль; ее окружают красивые горы. Края бухты были обрамлены глыбами льда, мягкого и талого. Длина ее около 4 миль. Я осторожно входил в нее, не прерывая промеров, и в 17 час. 10 мин. бросил якорь. Судно оставалось под парами, так как свежий северо-западный ветер, неспокойное море и каменистое дно делали причал ненадежным.

Когда команда поужинала, я в сопровождении лейтенанта Чиппа, Даненовера, Коллинса и Алексея на китобойном боте направился к поселку на берегу бухты, захватив следующее сообщение, адресованное капитанам судов, которые зайдут в Сердце-Камень:

„29 августа 1879 года.

„Пароход „Жаннета“ прибыл сюда в 17 часов с целью собрать сведения о шведской исследовательской экспедиции, возглавляемой профессором Норденшельдом.

Мы достигли бухты Лаврентия 25-го сего месяца и узнали там от туземцев, что какой-то пароход, перезимовавший в Колючинской губе, прибыл в бухту Лаврентия и оставался там один день, а затем за три месяца до нашего прихода отбыл на родину, следуя вдоль Камчатского побережья.

Капитан судна был старик с седой бородой, не говоривший по-английски. Два офицера говорили по-английски.

¹ Яранга — чукотское жилище.

Кроме них на борту находился русский офицер, хорошо владевший языком чукчей.

Туземцы беседовали с этим офицером, по фамилии Хорпиш, и, по его словам, пароход был шведский и направлялся на родину после зимовки в Колючинской губе.

Мы ушли из бухты Лаврентия 27 августа в 19 часов и прибыли сюда, так как, по последним сведениям, здесь был Норденшельд.

Кроме того, мы выполнили просьбу Сибирякова из С.-Петербурга, просившего оставить здесь бумаги для Сенгстеке, капитана парохода „Норденшельд“, который в настоящее время идет сюда из Европы.

Все мои офицеры и команда здоровы, и мы предполагаем сегодня ночью отплыть через Колючинскую губу к Земле Врангеля. Просьба сообщить эти сведения о нас морскому министру Соединенных штатов в Вашингтон.

Де-Лонг

лейтенант флота Соединенных Штатов, начальник американской арктической экспедиции

Я сделал попытку высадиться, но из-за движущегося льда высадка на берег оказалась невозможной. Около получаса продолжались наши попытки, наконец мы заметили, что жители селенья собираются подъехать к нам. Им удалось выбраться, но, к нашему огорчению, мы не могли понять друг друга. Мы повернули обратно к „Жаннете“ и знаками приглашали жителей следовать за нами. Предводитель, плотный, довольно красивый человек, с видом собственного достоинства сидел в байдаре. На нем был яркокрасный плащ и суконная кепка, которая, очевидно, когда-то попала сюда из цивилизованного мира. Но и на судне нам не удалось объяснить предводителю и его людям, что нам нужно. Целый час мы бились, подкрепляя наши слова пантомимой и показывая им карты, но в конце концов нам пришлось оставить попытки; наши гости отплыли на берег. Я не мог примириться с этим и решил, дождавшись утра, отправить Чиппа, чтобы он попытался высадиться и поискать на берегу следов пребывания белых людей.

30 августа. В 15 часов лейтенант Чипп с Денбаром и Коллинсом снова отправились на берег в китобойном боте. На этот раз им удалось высадиться, и поиски привели к удовлетворительному результату.

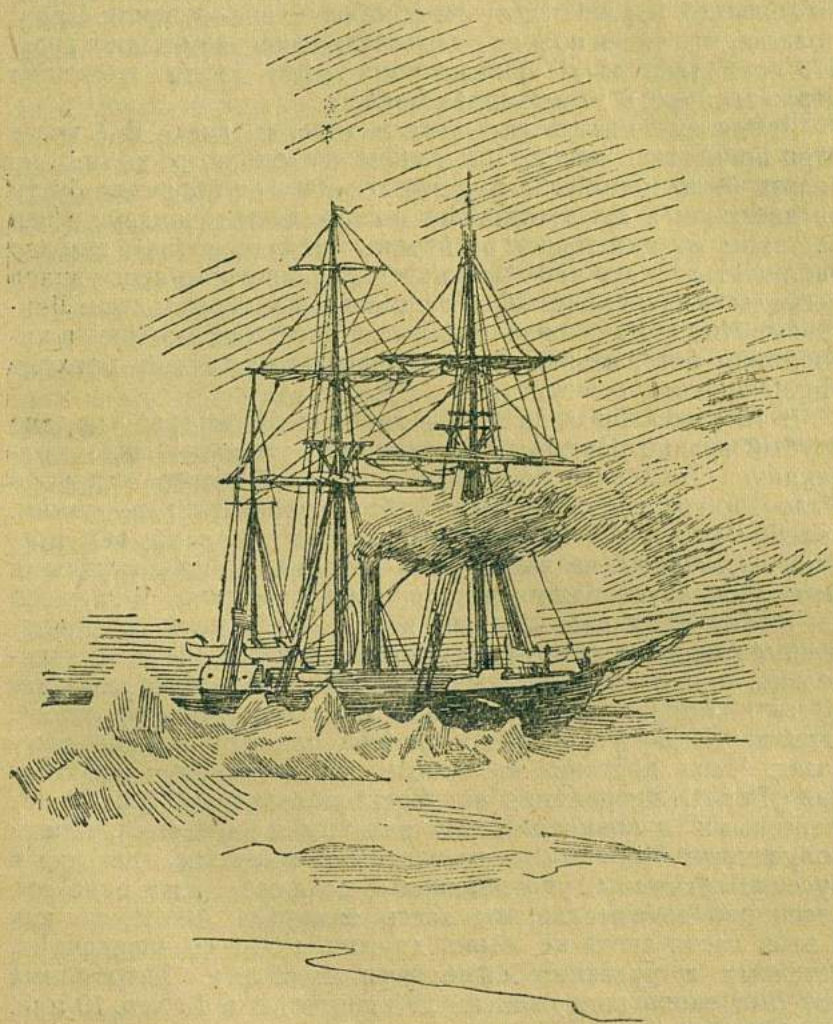
Зайдя в хижину вождя, они снова безуспешно пытались объяснить ему, что им нужно. Кому-то пришла счастливая мысль привести старую туземку, которая приехала откуда-то с острова Короля; оказалось, что Алексей и она понимают друг друга. Тогда все пошло гладко. Со всеми подробностями был повторен рассказ, уже выслушанный нами в бухте Лаврентия. „Хорпиш“ и здесь был также хорошо известен. Вслед за Коллинсом к нам на „Жаннету“ прибыл вождь со своей свитой, среди которой была и старуха. Мы снова прослушали всю историю с добавлениями, что судно замерзло на восточном берегу Колючинской губы, где был построен дом (обсерватория). При отплытии судна дом разобрали и увезли. Никаких имен или дат мы не добились, за исключением неизбежного „Хорпиш“.

Если бы Норденшельд оставил здесь или в бухте Лаврентия какую-нибудь записку, было бы устранено много неясностей. Но так как он не знал, как тревожатся за его судьбу в Европе и Америке, то отсутствие записки неудивительно.

Колючинская губа расположена на нашем пути, и я решил туда зайти. Я убедился, что вождь понимает, что составленное мной вчера сообщение необходимо предъявить каждому зашедшему в бухту судну. Вождь получил от меня в подарок морскую фуражку с лентой, на которой яркими золотыми буквами было изображено название нашего парохода. Он так гордится своим подарком, что, несомненно, будет показывать его всем иностранцам. В фуражку была заклеена написанная Коллинсом и подписанная мною записка о нашем путешествии.

Подарили вождю табак, чай и хлеб, но отказали ему в его просьбе дать ром. Старухе с острова Короля дали иголки. Нам подарили семгу и оленьё мясо. В 6 часов подняли пары и отплыли. В 10 часов к нам приблизилась байдарка от другой группы хижин, расположенных у западного мыса бухты. Мы не могли понять их, но, повидимому, им нечего было нам сообщить. Оставив их, мы продолжали свой путь. Туман с полдня до полуночи, северо-западные и северные ветры.

31 августа. Всю ночь судно шло на запад. К 5 часам мы настолько продвинулись, что должны были дойти до восточного берега Колючинской губы, и, действительно, показалась земля, простирающаяся к востоку и западу. Сплошная масса старого льда простиралась на 5 миль от

„Жаннета“ во льдах.

берега; была видна также полоса чистой воды в форме дымоходной воронки с острием, обращенным к земле. Предполагая, что такая полоса вызывается впадением реки в губу, что совпадало и с показаниями моей карты, я решил держать курс в этом направлении.

Временами метель скрывала землю из глаз. В 7 часов утра показались яранги на гребне небольшого холма, но нельзя было подойти к берегу, так как лед обрамлял бухту на две мили и наша открытая полоса оказалась замерзшей на таком же расстоянии от берега. Немного позднее с моего наблюдательского пункта на марсе я совершенно ясно увидел несколько яранг. В 8 часов судно стало у кромки льда. Лейтенант Чипп, Даненовер и Алексей снова отправились в китобойном боте, чтобы убедиться в благополучном проходе Норденшельда к югу.

В 10 часов бросили лот — глубина 28 метров; на дне грубый гравий. Ньюкомб (натуралист) увеличил свою коллекцию несколькими большими чайками. С нашего парохода было видно, как китобойный бот пробивается по узким, полосам воды, и я не выпускал его из виду до тех пор, пока наши люди не высадились и не смешались с местными жителями, спустившимися к берегу для встречи. В 13 часов лейтенант Чипп вернулся со своими спутниками и привез точные сведения, не возбуждающие сомнения. Здесь, действительно, около двух миль к югу-востоку от поселка зимовала „Вега“. Чипп по берегу прошел к указанному ему месту. Отсюда „Вега“ ушла на восток два или три месяца тому назад. Чипп доставил наглядные доказательства пребывания „Веги“. Экспедиция на „Веге“ пользовалась на берегу железными пуговицами, как наличными деньгами. Среди полученных Чиппом предметов были шведские, датские и русские пуговицы, употребляемые во флоте. Уже одно это бесспорно доказывало, что здесь зимовала „Вега“, так как в этой части света не было другого судна со шведскими, датскими и русскими офицерами на борту. Китобойный бот был снова водружен на „Жаннету“, и в 13 час. 10 мин. мы отплыли к северу.

В 17 час. 15 мин. мы вышли из ледяного пака и взяли направление на северо-северо-восток. В 18 часов показался большой остров, повидимому остров Колючин. Во время первой вахты нас сильно беспокоили большие глыбы льда; приходилось все время маневрировать, чтобы их избежать. В 22 часа я нашел, что лед становится тяжелее, и изменил

курс к северо-востоку; с 23 час. 40 мин. до 24 часов машины не работали, и по полосам чистой воды судно дрейфовало к открытой воде.

1 сентября. Ничего особенного. После полудня открылась земля, вероятно, за Северозападным мысом на сибирском побережье. Она должна находиться отсюда на расстоянии 60 миль. То, что мы видели, я объясняю только миражем. Казалось, земля отстоит всего на 30 миль. Значительное количество сплоченного льда отделяло нас от земли. Красивый закат солнца, яркий месяц, звездная ночь.

2 сентября. Северо-западный ветер с 20 часов до 7 часов утра. Мы находились в 100 милях от юго-восточного мыса Земли Врангеля. Впереди сплошной ледяной пак простирался в направлении к западу. Во время предполуденной вахты пробивались через разрыхленный лед, стараясь все время держать курс на север. В 11 час. 30 мин. натолкнулись на плотный сплошной пак. Путь был прегражден, пошли к северо-востоку.

Глубина 44 метра, густой голубой ил и раковины. Юго-восточный ветер дал возможность идти на всех парусах со скоростью шести узлов в час. Так как мы идем к северо-востоку, то вместо того, чтобы приближаться к Земле Врангеля, — мы отходим от нее. Чтобы сберечь уголь, я решил ночью, начиная с 21 часа, идти только на парусах. В 21 час 50 мин. остановили машины.

Сегодня яркий солнечный свет позволил определить наше положение: широта — $69^{\circ}10'$ северная, долгота — $176^{\circ}6'30''$ западная.

3 сентября. В час пополудни впереди и с подветренной стороны показался лед. Ветер заставил резко изменить курс, но, не успев развести пары, мы врезались в лед и слегка задели его левым бортом. К счастью, повреждений не оказалось. Когда пар был поднят, „Жаннета“ выбралась из льда.

Взял курс к востоку и юго-востоку. Днем туманно и пасмурно. К юго-востоку в течение трех часов видели барку, идущую на всех парусах. Затем она скрылась из виду. Барка была не дальше 4 миль, но мы были слишком заняты поисками открытой воды и не смогли подойти к барке. К 8 часам утра был виден сплошной лед за исключением юго-востока, откуда мы шли. Я решил направить судно на северо-запад и пошел полыньей во льдах. В 15 час. 10 мин. остановились из-за тумана, а также и потому,

что лед стал слишком плотен, и бросили якорь у льдины. Произвели промеры; с глубины 51 метра извлекли голубой ил и несколько морских звезд. К 16 час. 30 мин. туман несколько рассеялся, и мы двинулись и шли до 18 час. 30 мин. к северу. Снова пришлось остановиться из-за непроницаемого тумана. До полуночи безветрие, густой туман. В 19 час. бросили лот, показавший глубину 51 метр и голубой ил. Весь день провел на марсе и устал.

4 сентября. Густой туман, безветрие. Все еще стоим на якоре у льдины. Заметно, как вокруг нас постепенно смыкаются большие льдины, а небольшие отдельные обломки идут через узкие полыньи к югу. „Жайнета“ красиво выглядит: все снасти покрылись снегом и инеем. Но это не радует нас. Нас интересует не красивое зрелище, а движение вперед.

В общем толщина пакового льда вокруг нас около двух метров — 50 сантиметров над водой. Местами пак принимает вид торосов, но не очень высоких, не выше 2 метров. Ночью вокруг судна образовался новый лед. Температура—1° ночью.

К юго-востоку слышен как бы шум прибоя. Это указывает на открытую воду в этом направлении. Туман рассеялся в 14 часов.

Разведя огонь, пошли под парами, взяв курс на северо-восток, где, казалось, было больше чистой воды. В 16 час. 30 мин. удалось совершенно выбраться из сплошного льда в открытое море, вернее, сравнительно открытое море: пак простирался с юго-запада на запад и север, и только к востоку была чистая вода.

В чистой воде заметили плывущее дерево, вырванное с корнем. Но самое важное — в 16 час. 30 мин. показалась земля к западо-северо-западу. По нашим выкладкам это остров Геральда, открытый в 1849 году капитаном английского судна „Геральда“ Келлеттом. Келлетт высаживался на острове. Я не хотел удаляться от острова, а с другой стороны, опасался направить судно в пак. Поэтому, ослабив работу машин, всю ночь судном описывал круги, не приближаясь ко льду. Мы находимся на расстоянии около 40 миль от острова, но из-за миража нельзя более точно определить расстояние.

5 сентября. Ясный, приятный день, легкий северный ветер. В 4 часа развел огонь в топках и вошел в пак через наиболее подходящий проход, взяв курс на остров Геральда. В течение первых двух часов продвигались срав-

нительно легко, но с 6 часов стал попадаться свежий лед толщиной от 2 до 5 сантиметров. Лед становился все крепче. Мы разламывали его; временами наша обшивка получала зазубрины и царапины. Но в 8 час. 40 мин. подошли к паковому льду толщиной от 3 до 4 $\frac{1}{2}$ метров, который, конечно, остановил нас. Пристали к ледяному полю.

Несколько раз совершенно отчетливо показывалась земля острова Геральда. Сначала я склонялся к тому, что это не настоящий, а ложный остров, мираж. Но земля к юго-западу от острова Геральда была увенчана высокими, покрытыми снегом горами, имеющими вид сахарных голов с ярко очерченными краями. Это не мог быть мираж. Я убежден, что мы действительно видели землю. Определить ее расстояние нельзя. Если смотреть через ледяные пространства, нельзя не потерять веру в точность определения расстояния. В открытом море обычно расстояния предметов, определенные на глаз, совпадают, но на льду нет двух одинаковых подсчетов. Например, у нас определяют, что земля, которую мы видели за островом Геральда, находится на расстоянии от 40 до 100 миль. За последнюю ночь мы продвинулись к ней на 20 миль, т. е. на половину предполагаемого расстояния; но и теперь у нас нет единодушия. Мы определяем расстояние от 10 до 40 миль.

В 13 часов, надеясь пробиться еще на милю-другую, развели пары и пробирались через тонкий, вновь образовавшийся лед, среди ледяных глыб. Обшивку бортов „Жаннеты“ носит следы зазубрин и царапин, но это почетные раны, полученные в бою со льдом.

6 сентября. Нигде так не приучаешься к терпению, как здесь. Я надеюсь довести судно до острова Геральда и перезимовать там. Вокруг сплошной лед, и кажется, что не только никогда не было здесь открытой воды, но что и в будущем положение никогда не изменится.

Сегодня утром мы видели отдельные места с тонким льдом и водой, но это не имеет значения, так как нельзя заставить судно перепрыгивать через препятствия.

Густой туман покрывает все и даже остров. Легкий северный ветер. Барометр не изменяется. Температура между 0° — 5°.

Туман рассеялся в 13 часов и, казалось, появилась возможность на милю продвинуться к острову. Развели пары и, тарая лед, начали безуспешно пробиваться вперед. Конечно, не может быть и речи, чтобы протаранить лед

толщиной от 3 до $4\frac{1}{2}$ метров; но вполне возможно, тараня и умело лавируя, пользуясь трещинами и узкими полосами воды, настолько растолкнуть льдины даже такой толщины, чтобы судно могло между ними протиснуться. Хорошо работала наша паровая лебедка, и мы могли легко направлять нос корабля там, где у нас не было возможности повернуть судно рулем. Однако, в 16 час. 20 мин. мы снова подошли к плотным льдинам, и, так как спустился густой туман, бросили якорь. Топка была прекращена.

Сегодня вечером на расстоянии около мили от судна показались три медведя. Их заметили. Наши охотники стали их преследовать, но они убежали. Роздал всем снежные очки и отдал распоряжение носить их.

7 сентября. Полный отдых. В начале дня снег, потом погода проясняется, в конце дня туман. Лед и, повидимому, судно слегка двигаются к северо-западу.

В 10 часов утра произвел смотр команды и прочел военный устав.

В 12 часов измерение глубины показало 73 метра, грунт голубой ил. Во время вахты от 20 до 24 часов наблюдалось легкое сжатие справа, выдвинувшее судно на лед, причем судно получило крен в 5 градусов.

8 сентября. Сегодня в 1 час 30 мин. судно снова выпрямилось. Температура от -2° до -5° . Туманно, после полудня ясно. Нигде не видно никаких разводьев. Северный ветер сцементировал, повидимому, лед; образовался мощный пак. Промеры дали глубину в 66 метров; вчера глубина равнялась 73 метрам — судно, очевидно, сдвинулось.

9 сентября. Чудесный день, яркий солнечный свет. Температура колеблется между -4° и -6° . Попрежнему нигде нет разводьев. Мы находимся на $71^{\circ}35'$ северной широты и $175^{\circ}5'48''$ западной долготы.

При закате солнца совершенно безоблачно. Ясно виднеется земля между юго-западо-западом и юго-юго-западом. На западе она имеет вид плоскогорья, а к югу тянется цепь гор с остроконечными верхушками.

Сегодня два месяца, как мы вышли из Сан-Франциско, а мы еще не достигли и острова Геральда. Судно все еще имеет крен 9° на правый борт, и кормовая обшивка подвергается сильному сжатию. Ее необходимо облегчить, так как иначе можно повредить рулевые болты. Целый день старались взорвать под кормой торпеду, но наш бикфордов шнур оказался не в порядке и зажечь его не удалось. Не

поступал также и электрический ток через неизолированную медную проволоку.

Уже три дня как мы выпускаем собак на лед с утра и до наступления темноты. Благодаря этому на судне можно навести чистоту. Собаки очень довольны возможностью носиться вокруг корабля. На ночь все же приходится их загонять на судно, так как мы каждую ночь расставляем западни для медведей. По утрам видны медвежьи следы, но ни один медведь не попался в западню.

10 сентября. Безветрие, туман, снег весь день. Температура от -6° до -9° . Чтобы выпрямить судно, подвели двое талей¹ на верху фок-мачты² и грот-мачты³ и туго подтянули их к клещам для захватывания ледяных кабанов. Разбили лед вокруг кормы и пробовали разбивать клещами, но ничего не вышло, — только согнули их.

Измерения лотом указывают на постоянное уменьшение глубины: 73, 66, 64, 59 метров. Весь пак, а с ним и мы, очевидно, дрейфует. Обозначает ли обмеление наше приближение к острову Геральда — еще невозможно сказать: нужно снова определить наше положение. Разводьев нигде не видно.

11 сентября. Судно не выпрямилось и в течение этой ночи. Осмотрев лед вокруг кормы, убедились, что мы находимся между двумя ледяными полями в $4\frac{1}{2}$ метра толщиной. С левой стороны борта судна у льда верхние края отбиты и образуют груды неправильной формы, с правой же стороны, куда идет крен, поверхность льда нетронутая и ровная.

Я пришел к выводу, что необходимо снять руль, так как сжатие может сломать болты и согнуть рулевые крючья, и тогда не только будет сломан руль, но невозможно будет установить новый запасной руль. Руль сняли с большими затруднениями (из-за очень небольшого открытого водного пространства) и подтянули его через корму на шлюпбалке.⁴

Густой туман весь день скрывал остров. Измерение глубины дало 53 метра. Голубоватый ил. Глубины все еще уменьшаются. По спущенному лоту видно, что судно относит к северу. †

¹ Тали — судовая снасть, состоящая из тросов, пропущенных через блоки.

² Фок-мачта — передняя мачта на корабле.

³ Грот-мачта — вторая от носа судна мачта.

⁴ Железная балка, служащая для подъема и спуска судовых шлюпок.

Что-то наконец попало в нашу западню. Увы! Добыча оказалась нашей же собакой. Зубья западни захватили у нее переднюю лапу, но не сломали костей. Думаю, она скоро поправится. На правой стороне мостика устроено место для „собачьей больницы“, куда и направлена для лечения пострадавшая.

12 сентября. Спокойный день, туманно, временами снег. Одно только происшествие нарушило однообразие нашей жизни. Наша самая большая собака — Косматка — попала в западню. Теперь собаки узнали туда дорогу и каждый день попадают в западню. К счастью, у всех трех попавших собак кости не сломаны и нет серьезных повреждений, но мне пришлось распорядиться убрать западни, так как нельзя допустить, чтобы собаки выбывали из строя. Угнетает бездействие, а еще более того отсутствие надежды на перемену.

С того времени, как нас затерло, лед крепко спаялся, и только шторм может разбить пак. Мы не приближаемся к острову Геральда и не двигаемся вперед, если не считать дрейфа к северо-западу. Приходится мириться с тем, что наше продвижение остановилось 6 сентября и притом там, куда в 1855 году парусное судно „Винсенн“ дошло без всяких затруднений. Наш пароход застрял среди льдов еще до истечения двух месяцев после отбытия из Сан-Франциско.

Я рассчитывал еще в первое лето нашей экспедиции добиться каких-либо результатов, но тщетно.

В ожидании будущего лета мы уменьшим свои припасы, уничтожим горючее и во время зимовки рискуем здоровьем. Я решил отправить на санях партию к острову Геральда, чтобы выяснить, нет ли там плавника. Лейтенант Чипп готовится к экспедиции и завтра в 8 часов в сопровождении Мельвилля, Денбара и Алексея на санях с 8 собаками выступает в поход к острову. Я надеюсь также узнать о состоянии льда между судном и островом, а также выяснить, нет ли там гавани, где может быть удастся укрыться на зиму, если дальнейшее наше продвижение сделается окончательно невозможным.

13 сентября. Отряд отбыл в 8 часов утра. С палубы мы приветствовали его уход. Собаки весело тянут сани, а Алексей бежит впереди, приплясывая.

У нас возникло новое затруднение: как достать воду, не расходуя для перегонки горючего? Из льда, окружающего судно, вода получается соленой, и нам пока не уда-

лось найти такой воды, где бы не было соли и которую можно было бы употреблять без вреда для здоровья. Даже в снегу, оказывается, слишком много соли.

Мы не встретили ни одного айсберга, да и никто не видел их к северу от Берингова пролива. Сегодня с доктором Амблером и с командой, вооруженной топорами, мы отправились на саниях на поиски. К западу на расстоянии $1\frac{1}{2}$ миль от судна мы натолкнулись на громадную ледяную глыбу на краю льдины. Испытание азотнокислым серебром обнаружило наличие от 3 до 5 граммов хлора в галлоне воды. Приходится пользоваться этой водой до тех пор, пока мы не найдем более подходящую или не устроим более экономичного аппарата для перегонки. У нас 111 тонн угля, которого должно хватить и на следующий сезон. Необходима большая экономия, так как иначе на будущее лето нам придется идти на одних парусах.

14 сентября. Разведчики вернулись в 8 час. 30 мин. По словам Чиппа, в расстоянии 7 миль лед гораздо легче; ледяное поле состоит из льдин, соединенных молодым льдом, который местами едва выдерживал сани с людьми. В 10 милях имеется широкое развье шириной в полмили, идущее к западу и к востоку. Лед обнаруживал здесь следы сжатия. Льдины тесно примыкали друг к другу, а молодой лед был сломан и сгрудился в торосы вышиной до двух-трех метров. Вокруг острова Геральда наблюдался талый лед, прорезанный развьями. На высоком берегу не видно было такого места, где могло бы укрыться судно. Плавника нигде не было. Отряд заметил много медвежьих следов и наткнулся на тюленя, которого Алексей застрелил. Тюлень был доставлен на судно.

В нашем положении, повидимому, единственный выход — ждать сильного шторма, который разломит наше ледяное поле и позволит нам пробиться к земле, которую мы наблюдали за островом Геральда. Если этого не будет, остается зимовать в паке. Остров Геральда для нас бесполезен, если бы и удалось до него добраться. Но из-за дрейфа на северо-запад расстояние между островом и нами ежедневно увеличивается.

15 сентября. Даненовер определил сегодня наше положение: $71^{\circ}46'$ северной широты и $175^{\circ}36'$ западной долготы. С 9-го мы продвинулись на 15 миль к северу от $\varphi 70^{\circ}3'$, что дает в среднем 2,5 мили в день. Даже такой темп дает нам возможность дойти до Земли Келлетта до весны.

С грот-мачты видно только ледяное поле. Если здесь существует какое-нибудь течение, то наш дрейф его обнаружит.

Может быть дрейф донесет нас к какой-нибудь неизвестной земле, подобно тому, как это случилось с Вейпрехтом и Пайером на судне „Тегетхоф“.

Возможность продвигаться силами „Жаннеты“ исключается. Кажется, что только землетрясение может высвободить нас. Сегодня мы выпустили всю воду из котлов, чтобы не допустить замерзания, разобрали стыки в трубах и высушили трубы. Палуба на судне так загромождена, что трудно содержать ее в порядке. Если бы только была уверенность, что мы останемся здесь всю зиму, надо было бы убрать с нее и паровой катер и запасной руль. Но куда их сложить? Оставить на льду опасно, а на палубе для них мало места.

Раненые собаки выздоровели и спущены на лед.

Сегодня попробовали тюленье мясо; оно очень походит по вкусу на кроликов.

Снова расставили капканы для медведей. Положили в них внутренности тюленя. Капканы устроены далеко от судна, так что собаки их не найдут.

16 сентября. Легкий южный ветер, температура от -1° до -6° . Сегодня во время утренней вахты снова отчетливо была видна земля к юго-юго-западу. Она вырисовывается все отчетливее, а остров Геральда уже не виден так ясно. Земля видна редко, и трудно определить ее расстояние от нас. Нам кажется, что она в 60 милях, но если вспомнить, что мы определили расстояние от острова Геральда в 5 миль, а оно оказалось в действительности от 20 до 25 миль, то лучше воздержаться от догадок. В 12 часов мы смогли определить нашу широту — $71^{\circ}49'$ северной широты. Из-за облачности неба мы не могли вычислить долготу и знаем только, что в один день продвинулись к северу на 4 мили.

17 сентября. Сегодня ранним утром Чипп с Денбаром пошли осмотреть капканы для медведей и, вернувшись к 9 часам, рассказали, что, очевидно, в капкан попался медведь, но ему удалось выломать капкан из льда и уволочь с собой. Мы с Мельвиллем немедленно присоединились к ним. Дойдя до капкана в 3 милях от судна, мы без труда нашли медвежий след и пошли по этому широкому следу, на котором виднелись капли крови. Видны были также следы двух других медведей по бокам от кровавого следа.

Казалось, два друга подбодряли раненого товарища при его отступлении.

Нам пришлось пройти почти 6 миль. Я несколько отстал от других, так как был тяжело одет и страдал от жары. Вдруг я услышал, как медведь стонет от боли. Я бросился вперед, но мои спутники еще раньше увидели медведя и открыли огонь. Когда я добежал, мне оставалось только прикончить запутавшегося в капкан зверя. Вместо трех оказалось только два медведя. У медведя застрял в капкане один коготь левой передней лапы. Ему удалось совершенно вырвать западную, и он тащил ее с собою, но не мог высвободить лапу. Нам пришлось бы еще долго гнаться за ним, если бы не цепь, которая застряла между небольшими снежными холмами, — она и задержала его. Медведица не бросила его и бегала вперед и назад, как бы стараясь убедить его пойти за ней. При нашем приближении оба зверя поднялись на задние лапы и жалобно завывали, но скоро все было кончено.

Чипп с Даненовером вернулись на корабль за людьми и санями, а я и Мельвилль остались на месте, не теряя надежды убить и третьего медведя, следы которого видели раньше. В 14 час. 25 мин. к нам прибыли трое саней и с ними почти вся команда. Мы быстро взвесили нашу добычу. Медведь весил 235, а медведица — 170 килограммов. Затем Коллинс сфотографировал их. Наконец, сняли с медведей шкуру, выпотрошили и погрузили мясо и шкуры на двое саней; наши весы и фотографический аппарат заняли третьи сани. Ньюкомб подстрелил несколько чаек. Снова расставили капканы, наполнив их медвежьими внутренностями; при этом один из наших людей, Мансон, провалился в капкан, но, к счастью, остался невредим. В 18 час. 10 мин. мы тронулись в обратный путь; довольные вернулись на судно. Все торжествовали, как после победы. Это были наши первые медведи, и можно понять наш энтузиазм.

Даненовер установил наше положение: широта $71^{\circ}51'$ северная, долгота $175^{\circ}25'$ западная. Наш дрейф за два дня — семь миль к северо-востоку. Промеры глубины дна показали 66 метров — голубой ил. При закате солнца небо приняло угрожающий вид.

18 сентября. С утра легкий юго-восточный ветер, постепенно усиливающийся. Температура поднимается с -1° до 0° . На поверхности льда видна густая грязь; показались также небольшие лужи и пруды. В нашем положении не

наблюдается заметных изменений, лед движется к северо-западу, унося нас с собой.

Оказалось, что лед дает слишком много соли, и мы снова начали пользоваться растопленным снегом. Сегодня команда занимается спальными мешками, — их нужно переделать и удлинить, так как они слишком коротки и сужены в ногах. Глубина дна 67 метров — голубая тина. Убрал на судно медвежьи капканы, чтобы не потерять их, если лед разойдется.

19 сентября. Ветер, как и вчера, дул всю ночь до полудня. Температура медленно спускается к -1° . Весь день облачно, туманно, проходящие ливни. В 8 час. 30 мин. виден к югу на большом отдалении остров Геральда.

20 сентября. Доктор сообщил мне о проведенных им ночью наблюдениях для определения количества углекислоты. Результаты таковы: на каждые 1000 частиц воздуха 2,3246 частицы углекислоты, т. е. 0,23246%; данные об экспедициях „Алерт“ и „Дисковери“ дают 0,436% на „Алерте“ 29 февраля 1876 года на жилой палубе и 0,482% 18 января 1879 года в кают-компании. Но эти данные были получены при очень неблагоприятных условиях размещения команды. Хотя наши данные сравнительно и благоприятны, но надо учесть, что теперь сентябрь, когда мягкая погода позволяет пропускать свежий воздух.

Я издал сегодня приказ относительно проветривания помещений, имеющий в виду устранить случайное и намеренное закрытие дверей или люков в жилой палубе; будущее покажет, отразится ли это на количестве углекислоты. Доктор вычислил кубическое содержание воздуха на человека, и оказалось, что и в этом отношении не все у нас благополучно. В жилой палубе кубатура только 7 куб. метров, в каютах — 30 куб. метров, в кают-компании — 16 куб. метров. На „Алерте“ приходилось на человека 9,6, а на „Дисковери“ 9,90; сравнение снова не в нашу пользу. Когда мы устроим рубку на палубе, кубатура воздуха увеличится, и я рассчитываю, что количество углекислоты сильно уменьшится.

Вблизи от нас в результате юго-восточного ветра и мягкой погоды показались разводья, но небольшие, шириной не свыше 15 метров. Если бы мы не были так сжаты между льдинами, я вошел бы в такое разводье, чтобы продвинуться хотя бы на полмили. Но мы зажаты, как в тисках. Промер глубины дал 73 метра, голубой ил. Глубина все увеличи-

вается с увеличением нашего расстояния от острова Геральда. Извлекли со дна несколько новых образцов.

21 сентября. Пришлось изменить вчерашнее распоряжение о том, чтобы были открыты двери, ведущие из старого камбуза в жилую палубу. Команда жаловалась на сильный холод ночью. Мы пробуравили 16 отверстий размером в 4 сантиметра в нижней филенке каждой двери, что, надеюсь, обеспечит достаточный приток свежего воздуха. Приведу данные о расходе угля за прошлую неделю:

		в среднем
Камбуз	400 килограммов в день	56,8 килограмма
Каюты	144 " "	20,9 "
Жилая палуба . .	176 " "	25,1 "
Всего	720 " "	102,8 "

Уголь — наша самая большая драгоценность, и всего важнее обеспечить экономное его расходование. Я решил передать все дело в полное ведение главного инженера Мельвилля. Расход угля для печей и камбуза теперь всецело в его руках.

В полдень определили наше положение — $72^{\circ}10'23''$ широты и $175^{\circ}26'22''$ долготы, что дает за 4 дня дрейф в 20 миль к северу, один градус к западу, в среднем 5 миль в день. Остров Геральда — уже дело прошлого. Он теперь представляется маленьким клочком на горизонте, трудно отличимым от снежных холмов.

С 22 до 23 часов наблюдалось прекрасное северное сияние.

24 сентября. В 2 часа температура — 14° , — такой низкой температуры еще не было. Затем температура стала постепенно повышаться, в полдень — 4° . Сегодня определили только долготу — $175^{\circ}26'$ западная. Дрейф за день — 7 миль к востоку. Никак нельзя предвидеть наш дрейф. Он не зависит, повидимому, от ветра, так как иногда меняется при неизменном направлении ветра. С другой стороны, даже слабый ветер вызывает дрейф и сжатие. Это подтверждается тем, что и лед во всех направлениях постоянно принимает новый вид. Мы, повидимому, в центре громадной льдины, которая достаточно мощна, чтобы противостоять натиску, и предотвращает поэтому сжатие судна. В миле от судна во всех направлениях впаив новый лед толщиной 12 санти-

метров. Сталкивающиеся льдины вздыбили его на высоту от 183 до 610 сантиметров. То видны большие пространства открытой воды, то они сужаются, а затем пропадают, и новый лед толщиной в 12 сантиметров вздымается на высоту в 183, 335 и 549 сантиметров. Наша льдина ничуть не изменяется.

Иногда видны чайки, но число их каждый раз уменьшается. Иногда показывается тюлень, в которого стреляют, но без успеха. Алексей утверждает, что если попасть тюленю в кость, он сразу спускается под лед. Вот почему не удавалось захватить уже подстреленных тюленей.

Принятые меры к уменьшению углекислоты оказались действительными: последние наблюдения дают 0,18012 частицы углекислоты на сто частиц воздуха.

25 сентября. В 13 час. 50 мин. удалось наблюдать интересное явление: на расстоянии четверти мили от судна на поверхности льдины образовался электрический шар величиной, по мнению Денбара, с боченок. От шара во всех направлениях шли лучи. Шар медленно поднялся и скрылся, уменьшаясь в величине и блеске. Затем блеск вновь увеличился, и шар, опустившись на льдину, исчез. Все произошло в течение 7 минут. Появлению шара предшествовало прекрасное северное сияние. К сожалению, бывший на вахте Денбар не позвал меня.

В 17 час. 40 мин. на юго-запад видна земля. Хотя мираж придал ей новую форму, не сомневаюсь, что это остров Геральда. Птиц больше не видно, иногда у водяных отверстий показываются чайки, но все реже и реже. Сегодня видели следы медведя, но начинаем опасаться, что медведи тоже исчезли, так как с 17 сентября их больше не видали.

28 сентября. Почти весь день идет снег. Ньюкомб и Алексей в 2½ милях от корабля застрелили двух моржей весом около 400 килограммов каждый. Выслал собак, и они приволокли моржей одного за другим.

Я правильно поступил, поручив все дело с углем Мельвиллю, — за прошлую неделю израсходовали на 150 килограммов меньше.

30 сентября. Полнолуние. До настоящего времени у нас так много солнечного света, что мы не зависим от лунного света, но скоро наступят дни, когда луна будет нашим лучшим другом, появление которого мы будем нетерпеливо ждать.

С 26 сентября наш дрейф 5 миль к юго-западо-западу. Похоже на то, что мы идем по треугольнику независимо от ветра и течений. После того, как мы застряли во льду, у нас был определенный дрейф к северу, затем дрейф к западу, а теперь начинаем идти по третьей стороне треугольника.

По произведенным метеорологическим наблюдениям выяснилось, что несколько раз за последнее время вода на дне была холоднее, чем вода на глубине 27,7 метра. Разница достигала от 1° до 4°. Кроме того, вода обладала меньшей плотностью. Коллинс объясняет это наличием теплого течения на глубине 27,4 метра, но пока различие температуры не окажется более определенным, я лично не могу склониться в пользу этого мнения.

Чтобы получить точные данные о количестве употребляемых в пищу запасов и иметь материал на случай возможных впоследствии расследований, я распорядился произвести точный подсчет за прошлую неделю. Наше меню за неделю дает представление о нашем питании после ухода из Сан-Франциско. Иногда, когда было медвежье мясо, меню изменялось. У нас остается еще большой запас свежего картофеля и немного свежей моркови и лука, так что на некоторое время мы не так связаны нашим пищевым режимом. Зелень помещена в угольном бункере, что предохраняет ее от замерзания.

МЕНЮ ОДНОГО ДНЯ НЕДЕЛИ

Предметы, отмеченные знаком (*), подавались исключительно в офицерской столовой, а перец, соль, меласса, уксус, горчица и соуса не указываются.

24 сентября 1879 года

Завтрак		Обед	
Говядина	3,2 килограмма	Свинина	13,2 килограмма
Картофель	8,0 "	Бобы	6,4 "
Свежий хлеб	4,4 "	Помидоры	4 "
Масло	0,8 "	Картофель	2 "
Кофе	0,8 "	Пикули	0,9 (*) "
Сахар	0,8 "	Крупчатка	6,4 "
		Изюм	1,6 "
		Сухари	5,2 "
	18,0 килограмма		
			39,7 килограмма

У ж и н

Медвежье мясо	7,2	килограмма
Персиковое масло (*)	1,3	"
Ренклюд (*)	1,2	"
Картофель	6,0	"
Чай	0,4	"
Сахар	0,8	"
Масло	0,8	"
Свежий хлеб	4,4	"

22,1 килограмма

ПОРЯДОК ДНЯ

С 6 сентября до 21 сентября

- 4 часа повар приступает к работе
- 6 " команда встает. Кофе.
- 6 час. 30 мин. начало работы. Уборка палубы. Стирка. Освобождение пожарной проруби от льда. Выполнение распоряжений, данных на утро.
- 7 час. 30 " завтрак первой смены.
- 8 " " завтрак второй смены.
- 8 " 30 " возобновление работы. Вся команда на палубу, если имеется особая работа, в других случаях—одна смена.
- 10 час. рапорт о готовности кубрика к осмотру. До полудня одна смена достает лед и снег для воды и выполняет обычную работу.
- 11 час. 30 мин. измерения глубины. Определение температуры на дне и на глубине каждые 27 метров. Вычисление плотности воды на указанных глубинах.
- 11 час. 45 " спуск драги через пожарную прорубь.
- 12 " обед первой смены.
- 12 " 30 " смена вахты, обед второй смены.
- 13 " работа всей команды или одной смены, подъем драги, осмотр, закупорка в бутылки содержимого.
- 16 час. смена вахты.
- 17 " 30 мин. ужин первой смены.

- 18 час. смена вахты, ужин второй смены. Очистка овощей от шелухи. Сбор всех ведер и помещение их на шканцах¹ у пожарной проруби.
- 20 час. тушатся огни в камбузе. Рапорт боцмана и плотника.
- 21 „ тушатся лампы в кубрике.

С 22 сентября до 30 сентября внесены следующие изменения:

- 7 часов команда встает, повар начинает работать в 5 часов утра. Первая смена работает до завтрака.
- 18 час. 30 мин. тушатся огни в камбузе.
- 19 „ рапорт боцмана и плотника.
-

¹ Средняя часть палубы корабля между мостиком и грот-мачтой.

Глава V

ВО ЛЬДАХ

Октябрь—ноябрь 1879 года

1 октября. Облачный снежный день с холодным северо-восточным ветром. По анемометру¹ сила ветра в первые три часа 14 миль в час, на четвертый час сила увеличилась до 21 мили в час. К 18 часам она возросла до 27 миль, а к 20 часам достигла максимума — 28 миль. С этого времени и до конца дня сила равнялась 24 милям в час. Ветер с полдня изменил направление к северо-востоку.

Температура не понижалась, колеблясь от -11° до -6° .

Возможно, к северу от нас чистая вода с теплой температурой, согревающей проносящийся над ней ветер. Шторм сопровождался сильным ветром, который, проникая всюду, забивал все щели. Сквозь снег ничего не было видно, и наши следы немедленно заносило. Всюду ослепительная масса снежной пыли.

2 октября. К северу от нас появилась чистая вода шириной в полмили, простирающаяся на расстояние около трех миль к западу и к востоку. В разводьях виднелся паковый лед. Лыдина, в которую вмерзло наше судно, двигалась на юго-восток. К югу и востоку тоже была видна чистая вода. Поверхность нашей лыдины стала мягкой, и мы не раз проваливались до лодыжек.

3 октября. Измерение глубины показало 44 метра — голубой ил и темный гравий. Драга принесла нежный белый коралл. Его появление, если только он не принесен теплыми водами течения Куросиво, можно объяснить только естественным образованием; но я никогда не слыхал, чтобы кораллы образовывались в таких холодных водах.

¹ Прибор для измерения скорости ветра.

К нашему большому удивлению, снова хорошо виден к юго-востоку на расстоянии, вероятно, 30 миль остров Геральда.

Наш дрейф после последнего определения положения равен 30 милям, в среднем 10 миль в день. Мое предположение, что мы дрейфуем по третьей стороне треугольника, полностью подтвердилось. Я не могу еще определить, вызывается ли это тем, что льдины, наткнувшись на землю к северу от нас, не дают нашей льдине продвигаться, или здесь проходит юго-западное течение. Похоже на то, что нас относит обратно к острову Геральда и к Земле Келлетта. Если это так, то к моменту, когда льды сомкнутся и сделаются неподвижными, мы окажемся вблизи земли. Может быть на нашу долю выпадет первыми высадиться на уже открытый, но еще не исследованный берег.

В 15 часов все были подняты сообщением: „Медведь у судна“. Немедленно пять или шесть человек бросились преследовать медведя, стараясь его окружить. Через милю или две часть отстала. Ньюкомб, Алексей и Анегин не сдавались, и в 17 час. 20 мин. мы узнали, что им удалось догнать и убить медведя. Мы с Мельвиллем отправились за ним на санях и привезли нашу добычу — медведицу весом около 200 килограммов. Шкура с нее уже была снята, и туша была выпотрошена, так что от взвешивания пришлось отказаться. Из шкуры и головы можно будет сделать чучело.

5 октября. В 10 часов прочел военный устав и произвел смотр команды. Все здоровы, в прекрасном настроении. Никто не пал духом от того, что мы так скоро оказались затертыми во льдах, и никого не страшит почти абсолютная уверенность в предстоящей зимовке в паке.

При осмотре помещений бак оказался сухим, теплым и удобным. Нигде не заметно сырости, если не считать глухого иллюминатора, куда попадает сырость и где она удерживается маслоуловителями. Камбуз я также нашел в полном порядке.

Машинное отделение чисто и сухо: ремонт правого котла закончен, и у обоих котлов тщательно сбита и очищена отложившаяся накипь. Вентиляция в кают-компании значительно улучшилась оттого, что пробили отверстия и в комнатной печи стали держать зажженную лампу. В каютах воздух удовлетворительный, только ночью коптят никуда негодные вальтоновские лампы.

Отчет об израсходовании угля показал неплохие результаты. Против 570 килограммов, израсходованных на прошлой неделе, в эту неделю расход угля уменьшился до 512 килограммов. Сегодня Анегин пополнил наши запасы убитым им тюленем.

6 октября. Ньюкомб застрелил 28 уток. Сегодня на льдине в 100 метрах от корабля устроена обсерватория, укрепленна якорями. Работа на палубе подвигается.

7 октября. Временами была видна земля. Она походила на горы, спускающиеся вниз, или на цепь островов. Иногда вид ее искажал мираж, а затем она снова отчетливо вырисовывалась. Над землей виднелись облака. На закате земля так ясно выделялась на общем фоне льда, что у нас исчезли последние сомнения.

Может быть, все-таки зима не пройдет без пользы для исследований. Ньюкомбу удалось присоединить к своей коллекции экземпляр чайки Росса, очень редкий и ценный вид. В Европе есть только один такой образец в музее в Майнце, а в Америке нет ни одного.

8 октября. Необходимо предоставить доктору больше времени для приготовления лекарств, которые мы берем с собой, когда отправляемся на сани. Кроме того, по его словам, метеорологическая работа не дает ему достаточно времени для сна. Поэтому я решил изменить свое прежнее распоряжение и освободить его от наблюдений с 20 часов до полуночи, назначив на первую половину вахты Мельвилля и взяв вторую на себя.

9 октября. Продолжается вчерашний восточный ветер, постепенно ослабевающий. В полдень резкая перемена направления к западо-юго-западу. Наивысшая температура при восточном ветре 0° , самая низкая при западном -14° в полночь. Снег падал до 22 часов. В 1 час 10 мин. снегопад прекратился, выглянули звезды. Измерение глубины дало 42 метра, лот показал быстрый дрейф к востоку.

10 октября. То же явление с температурой: чем сильнее ветер, тем она выше. Она упала до -15° при юго-западно-западном ветре и быстро поднялась до -1° при юго-восточном ветре.

11 октября. Бурый день, юго-восточный свежий ветер. Слабое радиальное появление северного сияния на северо-западе. Я предвижу увеличение барометрического давления и падение температуры. Весь день, пока ветер не изменил направления к северу, падал снег. До сих пор у нас не

было снежных бурь, но сильные ветры наносят столько снега, что иногда нам приходится шагать в нем по колено.

На положении судна ветры не отражаются: оно попрежнему наклонено на 5° и так же устойчиво, как если бы стояло в сухом доке. Случайные сжатия на краях льдины не распространяются и не достигают судна.

Наблюдавшиеся впереди и за судном разводы давно замерзли и покрыты снегом. Они дают о себе знать при высокой температуре, например, — 1° , когда проваливаешься сквозь снег на грязный лед или когда на тающей местами поверхности выделяется вода. Последнее время наша льдина дрейфует на северо-запад.

14 октября. Погода прояснилась.

В полдень к юго-востоку совершенно отчетливо видна земля. Так как последние четыре дня мы не производили определений нашего положения, то нельзя с уверенностью утверждать, что это остров Геральда. Земля не имеет знакомых очертаний острова Геральда и слишком далека. В воздухе носятся снежинки, и это не позволяет судить о расстоянии, к тому же земля виднелась не более получаса. Приходится выжидать более благоприятного момента. Решил прекратить работу с драгой, так как результаты незначительны и однообразны.

15 октября. На судне, как обычно в арктических плаваньях, начала появляться сырость.

Хотя еще в Англии я позаботился обить каюту войлоком, а корму покрыть тремя рядами парусины, в моей каюте на потолке появились капли пара, и я думаю, что то же будет и в других местах. Я отделил часть каюты, уменьшив таким образом отапливаемую площадь. В отделенной задней части настолько холодно, что, когда попадаешь туда из каюты, кажется, будто принимаешь холодную ванну.

Температура в каюте 10° . В кают-компании пока совершенно сухо.

Палубное помещение закончено, остается только настлат палубу. У меня возникают сомнения насчет возможности поместить туда зимой команду. Не окажется ли оно слишком сырым и холодным при том количестве угля, которое я смогу уделить? Правда, у нас достаточно печей и угля и можно было бы всю зиму отапливать корабль, но я должен беречь уголь на лето и на следующую зиму.

Я предполагаю использовать для котла тюлений жир и моржовую ворвань.

Сегодня отдал распоряжение проветривать каюты с 13 час. 30 мин. до 16 час. 30 мин. и держать открытыми все двери и люки. Выдал команде ружья для охоты на моржей и тюленей.

17 октября. День рождения Коллинса. В капкан попался медведь. Ему, однако, удалось выбраться, и он убежал, оставив на память клочок шерсти. Ниндемани и Анегин застрелили по тюленю.

Теперь на судне висят семь тюленей. Их хватит на семь обедов, и они будут зажарены в собственном жиру.

18 октября. Наш повар А-Сам удивил нас всех просьбой дать ему ружье. Я согласился, и китаец весело отправился на охоту. Через час он вернулся перепуганный — при первом же выстреле ружье взорвалось около дула. К счастью, он не пострадал. Вероятно, дуло коснулось снега, и ствол засорился.

20 октября. Наивысшая температура — 9° , наинизшая — 16° . Так низко температура еще не падала.

21 октября. С утра температура — 15° , а к полудню упала до — 18° . Понижение температуры продолжалось и к 20 часам дошло до — 23° при легком западном ветре. Затем наблюдалось повышение, и день окончился температурой — 20° .

Дни стали короткими, сегодня солнце зашло в 15 час. 45 мин. пополудни. Солнце видно теперь очень редко, и появляется оно ненадолго.

Сегодня ясно видели землю, но она не походила на виденную нами ранее. С палубы казалось, что виднеются три острова, но с мачты наблюдалась сплошная земля. Возможно, что это большой остров с тремя вершинами. Самая высокая и отчетливо вырисовывающаяся вершина была на расстоянии от 60 до 100 миль. Вдоль горизонта виднелась гряда облаков, на которой отчетливо была заметна седлообразная вершина.

Сегодня замерзли наши жидкие судовые компасы, и их пришлось убрать в каюту, в палубном же помещении мы поместили компас с катера. Температура — 13° .

22 октября. Сегодня наблюдали три ложных месяца. Они были расположены под прямым углом к настоящему. Четвертый, самый низкий, ложный месяц не был виден благодаря низкому положению настоящего месяца, окруженного туманной дугой.

25 октября. Команде выдано меховое снаряжение.

Распорядился поставить на палубу две печи. Они будут установлены в рубке.

Со вчерашнего вечера заболел наш стюард Чарлз Синг. Надеюсь, ничего серьезного. Он незаменим и работает за двоих. Во время болезни его заменяет с большой готовностью повар А-Сам, одновременно выполняющий также свою работу.

26 октября. В 10 часов обычный воскресный осмотр. Жилая палуба суха и тепла. Войлок приостановил конденсацию, и я рассчитываю, что нам удастся на всю зиму сохранить палубу сухой и годной для жилья. Отверстия люка открыты, и воздух, попадающий в жилую палубу, по пути прогревается. Прошлой ночью разница в температуре снаружи и внутри палубного помещения достигла 11° (-23° и -12°), причем внутри не топили.

Наблюдается движение льда. Не знаю, вызывается ли это понижением температуры или уменьшением сжатия. В расстоянии 150 метров впереди судна появилась трещина в ледяном поле шириною в 30 сантиметров, идущая кругом на полмили, а еще в 500 метрах от этой трещины — другая, но уже в два метра шириной, идущая на такое же расстояние, как и первая.

Наши охотники сразу же устремились на поиски тюленей и моржей. Они их видели, но, увы, не смогли настичь.

Наш стюард совсем оправился.

27 октября. Вновь застрелено два тюленя.

Сегодня отдал приказ привести наши пять саней в готовность к отъезду на случай, если потребуется немедленно оставить судно...

Другой мой приказ касался зимнего режима, а также устанавливал, что только дважды в день можно готовить пищу. В камбузе сжигается слишком много угля, особенно если учесть дополнительный расход угля в палубном помещении, в обсерватории и, может быть, в кают-компании.

Я предложил доктору ежемесячно производить осмотр офицеров и команды, так как необходимо внимательно следить, как отражается зима на здоровье людей.

С сегодняшнего дня прекращено измерение температуры моря и плотности воды.

28 октября. Ясное небо позволило Даненоверу определить сегодня наше местоположение: $71^{\circ}57'$ северной широты и $177^{\circ}51'$ восточной долготы, дрейф в 20 миль к северо-востоку с 21 октября. Определение магнитного склонения было 23° к востоку.

Солнце взошло в 9 часов. Была видна гористая местность к юго-юго-востоку на расстоянии около 50 миль. Я думаю, перед нами северная сторона земли, которую капитан Лонг¹ видел в 1876 году (Земля Врангеля), но я не считаю ее континентом. Это или архипелаг, или один большой остров.

В 10 часов вернулся Денбар, отправившийся на охоту с Алексеем. Он сообщил приятную новость — им удалось убить трех моржей, что значительно увеличит наш запас корма для собак.

Мельвилль, я и доктор с Шарвеллем отправились за добычей на запряженных собаками санях, захватив с собой ялик. Преодолев трудный путь, по словам Денбара — в одну милю, а по-моему — в добрых три, мы достигли воды, где, к сожалению, могли только констатировать, что моржи уплыли под молодой лед.

С 1 ноября вступает в действие зимний распорядок дня:

В 6 часов	встает дежурный офицер.
„ 7 „	встает повар.
„ 8 ч. 30 мин.	встает вся команда.
„ 9 „	завтрак посменно.
„ 10 „	начало работы по очистке пожарной проруби от льда, наполнению бочек снегом, уборка палубы.
„ 11 „	чистка баков, потом прогулка по льду.
„ 11 ч. 30 мин.	обход дежурного офицера.
„ 12 „	промеры лотом.
„ 13 „	одна вахта может идти вниз.
„ 14 „	наполнение бочек снегом, очистка ото льда пожарной проруби.
„ 15 „	обед по сменам.
„ 16 „	в камбузе тушатся огни. Дежурный офицер принимает доклад плотника и боцмана.
„ 19 ч. 30 мин.	ужин посменно.
„ 20 „	на баке прекращается шум и курение, тушатся огни. Доклад вахтенного дежурному офицеру; ночью вахтенный каждые полчаса проверяет, нет ли где света или огня.

¹ Капитан Лонг — однофамилец начальника экспедиции.

На случай пожара на правом борту шканцев стоят ведра, наполненные водой.

Редко наблюдал такую прекрасную ночь, как сегодня. На безоблачном небе ярко светил полный месяц, звезды мерцали. В воздухе тихо, ни звука — ничто не нарушало очарования. Корабль имел очень живописный вид. Он резко выделялся на голубом небе; на торосах и перекаладинах лежал густой снежный покров, и, кроме того, они были украшены инеем. Длинные линии проволоки, протянутые к обсерватории, там и здесь уснувшие собаки, походившие на замерзшие комки, сани, выстроенные в ряд впереди корабля, окруженного снежной ледяной насыпью, — все вместе составляло редкую картину. Во всех направлениях тянулось бесформенное ледяное поле.

29 октября. Рано утром Денбар и Алексей отправились на поиски застреленных вчера моржей. С ними ушла и собачья запряжка. В пути одной из собак удалось вырваться из упряжки и убежать. Это вызвало недовольство других собак, и они пытались погнаться за беглецом. Алексей заметил на своеобразном своем языке: „другие собаки накостыляют его“. Моржей не нашли, и охотники вернулись на корабль. Через полчаса боцман сообщил мне, что Винго (кличка собаки) убит в драке. Сбылось предсказание Алексея: несмотря на то, что прошло три или четыре часа, собаки не забыли о дезертирстве Винго и, напав на него на значительном расстоянии от судна, так его искушали, что через десять минут он сдох. С него содрали шкуру, а замороженное мясо будет скормлено его же убийцам.

Мельвилль несколько дней возился над нашей электрической машиной. Сегодня вновь сделали испытание; в котле был поднят пар и соединен генератор. Но, несмотря на это, не получалось ни одной электрической искры, и стрелка гальванометра не отклонилась. Единственным результатом было то, что палубное помещение наполнилось отвратительным запахом горящей ворвани и с крыши потекли потоки дождя.

Сегодня охотникам удалось застрелить трех тюленей. К ужину у нас было новое блюдо — моржовая колбаса. Чипп говорит, что прежде, когда ему приходилось читать о том, что люди ели медвежье и тюленьё мясо, он думал, что это возможно только при крайне тяжелых условиях и голоде. Теперь он другого мнения, и я с ним вполне согласен.

31 октября. Полосы чистой воды закрылись. Когда льдины сталкиваются, лед поднимается на высоту 3 метров. По наблюдениям Чиппа, разводья появляются и при полнолунии и при новолунии и исчезают во время отлива. Возможно, что это так, — поскольку мы дрейфуем вместе с льдиной, мы не можем наблюдать отлива. Из-за густого тумана последние два дня совсем не видно земли. Если бы мы только подошли ближе к земле и смогли бы ее исследовать, у меня было бы сознание, что мы находимся здесь не напрасно.

1 ноября. Вступило в действие зимнее расписание.

2 ноября. Осмотрел судно в 11 часов, когда все были на льду. Со вчерашнего утра печи в рубке топились на ворвани. Я убедился, что рубка суха, вся наша мокрая одежда также хорошо просохла. В 13 часов произвел смотр команды и прочел военный устав.

3 ноября. Утром обнаружена трещина во льду в 200 метрах к северо-западу от судна. Трещина местами достигает 6 метров в ширину и тянется около четверти мили. Края трещины возвышаются только на 60 сантиметров над поверхностью воды, обратившейся, конечно, в лед.

Неприятно, что трещина появилась так близко к судну, но я надеюсь, что в дальнейшем трещина не будет нас беспокоить. До сих пор мы чувствуем себя так устойчиво, как если бы судно стояло в доке. Только при сильном ветре, как сейчас, наблюдается легкое сотрясение.

Согласно моему распоряжению, доктор приступил к осмотру офицеров и команды.

4 ноября. В 23 часа в прошлую ночь взята проба углекислоты в жилой палубе. Обнаружилось 2,3430 на 1000 или 0,23430 процента. Таких плохих показаний у нас еще не бывало.

Медицинский осмотр еще не закончен, и его результаты мне не известны.

6 ноября. Неприятная новость: в 9 часов утра обнаружили во льду новую большую трещину с правого борта на расстоянии около 200 метров, небольшую трещину, проходящую как раз под кормой, и, наконец, еще одну — в 100 метрах впереди кормы. Не могу объяснить их появления, но не вижу оснований беспокоиться, так как весь месяц не было сильного ветра и вблизи нас не наблюдалось сжатия льда.

Коллинс, как обычно, отправился в 16 часов в обсерваторию. Вскоре он прибежал обратно с сообщением, что

между обсерваторией и треножником образовалось разводье... Мы все помчались туда и обнаружили трещину в 122 сантиметра справа и оттуда через корму, на расстоянии 100 метров от судна. Инструменты (анемометр, термометры, дождемеры, барометры) были быстро перенесены и установлены на судне. Между тем разводье увеличивалось и к полночи достигло 6 метров ширины. На поверхности воды немедленно образовался новый лед; грохот и треск льда усилили мои опасения. Не было ли это предупреждением о появившихся в нашей льдине трещинах и о грозящей нам опасности? Но мы не сдвинулись ни на сантиметр, и наш крен не изменился. Ничего плохого, кроме появления разводья в 100 метрах от судна, не случилось.

Доктор Амблер представил рапорт о произведенном им осмотре. Доктор находит результаты весьма удовлетворительными. Из 33 человек у 23 состояние здоровья отличное, а у 8, и у меня в том числе, хорошее.

Меня удивило заявление семи человек о недостаточности питания. Четверо из них столуются в кают-компании. Из этих четырех двое заявляют, что хотя пища и выдается в достаточном количестве, но готовится не так, как им нравится, и поэтому они не едят вдоволь; двое же, кроме того, ссылаются и на недостаточное количество пищи. По моему мнению, наше питание и по количеству и по разнообразию лучше, чем в прежних арктических плаваниях. Доктор вполне разделяет мое мнение. Однако, придется вероятно, увеличить порции. Никто не должен недоедать.

Если бы день был ясный, мы убедились бы, что находимся ближе к земле, чем раньше.

7 ноября. Разводье почти закрылось, повидимому, из-за сильного сжатия. На краю нашей льдины лед нагромоздился в мощные торосы, но льдина выдержала атаку. Сжатие шло с юго-юго-востока, и трещина простиралась на северо-восток и юго-восток. Наша льдина была крепче сжимающей, которая нагромоздилась на нее, обломав свои края; толщина их при измерении оказалась 240 сантиметров, при 12-сантиметровом слое снега на поверхности. Некоторые глыбы были зеленые, цвета зеленого гороха или, скорее, зеленого моря, у некоторых виднелись грязные края, как будто они побывали в грязи или были брошены на берег.

Юго-западный ветер к полуночи стал стихать, а к 10 часам утра наступило безветрие.

Около 11 часов льдина, нажимавшая на нашу, отступила, между льдинами образовалось пространство шириной около 10 метров, через которое, как через горло, лед стал двигаться на запад и север с быстротой около полумили в час. Небольшие куски проходили довольно легко, но значительные торосы и глыбы льда иногда напирали на нашу льдину. Льдина грохотала, трещала и колебалась под ногами.

Сжатие становилось весьма значительным. На расстоянии 50 метров от судна пловучая масса льда изменила направление к востоку и северо-востоку, а наша льдина сотрясалась от испытываемого ею давления. Я был готов к тому, что окружающий нас лед расколется во всех направлениях и судно будет увлечено вместе с раскрошенной массой льда. Но, к счастью, все обошлось благополучно, и около 16 часов движение льда прекратилось.

На корме стояли 5 саней. Они были вполне снаряжены и имели 40-дневный запас припасов для людей и для собак. Однако, вряд ли от них была бы большая польза, если бы пришлось протаскивать их со всем грузом по неровному льду. В связи с этим мы приступили к постройке двух крепких саней, которые смогут везти наши ялики. Вся другая работа приостановлена.

Должно быть наша льдина все-таки сдвинулась, так как сегодня измерение глубины показало 45 метров.

Над водой в образовавшихся разводьях под влиянием холодного воздуха держится густой туман. Наибольшая температура — 16°, наименьшая — 23°.

8 нояб.р. День прошел спокойно.

Отдыхали, после вчерашних волнений. Однако, нельзя чувствовать себя вполне спокойными. Линия разрыва льда близка к нам, сильный ветер может стать опасным.

Вчерашнее сотрясение произошло при безветрии или слабом ветре. Нельзя объяснить его влиянием прилива и отлива, так как в его наступлении не было никакой периодичности и оно наблюдалось лишь один раз. Повидимому, напор явился результатом того, что какая-нибудь льдина не выдержала и поддалась. Если напор будет ускорен сильным ветром, нетрудно представить опасность, которой подвергнется увлекаемый вместе со льдиной корабль.

Дрейф со льдиной сам по себе не такая еще беда, гораздо хуже, если корабль будет чем-либо задержан, а волнующаяся и разламывающая все на своем пути масса льда натолкнется на корабль и перекатится через него. Поэтому

я опасаясь, что если сильный ветер поднимется раньше, чем размельченные льдины снова спаяются, вся масса льда придет в движение, а наша льдина может расколоться, и мы можем оказаться на воле ветра. Остается только ждать.

Около 11 часов на несколько минут показалась земля между югом и юго-востоком, но так неясно, что нельзя было установить, видели ли мы ее раньше.

10 ноября. К востоко-юго-востоку появилась большая трещина, из которой при соприкосновении с холодным воздухом поднимается пар. Глубина 31 метр. Снова видна земля, которую мы заметили 29 октября. В 3 часа дня началось сжатие льда. Наша льдина на этот раз затрещала и взломалась в 30 метрах от нашего правого борта.

С 8 часов до полуночи красивое северное сияние.

11 ноября. Тревожный день. В 10 часов я проснулся от дрожания и скрипа судна. Почти одновременно вахтенный прибежал в каюту сообщить о движении льда. Я немедленно спустился на лед. Громадные ледяные глыбы разбивались о нашу льдину, вызывая трещины и смещения на расстоянии 23 метров от нас. Судно трещало и скрипело при каждом сжатии, и я уже был готов к тому, что оно разобьется.

Чудовищное сжатие и грохот могли взволновать кого угодно. Соедините вместе гроыхание, визги, стоны, треск разваливающегося дома и вы получите представление о шуме, сопровождающем движение ледяных полей. Громадные массы от 3 до 7 метров вышиной движутся в разных направлениях, а среди них носятся по воле ветра бесформенные осколки. Иногда движение задерживается: это значит, что глыба проникла под нашу льдину, которая с треском и с грохотом начинает горбиться и изгибаться, как купол. Вдруг купол расщепляется, край льдины отламывается, и сжатие уменьшается; и снова на некоторое время масса движется с гроыханием, треском и стоном.

На этот раз сжатие продолжалось только полчаса. Когда же оно прекратилось, мы обнаружили, что в льдине образовалась трещина, проходящая через нос корабля по направлению к юго-западу. Айсберг (ледяная гора) врезался как клин, пролагая себе путь. Если бы он разбил нашу льдину, то мы оказались бы в центре небольшого островка, края которого постепенно бы обламывались, так что в конце концов мы были бы увлечены общим потоком.

В 18 час. 20 мин. тревога возобновилась, и я совершенно был готов к тому, что нашу льдину оторвет и унесет. Наша обсерватория была немедленно разобрана, а все инструменты перенесены на корабль, — было не до метеорологических наблюдений. Все, что могло быть сдвинуто, было также помещено на борт.

С большим трудом удалось собрать и перевести на корабль собак; это им очень не нравилось, и они снова прыгали на лед. Пришлось поднять перила так высоко, что собаки не могли перепрыгнуть; они немедленно завязали драку.

Хотя движение льда идет только в одном направлении — к западу, я начинаю думать, что оно вызвано приливом. В предвидении нового ледяного напора я отдал распоряжение всем быть готовыми. Я спал одетым, и мой мешок был под рукой.

12 ноября. Ньюкомб разбудил меня в 4 часа 15 мин. сообщением о новом движении льда.

Я бросился на палубу и увидел, что положение очень опасно. Такого сильного сжатия еще не было. Я не придавал большого значения несшемуся с ревом льду, хотя наша льдина подымалась и трещала, крошась во всех направлениях. Меня больше волновала проходящая через нос судна трещина во льду и самый лед, громадной глыбой надвигавшийся на судно с быстротой движения человека.

Направление движения изменилось, оно не было, как вчера, диагональным через нос судна, а шло прямо на нас. Наступавшая масса нагромождала перед нами ледяные горы, и корабль сотрясался и дрожал, как тростник. С моего наблюдательного поста на верхней палубе открывался великолепный и в то же время страшный вид. Вполне уверенный в том, что мы будем сметены ревущим потоком, я крепко схватился за грот-мачту, чтобы остаться на посту при последнем ударе.

Вся команда была вызвана и стояла в полной готовности. В 6 час. 25 мин., когда надвигающийся вал был только в 8 метрах от носа судна, сжатие внезапно прекратилось, и все успокоилось. В 7 часов начало рассветать, и в лучах рассвета перед нами предстало удивительное зрелище нашей льдины, превратившейся в бесформенную массу.

Спустили собак на лед, и они бегали вокруг судна, как веселые дети, покинувшие школу.

В 9 часов утра показалась земля там же, где мы увидели ее 29 октября. Это северная сторона Земли Врангеля.

Весь день с волнением ждал я обычного послеполуденного сжатия, которое должно было закончить начатую и почти завершённую работу. Но, к моему изумлению, никаких передвижек льда не было. Ночью я опять спал одетым.

Высшая температура -24° , низшая -31° . В полдень измерение лотом показало глубину в 33 метра (голубая тина).

13 ноября. В 2 часа ночи под кораблем раздался громкий треск. Обнаружили трещину шириной в 2 сантиметра, которая простиралась от носа корабля. Коллинс, осмотревший ее, сказал, что нет опасений тревожиться. Мое предположение, что эта трещина грозный предвестник сжатия, к счастью, не оправдалось, ни ночью, ни днем ничего не случилось.

Метеорологические инструменты вновь были водружены в обсерваторию, и мы уже надеялись, что настанут спокойные дни.

В 23 часа я вышел посмотреть термометры и анемометры и поднялся на снежную насыпь, откуда наблюдал прекрасное северное сияние. Дуга простиралась с востока на юг и с запада на север. Вдруг за моей спиной послышался хруст, как будто собака бежала по снегу. Я обернулся и увидел двух наших матросов, прыгающих через сходни. Подбежав, я выяснил, что с левой стороны вдоль судна движется лед, и через 20 минут с левого борта открылась чистая вода шириной в 45 метров. Само судно плотно примерзло правым бортом к льдине, где не было даже и следов трещин. Вся же льдина с левой стороны бесшумно удалялась от судна. На льдине спали 4 собаки. Они вскочили, когда льдина уже уплыла на 30 метров от нас, и мы не успели их схватить, так как были слишком заняты переноской на борт метеорологических инструментов. Остальных собак мы успели загнать на судно. Мы подняли на палубу оба ялика, паровой катер и треножник. Наши боты были наготове для возможного спуска, а навесы подтянуты так, что можно было спускать припасы. К полночи все было убрано со льда.

До 23 часов дул юго-восточный ветер, затем он затих. Барометр поднялся. Наибольшая температура -23° , самая низкая -26° . Глубина 36 метров (голубая тина). Распорядился подать в кают-компанию горячий кофе, а команде — горячий чай.

14 ноября. Ночь прошла спокойно, хотя напряженное состояние не давало спать. Только бы нас не постигла участь „Тегеттгофа“¹ с ее долгим и опасным дрейфом в паке. Постоянная тревога ужасна. Мы ни на минуту не можем считать себя в безопасности, и вместе с тем ничего нельзя предпринять. Каждый момент может разразиться катастрофа, которую ничем нельзя предотвратить. Остается утром благодарить судьбу, что ничего не случилось ночью, а ночью — за то, что благополучно прошел день. Мы живем, как на пороховом погребке в ожидании взрыва.

Ночи стали удлиняться. Сегодня солнце взошло в 10 час. 30 мин., а зашло в 13 час. 30 мин. Даже в ясные дни сумерки наступают около 14 часов и длятся до 17 часов. Черная ночь продолжается 14 часов. Скоро солнце совсем исчезнет, и долго придется ждать его появления. При свете дня в 500 метрах к западу показалась унесенная от нас льдина с снежной насыпью. Сначала она двигалась к востоку, а потом изменила свое направление. В течение дня проруби в воде покрылись льдом толщиной в 10 сантиметров. После восхода солнца снова виднелась северная оконечность Земли Врангеля. Показался на горизонте также и наш старый приятель — остров Геральда.

15 ноября. Весь день лед в полном покое. Чистая вода с левой стороны судна так крепко замерзла, что по ней можно ходить. Послал Алексея на противоположную сторону за ушедшими собаками, но Алексей привел трех, а не четырех собак. Собаки, повидимому, не меньше меня были довольны возвращением в страну „сушеного мяса“. Во время нашей разлуки они не проголодались, — там, где их нашли, валялось много костей, которые, очевидно, были ими раньше припрятаны на всякий случай. Остальные собаки, если бы им не помешали, наверное отпраздновали бы возвращение дезертиров дракой: они громко выражали свое негодование, повидимому, считая бегство товарищей уклонением от работы. Сегодня закончили переделку спальных мешков.

16 ноября. При обычном осмотре в 11 часов дня все оказалось в порядке — нигде нет сырости. Со вчерашнего дня дует сильный порывистый юго-восточный ветер; хотя

¹ „Тегеттгоф“ — название корабля австрийской полярной экспедиции в 1872—74 гг. под начальством К. Вейпрехта. „Тегеттгоф“ два года дрейфовал в сплошных льдах и был брошен командой у берегов Земли Франца-Иосифа.

в общем скорость ветра не превышала в час 17 миль, временами она достигала 50 миль. Ветер не прекращался весь день, и я ожидал неприятных последствий. Повидимому, мы находимся в ледяном гнезде, образовавшемся под судном около фок-мачты. Не смотря на сильный ветер, мы удержались на месте. Если бы торосы устремились вдоль левого борта, то вряд ли удалось бы сохранить нынешнее положение. Поэтому наше главное внимание направлено на левый борт.

В 14 час. 30 мин. молодой лед начал разламываться, и айсберги сразу же начали свое наступление. К счастью, выдвинутый вперед клин нашей правой льдины держится и отгоняет плывущие глыбы; благодаря этому опасные торосы и массы льда проносятся как раз перед самым нашим левым бортом.

Солнце сегодня исчезло. Через 71 день будем ждать возвращения солнца.

17 ноября. В течение дня лед спокоен.

18 ноября. В 6 часов утра, при легком северном ветре, лед вновь тронулся, и к юго-западу обнаружено сжатие. На этот раз движущаяся масса почти достигла носа корабля. Сжатие длилось до полуночи, корабль трещал и немного поднялся, накренившись свыше $4\frac{3}{4}^{\circ}$ на правый борт.

19 ноября. С 6 часов утра сильное сжатие льда по направлению к левой части кормы и к борту. Крен увеличился до 5° ; с 18 до 19 часов снова сильное сжатие у борта.

20 ноября. Никаких неприятностей, если не считать легкого сжатия, увеличившего крен до 6° . В данный момент нет оснований ожидать, что нас может оторвать от нашей льдины и мы будем увлечены с потоком дрейфующих ледяных глыб. Нет также и опасения, что исключительно сильное сжатие проломит борт судна. Но катастрофа может наступить неожиданно, и я не могу быть спокоен. Приходится спать одетым и вскакивать при каждом треске на льдине вокруг судна.

Конечно, при таких условиях нельзя отдохнуть, но я не предвижу какого-нибудь изменения в будущем. Похоже, что в течение всей зимы пак будет находиться в движении. До тех пор, пока вода будет находить выход через Берингов пролив, сжатие будет несколько уменьшаться. Но когда все выходы замерзнут, при продолжении сжатия, вызванного ветром или влиянием прилива, вздымающийся и нагромо-

ждающийся вокруг судна лед лишит нас покоя на несколько месяцев. Это очень безрадостная перспектива.

Зимовка в паке представляется увлекательной, когда о ней читают у горящего камина у себя дома, но пережить ее в действительности очень тяжело, и она может преждевременно состарить человека.

Когда выяснилось, что мы снова окружены льдом и что вряд ли мы будем двигаться быстро и далеко, собаки, к общему удовольствию, были снова спущены на льдину. Большинство их предпочитает жить на вольном воздухе, и только немногие ищут пристанища на корабле. Когда их пригоняли на борт, возникали драки, и они всеми силами пытались вырваться на лед. Четыре человека едва могли удержать собаку и не дать ей убежать на лед, и все-таки были случаи побегов.

Коллинс принял вчера одну из собак за медведя и сразу схватился за ружье, но, к счастью, „медведь“ скрылся, а то мы не досчитались бы одной собаки.

Прошлой ночью одна из собак взобралась на глыбу льда слева от судна. Лед немного отделился от нас, образовав прорубь; собака не могла вернуться прежним путем и, не смотря на зов, не находила другой дороги. Во время обхода по льду я услышал под носом корабля приглушенный собачий лай; я во-время успел добежать и запустил руку в воду для того, чтобы спасти нашего пса. Он уже глубоко погрузился в воду и пришел в себя лишь спустя два часа после того, как был вытащен.

21 ноября. До полуночи небольшое сжатие. Затем лед отступил, оставив у нашего левого борта полосы чистой воды.

Опять на горизонте земля. Яркий месяц, звезды. В полночь вокруг луны яркий круг всех цветов радуги с преобладанием на внешнем краю голубого цвета. При низкой температуре воздух полон снежной пыли, через которую лучи месяца принимают спектральные цвета.

Дрейф с 17 ноября — 22 мили.

22 ноября. Безветрие. С 3 часов ночи северо-восточный ветер, дующий с изменяющейся скоростью, до мощности, достигающей временами до 13 миль. Барометр падает с угрожающей быстротой, а температура поднимается с 27° до 12°. Временами налетают сильные шквалы.

Измерение глубины показало 42 метра и обнаружило дрейф к западу. Под кормой легкое сжатие от наступающих с юга льдин, заполнивших чистую воду слева.

Ниндемани и Алексей натолкнулись сегодня на медведицу с медвежонком. Алексей застрелил медведицу, а с медвежонком вступил в жаркий бой, во время которого разодрал одежду. Уже было поздно и, учитывая ненадежность льда, я не решился сегодня же перевезти медведя на борт. За Алексеем был отправлен наш ялик, а добыча была оставлена на льду до следующего дня.

23 ноября. Северо-восточный ветер, изменяющийся сначала на юго-восточный, а затем снова на северо-восточный. Скорость ветра от 3 до 13 миль в час. Барометр постепенно падает, а температура поднимается до -4° . В 21 час ветер стихает, а затем внезапно дует с юго-запада со скоростью 25 миль в час, что вызывает быстрое падение температуры до -15° . К полночи погода проясняется, видны месяц и звезды.

Днем наблюдалось сжатие. В 13 часов надвигающиеся льдины нагромождают лед под носом судна. Не сомневаюсь, что скоро будем выбиты из гнезда, где так уютно провели более двух с половиной месяцев. Ниндемани и Алексей пошли за застреленным вчера медведем, но из-за появившихся разводьев не смогли добраться до места боя.

24 ноября. Мы оторваны от нашей льдины. Еще накануне, опасаясь последствий постоянного юго-западного ветра, я проверил, все ли собаки в безопасности на борту корабля. В 17 часов меня разбудило сжатие под носом судна. Я вбежал наверх рубки. Сильное сжатие вызвало сотрясение левого фальшборта,¹ а лед местами образовал валы выше наших ледяных перил по левому борту. Клинообразная глыба пробила нашу льдину.

Корабль скрипел и стонал.

Вдруг корма судна поднялась, клин врезался, и наша льдина раскололась. Сжатие слева уменьшилось, и мы оказались в горизонтальном положении.

Левая льдина медленно пошла к северо-востоку, а мы тронулись ей вслед.

Наше уютное гнездо было расщеплено и разбито вдребзги, и мы лишились убежища.

Все наши вещи давно уже были убраны со льда, оставалось только снять сходни, что не представляло затруднений.

¹ Продолжение борта судна выше верхней палубы, служащее защитой от большого нападения воды во время волнения.

Весь день мы оставались почти на том же месте, приближаясь то к одной, то к другой льдине.

Юго-восточный ветер дул со скоростью от 18 до 26 миль, а к полночи скорость уменьшилась до 15 миль. Барометр постепенно поднялся. Наивысшая температура — 16°, наименьшая — 20°. Весь день метель. Промеры показали глубину в 44 метра. Дрейф к северо-востоку.

25 ноября. Яркий месяц, звезды. Юго-западный ветер со скоростью от 12 до 20 миль. Барометр поднялся так быстро, что я опасаясь, не предвещает ли он худую погоду. Максимальная температура — 20°, минимальная — 24°. Измерение глубины показало в полдень 37 метров.

Один из наиболее опасных и тревожных дней. В 6 час. 15 мин. наблюдалось легкое сжатие по левому борту у носа. В 9 час. 15 мин. очень сильное сжатие на левый борт сотрясало фальшборт и накренило корабль на 3° на левый борт. В 10 часов сжатие прекратилось, и мы оказались в небольшом разводье. Я колебался, что предпринять: вблизи не было достаточно большой льдины, где можно было бы спокойно стать на якоря. Если бы судно было свободно, оно могло бы при движении льда тронуться вместе с ним. Сейчас судно находилось в разводье шириной немного больше длины судна и могло двигаться как вперед, так и назад. Я решил ничего не предпринимать и ждать.

В 15 часов судно двинулось через канал кормой вперед. На милю к востоку позади судна виднелась полоса открытой воды, а спереди на запад разбитые глыбы льда стягивались и наступали на нас.

Проходя через небольшой изгиб канала, судно коснулось кормой льдины и пристало к ней.

Мы не успели еще повернуть судно в направлении ветра, как приближающийся лед уже навалился на судно и, сжав его, начал проталкивать по каналу. Лед обрушивался с грохотом, балки стонали и скрипели, — все это представлялось страшным зрелищем.

Все-таки мы плыли, и через полчаса оказались в разводье. Скорость хода уменьшилась, и мы очутились у тонкой льдины: нос врезался в молодой лед, и судно остановилось. Наша скорость не превышала $2\frac{1}{2}$ узлов,¹ но путь по каналу движущегося льда был настолько ужасен, что, когда он был пройден, у всех вырвался вздох облегчения.

¹ Узел — морская мера скорости хода судна, равна $\frac{1}{120}$ мили.

Я убежден, что, если бы мы утром стали на якорь у небольшой льдины, нас оторвало бы от нее и поток плывущего льда сжал бы нас в канале и повредил бы судно, а может быть глыбы обрушились бы и на самый борт.

При ярком месяце — почти полнолунии, — мы всё отчетливо видели. Я не мог отогнать от себя мысль, насколько было бы хуже темной ночью, когда все слышно, но ничего нельзя рассмотреть. Когда опасность видна, можно до известной степени подготовиться к ней, но величайший ужас внушает опасность, которую нельзя видеть.

Необычайно прекрасно было отражение лунного света от льдины: надо льдом струился чистый золотой свет, казалось, что находишься в сказочной стране.

26 нояб. Мои опасения, вызванные вчерашним падением барометра, оправдались. До 4 часов было безветрие, а затем подул легкий юго-восточный ветер. Ветер все крепчал; в полдень он достиг скорости 8 миль в час, в 15 часов разразился шторм. Скорость ветра поднялась до 21 мили, и наконец с полуночи — до 29 миль. Барометр поднялся до 769,27. Температура с -13° поднялась к концу дня до -12° .

Корабль крепко вмерз в молодой лед, но при сильных порывах весь корпус его сотрясался. Вблизи виднелось несколько полыней, а дальше всюду простиралась масса сплошного льда. Эта бухта затянется при новом движении льда, которое, как я заметил, бывает при безветрии или при слабом ветре, когда нет сжатия и когда все стремится вернуться к прежнему положению. Лот показал глубину в 24 метра (мягкое дно). На горизонте замаячила земля там же, где и 29 октября.

27 нояб. Очень сильный юго-юго-восточный ветер со скоростью, доходившей от 25 до 40 миль в час. Корабль едва не сдвинуло; но сотрясение было значительно, — казалось, все балки расходятся. Шторм не ослабел и к полночи, начался дрейф к северо-западу. Следует думать, что весь лед идет в том же направлении: это видно из того, что берега нашей бухты не сдвигаются. Повидимому, где-то к северо-западу должно быть большое водное пространство.

До сих пор, хотя и с трудом, мы доставали снег достаточно чистый, чтобы получить из него питьевую воду. Теперь вблизи нас так мало снега, что наше положение становится затруднительным. Снежных сугробов также не видно, и приходится спускаться на льдины и отскабливать с них снег. Снег очень соленый, и сегодня невозможно было

пить чай и кофе. Во всех направлениях видны во льду трещины, лед ненадежен. Поэтому я не могу отправить команду подалее на поиски снега: судно может сдвинуться с места и оказаться во власти ветра раньше, чем они смогут вернуться.

28 ноября. Нет достаточно чистого снега, и мы принуждены были начать перегонку, приспособив змеевик к бакстерскому котлу. Это вызовет расход горючего, но ничего не поделать. Соленый снег, добывавшийся в последние два дня, уже вызвал несколько случаев желудочных заболеваний среди офицеров и команды. Нужно во что бы то ни стало достать чистую воду.

Сильно чувствуется невозможность прогулок, но состояние льда не внушает доверия. Собаки уныло бродят по судну.

29 ноября. Утомительный, беспокойный день. Шторм продолжается. В 7 часов лед двинулся против ветра. Вся сила льда была направлена на корпус судна; лед с левой стороны был крепче и менее податлив; судно трещало и скрипело, как никогда раньше. Несколько раз давление достигало колоссальной силы; казалось что палуба разорвется на части.

На подветренной стороне сравнительно небольшая льдина нагромодилась на большую, и обе начали наступление. Края нашей льдины были отбиты. Лед с правого борта продолжал разрушительное сжатие. Корабль стонал, затем замер, только дрожала палуба. Давление льда продолжалось с полчася; казалось, что железо и дерево не выдержат, и льдины с левой стороны низвергнутся, обрушатся на судно и расколуют его. До 15 часов продолжалось сжатие более сильное, чем когда-либо. Мы были крепко сжаты, судно накренилось на $2\frac{1}{2}^{\circ}$. Судно не могло приподняться, так как толщина льда не превышала 30 сантиметров и достигала борта судна не выше креплений. Весь вопрос сводился к тому, окажется ли судно достаточно сильным, чтобы выдержать напор. К счастью, оно выдержало, иначе судно расколосось бы на-двое. Атака льда длилась в общем 8 часов.

30 ноября. День отдыха, особенно ощутимый после вчерашних волнений. Шторм окончился в 6 часов утра; светили яркий месяц и звезды, а в 9 часов пробился дневной свет.

Солица мы совсем не видим, и наш полдень напоминает сумерки в других широтах. Иногда, как, например, сегодня, они очень красивы. К югу выделялись золотые и красные

полосы. Ясное голубое небо, освещенное полным месяцем. В полдень — Венера. Прекрасна была игра света в тени на окружающем нас снегу.

Всюду разломанный пак, а в центре — наша „Жаннета“, сжатая обломками льда толщиной в 18 сантиметров.

Попытка поддерживать в себе поэтическое настроение в Арктике заслуживает всяческих похвал, но я не стану к этому стремиться. Не могу хладнокровно писать о великолепии арктических видов: пережитые волнения еще не изгладились. Ограничусь замечанием, что как ни красиво здесь с поэтической точки зрения, я горячо желаю поскорее отсюда вырваться.

Снова возобновились наши двухчасовые прогулки по льду, что и полезно и приятно. Лот показал глубину в 58 метров (голубая тина). Дрейф на северо-запад. Анегин подстрелил кружившегося вокруг ворона, и мы присоединили его к нашей коллекции. К юго-западу маячит земля. Даненовер определил наше положение — $72^{\circ}36'$ северной широты, $178^{\circ}08'$ западной долготы. Оказывается, что с 21 ноября мы продрейфовали 40 миль на северо-запад. Без всякого сожаления прощаюсь с ноябрем, месяцем штормов, ледяных сжатий и тревоги. Надеюсь, что декабрь приблизит нас к полюсу и к неоткрытым еще или неисследованным землям.

Глава VI

ГЛУБОКОЙ ЗИМОЙ

Декабрь 1879 года—26 января 1880 года

1 декабря. Как и вчера, ясная, чудная погода. Барометр поднимается. Зоны высокого и низкого давления сменяются подобно волнам.

На льду все звуки, благодаря исключительно прозрачной атмосфере, передаются на большое расстояние, звучат как под огромным сводом. Человеческий голос слышится с такой силой, как в пустом помещении или в пещере.

Максимальная температура — 20° , минимальная — 15° .

Виден круг луны. К югу от открытой воды отчетливо вырисовывается мираж. Измерение глубины показало 55 метров. Лед спокоен, и корабль попрежнему недвижим.

Начался ежемесячный осмотр. Я не замечаю никаких признаков ухудшения. Правда, у нас случались иногда перебои с добычей чистого снега, и из-за несовершенства дистилляционного аппарата затруднения не исчезнут до нового снегопада. Завтра начинаем ежедневную выдачу лимонного сока по унции на человека.

2 декабря. Спокойный день. Прекрасный месяц отражается на льду. Совершенно безоблачное небо позволяет наблюдать северное сияние. В 22 часа видна лунная радуга с едва заметными спектральными цветами; в 23 часа радуга сменилась лунным кругом, где цвета уже выступили совсем отчетливо. Затем вспыхнуло северное сияние и, как по волшебству, поглотило лунный круг. Наконец, вновь появилась лунная радуга, она изогнулась в одном направлении с дугой северного сияния. В 23 часа 50 мин. вдоль горизонта образовалась завеса, напоминающая полосы дрожащего пламени. Не слышалось ни звука.

Луна, ярко вырисовывающаяся на темносинем фоне, освещала корабль, с белыми от инея снастями, и льдину, окруженную бахромой сугробов самой фантастической формы. Картина была достойна кисти художника.

Хотя спокойное состояние льда и может оказаться обманчивым, я впервые с 13 ноября попробую лечь на ночь раздетым.

Сегодня начали выдачу лимонного сока.

3 декабря. Отчет доктора вполне удовлетворителен. У шести офицеров найдено прекрасное состояние здоровья, у двух — доктора и меня — хорошее, у 29 человек команды — превосходное и у трех хорошее.

В отдалении слышно грохотание льда, но нас ничто не беспокоит.

4 декабря. Мы могли бы совершенно погрузиться в оцепенение, если бы не ежедневные двухчасовые прогулки. С 11 до 13 часов корабль пустует. Офицеры гуляют, команда или небезуспешно охотится, или играет в футбол. У нас прекрасная, ровная и гладкая площадка в 240 метров длины, и в два часа мы ухитряемся пройти от 4 до 6 миль. Это лучшее время дня, так как с 16 часов совсем темно, а сумерки не могут заменить скрывшегося солнца. Даненовер начал занятия с командой по начаткам навигации.

6 декабря. Наступили холода, но так как северное сияние было еще 2-го, то вряд ли их можно поставить в связь. Высшая температура — 24°, низшая — 31°. С вечера до полуночи на корабле слышался треск, от сжатия металлических скреплений трещали деревянные части корабля.

У собак, лежавших на льду, шкура примерзла, они с силой отрывали ее от льда. Сегодня одна собака так крепко примерзла, что пришлось откапывать ее лопатой.

7 декабря. Холода продолжают. Температура колебалась между 29° и — 32°. В 11 часов осмотрел корабль. В передней и задней части жилой палубы и кают-компания появилась сырость. Центральная часть палубы достаточно отапливается печкой. Люк, сообщающийся со спардеком,¹ покрыт навесом, но воздух проходит через проделанные в последнем отверстия. В нижних филенках двери сзади проделаны отверстия, и сюда, как и в камбуз, воздух проходит с рубки, где температура в среднем поддерживается до 9° градусов, и поэтому здесь не должно было быть

¹ Вторая, закрытая палуба корабля.

сырости. Но в действительности и здесь сыро. У нас имеется крышка для люка из гальванизированного железа с дымовой трубой. Нужно будет прочно укрепить ее на месте. Есть и другое затруднение: бакстеровский котел при дистиллировании дает слишком соленую воду. Я объясняю это следующими причинами: котел получает охлаждающую воду из бака, который наполняется ведрами с крыши корабельной надстройки. Ведрами соленую воду носят из проруби, расположенной недалеко от карабля. Если не быть достаточно ловким (а как требовать ловкость от матросов при температуре в 32° ниже нуля?), соленая вода расплескивается и вместо бака попадает в дистилляционный змеевик и на крышу надстройки, откуда капает вниз в бочку с пресной водой. Известно, что достаточно совсем незначительного количества просочившейся соленой воды, чтобы свести на-нет всю работу опреснителя.

Потребовалось несколько дней, чтобы установить эту причину, и мы будем дальше бороться с ней при помощи таза, собирающего капли. Затем и в самом котле, если насос работает слишком быстро, вода начинает давать пузыри и через змеевик проникает в бочку. То же получается, если пустить в змеевик слишком много пара; при недостаточном же паре змеевик уже несколько раз замерзал и лопался. Пробовали отскабливать льдину и доставать таким образом снег для питья. Но вода получалась соленой и вызывала желудочное расстройство. Мельвилль начал работать над улучшением дисцилляционного аппарата, а он почти всегда добивается успеха.

Отсутствие света тоже дает себя знать. Даже месяца не видно, а дневной свет длится не более четырех часов. Правда, мы не страдаем, и аппетит у нас не уменьшается. Во время еды царит обычное веселье, но мы не привыкли к такому вынужденному безделью, и оно тяготит нас.

Как ни тепло и ни удобно у нас, все же хотелось бы куда-нибудь уйти, но нельзя выходить и разгуливать в такой темноте. Мы должны ограничиться ежедневными прогулками от 11 до 1 часа.

Проводим время за чтением, курим и ворчим, если печь недостаточно тепла, а дверь каюты пропускает холод.

Нет уверенности, что лед позволит хотя бы час оставаться спокойным, и это мешает нам устроить обсерваторию и заняться интересными астрономическими и магнитными на-

блюдениями. Производим ежедневно только метеорологические наблюдения.

Кажется, наша неуверенность в состоянии льда передавалась и собакам. Они регулярно возвращаются на ночь на борт и так же методически, как и мы, поднимаются по сходням, когда бьет две склянки. Только немногие из них остаются на льду; в случае, если лед расколется, за ними придется гоняться.

Не видно медведей. Изредка наталкиваемся на следы песцов. Наши охотники иногда видят пятна крови там, где медведи поймали тюленя, но поиски, продолжающиеся до сумерек, ни к чему не приводят.

С 20 часов до полуночи прекрасное северное сияние в виде петель.

8 декабря. К северо-востоку в полмиле от нас началось движение льда, сопровождаемое обычными стонами и визгами.

9 декабря. Сильный юго-юго-восточный ветер весь день. Лед недвижим.

Не могу придумать, чем бы внести разнообразие в нашу жизнь.

Постоянно ждем движения льда; мы готовы ко всем случайностям: мешки под рукой, сани упакованы, боты наготове, медикаменты, инструменты, оружие, амуниция—все приготовлено. Мы живем как на краю вулкана, но нас не покидает чувство неуверенности и беспокойства. Остается только ждать и, когда прошел день, надеяться, что следующий будет не хуже. Если бы мы были в гавани и могли бы считать, что корабль до весны имеет твердую опору, мы провели бы зиму незаметно среди занятий и развлечений, но здесь в паке на воле ветра нам остается только сидеть и ждать.

Из-за неизбежных и необходимых отбросов нельзя сказать, чтобы окружение корабля имело привлекательный вид. Если бы был снег, все было бы хоть покрыто, но, кажется, в этих областях снег никогда не выпадает. Конечно, и то хорошо, что все эти отбросы снаружи, а не на самом корабле, но все-таки отсутствие чистоты действует угнетающе.

Мельвиллю удалось наладить дистилляционный аппарат, и теперь получается чистая вода, но на каждый галлон воды идет 800 граммов угля, этот расход нас разорит. Никогда не был так нужен снег.

10 декабря. Наш стюард нашел сегодня череп и кости трески в нескольких милях от судна. Вероятно, это остатки успешной рыбной ловли медведя или песка.

Сегодня были помещены термометры в различных местах корабля. В 22 часа в жилой палубе 20° , в старом помещении камбуза 7° , на рубке 9° , в каюте 10° , у входа в каюту — 10° и на воздухе — 14° .

11 декабря. Сегодня, казалось, нам вновь придется пережить тяжелые минуты. При дневном свете впереди увидели трещину во льду, идущую вдоль корабля с юго-запада к северо-востоку, которая образовалась так тихо, что вахтенный не заметил ничего, кроме слабого удара в 8 час. 40 мин. В 10 часов трещина уже была обнаружена, а к 11 час. она расширилась до 180 сантиметров. Представилась возможность измерить утолщение льда с 25 ноября. Оказалось, что толщина льда достигла полуметра.

В 11 часов началась передвижка льда. Наша льдина тронулась к северу, где столкнулась с другой большой льдиной. Края нашей льдины были отбиты, площадка для прогулок сократилась на 40 метров. Затем льдина остановилась. Лед налево от нас пришел в движение и, медленно продвинувшись на северо-восток, на расстояние около 200 метров, остановился. Разводье 180 сантиметров шириной начало закрываться, и через несколько часов все успокоилось; лишь иногда раздавались сдавленные визги, указывающие на сжатие. Корабль совершенно не пострадал.

Облака стремительно неслись с юго-запада, барометр упал, и до 11 часов утра скорость ветра равнялась от 6 до 8 миль. В 11 часов ветер внезапно изменил направление на юго-запад и с 8 миль достиг скорости — 25,5 миль, временами скорости шквала, не меньше 40 миль в час.

В полночь направление ветра на запад, скорость 21 миль. Барометр поднялся. Температура, дойдя до -9° , упала до -12° , в полночь равнялась -22° . В 23 часа прекрасное северное сияние. Его надо видеть самому. Оно не поддается описанию, так как никакое описание не может передать картину волнообразного света. Мне не удалось до сих пор связать появление северного сияния с какими-либо метеорологическими или другими необычайными явлениями.

13 декабря. Постоянный туман не дает возможности определить наше положение.

14 декабря. В 11 часов произвел обычный ежедневный осмотр. Все на корабле в порядке. Надо принять во внима-

ние, что при настоящих условиях чистка ограничивается отскабливанием и вытиранием теплой водой. Каюты в кают-компании сухи, но в рубке сыро, а местами и мокро от просачивания талого снега, грязи от бакстеровского котла и от влаги, образующейся при перегонке.

Если бы жизнь в Арктике не была бы связана с лишениями, — все желали бы попасть сюда. Нам остается только благодарить судьбу, что нет более серьезных неудобств.

Все здоровы и бодро настроены. Конечно, некоторые тяжело переживают неудобства, но, по-моему, это происходит не от состояния здоровья.

Кроме Денбара и Ниндеманна еще никому не приходилось зимовать в Арктике. Денбар провел зиму в Кумберландском заливе; его судно спокойно стояло в гавани и не прекращало связи с береговыми жителями. Ниндеманну пришлось проделывать на „Полярисе“ ужасный зимний дрейф на льдине и пережить чудесное спасение. Остальные зимуют впервые.

К нашей зимовке в паке, ко всем неожиданностям и опасениям прибавляется еще сознание, что в первый сезон не удалось достичь высокой широты, что мы ничего не открыли и не достигли ничего ценного в научном отношении. Неизвестно, что нас еще ждет впереди, но лучше надеяться на благоприятный исход и не опасаться плохого.

Толщина нового льда вокруг нас достигает 50 сантиметров. На поверхности льда откристаллизовалась соль. Не зная, на какой глубине лед свободен от соли: Вейпрехт¹ тоже ничего не сообщает об этом. Из сорока-сантиметрового льда мы вырезали пилой 4 куска, каждый толщиной в 10 сантиметров. Когда лед был растоплен, оказалось, что вода так солонa, что совершенно не годится для питья. Предполагаю повторить опыт с льдиной в 2,5 метра. Не произведя выпаривания воды и взвешивания остающейся соли, нельзя установить, существует ли какое-либо различие в различных слоях. При испытании азотной кислотой вода во всех случаях была одинаковой белизны, и самый низший пласт давал такую же негодную воду, как и верхний.

16 декабря. Последнее время лед так спокоен, что постепенно у нас возникает уверенность в прочности нашего положения.

¹ Вейпрехт К. (1838—1881) — австрийский полярный исследователь, открывший Землю Франца-Иосифа в 1873 г. В 1875 г. К. Вейпрехт выдвинул проект систематического исследования Арктики путем организации международных полярных метеорологических станций.

Но сегодня Коллинс и еще два человека провалились сквозь лед в разных местах на расстоянии не больше трехсот метров от судна. Все сошло благополучно, если не считать, что им пришлось испытать температуру воды на поверхности.

18 декабря. Сегодня утром обнаружили большую полынь во льду в 500 метрах к северу от судна, шириной с четверть мили, простирающуюся к востоку и западу. В 17 часов по высоте месяца и нахождению его в меридиане Даненовер определил положение северной широты $72^{\circ}27'$ и $178^{\circ}23'$ западной долготы. Дрейф 8 миль. Мы находимся в сравнительно спокойной части океана.

20 декабря. Сегодня снова произведено измерение толщины льда. С 25 ноября до 11 декабря рост образований был 50 сантиметров, а сегодня тот же лед, измеренный в отдушине, оказался 75 сантиметров толщиной. Увеличение на 25 сантиметров за 10 дней.

После полудня легкий треск и движение льда к северу, но непродолжительное и не обеспокоившее нас.

Ниндемани застрелил тюленя.

22 декабря. Самый короткий день в году.

Наша арктическая ночь наполовину окончилась, и теперь день будет прибывать, а не уменьшаться. Проблески дневного света показались в 8 час. 40 мин. утра; в 9 час. 15 мин. можно было с уверенностью сказать, что где-то солнце, а в 13 часов свет начал исчезать, и к 15 часам не осталось даже намека на сумерки.

До сих пор чувствую себя хорошо, за исключением Денбара и Даненовера. У Даненовера воспалительный процесс в левом глазу, ему приходится держать его завязанным, но ничего серьезного нет. Денбар сильно простудился; по его словам, он никогда раньше не болел, и заболевание очень отразилось на его настроении. Часть из нас страдает бессонницей, и, кажется, я больше всех. Моя работа оканчивается в первом часу ночи и мне редко удается заснуть раньше трех, а не то и четырех часов. Вероятно, бессонница вызывается отсутствием достаточного моциона.

Как бы в честь самого короткого дня в году у нас северное сияние, превосходящее все прежние как по силе, так и по красоте.

23 декабря. Сильные ветры, дувшие за последние дни, намели снег. Мы сгребли его в кучи вдоль борта корабля с целью увеличить тепло и уменьшить сырость на корабле.

24 декабря. Наше окружение не очень приятно, а судно не достаточно велико для театральных представлений. Прошлую неделю делались кое-какие попытки, но ничего не вышло. Вечером я распорядился выдать команде три кварты виски, а Мельвилль приготовил прекрасную смесь из ирландской виски, которую нам подарил при нашем отъезде Кохран, и мы пили за веселое рождество и за отсутствующих.

25 декабря. Облачный, темный, неприятный день, сильный ветер, легкий снег. Рождество. Никогда еще в своей жизни не приходилось переживать такой скучный день и к тому же в самой скучной части света. Но все же нам, или скорее мне, не надо жаловаться, так как до сих пор мы не испытывали серьезных бедствий. Мы старались быть веселыми, но это не удавалось до самого обеда, когда в кают-компании было устроено пиршество, заставившее нас позабыть о нашей обстановке. Для полного благополучия не доставало одного из наших товарищей, который не мог присутствовать на обеде. В 4 часа команда во главе с боцманом Колем пришла к нам и пригласила в рубку послушать музыку. Мы поблагодарили и пошли к ним; у них была музыка, пели песни, и Алексей исполнял национальный танец.

26 декабря. В 22 часа 15 мин. с правой стороны раздался резкий треск. С палубы мы увидали полынью, образовавшуюся с левой стороны к востоку на расстоянии трехсот метров от судна. Спустившись, я увидел, что на льду образовался канал шириной в 3,6 метра, идущий вокруг носа корабля около мили как к северу, так и к югу, к новому льду, сковавшему вчерашнюю полынью. Повидимому в океане сказывается действие прилива, так как все сжатия совпадают с полнолунием или новолунием.

28 декабря. С 5 час. 10 мин. до 5 час. 25 мин. легкое затмение части нижнего края месяца. Будь у нас обсерватория, можно было бы сделать точные наблюдения, но на неустойчивом паке это неосуществимо. В полдень с одной из собак произошло что-то странное—она потеряла способность двигаться и лежала с сжатыми челюстями; глаза, лишенные всякого выражения, были устремлены в одну точку. Вечером доктор впрыснул собаке аммоний, но это значительного эффекта не дало.

29 декабря. В 10 час. 10 мин. легкое движение льда вблизи последнего разводья к востоку. В полдень виднелось

что-то очень похожее на землю. День прибывает. Сегодня на южном горизонте небо было розоватого оттенка. Свет был настолько силен, что его действие наблюдалось и на северном горизонте.

Больная собака сдохла ночью. Остается 38 сабак; из них одна, израненная в драке еще на острове Михаила, тоже медленно угасает. Алексей вскрыл издохшую собаку и нашел у ней в желудке кусок веревки; повидимому это и явилось причиной ее гибели. Несмотря на строгий надзор, собаки уничтожают все. Каждая получает по сушеной рыбе в день, но, несмотря на это, они день и ночь бродят среди пустых банок и груд мусора и набрасываются на все, даже на выливаемые за борт помон.

31 декабря. Последний день в году, погода мрачная и скучная. Рассвет в 8 час. 16 мин. Иногда налетают шквалы мелкого снега; они позволяют надеяться на уменьшение расхода угля для дистилляционного аппарата. Но как только мы начинаем думать, что вот-вот пойдет снег, шквал прекращается.

Даненовер с сегодняшнего дня занесен в список больных, его глаз совершенно отказывается служить. Чтобы поднять настроение при встрече Нового года, я выдал для команды 4 кварты водки. Мельвилль подогрел воду для смеси. Наша маленькая колония в 33 человека ожидала звука склянки, чтобы проститься с 1879 годом и приветствовать 1880 год.

1 января 1880 года. Наступление Нового года было возвещено звоном судового колокола. Собравшаяся на палубе команда трижды прокричала ура в честь „Жаннеты“, а затем отправила к нам в каюту двух делегатов с пожеланиями счастливого Нового года.

Год начался приятной ясной погодой.

Температура с -31° к 4 часам ночи упала до -34° , а к 11 часам утра достигала -39° и оставалась такой до полуночи. Вероятно, температура была еще ниже, но ртутные термометры замерзли, а спиртовые при такой погоде не дают точных показаний.

Круг у месяца. Слабо видны ложные месяцы, из которых последний очень яркий. Через настоящий месяц и два боковые ложные к горизонту проходила кривая линия.

Рассвет в 8 час. 15 мин. Измерение глубины показало 55 метров. Низкая температура и сильный ветер вынудили меня приостановить действие приказа, трубующего, чтобы все оставляли корабль для моциона на льду с 11 до 13 часов.

В 15 часов сели за обильный обед, а затем приготовились к вечернему выступлению исполнителей песен. Днем команда прислала нам приглашение с программой. К 15 час. 30 мин. за нами пришли и пригласили в рубку. Войдя, мы увидели небольшую красивую сцену с опускающимся занавесом и рампу, красиво убранную флагами.

Представление началось выступлением певцов, шутками и загадками, перемешанными с песнями.

Свитман хорошо пел. Кюне прекрасно исполнил соло на скрипке, Коль станцевал джиту с невероятно важным видом. Коллинс написал пролог, где каждому по очереди была посвящена рифма. Алексей и Анегин исполнили народные танцы, а последний кроме того имитацию песни, которую распевают наши китайцы. Китайцы представили битву с ножами и шестом и в свою очередь с большим умением имитировали манеру петь и танцевать Алексея и Анегина.

Представление окончилось к 23 часам. Мы были одинаково довольны и кораблем, и исполнителями, и сами собой, и тем, как отпраздновали первый день Нового 1880 года.

2 января. Температура очень низка — наивысшая — 38° , наинизшая — 39° . Без сомнения, к югу от нас бушует буря. Здесь же высокое давление барометра и низкая температура сопровождалась западным ветром, который перешел на северный, а затем совершенно затих. Небо почти безоблачно, только несколько легких полос тянутся к югу. Круг у луны был виден в 3 часа.

3 января. Рассвет в 8 часов утра. В полдень ясный дневной свет освещал льдину; все вокруг судна было отчетливо видно. За много дней впервые показания анемометра прочитаны без фонаря. К югу небо яркокрасное. К юго-юго-востоку неясные очертания земли. В 1 час ночи лед снова двинулся в южном направлении.

4 января. В 12 час. 30 мин. по кривой линии с юго-юго-востока пронесся метеор и взорвался, как ракета, блистая красным, желтым и голубым светом.

В 11 часов осмотрен корабль. Передняя и задняя части жилой палубы снова сыры. Мы пробовали разложить по палубе на баке старые матрацы и покрыть их снегом. В течение дня или двух результаты были великолепные, и сырость исчезла, но затем снова появилась. Кладовые на носу корабля сухи и, насколько видно, свободны от инея, но это объясняется тем, что они защищены палубной рубкой. Зато кладовая на корме полна инея, и весной придется основа-

тельно над ней поработать. Кают-компания суха, и тут нет инея, исключая боковых переборок передних помещений (Даненовера и Коллинса). Передние переборки, обитые войлоком, совершенно сухи, и на них нет инея.

Несколько офицеров за эту неделю обнаружили, что тиковые чехлы матрацов покрываются сыростью и начали гнить; сырость проникла также между основанием коек и матрацами.

Нужно будет перетряхивать матрацы на воздухе и проветривать их в дни, когда в кают-компании разводят огонь, чтобы согреть воду для кушанья. Каюты теплы, сухи и удобны. Во время нашей двухчасовой прогулки с 11 до 13 часов их открывают и вентилируют. В них становится холодно, но зато воздух делается чистым.

Даненоверу с глазом приходится плохо. У него такое сильное воспалительное состояние, что он не может переносить света. Все остальные здоровы и бодры. В 13 часов прочитал устав и производил смотр команде.

5 января. Доктор зашел ко мне сегодня утром. Болезнь Даненовера по его словам, очень серьезная; ему грозит опасность потерять зрение на левый глаз. Для защиты глаза от света ему нужно оставаться в полной темноте, что, конечно, может повлиять на общее состояние его здоровья и на настроение. Это сообщение сильно меня огорчило. Мы все высоко ценим Даненовера. Сколько раз он поддерживал в нас бодрость духа! Теперь он ни в чем не может принимать участия, а нам остается только иногда заходить к нему, чтобы побеседовать в темноте. Сам он довольно весел. Большая сила характера позволяет ему стойко переносить создавшееся положение.

6 января. Получил от доктора ежемесячный отчет. Доктор считает, что состояние большинства офицеров и команды удовлетворительно. Некоторые жалуются на бессоницу. Из 33 человек 23 — в прекрасном состоянии, 8 — в хорошем, 1 — в неудовлетворительном и 1 — в плохом. В общем надо признать, что арктическая зима не слишком на нас отразилась.

8 января. Доктор попрежнему озабочен болезнью Даненовера. Пока нет ухудшения, но положение и так достаточно серьезно. Он попрежнему в темном помещении и мужественно переносит заключение.

12 января. В 2 часа ночи наблюдалась слабая передвижка льда к западу. В 13 час. 15 мин. — внезапный удар и

треск. Судно повернулось на четверть румба.¹ Я бросился на палубу, но все вокруг было спокойно. К югу на расстоянии около 800 метров слышался грохот; без сомнения, это движение и вызвало испугавший нас толчок.

Заметив, что передвижки льда обычно совпадают с новолунием и полнолунием, и имея в виду, что вчера было новолуние, я провел в тревоге весь день. Но ничего не случилось, и мы смогли спокойно идти спать. Температура понизилась, и предстоят холода.

13 января. Ожидание мороза оправдалось. Температура с -31° к 21 часу понизилась до -37° и только к полуночи поднялась до -35° . Морозы наступили вслед за новолунием; перелистав свой дневник, я убедился, что и раньше морозы бывали приблизительно через столько же дней после новолуния.

С 13 часов до полуночи небо совершенно безоблачное, и южный горизонт отчетливо очерчен, как острие ножа. Нежный молодой месяц, яркие звезды и полная тишина создавали такую картину, от которой нельзя было оторваться, несмотря на опасность отморозить нос и лицо. Не менее красивой была и „Жаннета“. За последние дни в воздухе много влаги, которая покрыла все снасти инеем и легким пушком.

Среди ночи корабль, сверкающий белизной, казался перенесенным из сказочной страны... Но поэтические излияния не по мне, — я начинаю и не могу кончить. Мне чудится, что я знаю мелодию, но не могу вспомнить слова. Иногда в такие чудные вечера я выхожу на лед и ищу слов, чтобы передать, что я чувствую. Но свора собак, дерущихся из-за пустой жестянки, возвращает меня к действительности. Тогда я нервно хватаюсь за полуотмороженный нос и возвращаюсь на борт.

В 21 час 15 мин. появилось сильное движение льда впереди корабля к юго-юго-западу. Схватив фонарь, я с Алексеем бросился на льдину. Ужасный гул и режущие звуки заставляли думать, что сотрясение произошло не дальше 15 метров от нас. Представьте чередование воя бури, треска рвущейся снасти и ударов сотен гребных колес, и вы получите представление о том, каков был шум. В нашей льдине не замечалось никакого сотрясения. Я решил пойти дальше. Продвинулись на 300 метров и пересекли две трещины

¹ Румб — деление картушки судового компаса, равное $11\frac{1}{4}^{\circ}$.

(мой фонарь потух), но не достигли места передвижки льда. Шум не уменьшался. Еще некоторое время мы продолжали спотыкаться и брели, но, наконец, решили вернуться и ожидать событий ближе к дому. На корабле все было спокойно, и мы перестали тревожиться. К 11 часам шум и движение перешли к востоку и, наконец, замерли в отдалении. Наши плотники начали сооружать двое саней, на которых мы увезем катера, если придется оставить корабль.

14 января. Не считая слабого движения к юго-западу, лед не давал повода к опасениям. Но он так изменчив, что никогда нельзя чувствовать себя спокойным. Я объехал на саних с собачьей запряжкой льдину и нашел несколько замерзших уже разводьев — единственные следы последнего движения.

15 января. В полночь почувствовали легкий удар. Я спустился на льдину, где увидел, что на расстоянии около шести метров с правой стороны появилась трещина, огибающая нос корабля и с другой стороны пересекающая ось судна на расстоянии около 100 метров за кормой. К трем часам трещина расширилась до трех метров и одновременно в 30 метрах слева от корабля показалась щель, превратившаяся к шести часам в полынью. Насколько удалось заметить, общее направление движения льда шло к югу и западу.

Постоянная неуверенность угнетает. Конечно, жизнь на пороховом погребе дает сильные переживания, но эти переживания вредны для здоровья. Наше напряженное состояние имеет много общего с такой жизнью.

К сумеркам мы остались на небольшой льдине, со всех сторон окруженной водой. Разумеется, лед снова образуется, и тогда весь вопрос в его мощности. Если наша небольшая льдина будет сдавлена с обеих сторон, она расколется, и кораблю придется выдержать сжатие. Если же сжатие будет с одной стороны, то напор оторвет и нагромодит глыбы, которые начнут наступление на корабль. И в том и в другом случае положение затруднительное, но выбора нет. Лед в 1 метр толщиной — могучий враг и слабый союзник.

16 января. Сегодня ветер был особенно пронизывающий, хотя скорость его и не очень велика. При температуре — 26° гулять не представлялось возможным; при меньшем же ветре мы гуляем и при температуре — 34°. Я отступил от установленного режима обязательных прогулок.

В 0 час. 30 мин. с правой стороны раздался знакомый грохот. Разошедшиеся вчера льдины вновь соединились,

сломав молодой лед, уже образовавшийся в трещинах. В 3 часа снова частые толчки и дребезжание. Судно не сдвинулось; не изменился также и крен в $2\frac{1}{2}^{\circ}$, хотя подводная часть и подверглась сильному сжатию.

Необычайное северное сияние.

17 января. Ясно. Северо-западный ветер.

Температура -30° , к 17 часам понизилась до -41° . Такой низкой температуры у нас еще не было. При -41° наш ртутный термометр замерз и отказывался работать. Другой термометр выдержал и в полночь порадовал нас -42° .

Весь день прекрасная погода, безоблачно и лишь небольшой туман. Небо совсем очистилось. Рассвет в 6 час. 55 мин. утра. Несмотря на ясную погоду, земли к югу не видно. Так как благодаря рефракции¹ она была слишком поднята над горизонтом, мы в свое время не смогли определить, на каком расстоянии она находится. При последнем определении положения мы находились в 100 милях к северу и востоку от Земли Врангеля, если только она правильно нанесена на карту. Когда мы видели ее в последний раз, трудно было допустить, что она находится далее 50 миль.

Тщательное измерение части, отломанной при последнем сжатии льдины, показало толщину в 1 метр 15 сантиметров, результат замерзания с 28 ноября.

18 января. При осмотре в 11 часов убедился, что, если неустанно бороться с сыростью, койки могут остаться сухими: еженедельное проветривание матрацов в рубке и переворачивание их время от времени может предотвратить появление сырости.

19 января. День, полный тревоги. В 13 час. 30 мин. раздался громкий шум, похожий на треск корпуса судна при сильном на него давлении. В это время я был у себя в каюте, и мне показалось, что звук возник рядом со мною. Такой же звук, как я после узнал, слышали и у фок-мачты.² Я выбежал, но не мог определить, чем вызван шум. Лед был спокойный, нельзя было понять, что случилось.

В 19 час. 45 мин. ветер внезапно изменился с северного на западо-северо-западный. Лед начал двигаться, и среди грохота и стоны чувствовалось, что судно подвергается

¹ Рефракция — преломление лучей в насыщенной влагой атмосфере, вследствие чего сильно искажается вид предметов, находящихся в некотором удалении от наблюдателя.

² Передняя мачта корабля.

громадному сжатию. Линия движения льда шла там, где 11 декабря появились у носа трещины, затянувшиеся в тот же день. Двигаясь медленно к востоку, лед подошел к носу судна, вызвав чрезвычайное сжатие в продольном направлении. Корабль, крепко вмерзший в льдину, не мог ни дать задний ход, ни подняться, и, следовательно, все зависело от его крепости. Так как корабль выдерживал такое же давление на борта (без сомнения, более слабые места), не было основания к особому беспокойству. Увидев, что льдина сгибается и разламывается на куски и что движение и сжатие прекратились, я решил, что мы избегли опасности.

Когда к 10 час. 30 мин. команда спустилась вниз в кочегарку, чтобы получить уголь, Шарвелль услышал шум воды в трюме и немедленно сообщил об этом. Осмотр показал, что течь появилась в носовой части. Проследив ее ход, я с огорчением обнаружил две струи воды (2 сантиметра в диаметре), текущие через шпаклевку,¹ положенную внизу жилой палубы. Вода достигала 45 сантиметров в верхнем конце форпика,² 60 сантиметров в кладовой, 90 сантиметров в переднем трюме, а в кочегарке покрывала с левого борта нижнюю обшивку пола. Немедленно были пущены в дело насосы. Я отдал распоряжение поднять пары для парового насоса; в то время как одна смена выкачивала воду насосами, вторая вскрывала передний трюм и поднимала наверх муку. Насосы работали исправно. Передний насос для откачивания трюмной воды, единственный работавший, находился в рубке, и люди, защищенные от холода, могли интенсивно работать.

Трудно было наладить работу парового насоса. Так как краны замерзли, нельзя было питать котел водой с моря, и пришлось наполнять его ведрами через лазы. Температура в кочегарке была —34°, и пришлось долго повозиться, прежде чем стало возможно пользоваться насосом. Благодаря несокрушимой энергии Мельвилля к 15 часам насос работал. Чтобы удержать воду в одном помещении, водонепроницаемые переборки плотно закрыли; когда стала работать паровая помпа, переборки открыли, но вода из кормы выкачивалась плохо, так как отверстия либо замерзли, либо были чем-то забиты. Судно имело крен 2 $\frac{1}{2}$ °, главная масса воды оказалась в корме по правому борту.

¹ Замазка, накладываемая на швы обшивки борта и днища корабля.

² Носовая часть внутри судна, обычно представляет собой вместительное для хранения воды.

Все оставались на палубе до полуночи, тогда одна вахта была направлена вниз. Учитывая тяжелую работу, я велел выдать по две унции водки на человека. Ниндемани, стоя по колено в воде в верхнем конце форпика, закладывал веревками и салом все места, откуда показывалась вода. Но едва ему удавалось законопатить одно отверстие, как обнаруживалось другое. Когда же, наконец, ему удалось добиться того, что только отдельные капли просачивались через щпаклевку, вода нашла дорогу в другом месте.

Отправили Алексея и Анегина вырезать лед из-под носа корабля, чтобы выяснить в чем дело. Они откололи несколько глыб, нагроможденных одна на другую, но вода сразу затопила лед внизу и замерзла, так что работа остановилась. Ни снаружи, ни внутри не видно следов повреждения. Пока корабль не освободится от воды, нельзя построить в трюме водонепроницаемую переборку. Так как вода подступает к паровому насосу, придется насос передвинуть. К счастью, у нас имеется насос в машинном отделении; мы сможем передвинуть его к месту прежнего камбуза и рядом труб соединить с главным котлом. Мельвилль внес это предложение, и в полночь уже приступили к его осуществлению. Все работы производились спокойно, в полном порядке, без замешательства и суеты.

На случай необходимости покинуть корабль сани стояли на корме с сорокадневным запасом продовольствия; боты можно было немедленно спустить, а два ялика были подняты на сани. Каждый имел наготове вещевой и спальный мешки. Наши дневники и записи тоже были приготовлены, так что их можно было запечатать в мешок, но в этом не оказалось необходимости. Температура дошла до -42° . Рассвет в 6 час. 50 мин. Ясно. Яркий месяц и звезды. Весь день сильное движение льда и непрерывное значительное сжатие.

20 января. Тяжело, что при всех затруднениях у нас на руках больной человек. В случае какого-нибудь несчастья Даненовер сам о себе заботиться не сможет, и это меня серьезно тревожит.

У доктора прошлой ночью внезапно сделался приступ боли в печени. Сегодня ему, повидимому, уже лучше. Денбар еще не совсем окреп. Болезнь состарила его на двадцать лет. Ни Чипп, ни Мельвилль, ни я, конечно, при данных обстоятельствах не можем и думать об отдыхе, а из команды Ниндемани, Коль и Свитман так же мало думают

о покое, как и мы. Свитман физически не слишком силен и вряд ли выдержит такое напряжение, но Ниндеманн не знает усталости.

До сих пор, если мы не смогли справиться с водой, то и вода нас не победила. Вспомогательный паровой насос был передвинут из машинного отделения к месту старого камбуза и установлен у переборок кубрика. Пришлось произвести переделки, устроить новые клапаны, и до конца дня мы не успели соединить насос с главным котлом. Установив насос, приступили к испытанию, но оказалось, что насос слишком силен для котла, он сразу забирал весь пар. Передний насос для откачивания трюмной воды приводится в действие вручную и посменно. Временами вода так опускается, что, проработав 10 минут, можно столько же отдыхать. Паровой насос работает 15 минут каждые полчаса, и команда имеет пятнадцатиминутную передышку.

Нельзя рассчитывать справиться с водой одними только ручными насосами, и мы ждем вспомогательного насоса. Может показаться странным, что нужно так много времени, чтобы привести его в действие. Но нам очень трудно спустить паровой насос вниз. Сборка сама по себе трудное дело, не говоря уже о паровой трубе, которую приходится прилаживать.

Все работали до изнеможения или в машинном отделении, или у насосов, или по переноске припасов на корму. На нашу долю выпала в этот день такая работа, которая редко достается людям, но все делалось спокойно и точно. Чипп и Мельвилль помогали мне, и их кипучая энергия, рассудительность и изобретательность заставляют меня верить, что я доведу нашу экспедицию до благополучного конца.

Сильное движение льда и сжатие целый день. Крен корабля увеличился до 3° , и судно сдвинулось к югу на $1\frac{1}{4}$ румба. Легкий ветер к юго-западу, температура колебалась от -38° до -42° .

Движение льда, повидимому, направлено к востоку. На месте, где льдины при столкновении разбились и нагромодились одна на другую, видно много торосов. Льдина вокруг корабля в том же состоянии, но при сжатии по ней как бы проходят волны, и судно скрипит и трещит. Несмотря на сжатие, при тщательном осмотре не обнаружено ни внутренних ни внешних повреждений.

21 января. К часу закончились работы по прокладке линии паровых труб к вспомогательному паровому котлу.

При пуске пара оказалось, что труба замерзла и пар не находил выхода. Поэтому пришлось спустить трубу и оттаивать ее. После этого снова испробовали насос; он стал работать, но оказалось, что всасывающая труба слишком мала. Тогда трюмную всасывающую трубу отвели от главной машины и присоединили к вспомогательному насосу; насос прекрасно действовал, и я мог дать отдохнуть утомленной команде. Вспомогательный насос начал работать в 7 часов, и ему удалось сдерживать воду, а к 16 часам мы настолько одолели ее, что верхний конец форпика оказался таким сухим, что можно было начать сооружение небольшой переборки, чтобы до некоторой степени остановить течь.

Днем значительное движение льда и сильное сжатие. Судно получило много сильных толчков, но течь, повидимому, не увеличилась. Я склонен думать, что отломанная глыба льдины двинулась под корабль и приподняла его, тем самым несколько облегчив сжатие. Судно поднялось на 5 сантиметров выше прежней линии своего положения, отмеченной нами знаками. Я опасаясь, не пострадал ли от этого продольного сжатия наш руль, хотя корма может выдержать сильное напряжение.

Много тяжелой работы достается Ниндеманну и Свитману. При работе над переборкой им по очереди приходится стоять в воде в верхнем конце форпика. Ниндеманн может выдержать все, но на Свитмане такая работа сказывалась, и временами я боялся, что он не выдержит. Мы даем им через каждые четыре часа по унции водки; другая же часть команды, занятая на ночной работе, получает обильную пищу и кофе.

Я стараюсь по возможности поддержать силы у всех. Чипп и я поочередно дежури́м по 12 часов, наблюдая за работой и за состоянием льда. Наша жизнь напоминает пороховой погреб с заложенным и готовым загореться шнуром. Мельвилль, даже спускаясь в каюту, вместо того, чтобы спать, обдумывает новые средства откачивать воду паром, расходуя меньше угля. Даненовер не принимает никакого участия в работе.

22 января. Сегодня, приготовляясь возобновить измерения глубины, при откапывании проруби на глубине 1 метра 20 сантиметров натолкнулись на крепкий, плотный лед, который настолько закрыл снизу прорубь, что нельзя было спустить лот. Я думал, что во время сильного про-

дольного сжатия надвигающаяся льдина проникла под льдину, в которую вмерз наш корабль (так как судно поднялось на 5 сантиметров), и теперь находится под кормой до грот-мачты.¹

Ясный день, видны только кучевые и перистые облака на западе и юго-западе. Барометр поднялся, а температура к полдню упала до -38° и поднялась до -33° к полночи. Рассвет в 7 час. 30 минут. В полдень на южном краю неба розоватые краски, ясно указывающие положение солнца. Болезнь Даненовера настолько ухудшилась, что, по словам доктора, если не будет сделана операция, ему угрожает слепота на левый глаз. Вся наша обстановка недостаточно приспособлена для больных. Предлагаемая врачом операция связана с большим риском, так как необходимость покинуть корабль висит над нами постоянной угрозой. Если Даненовер после операции подвергнется трудностям и лишениям, неминуемым при переходе через лед, он, по всей вероятности, потеряет зрение. При таких условиях я посоветовал доктору предоставить Даненоверу самому решить вопрос об операции. Даненовер после некоторого колебания решил подвергнуться операции. Сегодня доктор Амблер сделал операцию. Больной перенес ее с героической выдержкой. Не знаю, чем более восхищаться — умением и ловкостью доктора или выдержкой Даненовера.

23 января. Продолжение той же истории: течь в судне требует напряжения всех сил. Вспомогательный паровой насос на месте старого камбуза работает непрерывно, а паровой насос в машинном отделении — половину времени. Ниндемани и Свитман, единственные, на которых можно вполне положиться, сменяя друг друга день и ночь, стоят в верхнем конце форпика, работая над устройством переборки: к полночи все, не исключая последней вертикальной доски, было на месте. Утром вскрыли бочку парижского пластыря, который был взят для естественно-научных коллекций, и забили им щели между фермами. При соединении его с водой образуется цемент. Кроме того переборку зашпаклевали золой и войлоком.

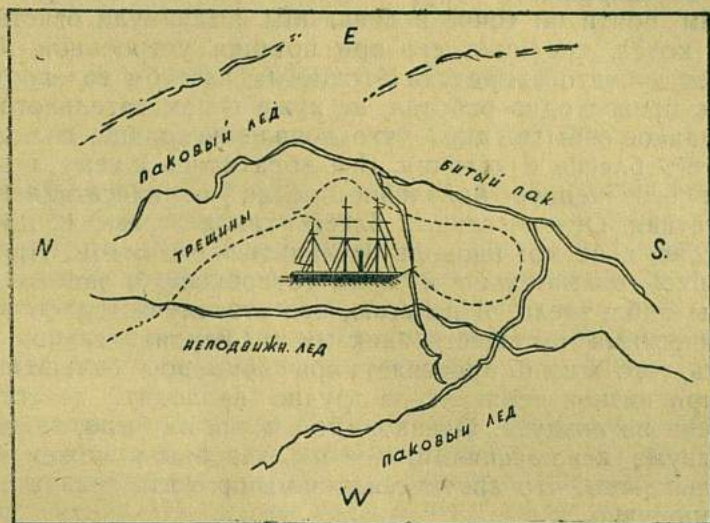
Корабль принял отвратительный, неуютный вид. Кубрик сделался совершенно сырым от бесконечного хождения через него в верхний конец форпика, камбуз насквозь промок от вспомогательного насоса, палуба — от бакстеров-

¹ Вторая от носа мачта корабля.

ского котла, а шканцы, куда поступает вода из проруби, покрылись льдом и густой грязью.

Когда вспомнишь вид корабля в начале путешествия, охватывает уныние. Но „чем ближе утро, тем ночь темней“, и, кто знает, может быть будущее нам улыбнется.

25 января. Выкачиваем воду без передышки, но она снова и снова заливает.

Набросок Ньюкомба

Ниндемани и Свитман законопатили переборку. Если они и дальше так будут работать, Свитман свалится. Ниндемани, переоценивая свои силы, не сознается, что устал. Кроме них на корабле нет квалифицированных плотников, и я должен оберегать их. Я не привлекал к этой работе остальную команду потому, что место для работы было только для двоих, остановить же течь могли только умелые руки.

Болезнь Даненовера снова начинает меня беспокоить. Постоянное пребывание в темноте сказывается на общем состоянии его здоровья; кроме того, на него действует упорство болезни, не поддающейся пока что лечению. Его мучает невозможность работать, и все наши попытки ободрить его не достигают цели. Доктор не скрывает от меня своих опасений: он полагает, что потребуются вторая операция.

Мои заботы все увеличиваются. Поврежденный корабль, течь, серьезно больной офицер, ужасный пак, постоянное уменьшение запаса угля, наша зимовка среди льдов на расстоянии 200 миль от ближайшего сибирского поселения — все это дает пищу для тяжелых дум.

26 января. Утро посвящено обычному теперь делу — откачиванию воды и попыткам остановить течь. Нам удастся сдерживать воду, и это все. Уголь быстро тает, тратим почти по тонне в день. Мы выдвинули бакстеровский котел, соединив его при помощи устроенной Мельвилем зубчатой передачи с трюмным насосом на спардеке. Насос превосходно работал, не хуже вспомогательного.

Главное событие дня — это появление солнца, солнца во всем его блеске и величии. Все обратились к нему, приветствуя его первое появление после семидесятидневного отсутствия. Ослепительный блеск утомлял глаза, и, щурясь как сова, я не мог вдоволь насладиться его видом. Присмотревшись внимательно к моим товарищам, я заметил, что все мы побледнели. Я полагаю, что это случается со всеми арктическими путешественниками, и неудивительно, если учесть, что жизнь протекает при ламповом освещении и что при низкой температуре трудно проводить достаточно времени на воздухе. Однако, что бы там ни было, за одним или двумя исключениями, все мы здоровы и можем быть довольны тем, что арктическая зима прожита сравнительно благополучно.

Когда солнце находилось в меридиане, к югу, на западном горизонте, светила полная луна, и в течение двадцати четырех часов все время светило или солнце, или луна. Недалеко от корабля нам удалось найти кусок льдины, под которой был другой — вдвинувшейся льдины, и мы, прорезав ее, смогли определить глубину: 55 метров, илистое дно, причем лот не обнаружил дрейфа. После заката виднелась северная сторона Земли Врангеля приблизительно в том же направлении, где мы видели ее в последний раз.

Глава VII

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

27 января—март 1880 года

27 января. Светлый, приятный день, яркий месяц и звезды, слабый ветер с востока к югу. К 18 часам направление ветра изменилось на север. Ветер был настолько слаб, что в анемометре даже не было заметно движения. Как только ветер переменял направление, лед сразу пришел в движение. Я убедился, что лед в равной степени чувствителен как к влиянию прилива и отлива, так и к ветру.

При восточном ветре мы спокойно дрейфуем вместе со льдом, но стоит подуть западному ветру, как начинается сжатие, а вместе с ним и наши тревоги. Отсюда я делаю вывод, что в это время года в этих областях открытая вода может быть только к западу у Новосибирских островов.

Движение льда, сопровождаемое грохотом и стоном, наблюдалось близко к кораблю в 2 и 3 часа; в 15, 17, 20, 21 и 23 часа корабль сжимало, слышался громкий треск, главный напор шел от грот-мачты за кормой. При последнем сжатии я был внизу, где следил за состоянием течи, и о сжатии узнал от Ниндеманна. Сжатие всегда легко обнаружить по двери каюты, которую в этих случаях едва удастся открыть, хотя все двери хорошо прилажены. Когда сжатие прекращается, дверь открывается без всякого усилия. Длительное сжатие вызвало, повидимому, сгиб бимсов¹ в корме. Водопотоки под угольными бункерами² за последний день совершенно очистились, и вода доходит к корме чистой и так легко, что вспомогательный насос быстро ее всасывает.

¹ Поперечные балки набора корабля.

² Трюм для угля на корабле.

Главные усилия мы направили на насос в машинном отделении, где при пятидесяти взмахах в минуту вода все же задерживалась. Верхний конец форпика стал много суше, и это дало нам возможность начать забивку и замазку. Наша трудная и тяжелая работа оказалась не напрасной, и мы будем продолжать ее с еще большей настойчивостью. Мельвилль высчитал, что можно задержать воду, выкачивая 2250 галлонов в час. Если учесть, что 23-го нужно было откачивать 3363 галлона в час, то ясно, что течь уменьшилась больше чем на одну треть.

28 января. Вода в кочегарке в 8 часов стояла на уровне 57 сантиметров; в 16 часов—51 сантиметр и к полночи 48 сантиметров. Ниндемани и Свитман работали весь день, их энергия поразительна. Постепенно мы добились того, что сможем ограничиться одним бакстеровским котлом; это значительно уменьшит расход угля.

С 6 час. 15 мин. до 18 час. 50 мин. к юго-западу, недалеко от корабля, наблюдалось движение льда, но мы отделались только треском и скрипом болтов в деревянных частях судна. Производили сегодня измерения глубины; пришлось вырезать появившийся за последние сутки лед толщиной в 24 сантиметра.

29 января. Можно отметить дальнейшее уменьшение течи. Целый день продолжали заполнять и забивать скважины между фермами, и теперь, чтобы сдержать воду, достаточно сорока взмахов насоса. В час откачивали 1800 галлонов воды, и если сравнить это количество с 2250 галлонами в час 27 января, то оказывается, что Ниндемани и Свитману удалось уменьшить течь на 400 галлонов в час. Чтобы сберечь уголь, мы прекратили топку бакстеровского котла и растопили печь в рубке. Необходимо поддерживать тепло, иначе на спардеке может замерзнуть насос для откачивания трюмной воды, и, кроме того, эта замена дает экономию в 20 килограммов угля ежедневно, чем, конечно, нельзя пренебрегать.

30 января. Ниндемани и Свитман попрежнему заняты своей утомительной и кропотливой работой по забивке парижского пластыря и золы в междуфермовые пространства. Мельвилль, которому всегда удается выйти из положения, начал приспособлять котел парового катера, что дает возможность откачивать воду из кормы, а бакстеровский котел останется для откачивания главной массы воды на носу. Мы никогда не забываем об экономии горючего,

и расход угля значительно сократился с того времени, как прекратилась работа вспомогательного насоса.

Измерение глубины дало 54 метра, и лот показал легкий дрейф к северо-западу в 6 час. 30 мин. Когда для измерений сделали прорубь, то установили, что за день образовался слой в 25 сантиметров. В 17 часов — незначительное движение льда в 150 метрах к юго-западу от нас, вызвавшее небольшой толчок судна. В 17 час. 40 мин. с юга к юго-западу пронесся метеор, излучавший голубой свет. В 19 час. к северу — слабые отблески северного сияния, а в 11 часов и в полдень — лунный круг со спектральными цветами и слабая дуга северного сияния.

Температура колеблется от -37° до -41° . В конце дня -39° . И хотя весь январь стояли холода, теперь, когда вернулось солнце, радость быть на солнце заставляет нас забывать о холоде.

31 января. Светлый день, хотя на горизонте туман. В 1 час лунный круг. Я заметил, что такие круги указывали на появление разводьев. Под действием воздуха при -34° или -39° происходит выделение воды, с температурой в -2° или -1° , сопровождаемое туманом. Поднимаясь, в силу естественных законов, туман находится между нами и месяцем, и тогда месяц виден тускло, и вокруг него образуется круг. То же самое происходит и со снежной пылью. В 11 часов солнце, сильно поднятое рефракцией, находилось около 3° над горизонтом. В 18 часов — слабые дуги и полосы северного сияния излучали рассеянный свет.

1 февраля. В 13 часов прочел военный устав и произвел осмотр команды. Затем осмотрел корабль. Конечно, на носу сыро и неудобно, но ничего иного и нельзя ожидать при течи, дающей 2250 галлонов воды в час.

В 11 часов к судну приблизился песец. Собаки бросились за ним: бедное животное бросилось к сходящим, как бы за защитой, но Алексей застрелил его. Кроме хвостов леммингов, в желудке у него ничего не оказалось. Через несколько минут показался медведь, и Чиппу удалось убить его. У нас снова свежее мясо. Медведь весил около 160 килограммов, и желудок его тоже был совершенно пуст. Появление животных нас очень устраивает, так как сулит разнообразие в нашем питании.

В 21 час с юго-востока к востоку упал метеор, а в 22 часа лед начал двигаться, с обычным грохотом и стоном, с юга к северу. В полночь тучи совершенно заволокли небо. Я ре-

шил, что наступившая темнота вызвана образованием разводьев, когда более теплая вода подвергается влиянию более теплого воздуха; мое предположение подтвердили новые сильные толчки, ощущаемые на корабле. Однако никаких изменений в окружающем льде мы не обнаружили.

2 февраля. Наш стюард встретил меня утром сообщением, что убит еще один медведь, пытавшийся проникнуть на бак. Я произвел расследование, так как предположил, что наша вахта стала недостаточно бдительна. Оказалось, что медведь приблизился к кораблю в 7 часов; собаки, заметив его, с лаем прибежали на борт. Пока квартирмейстер вызывал Чиппа, медведь, привлеченный медвежьим мясом, повешенным на палубе, попробовал забраться на борт, но свалился. Увидев сходни и догадавшись о их назначении, он собрался снова подняться, но в это время Денбар выстрелил в него. Раненый медведь, преследуемый собаками, бросился в сторону. Истекающий кровью зверь присел, отгоняя собак передними лапами, и Денбар прикончил его. Медведь имел 2,5 метра в длину и весил 360 килограммов. В желудке у него кроме маленьких камней, напояющих куски сланца, ничего не оказалось.

Утром Алексей видел моржа, но, не имея с собой ружья, не мог пристрелить его, а то мы пополнили бы запас собачьего корма. Вся рыба, кроме сорокадневного запаса, уложенного в саях, сегодня кончилась, и мы начинаем кормить собак той смесью из мяса и костей, которую мы получили на острове Михаила.

Во льду сегодня заметны значительные трещины. Ими объясняется внезапная облачность и туманы, наблюдавшиеся в прошедшую полночь. В 13 часов началась передвижка льда, и корабль испытывал толчки. Мы так привыкли уже, что относимся к ним совершенно спокойно. Мы рады, когда они прекращаются, но мы знаем, что их нельзя ничем предотвратить.

4 февраля. Насос, как всегда, весь день в действии. В кочегарке вода на уровне 40 сантиметров. Чтобы сдерживать воду, требуется 35 взмахов в минуту. Течь уменьшилась до 282 галлонов в час. Если бы не расход горючего, все было бы как нельзя лучше; но мы сжигаем 480 килограммов в день, и на сегодня осталось только 58 тонн угля. Не трудно сосчитать, насколько его хватит, и возникает опасение: как мы продержимся следующую зиму. Мы принимаем все меры, чтобы скорее устроиться с двигателем

катера, что даст возможность прекратить топку главного котла и вдвое уменьшить расход угля.

Доктор вручил мне месячный отчет. В общем, состояние здоровья хорошее, но у офицеров наблюдается уменьшение веса. Болезнь Даненювера принимает очень серьезный характер — почти неизбежна потеря зрения на левый глаз. В общем, среди офицеров: у одного — прекрасное состояние, у пяти — хорошее, у одного — удовлетворительное и у одного — плохое. У команды: у 18 — прекрасное и у 5 — хорошее.

Занялись приведением в порядок припасов и размещением их на шканцах и в рубке, так как, когда была обнаружена течь, все было спешно вынесено из трюма и из кладовой и сложено где попало.

5 февраля. Насос попрежнему работает непрерывно. Вода в кочегарке стоит на уровне 40 сантиметров. Меня могли бы спросить, почему мы не откачиваем всю воду. Дело в том, что судно наклонено на 3° на правый борт, где ежедневно и скапливается большая часть воды. Откачивание насосом происходит на левой стороне киля. Правая и левая стороны сообщаются небольшим отверстием, увеличить которое трудно, ввиду большого количества крепления в киле. Поэтому приходится давать воде собраться в таком количестве, чтобы она протекала налево, где ее и откачивает насос.

С 9 до 15 часов видна северная сторона Земли Врангеля. В 23 часа лед был в движении к юго-востоку.

6 февраля. Температура колеблется с -30° до -35° . Со вчерашнего дня над прорубью, через которую производится измерение глубины, образовался лед в 20 сантиметров толщиной. При попытке измерить толщину льдины, достигавшую 4 февраля 122 сантиметров, обнаружили, что под нее вдвинулась другая льдина. Я думаю, что то же случилось и в других местах, и следовательно, нам удастся справиться с течью. Объясняется это тем, что льдины примерзли друг к другу и, соединившись, понизили уровень воды. Если так, то у нас будет много льда, когда льдины снова отделятся друг от друга.

4 февраля. При сегодняшнем осмотре корабля температура в рубке оказалась -8° . Пришлось отдать распоряжение растопить бакстеровский котел, а не то насосы для откачивания трюмной воды могли замерзнуть.

Так как Мельвилль еще не скоро кончит свою работу, я хотел выяснить, можно ли справиться с течью с помощью

только бакстеровского котла и насоса. Когда появился пар, мы закрыли или, вернее, пытались закрыть проходы к водонепроницаемой переборке. Левый проход опустился хорошо, но правый мы никак не могли ни спустить, ни раскрыть. Чтобы получить доступ к проходу, надо было попасть в небольшое пространство между передней стороной угольного бункера и задней переборкой переднего трюма. Начали протаскивать провизию и другие припасы, находившиеся в помещении. До 15 часов воду выкачивали насосом 35 взмахами в минуту, а когда начал работать бакстеровский котел, то насос действовал лишь 15 минут в час. Но надо принять во внимание, что всасывание насосом начинается в 15 сантиметрах от основания и вода должна проникать через киль в кочегарку, откуда насос может ее забирать. Из нашего опыта ничего не вышло, так как проход имел течь и вода с кормы попадала в кочегарку, откуда ее приходилось выкачивать.

До появления течи команда имела возможность пользоваться рубкой. Теперь рубка завалена принесенными из трюма припасами, и команде приходится большую часть времени проводить в кубрике. При температуре -43° , конечно, нельзя надолго покинуть судно.

Стоит чудесная погода; не могу даже припомнить, когда в последний раз был сильный ветер. Каждый день яркое солнце; день прибывает и продолжается с 7 до 17 часов; ночи яркие и звездные; лед спокоен, и, если бы не мороз, мы могли бы пройти по льду не одну милю, радуясь разлуке с арктической ночью.

Мне с Чиппом все еще приходится стоять на вахте, ему с 4 до 16 часов, мне — с 16 до 4 часов, что довольно утомительно и заставляет обращать день в ночь. Даненовер выбыл из строя, и я не могу никому поручить дежурство. Я не хочу привлечь к дежурству Даненовера, так как нахожу, что при настоящем критическом положении постоянно должно дежурить лицо, обладающее всеми полномочиями, и чем меньшему числу людей предоставлены такие полномочия, тем лучше.

С 3 часов — ветер, меняющий направление к западу. Температура -41° , к 9 часам понизилась до -45° , когда ртутный термометр перестал работать, а ртуть плотно замерзла. Спиртовой термометр показывал -44° , затем к концу дня спустился еще на 1° . Так как на показания спиртовых термометров нельзя полагаться, то можно утверждать, что

сегодня температура была ниже -45° . В 11 часов в кубрике было 5304 частицы углекислоты на 1000 частиц воздуха. При выяснении причины оказалось, что в сумятице последних дней не очистили ото льда железную вентиляционную трубу над потолочным окном в кубрике, что препятствовало выходу испорченного воздуха и притоку свежего.

9 февраля. Нам удалось, наконец, уменьшить огромный расход угля до вполне приемлемых размеров. Наши два паровых насоса требуют теперь 62 килограмма угля, и это, конечно, лучше, чем сжигать ежедневно до 400 или 420 килограммов. Перед водонепроницаемой переборкой собирается столько воды, что требуется постоянная работа нашей установки с бакстеровским котлом. Но и на корму через фермы проникает настолько большое количество воды, что устроенное Мельвиллем приспособление котла с парового катера работает непрерывно.

Весь день команда была занята тем, что переносила уголь в задние бункера, чтобы очистить помещение для запасов. Спардек и рубка теперь основательно загружены, поэтому я решил использовать пустые угольные бункера как складочные помещения для припасов. До тех пор, пока вода не перестанет заливать передний трюм, в нем нельзя держать ничего, что может испортиться от сырости. Перед водонепроницаемой переборкой на верхнем конце форпика между фермами и обшивкой продолжается подъем воды, которая просачивается вдоль кубрика, образуя всюду сырость и грязь. Ниндемани и Свитман не перестают законопачивать все места, где проходит вода.

В связи с указанием Вейпрехта на то, что на известной глубине лед почти свободен от соли, мы хотели произвести наблюдения надо льдом, с которым мы дрейфуем. Наблюдения производились над куском льда в 1 метр 17 сантиметров толщиной, образовавшегося от непосредственного замерзания. По данным доктора Амблера, оказалось: количество граммов соли в галлоне морской воды равняется 2025; количество граммов соли в кубе льда, вырезанном из верхних 12 сантиметров нашей глыбы — 548,06; количество граммов соли в кубе, вырезанном из нижних сантиметров той же глыбы — 347,25; количество граммов соли, допускаемое в годной для питья воде, — 10. Отсюда видно, что мы не достигли нужной глубины льда, так как нам не удалось найти ни одного куска льда, из которого можно было бы

достать годную воду. Так как здесь, повидимому, никогда не выпадает снег, приходится дистиллировать каждую каплю воды.

Если, как утверждает Вейпрехт, зимой вся соль кристаллизуется, а летом смывается, то в верхних слоях льда не должно было быть соли. Но наш опыт показывает, что в них 6 сентября было столько же соли, как и во вновь образовавшихся льдинах. Возможно, что у нас был исключительный лед, но я вряд ли могу согласиться с таким предположением. Если вся, или почти вся, соль, получающаяся при замерзании морской воды, оседает на поверхности в результате выветривания и на следующее лето смывается в море и если верхний слой льда сначала тает под действием солнечных лучей, а затем замерзает осенью, выделяя снова небольшой осадок соли, то, конечно, этот вторично замерзший лед чище вновь образовавшегося; но я все-таки не допускаю, чтобы он содержал менее 10 граммов соли. Я не утверждаю, что Вейпрехт руководился скорее вкусовым ощущением, чем химическим анализом, я только констатирую, что нам не встречался лед, старый или молодой, поверхностный или подводный, который годился бы для питья. Доктор Морзе, участник экспедиции на „Nares“ в своих показаниях на суде утверждал, что вода, получавшаяся с вершины айсберга, оказалась чистой. Можно предположить, что он производил анализ воды, но я думаю, что появление цынги на английских судах как раз и вызвано постоянным употреблением воды хотя достаточно чистой на вкус, но негодной для употребления. Та вода, которой мы пользуемся для мытья, получается отскабливанием небольшого количества снега, оставшегося на льдинах. На вкус она приемлема, но в ней содержится 28,63 грамма соли в галлоне, и постоянное ее употребление чрезвычайно вредно повлияло бы на здоровье.

Со времени появления течи бакстеровский котел используется для насоса, а наша дистиллированная вода получается от главного котла. Выяснилось, что соль из него попадает в перегонный аппарат, и в воде оказалось 13,49 грамма соли. Конечно, это слишком много, но при данных обстоятельствах не оставалось другого выхода.

14 февраля. Насос на переднем спардеке работает весь день. Двигатель с парового катера, соединенный с насосом, шестую часть времени работает для откачивания трюмной воды, а в остальное время перегоняет воду для питья и варки.

17 февраля. Наши попытки приводить в действие насосы с возможно меньшим расходом угля больше всего отражаются на бедных собаках. Когда у нас был пар от главного котла, мы варили на пару консервированный собачий корм, полученный на острове Михаила, и корм становился съедобным. Когда же перестали топить котел, собакам пришлось туго. Мне сегодня пришлось присутствовать при кормлении собак замерзшим консервированным кормом. Уже несколько дней как я заметил, что собаки ласкаются к каждому, кто выходит на палубу, и что треск пустых консервных банок, выбрасываемых за борт, заставляет их сбегаться на судно. Так как мне приходится быть на ногах всю ночь, а днем отдыхать, я не в курсе всех подробностей нашей жизни, а Чипп забыл мне о них сообщить. Узнав же, что собакам выдается замерзший корм, я немедленно договорился с Мельвиллем о том, чтобы провести трубу в бакстеровский котел и оттуда отводить пар в боченок с собачьим кормом. У части собак слабые зубы, а у некоторых не в порядке десны. Когда они берутся с замерзшими кусками, то получается, что обедают более сильные собаки, с более крепкими челюстями. Сегодня я не мог заснуть после ночного дежурства и в 9 часов пошел на льдину, где меня окружили слабые собаки. Они ласкались ко мне, как бы сознавая, что я начальник и что я могу защитить их. Надеюсь, что теперь собаки будут получать пищу в съедобном виде.

Глубина дна — 60 метров. Лот показал дрейф к северо-западу. Со вчерашнего дня над прорубью образовался лед в 21 сантиметр толщины. Сильный ветер. Откачиваемая из судна вода, конечно, сразу замерзает; лед на правой стороне нагроможден выше обшивки, и это, разумеется, будет удерживать корабль, но мы ничем не можем помочь беде. Если при такой температуре людям трудно работать, то инструмент совершенно не выдерживает. Когда потеплеет хотя бы до 0°, можно будет вырыть траншею.

18 февраля. Непрестанные ночные дежурства, недостаточный сон, не говоря уже о нерегулярном питании, начали сказываться на моем здоровье; мне пришлось разбить ночь на три вахты; я дежурю до полночи, Денбар стоит на второй вахте, а Чипп заступает в 4 часа. Болезнь Даненовера сильно увеличивает норму нашей работы. Нас немного, и отсутствие кого-либо очень заметно.

19 февраля. Откачиваем и откачиваем без конца, а запас угля все уменьшается. Для отопления, варки пищи

и откачивания нужно в среднем 200 килограммов, вернее — 220 килограммов в день. Легко сосчитать, на сколько времени хватит запаса при таком темпе. Все наши надежды на исследования и, если не посчастливится, то и на открытия рассеиваются, и, кажется, нам предстоит возвращение в Соединенные штаты на корабле с течью. И это в лучшем случае. Я не хочу предсказывать каких-либо новых несчастий, хотя в нашем положении все возможно. Не стоит записывать мои переживания, они навсегда запечатлеются в моей памяти. Лучше отмечать лишь то, что происходит.

20 февраля. Тщательно наблюдая за работой обоих насосов, мы высчитали работу каждого с целью определить размер течи. Оказалось, что течь может быть исчислена в 1647,7 галлона в час.

Измерение глубины показало $58\frac{1}{2}$ метров. Надне грязь, небольшие ракушки; дрейф на север. Над прорубью со вчерашнего дня образовался лед толщиной в 12 сантиметров. Ясно, умеренный западный ветер. Температура медленно падает с -42° до -43° , но на самом деле она еще ниже; хотя ртутный термометр и может показывать ниже -40° (точка замерзания ртути -39°), но надо еще выяснить, насколько можно полагаться на его показания. Один из ртутных термометров показывает даже -46° , а по спиртовым термометрам всегда оказывается на 1° — 2° градуса теплее. Я считаю, что все данные ниже -39° недостаточно надежны. Несмотря на ясный день, земли на горизонте не видно; очевидно, дрейф унес нас к северу от Земли Врангеля. Из-за сильных ветров за последнее время нельзя было производить наблюдений, а при стоящей сейчас холодной погоде можно отморозить пальцы. Так как нельзя устроить обсерваторию, то все астрономические наблюдения приходится производить при помощи секстана и искусственного горизонта. Надо делать наблюдения быстро, прежде чем замерзает ртуть; но пальцы, неуклюжие как палки, с трудом поворачивают винты тангенса. Горизонт и указательные стекла также замерзают, и их приходится оттаивать.

При нормальных условиях можно было бы пользоваться съемочным теодолитом, но, не говоря уже о затруднениях с винтами, чтобы прочесть показания, необходимо доставить теодолит на борт, а при этом данные могли бы измениться. Даненовера при наблюдениях заменяет Чипп.

Со льда поднимается туман, что указывает на близость полыни.

22 февраля. Несмотря на страшные холода, я принимаю меры, чтобы все спускались на лед для прогулок с 11 до 13 час. ежедневно, когда кубрик убирается и проветривается. Команда по собственному желанию идет на лед и топчется около корабля или прогуливается, высматривая разводья, тюленей и медвежьи следы. Офицеры тоже охотно отправляются на прогулки, а в это время каюты хорошо проветриваются. В общем, на каюты нельзя жаловаться. В каюте Чиппа и в моей передняя водонепроницаемая переборка постоянно покрыта льдом, и, когда помещения согреваются, лед оттаивает, и вода просачивается на палубу, где ее вытирают и где она снова замерзает; поэтому мы не ощущаем особого неудобства. Наши койки совершенно сухи, так как они находятся в задней части помещений. Я чувствую, что теперь, когда мне удастся высыпаться, то с моим здоровьем и хорошим аппетитом я мог бы неопределенно долгое время переносить наши лишения. Но меня сильно тревожит сырость в помещении команды. Пока их здоровье не страдает, они веселы и бодры, и настроение их не ухудшается, но, зная, что условия все же неблагоприятны для здоровья, я беспокоюсь о последствиях. Едва ли теплая погода наступит раньше апреля, и ждать ее придется пять недель. Отрадно отметить уменьшение расхода угля на 50%. Прошлую неделю израсходовано 408 килограммов, а в эту — 223.

23 февраля. День рождения Вашингтона в этом году приходится на воскресенье, а мы перенесли его празднование на сегодня. С восходом солнца корабль был украшен флагами. В этой части света день рождения Вашингтона праздновался в первый раз. Поднятием флагов все торжество и окончилось. С момента появления течи у нас столько работы, что нам не до праздников, в чью бы честь они ни устраивались.

В полдень измерили глубину — 60 метров, грязь и гравий. Над прорубью со вчерашнего дня образовался двенадцатисантиметровый лед. В полумиле к югу от судна разводья. Полнолуние наступает 25-го, и нам предстоит тревожные часы. В полночь к кораблю подобрался медведь. Собаки бросились и отогнали его раньше, чем кто-нибудь успел выстрелить.

24 февраля. В 3 часа 50 мин. легкий удар и одновременно звук движущегося льда. В 16 часов сверху увидели остров Геральда; это похоже было на встречу со старым другом.

Яркий день. Солнечные лучи настолько усилились, что я распорядился, чтобы все сходящие с корабля носили темные очки. Утром в 10 часов началось сильное движение льда. В четверти мили от нас начался обычный грохот и вой. Самого движения не было видно, но поднимавшийся с разводьев пар доказывал, что оно где-то происходит. Между льдинами были клубы дыма, напоминавшие дым при взрыве, стлавшийся вдоль линии разрыва; когда дым рассеялся, поднялся туман, как с открытой воды. В 11 часов сжатие закончилось так же неожиданно, как и возникло.

Я ожидал, что с новолунием наступят беспокойные часы, но мои ожидания не оправдались. Мы перестали волноваться при наступлении этих периодов. Теперь мы можем все видеть, а это уже половина победы. Восьмичасовой солнечный свет дает нам уверенность, которой у нас не было в ноябре, декабре и январе. Так как дни все удлиняются и с каждым днем приближается хорошая погода,— мы стали очень смелы.

Когда движение льда успокоилось, я вышел осмотреться и нашел, что льдины снова соединились, а на месте разрыва остались только трещины. Образовалось также несколько разводьев шириной в 2 метра. Через час разводья покрылись льдом толщиной в 1 сантиметр.

Никто не обращает внимания на холод; мы ежедневно сходим с корабля на час или на два, и нам неплохо, если не считать, что нос мерзнет, а при ветре слегка даже теряет чувствительность. Много неудобств доставляют нам снежные очки; если выйти без них,— рискуешь ослепнуть от нестерпимо яркого блеска, но они быстро замерзают и через них ничего не видно. Действие рефракции по временам удивительно. Находящиеся на расстоянии куски льда меняют часто свой вид, и небольшие куски кажутся огромными. Иногда виднеется громадная глыба, оторванная при сжатии, но когда, с трудом пробравшись через разбитые ледяные торосы, подходишь к ней, то оказывается, что это небольшой ледяной обломок, увеличенный рефракцией, и глыба, казавшаяся вышиной в 12 метров, в действительности не превышает 3 метра.

Северное сияние не так часто и менее блестяще. Лунные круги стали обычным явлением. В последние дни вокруг луны наблюдалась „кожура“, как будто ее погрузили в липкий туман.

26 февраля. В 22 часа снова заработали бакстеровский котел и двигатель, приводящие в действие насос для откачи-

вания воды на спардеке; это дало возможность облегчить работу команды. Откачивание вручную несомненно изнурило команду. Как ни ценен уголь, но все-таки ежедневный расход в 100 килограммов для откачивания оправдывает себя, и надо на это идти.

Ничем не нарушается однообразие нашей жизни, и постоянное ожидание несчастья до крайности утомительно. Надо взять себя в руки, чтобы и самому сохранить бодрость и поддержать ее в других.

Я рассчитывал, что у нас к этому времени будут тюлени и моржи, но морозы крепко закрыли все разводья. Я даже ожидал появления птиц. Но какая птица решится показаться в такие холода? Нашим собакам приходится туго. Их кормят спрессованным кормом. Его выпаривают, пока не образуется что-то похожее на суп с рубленным мясом, но этот корм не так питателен, как рыба.

27 февраля. Откачивание воды продолжается с обычной регулярностью. Все, что может создать человеческая изобретательность, было применено, чтобы добиться максимального действия при минимальном расходе горючего. Остается ждать наступления более мягкой погоды и, когда мы будем на свободной воде, выяснить, что еще можно сделать. Сейчас бесцельно делать догадки или строить планы. Все зависит от размера течи, о котором мы сможем судить, когда судно будет на воде, от того, сможем ли мы с ней справиться, и от количества угля, которым мы будем располагать. Наше решение продвинуться к наивысшей широте непоколебимо, и время покажет, достаточно ли у нас уменья, чтобы претворить желание в жизнь.

Небо почти безоблачно, и только при восходе и закате виднеются слоистые облака. Слабый изменчивый ветер, яркое солнце и бескрайные льды. Ослепительный блеск солнца не позволяет выходить без снежных очков. Если глаза не начнут болеть сразу же на льду, то боль возникает после. Но у нас много возни с очками, так как они тускнеют и сквозь них ничего не видно. Сегодня несколько человек решили испытать предохранительные сетки из конского волоса; оказалось, что через них довольно хорошо видно и они меньше раздражают кожу, чем очки. Странно, я заметил, что они значительно уменьшают нашу близорукость; я вижу в них на большее расстояние, яснее и отчетливее, чем без них. Окулистам следовало бы заняться этим явлением.

Яркий солнечный свет проникает на судно. Вентиляционные клапаны и палубные иллюминаторы, очищенные от накопившегося льда, открывают доступ солнечным лучам. Свет радует и подбадривает нас, помогая переносить вызываемое холодом заключение. Каюта выглядит очень грязно. От дыма печей и труб белая окраска за зиму стала совершенно черной, и хотя нам хочется начать чистку, не ожидая теплых дней, приходится все же воздерживаться из страха превратить наше сухое и удобное помещение в сырое и мокрое. При дневном свете видно то, что не было заметно при свете ламп. Я нашел на передней и боковых стенах моего помещения скопление льда и инея. Стюард отламывает их топором и убирает лопатой.

28 февраля. Продолжается обычное откачивание.

Наши собаки греются и наслаждаются солнечными лучами, хотя их шерсть стала твердой от мороза. Нельзя не удивиться их выносливости. Все ночи они спят на льдине, совершенно не страдая от холода; они выпускают столько тепла, что вокруг них и под ними лед тает и образуется выемка в сантиметр и больше глубиной. Кучи золы и отбросов главная цель их поисков. Они держатся тесными компаниями и чужака встречают боевыми действиями. Несколько самых сильных собак устроили наблюдательный пункт у дверей камбуза, стараясь что-нибудь перехватить, а также не пропустить момента, когда выливают помой. Беда, если к ним приблизится голодный чужак.

29 февраля. В 11 часов я произвел осмотр судна; рубка и кубрик уже прибраны, хотя еще не обсохли. Команда в бодром настроении и очень довольна тем, что откачивание вручную заменено откачиванием при помощи пара. Наши китайцы, повар и стюард, повидимому, недоступны действию холода: никакая погода, никакие обстоятельства не могут вывести их из состояния полнейшей невозмутимости. Они не общаются со своими спутниками по плаванию, довольствуются обществом друг друга и всегда веселы. День за днем проводят они за пением и игрой в карты, не беспокоясь о будущем и не заботясь о прошлом. Наши туземцы, Алексей и Анегин, чувствуют себя превосходно. Иногда на них нападает тоска по родине, по своему острову, но обычно они веселы и счастливы. Они основательно подучились и могут очень хорошо объясниться по-английски. Проводят они время в игре в покер, растолстели, как куропатки, и терпеливо ждут, чтобы взломался

лед и появилась возможность охотиться на тюленей и моржей. Я нахожу, что они по природе обладают тактом, который я редко встречал вне культурного общества; они с успехом могли бы выдержать сравнение с самыми цивилизованными людьми. Встречая нас по утрам, они прикладывают руку к фуражке и приветствуют с добрым утром. За все, что для них делается, они благодарят. Если же их благодарят, они отвечают: „на здоровье“. И все это искренне, без прислуживания. В общем, с командой они всегда сохраняют спокойное достоинство.

1 марта. Даненовер перенес сегодня шестую операцию. Его болезнь все упорнее требует операции, а признаков улучшения почти незаметно. Он героически переносит и вынуждаемое заключение и боль операций; общее состояние его здоровья и настроение хорошие. Но для экспедиции пользы от него не будет, и я опасаясь, что и самому ему придется туго. Если ему не удастся в ближайшее время попасть в более благоприятную обстановку, у него пострадает также и правый глаз.

2 марта. Доктор закончил обычный месячный осмотр офицеров и команды. В общем, состояние удовлетворительно. Доктор пишет: „Я нахожу, что трудности, связанные с зимовкой в таких высоких широтах, перенесены очень хорошо. Среди нас не было случаев серьезных заболеваний, которые можно было бы приписать нашему пребыванию в Арктике. Из 8 офицеров у одного констатировано отличное состояние здоровья, у 6 — хорошее и у одного удовлетворительное. Из 33 человек команды 20 находятся в отличном состоянии здоровья. Остальные в хорошем. Единственно, кто серьезно болен, это Даненовер. Сегодня он снова подвергся операции, и, вероятно, скоро потребуются новая операция“.

3 марта. По предложению Ньюкомба мною издан сегодня приказ, чтобы все уходящие с корабля следили, нет ли на льду раковин или других предметов, и чтобы все доставлялось на корабль. Сегодня на корабль поступили куски раковин и кусок плавника, похожий на березу. Нашедший его матрос утверждает, что он уже видел этот кусок в декабре, но не придавал этому значения. Тогда на снегу, покрывавшем льдину, виднелись следы двух мокассин. Так как это не могли быть следы кого-нибудь с нашего корабля, то весьма вероятно, что глыба льда была принесена с какой-нибудь находящейся вблизи земли, а так как плав-

ник несомненно из Сибири, то и глыба льда принесена с одной из сибирских рек.

4 марта. Мельвилль, осмотрев угольные бункера, сделал неприятное открытие, о котором сообщил мне. Я немедленно отправился к левым угольным бункерам и констатировал, что большие восемнадцатисантиметровые крепильные доски из оregonской сосны от тяжести поперечных опорных балок оказались вдавленными на глубину 9 миллиметров, а металлические болты впереди и позади балок в отдельных местах вышли на 9 миллиметров из балок. При одном из сильных сжатий эти тяжелые поперечные балки были буквально вдавлены в борт. Перед выходом в плавание фермы и обшивки этой части судна были устроены заново. Крепление было особенно усилено, и корабль был настолько прочен, насколько может быть прочно сооружение из дерева и металла. Я прихожу к убеждению, что никакая металлическая и деревянная конструкция не может противостоять громадному сжатию, вызываемому движением ледяных полей. Из-за угля, находящегося в правых угольных бункерах, нельзя установить состояние правого борта судна. Поэтому бесцельно гадать, что будет, когда судно окажется на воде. Остается только ждать.

Ясная, приятная погода.

6 марта. В 11 часов прочтен военный устав, и произведен смотр команды. Облачно. Мы избалованы стоявшей все время ясной, безоблачной погодой, и поэтому перемена особенно заметна. У нас умеренный ветер, чего тоже долго не было. Температура, однако, поднимается с -36° до -30° к полдню, а к полночи падает до -33° . Юго-восточные ветры всегда вызывают у нас повышение температуры. Лед под влиянием ветра вскрылся, замечен поднимающийся пар.

9 марта. Повышение температуры позволило нам начать работы по рытью 120-сантиметровой траншеи вдоль левого борта. Это была крайне тяжелая работа. Мы производили ее кирками, топорами и лопатами. Теперь этот лед не будет удерживать корабль при его попытке освободиться и подняться. Рыть траншею с правой стороны будет еще труднее, так как лед доходит почти до перил. Если судно еще с месяц останется в том же положении, мы сможем заполнить траншею золой, и тогда от таяния образуется небольшой бассейн или док, в котором судно будет стоять на воде, пока окружающий лед не взломается и не освободит его. Сегодня при откапывании наткнулись на склад пустых ба-

нок, которые, накапливаясь с 28 ноября, покрылись постепенно грязью, золой и замерзшими помоями.

В полдень, в расстоянии миле к востоку или к юго-востоку от корабля, обнаружили разводья, над которыми стоял густой туман. Наступает новолуние, и это заставляет меня быть настороже. Однако, ничего не произошло, кроме легкого удара в полночь. Охотники видели в разводьях тюленей, но ни одного не застрелили. Они подобрали и доставили на борт скелет молодого тюленя, обглоданного песцами.

Странное кучевое облако, напоминающее по форме рог изобилия, возникло после полудня на юго-западе и медленно потянулось к зениту.

Несколько времени тому назад в виде опыта я повесил на снастях соленое мясо, а также закопал бочки с мясом в снегу. Сегодня мы попробовали то и другое; мясо, которое было в снегу, оказалось более свежим.

10 марта. К югу в $1\frac{1}{2}$ милях виднеется длинный канал чистой воды, идущий по кривой линии с востока на юго-восток. До 5 часов оттуда поднимался пар, а затем над каналом образовался лед, прекративший выход тепла и пара. При дневном свете казалось, что на белой поверхности ледяного поля извивается черная лента. К завтрашнему дню, без сомнения, на поверхности выделится соль, покроет ее, и новый лед ничем не будет отличаться от окружающего ледяного поля.

Дни становятся очень длинными. Рассвет в 3 часа, а сумерки кончаются в 21 час. В 6 часов можно прочесть показание анемометра без искусственного света. Команда была занята рытьем траншеи вдоль правого борта судна; это было значительно труднее, чем работа с левого борта, так как приходилось рыть на большую глубину, чтобы подойти до обшивки. Чем глубже, тем тверже становился лед; под конец он оказался твердым и сросшимся, как кремнь. Во льду не было ни пор, ни щелей, и остроконечные кирки не облегчали работу. За шесть часов непрерывного откапывания открыли только борт на расстоянии от фок-мачты до кормовой части судна. Надо проработать еще целый день, чтобы закончить траншею; тогда начнем откалывать лед под носом судна. Лед так плотно припаялся к кораблю, что во многих местах на льду отпечатались узоры волокон вязевой обшивки.

Наши охотники отправились к водяному каналу, и Алексею удалось застрелить тюленя. Всю зиму, раз в неделю, у нас

было тюленье мясо; сейчас наш запас уменьшился до полутора тюленей. Тюлень и медвежье мясо несомненно благоприятно повлияло на состояние нашего здоровья.

11 марта. Вновь открылась чистая вода там, где вчера образовался лед. Ниндемани видел на льду моржа и двухнедельного моржонка. Вчера наши охотники обнаружили медвежьи следы. В двух милях от судна на юго-юго-восток и юго-запад — разводья, с которых поднимается пар. Температура с -33° упала до -38° к 7 часам, а затем постепенно поднялась до -29° . В 11 часов внезапно поднялась на 3° , а в 20 часов, впервые с 12 января, достигла -23° . В полночь температура понизилась до -25° . Воздух казался очаровательно мягким. После морозов, доходивших до -40° — -46° , мы отвыкли от такой температуры. Поднятие температуры вызвало таяние льда на переборках моего помещения; если такая температура будет продолжаться, все на корабле начнет таять.

12 марта. С утра температура -25° , к полдню поднялась до -18° , а к полночи снова опустилась до -20° . Мы изнемогали в тяжелой одежде. Команда откапывала корму голыми руками, засучив рукава. В моей каюте весь день и часть вечера вентиляционные клапаны были открыты, как весной. Охотники сообщают о следах, напоминающих волчьи. Они захватили куски покрытого снегом льда, и наши эксперты утверждают, что это следы волка. Алексей в трех милях к югу заметил большое пространство чистой воды.

13 марта. В полдень измерение глубины показало 60 метров; по лоту определили дрейф к юго-западу. Над ледяной отдушиной со вчерашнего дня образовался лед толщиной в 5 сантиметров, что объясняется мягкой температурой.

Облачно, до 7 часов слабый, мелкий снег. Это даже нельзя назвать снегопадом, так как от снега ничего не остается: он сразу же поглощается смесью соли и льда на поверхности ледяного поля и пропадает для нас, так как нельзя использовать его для питьевой воды. Из-за снега и высокой температуры лед стал мягким, и мы вернулись с небольшой прогулки с мокрыми ногами. Но лед мягок только на поверхности, и, продолжая откапывать корму, команда наталкивается на лед твердый, как кремь. Никогда не представлял, что лед может быть таким крепким. Но он настолько тверд, что сильные люди, работая остро-

конечными топорами, вместо больших глыб могут отбивать только куски величиною с человеческий кулак. Кажется, что во льду абсолютно не имеется пор, что, конечно, не верно, так как атомы соли, находящиеся во льду, не разрушаются и не удаляются и должны заключаться в мелких ячейках льда.

Чипп установил наше положение: 72°31' северной широты и 177°58' восточной долготы, почти то же положение, как и 2 декабря. Дрейф с 6 марта—37 миль на NW 44°. Так как дрейф был сильнее, чем когда-либо, то я хочу отметить особенности погоды за прошлую неделю.

Ч и с л о	Глубина	Дрейф	Размер	Ветер	Скорость
Март 7 . .	56 метров	восток	умеренный	юго-восточ- ный	16
„ 8 . .	56 „	запад	умеренный	восточный	13
„ 9 . .	56 „	—	—	безветрие	0
„ 10 . .	55 „	восток	—	северный	2
„ 11 . .	55 „	восток	—	—	3
„ 12 . .	60 „	север	быстрый	юго-восточ- ный	17
„ 13 . .	56 „	юго-запад	умеренный	северо- восточный	7

14 марта. Может быть, следует отметить, что с 1 октября для отопления всего судна, для варки пищи, а иногда и для дистиллирования мы израсходовали только 18 тонн; а с 19 января для откачивания воды потребовалось 18 тонн. Утешением может служить лишь то, что за первую неделю после появления течи было израсходовано почти 5 тонн, а теперь, благодаря умению Мельвилля, мы обходимся 738 килограммами.

Последние дни у нас было редкое угощение. При отплытии из Сан-Франциско я по ошибке закупил столько картофеля, что мы не успели его съесть, и осенью с наступлением холодов картофель был сложен в угольные бункера, и мы употребляли его, пока он не замерз. Во время уборки мы натолкнулись на мешок, случайно оставшийся всю зиму на

палубе только под защитой навеса. В виде опыта мы бросили в кипяток несколько картофелин. К нашему удивлению, они имели вкус почти свежего картофеля. Хотя сердцевина была черная и негодная, но всю остальную часть можно было использовать. Мы получили возможность выдавать два раза в день по несколько картофелин на человека.

Двое из нашей команды видели медведя; хотя они и попали в него, но медведь скрылся. Сегодня на борт доставлены раковины: три двустворки, одна одностворка; два куска плавника, несколько камней и губок. Нахождение раковин объясняется тем, что моржи выкапывают их клыками и выносят на поверхность.

16 марта. Глубина — 55 метров. Со вчерашнего дня над прорубью, которой мы пользуемся для измерения, образовался лед в 12 сантиметров толщиной. Температура с -33° поднялась до -31° к 16 часам и упала до 38° к полночи. После полудня видна была земля в направлении юго-юго-запада. Она имела форму двух высоких гор или пиков с седловиной между ними. Если считать, что положение определено точно, то это, повидимому, отмеченный капитаном Лонгом вулкан на Земле Врангеля, отстоящий от нас на 110 миль.

В 18 часов возвратились Алексей и Анегин, отсутствовавшие весь день. Они принесли медвежью шкуру. В семи милях к западу от корабля им встретилась медведица с медвежонком. Собаки Алексея сразу набросились на зверя. Медведица, прежде чем ее убили, сильно ранила одну из собак в переднюю ногу, а у другой чуть не оторвала лапу. Во время боя медвежонок скрылся.

Так как было уже поздно, то Алексей и Анегин ограничились тем, что сняли шкуру, а тушу зарыли в снег. Добыча обеспечит нас кормом для собак до мягкой погоды, когда можно будет бить тюленей и моржей. Лед начинает снова приходить в беспокойное состояние. В 4 часа ночи слышались звуки движения льда с юго-востока, и на судне ощущались слабые толчки.

В моих записях 14 декабря я уже упоминал, насколько наш опыт не совпадает с утверждением Вейпрехта о том, что „начиная с известной толщины лед почти свободен от соли“. Мы подвергли испытанию лед толщиной в 40 сантиметров и лед толщиной в 120 сантиметров; и в том и в другом случае лед заключал много соли. Очевидно, „известная глубина“ нами не достигнута. Доктор Кэн, рассказывая об

экспедиции Де-Хавена, замечает: „К этому времени мы уже достигли середины пролива Барроу; нас окружала зимняя декабрьская ночь, термометр показывал в среднем ниже -26° и -29° ; лед достигал толщины 90 сантиметров, его крепость напоминала кремль; по направлению к горизонтальной поверхности имелись расщепленные изломы. Лед на поверхности был совершенно свеж, и при испытании азотнокислым серебром не было заметно никакого обесцвечивания“.

Было бы слишком самоуверенным оспаривать такой признанный авторитет, как доктор Кэн, но я утверждаю, что мы подвергали испытанию лед различной толщины, начиная с того, который выкристаллизовался на поверхности, и до ледяных глыб толщиной в 240 сантиметров, и ни разу не нашли льда, который давал бы годную для питья воду. Необычное, скажу больше — чудесное и удивительное нахождение свежего льда (годной для питья воды) можно объяснить только тем, что это был лед земли, т. е. льдина с тающего ледника, которая на соленом океане сохраняет свой состав, между тем как покрывавшая ее океанская вода, замерзнув, образовала поверхностный слой соленого льда.

Далее доктор Кэн говорит, что „льдины, образовавшиеся в середине зимы при температуре -34° , были еще свежи и чисты, а льдина более медленного образования, образовавшаяся или ранее, или позднее зимы, была определенно солонa. В самом деле, лед, которым два месяца тому назад я пользовался для питья, сделался таким соленым, что даже покрывавший его снег был негоден для питья“.

По этому поводу могу только сказать, что мы пробивали лед, замерзший при самой различной температуре от -17° до -34° , и никогда не получали удовлетворительного результата.

Доктор Уокер (Walker), участвовавший с Мак-Клинтоком в экспедиции на „Фоксе“ и тоже признанный авторитет, пишет: „Ни разу (а я наблюдал лед начиная с точки замерзания и до -41°) мне не удавалось получить чистую воду; в самом чистом льде при плотности в 1005 содержалось много соли, особенно хлористого натрия, что делало воду негодной для варки пищи и для пользования при проявлении фотографических снимков“. Затем он замечает: „Может быть, утверждение доктора Кэна о том, что при известных обстоятельствах во льду, образовавшемся из морской воды совершенно отсутствует соль, находит себе объяснение

в следующем: когда пруды свежей воды (от тающего снега) замерзли, команда, отправленная за снегом для варки пищи, вместо снега принесла лед с торосов вблизи судна. Эти торосы составляли часть пака, образовавшегося прошлой зимой, в который мы вмерзли. Лед оказался годным для употребления. Иногда команда, отправленная за этим снегом, рыла в торосах слишком глубоко, не ограничиваясь кусками льда с поверхности, и тогда оказывалось, что лед содержит много соли. Этот лед является продолжением того же тороса и также образовался за прошлую зиму". С другой стороны, общеизвестно, что среди участников экспедиции Де-Хавена и у самого Де-Хавена была цынга. Этой же болезнью страдал и отряд Вейпрехта, и еще позднее в 1875 году цынга появилась среди членов английской экспедиции.

17 марта. Команда продолжала откапывать лед из-под носа корабля. Мы уже дошли до глубины 240 сантиметров и должны были прекратить работу, так как до воды оставался только тонкий слой льда. Если пропустить воду, она поднимется кверху и снова замерзнет, и тогда вся работа окажется произведенной впустую. Надо, чтоб замерзание продолжалось, что даст возможность рыть еще глубже. В связи с этим необходимо выяснить, до какой глубины может продолжаться замерзание. Нам не приходилось встречать льдины толще 230 сантиметров, и я считаю 240 сантиметров максимальной толщиной льда, образуемого от непосредственного замерзания. Это совпадает с утверждениями доктора Кэна. Доктор Уокер отмечает, что толщина льда ледяного поля, с которым дрейфовал „Фокс“, равнялась только 150 сантиметрам. Измеренная нами льдина, имевшая 230 сантиметров толщины, была частью льдины, нагроможденной в ноябре при больших сжатиях льда, но я не могу сказать, явилась ли эта толщина результатом непосредственного замерзания или здесь имело место напластование льдины на льдину. Когда 28 ноября мы вышли на чистую воду, я начал систематически производить измерение толщины льда по мере замерзания водяной отдушины. При последнем измерении 17 января выяснилось, что с 28 ноября непосредственное замерзание дало 115 сантиметров. В виду того, что лед имеет тенденцию принимать форму воронки, измерения с помощью стержня не дают удовлетворительных результатов. Когда 4 марта появилась трещина в ледяном поле, мы определили толщину льдины в 120 сантиметров. Это и был результат непосредственного

замерзания за тридцать дней. Замерзание началось при температуре —38° и продолжалось при максимальной температуре —30° и минимальной—47°.

Так как под льдину, в которую вмерз наш корабль, двинулись другие льдины, то найти место, где можно пробуровать прорубь для определения толщины лишь нашей льдины, так же трудно, как отыскать иголку в стоге сена. Я решил ждать до тех пор, пока новый разрыв льда позволит произвести правильное вертикальное измерение льда, замерзшего с 28 ноября. Так как лед является плохим проводником тепла, то из этого следует, что должна быть такая толщина льда, при которой лед не дает теплу излучаться из воды и ставит предел глубине замерзания.

Сегодня на собачьей упряжке доставлен убитый вчера Алексеем медведь.

18 марта. После полудня увидели землю к югу в направлении северной части Земли Врангеля. Небо покрыто полосами, что предвещает плохую погоду. Ветер стонет, ударяясь о снасти; его направление на запад, а скорость 10 миль в час. В полночь наблюдался лунный круг, а спектральные цвета льда сильно отражают лунный свет.

20 марта. Снова ясная, чудная погода. Алексей застрелил такого громадного моржа, что 30 собак и два человека не смогли тащить его по неровному льду. Моржа разрубили, половину приволокли на корабль, а другую половину оставили на завтра. По грубому подсчету вес моржа одна тонна, Ниндеманн определяет его в 1120 килограммов.

Хорошо, что собаки не разборчивы в еде: тюлень, медведь, морж, испорченное мясо, рыба, помой — для них все равно. Их интересует количество, а не качество.

Чипп, произведя наблюдение солнца, определил наше положение: 72°22'30" северной широты и 177°27'03" западной долготы. Наш дрейф с 13-го составил 13 миль к юго-востоку. Пока температура и высота солнца не позволяют производить наблюдения ежедневно, трудно будет сказать, связаны ли особенности дрейфа с каким-либо особым ветром. Я вполне убежден, что направление нашего дрейфа полностью определялось ветрами, а не каким-либо течением.

21 марта. Как обычно, откачиваем воду и дистиллируем ее. В 11 часов утра осмотрел судно. Сырость в кубрике за последнюю неделю несколько уменьшилась. Даже при самых неблагоприятных условиях наши койки оставались сухими, и только в некоторых одеялах замечалась

влажность. В рубке теперь топят только по банным дням; влажность здесь уменьшилась, уменьшился также ежедневный расход угля до 20 килограммов. В кают-компании до сих пор топили раз в неделю, чтобы согреть воду для ванн. Но так как это было неудобно для больного Даненовера, то последние две недели мы не топили и не предполагаем возобновить топку.

Все время здесь было совершенно тихо, с 8 часов утра до полночи падал мягкий снег, температура с -32° поднялась до -21° , на воздухе приятно и совершенно тепло.

В 4 часа утра лед пришел в движение к северо-востоку. Утром команда с собаками отправилась за второй половиной застреленного вчера моржа. Алексею посчастливилось застрелить еще одного моржа, которого притащат завтра.

Теперь мы обеспечены собачьим кормом. Наш запас состоит из двух моржей и медведицы, которая кормила медвежонка и была в таком состоянии, что не годилась нам в пищу.

25 марта. До 10 часов утра ясная приятная погода, ветер главным образом с западо-юго-запада. С 10 часов и до 22 часов небо облачное, а с полудня до 6 часов утра нас окружал густой туман. Во льду между юго-востоком и юго-западом появилось много разводьев, над которыми стояли большие клубы пара, а затем и водяные облака. Мне кажется, что водяные облака зимой, весной и осенью называют не на то, где в данный момент чистая вода, а на то, где была чистая вода. Если разводья появляются в такое время, когда температура воздуха ниже температуры замерзшей воды, то образуется столько пара, что в непосредственной близости воздух оказывается насыщенным парами. Но как только образуется молодой лед, пар перестает вырываться наружу.

При откалывании льда из-под кормы судна нам удалось освободить верхнюю часть гребного винта, но здесь пришлось остановиться из опасения, чтобы остающийся слой льда не оказался слишком тонким в сравнении с давлением воды снизу. Не было заметно, чтобы винт был поврежден.

Нельзя не признать, что на нашу долю выпало большое счастье: с 10 января, когда судно получило повреждение, у нас не было серьезных столкновений с нашим врагом. Правда, при каждом новолунии и полнолунии лед взламывался с ужасным треском и грохотом, но в таком состоянии, что не представлял для нас опасности. Почти каждый день были

видны результаты сжатия — громадные нагроможденные массы льда до 9 и 12 метров высоты. Шарвелль как-то передавал мне, что в пяти милях к северу от корабля высота нагроможденного льда достигала высоты нашей грот-мачты. Повидимому, он считал нашу гибель неизбежной. Узнав о моем распоряжении сохранить череп громадного моржа, он заметил Мельвиллю, что, когда судно будет раздавлено, будет слишком тяжело тащить по льду такой груз.

Много раз за эту зиму наше ледяное поле подвергалось сжатиям и сдвигам, которые покрыли его торосами и торосистыми хребтами. Нагроможденные глыбы льда в одних местах поднимались на высоту 150—180 сантиметров, а в других достигали 6 метров вышиной. Изменилась не только высота, но и форма глыб. Сначала я предполагал, что изменение это объясняется осадкой и тем, что глыбы приходят в соприкосновение с более мягким ледяным полем, находящимся под ними; теперь я убежден, что все дело в ветре. Непрекращающееся трение поверхности, снежная пыль и выкристаллизовывание соли медленно, но верно отшлифовали поверхность глыб. Сдуваемые со льдины сильным ветром соль и снег, вызывавшие у нас ощущение острой боли, как от многочисленных булавочных уколов, должны были оказать значительное действие также и на поверхность глыб.

Следует отметить еще одно любопытное, но легко объясняемое явление: лед зимой сидит глубже в воде, чем летом. А это указывает, что плотность его больше. Откалывая лед, мы убедились, что по плотности и крепости он напоминает кремнь. В августе и сентябре, попав в лед, мы нашли, что он мягок и рассечен внутренними трещинами, поэтому лед и держался выше на поверхности воды.

26 марта. В полдень измерили глубину — 55 метров (илистое дно). Лот показал сильный дрейф на запад. Дрейф был настолько силен, что Денбару было очень трудно производить измерения и лот срывался со дна. Со вчерашнего дня над воздушной отдушиной образовался лед в 8 сантиметров толщиной.

Свежий ветер с востоко-юго-востока. Температура с —25° к 10 часам утра достигла —18°, а затем, поднявшись до —15°, к концу дня понизилась до —16°.

Было приятно ощущать мягкий теплый ветер. В 6 часов утра выпал снег. Я зачерпнул две горсти и дал доктору для исследования, но увы, оказалось, что даже в только

что выпавшем снеге слишком много соли, проникшей с поверхности снежного поля. Я скоро поверю, что с неба падают капли соли. В середине дня в течение пяти или шести часов стоял густой туман. До этого показались разводья; из них поднимались клубы пара.

27 марта. Чипп определил наше положение: $72^{\circ}29'$ северной широты и $178^{\circ}07'$ западной долготы. Дрейф с 20-го имел 14 миль к северо-западу. Вероятно, это последствие свежего восточного и юго-восточного ветров, дувших последние два дня. Через несколько дней я освобожу Чиппа от наблюдений и буду ежедневно отмечать наше положение, чтобы определить размер и характер дрейфа и его связь с направлением и силой ветра.

28 марта. Откачивание и перегонка воды идут по-прежнему. Прошлую неделю с течью произошло странное явление: в среду и четверг количество поступавшей в кочегарку воды оказалось почти в восемь раз большим обыкновенного. На носу количество воды не увеличилось, но на корме пришлось все время действовать двигателем парового катера. В течение этих двух дней для какой-то механической работы в кочегарке был задут горн, и так как тепло от него уходило в дымовую трубу, то мы предполагали, что лед в ней оттаял и увеличил количество воды в кочегарке. Когда огонь потушили, вода опустилась до прежнего уровня, чем как будто подтвердилась правильность нашего предположения. Но тогда, к нашему удивлению, пробойна оказалась забитой, так как кусок льда попал в нее снизу. Что же могло случиться под кораблем и так повлиять на течь? Не было слышно никаких звуков ни у нас в каюте, ни у команды на баке, ни в кочегарке. Все это до сих пор представляется нам загадкой.

В полночь на северном горизонте был замечен слабый рассвет. В 11 часов утра осмотрел корабль. Кубрик был эту неделю несколько суше, но рубка, как и прежде, ужасно грязная. Это неизбежно, так как нам пришлось пустить бакстеровский котел, чтобы работал передний насос для откачивания трюмной воды. Если бы можно было добраться до места течи и починить! При достаточно чистой от льда воде можно было бы устроить кессон и подвести его под нос судна. Неплохо было бы доставить судно в гавань и направить на береговую отмель, но все это недостижимо в нашем нынешнем положении. В результате высокой температуры все головки болтов на наруж-

ной стороне корабля покрылись инеем. Солнечное тепло давно уже растопило весь снег.

Алексей и Анегин, уйдя на поиски добычи, увидели на расстоянии около двух миль к юго-востоку открытую воду и там застрелили тюленя. Анегин отправился за байдарой. Алексей застрелил еще трех тюленей, но мог подобрать только одного. Удачная охота была очень кстати, так как мы съели последнюю половину тюленя.

29 марта. Сегодня началась работа по чистке и откачиванию льда в передней кладовой. Необходимо приготовить постоянное складочное помещение. Это очень важно, так как на случай внезапного увеличения течи приходится держать передний трюм пустым; кроме того, нельзя слишком загромождать припасами спардек. Мы стараемся возможно больше груза перенести на корму, и она уже битком набита. На Чиппа возложена превышающая человеческие силы задача найти еще место. Все заполнено до отказа, но я не сомневаюсь, что Чипп справится с этой задачей.

Нам будет трудно итти под парусами, а под парами мы сможем итти лишь несколько дней. Даненовер говорит, что к первому мая у нас останется не больше 63 тонн угля. Если выделить 35 тонн на случай второй зимовки, остается только 28 тонн для плавания под парами, для откачивания воды из трюма и варки пищи в течение лега. Камбуз требует $1\frac{1}{2}$ тонны ежемесячно, а для откачивания нужно $3\frac{1}{2}$.

30 марта. По произведенным сегодня наблюдениям, мы находимся на $72^{\circ}36'$ северной широты и $148^{\circ}07'$ западной долготы, в 7 милях к северу от нашего положения 27 марта и почти как раз там, где находились 30 ноября.

Глава VIII

ПОД ПОЛУНОЧНЫМ СОЛНЦЕМ

Апрель — май 1880 года

1 апреля. Начало месяца ознаменовалось событием: в 8 час. 15 мин. утра Эриксон вбежал в каюту с сообщением:

— Громадный медведь под кормой!

Чипп, Денбар, Ньюкомб и доктор с ружьями бросились на лед, где уже находились Алексей и Ниндемани.

Все собаки окружили мишку и гнались за ним с таким лаем и визгом, что медведь почти обезумел от шума. При этих условиях стрелять было невозможно, так как пуля неминуемо попала бы в одну из собак; это дало медведю возможность убежать от корабля на расстояние почти в милю.

Но собаки прекрасно справлялись со своим делом. Около двадцати собак окружили медведя и отвлекали его внимание, держась, однако, на таком расстоянии, что он не мог их схватить, а около полудюжины собак вцепились в него и грызли так, что шерсть летела клочьями. Зверю все же удалось сбросить их. Он присел и готовился схватить их передними лапами. Алексей и Денбар воспользовались этим и выстрелили. Алексей попал, медведь упал, затем поднялся и возобновил битву с собаками, но Денбар прикончил его вторым выстрелом.

Это было прекрасное животное 244 сантиметра в длину и 103 сантиметра в ширину, весом в 1200 килограммов брутто. В желудке его ничего не было найдено.

Вода для чая и ужина кипятится на печях в каюте и жилой палубе. Такой порядок начался с 1 ноября и будет продолжаться до тех пор, пока мы топим печи; но так как я стремлюсь сберечь каждый кусок угля и пре-

кращу топку, как только мы сможем обойтись без нее, то необходимо изобрести какой-нибудь другой способ кипятить воду для чая. При обсуждении этого вопроса с Мельвилем мы предполагали сначала воспользоваться печью обсерватории, находящейся в кочегарке, но затем ему пришла в голову мысль, не сможем ли мы применить для кипячения воды пар таким образом, как мы его применяли для выкачивания воды. У Мельвилля думать — значит действовать. Все уже устроено.

Если мы можем выкачивать воду при помощи одного бакстеровского двигателя, то при кипячении воды встретятся некоторые затруднения, так как паровая камера настолько мелка, что соляная пыль, поднимаясь, уносится с паром и смешивается с водой для чая. Если же мы будем пользоваться котлом парового катера, то избежим этих затруднений, так как имеющийся наверху котла парособиратель исключает опасность проникновения соляной пыли в кипяток для чая.

При обычных условиях, если на корабле открывается течь, с ней борются при помощи откачивания воды вручную, пока не доходят до ближайшего порта. Но здесь, в арктических морях, положение совершенно иное. Мы имеем течь уже больше двух месяцев; возможно, нам придется оставаться во льду еще два месяца. Выкачивание воды вручную обессилило бы в большей или меньшей мере команду. Если катастрофа заставит нас покинуть корабль, в каком состоянии будет находиться команда и сможет ли она пройти свыше двухсот миль до ближайшего поселения, таща за собой тяжелые сани?

Сегодня доктор начал обычный ежемесячный осмотр. Исследование было произведено очень тщательно и показало благоприятные результаты, за исключением Даненовера. Учитывая, что состояние нашего здоровья хорошо известно доктору, я, по его совету, решил производить осмотры только раз в три месяца.

3 апреля. Даненовер, повидимому, снова окреп. К нему вернулась его прежняя выносливость (хотя походка у него стариковская). Сегодня он вместе с Алексеем совершил большую прогулку в семь миль к юго-востоку от корабля. Он дошел до торосов, находящихся, повидимому, на отмели, так как лед был совершенно неподвижен, хотя и был окружен водой. Вода простиралась на 350 метров в длину и 100 метров в ширину; постепенно суживаясь, она оканчивалась узкой полосой, напоминающей трещину.

Уже несколько дней мы с Даненовером наблюдали с корабля длинный ряд торосов, идущих к югу. Мы предполагали, что торосы нагромодились на риф или отмель. Теперь, побывав там, Даненовер еще больше уверен в правильности нашей догадки. По его словам, когда он стоял на кромке ледяного поля и рассматривал торосы, все было спокойно. Вдруг лед, на котором он стоял, начал колебаться, и тогда же стало заметно сотрясение воды. Громадная глыба величиной в кормовую часть корабля сразу всплыла на поверхность и оказалась на воде. Эта масса льда каким-то необъяснимым образом освободилась от силы, сдерживавшей ее под ледяным полем, и всплыла на поверхность.

В понедельник Даненовер снова решил отправиться в южном направлении для наблюдений.

Доктор представил сегодня отчет: из восьми офицеров состояние двоих — отличное, пяти — хорошее и одного — удовлетворительное. Из команды у семнадцати — отличное, у шести — хорошее. Туземцы чувствуют себя превосходно. В болезни Даненовера не видно заметного улучшения. Удивительно, что он не заболел цынгой при вынужденном заключении и беспокойстве, которое он несомненно испытывает.

Температура падает с -21° до -25° . С зимой, видимо, еще не покончено.

В час ночи слышен был знакомый стон и скрежет движущегося льда. Как бы то ни было, я с тревогой ожидаю новых потрясений в день новолуния текущего месяца. Наш встречный дрейф и последняя температура указывают на разрежение льда, и, если мы подойдем к этому месту, мы можем попасть в сжатие.

Мне казалось что я уже овладел искусством управлять собачьей упряжкой, но, пожалуй, это не так. Сегодня запрягли в тяжелые сани одиннадцать собак, и мы с Мельвиллем пустились в путь. Обычно достаточно направить упряжку по старой санной колее или по следу пешехода, чтобы при умелом пользовании бичом можно было ехать до конца следа или до нового поворота так же, как если бы в сани были впряжены лошади, а не собаки.

Но сегодня дело не клеилось. Собаки, пробежав несколько десятков метров от судна, неожиданно устремились обратно. Если одному из нас удавалось задержать вожаков, то остальные собаки с удвоенной силой тянули назад; когда их стегали с одной стороны, они прыгали на другую.

Иногда, когда сани застревали в снежном сугробе или опрокидывались, нам удавалось справляться с собаками, так как изогнутые концы полозьев действовали как тормоз. Но собаки пользовались этим временем для передышки и, когда мы выпутывались наконец из сугроба, снова тянули сани обратно к кораблю.

Выбившись из сил, мы отправили вперед человека с „вожаком“, а сами занялись остальными собаками. Одна из них так заупрямилась, что, бросившись на лед, отказывалась подняться, несмотря на то, что я бил ее рукояткой бича, пока не устал. Пришлось волочить ее за шею более ста метров. Отъехали мы, таким образом, очень недалеко, но как весело и шумно примчали нас собаки обратно к кораблю!

5 апреля. Если бы кто-нибудь предположил, что нами уже сделано все для того, чтобы сэкономить уголь и в то же время не выкачивать воду вручную, он бы ошибся. Несколько дней тому назад я вспомнил, что видел насосы, приводимые в действие ветряным двигателем. Я начал обсуждать с Мельвиллем целесообразность установки на борту парохода необходимых приспособлений, и несколько не был удивлен, когда последовал ответ: „могу это сделать“.

Со свойственной ему изобретательностью Мельвилль обдумал все подробности и немедленно начал составлять рабочие чертежи насоса для откачивания трюмной воды, приводимого в действие ветром. Он высчитал, что при ветре, быстрота которого равна пяти милям в час, ветряной двигатель может выполнять работу, которую теперь производит насос, приводимый в действие двигателем парового котла.

При отсутствии ветра, желая сберечь уголь, придется выкачивать воду вручную. Число часов безветрия так незначительно, что это можно не принимать в расчет.

Измерение глубины показало 60 футов; грязное дно; лот указывает на легкий дрейф к востоку.

Вокруг места для промера лед достиг 15 сантиметров толщины, в центре же отверстия льда нет — тюлень нашел, что наша отдушина самое подходящее место, чтобы дышать через нее. Он приходит сюда регулярно, с полудня вчерашнего дня лед в этом месте не образовался.

Восход солнца в 4 часа 24 мин., заход — в 19 час. 40 мин. Сегодня установили наше положение: 72°30' северной широты, 178°33' западной долготы. Дрейф с первого апреля равен 11½ милям к юго-западу. Температура с 29° к 5 часам

упала до 30°. Внезапный мороз крайне неприятен, так как мы давно убрали бакстеровский котел с рубки и перестали топить печь на палубе. Опираясь на опыт прошлого, я считаю, что мороз продлится до новолуния, а затем, я надеюсь, наступит умеренная погода.

Денбар сегодня снова дошел до льда на отмели и видел там каналы чистой воды, но не нашел ничего, за чем можно было бы поохотиться.

С верхней палубы корабля видна узкая лента воды в расстоянии семи миль от нас, идущая с юго-запада на северо-восток.

6 апреля. В последние несколько вечеров в 23 часа я заметил к северо-западу длинную низкую гряду, сильно напоминающую землю. В самые яркие дни она не видна, так как солнце светит против нее и она теряется в блеске льда. Когда же солнце скрывается за горизонтом, она появляется с достаточной отчетливостью; похоже, что это земля. Возможно, что это слоистое облако, но тогда несколько странно, что каждый вечер облако одной и той же формы видно на одном и том же месте. Солнце заходит позднее и позднее; скоро наши недоумения разрешатся.

7 апреля. Тюлень попрежнему приходит дышать к нашей отдушине для промеров, и лед не может над ней образоваться. От восхода солнца и до 18 часов лед находится в движении, повидимому, между северо-западом и севером. Непосредственно после восхода солнца видно блестящее ложное солнце в солнечном круге. Несмотря на то, что в течение восьми часов солнце находится низко над горизонтом, мы имеем дневной свет все двадцать четыре часа и далее в полночь столько света, что считал бы возможным управлять судном. Рефракция сильно изменяет время наступления восхода и заката солнца, и поэтому невозможно установить точное время этих явлений.

Для определения нашего положения я очень тщательно применяю поправку Шоветта на высоту барометра и на температуру. При таких высотах исправления незначительны, но с приближением заката они становятся настолько важными, что игнорирование их представляется серьезной ошибкой.

9 апреля. Наступило новолуние. Вопреки моим опасениям ничего неприятного не произошло, сотрясения судна не ощущалось.

Сегодня показалась первая в этом году птица. С юга прилетел ворон и опустился на лед недалеко от корабля,

но все-таки на таком расстоянии, что его нельзя было ясно разглядеть. Затем он скрылся среди неровностей льда в ста метрах от нас. Ньюкомб пустился вдогонку, но ему не удалось найти птицу.

14 апреля. Сегодня наш стюард занялся очищением льда в румпельном отделении.¹ Этот новый термин в моих записках требует объяснения. Прошлой осенью я снял двери, ведущие из каюты в штурманскую рубку, и устроил между нею и колодцем гребного винта переборку, отделив совершенно заднюю часть каюты. Это выключенное пространство играло роль конденсатора для каюты, которая оставалась сухой при самой низкой температуре. Выключенная задняя часть образовала холодное помещение, куда влага проникала через щели и замочные скважины, когда двери были закрыты, а при открытых дверях влага проникала через дверную скважину; от конденсации ее образовался лед. Теперь, с наступлением более теплой погоды, его нужно удалить, иначе, растаяв, он потечет ручьями.

Разумеется, соседство с помещением для конденсации вредно отозвалось на каюте Чиппа и моей, так как наши отверстия для воздуха и передняя переборка представляли холодную поверхность, на которой происходила конденсация. В штурманской рубке был также лед, но в небольшом количестве. Я твердо убежден, что если бы рубка покрывала всю жилую палубу, то последняя оставалась бы сухой. И палуба, конечно, была бы много суше, если бы не приходилось пользоваться бакстеровским котлом сначала для перегонки воды, а затем для ее выкачивания, что сильно увеличивает сырость. На будущее время я стану придерживаться такого правила: самые холодные поверхности должны быть расположены в соответствующих местах, где можно будет контролировать и сырость и конденсацию.

Сегодня Бойд, дежурный кочегар, случайно или по небрежности испортил весь запас воды. Обычно котел парового катера получает питание непосредственно из моря, на этот же раз вода была взята из трюма. В результате, после перегонки вода имела отвратительный вкус, вызывающий тошноту. Придется несколько раз отскабливать и прочищать бочку, чтобы устранить плохой вкус воды. Несколько дней будем пользоваться водой из снега.

¹ Помещение, в котором находится горизонтальный рычаг (румпель), заставляющий вращаться руль вокруг вертикальной оси.

Маленькие трюмы снова заполнены, и шканцы теперь совершенно чисты. Только тот, кто был в течение месяцев в нашем положении, может оценить, какое наслаждение видеть чистую палубу.

15 апреля. Утром мне сообщили, что к северо-северо-западу предполагается земля. Предположение это было вызвано тем, что в этом направлении появились странные облака. Поднявшись на палубу, я увидел облака такой формы, что ни у одного моряка не осталось бы сомнения, что они нависли над землей. Однако, как мы ни старались, вооружившись биноклями, разглядеть контуры земли, мы не нашли никаких признаков ее под облаками. В предположении о земле нас укрепил еще прилет двух снежных овсянок. Они прилетели с юга и, отдохнув немного, улетели в направлении предполагаемой земли. Быть может, птицы и не вспорхнули бы так скоро, если бы не наш тощий пес Вольф. Всегда жадный к добыче, он бросился за ними и вспугнул их.

Нас обрадовал сегодня вид желтой полосы верхней части нашей кормы. Мы принялись за работу и убрали густой покров снега, всю зиму напоминавший обвал. Грязь, зола, пустые банки, нагроможденные в громадном количестве вдоль левого борта судна, также были убраны. От этой груды исходил неприятный запах, пока еще слабый, который, однако, служил предупреждением о том, что могло нас ожидать через месяц. Постепенно мы приводим все в порядок, и „Жаннета“ походит на судно, а не на замерзший ковчег.

Промеры показали 60 метров, дрейф к северо-западу. Тюлень все еще не дает закрыться отдушине, но вне ее образовался лед в десять сантиметров толщины.

16 апреля. Удалив снег с кормы и открыв выкрашенный в желтый цвет брезент, мы получили поверхность, притягивающую и поглощающую тепло солнечных лучей и, благодаря радиации, действующую на показания наших термометров. Поэтому я прикрепил ящик с термометрами к двум шестам, вбитым в лед, хотя ненадежность последнего делает их положение рискованным.

Сегодня я решил вынести бюро из моей каюты, чтобы очистить его от образовавшегося в нем льда. Ящики настолько распухли от сырости, что не выдвигались. Плотник несколько раз обстругивал их, но через некоторое время они вновь разбухали. В конце концов я решил сдаться

и перестал пользоваться бюро. С большим трудом его удалось сдвинуть. Между ним и передней переборкой скопилась такая сплошная масса льда, что без всякого преувеличения вынесено было более 24 килограммов льда. Одна глыба весила около 10 килограммов; кроме того, набралось два полных ведра обломков льда, подобранных лопатой. Стены моей каюты грязно-черного цвета. Когда же стюард немного очистил их, контраст чистого и грязного был так ослепителен, что больно резал глаза.

В нижнем ящике бюро было столько льда, что пришлось-таки поработать, пока удалось отбить его и достать мне смену белья. Однако, зимой я не испытывал больших неудобств, удаление льда теперь предотвратит таяние и сырость.

Уже некоторое время моржовое и медвежье мясо, предназначенное для корма собак, убрано с корабля на льдину. Собаки с неослабевающей бдительностью охраняют мясо. Кажется, они боятся, чтобы мертвые животные не поднялись и не удрали.

Прошло немало времени, пока собаки свыклись с новым порядком, запрещающим им вход на вычищенную теперь палубу. Регулярно каждый вечер они выстраивались у сходней, как цыплята, собирающиеся около насеста. С тех пор как они хорошо питаются моржовым и медвежьим мясом, они растолстели и своей ленью напоминают обитателей тропиков. При одном виде сбруи мгновенно прячутся.

17 апреля. Посоветовавшись с доктором, я решил уменьшить выдачу лимонного сока до одной унции три раза в неделю. Я исходил из того, что все мы, за исключением Даненовера, находимся в прекрасном состоянии здоровья и имеем в нашем распоряжении много свежего хлеба, консервированные овощи, молоко, масло и другую противочинготную пищу. Кроме того, каждую неделю у нас расходуется 960 килограммов свежего картофеля. Одна из трех бочек лимонного сока, начатая 6 декабря, уже кончилась раньше, чем я предполагал. Я уверен, что трудно будет указать на других арктических путешественников, здоровье которых было бы в таком хорошем состоянии после зимы, полной тревог, опасностей, холода и сырости. Скоро все это будет делом прошлого, о котором мы забудем.

В 2 часа были слышны звуки движущегося льда в восточном и юго-восточном направлениях.

18 апреля. Прошла еще неделя, а мы только на несколько миль приблизились к полюсу. Каждый вечер, беря

свой дневник, я сильно огорчаюсь, что не могу внести в него ничего ценного и важного. Но каждый вечер меня не оставляет надежда: завтра будет лучше. С другой стороны, в дневнике не отразишь тех мелочей, о которых необходимо подумать в течение дня. В нашем положении не приходится составлять никаких окончательных планов. Все зависит от того, что с нами случится, когда вскроется лед (да вскроется ли он когда-нибудь?), в каком состоянии тогда окажется течь и насколько мы сумеем маневрировать под парусами при неизбежно неправильном размещении груза. Когда настанет время, будем действовать, руководясь девизом: „не сдаваться, если есть хоть самый слабый шанс на успех“.

В 10 часов осмотрел судно. Все принимает опрятный и надлежащий вид. У меня впечатление, что, если поместить еще что-нибудь в кочегарку, команде придется перебраться оттуда на палубу.

Замеченное мною таяние на ледяном поле продолжается. С верхней палубы корабля вид далеко не так безнадежен, как месяц тому назад, когда все ледяное поле было загромождено бесформенными массами и глыбами разбитых льдин — результат зимних столкновений. Тогда нагруженные сани не могли бы пройти и пяти миль в день. Теперь эти массы сильно изменились, и хотя поверхность поля покрыта торосами и шероховатостями, но уже вполне возможно двигаться по льду. Думаю, что без особых затруднений можно делать милю в час. Если бы корабль был разбит в то время, мы только чудом могли бы достичь сибирских поселений; теперь же, если несчастный случай лишит нас корабля, у нас окажется значительно больше шансов достигнуть чистой воды и Сибири. Удачные условия наблюдения дали возможность определить наше настоящее положение: $72^{\circ}45'46''$ северной широты и $178^{\circ}16'$ западной долготы, магнитные склонения — $22^{\circ}15'$ восточные.

19 апреля. Сегодня продолжается уборка; очередь дошла до штурманской рубки. Здесь лед был в меньшем количестве, чем в моей каюте или румпельном помещении.

Сегодня сделали неприятное открытие — в жилой палубе снова появилась сырость. В ящики под койками начала капать вода. При первом же появлении течи на судне вода, удаляемая с верхнего конца форпика, поднималась между фермами и стекала на жилую палубу.

Иверсен доставил на судно следующие предметы, найденные на расстоянии полуторы мили к югу: семь небольших

кусков дерева, пучок растений, кусок березовой коры и небольшой лист. Родина всего этого без сомнения, по-видимому, Сибирь, но когда и какими судьбами эти предметы очутились здесь — навсегда останется загадкой. Из того, что они были найдены так близко от судна, ясно, что они принесены сюда не в этом году. Замеченная 17 апреля земля больше не видна, и я не могу считать ее родиной этих предметов.

Ветряной двигатель смонтирован и укреплен на правом борту. Из его ножек две покоятся на мостике, а третья на водяном баке. В мостике пробуровлено отверстие для соединяющей штанги, а Свитман устраивает рычажную передачу, которая соединит ее с насосом для откачивания трюмной воды в заднем углу кочегарного люка.

Мы оставили одного из убитых на охоте моржей на льду вблизи корабля с тем, чтобы выпотрошить его, когда он потребуется для собачьего корма. Еще в момент поимки Алексей заметил у моржа зародыш, и Ньюкомб настаивал на немедленном вскрытии на месте; но тогда было бы трудно уберечь мясо от собак. Вскоре шкура моржа настолько промерзла, что образовала панцырь, недоступный даже для острых собачьих зубов. Сегодня морж был наконец вскрыт, но, к нашему удивлению, в желудке оказались части молодого тюленя. Я говорю молодого, судя по первому слою волос. Хорошо известно, что моржи едят всяких животных, моллюсков и проч., которых откапывают своими клыками, но этот факт доказывает плотоядность млекопитающих.

Денбар и Алексей сегодня подстрелили и, видимо, убили моржа, но он опустил в воду. Надо целить в место под горлом, чтобы пуля имела направление вверх и проникла бы в мозг, так как черепная кость настолько толста, что на ней пуля расплющивается. Денбар попал моржу в затылок, и он, обезумев, вместо того чтобы нырнуть, стал метаться, разламывая молодой лед и истекая кровью. Алексей снова выстрелил и попал на этот раз в морду. Туловище моржа выпрямилось и погрузилось в воду.

Сегодня, закончив все работы по установке ветряного двигателя, мы пустили его в ход. Но ветер был недостаточно силен для работы большого насоса. Первоначально двигатель был рассчитан на работу насоса с восьмисантиметровым диаметром, и, разумеется, он был не в состоянии справиться с насосом диаметром в 15 сантиметров,

так как это требовало от него работы в четыре раза больше той, для которой он был сконструирован. Мы не сомневаемся, что при небольшом изменении насос заработает и мы сэкономим уголь и труд. Чипп предполагает снять брезентовые крылья и заменить их жестяными, более легкими и устойчивыми. Так и сделали, используя запас пустых коробок, валявшихся на льду.

21 апреля. При утреннем осмотре обнаружилось, что вырытый вокруг носа корабля ров совершенно затоплен. Повидимому, давление воды прорвало нижний слой льда. Это не грозит серьезными последствиями, так как сравнительно мягкая температура не даст образоваться тяжелому льду, могущему сдержать корабль. Водяные облака¹ окружают нас. Плен нам надоед, и мы нетерпеливо ждем возможности двинуться в том или ином направлении. С юга прилетел ворон и опустился вблизи нас. Собаки помчались к нему, и птица улетела в северо-западном направлении. Снова возникло предположение о земле, на этот раз к северу.

22 апреля. Еще одна птица посетила нас, на этот раз небольшая, тускло-окрашенная. Она прилетела с северо-востока и, когда собаки отогнали ее, улетела к западу в волнистом полете коротких, быстрых, перемежающихся ударов крыльев.

В 20 часов нам показалось, что мы видим землю, но при более тщательном наблюдении в морской бинокль у нас возникло предположение, не облако ли это. На горизонте много чистой воды, а над нею водяные облака, как нависший туман. Мы находимся в такой области, куда, насколько известно, не заходило ни одно судно, и мы надеемся, что на нашу долю выпадет честь открытия новой земли. Неудивительно поэтому, что мы склонны поверить первому впечатлению.

23 апреля. Мы воспользовались светлым, ярким солнечным днем, чтобы проветрить постельные принадлежности и одежду. В то же время происходила уборка и отскабливание в жилой палубе. Воздух мягок и нежен, мы купаемся в блестящих лучах при температуре от -14° до -16° . Собаки греются на солнце, ожиревшие от vorвани и от полного отсутствия работы. С закатом солнца (теперь иногда

¹ В полярных морях над пространством воды среди льдов в небе появляются темные пятна, носящие название — „водяные облака“.

после 21 часа) собаки, покрытые инеем, похожие на грибы-дождевики, собираются к кораблю. Ни иней, ни мороз не мешают им спать.

В 20 час. 30 мин. прилетела овсянка. Собаки спугнули птицу. Ньюкомб не успел выстрелить в нее. Она прилетела с северо-востока и улетела на юго-запад.

24 апреля. Измерение глубины дало 68 метров. Дрейф к северо-северо-востоку. Я определил наше положение по близмеридиональной высоте, давшей $72^{\circ}66'$ северной широты. Мы двигаемся к северу, глубина воды увеличивается. Я горячо желаю, чтобы такое положение вещей продолжалось, так как чем выше широта и чем глубже вода, тем скорее вскрыется лед под влиянием ветра или еще не известного течения.

Толщина льда у отверстия для промеров равна 100 сантиметрам; со времени последнего измерения, установившего 120 сантиметров, толщина льда уменьшилась на 20 сантиметров.

25 апреля. Начало новой недели ознаменовано приближением к полюсу на 9 миль. Прошлую неделю преобладал юго-восточный ветер, и мы соответственно дрейфовали к северо-западу. Этот дрейф указывает на разрежение льдов к северу и к западу, видимо, в районе Новосибирских островов или острова Ляхова. Погода становится мягче, и соответственно должны увеличиваться разводья и усиливаться движение льдов. Может быть, нам удастся выбраться отсюда и добиться каких-либо результатов.

Сегодняшнее измерение глубины дало необычные результаты — 80 метров и твердое дно. Со вчерашнего дня глубина увеличилась на 16 метров. Мы либо попали в глубокую впадину дна, либо сдвинулись с мелкого места, где дрейфовали всю зиму, и только теперь оказались в настоящем океане. Лот показывает попрежнему дрейф к северу, и завтра вопрос станет несколько яснее.

Жилая палуба при осмотре в 10 часов совершенно суха. Корабль настолько принял свойственный ему вид, что, если бы не течь и не постоянное выкачивание, мы могли бы скоро забыть обо всех пережитых неудобствах и отдаться планам будущего.

26 апреля. Измерение установило внезапное уменьшение глубины до 56 метров (на 24 метра меньше, чем вчера). Так как наше положение сегодня $72^{\circ}56'$ северной широты и $179^{\circ}16'$ западной долготы, т. е. только на две с полови-

ною миля к северо-западу от вчерашнего положения, то надо считать, что мы попали в глубокую впадину дна.

Сегодня в 16 час. 30 мин. нас взволновал крик: „медведь!“ Молодой, во всяком случае небольшой медведь приблизился на расстояние около 300 метров к кораблю. Собаки подняли тревогу. Чипп, Алексей, Денбар и Анегин с собаками пустились преследовать зверя. Мишка немедленно бросился наутек, а так как нам было трудно пробираться по снежным сугробам, ему удалось спастись. Обидно. Молодой медведь — очень вкусная пища.

28 апреля. К 15 часам ветряной двигатель окончательно установлен и соединен с насосом для откачивания трюмной воды. Прежние крылья двигателя имели слишком малую поверхность, вследствие этого очень оседали. Они были заменены вентиляторами из жестяных листов, сделанных из пустых коробок от кофе и чая, скрепленных провололочными зацепками. Новое оборудование великолепно работало, и в 20 часов мы смогли совсем прекратить откачивание вручную в передней части форпика. Заслон для спуска воды был открыт, и вода потекла за корму. До полуночи ветряной двигатель работал бесперебойно, давая экономию угля, котел парового катера работал только для дистиллирования воды.

На борту нашего корабля имеется большое количество пороха. Чипп все последнее время занимался устройством зажигательных трубок и торпед, и теперь мы обеспечены ими на случай, если они понадобятся при будущих операциях.

Денбар приобрел у нас репутацию человека, неумеющего определять пройденного им расстояния: когда он говорит, что он сделал милю, мы все считаем, что их было две. Как-то раз, прошлой осенью, он явился за лодкой, чтобы доставить на судно убитых моржей. Расстояние он определил в одну милю. Я и Мельвилль отправились вместе с ним в сопровождении собачьей упряжки, тянувшей сани с лодкой. Мы пробежали добрых три мили и совершенно выбились из сил. Сегодня я заставил его взять с собой шагомер, который прикрепил к его карману. Вернувшись, Денбар заявил, что прошел около трех миль, причем, судя по выражению его лица, можно было думать, что в действительности расстояние было меньше. Шагомер же показал пять миль. С этих пор у нас правило: мили, показанные Денбаром, увеличивать вдвое и тогда уже говорить, можно ли справиться с такими расстояниями.

Лед без сомнения тает под действием солнечных лучей, но на мой взгляд таяние идет слишком медленно: так горячо, так сильно мое желание продвинуться вперед.

Сегодня наша широта $72^{\circ}59'54''$ северная, почти 73° . Хочется верить, что, когда мы пройдем 73° широту, мы, наконец, пойдем скорее и покажем себя. Рыхлый снег затрудняет хождение по льду. Внезапно проваливаешься в трещину между сугробами, и ушибы отбивают охоту гулять даже у самых ревностных ходоков.

Нам все еще не удалось отыскать годного для питья снега. Самые тщательные поиски свежес выпавшего снега, верхний слой которого не успел еще соприкоснуться со льдом, дают неизменно одинаковый результат: снег этот имеет соленый вкус. Разумеется, пользоваться таким снегом невозможно ни для питья, ни для варки пищи.

Температура с -6° к полдню поднялась до -4° , упав к полночи до -10° . Пока солнце стоит высоко, видно, как оседают зола и пепел, и кажется, что черный цвет каким-то волшебством пробивает себе путь. О, как бы я хотел, чтобы весь снег и лед поскорее стали черными!

30 апреля. Весь дрейф за месяц равняется 84,2 мили, из них по прямой линии — 56 миль к NW 50° . Медленное продвижение наводит уныние, но все-таки мы идем вперед, и это дает уже кое-что.

Чипп заметил около двадцати уток. Они летели очень высоко, держа курс на запад. Нет сомнения, они летели к какой-то земле, но как мы ни напрягали зрение, нам и с помощью биноклей не удалось ничего разглядеть.

1 мая. Солнце видно в полночь. Май начинается чудесным светлым ярким днем. Даже мрачное однообразие нашего окружения не мешает нам наслаждаться погодой. Температура от 2° до 1° , яркое солнце, совершенно безоблачное небо — все вместе составляло такой замечательный арктический день, что для полноты переживаний не хватало только чистой воды, дающей кораблю возможность плыть. В такой день нельзя было оставаться на борту. Все, кроме Даненовера, высыпали на лед. Открыли все двери настежь, потушили все топки и грелись на воздухе. Некоторые так загорели, что лица их стали яркокрасными. Собаки задыхались от жары и так разогрелись, что прикосновение к ним было неприятно.

Мы осмотрели запасные паруса, всю зиму пролежавшие на корме. Они оказались в полном порядке, без каких-либо

повреждений... Их выставили на солнце. Началось проветривание постельных принадлежностей и одежды. Поднялась приятная суета, невольно наводившая на мысль, что в будущем нас ждет более быстрое движение.

Верхний край солнца, восход которого начался в 0 час. 55 мин., еще в полночь виднелся на горизонте, как бы не желая с нами расстаться. Едва солнце пересекло первый вертикал (около 7 час. 25 мин.), температура начала падать и к концу дня упала до -17° — неприятное напоминание, что один майский день, как и одна ласточка, еще не делает лета.

Денбар гуляя напал на два ряда медвежьих следов на расстоянии около трех миль от корабля. Следы эти тянулись вдоль небольшого канала во льду. Мы устроили там западни. На льду в разных местах виднелись следы крови: очевидно, медведь поймал заснувшего тюленя и сожрал его.

Подсчет величины течи, или, другими словами, количества откачиваемой воды, дал 800 галлонов в час, — громадное улучшение с 20 февраля. Точно установить причину уменьшения течи не представляется возможным. Пока приходится довольствоваться двумя догадками: или часть корабля, которую мы считали сломанной, была снова вдвинута сжатием льда и закрыла отверстие, или цементу и прочим материалам удалось остановить воду в большей степени, чем мы предполагали. Какова бы ни была причина, меня во всяком случае радует уменьшение расхода угля.

2 мая. Теплая погода благоприятствует охоте. В субботу произвели общий осмотр и чистку ружей и револьверов и стреляли в цель. Стрельба дала хорошие результаты, свидетельствующие об умении стрелков. Все бодры и полны ожидания, что вскоре снасти корабля будут увешаны добычей. В западне, которую мы сегодня навестили, ничего не обнаружено, кроме следов двух медведей; один из них даже наступил на западню... но пойман не был. Снег, где была поставлена западня, настолько затвердел, что западня не захлопнулась. Вот причина нашего разочарования. Запас медвежьего мяса у нас еще не кончился, и сегодня за обедом мы имели возможность убедиться, насколько один медведь на столе лучше двух, не попавших в западню.

3 мая. Денбар первый пострадал от снежной слепоты, несмотря на свой огромный опыт и постоянную свою осторожность. Желая испытать мой винчестер и отыскать медведей, он оставался на льду дольше, чем допускало благора-

зумие. Ничего серьезного, через несколько дней он снова будет здоров.

4 мая. Опыт, приобретенный нами в этом плавании, не только послужит в будущем, но сможет пригодиться и для улучшения некоторых предметов арктического снаряжения. Мы стали настолько практичными, что считаем негодным для будущего оборудования экспедиции все то, что не допускает одновременного использования в двух направлениях. У нас с Мельвиллем возникла мысль, нельзя ли сконструировать печь таким образом, чтобы она кроме обогрева годилась бы и для перегонки воды. Мельвилль считает это возможным. Он полагает, что даже печь в нашей каюте при дополнительных приспособлениях могла бы перегонять небольшое количество воды... Эти приспособления должны удалять соль и другие отложения. Однако, устройство вызовет расход угля, не оправдывающийся результатами, кроме того, мы будем в худшем положении, чем при теперешнем нашем перегонном аппарате, особенно, если придется откачивать воду паром.

Я просил Мельвилля спроектировать план такого аппарата, который сможет одновременно и отапливать и перегонять воду с минимальным потреблением угля. Такой аппарат может пригодиться в будущем при арктических экспедициях. Я убежден, что ему удастся разрешить проблему и получить бесконечно ценный предмет снаряжения. Я лично не колебался бы отправиться в новое арктическое путешествие со специальной целью испытать и доказать это.

Если нам посчастливится вернуться, избежав случаев цынги, я припишу это исключительно чистой воде, которую мы пьем. Не думаю, что наши условия были бы чем-либо благоприятнее для здоровья, чем в экспедициях „Тегеттгофа“ или доктора Хавена. Обе экспедиции также прозимовали в паковом льду и сильно страдали от цынги. В экспедиции Нереса вода была чистая (если судить по испытаниям азотнокислым серебром, удостоверенным доктором Мосс), но и там были вспышки цынги. Очевидно, это было вызвано другой причиной, с которой нам придется еще встретиться и бороться, так как я не хочу своим опытом подтвердить опыт экспедиции Нереса. Очень трудно, и почти невозможно, убедить рядового моряка в огромной важности употребления чистой питьевой воды. Прошлой осенью, когда я напрягал все усилия, чтобы не пользоваться водой из снега, оказавшегося несвободным от примеси соли, и для перегонки

м. Б. ... в лодку ...

воды бакстеровским котлом тратил уголь, более драгоценный, чем алмаз, я наблюдал случаи, вроде следующих: запасы дистиллированной воды строго соответствовали потребности в варке и питье, но вода не всегда была достаточно прохладна. Но стоило поддержать воду на воздухе — и она становилась даже более холодной, чем требовалось. Иногда матросы, наполнив свою оловянную кружку на половину снегом, черпали ею воду из бочки и этим портили не только свою воду, но в большей или меньшей мере всю воду в бочке. Разумеется, это было прекращено, бочка была прикрыта, в нее вставлен кран, а наблюдение за ней поручено дежурному кочегару. Точно так же и повар, найдя, что вода от снега неплоха для мытья тарелок, добавил ее, учитывая ограниченное количество дистиллированной воды, и к воде для чая. Все это свидетельствует о легкомыслии.

Теперь у меня трудная задача — добиться, чтобы все носили очки, предохраняющие от света, отраженного от снега. Они, правда, неудобны и неприятны, но, тем не менее, необходимы и важны, хотя и они не могут совершенно предотвратить снежную слепоту. Ношение их на некоторое время во всяком случае спасает от слепоты, к тому же и самая слепота длится меньше и не так болезненна. Предвидя, что рядовой моряк предпочтет обходиться без очков, я отдал по этому поводу строгий приказ.

В 16 часов нас посетил медведь. Когда Эриксен вошел в каюту и сообщил о приближении медведя, доктор, Ньюкомб и я с ружьями выскочили на лед. Собаки бросились вслед за нами и, почувствовав или увидев медведя в 200 метрах, понеслись к нему. Мишка повернул и стал убегать. Я выстрелил и, как потом узнал, попал в левое предплечье. Хотя собаки преследовали медведя, он настолько опередил их, что, добежав через три мили к каналу в сто метров шириной, успел переплыть и добраться до торосов на другой стороне. Алексей, подбежав к кромке льда, выстрелил в медведя и, по его словам, попал, но медведь спустился с торосов и скрылся за неровным льдом. Алексей видел, как кровь текла у медведя из левого предплечья, был также виден оставленный им кровавый след.

На открытой воде появилось много птиц. Это приятно нашему естествоиспытателю Ньюкомбу, собирающемуся завтра предпринять вылазку, а также и потому, что птичий пирог нами очень ценится.

5 мая. Сегодня мы оказались к западу от 180 меридиана, что несколько странно, если иметь в виду северо-западный

Собаки дерутся...

ветер и указываемый лотом дрейф к юго-востоку. Очевидно, мы столкнулись с северо-западным течением. Наше точное положение — $73^{\circ}11'24''$ северной широты и $179^{\circ}37'30''$ восточной долготы. С 1 мая дрейф в 8 миль к северу, две мили в день.

Алексей и Ньюкомб, вернувшись с охоты, принесли трех кайр.

6 мая. Охотники подошли к каналу в трех милях к юго-востоку от корабля и нашли, что из-за движения ледяных полей он медленно закрывается. Они видели несколько кайр и следы песка.

7 мая. Сильное уменьшение водяного облака: чистая вода к юго-юго-востоку от корабля замерзла.

8 мая. Прошел еще один бесполезный день. Такая жизнь, действительно, становится монотонной. Каждый день запас угля уменьшается, но погода еще не позволяет потушить огонь в каютах и в жилой палубе. Хотя 0° — точка замерзания свежей воды, эта температура была бы приемлема. Сегодня с утра — 20° , и, несмотря на восточно-юго-восточный ветер, в течение целого дня температура не поднялась выше — 11° в полночь. Мрачная, угнетающая, неприятная погода. Ветер скоростью от 10 до 23 миль поднимает с поверхности льдин клубы снега. Из-за снега на сто метров не различить предметов. Вдоль корабля виднеются небольшие белые комки. Это собаки.

9 мая. В 10 часов осмотрел корабль. Жилая палуба суха, команда довольна ею. Действительно, учитывая размеры судна, надо признать, что помещение достаточно просторно и уютно. Так как палуба отделена от офицерских кают, ничто не мешает команде пить, курить и играть в карты в часы, когда это разрешено.

Склад, где находится дополнительный насос, набит так, что яблоку негде упасть, но он сух и содержится в порядке. Вся рубка представляет из себя одну большую мастерскую; здесь же находятся вещевые мешки, сапоги и другие предметы, благодаря чему жилая палуба свободна от лишних предметов. Камбуз чист и удивительно уютен; койки китайцев — образец чистоты. Каюта также суха, чиста и удобна. Кают-компания суха; ее нужно было бы выкрасить и отскоблить, но это нельзя сделать из-за низкой температуры, к тому же ремонт был бы связан с неудобствами для Даненовера. Я не вижу каких-либо перемен в его состоянии. Если и бывает кратковременное улучшение, то оно является

предвестником новой вспышки. Доктор разрешил ему выходить днем из каюты, причем один глаз должен быть совершенно закрыт, а другой — защищен цветными очками. В теплую и сухую погоду он на короткое время может выйти на палубу под навес, но он должен уходя сменить туфли на резиновые сапоги. Он, однако, слишком понадеялся и начал всматриваться, пытаюсь различить предметы, а затем вышел на несколько шагов из-под навеса на яркий солнечный свет и, наконец, не сразу переменял обувь. В результате он снова сидит в своей темной комнате, и ему разрешено выходить с завязанными глазами только к обеду и ужину.

10 мая. День прошел в тщетном ожидании мягкой погоды и чистой воды. Корабль находится в четырех милях к западу от положения 7 мая. Или за это время мы продвинулись дальше на запад, а затем были увлечены обратно, или показания лота не имеют никакой цены. Северная широта $73^{\circ}9'49''$, восточная долгота $179^{\circ}9'55''$. Насколько больше меня удовлетворила бы широта $83^{\circ}9'49''$ для моей исследовательской работы.

11 мая. Никаких событий. В 3 часа на льду вблизи корабля послышался треск, очень слабый и не имеющий значения, если только он не указывает на таяние. Если бы мы находились ближе к полюсу, мы не имели бы оснований ждать в это время года мягкой погоды или вскрытия льда, но здесь другое дело.

12 мая. Облачный, мрачный, неприятный день.

Поймали тюленя, но он оказался несъедобным из-за сильного запаха скипидара. Запах чувствовался, когда тюлень еще лежал на льду. Я сохранил череп тюленя.

Денбар и Алексей застрелили по кайре, — пуля почти разорвала птиц на куски. Этим исчерпывается отчет о целом дне, и я должен им удовлетвориться.

13 мая. Ниндемани и Алексей застрелили и доставили на корабль тюленя и двух кайр. Ниндемани притащил тюленя. Это тяжелый труд, если учесть, что он прошел семь миль. Денбар, взяв внутренности пойманного вчера тюленя, отправился после полудня устраивать западню для медведей.

В 21 час 30 мин., когда Эриксен дежурил на палубе, Чипп заметил с крыши рубки в двухстах метрах справа большого медведя, расположившегося на торосе и оглядывавшего судно. Моментально Чипп, я и Ньюкомб с ружьями оказались на верху рубки. Первым выстрелил Чипп.

Затем раздался выстрел Ньюкомба, а потом снова Чиппа. На этот раз он несомненно попал, так как медведь спустился вниз. Собаки быстро окружили мишку, который встал на лапы и, истекая кровью, пустился бежать по неровному льду и снежным сугробам. Доктор, Чипп и я в сопровождении Ньюкомба направились его преследовать. Медведь, отойдя четыре мили от корабля, остановился и вступил в бой с наседавшими на него собаками. Ньюкомб воспользовался остановкой и пустил в него вторую пулю, которая сбила медведя. Мы притащили его на корабль. Он имел 260 сантиметров в длину, 170 сантиметров в обхвате, весил около 320 килограммов. Довольно старый, но жирный, с нежным мясом. Его шкура и морда достались Ньюкомбу как трофей.

Как я уже сказал, путь был ужасный. Вся поверхность ледяного поля взрыхлена и сбита, во всех направлениях торчат заостренные края айсбергов. Снег, выпавший за зиму, был во всех щелях и закоулках. В отдельных местах ледяная кора казалась достаточно крепкой. Но стоит положить на ее крепость, как человек сразу проваливается по пояс. Встречаются и более опасные места между краями двух ледяных глыб со снежным колодцем посередине: в них немедленно проваливаешься по грудь, и приходится карабкаться, цепляясь ногтями. Даже собаки зачастую барахтаются и не могут выкарабкаться без помощи человека. Теперь я могу вполне оценить трудности, которые претерпел капитан Маркгем, пробиваясь к северу с зимней стоянки „Алерта“. Если мы будем вынуждены покинуть корабль, я убежден, что мы не сможем захватить столько припасов, чтобы их хватило на весь путь до Сибири. Если нам не удастся промышлять себе пищу охотой, — единственный наш шанс в том, чтобы скорее подойти к чистой воде, как это случилось с отрядом Вейпрехта на „Тегеттгофе“.

Определил положение судна: $73^{\circ}7'45''$ северной широты и $178^{\circ}57'45''$ восточной долготы — дрейф со вчерашнего дня в милю с половиной к западу. Я думаю, что наш дрейф доказывает, что каковы бы ни были теории о течениях в этой части Ледовитого океана, они в действительности вызываются ветром. Так как наш дрейф с момента нашего ледяного плена был на северо-запад, то отсюда следует, что наибольшее количество ветра было с юго-востока. Что же касается случайного бокового дрейфа на восток и запад, а иногда к югу, то он обусловлен случайными ветрами

с северо-запада и востока. Это подтверждается нашими записями о ветре.

Ни признака земли. Наш корабельный журнал начинается записью: „Застраили в паке к северо-западу от острова Геральда“, так как остров Геральда самая северная земля, которую мы видели. Теперь остров Геральда находится к юго-востоку в 142 милях отсюда.

Стая птиц прилетала утром с востока и запада, как бы указывая на существование земли в этом направлении, но земли еще не видно.

14 мая. Нет дождей, но много медведей. Утром в 4 часа медведь подошел к судну с кормы. Собаки его заметили и бросились за ним. Коллинс пустился в погоню с револьвером, но шансы были неравны: медведь может пройти там, где человеку нет пути. Однако, искушение преследовать его было слишком большое, тем более, что собаки могли задержать его и дать возможность выстрелить. Коллинс пробежал милю с половиной и передал преследование Алексею, который с собаками гнался еще несколько миль, но настичь медведя не удалось. Немного спустя Чипп увидел другого медведя слева у кормы. Он выстрелил и попал, но медведь, пустившись по неровному льду, скрылся, несмотря на преследование. Эриксен и Бартлетт шли по следу, но через семь миль след потерялся на молодом льду. Плохо, что эти животные так живучи. Раненый зверь, вероятно, гибнет через некоторое время, но для нас он потерян. Кажется, в медведя необходимо вогнать столько свинца, чтобы он не смог его унести и сдох вблизи корабля.

Сегодня команда чистила и распределяла сухие тюленьи шкуры. Нам приходится подумать о будущей зиме и привести в порядок подошвы и мокассыны, которые за зиму разорвались и износились.

15 мая. Снова медведь. Утром Денбар отправился к медвежьей западне; видно было, что ее посетили, так как приманка исчезла, а западня была опрокинута, хотя и не расколота. Денбар с Анегиным и Алексеем пошли по следу и после долгого пути увидели двух медведей. Одному удалось убежать, а второго они убили. Странно сказать, — потребовалось не менее семи пуль, а погоня и перестрелка продолжались на расстоянии двухсот метров. После пяти выстрелов медведь, шатаясь, еще пытался уйти, и только два последних выстрела прикончили его. Медведица оказалась очень худой — кожа да кости, как говорит Денбар. Пови-

димому, она еще кормила детеныша или недавно его отлучила.

После полудня я с доктором отправился на собачьей запряжке за добычей и имел возможность „осмотреть местность“. В полутора милях к юго-востоку мы подошли к месту бывшего разводья, которое теперь было закрыто молодым льдом. Идя вдоль, мы дошли до его конца и тогда, повернув к северо-западу, натолкнулись на канал, простиравшийся около трех миль к северо-востоку. Канал оканчивался у старого, очень тяжелого льда. Оттуда мы повернули к кораблю. Нужно проделать такое путешествие, чтобы понять, каких опасностей мы избежали зимой. Если бы ледяные глыбы, вздымающиеся на четыре с половиной и на шесть метров, вступили в бой с судном, никакое судно не уцелело бы.

Сегодня мы находимся на $73^{\circ}13'3''$ северной широты и $178^{\circ}52'45''$ восточной долготы. Со вчерашнего дня дрейф в три и три четверти мили к NW 7° . Не говоря уже о том, что это все-таки продвижение, следует отметить, что никто еще не достигал такой широты в этой части Ледовитого океана (то есть морем). Коллинс, по-моему, не поднимался выше $73^{\circ}11'$. Земли все еще нет. Лот показал глубину в 53 метра, илистое дно, быстрый дрейф на север. Без сомнения, движение вызвано продолжительным южным ветром; сегодня юго-восточный ветер с быстротой от 8 до 11 миль. Лед, повидимому, не только оказывает умеряющее влияние на ветры, когда они настигают нас, но и задерживает их появление. На самом паке никогда шторм не достигал такой силы, как на кромке пака. По анемометру наибольшая скорость была только сорок миль; кажется невероятным, что можно было, перезимовав в Арктике, не наблюдать большей скорости.

16 мая. Снова медведь. Денбар с Анегиным и Алексеем отправились после полудня осмотреть медвежью западную, и, не найдя в ней ничего, решили итти дальше в поисках добычи. Скоро на небольшом расстоянии они увидели приближающегося медведя. Они спрятались за неровным льдом и решили выжидать. После некоторого колебания медведь стал двигаться в их сторону, а затем свернул; тогда они спустили собак, которые окружили медведя. Денбар выстрелил. Медведь бросился к чистой воде и молодому льду и, несмотря на то, что в него еще раз выстрелили, успел прыгнуть в воду. Некоторое время он плыл под водой, — рябь на воде указывала его след. Но ему пришлось всплыть,

чтобы отдышаться, и тогда Денбар попал ему в морду. Пуля, выбив громадный зуб, застряла в мозгу и прикончила зверя; оставалось достать добычу. Денбару и Анегину не удавалось вытащить тушу из воды, хотя они и зацепили ее. Поручив Анегину удержать медведя, Денбар пошел за подмогой. По пути он встретил другую нашу партию охотников и соединенными усилиями приволок добычу на корабль. Результат — 200 килограммов свежего мяса. Морда и шкура достались Денбару. У нас теперь столько медведей, что для разнообразия нужны утки.

Сегодня выкачивали воду исключительно ветряным двигателем. Легкий восточный ветер, к 4 часам изменив направление к юго-востоку, почти стих, но скоро снова задул. Постепенно крепчая, он к полночи дул со скоростью 19 миль в час, временами переходя в сильный шквал.

Последние дни в трюме появился неприятный запах; сегодня произвели в трюме чистку: открыли кингстоны, впустили еще воды и скребли швабрами трюм. Работа ветряного двигателя не заставляет желать лучшего.

Наши трюмы чисты, на это указывает и вид отдельных частей. Запах в трюме могу объяснить только тем, что в морской воде происходит какая-то химическая реакция или что там гниют мелкие животные.

К 10 часам осмотрел корабль. У нас теперь трое больных: Даненовер, Свитман, страдающий невралгией, и повар А-Сам, у которого перемежающаяся лихорадка. Невралгия у Свитмана появилась, по-моему, из-за больного зуба, а лихорадка у А-Сама вызвана простудой. Оба они ценные работники, и их болезнь нас всех огорчает. С плотничьей работой можно обождасть, но с приготовлением пищи ждать нельзя. Стюард работает за двоих, а когда он был болен, за него работал А-Сам. Я все больше восхищаюсь китайцами. Я знаю, что каждый из них, если потребуется, возьмет на себя любую работу и быстро с нею справится.

За прошлую неделю потребление угля увеличилось до 1164 килограммов, но за эту неделю расход уменьшился до 1060. Должен упомянуть, что все стружки, щепки и небольшие куски дерева используются. Они поступают в бункера, а затем в топки как горючее. Вес угля увеличивается от большого количества мелкой пыли, но так как пыль тоже горит, то ее рассматривают как уголь, взвешивают и расходуют. Я более чем уверен, что в бункерах больше угля, чем значится по записям.

17 мая. Прошел еще день, ничем не нарушив однообразия нашей жизни. Мы попрежнему дрейфуем к северу, но земли не видно. Иногда на севере виднеется водяное небо, но оно убегает по мере нашего приближения. Низкая температура и нетронутый лед не предвещают скорого освобождения, и единственное утешение в том, что мы не знаем, что ждет нас завтра. Если бы мы имели возможность чем-либо содействовать интересам науки, это до известной степени удовлетворяло бы нас. Правда, каждый час производятся метеорологические наблюдения, ежедневно определяется местонахождение корабля, но этим все ограничивается. Постоянная смена положения не позволяет производить магнитных наблюдений, имеющих научную ценность. Производимые нами приблизительные наблюдения склонения и глубины годятся лишь как материал, но они не будут иметь научного значения. Никаких астрономических наблюдений, кроме определения широты и долготы при помощи секстана и искусственного горизонта, нельзя делать.

В нашем положении рискованно сооружать обсерваторию и устанавливать на льду инструменты, так как при передвижке льдов все может погибнуть.

Ежедневно берется проба грунта со дна при измерении глубины, и образцы сохраняются. Гидрографические работы исчерпываются записью через день температуры воды на поверхности у отверстия для промеров. Низкая температура не дает возможности спускать с лотом термометры и приборы, так как они быстро замерзают и в этом виде легко лопаются. Мы не забываем и естественно-научных заданий. Ни одно животное или птица не может, не рискуя жизнью, приблизиться к кораблю. Таким образом, насколько возможно, мы не остаемся без дела. Другие, которые так же, как и мы, оказались в паке, не могли сделать больше, в некоторых же случаях не делали и того, что делаем мы.

Плотники заняты изготовлением бегунков для киля больших лодок на случай, если при аварии придется тащить лодки по льду.

18 мая. С собачьей упряжкой я отправился сегодня к молодому льду в двух милях к северо-востоку от корабля. Со мною были Денбар и Мельвилль. Мы прошли в направлении молодого льда около трех миль к западу. Я мог бы идти еще дальше, но пришлось возвратиться, чтобы заняться определением положения. Молодой лед образовался

над разводьями шириною около двухсот, а местами — пяти-сот метров; на молодом льду виднелась трещина, достигавшая 80 сантиметров шириной.

Иногда попадались лужи и каналы. Рябь воды радовала взор, привыкший видеть только замерзшую воду. Вдоль длинного канала с обеих сторон громоздились бесформенные глыбы старого льда, вышиной в 6 и 9 метров. Месяц тому назад разводьев здесь не было: отдельные куски льда достигали 366 и 457 сантиметров толщиной, причем были видны линии напластования в тех местах, где льдины на-двинулись одна на другую. К югу простиралась на мили ровная поверхность. Но когда Денбар попытался пройти по ней к кораблю, он убедился что она полна западней и ловушек, в которых можно провалиться до плеч.

К северу лед имел торосистый вид, и, конечно, нельзя было тащить по нему сани. Впрочем, в любом направлении такая попытка походила бы на попытку протаскать сани по крыше домов. Приходили ли такие мысли и моим товарищам, я не знаю, так как они их не выражали и ничем не обнаруживали. При наших спорах или скорее разговорах, так как мы не спорим, мы всегда исходим из наличия корабля, как основного фактора для простейшего разрешения арктического уравнения. Главное наше затруднение заключается в том, что слишком много неизвестных.

По сегодняшнему наблюдению мы находимся на $73^{\circ}28'19''$ северной широты и $178^{\circ}51'45''$ восточной долготы, дрейф в $2\frac{1}{2}$ мили к NO. Это странно, так как последние двадцать четыре часа непрерывно дул южный ветер. При восточном ветре мы должны были двигаться к северу и западу, а не к северу и востоку. Возможно, что наше ледяное поле прошло мимо большого поля льда (или земли), сопротивлением которого было отброшено. Я отказался от всяких теорий относительно нашего движения и основываюсь только на фактах. Теория ежедневного наблюдения показывает, как проходит наш дрейф в действительности.

20 мая. О, если бы настала теплая погода!

У нас осталось только 60 тонн угля, а нам остается работать летом и подумать о будущей зиме, откачивание и варка идут все время.

Беспрерывный солнечный свет в течение двадцати четырех часов большое благо, и мы его как следует оценили бы, если бы могли использовать для продвижения судна на север к чистой воде.

Наши охотничьи отряды жалуются на боль в глазах. Мой строгий приказ относительно защитных очков при удалении от судна далее, чем на двести метров, добросовестно выполняется; я не сомневаюсь, что ношение очков не является непогрешимым средством против снежной слепоты, но все-таки уменьшает опасность заболевания.

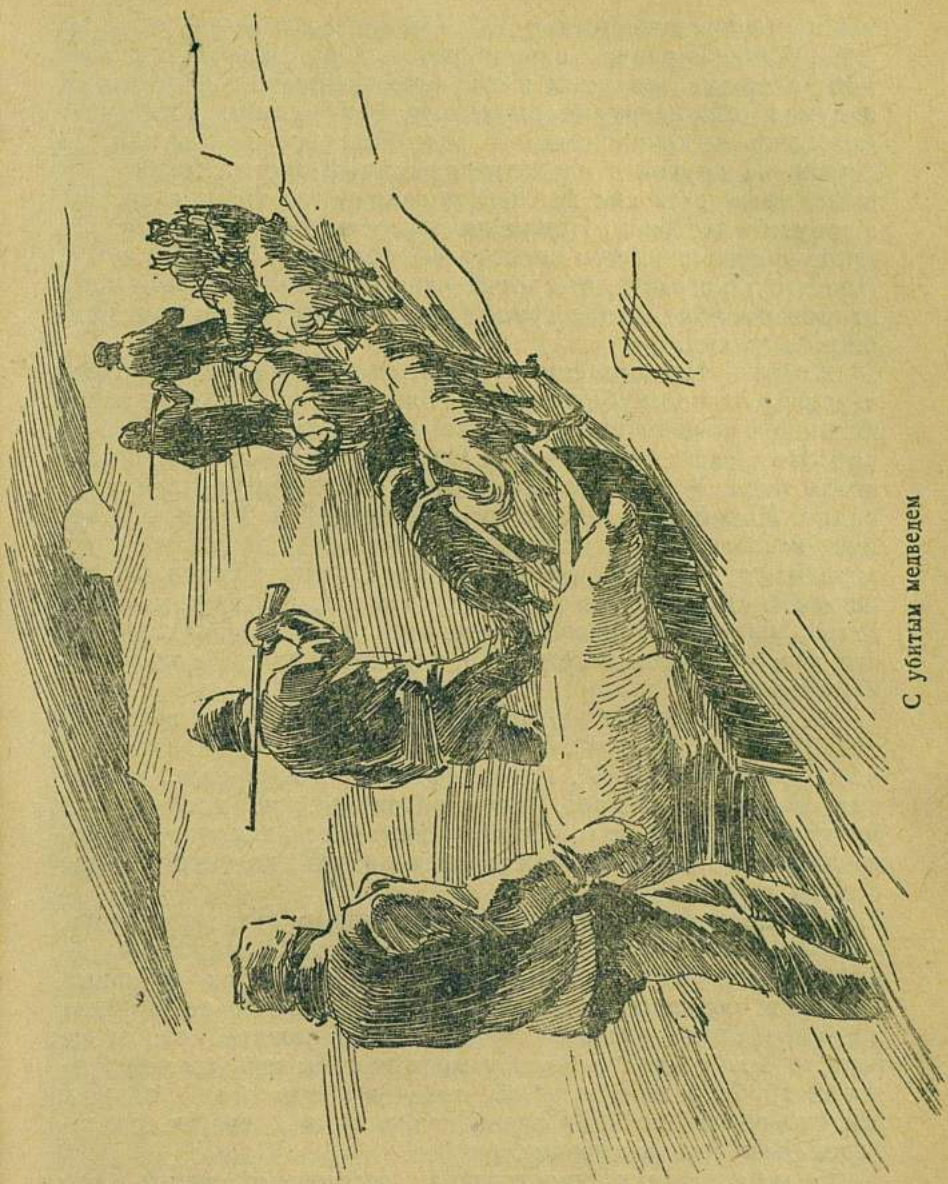
Свитман и А-Сам выздоровели и снова работают.

Вся плотничья работа производится в рубке, и я думаю, что Свитман не будет больше страдать невралгией. Что же касается А-Сама, то, оказывается, он болел перемежающейся лихорадкой еще в Китае.

21 мая. Снова медведь. Денбар и туземцы сегодня утром, как всегда, отправились к медвежьей западне и, не найдя там ничего, пошли дальше. В пяти милях к северу от судна они встретили медведя и спустили на него собак. Подойдя ближе, они дали залп; все три пули попали и сбили медведя. Медведь вскочил на лапы и, истекая кровью, набросился на собаку; но выстрелы Денбара и Алексея прикончили его. Они привезли на корабль шкуру и медвежью голову. Я как-то говорил, что хотел бы достать для Беннетта шкуру и голову. Денбар предложил мне взять его трофей и начал готовить его. Это будет подарок Беннетту от Денбара. Таких прекрасных трофеев у нас еще не было. Сегодня утром убран навес со шканцев, и моя каюта залита солнцем. В полночь большая стая птиц, вероятно, диких гусей, на пути с юго-востока к северо-западу пролетела над кормой, но ее можно было только видеть, так как она находилась на недостигаемой для выстрела высоте.

22 мая. Утром, взяв упряжку из 18 собак, с Мельвиллем и Анегиным отправились за убитым вчера медведем. Когда мы подошли к молодому льду и продвинулись около мили, оказалось, что образовалось разводье; это заставило нас пойти в обход по неровному льду. Медведь был быстро погружен на сани, и мы отправились в обратный путь. Молодой лед был так тонок, что вес выпотрошенной туши вместе с весом людей заставил поверхность льда несколько раз колебаться и, наконец, лед под нами проломился. Мы двигались с такой скоростью, что провалилась только задняя часть саней, и нам удалось избежать холодного купанья и потери добычи.

Плохо нам пришлось, когда надо было идти на неровном льду. Хотя кроме медвежьей туши на санях ничего больше не было, потребовался час, чтобы соединенными

С убитым медведем

усилиями трех человек и 18 собак преодолеть эту четверть мили. Собаки тянули охотно, так как шли домой; при каждой задержке они выли и старались вырваться из упряжки, я думал, что канат не выдержит. Был момент, когда сани оказались на одной стороне вздыбившейся глыбы льда, а собаки на другой и их разделял острый торос. Когда с напряжением всех сил мы перетаскивали через торос сани, они нырнули и застряли. Пришлось откапывать их руками, чтобы двинуть дальше; затем полозья застревали в трещине и т. д. Достаточно сказать, что когда через час мы снова оказались на ровном льду, с нас градом катился пот, и мы почти выбились из сил.

23 мая. Прошла еще неделя, мы попрежнему в плену в нашем ледяном убежище. Приблизительно в это же время юго-восточный ветер дал возможность капитану Бэлей на корабле „Рэш“ пройти через Берингов пролив, не встретив нигде льда. У нас тоже юго-восточный ветер, но земли не видно. Юго-восточный ветер с быстротой в 21 милю в час дует весь день, лот указывает на быстрое движение к северо-западу, глубина воды 49 метров. День прошел без каких-либо событий. Во избежание аварии, считаясь с силой ветра, мы убрали крылья ветряного двигателя, и оказалось, что два остающихся крыла хорошо справляются с откачиванием воды.

24 мая. Положение корабля: $73^{\circ} 49' 47''$ северной широты, $177^{\circ} 40'$ восточной долготы; со вчерашнего дня дрейф в $9\frac{1}{2}$ миль на NW 55° . Глубина воды увеличивается, достигнув сегодня 55 метров. Хочу надеяться, что дрейф через мелкую часть океана закончился и что скоро мы освободимся из ледяного плена и сможем чего-нибудь достигнуть еще в этом сезоне.

Денбар направился сегодня к молодому льду; оказалось, что лед вскрылся и образовался канал в 100 метров шириной. На обратном пути на дороге, где мы так мучились с санями, он нашел мою пенковую трубку. Я ее потерял во время возни с санями, и уже было поздно, чтобы ее искать. Трубку долго была у меня и считалась „самой приятной трубкой во флоте“. К тому же это был подарок, так что ее потеря меня очень огорчала, и я крайне благодарен Денбару за находку.

25 мая. В судовом журнале сегодня отмечено: „сто девяносто миль к северо-западу от острова Геральда“. Из сложения немногих миль, проходимых каждый день, состав-

вилось большое расстояние. Грубый подсчет показывает, что с 1 мая нами пройдено 90 миль к северо-западу. Нет сомнения, что причиной этого является преобладание юго-западных ветров, но все-таки это продвижение стоит отметить, так как меньше чем в месяц мы продвинулись почти столько же, как за предшествующие восемь месяцев. Зимой мы не могли продвигаться, так как скопившийся и сцементированный лед удерживал нас на месте. Теперь я жду благоприятных результатов, так как потепление должно, конечно, вызвать разрыхление и разрыв льда.

26 мая. Сила ветра ослабла, временами полное безветрие. Действие ветра было настолько благоприятно, что почти приходится желать, чтобы он снова задул. С полудня 21 мая, грубо считая, мы продвинулись на 42 мили к северо-западу. Нанесенный ветром снег прорезал ледяное поле как бы пескоструйным аппаратом и дал возможность солнцу непосредственно действовать на поверхность; уже после полудня показались следы таяния. Все черные предметы, как-то: пепел и отбросы, начали быстро опускаться в лед, и теперь они значительно ниже его поверхности.

27 мая. Наш ветряной двигатель позволяет откачивать воду при любом ветре; при скорости ветра от 4 до 10 миль мы соединяем его с насосом от котла, при скорости от 10 до 15 — с трюмным насосом, при скорости же свыше 15 миль работает трюмный насос, а мы уменьшаем поверхность крыльев. Всем этим мы обязаны Мельвиллю, спроектировавшему ветряной двигатель, и Свитману и Ли, соорудившим деревянные и железные части. Наш аппарат для откачивания воды при помощи ветряного двигателя достоин того, чтобы передать его потомству. Бакстеровским котлом мы пользуемся теперь исключительно для перегонки воды. Температура воздуха настолько высока, что в машинном отделении стало слишком жарко, и поэтому Мельвилль предполагает перенести змеевик вперед, где он, вместо печки, будет обогревать жилую палубу. Превосходный план. Вопрос в том, сможем ли мы его осуществить. Со вчерашнего дня, неуклонно стремясь экономить уголь, мы с 9 до 17 часов не топим в каюте и жилой палубе и не испытываем при этом особых неудобств. После того как в печах потушен огонь, в каюте температура несколько часов держится около 4°, а так как мы все время на палубе или находимся на льду, где в середине дня температура достаточно приятна, то до ужина можно отлично обойтись без топки.

28 мая. Весь день без приключений. Приходится ждать, чтобы сильный ветер снова нас продвинул вперед.

29 мая. Прошел еще день. Будем надеяться, что до нашего освобождения осталось одним днем меньше. Мрачный и скучный день наводит уныние и тоску. Если бы мы находились на широте 84° , а не 74° , никто, думается мне, не обращал бы внимания на погоду, но наши достижения за этот сезон так ничтожны! Всего темнее перед рассветом, и кто знает, как ярко будет наш рассвет.

30 мая. Наблюдения установили, что мы находимся на $74^{\circ} 5' 27''$ северной широты и 177° восточной долготы; с 28 мая дрейф в три мили на NO 11° . Очевидно, мы снова двинулись в путь, но что-то мешает нашему продвижению на запад — возможно, тяжелый ледяной барьер, вдоль которого медленно скользит наше ледяное поле. Мне пришло в голову, что наш дрейф за последнее время можно объяснить следующим образом: наше ледяное поле вращается по оси и, достигая высшей точки, отбрасывает нас к востоку. После северо-западного движения мы теперь идем к северу, а затем по пути к северо-востоку, вероятно, будем унесены к востоку течением, проходящим через северный архипелаг американского континента. Время покажет, правильно ли это предположение.

Так как наступает теплое время, я распорядился на будущей неделе убрать рубку, поместить на прежнее место паровой катер и сбросить сани. Частичное прекращение топки вызвало заметное уменьшение расхода угля.

31 мая. Последний день весны, мы накануне лета. Будем надеяться, что с весной окончатся все наши испытания и бедствия. Со вчерашнего дня продвинулись на 4 мили к северу. Общее направление движения к северу с небольшим отклонением на восток. Закончили килевые ролики для лодок, Ли изготовил болты для скреплений. Все-таки нельзя пожаловаться на наше продвижение за последний месяц. Весь дрейф равняется 100 милям, и мы прошли 82 мили на NW 38° и N 38° . Средняя температура — 7° ; минимальная — 22° , а максимальная 1° .

Глава IX

ЛЕДЯНОЕ ЛЕТО

Июль—август 1880 года

1 июня. Первый день лета, мрачный и неприятный. Временами находит густой туман; мелкий снег способствует „веселому настроению“. Измерение глубины в полдень показало 60 метров, конечно, илистое дно, дрейф к северо-северо-западу. Снова начали опускать драгу¹ и на этот раз подняли немного ракушек и креветок.

2 июня. Летний день. Сильный шторм и метель. На кромке ледяного поля шторм был еще сильнее, так как лед оказывает смягчающее влияние на ветер и на льдине мы не могли почувствовать всей его силы. Снег падал хлопьями, стелившимися почти горизонтально; он был мягок, нежен и таял так быстро, что наши запасы воды не пополнились. Момент нашего освобождения не приблизился, несмотря на то, что поверхность ледяного поля стала мягкой и кругом тает; и хотя наш ров окружен водой, лед у дыры для промеров все еще имеет 120 сантиметров в толщину. Корпус корабля попрежнему крепко вмерз в лед, который не тает и не может таять, так как на нем имеется слой воды. Доказательством таяния служит не только то, что зола и грязь погружаются глубже в лед, но и то, что давно скрытые подо льдом предметы появляются на поверхности.

3 июня. Шторм кончился, сменившись хорошей, ясной погодой. С 31 мая мы отошли только на 9 миль к NO 27°, или около трех миль в день. Очевидно, к северу от нас лед преграждает путь судну, и мы перемещаемся к востоку.

¹ Прибор для добывания поверхностного слоя грунта дна. Состоит из стальной рамы, имеющей нижнюю сторону в виде ножа-резака; к раме прикрепляется мешок для грунта. Прибор волочится судном по дну на тросе.

Теперь возникает интересная проблема (может быть, на нашу долю выпадет ее разрешить), куда идет лед — к востоку или к западу? Наш дрейф к северо-западу доказывает, что лед не идет к югу и не находит выхода через Берингов пролив. Бесспорный факт, что в Беринговом проливе попадает сравнительно мало льда весной и совсем не бывает его летом. Ясно также, что лед не тает полностью от солнечного тепла.

Но если у льда нет выхода, то его скопление в конце концов совершенно забило бы пролив. Сомнительно, чтобы лед шел к северу, где выше 85 параллели он никогда не разбивается и не дает возможности продвигаться. Поэтому он должен идти или к востоку, или к западу. В первом случае движение льда совпадало бы с вращением земли. И действительно, корабль „Resolute“ дрейфом был отнесен через Берингов пролив в пролив Дэвиса.

Путь к западу противоречит теории, основанной на вращении земли и предполагаемом направлении экваториальных течений; длительное действие и сила юго-восточных ветров заставили нас, однако, идти к северо-западу. Таким образом, ветер может преодолеть силу вращения и погнать находящийся в океане лед так далеко на запад, что он попадет в сферу влияния полярного течения, проходящего у Шпицбергена, и будет унесен в Атлантический океан. Или, в согласии с моей теорией, может оказаться, что мы из области юго-восточных ветров попадем в область северо-западных ветров, вызывающих движение в восточном направлении. Указанное движение, ускоренное вращением, сможет увлечь лед через архипелаг, где он смешается с полярным течением, проходящим, как известно, через пролив Смита и пролив Дэвиса к Атлантическому океану. Я сильно сомневаюсь, чтобы в столь высоких широтах существовало теплое течение.

Я склоняюсь к мнению лейтенанта Вейпрехта, который утверждает, что „не Гольфстрем определяет границы льда, но, напротив, лед, приведенный ветрами в движение, регулирует границы теплых вод Гольфстрема, уменьшая содержащееся в них тепло“. Я утверждаю, что разговоры о термометрическом пути к полюсу — одна ловушка и заблуждение.

4 июня. Доктор поразил меня сегодня неожиданным сообщением о том, что помощник кочегара Нильс Иверсен находится на грани безумия. Все время он был бодр и весел,

энергичен и внимательно относился к выполнению своих обязанностей. Несколько дней тому назад он получал лекарство от запора и в разговоре с доктором обнаружил нервность и беспокойство, которые не могли быть вызваны его недомоганием. Сегодня в 9 часов он явился к доктору в очень истерическом и нервном состоянии и серьезно сообщил, что за ним, Иверсеном, следят и что на корабле среди команды готовится бунт. К нему уже будто бы обращались по этому поводу и спрашивали его, что он будет делать в случае бунта. При дальнейших расспросах он залился слезами, стал говорить бессвязно и нести всякую чепуху. Он указал на Шарвелля, другого грузчика угля, который якобы затрагивал в беседе с ним вопрос о мятеже. Но Шарвелль еще совсем юноша, и я не могу его в чем-либо подозревать. В общем, это очень неприятно, и мне остается надеяться, что состояние Иверсена улучшится. Но все же, как работник, Иверсен будет впредь возбуждать сомнения, и ему нельзя будет поручать никакого ответственного дела.

При установлении нашего местоположения выяснился неприятный факт — мы идем обратно, дрейф в 3 мили на SO 34°. Нас радовало продвижение вперед.

5 июня. Не произошло ничего интересного, если не считать, что и сегодняшние наблюдения свидетельствуют о нашем обратном движении на полмили к югу и на четыре с половиной мили к западу. Оно, несомненно, вызвано северными ветрами, преобладавшими за последние двадцать четыре часа. Остается слабое утешение, что быстрое изменение положения в зависимости от перемены ветра указывает на более разрыхленное состояние льдов, чем мы предполагали. День за днем я горячо жду каких-либо указаний на близкое освобождение, но до сих пор нет никаких перемен, хотя ежедневно то в одном, то в другом направлении виднеются водяные облака.

Чипп по горло занят приведением корабля в порядок, и работа идет хорошо: палубы быстро очищаются, и мы, можно сказать с уверенностью, приближаемся к моменту, когда останется только прикрепить руль и пуститься в плавание, как только позволит лед.

6 июня. Зимой я надеялся, что в мае мы будем свободны и сможем плыть дальше. Но вот уже июнь, а все сковано льдом, как и раньше. Однако, нельзя отчаиваться.

В 10 часов, как раз перед тем, как созвать команду на смотр, пошел дождь. Приятно было видеть и слышать, как

он стучал по корме. Но дождь продолжался не более нескольких минут, что очень обидно, так как дождь оказывает громадное влияние на лед, который делается более тонким. За последнюю неделю дошли до минимального расходования угля — 570 килограммов.

7 июня. Я несколько удручен результатами, полученными при сегодняшнем определении положения. Учитывая преобладающий северный и западный ветер, я ожидал, что мы будем отнесены к югу и востоку, может быть к юго-востоку, но мои данные — $74^{\circ}4'37''$ северной широты и $177^{\circ}27'$ восточной долготы — показали, что нас отнесло на $7\frac{3}{4}$ мили на SW 7° . В один день пропали $7\frac{3}{4}$ мили выстраданного нами дрейфа. Если бы мы шли к востоку, я не обратил бы на это внимания, так как мы всегда шли в этом направлении. Но идти дальше к западу равносильно попытке идти через каменную ограду. Вокруг нас множество водяных облаков, и они как бы искушают нас видом невозможного. Ветер попрежнему дует с севера к западу, и на завтра мы должны ждать еще большего движения на юг; будет очень тяжело, если мы снова пойдем на запад, так как окажется, что мы движемся к побережью Сибири, а в этом нет для нас ничего радостного. Сегодня отскабливали борта, готовили их к окраске. Несмотря на то, что мы окружены льдом, у корабля будет хороший вид. Усилиями Чиппа „Жаннета“ приведена в надлежащий вид, и, когда появится вода, она будет в полной готовности к плаванию.

Сегодня прекратили топку в каюте и жилой палубе и в будущем намерены расходовать уголь лишь для камбуза и для перегонки воды. Сначала, конечно, холод даст себя знать, но благодаря этой мере нам, быть может, удастся чего-нибудь достичь летом или, по крайней мере, не страдать от холода зимой. Теперь, когда печи не топят, мы кипятим чай паром, пользуясь трубой, приделанной Мельвиллем к бакстеровскому котлу.

8 июня. Все еще идем к югу и востоку. Думаю, что все это движение будет продолжаться, пока не задует юго-восточный ветер, который направит нас к северу.

9 июня. Со вчерашнего дня прошли на SO 12° . Об этом не стоило бы упоминать. Гораздо существеннее появление юго-восточного ветра, который с 17 часов стал крепчать и к полуночи достиг 18 миль в час; следует ожидать, что завтра он будет еще сильнее. Термометр с -7° поднимается до -2° и опять падает до -5° ; довольно холодно.

10 июня. Мрачный, неприятный день. Нельзя делать наблюдения положения; остается только сидеть запершись и думать, как неприятен июнь в Арктике.

Мы свыше 9 месяцев в заточении. Последний месяц был для нас особенно неблагоприятен. К счастью, опыт других показывает, как быстро меняется в Арктике положение в зависимости от таяния льдов и как мало можно судить по сегодняшнему дню о том, что ожидает нас завтра.

11 июня. Погода попрежнему неприятная, мрачная. Дрейф к северо-северо-востоку. Хорошо все-таки, что прекратился обратный дрейф. Густой непроницаемый туман, снег, но такой мягкий, что, соприкасаясь с ледяным полем, он немедленно тает, и мы не можем получить из него питьевую воду и прекратить перегонку, поглощающую ежедневно 40 килограммов угля.

12 июня. Самые тоскливые дни, и не только из-за плохой погоды, а потому, что каждый день отнимает у нас надежду на освобождение. Скоро дрейф достигнет крайнего севера, и мы снова начнем идти на юг, и уже одно это достаточный повод для уныния. Правда, лед тает местами, на поверхности мокро, и можно по лодыжку провалиться в воду, но все-таки осталось еще достаточно плотного и крепкого льда, который, не давая образоваться каналам и разводьям, держит в плену наш корабль.

13 июня. Настроение несколько поднялось, когда наблюдения показали, что мы находимся на $74^{\circ}3'46''$ северной широты и $176^{\circ}53'2''$ восточной долготы, значит с 9 июня мы дрейфовали 13 миль на N 69° . Осмотр судна в 10 часов установил, что все чисто и в порядке. Собака Джек поймала песка, мы передали его натуралисту.

14 июня. Вчера вечером заболел Коллинс — желудочное недомогание, не дающее повода для беспокойства. Состояние Даненовера без изменения. По словам доктора, до нашего возвращения в Соединенные штаты нельзя ничего предпринять. Необходима серьезная операция, невозможная в наших условиях. Кроме соответствующих инструментов для операции необходим ассистент, а после операции больной будет нуждаться в таком уходе, который можно иметь лишь в больнице. Как работник экспедиции Даненовер совершенно выбывает из строя, и при составлении своих планов я уже не могу рассчитывать на его содействие и помощь. Погода сегодня самая изменчивая: все небо обложено тучами и лишь иногда показывается небольшой голубой

ключок, иногда же находит туман, идет снег, временами шторм.

Мы окрашиваем судно. „Жаннета“ будет выглядеть чистой и опрятной, как если бы мы стояли на якоре в уютной гавани. Лодки также окрашены и просмолены.

15 июня. На горизонте много водяных облаков. С мачты корабля через большие промежутки видны лужи на льду.

16 июня. Положение сегодня — $73^{\circ} 40' 50''$ северной широты и $177^{\circ} 18' 15''$ восточной долготы — дрейф со вчерашнего дня 13 миль на SO 18° . Это тяжелый удар, который трудно перенести. Неужели так будет продолжаться? Измерили — глубина 45 метров; я думаю, что мы движемся к мели, о которую может разбиться наше ледяное поле. Я такстроен, что не хочу сегодня больше писать.

17 июня. Со вчерашнего дня дрейф в 7 миль к SO 21° . Мы находимся на $73^{\circ} 33' 4''$ северной широты и $177^{\circ} 27' 15''$ восточной долготы.

Окраска корабля идет своим чередом, как если бы мы стояли в гавани среди других судов, а не в полярных льдах, на много сотен миль от людей. Во всяком случае мы можем быть довольны нашей работой.

18 июня. Как угнетает постоянное однообразие! Уже свыше 9 месяцев, как мы вмерзли в лед и дрейфуем по воле ветра. Пока температура не позволяла рассчитывать на перемену, мы ее не ждали и бодро переносили неизбежное. Когда, в мае, непрерывно двигались к северу и к западу, мы были довольны — это все-таки было движение. С 4 июня нас постоянно относит обратно, и мы находимся почти в той же широте, которой достигли месяц тому назад.

Мы потеряли месяц и, что еще хуже, попали в более мелкие воды, где меньше волн, могущих разбить окружающий нас пак. Водяные облака указывают на наличие луж на льду, а может быть и на разводья, но так как положение облаков ежедневно меняется, то вряд ли эти разводья могут быть значительны.

Откачиваемая насосами вода замерзла над старым льдом, и образовавшаяся таким образом кора теперь тает. Стало очень опасно гулять по льду, так как можно неожиданно провалиться и очутиться по колено в воде. Зола и отбросы, разбросанные вокруг корабля, представляют черную поверхность, и лед под ними быстро тает.

Лед, подтаивая, все больше открывает корабль; мы установили, что он поднялся на 10 сантиметров; на это указы-

вает падение уровня воды на его обшивке. Денбар с своим отрядом ежедневно ходит на охоту; иногда удается застрелить тюленя, которого собаки буксируют на корабль. Медведи скрылись, и уже несколько дней не видно ни одного медвежьего следа. Очевидно, они перебрались на землю в поисках более привлекательной пищи, чем редко попадающиеся тюлени.

20 июня. Прошла еще неделя, а мы на том же месте. Осмотрел в 10 часов корабль; все в порядке; свежая краска блестит. Ньюкомб нашел дюжину москитов на снегу; они были вялые и медлительные. Повидимому, они издалека принесены ветром.

21 июня. Снова прошел день, ничем незамечательный, если не считать, что это самый длинный день в году (впрочем, нам это безразлично, так как солнце светило круглые сутки).

С 19 июня наш дрейф составил 11,3 мили на SO 68°. Неутешительно, но мой девиз — „надеяться, всегда надеяться“ — остается неизменным. Правда, девиз хорош при другой обстановке, а в наших условиях его легче представить абстрактно, чем в действии.

Трудно вообразить что-нибудь более утомительное и требующее большего терпения, чем жизнь в паковом льду. Абсолютное однообразие, не изменяющийся порядок дня; просыпаясь, видишь то же, что видел перед сном; те же лица, те же собаки, тот же лед и то же сознание, что и завтра ничего не изменится, если не станет хуже; нельзя ничего сделать, нельзя пойти куда-нибудь или на иоту переменить положение. Сознаешь, что запасы питания тают, уголь расходуется без всякого результата — только, чтобы поддержать существование. Констатируешь, что ничего не достигнуто и что экспедицию с самого начала преследовала неудача.

Все книги прочитаны, все истории рассказаны. Игры в шахматы и карты давно прекратились. Собираясь по утрам к завтраку, мы ежедневно повторяем одно и то же: рассказываем сны и смеемся над снами веселыми или чем-либо примечательными; спорим о различных теориях дрейфа, — пойдем ли мы к северо-востоку или северо-западу, отмечаем перемену в меню, узнаем от дежурного температуру, направление и быстроту ветра и, если идет снег, а это обычно у нас бывает, называем погоду „прекрасным летним днем“.

После завтрака курим. Чипп, сделав промер, сообщает, дрейфуем к востоко-юго-востоку или юго-востоку, на что

мы отвечаем недовольным ворчанием. Затем Денбар с Алексеем отправляются на охоту за тюленями, забрав с собой собак. Доктор осматривает своих постоянных пациентов — Даненовера и Иверсена. Мельвилль немного рисует, немного поет, стараясь всех ободрить. Даненовер без устали говорит на любую тему, не обращая внимания, слушают ли его или нет. Я курю, доктор между осмотрами философствует. Ньюкомб возится с образцами, полученными из драги. Коллинс обычно не появляется ранее 12 час. 30 мин.

Отправляем сани с людьми за снегом для мытья, чистим палубу, осматриваем жилые помещения. Команда приступает к работе по отскабливанию и окрашиванию или занимается какой-нибудь другой работой. Повару выдаются запасы на день. Затем мы идем на лед, где копаем ров, следим за собаками, определяем, насколько со вчерашнего дня растаял лед, и гадаем, насколько он вырастет завтра. Спускается и подымается драга. Я определяю положение солнца по меридиану, мы идем обедать. После обеда снова курим, рисуем, поем, беседуем. Снова роют рвы, снова работают, смотрят за собаками, пытаются вздремнуть до 16 часов и снова собираются к 17 часам. В 17 час. 30 мин. мы определяем наше местоположение, делаем отметки на картах и в 18 часов идем ужинать. За столом обсуждаем дрейф, а затем снова курим, беседуем, стараясь как-нибудь убить время до 22 часов, когда день кончается. Шум утихает. Кто может, идет спать. Я делаю записи в судовом журнале и в дневнике и до полуночи занимаюсь метеорологическими наблюдениями.

22 и юн я. Чтобы закончить наведение чистоты, сегодня чернили снасти. Ньюкомб застрелил прекрасную чайку Росса, очень редкую и потому ценную. Это уже третья чайка, — две были подстрелены прошлой осенью.

23 и юн я. Чайки Росс, как они ни редки в других частях света, попадают у нас довольно часто. Сегодня Анегин застрелил еще одну, и наша коллекция состоит из четырех.

Медвежье мясо у нас на исходе. Поэтому мы решили увеличить запас тюленей не только для собак, но, возможно, и для нас самих. Я очень доволен, что сейчас у нас двадцать семь тюленей. Каждый день наши охотники достают по тюленю, а не то и по два. Мы сохраняем тюленей в снегу, чтобы они не испортились от солнца. Когда корабль будет двигаться, я предполагаю их поместить в угольных бункерах.

Несмотря на сравнительно высокую температуру — примерно 0° , в воздухе столько влаги, что нам всегда холодно. Из-за таяния поверхность ледяного поля мокрая, местами вода стоит на два сантиметра и больше. Мокасины при такой погоде не годятся; резиновые же сапоги, если их носить постоянно, утомляют ноги, и нам приходится пользоваться кожаными сапогами, не пропускающими воду из-за постоянной смазки; но в них ноги мерзнут, и они неудобны. Я решил носить их только в кают-компаниях или на льду, а у себя в каюте я надеваю туфли из медвежьей шкуры, которые мне приготовил Денбар. В них очень тепло.

Скопление золы и мусора вокруг корабля вызывает быстрое таяние снега, и корпус корабля открывается все больше и больше. Кроме того, таяние происходит и во льду, где вмерзло судно, и благодаря уменьшению веса корабль все больше всплывает. Об этом свидетельствует изменение уровня воды почти на два сантиметра ежедневно. Таяние льда начинает затруднять доставку снега, так как езда на санях становится крайне затруднительна, поэтому сегодня мы наполнили водоем на спардеке водой из луж. Температура достаточно высока, и опасность порчи водоема из-за замерзания исключается. Печальное однообразие нашей жизни ничем не нарушается, и пока мы будем дрейфовать к югу, наше настроение вряд ли улучшится.

24 июня. Ничего особенного не произошло.

25 июня. Сегодня Анегин подстрелил еще одну чайку, кроме того, убили не менее 9 тюленей. В довершение всего Анегин выпустил последний заряд в молодого медведя, но тот, истекая кровью, бросился в воду и скрылся. Эта вода — длинный канал около $1\frac{1}{2}$ мили к юго-востоку от корабля; сюда ежедневно приходят наши охотники.

Температура — 0° , но к трем часам пополудни поднялась до 3° . О, если бы только на одну неделю было 37° тепла, чтобы лед мог быстро растаять.

26 июня. Дрейф в 8 миль к NW 85° . Один день дрейф к востоку, другой к западу, одна неделя к северу, другая к югу. Когда же это кончится? Измерение глубины дало 48 метров. Дрейф к западо-юго-западу, что не плохо. На полпути к старому разводу образовалось новое развье в полутора милях от корабля. Много водяных облаков во всех направлениях.

28 июня. Сегодня утром Денбар на ялике отправился на охоту за утками, предполагая пойти каналом на милю к се-

веро-западу. Около 16 часов он вернулся с тридцатью утками и сообщил, что он плыл по каналу, идущему, по его мнению, к северу, почти 15 миль и не дошел до конца. По краям очень старый тяжелый лед выступал из воды на 150 или 180 сантиметров и уходил настолько глубоко под воду, что не видно было, где он кончается.

Я стал раздумывать, не можем ли мы уйти этим каналом и как нам пробиться через лед, чтобы войти в канал. Но мне не пришлось напрягать свои дремлющие умственные способности, так как к полночи канал начал замерзать, и мне пришлось удовлетвориться печальным сознанием, что корабль, если бы ему удалось проникнуть в канал, по всей вероятности, подвергся бы сильному сжатию. Количество воды, притекающей с носа судна, заметно уменьшается, и ветряному двигателю не надо столько работать, как прежде. Течь на корме (или то, что мы принимали за течь) совершенно прекратилась. Лед вокруг нас очень быстро тает, и судно поднимается, а с ним поднимается и гнездо, в котором оно покоится; сегодня уровень воды у носа корабля был 284 сантиметра. Мы наклонены на 4° (всю зиму крен был 3°). Обшивка правого борта корабля возвышается над водой на 10 сантиметров.

Поверхность ледяного поля усеяна небольшими озерами, которые дают достаточно воды для водоема и служат прекрасными прачечными для стирки белья. Но тягостное зрелище, когда в конце июня на поверхности небольших озер образуется лед.

29 июня. День прошел без происшествий. Дрейф со вчерашнего дня составил три мили на SO 31° . Не очень это весело, но я не теряю надежды. Канал чистой воды, по которому Денбар плыл на расстоянии 15 миль, сегодня снова закрылся. О его направлении можно было судить по небольшим разьединенным прудам.

Корабль все поднимается, уровень воды на носу достигает 274 сантиметра. Конец июня приближается, и, к сожалению, мы все еще на 50 миль на SO 9° от места, где находились в начале месяца, и за шесть недель ничего не достигли. Сегодня мы на $72^{\circ}19'41''$ северной широты и $178^{\circ}27'30''$ восточной долготы, а со вчерашнего дня мы прошли на SO 52° огромное расстояние в милю! Моему разочарованию нет предела. Печально — оставаться на месте, но двигаться назад совсем плохо. Сегодня в первый раз за время плавания мне пришлось наложить взыскание на коче-

гара Бойда — двадцать четыре часа дежурства в кочегарке за оскорбление товарища.

Прекрасная погода. Температура 5° в 14 часов и 1° в полночь. Денбар, взяв ялик, предполагал отправиться по каналу, но канал оказался замерзшим. Уток не удалось подстрелить, и он вернулся с чайкой.

1 июля. Новый месяц начался прекрасной ясной погодой; почти безоблачное небо, легкий южный ветер. Температура от 0° до 4° . Со вчерашнего дня дрейф две мили на NO 40° . Будем надеяться, что это начало новой эры, и что теперь мы пойдем вперед, а не назад. Почти десять месяцев мы во льдах. Хорошо, что мы, за исключением двух, все здоровы. Состояние Даненовера мало изменилось. Я все-таки опасаюсь, что если нам, к несчастью, придется провести в паке еще одну зиму, он не выдержит: он очень похудел и побледнел от вынужденного заключения, но не теряет бодрости и жизнерадостности и мечтает вернуться к выполнению своих обязанностей, о чем, конечно, не может быть и речи. Второй наш больной, Иверсен, повидимому, поправляется; только иногда он истерически плачет. Его мрачные мысли о преследовании и о бунте, видимо, проходят.

Подсчетом угля установлено, что у нас остается $56\frac{1}{2}$ тонн. Я должен сохранить 30 тонн, чтобы топить, варить пищу и перегонять воду в случае новой зимовки, так что для плавания, если к тому представится возможность, остается ровно 26 тонн. Так как расход угля, если идти под парами, составляет пять тонн в день, то, в круглых цифрах, у меня остается угля на пять дней плавания, и с этим количеством я должен дойти до полюса, пройти северо-восточным проходом или вернуться обратно с пустыми руками. Какой печальный конец, если сопоставлять его с началом плавания — яхты, салюты с фортов и т. д. У меня болит сердце, когда я думаю об этом. Сколько денег израсходовано, и такой результат!

Сегодня команда отбила лед вокруг колодца гребного винта; скоро мы рассчитываем дойти до винта и осмотреть его. Судно попрежнему медленно поднимается, но его еще удерживает большая масса льда. Мельвилль пытался повернуть винт домкратом, но винт слишком крепко вмерз.

2 июля. Чудесный день, заставляющий нас особенно остро переживать вынужденное бездействие. Температура от 1° до 8° , а затем падение до 0° . Здесь и там пруды. Они как бы дразнят нас, так как они слишком малы, чтобы плавать, и слишком солены, чтобы пользоваться их водой для питья.

3 июля. Количество воды, притекающей на верхний конец форпика, очень уменьшилось, и сегодня все совершенно сухо. Соответственно этому и в трюме немного воды. Слабые ветры или полное безветрие, наблюдавшиеся в последнее время, заставили пользоваться для откачивания трюмной воды насосом. Я заметил, что требуется около двадцати взмахов в час, чтобы выкачивать воду. Уменьшение течи очень приятно, хотя я не нахожу объяснения этому явлению. Переход от 3663 галлонов в час до 12 взмахов ручного насоса слишком удивительно, чтобы ограничиться простым упоминанием. Уменьшение воды шло постепенно. Затвердение и оседание овсянки, свинцовых белил и конопатки между фермами могло отчасти создать барьер, препятствующий доступу воды. С другой стороны, подъем корабля из воды и, таким образом, уменьшение высоты воды могло уменьшить давление и сделать барьер более надежным. Небольшое скопление воды в кочегарке, возможно, объясняется еще необнаруженными причинами. Но, поскольку оно не велико, оно не представляет для нас значительных неудобств. Я не могу проникнуть под угольные бункера из-за остающихся там 56 тонн угля, которые нецелесообразно убирать, так как каждый день я ожидаю вскрытия льда и возобновления плавания. Из-под кормы удалили весь лед в надежде освободить винт, чтобы подтянуть его для осмотра. Но под водой осталось еще много льда, крепко удерживающего винт.

Ежедневный расход горючего достигает 68 килограммов (44 для камбуза и 24 для перегонки воды). Я надеюсь, что скоро мы сможем отказаться от перегонки, так как доктор, который тщательно наблюдал и производил опыты с тающими торосами и водой в прудах, сообщил мне сегодня, что вода в прудах слишком солена для пользования, но поверхность торосов дает воду с содержанием лишь двух гранов хлора. В понедельник мы начнем собирать лед с поверхности в бочки, будем подвергать его таянию и затем испытаем воду и соберем полную цистерну, отказавшись, таким образом, от перегонки. Это сэкономит 24 килограмма угля в день.

Небольшие пруды вблизи нас замерзают каждую ночь при температуре $-1\frac{1}{2}^{\circ}$. Днем собаки пьют из них воду, команда пользуется ими для стирки белья. Смешной вид представляли сегодня все эти лоханки и принадлежности на льду; наши моряки так серьезно увлеклись своей

прачечной, что можно было подумать, что и лед и корабль находятся за тысячу миль от них.

Сегодня прикончили последнее медвежье мясо. За время нашего пребывания на льду оно составляло существенное добавление к нашему столу. Но у нас запас около сорока тюленей, и иногда, чтобы ввести разнообразие в наше питание, мы будем их есть. Вчера в кают-компании нам подали к обеду уток — охотничьи трофеи Денбара; сегодня и у нас и у команды медвежье мясо, а завтра все попробуют тюленя.

Наше положение $73^{\circ}24'13''$ северной широты и $178^{\circ}34'0''$ восточной долготы, дрейф со вчерашнего дня достиг ошеломляющих размеров 1,4 мили на NW 70° . Но пусть так, только бы нас не относило к югу. Сегодня приятная погода; яркое солнце светит двадцать четыре часа подряд.

4 июля. На самом деле это не 4 июля, а 5 июля, так как мы пересекли 180 меридиан и должны были изменить число; но надеюсь, что еще этим летом мы окажемся восточнее 180 меридиана; я предпочитаю держаться старого счета.

5 июля. Отпраздновали день годовщины американской независимости, подняв на фок-мачте кормовые флаги и сигналы. Я думаю, что такое празднование впервые происходит в этой части света: из-за погоды я не мог точно определить, где произошло наше празднование; я мог установить лишь северную широту в $73^{\circ}26'7''$. Густой пронизывающий до костей туман. Флаги при спуске оказались полны инея, и надо несколько хороших солнечных дней, чтобы их высушить.

6 июля. Сегодня все наше время и все наши усилия были направлены на то, чтобы собрать поверхностный лед и растопить его в нашей цистерне для питья и варки. Отбор льда производился крайне тщательно; но иногда откапывали лед слишком глубоко, и приходилось его отбрасывать, так как в получающейся из него воде было слишком много соли; как правило, похожая на снег поверхностная кора льда давала годную для питья воду. Но стоило только случайно или по небрежности задеть лопатой лед, лежащий ниже, как получался соленый раствор. Работа происходила под непосредственным наблюдением доктора Амблера и Чиппа; каждая бочка снега по несколько раз подвергалась испытанию, прежде чем ее опорожняли в цистерну. Были приняты все меры предосторожности, чтобы обеспечить получение достаточно чистой воды. Переход от дистиллированной воды к растаявшему снегу — смелый

опыт, и его можно оправдать только нашим старанием сберечь уголь, чтобы иметь возможность летом идти под паром, а зимой — не мерзнуть от холода. Для ускорения процесса таяния из котла парового катера в цистерну была проведена паровая труба.

Наши охотники сообщили новость: наш корабль находится в центре острова диаметром около двух с половиной миль. Вокруг острова идет узкий канал.

7 и юля. Сегодня нам удалось наполнить нашу цистерну сравнительно чистой водой, и я приостановил дистиллирование воды. Этим путем сберегается 24 килограмма угля ежедневно, и мы можем дать отдых команде машинного отделения, которая посменно работала без перерыва всю зиму и весну. На кочегаров-угольщиков выпала большая часть тяжелой работы, так как с ноября они не имели полного ночного отдыха: шла перегонка воды, приводили в действие паровые насосы, производился ремонт. Теперь откачивание сводится лишь к 12 взмахам в час, и с этим легко справляется дежурный, а нам остается наблюдать и ждать вскрытия льда и нашего освобождения.

Никогда в жизни я не ощущал такой абсолютной тишины как здесь, в ледяных пустынях, когда стихает ветер. Тишина положительно может довести до сумасшествия.

Воды, текущие через ледяные поля, образовали настоящие шлюзы и пробиваются через них к уровню моря. Наше прежнее отверстие для измерений находится около ста метров справа от корабля; оно дает доступ к морю, и струи воды пробили сюда путь. Они постепенно разрушили лед, и теперь на краях отверстия лед имеет только пять сантиметров; он покрыт на 12 сантиметров водой, образующей воронки. Внизу виднеется черная пещера, и среди окружающего нас однообразия меня тянет спрыгнуть вниз и посмотреть, куда она ведет.

8 и юля. Мне уже приходилось упоминать, что нам не встречались отдельные льдины толще 238 сантиметров или, грубо говоря, толще 240 сантиметров. Когда корабль, протаранив в прошлом сентябре сорок миль по каналам, был наконец затерт, я направил его в расщелину между двумя тяжелыми ледяными полями толщиной, как впоследствии выяснилось, в 396 сантиметров. Я думаю, что такая толщина вызвана тем, что одна льдина нагромодилась на другую, и под влиянием сжатия последовало смерзание льдин, образовавших одну массу.

Денбар во время своих прогулок встречал такой мощный лед, что, как он говорит, нельзя было даже определить его толщину. Так как эти указания довольно неопределенны, я предложил ему взять с собой шнур с привязанным крюком, которым надо зацепить дно льдины, чтобы таким образом иметь возможность измерить ее толщину. Денбар, вернувшись, доложил, что он произвел измерение льдин 300 и 366 сантиметров толщины и некоторых толщиной в 427 и 457 сантиметров и что над водой они возвышались от 30 до 45 сантиметров. Конечно, невероятно, чтобы какая-либо льдина в отдельности имела такую толщину. Я полагаю, что когда вода замерзнет, образуя льдину толщиной до 244 сантиметров, лед превращается как бы в покров, препятствующий излучению теплоты снизу и делающий невозможным дальнейшее замерзание. Последующее увеличение толщины вызывается либо отложением снега на поверхности, либо тем, что льдина вталкивается под другую и в силу смерзания соединяется с нею в одно целое. Когда в ноябре мы были вытолкнуты из нашего ледяного поля в воду, мы некоторое времяплыли как в океане, но уж на следующий день мы снова вмерзли. Замерзание продолжалось с 28 ноября до 17 января, когда лед достигал уже толщины 120 сантиметров. Разгром 19 января устранил возможность дальнейших измерений. Льдины нагромождались на окружающий нас лед и сталкивались под ним, перемешиваясь и смерзаясь. Когда мы начали выкапывать ров вокруг корабля, то мы откопали лед на глубину 120 сантиметров, прежде чем хлынула на нас вода, но эта глубина, конечно, обуславливалась нагромождением льдин, а не непосредственным замерзанием. Почти полное прекращение течи заставляет предположить, что нас поддерживает ледяное поле, простирающееся под килем. Это леденое поле может всплыть, так как поверхность его тает под влиянием разбросанных вокруг золы и отбросов с корабля. Будем надеяться, что скоро эта масса разрушится и судно примет нормальное положение.

9 июля. Вкратце события дня можно резюмировать следующим образом: наш дрейф составляет милю на SO 24°. Вряд ли это может улучшить наше настроение. Впервые за десять месяцев пробуем поднять паруса, и оказывается, что они в таком же хорошем состоянии, в каком были, когда мы их свернули.

10 июля. Почти весь день дождь и туман, что, по-моему, хуже самого холодного зимнего дня. Термометр показывает —1°, но сырость пронизывает до самых костей.

11 июля. Мне удалось сегодня установить наше положение: $73^{\circ}88'$ северной широты и $177^{\circ}59'30''$ восточной долготы. С 9 июля дрейф в 1,4 мили на NO 68° . При таком темпе мы скоро совсем застрянем на одном месте. Очень печально, когда ждешь несколько дней солнца, надеясь, что за это время дрейф приближает к цели, и узнаешь, что пройдена только миля.

Со времени прекращения дистиллирования воды мы каждый вечер топим в камбузе дровами, чтобы вскипятить воду для питья. Скопилось много пустых бочек и ящиков, и у нас целый склад топлива, которым мы можем пользоваться, вместо того, чтобы тратить уголь.

13 июля. Со вчерашнего дня дрейф в 3,7 мили на NW 13° . Повидимому, мы вместе со льдом продвигаемся, и это подтверждается постепенным падением уровня воды у корпуса корабля. Крен все еще 5° и даже немного увеличивается. Конечно, я не могу сказать, когда это прекратится. Необходимо точно определить толщину льда около нас. Может создаться такое положение, когда полезно будет вырыть или выпилить док и, если возможно, попробовать втащить в него корабль. Я поручил Чиппу пробить скважины. По его докладу, положение представляется в следующем виде.

Корабль крепко вмерз в свое ледяное ложе. Лед от грот-мачты до кормы достигает в среднем 150 сантиметров толщины. Под носом лед достигает 160 сантиметров ниже уровня воды. Впереди грот-мачты находится вторая льдина, вдвинувшаяся под первую 19 января. Толщина льда под поверхностью воды такова:

Под носом корабля	162 сантиметра
15 метров за кормой	131 "
30 " "	131 "
45 " "	152 "
250 " у правой кормовой части	152 "

В общем, лед возвышается приблизительно на 10 сантиметров над уровнем воды. Вот все, что осталось как следствие прямого замерзания с 30 ноября 1879 года. Конечно, лед на поверхности таял под влиянием солнечных лучей, а внизу — под действием тепла воды.

Вместе с Мельвиллем и Денбаром я прошел, по словам Денбара, милю, а в действительности около двух с половиной миль к юго-востоку, туда, где было прежде разводе,

в котором водились тюлени. По прямой линии, как летела бы птица, расстояние не превышало бы полторы мили, но нужно было обходить небольшие пруды: их нельзя перепрыгнуть, и местами они так глубоки, что и переход их тоже невозможен. Пруды образовались от таяния льда. Чистая вода, когда мы к ней подошли, оказалась почти замерзшей, и только незамерзшая полоса в 180 сантиметров шириной позволяла взглянуть в глубину. На взгляд лед имел 120 сантиметров толщины. Но определения на взгляд очень неточны. Рядом плыла оторвавшаяся часть глыбы; желая испытать ощущение плавания, я вскарабкался на нее и пересек на ней канал. Около старого разводья было много грязного льда с ракушками и мелкой галькой, что указывало на то, что этот лед раньше находился на дне или терся о берег. Это были брошенные моржом остатки. Вблизи мы нашли березовое бревно, тяжелое, с впитавшейся в него водой, но вполне крепкое. Не имея возможности забрать его, мы воткнули его в торос, чтобы завтра притащить на собаках. Мы отправились сюда с тремя собаками, но они убежали и вернулись на корабль.

14 июля. От собак-хулиганов Джека, Тома и Вольфа нельзя добиться никакой работы. Необходимо придумать для них какое-нибудь наказание. Обычно они целый день валяются на солнце и на грудах золы и лениво шурятся, но всегда готовы броситься на собаку, рыскающую в поисках костей или возвращающуюся с охотниками. Участие собак в какой-нибудь работе вызывает их сильное неудовольствие. Каждое утро, когда нужно тащить лед, чтобы растапливать его, эти лентяи издали наблюдают за работой, когда же работа окончилась, они набрасываются на собак, тащивших лед. Сегодня после ряда стратегических приемов удалось их поймать и запрячь, но Том спокойно выскользнул из сбруи и убежал, а Вольф перегрыз свою сбрую и тоже скрылся. Их поймали и, крепко привязав к канату за кормой, оставили так до 22 часов. После этого, чтобы их вой не мешал спать, их привязали подальше от судна к клещам для захватывания ледяных кабанов. Том отнесся к наказанию спокойно, но Вольф был без устали, наконец, Том разозлился и дважды так наказал Вольфа, что тот затих.

Сегодняшнее положение $73^{\circ}42'50''$ северной широты и $178^{\circ}1'$ восточной долготы, что указывает на дрейф со вчерашнего дня в 3,2 мили к востоку. Сильный туман, моросит дождь. На расстоянии одной с четвертью мили к северо-

западу от корабля имеется канал в четверть мили шириной, простирающийся к западу. Денбар предполагает завтра туда отправиться, а затем поплыть по каналу на лодке из кож. Эту байдару мы получили на острове Михаила; первоначально она имела 12 метров длины, но мы уменьшили длину до 8 метров, чтобы ее легче переносить и поднимать на катер, когда ею не пользуются.

15 и юля. Денбар, отправившись к вчерашнему каналу, нашел его уже замерзшим. Как быстро происходят перемены в этой части света!

Утром обнаружили, что корабль у носа поднялся на 10 сантиметров, а у кормы опустился на 10 сантиметров, что, повидимому, вызвано перемещением вперед точки опоры из-за таяния льда, в который вмерз корабль. Необходимо продолжать дневные наблюдения...

В полдень была чудесная погода. Я определил широту, — к сожалению, небольшое движение к югу. В два часа небо покрылось облаками, до полуночи шел дождь, и держался густой туман. Хотя температура существенно и не изменилась (в полночь 0°), ощущение холода усилилось. Туман и дождь пронизывали до костей и невольно вызвали воспоминание о теплой погоде, к которой мы привыкли на родине, где теперь наши друзья страдают от жары.

День прошел в обычных занятиях, ежечасных наблюдениях погоды, в еде и сне.

16 и юля. С 14 июля дрейф составил 9 миль на $SO 43^{\circ}$. Направление дрейфа довольно безотрадное, но все-таки оно внушает надежды, так как указывает на более разрыхленное состояние льда.

Трещина во льду в полутора милях к юго-востоку от корабля несколько расширилась, за нею лед раскололся на большие глыбы; неровная поверхность льда не дает возможности установить, на какое расстояние он простирается.

17 и юля. Ничего интересного, много тумана, дождь и после полудня все время снег. Лед стал таким рыхлым, что малейшее изменение направления ветра вызывает изменение дрейфа. Прошла еще неделя; мы попрежнему в плену. Если бы дрейф приближал нас к цели, мы были бы довольны, но, увы, мы все время отдаляемся от нее. Прошло больше десяти месяцев нашего плена, и я не знаю, что помешает этому плену длиться бесконечно; но в то же время какое-то необъяснимое чувство подсказывает мне, что все будет хорошо. Здесь нет течений, кроме местных

и переменных, вызываемых ветром. Подобно качелям сначала северо-запад при юго-восточном ветре, а затем юго-восток с северо-западным ветром.

19 июля. Не могу отогнать от себя мысли, что я только напрасну трачу бумагу, ежедневно вписывая незначительные события нашей жизни. Каждый вечер остается только признать, что прошел еще один день без всякого смысла, и сознание полной невозможности чем-либо изменить создавшееся положение делает это признание вдвойне неприятным. Последнее время даже солнце, при обычных условиях внушающее бодрость, усиливает наше подавленное состояние, так как, давая возможность определить наше положение, оно каждый раз указывает, как далеко нас отбросило назад или, другими словами, насколько мы ближе к Южному полюсу и дальше от Северного. Например, сегодня мы определили положение впервые с 16 июля и нашли, что за три дня нас отнесло на 13,4 мили на SW 8° , хотя у нас был западный и северо-западный ветер.

Сегодня на собачьей запряжке я отправился к юго-западу, к каналу чистой воды, в надежде увидеть что-либо утешительное; но собаки дважды вырывались, и я вернулся на корабль. Я был вынужден прибегнуть к услугам Алексея, чтобы добраться до моей цели.

Чистая вода имела ширину в четверть мили, в ней можно было управлять кораблем под парами. Она тянулась в виде окружности неправильной формы. Почти весь окружающий нас лед образовался прошлой зимой, покрыв небольшое озеро, в которое 25 ноября корабль был втолкнут из тяжелого льда. Кромка нашего острова образована из очень толстого льда, достигающего, вероятно, 32 метров, а поверхность ее возвышается на 90 сантиметров над уровнем воды. Средняя толщина льда, непосредственно примыкающего к кораблю, составляет 150 сантиметров; в некоторых же местах, как, например, под носом судна, напластование льдины на льдину образовало толщину от 300 до 450 сантиметров. Ледяное ложе, в котором покоится корабль, становится легче, и мы все выше всплываем над поверхностью. Так, сегодня уровень воды достигал 220 сантиметров у носа и 340 сантиметров у кормы. Крен также увеличивается медленно и теперь равняется $5\frac{1}{2}^\circ$.

20 июля. Ничего особенного не случилось. С Мельвилем и Денбаром на собачьей упряжке мы отправились выяснить характер льда на кромке ледяного острова. Сна-

чала двинулись к юго-востоку и в течение двух с половиной часов огибали остров к западу. Езда крайне трудная, сани наталкивались на разбитый лед. На западе мы обнаружили узкий канал, идущий на небольшое расстояние на север; помимо него нет другой возможности вывести судно, если бы даже оно освободилось из плена и находилось на воде.

Сегодня доставили на корабль березовый сук и череп трески.

21 июля. Температура от -0° до 1° , пронизывающий холод. Зимой при температуре -35° мы чувствовали себя гораздо лучше, чем теперь при температуре 0° , когда сырость проникает до костей.

22 июля. Сегодня снова отправились с Мельвиллем и Денбаром на разведки. Путешествие было крайне тяжелое, и нам удалось обогнуть остров только с запада к северу. Мы установили, что канал закрылся. Полутораметровый лед (образовавшийся за зиму) громадными глыбами вздымался над старым, тяжелым льдом и невольно вызывал воспоминания о наших зимних переживаниях. Не было слышно привычного зимнего гула, но мы были подавлены страшной силой нагромоздившихся глыб, а приглушенный шум показывал, что действие этой силы еще не окончилось.

За трехчасовое путешествие мы сильно промокли; обходя пруды, мы сильно удлиннили бы себе путь и потому переходили их вброд и перетаскивали через них сани.

Отвратительный день, бурный, дождливый, со снегом. Уровень воды 215 сантиметров у носа и 350 сантиметров у кормы. Корабль медленно поднимается спереди и оседает у кормы. Оседание, как показало тщательное наблюдение, слегка увеличивает течь, и теперь, вместо 240 взмахов насоса за сутки, как в прошлую неделю, требуется 317 взмахов. Но обе цифры незначительны и не заслуживают серьезного внимания. Наш ветряной двигатель в полном порядке, и, когда потребуется, его можно пустить в ход.

23 июля. Туман, небольшой снег. Наступит ли когда-нибудь лето?

24 июля. Такой же неинтересный день, как и вчера, и не стоит тратить чернил и бумаги, чтобы его отметить. Небольшой дождь, немного снега. Хуже всего, что остается только еще один месяц арктического лета.

25 июля. Прошла еще неделя, и, кажется, зима наступит раньше, чем мы добьемся какого-либо результата. Ежедневно мы с точностью часов исполняем ту же работу среди той

же обстановки. Остается только выжидать. Если бы виднелась земля, мы не остановились бы перед риском и направились к ней по льду.

За обедом тюлень, макароны, томаты и т. д. Стакан шерри, пуддинг из кукурузы; на питание жаловаться нельзя.

Сегодня Анегин застрелил первого „бородатого тюленя“ (Phoca Barbata), 240 сантиметров длиной. Мясо такого тюленя ценится как корм для собак, а кожа пойдет на подошву для сапог.

26 июля. С Алексеем случилась беда. Вернувшись с охоты, он занялся рассматриванием патрона, который дал осечку. Никто не заметил, как он спокойно уселся, захватил пулю между пальцами левой руки и, держа в правой нож, начал срывать пистон. Вдруг патрон взорвался, и пуля задела левую руку. Доктор немедленно оказал помощь, и нет основания опасаться чего-либо серьезного, но все же на несколько дней Алексей выбывает из строя. Надо надеяться, что впредь он будет осторожнее.

Такой же мрачный день, все время падает снег, — и это в разгаре лета.

Когда-нибудь читатель (а может быть я сам), пробегая эти записки, будет досадовать на их однообразие и найдет их неинтересными. Обычно представляют, что повествование о жизни в Арктике должно быть живым, увлекательным или же содержать ценные сведения. Если это представление правильно, как же скучны, утомительны и бесполезны покажутся записи о нашей экспедиции. Что я могу сказать, когда все уже сказано и пересказано? Мы крепко вмерзли в лед, дрейф уносит нас к югу вместо севера, и мы бессильны хотя бы на сантиметр изменить наше движение. Сегодня мы полны надеждой, что завтра наступит перемена, а завтра с грустью убеждаемся, что ничего не изменилось. Лето прошло бесцельно, и мы ничего не достигли. Мы здоровы, полны энергии, ни перед чем не остановимся, но мы бессильны, как заключенные за решеткой. Все вместе взятое дает мало материала для увлекательного рассказа.

Мы глубоко переживаем наше бездействие, некоторым кажется, что мы абсолютно бесцельно тратим и уголь и пищу. Зачем нужны здоровье и энергия, которых ни к чему нельзя применить? Арктические экспедиции расцениваются по результатам, а не по усердию и намерению их участников.

Неважно, каковы трудности, бедствия и волнения, если они кончаются неудачей. Так дело обстоит и с нами. Мы отправились к полюсу; на 71° северной широты оказались в паке, дрейфуем к северу, корабль поврежден, приходится жечь уголь, чтобы справиться с течью; затем наступает обратный дрейф к юго-востоку; второе лето проходит еще бесполезнее, так как в первое лето мы все-таки продвигались. Не имеет значения, сколько мы страдали, как часто находились в опасности, неважно, если мы хотя бы после десятилетнего отсутствия вернемся к отправному пункту; ясно одно, — мы потерпели неудачу, так как полюс не достигнут. Мы сами и наш рассказ будет брошен в сорную корзину, и если о нас и будут вспоминать и говорить, то только с осуждением и насмешкой.

27 июля. Со вчерашнего дня дрейф на одну милю к югу. Почти весь день легкий снег, температура поднимается с -3° до -1° .

28 июля. Мрачный, неприветливый день, дрейф к югу еще на одну милю.

29 июля. Мы снова на 180° меридиане. С 27 июля дрейф составил 17,2 мили на $NO\ 84^{\circ}$.

У нас не может случиться путаницы в числах, так как 5 мая, когда мы прошли к западу от 180° меридиана, я не изменил числа. Правда, до нашего перехода на восток прошло больше времени, чем я предполагал. Я доволен, что в свое время не изменил числа, так как при постоянных передвижениях через 180° меридиан измерения внесли бы путаницу.

Наш дрейф, повидимому, показывает, что лед к востоку находится в более разрыхленном состоянии чем к западу. Если бы лето не было уже на исходе, можно было бы рассчитывать на следующий месяц.

Трудно примириться с тем, что все наши ожидания свелись к утомительному дрейфу в ледяном паке, длящемуся уже две зимы.

В обязанности Денбара, как лоцмана, входит ежедневное наблюдение с марса. Сегодня он обнаружил трещину во льду в полумиле к северу от нас, простирающуюся на короткое расстояние с востока к западу. Подойдя к ней, Денбар установил, что она тянется около пятидесяти метров и появилась в результате расхождения старого тяжелого льда.

30 июля. Легкий ветер продолжается. Последние два месяца наше продвижение было настолько неудачно, что

мы приветствуем всякое изменение. Мы знаем, что движение к северо-западу ни к чему не привело, может быть, идя к востоку или северо-востоку, мы достигнем лучших результатов.

31 июля. Последний день месяца. Я не хотел бы пережить еще такой же июль, если в этих областях в июле всегда такая погода.

1 августа. Нельзя сказать, что новый месяц начинается весело: привычный снег, туман, небо весь день облачное, в полночь замерзла соленая вода. И это 1 августа! Производил смотр команды, прочитал военный устав.

2 августа. Мы пошли по новому направлению. Сегодня наше положение $73^{\circ}20'$ северной широты и $178^{\circ}36'$ западной долготы, что указывает на дрейф с 20 июля на NO 40° 23,6 мили, или почти семь миль в день. Новизна направления заключается в том, что мы движемся к северо-востоку, и нас уносит в новую часть океана.

Около 20 час. 30 мин. на расстоянии четверти мили к западу от корабля открылось разводье; оно шло к северу и югу и было настолько широко, что корабль мог бы идти в нем.

Всякие находки, ракушки, куски губки или дерева всегда вносят оживление в нашу однообразную жизнь. Все находки появляются по мере таяния снега и льда, и нельзя сказать, сколько времени они находились под снегом и льдом и как туда попали. Выдвигаются разнообразные и несуразные теории. Появление ракушек объясняют то дрейфом, то тем, что их извлекла со дна перевернувшаяся льдина, или тем, что их выбросили моржи. Каждая теория дает материал для беседы на целый час, а в нашем распоряжении, увы, слишком много ничем не заполненных часов.

3 августа. Сегодня наблюдения были невозможны, и, к сожалению, я не смог определить, как протекает наш дрейф.

5 августа. Вчера ночью мы закончили год ежечасных метеорологических наблюдений, и я дал распоряжение на будущее время, производить наблюдения не каждый час, а через три часа.

6 августа. Мне удалось, наконец, произвести наблюдения и определить положение: $73^{\circ}21'30''$ северной широты и $177^{\circ}14'45''$ западной долготы. Со 2 августа дрейф 24 мили на NO 86° , или шесть миль ежедневно. Я надеялся на большее. Последние четыре дня было так много ветра, сколько

его можно было ждать только в середине лета. Надо признать, что условия для разрыхления льдов были благоприятны, но, повидимому, к востоку от нас все же нет чистой воды, лед недостаточно взрыхлен, чтобы проход был возможен.

9 августа. Сегодня мы на $73^{\circ}24'32''$ северной широты и $176^{\circ}39'15''$ западной долготы — дрейф со вчерашнего дня в 1,7 мили на $NO\ 22^{\circ}$. Измерения глубины показали 72 метра, но лот не обнаруживает заметного дрейфа. Мы снова остановились и будем бесцельно находиться в таком положении, пока какая-то неведомая нам сила не выведет нас отсюда.

10 августа. Мрачный, скучный день без событий: все время туман или дождь.

11 августа. Наше положение со дня на день ухудшается. Сегодня установили, что течь увеличивается. За последние 24 часа потребовалось 1295 взмахов насоса для откачивания трюмной воды, в то время как, начиная с 15 июля, было достаточно 240 взмахов в день. Конечно, это увеличение чем-то вызвано, но, к несчастью, мы можем только строить догадки о причине. Измерения толщины льда там, где можно было их произвести, показывают уменьшение с 13 июля на два сантиметра. Возможно, что таяние льда открыло поврежденное место у носа корабля и обнажило доступ к нему воды. Это только предположение, но увеличение течи — факт, и с ним надо считаться.

В ближайшее время будет работать ветряной двигатель. Если придется провести здесь еще зиму, у нас, к счастью, достаточно угля, чтобы действовать насосом на рубке.

12 августа. С 9 августа дрейф в пять с половиной миль на $SO\ 38^{\circ}$. Ирония судьбы.

13 августа. В 22 часа радуга. Закат в 22 час. 20 мин. Нам удалось наблюдать его впервые с тех пор, как солнце начало уходить за горизонт. Небольшой туман после полудня. Туман меня устраивает, так как он быстрее разрезает лед.

14 августа. Мягкая погода продолжается. Ветер с севера и востока, что указывает на наличие чистой воды в этом направлении. Конечно, это только предположение; окованные льдом, мы можем только догадываться о том, что происходит в пятидесяти милях от нас.

Поскольку высокая температура и северо-восточный ветер сопровождаются дождем и туманом, надо признать, что предположение о чистой воде имеет серьезные основания.

15 августа. Попрежнему мягкая погода и туман. Удивительно, какое влияние оказывает на лед туман. Самое яркое солнце не делает и половины того, что делает туман, от которого поверхность льда становится мягкой и губчатой.

Если бы не лед толщиной от 60 до 610 сантиметров, ничто бы не мешало нам возобновить плавание. Но корабль все еще держится льдом, и попытка его выпрямиться увеличивает крен до $7\frac{1}{2}^\circ$. Со стороны каждого борта видны трещины размером от 30 до 180 сантиметров, а на расстоянии полумили справа и одной мили слева виден узкий канал воды.

Измерение глубины показало 72 метра, лот показал заметный дрейф к северо-востоку. Странно, так как весь день дул легкий ветер с севера и с востока, а движение направлено против ветра.

Между 22 и 23 часами сильные проходящие ливни.

17 августа. Сравнительно высокая температура (1°); туман каждый день. Все это создает наиболее благоприятные условия для освобождения из льда. Нужны только частые, меняющие направление сильные порывы ветра, чтобы сломать лед и образовать разводья. А мы попрежнему в ледяном плену среди прудов в 60 и 90 сантиметров глубиной. Неужели море всегда мертво? Неужели лед никогда не находит выхода? Несомненно, куда-нибудь лед идет. Лед не выходит через Берингов пролив, почти весь встречающийся в Беринговом проливе лед имеет местное происхождение.

У льда нет правильного движения к северу, востоку или к западу; он медленно движется в соответствии с вызываемым ветром сжатием, а когда сжатие прекращается, возвращается назад к прежнему положению. Неужели в этом океане нет приливов и отливов?

В нашем дрейфе измерения приливов невозможны. В прошлую осень и зиму самые сильные сжатия происходили при новолунии и полнолунии. Это, казалось бы, указывало на действие приливов и отливов, но теперь луна не оказывает никакого влияния. Полнолуние или новолуние, последняя или первая четверть, безразлично, — лед недвижим как скала. Правда, мы теперь находимся севернее, чем в прошлую зиму, и, возможно, вошли за пределы действия сибирских приливов и отливов, но все-таки мы находимся южнее приливов и отливов, идущих через пролив Мак-люра. Если это так, то мы находимся в мертвом пространстве и, как суда

Франклина,¹ никогда не двинемся дальше. Но что на севере от нас? Трудно поверить, что неприступный ледяной барьер простирается до самого полюса; однако, мы до сих пор не встретили землю к северу от острова Геральда.

Измерение температуры и промеры, производимые ежедневно, не могут вселить бодрость. Температура на поверхности обычно равняется 1° , что объясняется действием солнца и тем, что вода долго сохраняет раз приобретенную теплоту. На расстоянии 4 метров от поверхности температура — 0° , а на дне — 1° . Так как температура на 4° выше температуры замерзания соленой воды, то лед внизу не может быстро растаять. На поверхности солнечные лучи, туман, или более теплая вода у кромки вызывают таяние, под водой же лед, как и зимой, крепок как камень. Лед имеет ровную толщину, и это не позволяет судить ни о его происхождении, ни о возрасте. В ноябре, когда нас вытолкнуло из тяжелого льда в место, где мы находимся сейчас, мы находились в чистой воде, так сказать, в озере; к 4 февраля на озере образовался лед толщиной в метр шестьдесят сантиметров. Напластование льдин сделало невозможным определение толщины, но есть основания предполагать, что толщина льда достигала 213 сантиметров. 13 июля толщина равнялась 152 сантиметрам, а сегодня — 103 сантиметрам. Надо принять, что 49 сантиметров являются результатом таяния за лето, а остающиеся 54 сантиметра образуют базис на будущую зиму. Вот все, что можно сказать о льде, образовавшемся на наших глазах. Как же мы можем говорить о льде толщиной в 360, 670, 730, 914 и 1219 сантиметров? Мы видим, что бесформенные массы льда вздымаются на 7,3 метра над поверхностью воды, а о толщине его под водой можем только догадываться. Лед спускается на 360 сантиметров, и мы знаем, что льдина во всяком случае имеет такую толщину, но немного глубже натываемся на другой выступ у льдины, а затем еще не на один и, дойдя до 670 сантиметров толщины, не можем добиться правильного измерения из-за неровности поверхности.

18 августа. Наше ледяное окружение за день не претерпело никаких изменений. Температура от — 0° до 4° за-

¹ Франклин Д. (1786—1848)—английский полярный исследователь. В 1845 году во главе большой экспедиции на двух кораблях пытался пройти северо-западным проходом из Атлантического океана в Великий вокруг северных берегов Америки. Экспедиция закончилась гибелью всех ее участников от голода и болезней.

ставляет рассчитывать на приличную погоду. Сегодня знойно, а временами душно, туман усиливает действие тепла: к удивлению, измерение глубины показало 80 метров, ил, гравий и прекрасный белый песок.

Список больных увеличивается: Каак, матрос, проходя по жилой палубе, упал и, ударившись рукой об угол люковой крышки, сломал локтевой сустав. Доктор находит, что нет ничего серьезного, но некоторое время, конечно, Каак не сможет работать.

19 августа. Сегодня убили медведя. Эту новость передал Денбар: он отправился на охоту сразу после завтрака, а вернулся около 19 часов. Находясь на небольшом расстоянии от корабля, он услышал кукареку — условный сигнал Алексея. Денбар обернулся и увидел, что за ним идет большой медведь, какого ему редко приходилось видеть. Денбар спрятался за льдину, и Алексей выстрелил и сбил медведя на расстоянии двухсот метров. Но оказалось — медведь не был убит. Он поднялся и стал уходить. Его левая лапа была прострелена, и из нее текла кровь. К нашему счастью мишка натолкнулся на Ниндеманна и Бартлетта, которые и прикончили его.

За тушей послали собак. Оказалось, что это был небольшой медведь 180 сантиметров длиной и 130 сантиметров в обхвате. Тушу зарыли в снег, чтобы сохранить ее в холодном и свежем виде.

20 августа. Немногое можно сказать о сегодняшнем дне. Весь день облачно, и только на короткое время выглянуло солнце; было слишком поздно, чтобы определить по солнцу широту.

22 августа. Сегодня мне исполнилось тридцать шесть лет; я бы не отметил этого, не случись со мною небольшого приключения.

Последнее время, каждый день после полудня, наблюдая за таянием льда, я отправляюсь на яlike по ручьям, образовавшимся на ледяном поле. Эти ручьи настолько узки, что в некоторых из них есть место только для лодки и двух весел. Они очень извилисты и запутаны, как лабиринт. По обыкновению, я отплыл один и беззаботно греб с милю или немного больше, ни на один момент не находясь далее пятисот метров от корабля, считая по прямой линии.

Доплыв до узкого канала, я повернулся лицом к корме и стал грести обоими веслами; я не видел ничего впереди. Вдруг, посмотрев через плечо, я увидел не далее 100 метров от себя медведя, который казался не меньше меня удивлен-

ным. Положение было серьезным. Медведь продолжал смотреть на меня. Он постепенно приходил в себя. Затем начал приближаться ко мне. Вода не могла остановить его. Я пронзительно закричал: „Медведь! медведь!“, но никто не ответил. В это время медведь был от меня не больше чем в пятидесяти метрах, и я мог ясно видеть волосы на его красивом черном носу. Он услышал мой крик и удивленно посмотрел на меня. Я снова закричал „Медведь“! На этот раз кто-то ответил мне. Я снова крикнул: „Медведь!“ и в то же время поднял весло, чтобы отогнать зверя, если он вздумает подойти к лодке. Но медведь продолжал спокойно стоять и смотрел на меня в недоумении. Скоро его внимание было отвлечено бегущими собаками и людьми, и, наконец решив, что от них нельзя ожидать ничего хорошего, медведь повернул и скрылся, прежде чем люди и собаки могли напасть на его след. Отсюда урок: никогда нельзя уходить с корабля без ружья.

23 августа. Прошло десять дней со времени, когда я последний раз установил наше положение. Это были дни необычно высокой температуры. Я вполне сознательно говорю „необычно высокой“, так как, привыкнув к температуре 0°, мы считаем необходимым отметить всякое повышение температуры.

24 августа. Еще недавно мы круглые сутки наслаждались солнцем, а сегодня в полночь без фонаря нельзя было читать показания анемометра.

У термометров яркая металлическая поверхность, и их легко прочесть без искусственного света.

Уже две недели, как по вечерам в 9 часов в каюте зажигается лампа. Увы, предстоит вторая зима.

Охотники возвращаются с пустыми руками. Правда, часто встречаются тюлени, но стоит их подстрелить, как они погружаются в воду, и мы не можем их достать.

Наступило время, когда тюлени линяют. При обычных условиях подстреленный тюлень некоторое время плывет на поверхности, и к нему можно подъехать на лодке или добраться по льду. Но теперь стоит только пробить ему шкуру, как он моментально скрывается под водой. Чипп и Денбар видели сегодня четырех тюленей (или одного тюленя четыре раза), но на слишком далеком расстоянии.

Лед подтаял и находится в разрыхленном состоянии, и нужен только свежий ветер, чтобы его разбить на отдельные куски и глыбы. К нашему несчастью, дуют только слабые ветерки.

25 августа. Сегодня мы были заняты очень интересным делом, и я крайне удовлетворен полученными результатами.

Мне давно хотелось осмотреть наш гребной винт, чтобы выяснить, в чем заключаются повреждения, полученные им во время частых сжатий льда. Иногда (особенно, когда мы окончательно застряли во льду) я жалел о том, что винт не был поднят прошлой осенью; теперь же я должен признать, что нахождение винта внизу несомненно увеличило защиту руля и не дало ему сломаться. У нас есть запасные лопасти винта, и в случае повреждения они могли быть заменены. Правда, если бы лопасти оказались слишком погнутыми или скрученными, их нельзя было бы поднять, чтобы произвести замену.

Лед у носа корабля достигал местами толщины 2,7 метра и находился на 60 сантиметров под водою. Распилить лед было поэтому необычайно трудно, а при взрыве миной можно было повредить корабль. Я все-таки решил начать распиливать. Чипп, установив треножник с правой стороны и стоя по колена в воде, руководил работами, а Ниндемани наблюдал за работами по левому борту корабля. К основанию пилы был прикреплен якорь весом около тридцати килограммов, к верхнему концу привязан канат, проходивший через блок сверху треножника и пропущенный через перила борта корабля. Здесь работало несколько человек. Чипп с помощью двух людей направлял пилу. Работали также кирками и зубилами. Дело подвигалось довольно быстро, но команда, находясь в воде, сильно устала. К 14 час. 30 мин. пила почти дошла до отверстия для промера, как вдруг льдина раскололась надвое и две глыбы всплыли на поверхность, перекатываясь и плескаясь, как два кита. Корабль под кормой получил сильный удар: часть команды схватила клещи для оттаскивания ледяных глыб и при помощи канатов оттянула льдины.

Мельвилль спустился вниз, чтобы установить лопасти в вертикальном положении. Ось почти не поддавалась, и у нас возникло опасение, что лопасти согнуты так, что задевают переднюю часть обшивки. С момента, когда прошлой осенью перестали разводить пары, лопасти во время ледяных сжатий повернулись на одну восьмую полного оборота. К счастью, нам удалось, убрав лед, поднять их и увидеть, наконец, гребной винт. Винт оказался в превосходном состоянии, на нем не было ни одной царапины.

26 августа. День прошел в большом возбуждении: к кораблю подходили четыре медведя, из которых одного удалось убить.

Около 13 час. 30 мин. Коллинс во время прогулки по льду сквозь туман увидел слева от корабля медведя на расстоянии 90 метров. Коллинс поднял тревогу, собаки были спущены, и Ниндемани с Анегиным устремились на лед. Медведь повернул, стал убегать и, увидев на своем пути пруд, нырнул в него. Пруд окружили, и, когда медведь переплыл через него, одна из собак укусила медведя в нос. В это время подоспели Ниндемани и Анегин. Раздались два выстрела; Анегин промахнулся, а Ниндемани застрелил медведя. Мы все подошли к месту боя, зацепили зверя гарпуном, выволокли его на лед и доставили к нашему складу.

Едва мы успели втащить большую тушу на палубу и приступить к обычным занятиям, как показались еще три медведя. На этот раз с правого борта судна. Мы спокойно, с ружьями в руках, ожидали на корме их приближения. Это были медведица и два почти взрослых медвежонка. Собаки их не заметили, в это время они кормились слева от корабля. Мы уже знали, что пуля с большого расстояния слабо действует на медведей, и они легко уходят, несмотря на раны. Поэтому мы решили обождать и дать им подойти, а затем выстрелить залпом. Десять ружей были наготове.

Впереди приближалась медведица, а медвежата следовали за ней. Медведица шла медленно и осторожно, вытянув шею и описывая носом грациозные кривые линии. Когда на ее пути встречались каналы, медведица лениво спускалась в воду, медленно переплывала и, добравшись до „берега“, поворачивалась, как бы приглашая медвежат следовать за ней.

Компания подошла почти на двести метров к кораблю и остановилась. Казалось, медведица не особенно доверяла тому, что видела. Понюхав кругом, она повернулась и собиралась уходить. Как раз в этот момент по сигналу мы выстрелили. Медведица повалилась. Один медвежонок начал трясти лапой. Видимо, он также был ранен. Медвежата прижались к медведице. Мы продолжали стрелять, пока дым не скрыл от нас всю тройку.

С первым выстрелом собаки бросились на лед; по окончании перестрелки туда же направились Денбар, Эриксен и остальные.

Когда дым рассеялся, мы увидели, что три медведя уже отступили и находились в безопасности: люди не могли, а собаки не хотели перейти через канал, который медведи прошли без колебания. Я, Чипп и доктор прыгнули в лодку и стали энергично грести, но „добыча“ уже скрылась из виду. Денбар и Эриксен, однако, продолжали преследование.

На месте, где стояли медведи, виднелась кровь, и от туда шли два кровавых следа. Мы убедились, что два медведя были ранены, но для нас они были потеряны.

Денбар после передавал, как внимательно и заботливо медведица относилась к медвежатам. Раненые медвежата предпочитали оставаться на месте, а не двигаться вперед. Несмотря на собственные раны, медведица толкала медвежат вперед, прикрывая их собой, и только тогда оставила лед, когда медвежата уже были в воде.

Нехорошо, что мы раним и калечим медведей и заставляем их страдать и гибнуть вне досягаемости для нас; но такова война, и мы, стреляя, стараемся убить их, и не наша вина, что иногда только раним их. Обыкновенный выстрел из ремингтоновского и винчестерского ружья не достигает цели, за исключением стрельбы на очень близком расстоянии или попадания в жизненный орган. Медведь может иметь полдюжины пуль и все-таки уйти, если только собаки не окружают его. Преследование медведя по обыкновенному льду одним человеком бесполезно, а по льду, пересеченному прудами и ручейками, физически невозможно. Вода слишком глубока, и ее нельзя перейти вброд, а собаки предпочитают пробежать скорее милоу, чем пройти три метра водой. Все это дало богатый материал для беседы, и вопросы медвежьей охоты без конца обсуждались нами.

Идя по медвежьему следу, мы с доктором подошли к месту, где, повидимому, медведи сделали привал, так как снег на большом пространстве был окрашен в красный цвет. Но, присмотревшись пристальнее, мы увидели, что это так называемый „малиновый снег“. Доктор рассмотрел снег под микроскопом и думает, что это были окрашенные в красный цвет водоросли, повидимому, вид *protococcus*.

Я еще должен отметить, что Коллинс обнаружил магнитные частицы (метеоритное железо) в песке и гравии, найденных Денбаром в двух милях к востоку.

27 августа. Туман, непройцаемый как стена. Максимум температуры 2°, минимум — 0°. Мы продолжаем выламывать и вытаскивать куски разбитой льдины; закончили

работу к пяти часам. Теперь вдоль всей прямой стороны, начиная с носа и до кормы, чистая вода, а по диагонали через киль справа налево проходит отверстие; если бы корабль соскользнул с своего ложа, чистой воды было бы достаточно, чтобы свободно держаться на воде. Глыба льда при поворачивании ее под водой задела борт корабля рядом с моей каютой. Удар был не силен, но вызвал сотрясение судна, а это указывает, что немного нужно, чтобы сдвинуть льдину. Я считаю, что еще несколько дней таяния—и „Жаннета“ соскользнет в воду, и тогда выяснится характер течи.

28 августа. Я определил сегодня положение $73^{\circ}37'$ северной широты и $177^{\circ}13'$ западной долготы, [24 мили от положения 13 августа, но мы никогда не узнаем, сколько сделано зигзагов. Хорошо уже и то, что удалось определить, где мы находимся. Целый день туман. Странно. Барометр поднимается. Южный ветер.

29 августа. За последние две недели мягкая погода и таяние снега несколько подняли мое настроение, но теперь и это утешение пропало, так как температура упала, а на прудах появился лед, державшийся почти до полудня. Как ни тяжела перспектива провести еще одну зиму в паке, я не думаю, чтобы кто-нибудь из офицеров или команды испугался возможных опасностей и лишений. Мы дрейфуем почти год и находимся около 140 миль к северо-северо-западу от места отправления. Предположим, что через год мы окажемся в 140 милях от сегодняшнего положения (северная широта $73^{\circ}71'$, западная долгота $177^{\circ}13'$), т. е. северная широта $76^{\circ}30'$. Мы и тогда окажемся в 800 милях от Полюса, в 500 милях от ближайшего сибирского поселения, с поврежденным кораблем, без горючего и, возможно, вмерзнем так же, как теперь. Если и дальше продвижение будет такое же, мы достигнем полюса через шесть лет.

От постоянных туманов, сырой погоды и стояния в воде при распиливании льда у нас набралось много мокрой одежды. Чтобы высушить ее, пришлось развести огонь в жилой палубе. Мы израсходовали 58 килограммов угля, но это было необходимо. Свитман продолжает работать в рубке, приспособляя ее для будущей зимы, и так как все он делает основательно, то рубка будет отделана совсем заново. Свитман—замечательный плотник и прекрасный, жизнерадостный товарищ; я не могу достаточно им нахвалиться.

Я никогда не забуду, как он и Ниндемманн работали 19 января и в последующие дни.

Измерили глубину — 68 метров, дрейф к северо-востоку. Легкий южный ветер скоростью четыре мили в час, усилившийся к полночи до 10 миль, при температуре — 2°.

Неужели Берингов пролив и океан к югу от нас уже закрылись? Если так, то как же к северу от нас может оказаться вода? Несмотря на туман и пронизывающий дождь, мне все-таки удалось произвести наблюдения, подтвердившие правильность определения нашего положения.

Если смотреть с мачты, то глазам представляется очень печальное зрелище. Лед, лед, лед...

В небольшом бассейне или долине, где мы находимся, видны многочисленные ручьи и проталины, а дальше, там, где прежде возвышались окружавшие нас торосы от 6 до 12 метров вышиной, теперь раздробленные куски льда и бесконечная ледяная пустыня, на которой здесь и там чернеют проталины. Но нигде не видны каналы или другие пути, по которым можно бы было двинуться вперед.

30 августа. Надо ожидать погоды. Сегодня вечером туман рассеялся, и показалось ясное голубое небо с ярким месяцем, а в полночь отчетливо виднелись Юпитер и Альдебаран. С весны звезды показались впервые. Надо отметить, что как только прояснилось, температура упала и в полночь была — 3°, при юго-восточном ветре. Кажется, вода исчезнет по направлению к югу, а судя по наблюдавшемуся сегодня отлету птиц к югу, вода, если она и была, исчезает также и к северу. Что-то ожидает нас? Наши небольшие озера и ручейки в полночь покрылись льдом, а белый иней отложился на всех инструментах в обсерватории.

31 августа. Наступил и прошел последний день лета, а до нашего освобождения, повидимому, так же далеко, как и в первый день.

Ночью температура упала и утром пруды покрылись льдом толщиной больше 2 сантиметров. С другой стороны, в середине дня удивительно высокая температура (от 2° до 3°), почти безоблачное небо, — в общем изумительная погода для этих мест.

Солнце светило так ярко, что было приятно производить наблюдения. Мы находимся на 73°46' северной широты и на 176°48'45" западной долготы, дрейф с 29 августа 8,5 мили на NW 53°. Магнитное склонение 22°4' восточное. Справка в моих записях показывает, что этот месяц дрейф в общем составил 2,5 мили и что мы продвинулись на пятьдесят миль к северо-востоку. Наиболее разрыхленное состояние

льда бывает в августе, однако наше положение изменилось очень немного.

— После многих дней появилось северное сияние — лишнее доказательство того, что лето кончилось. В 23 часа 15 мин. была видна слабая трепещущая дуга, идущая с востока через зенит к западу, а в полночь на высоте 20° над южным горизонтом с запада на восток двигались пульсирующие полосы. После одиннадцати часов показался месяц, Меркурий, Альдебаран и еще одна или две звезды. Перенесли около 8 тонн угля к левой части бункеров: нужно усилить угольный запас, так как мы можем оказаться на воде.

Глава X

СНОВА ХОЛОД И МРАК

Сентябрь—декабрь 1880 года

1 сентября. Наконец-то мы в горизонтальном положении.

Сегодня в 9 час. 35 мин. корабль вдруг выпрямился и сдвинулся на расстояние около полуметра назад. Все произошло совершенно спокойно, без толчков, и только одна из собак, находившаяся в это время на сходнях, скувырнулась на лед. С левой стороны корабля на поверхность поднялись две большие ледяные глыбы, и затем все стихло. Чистая вода у корабля покрылась льдом толщиной почти в 3 сантиметра.

Выполняя заранее полученное распоряжение, Свитман при первом движении корабля сбежал к переднему концу форпика и закрыл отверстия в водонепроницаемой переборке, устроенной в минувшем январе. Мы опасались, что как только мы окажемся на воде, течь сильно увеличится, но пока незаметно никакой разницы. Уровень воды у судна равняется 260 сантиметрам у носа и 9 метрам у руля. Предполагая, что корабль почти весь находится на воде (нос корабля поднимался на 40 сантиметров от выемки, в которой он был заключен), мы установили на льдине за кормой клещи для захватывания ледяных глыб и, прикрепив трос, старались приподнять льдину. Корабль оставался неподвижным, лишь незначительно колебался влево носа корабля. Мы решили, что, вероятно, льдина сдерживает корабль, и, передвинув клещи в прямом направлении, стали действовать лебедкой, пока льдина не раскололась. Затем осмотрели лед вокруг носа корабля. Выемка была видна совершенно отчетливо, и мы убедились, что в ледяном поле имелась трещина, идущая прямо вперед. С обеих сторон у носа корабля —

вода. Чипп спустил около носа измерительный стержень и установил, что на глубине 220 сантиметров стержень ударяется об лед. Очевидно, что киль еще сдерживается льдом. Нам очень важно оторваться от тяжелого ледяного поля, но все попытки с лебедкой ни к чему не привели.

Пустили в ход пилу, для распиливания льда. Она работала при помощи каната с передней реи. Пилу спустили в углубление в выемке, достигавшей 335 сантиметров глубины. К обеду работу приостановили, — было уже распилено около 150 или 180 сантиметров льда. Все время следили за течью, и теперь выяснилось, что размер ее увеличивается.

Мне очень хотелось бы, чтобы весь корабль был на воде, но я не могу достичь этого ценой увеличения течи, тем более, что продолжать сейчас плавание все равно нельзя. Обдумав это, я решил оставить все как было и дал распоряжение прекратить распиловку и вытаскивание льда. Я опасался, что при подъеме еще больше увеличится разрыв в поврежденной части корабля, может быть теперь сдерживаемый льдом, и вода зальет корабль. С полудня до 20 часов потребовалось 1044 взмаха насоса, что составит около 3200 взмахов за день. 11 августа достаточно было 1295 взмахов, чтобы справиться с течью, а до 15 июля требовалось только 240 взмахов в день. У меня нет никакого желания снова прибегать к откачиванию при помощи пара, и я не желаю, чтобы снова встал вопрос о главном котле и насосе. Нам угрожает вторая зимовка в паке, и нужно остающиеся у нас пятьдесят три тонны угля беречь как зеницу ока. Я не променял бы их на такое же количество бриллиантов.

Горизонтальное положение корабля имеет много преимуществ. Стало очень удобно двигаться на палубе, тарелки и чашки уже не опрокидываются на скатерть, не приходится высоко карабкаться, чтобы со льда попасть на борт. „Жаннета“ имеет теперь вид корабля: выпрямилась, нос поднят; она напоминает коня, ожидающего сигнала к старту.

В 20 часов уровень воды у носа 260 сантиметров, а у руля — 4 метра, что показывает на осадку спереди на 17 сантиметров и на подъем у кормы на 3 сантиметра.

2 сентября. Безрадостный, мрачный день. До полудня, как обычно, туман; затем до полночи почти не прекращался мелкий снег. Кажется, в один день наступила зима. Озера и ручьи покрылись льдом толщиной в 3 сантиметра. Снег все запорошил, и общий вид мрачен и безотраден. Когда стояла мягкая погода и лед был в разрыхленном состоянии, мы

с нетерпением ждали шторма, который мог бы разбить лед и освободить нас из оков. Теперь все снова замерзает, и шансы на освобождение бесконечно малы. Но никогда нельзя сдаваться. Несмотря ни на что, может быть и в сентябре мы чего-нибудь добьемся. Все к лучшему.

Подсчитав работу насоса для откачивания трюмной воды—3200 взмахов в день,—мы установили размер течи в 2741,76 галлона воды в день или 114,24 в час.

Коллинс сообщил, что канал в двух приблизительно милях от корабля достигает 100 метров в ширину. Последние день или два были предположения о земле в направлении северо-востока, где все время виднелись облака как бы над горными пиками. Птицы летели к югу тоже оттуда. И сегодня много небольших стай (около сотни) пролетело с северо-востока к юго-западу.

3 сентября. Сегодня определил положение: $73^{\circ}52'$ северной широты и $176^{\circ}51'$ западной долготы; дрейф с 1 сентября 6,8 мили на NW 37° .

5 сентября. Год во льду. И при этом мы продвинулись не более ста пятидесяти миль на северо-запад. Если наступит когда-нибудь время, когда я смогу спокойно писать, не находясь в состоянии непрерывного умственного напряжения, я попробую связно описать мои переживания и мысли, но сейчас я не имею ни силы, ни охоты подробно на этом останавливаться.

Сегодня обычный смотр, чтение военных уставов. Ветер теперь настолько силен, что ветряной двигатель снова начал работать.

6 сентября. Нас „порадовала“ бодрящая низкая температура—максимум -3° , минимум -8° , и этим заканчивается лето. Какая же нас ожидает зима? Все замерзло и стало твердым, как кремь, а ручьи и пруды, по которым мы плавали на ялике, покрылись таким плотным льдом, что по ним можно спокойно ходить. Если так будет продолжаться, придется начать топить в жилой палубе и в каюте.

Сегодняшние наблюдения указывают на дрейф в $12\frac{1}{4}$ миль на SW 28° с 3 сентября. Думается, можно сказать „прощай“ и Северному полюсу, и Северо-западному проходу. Нас ожидает или вторая зимовка в паке, или полная неудача. Сегодня откачивали на шканцах вручную, действуя двумя насосами, с целью предотвратить замерзание последних. Новая рубка скоро будет закончена, и команда уже работает над парусами, которые нам понадобятся, если когда-

нибудь мы двинемся в путь. Перемена ветра вызвала в 22 часа движение молодого льда к юго-западу. Лед расщеплялся и трещал, а при столкновении с тяжелым льдом слышался знакомый гул. Коллинс дошел до канала на северо-востоке, и, по его словам, в 700 метрах от корабля лед находится в движении. Наши волнения могут поэтому в этом году начаться раньше, чем в прошлом.

7 сентября. Еще день низкой температуры; максимум — 3° , минимум — 9° . Наше положение нельзя сравнить с положением Вейпрехта и Пайера: когда им предстояла вторичная зимовка, они уже успели открыть новую землю, высадиться на нее и ждали весны, чтоб ее исследовать. Мы же ничего не видели, ничего не достигли и, насколько можно предвидеть, ничего не увидим, и нам предстоит только новая зимовка в паке.

Если судить по ранней осени, нас ожидает тяжелая зима. Но нельзя унывать. Я дал распоряжение топить печи в каюте и жилой палубе.

8 сентября. Мы, повидимому, достигли предела холодной погоды, так как сегодня в 6 часов термометр перестал падать и в полночь показывает — 3° . Все пруды давно замерзли, и можно гулять, не рискуя промочить ноги. Я сегодня вырезал и измерил кусок льда; толщина его достигла 7 сантиметров. Этот лед образовался за время низкой температуры, начиная с вечера 30 августа.

9 сентября. Сегодня температура поднялась, но погода все-таки мрачная и скучная, солнце показывается ненадолго.

В этом месте, где я вырезал кусок льда толщиной в 7 сантиметров, успел образоваться лед толщиной в 8 сантиметров.

Достаточного количества чистого льда для варки и питья не встречается, и пришлось, к сожалению, снова возобновить перегонку; котел от катера вновь начал работать.

Денбар принес горсть „малинового снега“, обнаруженного в полумиле от судна; я положил его в кувшин и привезу в Соединенные штаты.

Наши компасы плохо переносят холод. Сегодня утром мы увидели, как спирт просачивается вокруг краев стеклянной крышки. Их убрали из нактоузов¹ и поместили вниз.

¹ Деревянный ящик в виде вытянутой усеченной пирамиды, на вершине которой помещается судовой компас. Внутри нактоуза помещаются специальные магниты для уничтожения влияния судового железа на магнитную стрелку компаса.

12 сентября. Еще неделя прибавилась к длинному ряду недель нашего плена и дрейфа, а мы так же далеки от освобождения, как и прежде.

13 сентября. И эта неделя, повидимому, не принесет ничего нового. Наблюдения отмечают дрейф с 10 сентября в 6,8 мили к востоку. Странно, что, несмотря на почти непрекращающиеся юго-западные и северо-западные ветры, мы так мало продвинулись к востоку.

14 сентября. В 20 часов поднимавшийся над южным горизонтом месяц был сильно искажен рефракцией. До полнолуния осталось четыре дня, а месяц уже отличался невероятными размерами и напоминал пожар в большом городе. От зенита к восточному горизонту вспыхнуло северное сияние, на небе сияли звезды, и все вместе взятое представляло прекрасную картину. Когда в полночь я вышел производить метеорологические наблюдения, меня поразили вид неба. К юго-юго-востоку от корабля, как раз впереди, горизонт был освещен, как будто уже настал день. Ясный, яркий свет виднелся совершенно отчетливо. Конечно, это было северное сияние. В это время появился яркозеленый, а затем яркокрасный свет; все напоминало световые театральные эффекты. Вид действительно величественный. Изменения происходили внезапно. Находясь я на чистой воде, я объяснил бы их сигнальными судовыми огнями. Но, увы, если и существует открытая вода, она должна находиться на много миль к югу.

15 сентября. Настоящий шторм с ветром и снегом. Тучи снега кружились в воздухе, на расстоянии 30 метров ничего не было видно.

Всюду снежные сугробы, в которых можно провалиться до пояса.

Смотреть по направлению ветра невозможно. Даже собаки, обычно не реагирующие на погоду, были напуганы и сначала тщетно старались спрятаться у борта корабля и за бочками, а потом сдались и улеглись. Снег засыпал их. Только разбросанные холмики указывали, где приютились собаки, но через некоторое время и их нельзя было различить, и только когда кто-нибудь спотыкался о них, собаки давали о себе знать приглушенным лаем. Мы все оставались на судне. До полночи мерзли, а в полночь я велел затопить в каюте и жилой палубе, и так как температура не поднималась, топили всю ночь. Максимум температуры — 7° , минимум — 12° . В этом году холодная погода началась слишком

рано. Хотя мы и достаточно привыкли обходиться без топки при температуре воздуха не выше -6° , но когда температура спускается еще ниже, мы мерзнем.

Так как плотничать сегодня невозможно, то команда занята вскрытием передней кладовой, откуда мы на всякий случай подняли пеммикан, а затем уложили в порядке. В 21 час вокруг луны образовалось очень красивое кольцо. Оно держалось до полночи; сегменты его были окрашены в спектральные цвета. В 21 час 30 мин. к югу от зенита была видна дугообразная завеса, идущая с юго-востока к северо-западу; в 23 часа она пересекла зенит и стояла на 20° выше северного горизонта.

17 сентября. $72^{\circ}30'12''$ северной широты и $176^{\circ}30'15''$ западной долготы. Дрейф со вчерашнего дня $6\frac{3}{4}$ мили на SO 22° . Довольно странный результат, так как шторм окончился, не вызвав заметного изменения в нашем положении. Временами туман, указывающий на разводья во льду. Туман переходил в снег.

18 сентября. Температура упала до -16° , отвратительный день; приходится окончательно убедиться, что нас ждет вторая зимовка во льду, — нет и следа бывших прежде прудов и небольших рек; все вокруг так замерзло и занесено снегом, прямо не верится, что когда-то здесь была вода. Дрейф со вчерашнего дня составил две мили на NW 35° , и так все время — день к юго-востоку, день — к северо-западу.

К юго-востоку в двух милях от судна канал снова превратился в разводье. Наши охотники застрелили там сегодня двух тюленей.

19 сентября. Обычный осмотр. Рубка, за исключением входного портика и коридора к камбузу, закончена. Я уверен, что произведенные переделки целесообразны. Правда, в жилой палубе стало несколько темнее, но зато немного суше. При осмотре выяснилось, что выходящие в камбуз два помещения (их занимают с правой стороны Ли и Бартлетт, а с левой — Коль и Свитман) являются как бы конденсаторами для всей палубы. Это, конечно, плохо. Чипп предлагает установить на месте прежнего камбуза печь и отапливать эту часть корабля, чем будет предотвращена конденсация, которая перейдет на холодную крышу рубки. При этом придется переместить койку Алексея, который ничего не потеряет, так как его койка будет помещена в рубке, теперь же, он говорит, ему слишком жарко спать. Благодаря печи в жилой палубе и на месте прежнего камбуза, тепло будет

держаться постоянно и сырость подымется к крыше рубки, где сконденсируется и осядет, обе палубы будут сухи. Температура рубки будет вполне приемлема и в то же время не слишком высока; что касается жилой палубы, то тепло там распространяется равномерно, и из-за отсутствия холодных поверхностей (за исключением борта) не может появиться конденсация.

Будь у нас сильный снегопад, снег образовал бы снаружи теплую оболочку корабля. Помещение камбуза спереди будет подбито войлоком из прошлогодней рубки, с боков же оно защищается портиками. Задняя же часть не требует защиты, но, если понадобится, мы сумеем сделать все, что нужно.

Итак, мы готовимся ко второй зимовке в паке. Остается заняться санями, сложить на всякий случай на палубе провизию, для экономии собачьего корма освободиться от лишних собак, осмотреть и приготовить одежду.

Вопрос о корме для собак требует серьезного обсуждения. До сих пор удавалось довольно неплохо использовать моржей, тюленей, медведей и т. д. К счастью, собаки не привередливы и довольствуются чем попало. На случай, если придется отправиться в путь по льду, у нас отложен сорокадневный запас сушеной рыбы, и его, конечно, нельзя трогать. Сегодня съеден последний кусок медвежьего мяса, и на складе осталось не более полудюжины тюленей. Медведей теперь встречаем редко, не часто попадают и тюлени. К тому же тюлени, даже если их и удастся застрелить, часто скрываются под водой. Но до сих пор все же было свежее мясо.

При подготовке к зиме меня больше всего затрудняет и беспокоит вопрос, будем ли мы в случае катастрофы сразу готовы оставить корабль. Подготовка к этому сопряжена с большими трудностями. Если сани и катера или даже только сани спустить на лед и упаковать в них все необходимое, то в случае неожиданного появления разводьев все может пропасть. Оставить их в упакованном виде на борту тоже опасно, так как быстро произвести выгрузку саней с таким тяжелым грузом, не повредив саней, почти невозможно. Не грузить, а только привести все в такой вид, чтобы сразу перекинуть через борт и упаковать уже на льду рискованно: катастрофа может возникнуть так неожиданно, что у нас не будет времени что-нибудь спасти.

Я остановился на том, что сани, катера, припасы, собачья сбруя, спальные мешки, вещевые мешки и т. д. дол-

жны быть под рукой. Надо оставаться на корабле, пока можно, а когда корабль начнет гибнуть, постараться скорее с него выбраться. Мне не хочется даже останавливаться на мысли покинуть корабль, и все эти приготовления крайне неприятны: в каком бы состоянии ни оказался корабль, всегда безопаснее оставаться под его защитой, чем разбить лагерь на льду. Я не могу себе представить более безнадёжного предприятия, чем попытка добраться до Сибири (двести сорок миль) по льду, когда зимние холода на каждом шагу угрожают жизни. Конечно, если корабль погибнет, я постараюсь сделать такую попытку, но шансы на успех будут чрезвычайно проблематичны.

С 9 до 15 часов стояла ясная, хорошая погода; остальное время облачно. Рано утром выпал легкий снег, а с 15 часов туман — результат вскрытия прежнего канала, так что наше ледяное поле снова обратилось в остров. Меня угнетает мысль, что расход горючего в эту зиму будет больше, чем в прошлую. Теперь мы топим очень мелким углем. Он сгорает, как порох, и требует большего расхода. Пролую зиму мы постоянно имели антрацит, который гораздо выгоднее.

20 сент. Хол. погода заставляет подумать о невозможности дальнейшего пользования для откачивания трюмной воды насосом на шканцах, так как он может замерзнуть и лопнуть. Поэтому сегодня перестали пускать его в ход и начали работать насосом на передней шлюпочной палубе, так как этот насос защищен рубкой и не может замерзнуть. Печь, устраиваемая на месте камбуза, также будет предохранять насос от замерзания. Чтобы привести насос в действие, мы закрыли шлюзы в водонепроницаемой переборке, и вода может подниматься на высоту 17 сантиметров, после чего насос начинает ее выкачивать. Немного воды проникает также сзади в кочегарку, откуда ее откачивают время от времени насосом, приводимым в действие от котла парового катера.

От 16 часов до 15 часов следующего дня происходит перегонка воды, и мы можем одновременно откачивать воду, собирающуюся за день и достигающую 12 сантиметров. Вода теперь не замерзает и не может вызвать каких-либо повреждений. Необходимо точно установить, увеличивает ли откачивание паром расход угля, и, в случае увеличения, перейти на откачивание вручную.

Наблюдения устанавливают дрейф со вчерашнего дня в $4 \frac{1}{2}$ мили к юго-западу.

Плотники начали устраивать порог для двери рубки, используя для этого части прежней обсерватории. Когда все будет готово, у нас на палубе появится целая деревня. Я не сомневаюсь в превосходстве деревянных сооружений, и поэтому неудобство, вызываемое загромождением палубы, вполне компенсируется. Если до отплытия из Сан-Франциско я располагал опытом, приобретенным за последний год, я бы иначе организовал нашу экспедицию и избежал многих беспокойств.

21 сентября. Прекрасный, ясный день, но температура довольно низкая: максимум -9° , минимум -17° . Очевидно, зима будет холодная. Прошло только две трети сентября, а температура стоит ниже нуля. Шансы на освобождение уменьшаются со дня на день. Надо быть большим сангвиником, чтобы при виде окружающей нас ледяной пустыни сохранить спокойствие духа и не отказаться от надежды на лучшее. Увы, увы! Северный полюс и Северо-западный проход для нас так же недоступны, как и тогда, когда „Жаннета“ покинула Америку. Мне часто приходит мысль, что было бы лучше ничего не записывать, и тогда мой дневник соответствовал бы результатам нашей арктической экспедиции.

Продолжаем регулярно откачивать воду. Оказывается, что выкачивание воды, просачивающейся через водонепроницаемую переборку в кочегарку, требует при пользовании котлом от парового катера дополнительного расхода в 10 килограммов угля в день. Этого мы не можем допустить, и поэтому я отдал распоряжение, чтобы в дальнейшем выкачивали вручную. Для этого нужно снова переделать насос, идущий от главной машины. Мы настолько научились перекачивать воду при всех условиях, что могли бы написать содержательную статью на тему об откачивании. После полудня к юго-западу на горизонте низкий туман, остальная часть неба безоблачна. К полночи небо совершенно очистилось. Яркий месяц и звезды освещали льдину и корабль.

Все реи и канаты были покрыты густым снегом и инеем. Картина совершенно волшебная. С северо-востока к юго-западу на 15 градусов над юго-восточным горизонтом простиралась дуга в виде завесы неправильной формы; к юго-западу она заканчивалась полосами яркозеленого цвета. Силуэт корабля отчетливо вырисовывался на этом зеленом фоне. Все канаты были одеты мягким пухообразным инеем, а яркий месяц еще больше подчеркивал их густую белизну.

22 сентября. С утра наблюдалась самая низкая температура за полмесяца — 18° , но меня не удивит, если до конца месяца станет еще холоднее. По правде сказать, я уже потерял способность чему-нибудь удивляться. Жизнь, которую мы ведем, вызывает полное безразличие ко всему, что бы ни случилось, и какую-то ленивую уверенность, что время не имеет никакой цены. Мы знаем, что сегодня будет то же, что и вчера, и у нас нет оснований ожидать, что завтра что-нибудь изменится. У заключенного в тюрьме есть большое преимущество перед нами: он знает свой приговор и может высчитать срок своего освобождения, нам же не известен ни день, ни час.

Мельвилль переделал насос, устроил поршневой, и теперь можно работать вручную. Плотники забили переднюю часть камбуза войлоком, использовав все остатки, которые можно было собрать. Я думаю, что в этом помещении будет неплохо, и наши повар и стюард, кажется, так довольны своей новой квартирой, как если бы она была на берегах Ян-Цзы-Цзяна.¹ Для нас они настоящий клад, и я уверен, что таких работников не имела еще ни одна арктическая экспедиция. Теперь остается устроить помещение для Алексея в рубке, и тогда наш „город“ будет готов.

Временами туманно. Со вчерашнего дня дрейф в 5 миль на SO 71° .

23 сентября. Температура поднялась — максимум -3° , минимум -10° . Хотя и далеко до жары, но все-таки приятно. Ничего особенного за день не случилось. Дрейф со вчерашнего дня в $1\frac{1}{4}$ мили на NW 23° .

24 сентября. В 9 час. 45 мин. на льду образовалось разводье на прежнем месте, около полумили позади судна. Канал шел на небольшое расстояние к северо-востоку и юго-западу.

Нам удалось убить тюленя. Это было очень кстати, так как наш запас на исходе. Денбар видел также и моржа, но на расстоянии слишком далеко для выстрела.

Не мешает отметить, что за все это лето, а также и весной мы не видели белых китов² ни в разводьях, ни в каналах. В прошлую же осень во время наших походов к каналам и разводьям мы часто встречали китов. Денбар делает вывод, что мы теперь гораздо дальше от чистой

¹ Река в Южном Китае.

² Повидимому, речь идет о так называемых „белухах“. (Прим. ред.)

воды, а его опыт заставляет особенно прислушиваться к его указаниям. Моржи и тюлени охотно идут к паковому льду; они, когда нужно, ныряют и проплывают подо льдом от одной отдушины до другой; что же касается белых китов, то они только в крайних случаях, подвергаясь преследованию, доходят до пакового льда,

26 сентября. Прошла еще неделя, а мы все еще здесь. При обычном осмотре я с удовлетворением констатировал отсутствие сырости в жилой палубе. Никогда она не была такой сухой. Алексей уже перебрался в новое помещение, а на месте старого камбуза устроена печка.

28 сентября. Сегодня наши запасы значительно пополнились: поймали громадного медведя.

Рано утром банда наших „хулиганов“ — Принц, Том и Вольф напали на хорошую собаку Джима и почти загрызли его, прежде чем их удалось отогнать. Доктор вовремя заметил и бросился на помощь Джиму; еще минута — и мы потеряли бы нашего четвероногого друга. Эти „хулиганы“ создали на паке царство террора. Стоит какой-нибудь собаке отойти на 10 метров от корабля, как они набрасываются на нее и начинают кусать. Обычно они все время кружат вокруг корабля, так что ни одна из собак, отойдя от корабля, не может чувствовать себя в безопасности. Собаки, повидимому, терроризованы этой бандой и все время толкутся около сходней, чтобы иметь возможность в любой момент отступить на корабль. Мы пробовали привязывать „хулиганов“, но их вой становился нестерпимым, и приходилось их спускать. На этот раз было решено привязать к ним большие деревянные чурбаны и таким образом несколько ослабить их „боевую готовность“. Но приготовить чурбаны одно, а привязать их к собакам другое. Подозревая какую-то угрозу, „хулиганы“ немедленно убежали.

В 11 часов Денбар заметил, что собаки как-то подозрительно возбуждены, и сразу увидел медведя на расстоянии четверти мили от корабля. „Хулиганы“ бросились на медведя. Тревога распространилась, и Коллинс, Вильсон, Шарвелль, Эриксен и Денбар с собаками пустились в погоню. Медведь повернул и стал убегать, я уже думал, что охота ни к чему не приведет. Но „хулиганы“ не прекращали преследования и на расстоянии одной трети мили от корабля догнали мишку и своим лаем и прыжками так его смутили, что он начал кружиться, набрасываясь то на одну, то на другую собаку. Подоспели остальные собаки, и медведь оказался в затруд-

нительном положении. Выбрав пролет между торосами, медведь остановился, но в это время Денбар выстрелил два раза, попал в бок и в шею. При последующем осмотре оказалось что первая пуля прошла через сердце, оторвав его нижнюю часть. Медведь свалился после первого же выстрела и уже не поднимался.

29 сентября. Погибла еще одна собака, проглотившая кость. К сожалению, это была работоспособная собака.

Сегодня треснула труба, идущая от котла парового катера в бак с водой, и соленая вода проникла в бочонок с питьевой водой. Мы употребляли эту воду во время обеда, так как не успели к этому времени обнаружить повреждение и, таким образом, ввели в организм известное количество соленой воды; но я думаю, нет оснований беспокоиться. Наиболее важным следствием явился дополнительный расход 10 килограммов угля для того, чтобы перегонять воду, пока труба не будет исправлена.

30 сентября. Снова медведь.

Около 15 час. 30 мин. ко мне в каюту явился дежурный и доложил о появлении гостя. Я выбежал с ружьем. Медведь уже утекал через торосы и находился на расстоянии около 300 метров впереди корабля. Собаки его не видели, а видели только меня и весело прыгали. Сначала я бежал впереди всех, но скоро меня обогнали Денбар, Алексей и Анегин, а затем, когда я стал бежать тише, и Ньюкомб с Вильсоном. Сначала собаки Алексея не могли напасть на след медведя, но, увидев его, бросились с такой стремительностью, что на расстоянии мили от корабля вцепились в медведя и окружили его. Мишка пробовал спастись на верхушке тороса, но его преследователи не отставали от него и танцевали вокруг, как одержимые.

Алексей и Анегин, подбежав раньше других, выстрелили. Медведь свалился с тороса и упал на собак. Еще несколько выстрелов — и с медведем было кончено. Мельвилль подъехал с санями, и мы притащили домой добычу. Медведь весил 187 килограммов.

Наши „хулиганы“ также приняли участие в преследовании медведя. Но Вольф так часто спотыкался о свой деревянный чурбан, что, наконец, недовольный псвернул обратно. Его вид ясно говорил: „можете сами догонять вашего медведя“. Том отставал и только иногда спотыкался о чурбан и кувыркался. Он добежал как раз в тот момент, когда медведь свалился с тороса и зацепил его лапой. В награду его освободили от чурбана.

Тщательно измерил толщину льда. С 31 августа образовалось 17 сантиметров. Я забыл отметить, что Каак выздоровел и снова приступил к работе. Если бы пища или питье, или обстановка предрасполагали его к заболеванию цынгой, то кость руки срослась бы медленно или неправильно. Но процесс срастания протекал, по словам доктора, так же быстро и правильно, как если бы это было в обычных условиях на берегу. Рана, мучившая Алексея после взрыва патрона, быстро зажила, и теперь рука так же хорошо действует, как до несчастного случая. Наконец, напомним о болезни Даненовера. Уже 9 месяцев он подвергается суровому режиму, операциям, сидит в темной комнате и лишен моциона. Он слаб, похудел, но и у него нет никаких признаков цынги.

1 октября. После вчерашней подробной записи прямо совестно ограничиться несколькими строками. Но дни происшествий у нас редки, как оазисы в пустыне. Спустили на шканцах навес. После полудня я с Денбаром, Алексеем и Шарвеллем соорудили медвежью западню в двух милях к юго-западу от корабля. В западню, как приманку, положили тюленьё мясо. Теперь будем ждать со дня на день добычи.

2 октября. В сопровождении Денбара, Алексея и Анегина я пошел сегодня к западне. И западня и все, что ее окружало, имело такой печальный вид, как и все на борту и вокруг корабля.

5 октября. В 6 часов Чипп слышал, как к востоку от нас трещит лед. Повидимому, нас ожидает повторение тревожных дней прошлой зимы. Мы не знаем, когда все вокруг нас обратится в крошечный ад. Мы сложили на палубе припасы, так чтобы их было удобно спустить на лед. Этим делом мы были заняты целый день. Пеммикан, хлеб, чай, сахар, печи для варки пищи, спирт, палатки, спальные мешки — вот все, что мы сможем забрать с собой при оставлении корабля. К этому надо, конечно, прибавить наши вещи: мешки, медикаменты, инструменты, оружие, амуницию и наши записки. Если с таким грузом нам удастся одолеть свыше двухсот пятидесяти миль, отделяющих нас от Сибири, — ничего лучшего нельзя и желать.

6 октября. Не успел Каак оправиться от прежней болезни, как он снова заболел. Сегодня, проходя по спардеку к рубке, он поскользнулся, упал и, ударившись правым локтем, снова сломал едва зажившую кость. На этот раз

выздоровление потребует большего срока, и ранее 6 недель он не сможет вернуться к работе.

Сегодня приступили к устройству снежных насыпей у бортов корабля. Если придется провести вторую зиму в паке, мы таким образом удержим все тепло внутри корабля, не дав ему излучаться через борта.

Трудности, которые приходится преодолевать, сознание, что ничего в научном отношении не сделано, всего этого достаточно, чтобы заставить меня в бессильной ярости рвать на себе волосы.

7 октября. Продолжали и сегодня устраивать насыпи из снега вдоль бортов корабля.

Ежедневно посещаем медвежью западню, но до сих пор не обнаружили даже ни одного следа. Наши охотники по утрам и после полудня выходят на разведку и обходят корабль на расстоянии от двух до четырех миль, но ничего не встречают на своем пути. Нет воды — нет тюленей; нет тюленей — нет медведей; очевидно, нет медведей — нет и песцов,¹ нет птиц. Мы совершенно одни среди неизмеримого замерзшего океана, единственные живые существа в грозящей смертью пустыне. Дни так похожи один на другой, что мы теряем их след или, вернее, перестали обращать внимание на число. В конце концов, человек только высший вид машины. Стоит его завести и поддерживать питание — и он сможет жить. Так обстоит и с нами. Скучное, свинцовое небо, мрачное, как тюрьма, почти все время падает мелкий снег.

9 октября. Всюду лед, неизменный, как законы мидян и персов. Нет признаков медвежьих следов, даже медведи покинули эту область.

В 23 часа стало заметно легкое волнение среди собак, что дало квартирмейстеру основание думать, что вблизи появился медведь. Он позвал меня. Я бросился на лед; собаки, увидев меня с ружьем, пустились на поиски, но ничего не нашли. Мне тоже не удалось обнаружить чьих-либо следов.

Скучный, мрачный день, способный всякого привести в уныние. Мрачное, свинцовое, серое небо и доводящий до отчаяния мелкий снег.

¹ Наличие песка зависит от наличия полевых мышей (леммингов), которыми преимущественно питается песец.

Наличие или отсутствие песка не имеет отношения к птицам.

12 октября. Мрачно и безотрадно, как на похоронах. Мы долго не производили наблюдений для определения положения, легко можем потеряться в пустыне.

13 октября. Не произошло ничего, чем бы можно было отметить день.

Сегодня я наблюдал одно явление, объяснить которое смогу только со временем. На льду у отверстия я заметил водяные пузыри в открытой воде, как если бы туда нырнул тюлень. Через минуту пузыри исчезли, и поверхность стала совершенно ровной. Через пять минут пузыри снова появились, держались некоторое время, а потом все прекратилось. Я не придавал этому никакого значения или, вероятно, объяснил это тем, что из насоса для откачивания воды выпустили воду; но Денбар, вернувшись с разведки впереди корабля, объяснил подъем и падение воды зыбью в чистом океане. Я невольно задал себе вопрос: неужели мы снова приближаемся к чистой воде?

Денбар доставил трех тюленей. Он застрелил еще двух, но не мог добыть их из воды. Кроме того, он видел птицу с красными и черными перьями. Птица спустилась на тюленя в то время, когда его тащили на корабль. У охотников были при себе только ружья. Они выстрелили в птицу, но промахнулись.

14 октября. Мы ежедневно имеем случай убедиться в целесообразности нового устройства рубки. Она совершенно суха, и в ней не наблюдается никаких признаков сырости. Но нам теперь приходится иметь дело с новым врагом — с углекислотой. Доктор ежедневно ночью берет пробы, и последние данные показывают, что углекислоты слишком много. Только путем непрерывных усилий удастся добиться приемлемого состояния в отношении сырости и углекислоты. Как правило, моряки не отличают проветривание от сквозняка. Они могут спать, есть и жить в помещениях с явно плохим воздухом, но стоит только начать проветривать, как сейчас же раздаются жалобы на холод. У нас весь день топится печь в жилой палубе; казалось бы, что о холоде не может быть и речи. Передний люк постоянно открыт, а двери жилой палубы иногда открываются днем для выхода и доступа воздуха, — вся сырость уносится вверх, в рубку, и отлагается на ее крыше и стенах. В этом отношении все благополучно. Но время от времени надо впускать воздух в жилую палубу, и случайным открыванием дверей это не достигается. Я распорядился, чтобы люк на крыше был открыт

на 15 сантиметров в тех случаях, когда нет снежного шторма; для того, чтобы углекислота не могла отлагаться на задней части жилой палубы, двери в жилую палубу должны оставаться открытыми после 22 часов. Сразу начались жалобы на холод. Были выданы одеяла из тюленьей кожи, и жалобы прекратились.

Начиная с 1 сентября всем выдается по две унции рома раз в неделю, что не только поднимает настроение, но и несколько нарушает однообразие нашей жизни.

15 октября. Чтобы определить, сколько воздуха проходит через жилую палубу, я взял туда в 23 часа карманный анемометр и получил следующие данные:

у порога правой двери = 18 метров в минуту (т. е. с кормы вперед)
у порога левой двери = 30 " в минуту (т. е. с кормы вперед)
отверстие в люке = 29 метров в минуту (т. е. с кормы вниз)
на воздухе = 150 метров в минуту.

Температура в жилой палубе 9° по Цельсию, на воздухе температура -12° .

16 октября. В полночь небо начало очищаться, и у нас 24 часа стоит ясная погода. Насколько можно предвидеть, и завтрашний день будет такой же.

Падение температуры до -13° не помешало нам наслаждаться ясной погодой и ярким лунным светом, из-за которого закат солнца был почти не замечен. Я уже пробовал несколько раз описать красоту арктических ночей, но у меня нехватает умения изобразить их. Надо самому видеть, чтобы вполне оценить их красоту. Вообразите почти полную луну, безоблачное небо, яркие звезды, чистую, белую, покрытую снегом ледяную пустыню. Лед кажется твердым и хрустит под ногами. Корабль рельефно выделяется со всеми снастями и канатами, покрытыми пухообразным инеем. Но это только грубое изображение. Надо испытать величественное и грозное молчание, которое заставляет почувствовать, как все мелко и ничтожно в сравнении с величием природы. Яркость света изумительна. Отражение месяца на льду вызывает блестящие эффекты; когда свет месяца падает на окно в рубке, то кажется, что светит кальций, а слабый свет керосиновой лампы становится смешным.

Есть и нечто другое, на что стоит посмотреть. Наши охотники сегодня утром обнаружили в двух милях к юго-востоку и востоку от корабля разводье, которое простиралось на небольшое расстояние то закрываясь, то открываясь. Там,

где разводье смыкалось, глыбы льда, толщиной в 200 и 250 сантиметров, вздымались на высоту до 9 и 12 метров. Когда я шел вчера с Денбаром к медвежьей западне, мы заметили вдоль льда трещины, которые образовались над прежним каналом в одной восьмой мили к северо-западу от корабля. Канал имел вид дуги или вернее, кривой и кончался у тяжелых и неровных ледяных торосов. Лед имел такой вид, как если бы он подвергся сильному сжатию. Охотники, особенно Денбар, указывали, что в двух милях перед кораблем снова начался грохот и треск. Ниндемани, вернувшись на корабль перед самым ужином, передал, что лед пришел в движение или, как он выразился, „весь океан ожил“.

В течение вечера вокруг корабля слышался треск, судно испытало легкий удар. Мы быстро спустились на лед, там нашли трещины, извивающиеся перед судном. Почти 9 месяцев мы имели передышку, а теперь снова начинаются наши прежние тревоги и беспокойства. Когда они кончатся?

Наше положение теперь несколько иное — у нас поврежденный корабль, мало угля, и вряд ли мы сами так же сильны, как год тому назад. В предвидении будущей зимы, едва ли мы можем строить какие-либо планы. Мы сделали все, что могли. Никакая человеческая сила не сможет остановить лед, и никакая изобретательность не предотвратит те повреждения, каким может подвергнуться судно при сжатии льда.

Мы крепко застряли во льду, уйти нельзя, и остается только оставаться на корабле.

Если нас выбросит на лед, будем пытаться достичь Сибири, пройдя со всеми припасами свыше 250 миль. Сани под рукой, собаки подготовлены, припасы уложены на палубе, вещевые мешки упакованы, оружие наготове, наши отчеты положены в ящик. Что же еще мы можем сделать? Когда грянет беда, мы надеемся справиться с ней и уцелеть.

17 октября. Прошла еще неделя нашего ледяного плена. Изредка слышался треск. На льду обнаружили несколько новых трещин. За исключением этого у нас не было оснований беспокоиться. День был великолепный, а ночь неописуемо прекрасна. Западно-северо-западный ветер; температура падала до полуночи, а затем незначительно поднялась с -10° до -8° .

18 октября. Ничего не произошло, что бы стоило отметить.

20 октября. Почти целый день падает мелкий снег, забираясь между торосами и образуя ловушки, в которые мы проваливаемся во время прогулок.

21 октября. Небольшое происшествие нарушило обычное однообразие — мы нашли следы песка.

Мы набрали на них, когда шли к медвежьей западне, и сейчас же послали на корабль за парой капканов на случай вторичного прихода песка.

22 октября. Я снова отправился с Денбаром к медвежьей западне. Мы установили, что песец приходил сюда, съел все выставленное мясо и благополучно ушел через западню, которая не защелкнулась. Надеемся, что завтра нас ждет удача.

В остальном за день ничего не случилось. Режим выполняется с механической точностью, с правильностью часового механизма. Если придется провести вторую зиму в паке, надо встретить ее мужественно и бодро. У нас достаточно угля, чтобы поддерживать тепло (если только не придется снова пользоваться паром для откачивания воды), хватит и пищи, чтобы не голодать. Опасность заключается лишь в том, что гибель корабля вынудит нас спуститься на лед и пройти по льду 250 миль, чтобы достичь материка. А это невыполнимая для человеческих сил задача.

23 октября. Песец еще не попался в капкан, хотя он приходит ежедневно и съедает все, что находит.

24 октября. Песец снова был у капкана. Кровь, шерсть и захлопнувшийся капкан этому доказательство.

Наблюдения, которые производятся в Арктике в такую холодную погоду, вызывают ряд сомнений. Секстаны не были рассчитаны на такое сжатие, какое им приходится теперь испытывать, и нет никакой возможности исправить изменения в длине дуги. Сжатие увеличивается, конечно, вместе с увеличением холода. Амальгама на индексе и горизонтальных стеклах расплющивается и растрескивается, и Чиппу приходится устраивать новые подкладки. Больше месяца тому назад я старался по луне получить данные, чтобы ими корректировать наши хронометры, но оказалось, что все результаты были разные, и не было случая, чтобы совпадали хотя бы два измерения. В конце концов я отказался от надежды добиться точных данных.

Не остается иного выхода, как взять зенитный телескоп и посмотреть, можно ли с его помощью определить спутников Юпитера. Если удастся, то их затмения и заслонения

позволят устранить ошибки хронометра. Путь арктического мореплавателя, дрейфующего в паке, трудно определим зимой.

Жилая палуба попрежнему всюду совершенно суха. Кажется, нам удалось разрешить проблему: каким образом справиться с сыростью в жилых помещениях арктического корабля.

26 октября. Песец, наконец, пойман. Бедняга сразу попал в оба капкана. Когда Денбар утром пришел к месту, он увидел, что одна лапа песца попала в один капкан, а другая — в другой. Песец стонал и визжал. Денбар принес его на корабль. Он был жирный, как куропатка, но оказался очень невкусным. Величиной песец напоминает большую кошку.

27 октября. Зима надвигается, дни становятся короче, и скоро солнце нас совсем покинет.

Снова начинаются наши тревоги. Когда у нас постоянно был день, мы страстно ждали вскрытия льда, которое дало бы нам возможность двинуться в дальнейшее плавание; но тогда не было заметно ни движения льда, ни грохота. Теперь же, когда вскрытие льда угрожает нам только гибелью, оно, повидимому, не за горами. Сегодня на рассвете обнаружили трещину или, вернее, канал в 180 сантиметров на расстоянии приблизительно 500 метров слева от корабля. Трещина шла к тому месту, где прежде был канал на расстоянии одной восьмой мили за кормой. Этот канал более 3 месяцев тому назад замерз, но за последние дни на нем появились многочисленные продольные трещины, идущие к северо-востоку и юго-западу. В субботу трещины в отдельных местах достигли ширины в 240 сантиметров, а сегодня они вновь закрылись, и на месте соединения появились глыбы в 120 сантиметров вышиной.

В 11 час. 30 мин. корабль получил сильный удар, от которого загрохотали и зазвенели ламповые стекла и колпаки. Так как почти все в это время были на льду, то кроме меня никто ничего не заметил. Я наблюдал два движения, как при землетрясении, — подъем и опускание. Но это только начало. Наступающий месяц, если он будет такой же, как в прошлом году, обещает нам много сильных переживаний.

28 октября. Сегодня ничего не было слышно. Очевидно, день передышки и подготовки. Измерение показало глубину в 57 метров. Дрейф к югу.

30 октября. Сейчас же после полуночи начался треск и грохот. Треск, повидимому, шел из-под кормы, а грохот слышался на расстоянии. Треск и грохот продолжались почти до 3 часов и после небольшого перерыва — до 15 часов. Вокруг корабля не видно никаких изменений, кроме появления узкого канала на расстоянии мили спереди корабля, на месте, где он был и раньше.

31 октября. Прошла еще одна неделя, а с ней кончился и месяц. В отношении результатов — чистая потеря времени. Даже то, что мы до сих пор уцелели, не может нас успокоить. Ведь это — жизнь без цели, без осязаемых результатов и по существу сводящаяся только к еде, теплу и одежде.

Измерения толщины льда показали 60 сантиметров — результат непосредственного замерзания с 31 августа. Ясная, хорошая погода до 21 часа, потом небо заволокло тучами. Температура постепенно поднялась с -29° до -18° .

Осмотрел корабль. Везде тепло, чисто, удобно, сухо. Как бы то ни было, в эту зиму нельзя жаловаться ни на холод, ни на сырость.

1 ноября. Сегодня вошел в силу зимний режим: изменены часы еды, и введен обязательный моцион на льду ежедневно с 11 до 13 часов. Хотя солнце еще не совсем покинуло нас, я считаю своевременным возобновить моцион, так как он полезен и обеспечивает двухчасовое проветривание корабля во время уборки. Возобновлен также медицинский осмотр офицеров и команды, и я с нетерпением жду ответа доктора об общем состоянии нашего здоровья.

2 ноября. Сегодня новолуние. Как бы в подтверждение наблюдений прошлого года, в 500 метрах к северу от корабля на льду показалась трещина, местами до 180 сантиметров шириной. Она тянулась на небольшом расстоянии к востоку. Вновь образовавшийся лед немного сдвинулся, но кроме визга, вызванного движением льда, ничто нас не потревожило.

3 ноября. Определил наше положение: $73^{\circ}44'$ северной широты и $179^{\circ}57'$ восточной долготы. С 24 октября дрейф составил $25\frac{1}{3}$ мили к западу.

Великолепный закат солнца в 13 час. 45 мин. Дни становятся все короче и короче. Части солнечного круга были окрашены в малиновый цвет. В 18 часов видна слабая дуга 10° над горизонтом на севере, а в 21 час все небо было покрыто яркими полосами северного сияния и трепещущими дугообразными завесами бледнозеленого цвета.

Анегин застрелил прекрасного тюленя весом в 69 килограммов. Смайк один приволок его, сделав добрых две мили. Анегин, спасая добычу, провалился в воду. Когда тюлень был подстрелен, Анегин прыгнув на кусок льда, стал приближаться к тюленю, но едва он приплыл к цели, как лед под ним проломился и Анегин полетел в воду. Он приплыл к кромке ледяного поля, где Алексей помог ему выкарабкаться. Затем он побегал на корабль. Купанье сошло благополучно.

Доктор вручил мне свой отчет. Ничего плохого не обнаружено, кроме понижения общего тонуса и меньшей крепости по сравнению с прошлым годом. Этого и надо было ожидать. В общем, мы чувствуем себя хорошо, но все похудели. Теперь нас снова ждет холод, а мы еще не успели притти в себя после испытаний прошлого года.

Если только корабль будет попрежнему давать нам защиту, мы несомненно сможем так же благополучно перенести предстоящую зиму, как и прошлую. Но если катастрофа заставит нас перейти на ледяное поле, мы, конечно, не сможем перенести испытания так легко, как могли бы их перенести в прошлом году. У нас тепло и сухо, и вряд ли какая-либо из прежних экспедиций находилась в этом отношении в лучших условиях. Жилая палуба теперь вполне достаточно проветривается; несколько хуже обстоит дело в каютах из-за ламп. Когда мы прошлой зимой пользовались керосином, не было никакого чада. Теперь у нас горят лампы Вальтона на нефти, полученной от Морского департамента. Нефть с трудом протекает, и лампы засоряются. Так как нельзя все время их прочищать, то пламя скоро делается тусклым. При повороте фитиля кверху получается чад, а если повернуть книзу, то пламя тускнеет. Чад настолько силен, что становится нестерпимым. Нам придется пользоваться свечами.

6 ноября. Началась бесконечная ночь. Сегодня солнце в последний раз показалось над горизонтом, и нам примерно 90 дней придется довольствоваться только воспоминаниями о нем. Около 11 час. 30 мин. солнце пробилось и в полдень уже едва виднелось над горизонтом, а в 12 час. 30 мин. совсем простилось с нами. В это лето солнце не могло содействовать таянию льда, и в этом отношении у нас нет оснований жалеть о разлуке с ним. Но отсутствие света будет особенно тяжело переживаться среди грохота и визга громоздящихся вокруг нас льдин. В таких условиях темнота более страшный враг, чем холод.

В полночь —34°, а в полдень —36°. В прошлом году мы до января не имели таких холодов. В 6 часов на северо-востоке и в 15 часов на западе слышалось пронзительное грохотание льда. В полночь почти все небо покрылось петлями северного сияния с востока на запад и с северного горизонта до 40° южного.

7 ноября. Нет смысла говорить о смене недель, — достаточно отметить только чередование месяцев.

Сегодня прочтены военные уставы и произведен смотр команды. Чтение происходит с такой же торжественностью, как на военном судне. Постановление о том, что „все поступки, совершенные на берегу, влекут такую же ответственность, как если бы они были совершены на борту корабля“, звучало очень внушительно. Можно было подумать, что мы находимся в порту, где моряка ждут искушения, а не в унылой ледяной пустыне. Для многих из нас слово „берег“ звучит как воспоминание детства или как воспоминание о прежнем существовании на другой планете. Трудно представить, что на свете есть что-нибудь кроме пака.

После смотра мы спустились на лед. Температура —36°. Ярkokрасный оттенок на горизонте напомнил нам о скрывшемся солнце. На льду, между кораблем и местом, где находится ящик с термометрами, показалась трещина. К югу слышался грохот и треск льда.

9 ноября. Сегодняшние наблюдения установили дрейф с 3 ноября 9¼ мили на SO 64°. В полдень нас поразило неожиданное появление солнца. Часть солнечного диска была видна между 11 и 13 часами. Конечно, это объясняется чрезвычайной рефракцией, так как в нашей широте солнце должно было быть в полдень ниже горизонта.

10 ноября. Сегодня наблюдалась еще более сильная рефракция. В полдень над горизонтом виднелось солнце, а некоторые части солнечного диска были заметны от 11 до 13 часов, когда солнце совсем скрылось. Надолго ли?

Денбар и Алексей при посещении западни для медведей заметили вблизи свежие следы. Алексей сразу пустил по следам собак. Собакам удалось догнать и окружить медведя, но в конце концов им пришлось отступить, так как охотники задержались из-за отвратительного пути. Когда Денбар и Алексей подоспели, они увидели валявшихся в изнеможении собак. Медведь успел скрыться.

11 ноября. Сегодня Анегин увидел с рубки медведя и немедленно пустился его преследовать с собаками, но до-

гнать не смог. Даже эта неудача несколько оживила однообразное течение дней.

Яркая, безоблачная арктическая ночь, лунная и звездная. В 18 часов великолепный круг вокруг луны. Красота его не поддается описанию. Вокруг месяца ясно очерченные круги спектральных цветов, напоминающие большой цветной, сильно освещенный циферблат. В 15 часов к югу слышался грохот льда.

12 ноября. События за день могут быть переданы несколькими словами — погибла еще одна собака, жертва проглоченной бараньей кости.

14 ноября. В 1 час 30 мин. корабль получил сильный удар. Похоже на то, что удар пришелся под кормой; казалось, что корабль скользит по наклонной плоскости, затем он внезапно был подброшен кверху. Я бросился к вахтенному, но он ничего не слышал и не видел. Потом я узнал, что на корме все проснулись от удара, а на носу никто ничего не заметил и не почувствовал. Кстати отмечу, что мы настолько перестали обращать внимание на такие события, что никто даже не выбежал на лед.

В 6 часов в канале в одной восьмой мили за кормой раздался угрожающий грохот. В это время я был на рубке и наблюдал через зенитный телескоп затмение спутников Юпитера. Денбар поднялся ко мне наверх и спросил меня, слышал ли я этот грохот. Я так был увлечен наблюдениями, что, к его удивлению, равнодушно ответил: „Да, несколько времени тому назад“. Я не сомневаюсь, что Денбар подумал, что я слишком легко отношусь к тому, что происходит, но я давно уже решил не поддаваться тревоге. Ведь мы не можем предотвратить катастрофу, все же зависящие от нас подготовительные меры уже приняты. Никакая человеческая сила и мудрость нам не помогут.

После завтрака все высыпали на лед и увидели, что оба канала — один на расстоянии мили впереди корабля и второй — на четверть мили за кормой — вскрылись, причем ширина второго канала достигла 100 метров.

Охотники направились к каналам, и Ниндемманн застрелил тюленя, в котором нашли зародыш. Это обогатило нашу естественно-научную коллекцию. Зародыш был очень похож на щенка.

В 11 часов произвел осмотр корабля. Нижняя палуба совершенно суха. Если она будет в таком состоянии всю зиму, можно будет считать, что нами разрешена одна из трудных арктических проблем.

15 ноября. Чудесный ясный день, большую часть дня небо безоблачно. Великолепная арктическая картина — месяц, звезды. Легкий юго-западный ветер, значительное повышение барометра. Следует отметить это явление, тем более, что оно совпадает с наступлением полнолуния. Я ожидаю, что влияние полнолуния на прилив и отлив и высокого барометра на ветры вызовет заметные изменения в состоянии льда.

16 ноября. Барометр все поднимается. Это явление совпадает с полнолунием. Южный легкий ветер, дувший со скоростью 6 миль, к полночи ослабел до 2 миль. Барометр стал падать. Ветер, постепенно усиливаясь, изменил направление с юго-юго-запада к востоку. Температура поднялась до -23° . В 15 часов снова слышалось грохотание спереди и за кормой корабля, но ничего особенного не случилось; надо ждать, что принесет завтрашний день.

17 ноября. Свежий, сильный ветер — результат вчерашнего высокого барометрического давления. Снег с поверхности льдины поднимался клубами ослепительной пыли, которая оседала, образуя твердые массы, настолько крепкие, что они выдерживали тяжесть человека. В течение всего дня направление ветра колебалось между востоком и восточного-востоком.

18 ноября. Кают-компания и жилая палуба неизменно сухи. В камбузе не все в порядке, но мы надеемся скоро справиться со всеми неудобствами. В этом году рубка не защищает камбуза, и поэтому передняя часть камбуза не имеет другой защиты, кроме войлока. В связи с этим ночью на передней стороне образуется конденсация (в камбузе топка прекращается в 4 часа), и происходит замерзание. Но особых беспокойств мы не испытываем, хотя утром, когда в камбузе начинается топка, лед, конечно, тает, и койки становятся сырыми. Мы устроили перед койками парусиновые пологи и, таким образом, получили возможность соскребать по утрам лед, не давая ему растаять.

В моей каюте и в каюте Чиппа также образуется конденсация на передней водонепроницаемой переборке. Когда в каютах температура достигает 15° , лед начинает таять, и на полу появляются лужи. Но их можно сразу вытереть. У внутренней же водонепроницаемой переборки все совершенно сухо. В общем, температура стоит низкая, но в 18 часов стало теплее.

23 ноября. Ничего нового. Собаки Алексея напали на след трех медведей и догнали их, но медведи переплыли

через канал и скрылись; подоспевшим Денбару и Алексею ничего уже не осталось делать.

24 ноября. Легкий, меняющийся ветер. Трудно представить себе более скучный день.

25 ноября. Минула еще неделя. Однообразие нашей жизни становится мучительным и тягостным. Для нас было бы большим облегчением, если бы можно было что-нибудь делать, но в этом утешении нам отказано. Мало пользы в том, что мы сыты и одеты. Почти 15 месяцев никто из нас не был на земле, если не считать небольшого отряда, высаживавшегося в Колючинской губе. Наше представление о земле становится тусклым. Мы спим беспокойно и страдаем от бессонницы. Часто засыпаем только в 3 часа утра, а ложимся спать в 10 вечера. После 9 утра уже никто не спит.

По утрам мы чувствуем себя вялыми, отдых мало подкрепляет. Какое-то летаргическое состояние не оставляет нас до 11 часов, когда мы отправляемся на ежедневную двухчасовую прогулку. Потом мы приходим в нормальное состояние, и нам совсем не хочется спать.

30 ноября. Измерение показало глубину в 46 метров. Очень быстрый дрейф к северо-северо-западу. В 15 часов определил наше местонахождение: 74° северной широты, $178^{\circ}15'$ восточной долготы, что указывает на необычный дрейф в 22 мили за два дня на $N 32^{\circ}$.

2 декабря. Поймали медведя, что несколько скрасило однообразие дня.

Отчет доктора о состоянии нашего здоровья вполне удовлетворителен, — по сравнению с прошлым месяцем заметно улучшение. Весь день сильный ветер.

5 декабря. В 10 часов на льду обнаружена трещина в 300 метрах к востоку, на том же месте, где она уже была несколько времени тому назад. В 11 часов трещина закрылась, но грохот и треск не прекращались. После 21 часа от холода начали трещать и шелкать скрепления корабля. С 30 ноября дрейф составил $15\frac{1}{4}$ мили к востоку. Ночью изумительное северное сияние.

7 декабря. До полудня яркий, приятный день; затем показались облака, которые к 15 часам заволокли почти все небо.

11 декабря. Наше положение: $73^{\circ}44'$ северной широты и $178^{\circ}56'$ западной долготы. Дрейф с 6 декабря в 33 мили на $SO 74^{\circ}$. Дрейф замечателен по своим размерам, и мы

были бы довольны, если бы он увлекал нас к Атлантическому океану.

День исключительно морозный, —39°; это вынудило меня сократить время ежедневных прогулок до часу.

В течение дня часто слышались громкие раскаты как бы от пушечных выстрелов. На корабле заметно сильное дрожание. Я объясняю раскаты расщеплением тяжелого льда под влиянием сжатия, вызванного сильным холодом.

12 декабря. Обычный осмотр показал, что все помещения вполне сухи.

15 декабря. Очень холодный день. Северо-северо-западные ветры; после 15 часов, направление ветра стало изменяться, и к полночи дул западно-северо-западный ветер. Температура в начале дня —50°, затем постепенно упала до —42°; весь день небо совершенно безоблачно.

16 декабря. Сегодня утром полное затмение месяца. Я давно собирался проследить, какое влияние оно окажет на лед и на погоду. Но я столько об этом думал или думал так много о другом, что все перепутал и только в 15 часов вспомнил о своем намерении, когда затмение уже заканчивалось. Я могу только отметить, что затмение связано с чрезвычайным похолоданием и что предшествующие 24 часа было абсолютно безоблачное небо, что во время затмения стоял густой туман, а после виднелись перистые, слоистые и перисто-слоистые облака.

Днем наблюдалось частое сотрясение и дребезжание; лампа в моей каюте качалась.

В 3 часа, когда я еще не спал, я услышал, как проводка в каюте начала жужжать и петь, —звук походил на жужжание пчелы или москита. Звуки вызывались вибрацией диафрагмы в телефоне Белла и указывали на наличие электрического шторма. Теперь Чипп специально занимается этим вопросом.

21 декабря. Число наших собак снова уменьшилось, сдохла собака под кличкой „работяга Джек“. Анегин вскрыл ее. Установлено, что причина смерти —проглоченные бараньи кости, два куса жестяной банки, кусок одежды и негодный конец каната.

24 декабря. Странная погода. Барометр колебался. Туманно, мрачно, почти все время мелкий снег.

Вечером в рубке было выступление любителей, более удачное, чем в прошлом году.

Торжественное открытие нового оперного театра

„ЖАННЕТА“

24 декабря 1880 года.

Доступ с 19 часов,
начало представления в 20 часов

Вход бесплатный

Главный успех выпал на долю Шарвелля, который изображал молодую барышню в пьесе, сыгранной в конце программы. Гертц, на которого были возложены обязанности костюмера, сделал из коленкора красивое платье, смастерил прекрасный, длинный белокурый парик и достал белые чулки и открытые туфли с голубыми бантиками. Шарвелль преобразился в миловидную молодую англичанку и держался очень спокойно и уверенно.

Каждому гостю был преподнесен букетик из листьев цветной бумаги. Шутки ничем не отличались от обычных, некоторые были не совсем приличны. Загадки, построенные на игре слов, были довольно неудачны. Вероятно, наибольшее оживление вызвала выдача двойной порции виски, и мы старались быть веселыми.

К югу от нас, несомненно, какая-то атмосферная буря. До нас она еще не дошла. Иначе нельзя объяснить высокую температуру — 23° и быстрый дрейф.

27 декабря. В 3 часа удивительное северное сияние. Чипп описывает его следующим образом: „Около 10° над горизонтом яркая завеса с востоко-юго-востока к северо-западу, иногда зеленая и редко коричнево-красноватая; коричневато-красный цвет исчезал сейчас же после появления. Над завесой небо густого иссиние-черного цвета. Звездный свет проникал через завесу, а над иссиние-черным небом непрерывно двигались спирали.

„Через зенит с востока на запад проходила дуга неправильной формы, образованная из разрозненных полос коричнево-красноватого цвета, среди которых неожиданно возникали и так же неожиданно пропадали полосы белого цвета. Ширина дуги равнялась пяти градусам. Звездное сияние проникало через самые темные цвета, сохраняя свой первоначальный блеск. Небо между дугой и полосой над южным горизонтом было покрыто полосами света, уносившегося в сторону запада. В 3 часа 30 мин. все было отнесено к юго-востоку, а на небе были видны белые вспышки“.

28 декабря. Ясно, светло, приятно, но чрезвычайно холодно. Температура —35°.

31 декабря 1881 года. Последний день в году. Надеюсь, с ним уйдут все наши тревоги и испытания.

С 20 до 22 часов в рубке состоялось выступление любителей, были исполнены отдельные номера.

ПРОГРАММА:

Отделение первое

Увертюра	<i>Оркестр</i>
Элла Ри	<i>А. Свитман</i>
Шэфлай	<i>П. Вильсон</i>
Китти Уэльс	<i>Эдуард Старр</i>
Миньонетт	<i>Н. Уоррси</i>
Финал	<i>Вся труппа</i>

Антракт

Отделение второе

Всемирно известный *Анегин* с Великого Северо-западного прохода исполнит комические номера

Соло на аккордеоне	<i>Великий Дресслер</i>
Любимый исполнитель танцев в деревянных башмаках	<i>Джон Коль</i>
В роли великого капрала Шлендета Голландского гусарского полка	<i>Вильсон</i>
Соло на скрипке	<i>Джордж Кюне</i>

Антракт

Отделение третье

Будет представлен веселый фарс:

„ДЕНЬГИ ЗАСТАВЛЯЮТ И КОБЫЛУ ИТТИ“

М-сье Кине Садж	<i>Джордж Бойд</i>
Мисс Кине Садж	<i>Мисс Шарвелл</i>
Чарльз Тильден, подающий надежды молодой человек, влюбленный в мисс Кине	<i>П. Лич</i>
Юлий Гудсагольд	<i>П. Уаррен</i>

Костюмер А. Гертц. Бутафория Ниндеманн

Труппа артистов „Жаннеты“

Отделение четвертое

Увертюра	<i>Вся труппа</i>
Раб	<i>Свитман</i>
Нелли Грей	<i>Вильсон</i>
Что вас печалит?	<i>Бойд</i>
Испанский кавалер	<i>Старр</i>
Наши мальчики	<i>Ваттен</i>

Отделение пятое

Великие „Сам“ и „Тонг-Сам“ — удивительные трагические представления

Соло на аккордеоне	Известный артист Дресслер
Исполнит комические песни	Генри Вильсон
В прежней роли	Алексей и Анегин
Соло на скрипке	Д. Кюне
Элегический обзор	Свитман

Отделение шестое

Заканчивается известной пьесой „Сиамские близнецы“

Профессор	Г. В. Бойд
Агент, влюбленный в дочь профессора	Н. В. Лич
Дочь профессора	Мисс Цыпленок
Близнецы	Джонсон П. и Уаррен

31 декабря все были веселы и жизнерадостны. Представление закончилось общим пением „Усыпанного звездами знамени“. В заключение я обратился к присутствующим с несколькими словами, отметил, что мы расстаемся с прошлым годом и вступаем в новый. Как и все в жизни, наше плавание можно разбить на два периода: на то, что уже произошло, и на то, что еще предстоит. За последние 16 месяцев наш дрейф составил 1300 миль, что вполне было бы достаточно, если считать по прямой линии, для достижения полюса. Мы же фактически находимся в 220 милях к северо-западу от того места, где мы впервые вмерзли в лед. Мы прошли через ряд испытаний, и неоднократно нам угрожала опасность; мы подвергались и сжатию, и толчкам, и если бы борта корабля не были так же стойки, как сердца находящихся на нем моряков, корабль давно был бы разбит. В течение года мы откачиваем воду и поддерживаем корабль в таком виде, что на нем можно жить. Мы еще не сдались и, как и раньше, готовы на все. Мы здоровы и встречаем Новый год с твердой надеждой на то, что нам удастся выполнить что-нибудь достойное нас, нашего предприятия и флага, который развевается над кораблем. Если нам удастся вернуться домой, то каждый в праве будет с гордостью сказать: „И я был участником американской арктической экспедиции 1879 года!“

Глава XI

ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ „ЖАННЕТЫ“

Январь — 9 июня 1881 года

1 января 1881 года. Новый год я отмечаю, переворачивая в своем дневнике страницу, с надеждой, что и в нашей судьбе откроется новая страница.

Мельвилль и Денбар вместе со мною ожидали наступления Нового года.

В полночь в честь старого года пробили восемь склянок, в честь корабля прокричали трижды ура и снова восемью склянками отметили наступление Нового года.

Так официально начался 1881 год на арктическом пароходе Соединенных штатов „Жаннета“ на $73^{\circ}48'$ северной широты и $177^{\circ}32'$ восточной долготы.

3 января. Весь день с востока дул сильный ветер. Корабль до поручней скрыт в снежных сугробах, а на палубе на незащищенных местах образовались большие кучи снега. На юго-западном горизонте видна отлогая насыпь, очень напоминающая землю.

Сегодня день медицинского осмотра. Доктор в своем докладе отмечает, что общее состояние здоровья даже несколько улучшилось. Правда, мы и раньше ни на что не жаловались.

4 января. С утра сильный ветер, к полудню он стих. Небо безоблачно, это позволяет произвести наблюдение и точно установить, где мы находимся. По меридиональной высоте Юпитера и по времени, которое определяется Вегой, — оказывается, что мы на $74^{\circ}8'$ северной широты и $175^{\circ}32'$ восточной долготы. С 31 декабря дрейф на NW 58° не менее 38,5 мили. Это удивительно, так как указывает на возможность до чего-нибудь добраться. Сейчас мы немного южнее, чем были 3 июня ($74^{\circ}18'$), туда нас принесло по-

стоянным дрейфом в марте, апреле и мае. Если только нам удастся продержаться в этой области до тех пор, пока не скажется влияние сибирских рек, то может случиться, что нас вынесет на чистую воду или, по крайней мере, туда, где плавание окажется возможным.

Измерение глубины показало 58 $\frac{1}{2}$ метров, а лот определил быстрый дрейф к западо-северо-западу. В 15 часов показалась Венера на южном меридиане около 2° над горизонтом. Была очень красивая картина. Из-за сильной рефракции Венера казалась удивительных размеров. Блеск Венеры был ослепителен. Я считаю это счастливым предзнаменованием.

В 250 метрах к востоку от корабля снова открылась старая трещина, достигавшая ширины в 30 сантиметров. Утром вдоль ее замечены медвежьи следы.

5 января. В 2 часа 50 мин. лед пришел в беспокойное состояние, сопровождавшееся грохотом и треском; на корабле ощущались сильные толчки. Квартирмейстер бросился с докладом к моей каюте, но по пути встретил Чиппа; он сказал Чиппу, что все перевернется вверх ногами. Чипп также заметил треск льда вдоль корабля. Но через 10 минут все успокоилось, а на рассвете мы увидели, что все осталось без перемен, только вчерашний канал снова закрылся.

Падение барометра и похолодание дает основание ожидать наступления юго-западных ветров. Вряд ли мы чего-нибудь достигнем двигаясь параллельно Сибирскому побережью, поэтому движение к востоку может оказаться не лишним.

7 января. Людям, знакомым только с зимами умеренного пояса, трудно себе представить, какое влияние на снег оказывает в Арктике ветер. Сильный ветер последних дней не только скрыл в снегу корабль до поручней, но образовал на поверхности льда длинные заструги, так что ледяное поле напоминает свежее вспаханную землю. Заструги тверды, как лед, по ним трудно ходить. Я несколько раз падал, пробираясь через них с фонарем, чтобы прочесть показания термометра.

Дни тянутся с прежним однообразием. Ветер стих, и мы, очевидно, снова описываем зигзаги. Лот, показав сегодня глубину в 55 метров, установил также легкий дрейф к юго-юго-западу. Таким образом, надежда, что наконец-то льды нас куда-нибудь принесут, рассеялась. Еще никогда, насколько

мне известно, ни одна арктическая экспедиция не была так бесполезна. В прежних экспедициях, когда судно застревало в паке, его всегда относило дрейфом к какой-нибудь земле, мы же в нашем бесцельном, никуда не приводящем движении напоминаем „летающего голландца“. Мы попрежнему расходует уголь, уничтожаем припасы, насосы работают, и 33 человека изнывают, как обреченные на пожизненное заключение узники.

10 января. Снова восточный ветер. Снег тучами носится по поверхности ледяного поля. Барометр быстро падает, а температура поднимается до -14° , и мы начинаем страдать от жары. Как это ни странно, но на самом деле это так. Мы привыкли к холоду и так тепло одеты, что перемена температуры вызывает у нас ленивое, полусонное состояние, с которым не легко совладать.

19 января. Прошел ровно год, как в борьбе со льдом корабль получил повреждение. С этого времени вода постоянно заполняла судно, и ее приходилось постоянно откачивать. Чипп сегодня отметил число взмахов насоса и определил размер течи в 2642 галлона за 24 часа, т. е. $112\frac{1}{6}$ галлона в час. До трех стояла мрачная погода, а потом прояснилось. В полдень я мог записывать показания инструментов на ледяном поле уже без фонаря, — первый раз в этом году. В 22 часа блестящее северное сияние.

20 января. Очень холодный день, но без ветра, так что мы чувствуем себя плохо. Когда температура ниже -35° , а также при очень сильном ветре я обычно даю распоряжение прекратить двухчасовые прогулки по льду. Но даже при неблагоприятных условиях большинство все-таки гуляет. Вопрос предоставляется индивидуальному решению. Сегодня при температуре -42° офицеры и команда разгуливали по ледяному полю, не обращая внимания на холод. До сих пор не было ни одного случая серьезного обмороживания.

21 января. Хотя снова холодно, но легкий южный ветер позволил нам разгуливать. Больше всего страдают ноги, особенно если стоишь на одном месте. Несмотря на меховые носки и мокасины из тюленьей кожи, ноги очень быстро застывают. При холодной погоде обычно наблюдается северное сияние. Я не буду подробно на этом останавливаться, так как все случаи северного сияния тщательно отмечаются в метеорологическом журнале.

22 января. Положение: $74^{\circ}8'$ северной широты, $173^{\circ}26'$ западной долготы.

23 января. Ясный приятный день, но сильный мороз (-43°). Легкие южный и юго-западный ветры. Многие гуляли, но недолго. На льду было приятно, — чувствовался морозный день.

Следует отметить, что барометр поднялся удивительно высоко, и повышение еще продолжается. В связи с этим надо быть готовым к изменению погоды.

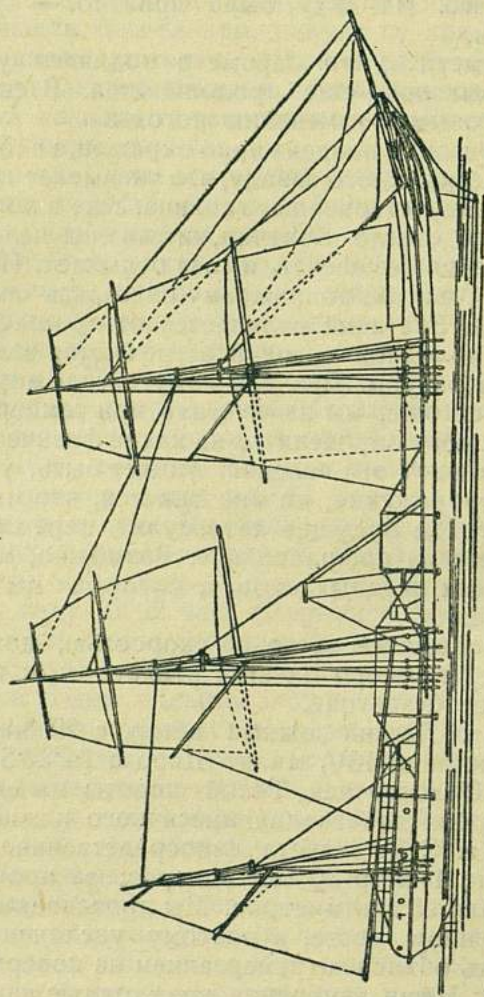
Южный горизонт в полдень ярко окрашен, а в 15 часов такие же краски заметны к юго-западу, что указывает на возвращение так долго отсутствовавшего солнца. Уже в полдень в моей каюте довольно светло. Конечно, читать еще нельзя, но уже можно обходиться без свечей, и глаз отдыхает. При обычном осмотре жилая палуба попрежнему оказалась совсем сухой.

26 января. Эта зима отличается от прошлогодней тем, что наряду с холодной погодой встречаются замечательные подъемы температуры. Два дня тому назад морозы достигали -46° , а сегодня мы изнемогали при температуре -18° и выше. Я не могу определить, на какие физические обстоятельства указывают эти явления. Может быть, у меня слишком живое воображение, но мне кажется, что мы добрались до таких мест, где будущее лето сулит переживания, совсем не похожие на прошлогодние. Возможно, мы вырвемся из безжалостных ледяных оков, в которые мы заключены уже 17 месяцев.

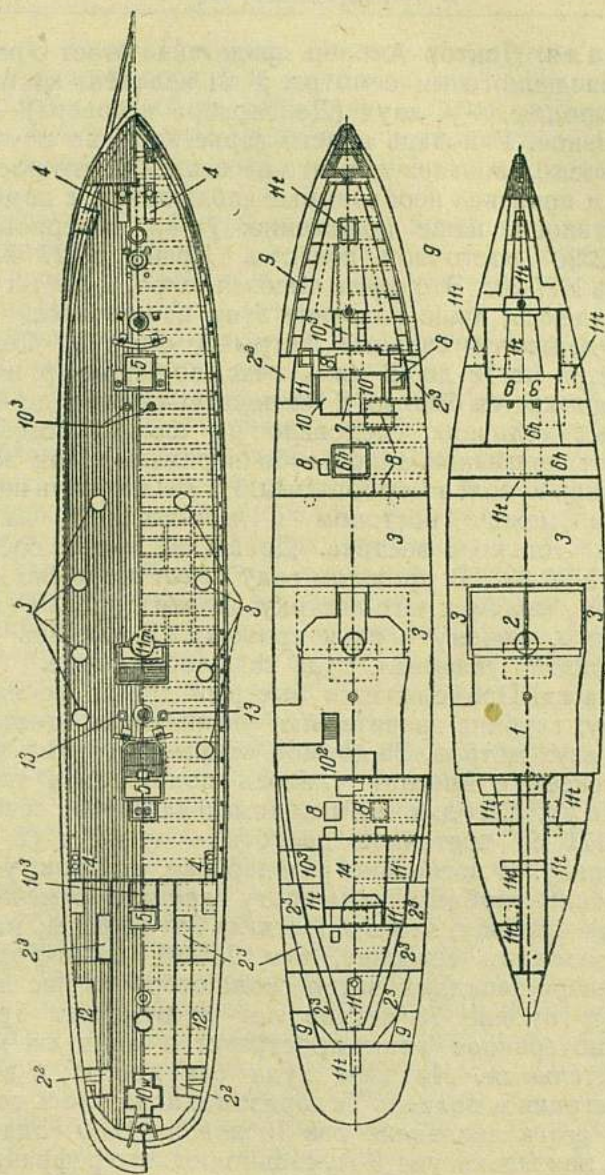
Сильный восточный ветер со скоростью, доходящей до 29 миль в час, но скоро он стал стихать и к полночи наступило полное безветрие.

27 января. Легкий южный ветер, с 22 января дрейф на NW 20° составил $13\frac{1}{4}$ мили. Широта $74^{\circ}20'56''$ северная, долгота $173^{\circ}10'$ восточная. Такой широты мы еще не достигали за все время девятнадцатимесячного плавания.

31 января. С 31 августа непосредственное замерзание льда составило 1 метр 50 сантиметров; за прошлый месяц замерзание дало 25 сантиметров. Мы производим все измерения в защищенном месте, и поэтому увеличение толщины не может быть объяснено замерзанием на поверхности снежных сугробов. Наши измерения дают точную картину замерзания, происходящего снизу. Стоит подчеркнуть, что сверху лед гораздо тверже. Сверло проходит с большим трудом. Лед, подобно зеркальному шлифовальному стеклу или скале, оказывает большое сопротивление, и отламываемые нарезкой сверл куски льда крепостью напоминают кремь. Внизу бурение идет гораздо легче, — лед там мягче и податливее.

Устройство парусов на арктическом судне "Жаннета"

Чертежи спардека, жилой палубы и трюма арктического судна „Жаннета“

1. Машинное отделение. 2. Паровые котлы. 2^а. Варны. 2^б. Каюты. 3. Угольные ящики. 3-9. Ящик для каната. 4. Битентажи. 5. Входные люки. 6. Передний трюм. 7. Кухня. 8. Люки. 9. Ящики. 10. Насосы. 10^а. Фото-лаборатория. 10^б. Кладовые. 10^в. Гребной винт. 11 Отдельные каюты. 11^а. Продовольственные склады. 11^б. Труба. 12. Платформы с ящиками. 13. Вентиляторы. 14. Кают-компания.

1 февраля. Доктор Амблер представил отчет о результатах произведенного им осмотра. У 31 человека состояние здоровья хорошее, — у двух (Даненовера и повара) — удовлетворительное. У повара ничего серьезного, но он очень худ. Чипп воспользовался тем, что рассеялся почти постоянный туман, и произвел необходимые наблюдения, с помощью которых установил наше положение: $74^{\circ}39'$ северной широты и $172^{\circ}25'$ восточной долготы. Дрейф с 27 января в 32 мили на NW 33° . Это самая высокая широта, достигнутая нами, но, надеюсь, наше плавание этим не кончится.

Упорно держатся сильные ветры и штормы. Сегодня скорость ветра от 12 до 19 миль в час, но барометр, как ни странно, поднимается быстро, а температура падает до -25° . При обычных условиях следовало бы ожидать северного ветра, но нет признаков какой-либо перемены. Мои записи ветра за январь довольно любопытны. Из 7644,8 миль ветра — 5137,1 были между востоком и юго-западом, из них 2892,2 мили только с востока. Дрейф за месяц составил 99 миль на NW 59° . В прошлом году за тот же месяц дрейф равнялся $16\frac{1}{2}$ милям к юго-востоку. В этих данных много утешительного, почему я их и привожу. В полдень ярко-красный горизонт указывал, куда скрылось солнце.

2 февраля. Продолжается быстрый дрейф, но на этот раз к северу; глубина значительно увеличилась, достигнув семидесяти двух метров. За кормой открылся старый канал, и в нем Алексею и Анегину удалось подстрелить тюленя.

5 февраля. Сегодня мы находимся на $74^{\circ}49'$ северной широты и $171^{\circ}49'$ восточной долготы, — дрейф в 13 миль к северо-западу. Я несколько разочарован, так как, учитывая увеличение глубины и быстроту дрейфа, отмечаемую лотом, я рассчитывал, что мы достигли 75° широты; мы, без сомнения, заходили севернее, чем $74^{\circ}49'$, но вчерашний вечерний северо-западный ветер снова отбросил нас к югу. Сегодня при глубине 73 метров лот не отмечает дрейфа, и поэтому потерянное нами пространство вряд ли может быть значительным. Но „нет худа без добра“, и в виде утешения сегодня в полдень на горизонте показалось солнце. Мы видели его в последний раз 10 ноября 1880 года (оно было тогда, как и накануне, 9-го, сильно поднято рефракцией). Наша ночь, таким образом, длилась 87 суток. Не излишне, однако, отметить, что солнце исчезло еще 6 ноября и не показывалось на горизонте 7-го и 8-го, так что, в сущности, ночь продолжалась 91 сутки, в прошлом же году она

длилась не более 71 суток. Мы все здоровы и полны надежды и уверенности. Все мы более или менее побледнели, и у нас утомленный вид. Я думаю, однако, трудно было бы ожидать, чтобы на нас не сказались пережитые нами 17 месяцев, полные опасностей, неуверенности, разочарований и скуки.

Сегодня с утра северо-западный ветер; потом он меняет направление и слабеет, а в полночь дует с востока. Температура, к нашему огорчению, сильно падает, но между 21 часом и полночью подымается с -37° до -32° . Я утверждаю с полной уверенностью, что в этом году мы гораздо легче переносим холод, чем в прошлую зиму, и что ночь, хотя она была продолжительнее прошлогодней, прошла как-то скорее. Это объясняется тем, что у нас почти не было передвижек и сжатия льда. В прошлом году мы никогда не могли быть спокойны, — и в конце концов нос корабля получил повреждение, и нам пришлось бороться с течью. В этом же году у нас не было таких беспокойств. Доктор очень удачно характеризует это различие: „в прошлую зиму, ложась спать, я ожидал, что придется оставить корабль, и меня удивляло, когда мое ожидание не сбывалось. В эту же зиму, отправляясь ко сну, я рассчитываю, что мне не придется покинуть судно, и меня сильно удивило бы, если бы мое ожидание не оправдалось“.

Собаки тоже хорошо переносят зиму, и гибель некоторых из них вызвана проглоченными ими острыми костями. Они отошали и стали совсем худыми, но я рассчитываю, что мы достанем для них медвежьего мяса, от которого они потолстеют. Медведи скоро оставят свои зимние квартиры и начнут расхаживать в поисках пищи; следуя по направлению ветра, они окажутся вблизи нас. Эту зиму мы кормим собак тюленьей ворванью, смешивая ее с забракованной овсянкой. Такая смесь необходима, чтобы ослабить действие слишком жирной ворвани. Она достаточно питательна.

7 февраля. Дни увеличиваются, как по волшебству, если учесть, что только два дня, как показалось над горизонтом солнце. Сегодня в 6 часов яркий рассвет на юго-востоке, в 10 час. 22 мин. с палубы можно было уже различить верхний край солнца, а в 13 час. солнце снова скрылось. В 15 часов в моей каюте было достаточно света, чтобы одеваться, хотя еще не достаточно для чтения, на ледяном же поле было совсем светло. Отчетливо виднелись Венера и луна, можно было невооруженным глазом наблюдать Юпитер и Сатурна,

но звезды первой величины были еще неразличимы. Ясная погода сопровождалась невозможными холодами. Обычно при температуре между -18° и -31° все небо покрыто облаками, что вызывает печальное настроение; в ясные же дни температура так низка, что все удовольствие от ясной погоды „замерзает“. В этих случаях мы безошибочно предсказываем, что ночь будет морозной.

12 февраля. Сегодня у нас стояла такая необычная погода, что стоит это отметить. Очевидно, нас ждет буря, так как показания барометра, как 24, 25 и 26 июня. Но температура несколько иная. Тогда ветру предшествовала температура от -42° до -45° , а когда шквал пронесся, температура поднялась до -16° . Сегодня сразу наблюдался подъем температуры до -9° . Если дальнейший подъем будет так же силен, то к концу шторма окружающий нас лед должен будет растаять. В прошлом году 12 февраля у нас была температура между -35° и -39° , а в среднем за день -37° ; как видно, одна зима в Арктике не похожа на другую.

14 февраля. Похоже, что шторма вовсе не будет. Положение $75^{\circ}4'$ северной широты, $171^{\circ}3'$ восточной долготы; дрейф с 5 февраля на NW 37° выражается в $19\frac{3}{4}$ мили. У меня всегда было ощущение, что 75° являются нашим пределом, и теперь, когда он пройден, можно надеяться на лучшее. Измерение глубины показало 80 метров, быстрый дрейф к северо-востоку. Хороший признак. Сегодня Ньюкомб нашел кусок льда, образовавшийся, по его словам, в этом году, длиной в 30 сантиметров и даже больше, с которого падали капли воды.

Солнце поднялось на 5° над горизонтом, температура воздуха -23° . Когда мы растопили принесенный Ньюкомбом кусок и произвели исследование воды, то оказалось, что она содержала слишком много соли. Плотность воды оказалась, однако, 1,0005, и можно было поэтому рассчитывать, что вода будет более пригодной.

15 февраля. Ветер изменил направление к юго-юго-западу и дул со скоростью 20 миль в час, а затем ослабел, так что нельзя сказать, что это был шторм. Измерение лотом установило сегодня поразительную глубину в 104 метра, на дне липкий ил, очень быстрый дрейф к юго-западу. Неужели мы оставили сибирские мели и оказались на краю Ледовитого океана? А я ожидал, что лед растает. Мы произвели измерения в 10 часов, а в 18 час. 35 мин. определили положение:

74°59' северной широты и 171°57' восточной долготы. Дрейф со вчерашнего утра 14⁷/₁₀ мили на SO 70°. Чудесная погода; после 9 часов небо совершенно безоблачно.

16 февраля. Восход солнца в 8 час. 57 мин., закат в 15 часов 5 мин. Мы так долго не увидели солнца, что его появление доставляет нам большое удовольствие. Рассвет начинается уже в 6 часов, и у нас теперь столько дневного света, что ночь кажется менее тягостной. За обедом в 15 часов нам уже не нужно пользоваться искусственным освещением, и после ужина я курю мою трубку в сумерках. Это наводит на приятные думы. В этом году мы пока что наталкиваемся лишь на следы песцов; медведей не видно, а в прошлом году в это время у нас уже были убитые медведи. В этой части света в это время для песцов нет никакой пищи, и они живут остатками тюленей, брошенными медведями. Поэтому следы песцов указывают на то, что недалеко от нас есть медведи.

17 февраля. У нас так давно не было облаков, что мы почти забыли, как они выглядят. Весь день можно было наблюдать удивительный мираж: весь горизонт был поднят плотной стеной и напоминал утесы на морском побережье. Конечно, такой вид создавали торосы, и не трудно было представить, что у подножья утесов широко простирается вода.

18 февраля. Даненоверу разрешено изредка спускаться на лед, чтобы подышать свежим воздухом. Сегодня, разгуливая во рву с левой стороны судна, он увидел на очень близком расстоянии медведя. Все собаки, во главе с „хулиганами“, помчались к медведю, догнали его и, вступив с ним в бой, загрызли его. Никто из команды не успел добежать. Том и собака Алексея впились в горло медведя и не выпускали его, а остальные собаки помогали им прикончить мишку. Медведь был настолько мал, что походил скорее на большую кошку. Длина его равнялась 167 сантиметрам, высота — 130 сантиметрам, в обхвате 96 сантиметров, весом он был в 51 килограмм. Вильсон легко взвалил медведя на плечи и принес на корабль. Анегин вернулся после своего послеполюденного обхода с удивительным сообщением: по его словам, он нашел „дом“, где могут жить два человека, — около 2 миль к юго-востоку от корабля. Мне кажется, он сам напуган своей находкой и усматривает в ней что-то таинственное. Когда его подробно расспросили, то выяснилось, что дом был из брезента и что в нем имелся кусок меди.

Тогда мы сразу поняли, что он набрел на палатку, оставленную нами при сжати 25 ноября 1879 года; что же касается меди, то это были медные ушки для стягивания веревок. Мы уже много раз старались отыскать нашу прежнюю стоянку, но нам это не удавалось. Чипп отправится туда завтра на саних и привезет на корабль нашу палатку. Снова совершенно безоблачный день, если не считать перистого облака, замеченного доктором в 15 часов.

19 февраля. Наши догадки по поводу найденного Анегиным дома вполне подтвердились. Утром Чипп отправился за трофеем и привез его на корабль. Он обнаружил его около 3 миль к юго-востоку от судна. Положение „дома“ свидетельствовало, что с прошлого лета лед растаял на глубину 183 сантиметра.

20 февраля. Яркий солнечный свет заставляет нас забыть о всех пережитых невзгодах и порождает надежду на успех.

22 февраля. Второй раз торжественно отпраздновали за арктическим кругом день рождения Вашингтона; на гюйсе, грот-мачте и флагштоке при восходе солнца были подняты флаги, которые были спущены при закате.

Ясный, холодный день; температура — 40°.

23 февраля. Яркая, приятная погода. Температура — 47°. Слабый ветер с юга и запада, затем безветрие. После полудня появился легкий восточный ветер, а температура начала подниматься. Надеюсь, что подъем продолжится.

24 февраля. Еще пример удивительного изменения температуры за сутки: вчера было — 47°, а сегодня — 18°. Что нужно еще, чтобы чувствовать себя счастливым? Тепло объясняется сильным восточным ветром. Метель угрожает совсем засыпать нас; в 21 час падают большие хлопья снега.

25 февраля. Весь день сильный шторм с востоко-юго-востока. Температура постепенно спускается до — 25°. Я склоняюсь к мысли, что мы скользим по поверхности сравнительно глубокой воды и, идя к северу, еще больше движемся к западу, к побережью Сибири. Когда в сибирских реках вскрыется лед, нас отнесет так далеко к северу, что мы окажемся в глубокой воде, что даст нашему ледяному полю возможность взломаться и образовать доступные для плавания каналы.

26 февраля. Северная широта 75°11', восточная долгота 170°31'. Дрейф с 10 февраля 17³/₄ мили на NS 56°. Сильный восточно-юго-восточный ветер со скоростью от

26 до 21 мили в час. В полдень ветер стих, а в полночь изменил направление к востоку и дул со скоростью 11 миль в час. Одновременно с подъемом барометра падает температура, небо проясняется и после 15 часов становится совершенно безоблачным.

27 февраля. Должен отметить неприятное заболевание Алексея: на ноге у него вскрылся рубец, который воспалился от слишком туго зашнурованной обуви — постоянная его привычка. На месте рубца образовалась язва. Не говоря уже о том, что мы теряем прекрасного охотника, добавляется еще новая забота, — меня пугает мысль, что в случае катастрофы у нас на руках окажутся двое больных. Кроме того, зарождается сомнение, не подвержены ли мы цинге? А я был так горд, что до сих пор удавалось ее избежать. Так как Алексей недостаточно владеет английским языком, а мы совершенно не понимаем его родного языка, то доктору трудно установить историю его болезни. Насколько удалось выяснить, он уже болел на острове Михаила, где его лечил Ньюман. По описаниям Алексея, похоже, что ему давали ртуть. Во всяком случае у него тогда было несколько болячек, из которых одна, из-за тугого затягиванию обуви, перешла в язву.

28 февраля. В 13, 20 и 21 час наблюдалось легкое сотрясение судна, а на льду слышался треск. Я предполагаю, что восточный и юго-восточные ветры образовали там слабые места, а так как сегодня свежий северо-западный ветер, то эти места закрылись, что и явилось причиной сотрясения. Снег и туман указывали на появление вблизи от нас разводьев, а показания барометра и термометра подтверждали это. Измерением установлена глубина в 71 метр, умеренный дрейф к югу; это неприятно, так как нам важно удержаться в нашей широте до вскрытия сибирских рек, которые могут продвинуть лед и наше ледяное поле на северо-восток, к более глубоким водам, где летом можно рассчитывать на освобождение из плена. Окружающий нас лед, как установило измерение, имеет толщину в 183 сантиметра, это непосредственное образование с 31 августа.

1 марта. Сегодня доктор закончил осмотр и вручил мне свой отчет. В общем, данные удовлетворительные. Из числа офицеров шесть находятся в хорошем состоянии, а двое — Даненовер и Денбар — в удовлетворительном. Среди команды, за исключением Алексея (его состояние удовлетворительно), все в хорошем состоянии. Доктор отмечает пониже-

ние тонуса, т. е. мы не так крепки и не смогли бы так легко, как в первую зиму, выдержать продолжительную физическую работу. Сегодня умеренный северный ветер.

6 марта. После жестокой битвы добыча весом в 150 килограммов.

Медведь подошел сзади корабля в 8 часов; собаки заметили его на расстоянии около 500 метров, и 20 собак бросилось в погоню. Медведь вскарабкался на торос; собаки напали на него, а Ниндемани и Вильсон с ружьями помчались к месту битвы. Медведь защищался когтями и зубами, и израненные и оцарапанные собаки отлетали от него направо и налево. Чипп наблюдал за сражением с рубки и видел, как клочьями летела шерсть медведя. Медведь отбрасывал собак, Ниндемани выстрелил первым. Пуля, прострелив медведя, попала в бедного пса Плюгегли. При обычном вскрытии в легких собаки была найдена сплюснутая пуля от ремингтоновского ружья. Медведь дорого обошелся нам. Одна собака убита, у Принца разорвана спина и предплечье, у Тома на огулке длинная глубокая рана, которую необходимо зашить, у третьего „хулигана“ Вольфа длинная рана от огузка к животу, также требующая швов, у Биппо на боку в двух местах глубокий разрез, у собаки Алексея на горле рана от когтей, у Снуцера изранена морда, Смайк ранен в двух местах. Многие собаки получили более легкие ранения. Такого боя у нас еще не было. Медведица была, повидимому, молодой матерью, — у нее было много молока, и следы его обнаружены по всему ее следу. Добыча была очень жирной и вкусной. Обыкновенно медведи так не сражаются, и защита их сводится к тому, что они бегают кругом. Эта же медведица сумела отплатить за свою гибель.

Сегодня три раза в 7, в 14 и 16 часов корабль подвергался сильному сжатию, а на льду слышался треск и скрежет, хотя ничего и не было видно.

8 марта. Юго-западный шторм бушевал целый день. Нас отбросило к северо-востоку; глубина воды увеличилась до 66 метров; до того едва видный правый борт корабля совершенно скрылся в облаках снега, и только три мачты выделялись над снежной насыпью; даже палуба была забита снегом, и приходилось карабкаться через снежные баррикады, наваленные ветром у входных дверей.

10 марта. Легкий юго-западный ветер, сопровождаемый постоянным увеличением температуры. Как только ветер

переменился к 15 часам, корабль начал дрожать от наступающего льда. Было очевидно, что мы продвигаемся через лежащие внизу глыбы и что корабль испытывает сильное давление. В 500 метрах к востоку от корабля появилась длинная трещина, идущая к северу и к югу; находящийся внизу лед немедленно стал заполнять ее, края льдин, обламываясь, нагромождались вдоль всей трещины. Наступление льда заставило нас вспомнить наши переживания в ноябре 1879 года.

11 марта. Дни постоянно увеличиваются: в 21 час над северо-западным горизонтом отчетливо виднелась радуга, а в полночь к западу между горизонтом и зенитом вспыхнуло северное сияние. В то же время с окружавшего нас льда слышались звуки, они напоминали звуки бича или трости, рассекающих воздух.

12 марта. Северная широта $74^{\circ}54'$, восточная долгота $171^{\circ}16'$. 320 миль от острова Геральда. Дрейф с 5 февраля в $10\frac{1}{2}$ миль на NO 80° . Температура низкая -42° . Восход солнца в 6 час. 18 мин., закат в 17 час. 25 мин., рассвет в 3 часа на северо-востоке; кончаются сумерки в 21 час на северо-западе. С 9 и до 18 часов значительный туман.

В 500 метрах юго-восточнее корабля лед пришел в движение. Движение продолжалось между 6 и 8 часами и возобновилось между 12 и 13 часами. Оно сопровождалось гулом и грохотом. Чем объясняется движение льда, свыше года находившегося в спокойном состоянии, — совершенно непонятно. Остается предположить, что каким-то счастливым образом мы приблизились к северной кромке великого ледяного барьера.

13 марта. День прошел как обычно, и осмотр не обнаружил ничего нового. В кладовых и трюмах много свободного места, так как наши припасы уменьшаются, но, увы, их уничтожение не оправдывается какими-либо достижениями.

Последнее время мы увлекаемся воздушными змеями, Чипп — с целью изучать влияние электричества, а китайцы — чтобы развлечься. Их радость забавляет нас всех.

14 марта. Сегодняшние данные по измерению глубины поразили нас — восемьдесят восемь метров. Мы находимся на $75^{\circ}5'$ северной широты и $171^{\circ}36'$ восточной долготы, дрейф с 12 марта в $12\frac{3}{4}$ мили на NO 28° . Температура -42° . Очистили корабль от снега и теперь можем видеть, что происходит за бортом.

15 марта. Необыкновенно яркий, приятный день, но очень сильный мороз, -43° . Высчитав число взмахов насоса для откачивания трюмной воды за день, мы определили размер течи в 200 галлонов в час.

16 марта. Сегодня определили глубину в 109 метров. Это самая большая глубина, которую мы встретили к северу от Алеутских островов. По солнцу в полдень наша широта $75^{\circ}7'$, а по Венере в 8 час. 30 мин. установили и восточную долготу $-171^{\circ}48'$. Дрейф с 14 марта в 3 мили на NO 059° . Стоит отметить, что глубина увеличивается скачками: 13 марта—70 метров, вчера—192, а сегодня 120. Я думаю, что по мере продвижения на северо-восток глубина будет увеличиваться. Я горячо желаю, чтобы так продолжалось, пока мы не выйдем в Атлантический океан.

17 марта. Чудеса увеличиваются: сегодня 122,5 метра, легкий дрейф к северо-востоку. Если так будет продолжаться, мы в самом начале лета можем оказаться в Атлантическом океане. Отмечу таинственное исчезновение одной из собак—Скиппи; пес все время худел и последнее время походил больше на скелет, чем на собаку. Теперь его нигде нельзя отыскать; мы думаем, что он где-нибудь заблудился и его засыпала метель. Он уже не годился для упряжки, но все-таки жаль, что он погиб таким необычным образом.

Наши китайцы попрежнему увлекаются пусканием змеев. Они готовят змей всевозможных форм и размеров—то в виде мухи, то в виде птиц с крыльями. До самых сумерек они занимаются на льду своим любимым спортом. Когда им приходится уходить для работы в камбуз или каюту, они привязывают веревку к шлюпбалке, и змей продолжает летать до их возвращения. Я убежден, что они охотно разорвали бы свою одежду, чтобы смастерить хвост для змея.

18 марта. Глубина 118 метров. Восход солнца в 5 час. 38 мин., закат в 10 часов. Сегодня Дресслер вывихнул себе кость на правом запястье. Он получил повреждение, стараясь открыть дверь рубки в то время, как на руках у него было много припасов, которые он нес в жилую палубу. Нет ничего серьезного, но на неделю он выбывает из строя.

Алексей поправляется. Его заболевание не имеет ничего общего с цынгой. Положение Даненовера не изменяется,—день лучше, день хуже. Пока ему не сделают операции на

берегу, состояние его не улучшится. Опасность заключается в том, что, если нам придется оставить корабль, он не перенесет трудности жизни на льду.

19 марта. Измерение глубины показало 130 метров; слабый дрейф к северу. Мы находимся на $75^{\circ}15'$ северной широты и $171^{\circ}36'$ восточной долготы, дрейф с 16 марта составляет $8\frac{1}{2}$ миль на NO 20° .

Вчера я говорил о наших больных спутниках. Сегодня следует упомянуть о больных собаках. Бедный Том получил серьезное ранение в памятной битве. Повидимому, медведица глубоко его укусила. Доктор извлек ему из спины кусок кости. Пройдет много времени, пока он станет годным для работы. Вольф поправляется очень медленно. Его ранение не дает ему сидеть, но это способствует заживлению. Остальные собаки поправляются. Вильсон устроил повязку, и теперь Смайк так горд своим украшением, что забыл о ране.

21 марта. Глубина 124 метра, легкий дрейф к северо-западу; стоит нам продвинуться на северо-восток, как глубина воды увеличивается, при движении же к северо-западу вода становится мельче. Но как только мы достигаем большой глубины, ветер отбрасывает нас снова на запад.

Сегодня утром впереди носа корабля и за кормой обнаружили колею. Можно было подумать, что наше ледяное поле расколосось. В то же время мы заметили, что снежные насыпи отделились на сантиметр или два от бортов. Казалось, что это предвещает появление разводья. Нам, как и осенью 1897 года, остается только ждать. Я давно уже перестал строить воздушные замки.

22 марта. Доктор подробно беседовал со мною сегодня по поводу болезни Даненовера. По его словам, состояние больного глаза таково, что без серьезной операции не может быть и речи о каком-либо улучшении, причем нет уверенности и в том, что операция даст благоприятный результат. Но говорить об операции на судне не приходится. Прежде всего, нет соответствующих инструментов, а затем если бы какая-либо катастрофа заставила нас перейти на лед, то Даненоверу с оперированным глазом еще труднее будет переносить условия жизни на льду. Я вполне разделяю соображения доктора и также считаю, что при нынешних условиях производить операцию не следует.

Трудно вообразить более приятный день. Небольшой ветерок, чистое небо, твердая поверхность для прогулок, яркое солнце,

Температура — 39° почти не замечалась. После продолжительной прогулки мы так разогрелись, что хотелось сбросить меховую куртку. Скоро придется снова вернуться к очкам. Под влиянием солнечных лучей на льдине столько ослепительной алмазной пыли, что глаза легко утомляются. Солнце еще только на высоте 15° над горизонтом. Закат в 18 час. 30 мин., и в полночь еще заметен дневной свет. Интенсивность солнечных лучей, даже при низкой температуре, поразительна. Это объясняется тем, что воздух совершенно сух, а небо безоблачно, и потому действие солнца ощущается гораздо сильнее, чем во многих областях, расположенных южнее. Наш опыт показывает, что летом, когда сыро и туманно, мы сильнее ощущаем холод, чем зимой при сухой атмосфере, хотя летом мы имели от -1° до 4° , а зимой от -34° до -40° .

23 марта. Продолжаются холода, температура — 39° . В общем, в прошлом году было значительно теплее, хотя в этом году и не было дней с такой низкой температурой, как в прошлом. Солнце теперь стоит над горизонтом более 14 часов, 6 часов длятся сумерки, и уже в полночь заметен рассвет; так что мрак нас больше не страшит.

24 марта. Глубина 117 метров. Легкий дрейф к западу. Еще раз подтверждение того, что глубина воды увеличивается к северо-востоку от нас.

25 марта. Дресслер оправился и приступил к выполнению своих обязанностей. Я убедился в том, что Чипп переутомился, и поэтому я сам буду производить метеорологические наблюдения в 3 часа и освобожу его от этой работы.

26 марта. Мы попрежнему влачим наше тягостное существование без всякой надежды на успех. Неужели ужасное однообразие никогда не изменится? Глубина сегодня 111 метров, легкий дрейф к западо-юго-западу.

28 марта. Северная широта $75^{\circ}27'$, восточная долгота $170^{\circ}26'$. С 19 марта дрейф выразился в 18 миль к северо-западу. Сегодня мы находимся в 350 милях к северо-западу от острова Геральда. Последние дни замечается похолодание по утрам и вечерам и значительное повышение температуры в течение дня. Зима на исходе.

В 6 часов на северо-северо-западе поднимались клубы темного пара. Сверху можно было видеть большое разводье: около 16 часов к юго-западу открылось второе разводье и прежний канал на расстоянии одной восьмой мили к северу за кормой.

Наши охотники, конечно, направились, к разводьям и заметили 3 тюленей, но на расстоянии слишком далеком для выстрела. Медвежьих следов не видно. За разводьем виднелся лед, из чего следует, что мы еще не дошли до кромки чистой воды. На льду много небольших трещин, и сильный юго-западный ветер мог бы без затруднений передвинуть наше ледяное поле к северо-востоку, где, попав в глубокие воды, ледяное поле разломалось бы и освободило наш корабль. Мы не мало переволновались из-за Вильсона: со своим неизменным спутником Смайком он отправился на разведки, как только появились разводья; до 18 час. они не возвращались, несмотря на то, что сигнал о возвращении был дан в 14 часов. Эриксен и Старр были посланы на розыски. В 20 часов Вильсона все не было. Я уже собирался послать за ним еще отряд, но как раз в это время он вернулся со Смайком, но без Эриксена и Старра. Оказалось, что на обратном пути ему пришлось обходить по неровному льду, на расстоянии более 5 миль, вновь появившуюся трещину, которой не было, когда он шел к разводью.

29 марта. Все вчерашние разводья, как по волшебству, сомкнулись, нигде не видно воды. Легкий северо-восточный ветер изменил направление к востоко-северо-востоку и юго-востоку. Лед всюду снова стал плотным. К юго-западу нагроможденные глыбы льда обозначают линию, по которой произошло соединение льда.

1 апреля. Сегодня входит в силу весенний и летний распорядок дня. Он так составлен, что все по разу в день идут на охоту. Это обеспечит каждому необходимый моцион и подготовит к возможным неожиданностям.

7 апреля. Глубина 137 метров, быстрый дрейф к северо-северо-востоку. Чем скорей, тем лучше. Я уверен, что в глубоких водах у нас больше шансов освободиться из нашей ледяной темницы. Мы очистили кладовые ото льда и теперь приступили к очистке рубки, откуда лед вывозится на тачках целыми бушелями.

9 апреля. 143 метра, становится все глубже; легкий дрейф к юго-юго-востоку. Широта $75^{\circ}46'$, восточная долгота $169^{\circ}57'$. С 5 апреля дрейф равняется $8\frac{3}{4}$ мили на $NO\ 18^{\circ}$. В 18 часов в 2 милях к западу от корабля образовалось разводье, к 21 часу оно распространилось по неправильной кривой к северо-северо-востоку, и от конденсации появился густой туман. На расстоянии 2 миль с рубки была ясно видна вода. Ширина разводья достигала от

нескольких десятков сантиметров до 150 метров. В полночь это разводье закрылось, но к югу появилось новое небольшое разводье. В полночь корабль получил несколько ударов, вызванных, повидимому, столкновением ледяных полей.

13 апреля. 153 метра, слабый дрейф к юго-юго-западу. Итак, день идем к северу, день — к югу. Неужели никогда не наступит перемена? Мрачно, густой туман, водяное небо.

14 апреля. В 500 метрах спереди корабля образовалось разводье; оно тянется на несколько миль по неправильной кривой. Добыли тюленя. Видны медвежьи следы. Теперь полнолуние. Не находится ли появление разводья в связи с действием прилива и отлива?

15 апреля. 147 метров; умеренный дрейф к северо-западу, широта $75^{\circ}52'$, восточная долгота $169^{\circ}56'$; с 12 апреля дрейф равнялся $10^{\frac{3}{4}}$ мили на NW 68. Очевидно, к западу разреженный лед и вода. Этим объясняется направление нашего движения. Сдохла еще собака — Дан. Произвели сегодня очень точное измерение толщины льда, и оказалось, что с 31 августа 1880 года непосредственное замерзание составило 120 сантиметров.

16 апреля. Температура -32° ; очевидно, зима еще не кончилась. Она суровее прошлогодней. 154 метра; легкий дрейф к WNW. Широта $75^{\circ}53'30''$, долгота $169^{\circ}45'0''$. Дрейф со вчерашнего дня — $3^{\frac{1}{4}}$ мили.

19 апреля. У нас случилось неприятное происшествие: стюард и повар отправились в 14 час. 30 мин. на охоту и не вернулись к 5 часам, несмотря на обычный сигнал к возвращению. Мы долго оставались без ужина. Наконец, в 19 час. 30 мин. возвратился один стюард в сильном возбуждении. Из его несвязного рассказа о медведях, собаках, поваре и ружьях ничего нельзя было понять. Когда он успокоился, нам удалось выяснить следующее: он отправился вместе с поваром и с собакой к западу и через полторы мили заметил медвежьи следы. Они пошли по следам, пересекли за 6 миль от корабля молодой лед и на торосе увидели Принца и Вольфа и тут же медведя. Стюард упал на неровный лед, глыба льда опрокинулась ему на спину, и это помешало ему застрелить медведя. Ружье повара дало осечку. Повар помог стюарду подняться. Вдвоем они бежали за медведем 3 или 4 мили и, наконец, увидели, как медведь, стоя на торосе, вступил в бой с собаками, но расстояние было слишком еще велико и нельзя было выстрелить. Повар

сказал стюарду: „Теперь около 6 или 7 часов, возвращайся на корабль, и приготовь ужин“. Стюард так и поступил, и повар остался один.

На обратном пути стюард с тороса увидел корабельную мачту и по ней нашел корабль. По пути были видны медвежьи следы. Он сознает, что нарушил распоряжение, так как потерял из виду корабль, но ему казалось, что он должен убить медведя и сохранить собак. Мы беспокоились о поваре. Искать его было бесполезно, как бесполезно искать булавку в стог сена. Нельзя было выбрать направления, так как преследуемый поваром и собаками медведь, конечно, менял направление, а ветер запорошил клубами снега все следы. Оставалось только ждать. Наконец, в полночь повар вернулся с одной собакой, совершенно обессиленный. Я заставил его выпить полстакана водки. Он был так возбужден или утомлен и испуган, что не мог отвечать на расспросы и расплакался, — пришлось отправить его спать.

Когда он успокоился, мы выяснили следующие подробности: он натолкнулся на тюленя, обглоданного медведями. Собаки неоднократно вступали в бой с медведем. Преследование продолжалось миль пятнадцать, но, наконец, пришлось его прекратить. Принц и Вольф продолжали гнаться за медведем. Повар попробовал притащить остатки тюленя, но сильно утомился и должен был отказаться от этого. Он понимал, что не должен был уходить так далеко от корабля, но ему хотелось загнать обратно собак.

В результате — пропали две лучшие наши собаки. Самое любопытное — это то, что никто не брал Принца и Вольфа на охоту, и, очевидно, они сами, почуяв медведя, по собственной инициативе бросились в погоню.

20 апреля. Сейчас же после обеда Эриксен, Вильсон и Дресслер с собаками Смайком, Снутцером и Косматкой отправились на поиски пропавших собак, но к 8 час. 30 мин. вернулись без результатов. Медвежьи следы виднелись на расстоянии почти 10 миль. Кроме них по сторонам были заметны и следы собак. Возможно, медведь и собаки так устали, что заключили временное перемирие. Когда я говорю, что наш отряд шел по следам 10 миль, я имею в виду расстояние по прямой линии от корабля, в действительности же пройденное расстояние было почти вдвое больше. Весь лед в этом направлении был в движении, раздавался страшный грохот, и Эриксен принимал все меры, чтобы отряд не был отрезан. По следам можно было уста-

новить, что медведь со своими спутниками пошел дальше к югу. В 19 час. 5 мин. корабль получил удар, — казалось, что он ударился о погруженную в воду ледяную глыбу.

21 апреля. Северная широта $76^{\circ}2'34''$, восточная долгота $167^{\circ}45'30''$. Дрейф со вчерашнего дня в $10\frac{1}{2}$ миль на NW 53° . Мое настроение снова поднялось. Ведь если так будет продолжаться, не исключена возможность, что еще в этом году нам удастся чего-либо достигнуть. Сильный ветер с востока. Измерение показало глубину в 146 метров. Быстрый дрейф к WNW. Остров Геральда теперь в 400 милях на 43° от нас.

25 апреля. Ясный, светлый день. Северная широта $76^{\circ}19'$, восточная долгота $146^{\circ}45'$. Дрейф с 21 апреля не менее 47 миль на NW 69° . Это — наибольший дрейф, бывший у нас. Правда, 147 миль устроили бы нас больше, но я утешаюсь тем, что скоро может быть настанет время, когда 147 миль будет выражать обычный результат нашего продвижения за день. За время плавания мы создали столько теорий, что можно привести еще одну: Новосибирские острова действуют как водораздел, препятствующий правильному движению льда вперед. Если нам удастся оказаться к северу от них, у нас будет больше водяных пространств и больше возможностей плавания. Долгое ожидание дает нам право на „награду“. Измерение показало глубину в 53 метра, что очень неутешительно. Теперь ветер от востока-северо-востока. Отвратительная температура. В 21 час температура -18° , а в полночь -22° . Что за страна! Трудно представить, какая мрачная пустыня окружает нас. Мы так привыкли к ней, что на нас, главным образом, действует ее однообразие, но временами угнетает и сама пустыня. Ничего, кроме льда, день изо дня. Если подняться наверх, — горизонт расширяется, но это только делает пустыню еще более дикой. Большие и мелкие торосы и хребты, наваленные глыбы, через которые нет прохода, а в середине наш бедный корабль, почти засыпанный снегом, — чужой, в чужой стране. Над северным горизонтом в полночь видно солнце.

26 апреля. Самое удивительное событие за день — это возвращение Принца. Собака вернулась совершенно измученная, она отсутствовала почти неделю. Что случилось с его товарищем Вольфом, — нам неизвестно; но если бы Принц умел говорить, он несомненно рассказал бы нам повесть, полную приключений и страданий. Мы предпо-

лагаем, что Вольф был тяжело ранен медведем и что Принц не покидал Вольфа, пока тот не сдох. Но нас не удивит, если и Вольф вернется к нам. Судя по состоянию Принца, чем скорей Вольф вернется, тем для него будет лучше.

27 апреля. Сегодня выловили драгой, несколько водорослей вида *Coscinodisius*. Эти водоросли, как предполагают, речного происхождения, и отсюда мы заключили, что мы теперь в области осадков реки Колымы. Остается рассчитывать на силу весенних разливов сибирских рек. Это единственная арктическая теория, которую еще не опроверг опыт нашего дрейфа.

30 апреля. С 31 августа 1880 года лед замерз на 2 метра 25 сантиметров.

1 мая. Май начинается многообещающей температурой —19°, — нам предстоит веселое лето. Вряд ли можно оспаривать мое утверждение, что у нас еще зима. В 17 часов под кормой раздался сильный удар, —немного спустя мы обнаружили разводье, образовавшееся в 180 метрах от корабля. Следы разводья терялись в неровном льду. Чипп займется определением толщины льда.

2 мая. Нигде к северу от экватора нельзя наблюдать такую температуру — 23° 2 мая.

3 мая. В брошюре под названием „Северные олени, собаки и лыжи“ я читал, что в Сибири нет весны и что переход от зимы к лету наступает внезапно. Очевидно, у нас сибирская температура: как иначе объяснить —24° 3 мая? Сегодня команда занята удалением снежных насыпей, которые почти совершенно закрыли борта.

4 мая. Стая из 10 диких гусей пролетела сегодня утром на запад; после полудня в том же направлении летели утки.

5 мая. Сегодня у нас приятное событие: убили медведя. Утром Вильсон с товарищами, отправившись на охоту, увидели медведя на расстоянии мили впереди корабля. Наш храбрый пес Принц бросился к медведю и схватил его за заднюю лапу. Медведь быстро повернулся, чтобы отразить нападение; Принц не дал медведю отступить, и это дало Вильсону возможность выстрелить на расстоянии 100 метров. Выстрел сразу сбил медведя. Вес его 316 килограммов, в желудке у него ничего не оказалось.

6 мая. В 13 и 16 часов корабль получил несколько сильных ударов. Когда после полудня мы отправились на лед, то обнаружили, что канал в 180 метрах от нас

частично закрылся и что впереди параллельно с килем появилась трещина, не имеющая серьезного значения, если только она не указывает на линию будущего развода. Сегодня пролетела к западу стая уток.

7 мая. Свежий восточный ветер, вызвавший вновь открытие канала. Появилась чистая вода на расстоянии мили за кормой.

9 мая. Температура улучшилась. Максимум -8° . Измерение показало глубину в 66 метров. Дрейф отсутствует. Легкий востоко-южно-восточный ветер. Дни проходят за днями, и все еще нет перемены. Наш однообразный плен тянется уже 20 месяцев.

11 мая. В каютах началось таяние — следствие высокой температуры. Так как у корабля крен в 2° , то вода, скапливающаяся от таяния между потолком и переборкой, протекает в мою каюту, образуя небольшие лужи. Если не обращать на них внимания и не вытирать, лужи увеличиваются, вода проникает через вентиляционные отверстия, пробуровленные в палубе, а иногда даже через палубные швы. Простую весну этого не было. Меня часто интересовало, сколько времени люди могут, не падая духом, просуществовать в таких условиях. Только наш собственный опыт разрешит эту проблему, так как до сих пор никто еще не был в таком положении.

14 мая. До полудня к западу пролетела стая гаг. Непрерывающийся снегопад.

15 мая. Похоже на то, что погода улучшится. Давно пора. Полнолуние было 13-го, а мы привыкли, что самая холодная погода совпадает с полнолунием.

16 мая. Земля. Оказывается, что на свете существует что-то кроме льда. Денбар в течение дня обычно несколько раз поднимается вверх. Он едва поверил своим глазам, когда увидел сегодня остров на западе. Чипп, которому Денбар сообщил о своем открытии, также подтвердил, что это земля, и сейчас же послал за мной Эриксона. Я только что закончил определение нашего местоположения — северная широта $76^{\circ}43'20''$ и восточная долгота $161^{\circ}53'45''$, дрейф с 14 мая $5\frac{1}{2}$ миль на NO 16° — и записывал результаты. Конечно, я бросил все, выбежал вверх и действительно увидел небольшой остров, — первую землю, которую мы встретили с 24 марта 1880 года, т. е. за 14 месяцев. Наше плавание не будет совершенно бесцельным, так как нам, наконец, удалось открыть неизвестную еще землю, правда,

небольшую. Так как над островом справа или к северу от него стлался туман, то мы не думаем, что мы видели его полностью. Я немедленно определил пеленг¹ нашего острова NW 83°15'. Определить его расстояние от нас мы не смогли: если это плоскогорье то, может быть, 40 миль, а если остров гористый, то 80 миль; я рассчитываю, что через несколько дней удастся определить расстояние, а также решить, каким образом мы могли бы высадиться, завладеть островом и исследовать его. Мы больше 20 месяцев заперты в пловучей клетке, и возможность оказаться на твердой земле приводит нас в восторг. Конечно, мы не знаем, найдем ли на острове землю или камень. Какой смысл существования этого заброшенного среди ледяной пустыни островка — я не знаю, да меня это и не интересует. Во всяком случае, это земля, вулканического или иного происхождения, и мы сможем ее исследовать. Кроме того, сюда все время летели стаи гусей и уток, и, если нам удастся подстрелить их, у нас вместо консервированного мяса будет настоящий пир; на нашем острове в изобилии должны водиться медведи. В общем, с островом связаны все наши помыслы. Мы не спускаем с него глаз, стараемся угадать расстояние и с нетерпением ждем, когда попутный ветер приблизит нас к острову. Мы поверили бы охотно и тому, что на острове золотые россыпи, которые сделают нас богатыми, как государственное казначейство, но без его долгов. Я убежден, что большинство из нас перед сном внимательно вглядывается в остров, чтобы убедиться, что он еще не растаял. После двадцатимесячного дрейфа в паке, когда в течение 14 месяцев мы ничего не видали, кроме неба и льда, вполне понятно, что небольшая масса вулканических скал, как наш остров, радует глаз не меньше оазиса в пустыне. В сравнении с ошеломляющим открытием острова все прочие события дня теряют всякое значение.

17 мая. Попрежнему все наши помыслы сосредоточены на острове. Когда туман рассеялся, мы смогли лучше определить его вид: закрытая вчера туманом часть острова оказалась снеговым откосом, тянущимся на некоторое расстояние. Затемненные части — повидимому, скалы с трещинами или оврагами, в которые набрался снег. Самый высокий и наиболее отдаленный край — повидимому, вулканическая вершина. Наше положение сегодня — северная широта 76°43'38",

¹ Магнитное направление от наблюдателя к какому-либо предмету.

восточная долгота $161^{\circ}42'30''$, со вчерашнего дня дрейф в $2\frac{1}{2}$ мили на NW 83° , т. е. как раз к нашему острову. Измерение глубины показало 79 метров (грязь и галька). Максимум температуры -11° , минимум -20° . Какая приятная погода в середине мая!

18 мая. Северная широта $76^{\circ}44'40''$, восточная долгота $161^{\circ}30'45''$. Денбар утверждает, что к западу за нашим островом видны горы. Я несколько раз поднимался на марс и видел то же самое, но я не мог с уверенностью утверждать, что это не облако. Одно время мне показалось, что верхняя часть нашего острова спускалась, а затем поднималась, соединяясь снежной линией с хребтом за островом, но я не мог различить снежные вершины, которые Денбар видел до моего прихода.

Ясная, светлая, приятная погода. Восточный ветер крепчает, и похоже, что завтра будет еще сильнее. В 500 метрах к востоку от корабля появилась во льду трещина, но в полночь ледяные поля снова сомкнулись, причем на корабле в это время ощущались сильные толчки. Удалось подстрелить черную кайру. Бедную птицу привлекли небольшие каналы и трещины во льду, и вместо того, чтобы направиться к острову, она прилетела сюда.

19 мая. Востоко-юго-восточный ветер гонит нас с большой быстротой. Видна северная сторона нашего острова. В 9 час. 30 мин. в 17 метрах слева от носа корабля вскрылся лед, и образовался канал, шириною около шести метров, тянущийся около 3 миль к северу и югу. На северо-западе видны трещины и каналы. Осталось выяснить, в каком состоянии окажется лед к западу от нашего острова. Теперь под правым изгибом кормы и впереди параллельно с килем видны трещины.

20 мая. Северная широта $76^{\circ}52'22''$, восточная долгота $161^{\circ}7'45''$. Дрейф с 18 мая в 10 миль на NW 35° . Измерение глубины дало 77 метров.

Определил положение острова: северная широта $76^{\circ}47'28''$, восточная долгота $159^{\circ}20'45''$. Сильный востоко-юго-восточный ветер со скоростью до 21 мили в час. Температура -9° . В 8 час. 30 мин. корабль испытал удар под водой, около ахтерштевня,¹ вызванный, несомненно, дрейфующей ледяной глыбой.

¹ Вертикальный брус, заканчивающий корму корабля. Ахтерштевень переходит в киль, который с носа корабля образует так называемый форштевень.

21 мая. Мрачный, тоскливый день. Восточно-юго-восточный сильный ветер. Мне удалось взять близмеридиональную высоту и отсюда вычислить, что, во всяком случае, мы сделали 7 миль. Наш остров иногда четко появляется на горизонте. При настоящем положении остается только выжидать, чтобы ветер прекратился и мы могли бы выяснить, возможно ли высадиться на острове. Следует отметить таинственное исчезновение еще одной собаки, бесхвостого Лаутербаха. Уже несколько дней, как она скрылась и, вероятно, погибла.

22 мая. Корабль в 9 часов получил сильный удар.

23 мая. Заболел Чипп. Уже довольно долго он чувствовал себя плохо, ослабел и похудел, но ни за что не соглашался отказаться от выполнения своих обязанностей. Он с отвращением относился к лечению и лекарствам. По моему настоянию он все же принимал прописанное доктором укрепляющее средство. Но нельзя было ожидать, что лекарство, принимаемое в таких условиях и так неохотно, может принести какую-либо пользу, и в дальнейшем он совершенно прекратил лечение. Теперь он так похудел и стал таким нервным и беспокойным из-за постоянной бессонницы, что не может вставать с постели. Доктор думает поднять его в несколько дней, но я на это не надеюсь.

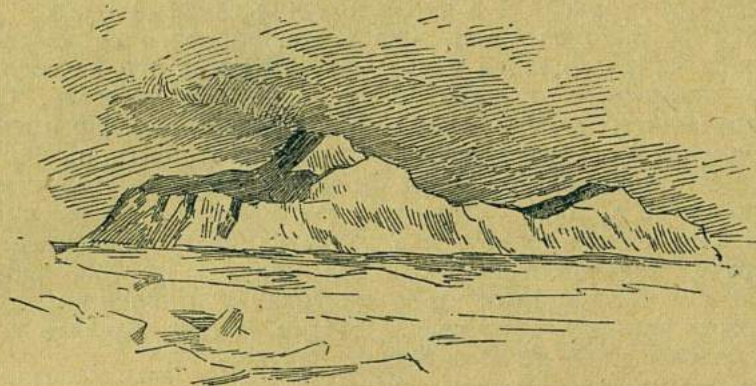
Падают мягкие большие снежные хлопья.

24 мая. Сегодня утром меня встретили двумя сообщениями: во-первых, земля видна еще в одном направлении, и, во-вторых, лед находится в очень разрыхленном состоянии, и на нем много больших водяных каналов. То, что 20-го в полночь мы приняли за землю, было действительно землей и, таким образом, оказывается, что нами открыт еще один остров, несколько более длинный, чем первый. Поднявшись на марс,¹ я мог хорошо рассмотреть оба острова и увидел столько воды, сколько не встречал с сентября 1879 года. Сильное разрыхление льда вызвано непрекращающимися ветрами. На льду выявилось много длинных разводьев шириной от шести до шестидесяти метров, а длиной от одной восьмой до 3 миль. Хотя все они идут в северо-западном и юго-восточном направлениях, но по ним наш корабль не может плыть, так как они не соединены между собою. При данных условиях я был бы доволен, если бы смог ввести корабль в одно из разводьев. Это дало бы нам передышку и позволило бы пополнить добычей наши запасы.

¹ Небольшая площадка примерно на середине высоты мачты.

Но, к несчастью, на пути 30 миль льда, который нельзя распилить или взорвать.

Водяные каналы дразнят нас несбыточными надеждами, так как они указывают на то, что мы могли бы сделать, если бы их было больше. Разводья заметны только вблизи нас или в радиусе 5 миль, острова же находятся на расстоянии 30 или 40 миль от нас, а лед между разводьями и островами попрежнему плотен и неприступен.

Остров Жаннеты по наброску Мельвилля

Тем не менее, мы использовали разводья, как только могли. Были спущены железный ялик и две байдары, и охотничьи отряды отправились на охоту за тюленями и за птицами. Охотники перетаскивали на плечах лодки из одного канала в другой. Во время переноски одна из лодок соскользнула и навалилась на Джона Лаутербаха — угольщика, сильно придавив ему спину. Старая поговорка говорит: „пришла беда, открывай ворота“... Только что у нас заболел Чипп, как теперь появился еще новый больной. Когда я увидел, как Лаутербах шел, поддерживаемый товарищами, я подумал, не застрелил ли его случайно кто-нибудь или не выстрелил ли он сам в себя по неосторожности. Я в тревоге побежал навстречу. Некоторое время нельзя было выяснить, в чем дело, так как сильная боль мешала ему говорить. Доктор констатировал сильный вывих поясницы; других повреждений нет, и Лаутербаху придется только вылежать несколько дней.

Северная широта $77^{\circ}16'$, восточная долгота $159^{\circ}33'30''$. С 20 мая дрейф в $32\frac{1}{2}$ мили на NW 41° , т. е. 8 миль в день. В начале года мы находились на $73^{\circ}48'$ широты и $177^{\circ}32''$ восточной долготы и продвинулись, таким образом, на 310 миль к северу, так что не приходится жаловаться на медленность нашего продвижения. Сравнительно приятная температура -3° .

Измерение глубины показало 73 метра. Сегодня приступили к сборке ветряного двигателя. Надо, чтобы он был готов к летней работе. Чипп попрежнему очень слаб и поэтому должен оставаться в постели. Я принял все меры, чтобы ничто его не беспокоило, — обернули ножки у кресел, перестали пользоваться судовым колоколом. Таким образом, ему предоставлен полный покой.

Остров Генриетты по наброску капитана Де-Лонга

25 мая. Выздоровление наших больных подвигается медленно. Чипп все еще очень слаб и по распоряжению врача должен лежать в постели. В положении Даяеновера нет изменений, если не считать простуду, из-за которой он все время, за исключением часов еды, находится внизу. У Алексея язва заживает, и теперь у него на ноге только небольшое открытое отверстие. Остальные чувствуют себя хорошо, и ни у кого нет никаких признаков цынги. Сегодня много каналов закрылось, за ночь лед сомкнулся. Оба острова видны так отчетливо, что мы могли определить их очертания, о чем свидетельствуют оба наброска.

26 мая. Мрачный, угрюмый день, небо заволокли облака. Северо-северо-западные ветры дуют с перерывами. До 18 часов не видно было островов, потом они показались из густого тумана. Лед становится все более разрыхленным, появляется много несоединенных между собой прудов и каналов. Для нас они пока бесполезны. Мы воспользовались ветром и после полудня воду все время откачивал ветряной двигатель, а вахта могла отдохнуть. Долгие месяцы откачивания вручную заставили всех возненавидеть эту работу.

27 мая. Северная широта $77^{\circ}14'45''$, восточная долгота $159^{\circ}16'$. С 25 мая дрейф в 5 миль к юго-западу. Благодаря этому мы сильно приблизились к нашему второму острову. Очень досадно смотреть на прекрасную бухту и не иметь возможности ее достичь. Измерение показало 71 метр, легкий дрейф к юго-западу. Так как ветер очень слаб, пришлось снова откачивать вручную.

28 мая. 73 метра глубины; неприятная температура: максимум -9° , минимум -7° . Меня попрежнему беспокоят наши больные. Чипп очень слаб, и потребуется еще много времени, чтобы его поднять. Что касается Даненовера, то он, конечно, как работник для нас потерян. Алексей медленно поправляется. У Лаутербаха вывих спины тоже проходит очень медленно. Я чувствую приближение критического момента в нашем плавании.

29 мая. Ветряной двигатель работал сегодня хорошо, и команда свободна от бесконечного откачивания вручную. Из-за продолжающейся мрачной погоды я не могу определить наше положение, а это было бы сейчас особенно желательно, так как мне надо определить положение острова Генриетты. С палубы очень трудно определить его очертания, так как ледяные торосы и хребты высоки и тянутся непрерывно и только иногда удается видеть ровную землю. Кроме того, земля сильно похожа на черные места на льду, и поэтому их можно принять за землю. Сегодня, к нашему изумлению, громадная стая уток пролетела совсем низко по направлению к северу, где, по моим предположениям, должна быть земля. По нашему подсчету, их было до пяти-сот; такой многочисленной стаи мы до сих пор не встречали. Собаки бросились за утками, но вода заставила их повернуть.

Лед снова сомкнулся, так как восточный ветер привел его в движение; все каналы закрылись.

30 мая. Решил отправить отряд, который попытается высадиться на острове Генриетты. Мы устали ждать возможности произвести наблюдения, чтобы определить положение острова. Я считаю, что, по всей вероятности, он находится на расстоянии 20 миль к юго-востоку. Я не скрываю от себя, что путешествие будет очень трудным, но рассчитываю, что отряд из 2 офицеров и 4 человек команды, с 15 собаками, с санями, с легким яликом для переправы и с провизией на 7 дней, достигнет цели — произведет высадку, составит отчет о нашем положении и, если возможно,

привезет хороший запас птиц. В моем распоряжении только один офицер — Мельвилль, и поэтому это задание будет возложено на него. Чипп и Даненовер больны, их не только нельзя послать, но без меня они не могут оставаться на корабле. Доктор не может оставить больных, а я не имею права оставить корабль на попечение Денбара, единственного моряка, который мог бы справиться с этой задачей. Учитывая все это, я назначил начальником отряда Мельвилля. Он отправится завтра утром с Денбаром, Ниндеманном, Эриксоном, Бартлеттом и Шарвеллем.

Стоит попрежнему хорошая погода, легкий ветер, барометр поднимается. Я думаю, что мы с кораблем все время дрейфуем к острову.

Завтра я подробно опишу приготовления к отъезду отряда. Сегодня Свитман по моему распоряжению снял бортник с правой стороны камбуза, а команда начала рыть ров вокруг корабля. С собачьим кормом становится туго. Бракованная мука, рыба и другие съедобные предметы кончились. Мы пробовали кормить собак чем попало и, наконец, дошли до сушеного картофеля. Но с ним дело обстоит неважно. Несмотря на то, что это превосходное противочынготное средство, собаки не хотели есть картофель и, как бы они ни были голодны, от картофеля отворачивались с отвращением и уходили прочь. Необходимо было что-нибудь предпринять. Я приказал выдавать из судовых запасов по 200 граммов английского пеммикана и по 200 граммов кукурузы на каждую собаку через день. Чтобы ограничить выдачу такого ценного корма, я распорядился пристрелить 3 собак, старых и потерявших работоспособность. Конечно, я сожалею, что вынужден был так поступить, но нельзя допустить, чтобы ценный корм уничтожался собаками, которые не могут работать.

31 мая. Все было готово к 9 часам, и отряд под командой Мельвилля отправился в путь. В состав отряда входили Денбар, Ниндеманн, Эриксен, Бартлетт и Шарвелль. Материальное снаряжение отряда заключалось в следующем:

15 собак	5 столбов для палатки
17 килограммов американского пеммикана	84 килограмма английского пеммикана
8 килограммов свиных ног	17 килограммов хлеба
1 сани	1 походная плита и посуда
1 ялик	6 спальных мешков
1 палатка	4 килограмма сардин

18 килограммов бараньего отвара	2 резиновых мешка
2 килограмма кофе	6 вещевых мешков
300 граммов чая	2 ружья
2 килограмма шоколада	2 револьвера
4 килограмма сахара	Секстан
Искусственный горизонт	Флаг
Призматический компас	Лекарства
Бинокль	

Мы все собрались на льду и приветствовали отряд. Они бодро двинулись вперед и дошли до разводья, где должны были устроить переправу. Несколько собак убежало и вернулось к кораблю, но я сейчас же отправил их обратно. Я часто поднимался на марс и около 18 часов увидел отряд на расстоянии 5 миль от корабля. Здесь отряд, повидимому, сделал привал. Амблер дал отряду ряд указаний, я со своей стороны предложил Мельвиллю почаще давать отряду отдыхать, следить за тем, чтобы не было случаев снежной слепоты, и избегать пользоваться для питья снегом с поверхности льда. На случай, если бы не хватило дистиллированной воды, Мельвилль должен был соскабливать кристаллы с верхушек торосов. На грот-мачте у нас был поднят большой четырехугольный черный флаг, размером в 3 метра 45 сантиметров, чтобы Мельвилль мог по нему ориентироваться.

Через 48 часов после отбытия отряда каждые 4 часа будут производиться выстрелы, а на третьи сутки в полдень при ясной погоде будет зажжен костер из такого материала, горение которого обеспечило бы появление сильного дыма. На острове Мельвилль не должен был оставаться более 24 часов. Наконец, я предложил ему возможно точно выполнять мои письменные распоряжения. Нельзя отрицать, что задача, поставленная перед отрядом, связана с некоторым риском, но погода хорошая, преобладает легкий северный ветер, и наш дрейф направлен прямо к острову.

Мне надо знать: имеется ли на острове бухта, где корабль может пристать, чтобы починить течь; есть ли на острове животные и птицы, чтобы пополнить наши убывающие запасы, и сможем ли мы, в случае катастрофы, прожить на острове и оттуда направиться дальше к сибирскому побережью; не видна ли с вершины еще какая-нибудь земля и что, наконец, видно за островом — бесконечный ли лед или вода.

Мне надо знать, каковы наши возможности в случае вскрытия льда. Экспедиция на остров даст нам ответ на

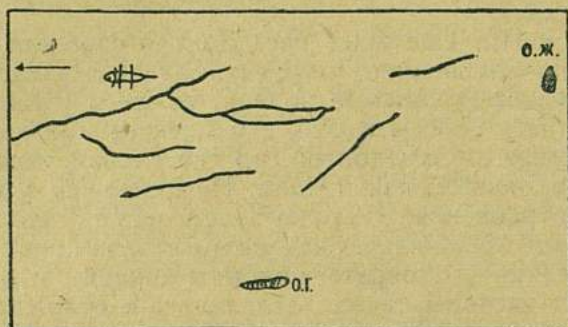
все эти вопросы и позволит водрузить наш флаг на вновь открытой части света. Я считаю, что риск, связанный с экспедицией, находит себе оправдание.

После полудня погода прояснилась, и я мог определить положение острова. Остров Жаннеты находится слева от нас на SO 11°, а остров Генриетты справа на SW 51°, что подтверждает мое предположение о том, что мы идем к последнему острову и наш курс пролегает между обоими островами.

Измерение показало глубину в 71 метр, легкий дрейф к юго-юго-западу; месяц оканчивается низкой температурой в —12°. Лаутербах сегодня вернулся к исполнению своих обязанностей.

1 июня. Что еще ждет нас? Доктор сообщил мне сегодня, что, по его мнению, у нас есть случаи отравления свинцом. У Ньюкомба сильные колики, то же и у Кюне. Повар чувствует себя совсем плохо, а у Алексея признаки такого же отравления... Сам доктор, по его словам, тоже не совсем здоров, так же, как и Чипп. Не менее чем у 6 человек признаки отравления, и мы не знаем, нет ли таких же случаев в отряде Мельвилля. Сначала мы искали причину в воде, так как спайки у аппарата покрыты свинцом и могло случиться, что частицы свинца отделились и отложились в резервуаре. Затем я осмотрел всю посуду, в которой носят воду и готовят чай и кофе. Я запретил пользоваться посудой, запаянной свинцом, и заменил ее чугунной посудой, облицованной фарфором. Но затем, осмотрев томаты, мы убедились, что в них больше следов свинца, чем в воде, и надо полагать, что недомогание вызвано потреблением томатов. Закрывающаяся в томатах кислота, действуя на спайку, образует вредное соединение. Так как, начиная с 4 мая, у нас ежедневно к обеду были томаты, то мы ввели в организм слишком много свинца, что и вызвало заболевание. Томаты ели все, и то, что большинство не заболело, объясняется, по-моему, большей их сопротивляемостью. Выяснилось, что повар, который чувствует себя хуже всех, очень любит томаты и поедает их в большом количестве. Правда, мы и до 4 мая часто ели томаты без всякого вреда для себя, но это ничего не доказывает. Возникает еще один интересный вопрос: все наши консервированные фрукты должны оказывать одинаковое химическое действие на свинцовую спайку, и, несомненно, мы в большей или меньшей дозе всегда вводим в свой организм свинец. Неужели это

химическое действие начинается лишь к концу второго года? Это очень важный вопрос для арктических экспедиций. Спрашивается, к чему в течение 2 лет принимались меры против цынги, если на третий год вас прикончит обессиливающее свинцовое отравление? Доктор утверждает, что лекарство может смягчить самые сильные приступы, но что постоянное употребление свинца вызывает паралич, а с такой болезнью трудно бороться на арктическом корабле. Однако, учитывая, что при употреблении томатов 4 раза в неделю, с нами ничего не случилось, я велел возобновить выдачу томатов, чтобы выяснить, какие это вызовет последствия.

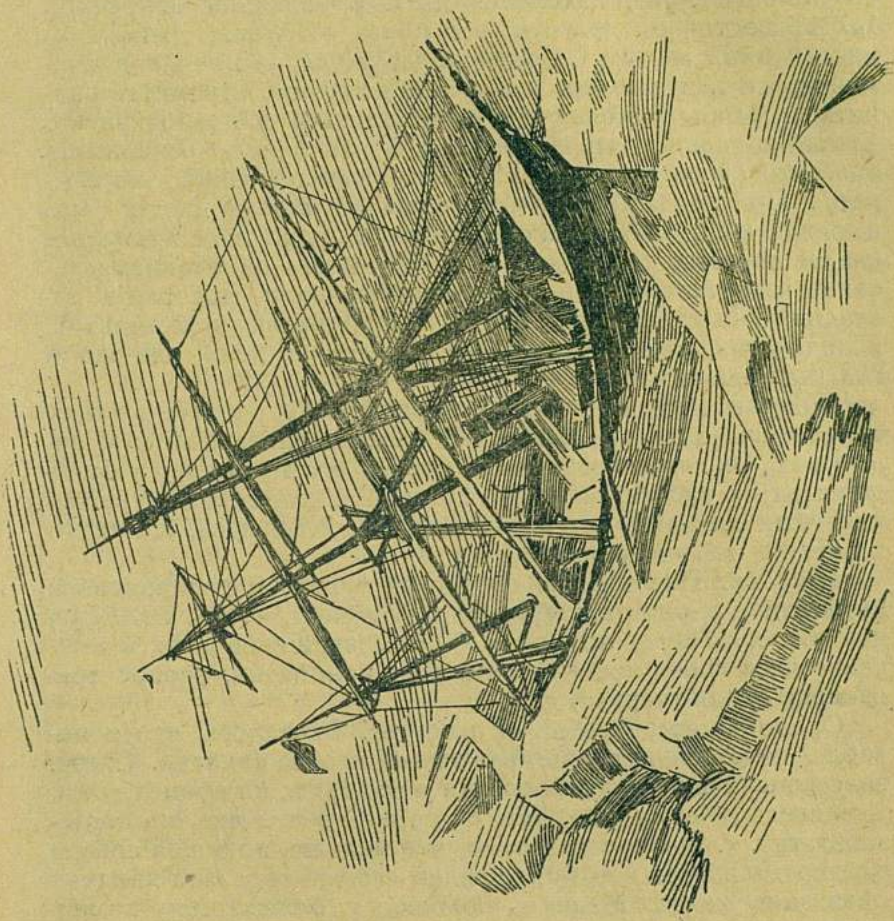
Дрейф мимо островов Жаннеты и Генриетты

Мы неуклонно идем к острову Генриетты, а остров Жаннеты оказывается с левой стороны. После полудня с верхней палубы мы увидели наш отряд. Повидимому, он был уже на полпути к острову. Мрачный, скучный день. Температура максимум -9° , минимум -13° , подходящая температура для июня. Лед становится все более разреженным, в 20 метрах к западу от корабля показалось разводье, идущее на милю к северо-западу и юго-юго-востоку.

2 июня. Остров Генриетты весь день был виден совершенно отчетливо. Он расположен на расстоянии не более 8 миль от нашего судна.

Отравившиеся свинцом постепенно оправляются, стюард — медленнее других. Передвижки льда не наблюдается, и все разводья затянулись коркой льда.

3 июня. Никаких вестей о Мельвилле и о его отряде. Я знаю, что он не может вернуться раньше завтрашнего вечера, и все же не могу удержаться от беспокойства. Остров

Гибель „Жаннеты“

Генриетты, к которому мы приближаемся, отчетливо виден весь день. Сегодня мы находимся на $77^{\circ}13'$ северной широты и $158^{\circ}12'$ восточной долготы. Южный край острова, по моему определению, находится на $77^{\circ}8'$ северной широты и $157^{\circ}43'$ восточной долготы, в 8 милях от судна; дрейф с 25 мая 19 миль на 74° . Сегодня обнаружили, что лед под кормой треснул, и пришли к выводу, что судно стремится подняться. Чтобы помочь судну освободиться и предотвратить слишком сильное давление на киль, мы начали откалывать лед. Это очень трудная работа, так как лед тверд, как камень. При подъеме судна из швов во многих местах была вырвана конопатка и на окружающем судно льде виднелись следы древесного волокна. Сегодня насосы на шканцах в течение часа выкачивали застоявшуюся воду, которая в последние дни стала дурно пахнуть. Определив число взмахов, я подсчитал, что течь дает 4872 галлона в день, или около 203 галлонов в час.

Повар совсем выздоровел и приступил к работе, а Чиппу снова стало хуже. У Ньюкомба очень подавленный и мрачный вид. Он сильно страдал. Странно, что до сих пор у большинства из нас нет никаких признаков свинцового отравления, хотя питались мы все одинаково. Я надеюсь, что никто из отряда не пострадал.

4 июня. После 15 часов густой туман. Я распорядился выкатить и зарядить нашу медную пушку, чтобы дать сигнал отряду. Перед полуднем было совершенно ясно, и в течение часа горел костер из смолы и конопатки, распространявший густой черный дым.

Около 14 часов раздался выстрел. Оказалось, что к кораблю подошел медведь. Вахтенный его не заметил. Старр, находившийся на льду, бросился к медведю, но промахнулся, и медведь убежал. За ним пустились в погоню, но безрезультатно. Старр рассказывает, что медведь подошел совсем близко к собакам, но они, увидев его, не подавали никаких признаков жизни. Медведь подошел к ближайшему столбу и стал тереться о него спиной, но, увидев Старра, начал отступать. Когда пуля просвистела над его головой, медведь ускорил бег и скрылся. Очевидно, его привлек дым. В 4 часа с судна дали условленный сигнал из пушки. К 20 часам совсем прояснилось, но отряда не было видно.

5 июня. В 6 часов Мансон, стоявший на вахте, увидел отряд. Я вышел на палубу. Шелковый флаг мелькал между торосами, отмечая продвижение саней по льду. Я распоря-

дился поднять флаги, команда вышла, чтобы встретить путешественников. Спустившись на лед, я попробовал выстрелить из пушки, чтобы дать знать отряду, что его заметили. После двух неудачных попыток я поручил команде произвести выстрел, а сам вернулся на борт. Я был уже у грот-мачты, когда раздался сильный взрыв. Чтобы определить, наш ли это выстрел или выстрел отряда, я поднялся на мостик, но вдруг получил ужасный удар по голове. Оказывается, что меня ударило крыло ветряного двигателя, который вращал сильный ветер, дувший со скоростью до 10 миль в час. Ошеломленный, я потащился назад, заливая кровью лестницу и шканцы. Квартирмейстер в тревоге бросился ко мне. Мне казалось, что голова моя рассечена. Я велел стюарду принести таз воды и попросил его осмотреть рану. Мне не хотелось создавать лишнее беспокойство, но я понял, что мне нужно показать врачу свою рану. Доктор Амблер пришел ко мне в каюту и нашел, что на голове глубокий разрез в 10 сантиметров. Пришлось наложить швы и пластырь, и только после этого я мог уделить внимание возвращавшемуся отряду.

Увидев, что все 6 путешественников живы, я успокоился. Отряд, повидимому, остановился для отдыха. Я распорядился, чтобы Коль с частью команды отправился их встретить и оказать им помощь. В 8 час. 50 мин. прибыла собачья упряжка с тремя из 6 участников отряда. Мельвилль и Шарвелль остались у лодки. Денбара привезли на санях, так как он заболел снежной слепотой на третий день путешествия. Мне доставили записку от Мельвилля, и навстречу отряду я отправил матросов с запасными санями под командой Свитмана, а через некоторое время вместе с доктором сам пошел навстречу. В 21 час 40 мин. весь отряд, усталый и измученный, был на борту.

Записка Мельвилля: „10 час. 30 мин. Только что у саней поломались полозья, я разгрузил лодку. Сейчас мы среди льдов. Прошу немедленно выслать сани. Высадились на острове в 5 час. 10 мин. три дня тому назад. Мельвилль“.

Отряд высадился на острове 2 июня и, водрузив шелковый флаг Соединенных штатов, вступил во владение островом от имени Соединенных штатов. Остров получил название „остров Генриетты“. На острове отряд установил гурий, в который вложил посланный мною отчет, и свое недолгое пребывание использовал для осмотра острова и для осмотра растений.

Остров представляет безлюдную скалу со снежной вершиной. Восточная сторона вершины покрыта ледниками. Кроме гнездящихся на скале голубей, никаких птиц не обнаружено. В качестве трофея на корабль доставлено немного травы и мха, а так же кусок скалы. Из-за крутизны подъема не удалось взобраться на вершину утеса.

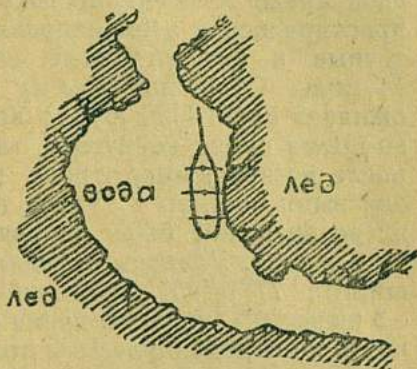
Путь на остров был чрезвычайно труден, так как от корабля его отделяют тяжелые льды. Приходилось прокладывать дорогу во льдах, устраивать сложные переправы, разгружать и снова грузить сани, тащить которые было очень тяжело. Вблизи острова лед находился в движении. На кромке твердого льда Мельвилль оставил запасы и сани и, захватив инструменты и провизию на день, решил, рискуя жизнью, двинуться по грозному льду. Собаки отказывались идти, и их приходилось тащить. Настойчивость Мельвилля свидетельствует об огромном мужестве и заслуживает всяческой похвалы.

Я в приказе дал имя обоим островам и установил их положение. Остров Жаннеты, открытый нами 16 мая,—северная широта $76^{\circ}47'$, восточная долгота $158^{\circ}56'$. Остров Генриетты (открыт 24 мая)—северная широта $77^{\circ}8'$, восточная долгота $157^{\circ}43'$.

В 10 часов прочел военный устав и осмотрел корабль. Теперь у нас целый лазарет: Чипп, Даненовер, Ньюкомб, Денбар, Алексей и, в придачу, я сам. Доктор рекомендовал мне не ходить ночью в обсерваторию, чтобы не простудиться. Надеюсь, что как только я оправлюсь от последствия своей раны, я снова смогу работать.

6 июня. Весь день льды вокруг судна были в движении, но у нас все было спокойно, и мы оказались на западном краю ледяного острова в 100 метрах от самой кромки. Лед за островом представлял груды движущихся, падающих и грохочущих айсбергов, напоминавших нам наши переживания в ноябре 1879 года. Очевидно, мы проходим мимо северного берега острова Генриетты и идем к западу. Наш остров имеет неправильную форму и протяжение около мили в длину и около полумили в ширину. Вблизи нас местами много воды, но она не представляет сплошного водного пространства. Если бы судно было на воде, нам было бы гораздо хуже. Не было ни одного канала, идущего к острову Генриетты. За исключением нашего небольшого островка, все кругом пришло в движение, и если бы даже и был канал, им все равно нельзя бы было воспользоваться.

Канал и разводья то открывались, то вновь закрывались, и только по внезапному появлению глыб льда вышиной в 6 или 9 метров можно было судить о том, что канал закрылся; неожиданно же обрушивающаяся снежная насыпь, наоборот, указывала на появление канала. Среди всего этого калейдоскопа явлений мы, как всегда, сохраняли спокойствие. Наш остров медленно и величественно двигался среди унылой пустыни. Если бы наше ледяное поле разрушилось и мы были бы предоставлены воле ветров, наступил бы самый критический момент нашего путешествия. Только чудом могли бы мы избежать гибели и выбраться с корабля. Мы не могли рассчитывать, что нам удастся спустить боты в зияющую пропасть или спасти припасы. Во время похода к острову, Мельвиллю как раз пришлось встретить такой лед. Мельвилль рассказал мне, что когда он помогал Денбару перебраться через большой торос, лед под ними раскололся, и торос погрузился в воду; им едва удалось спастись, перепрыгнув с тороса на лед. На всякий случай я велел поднять на борт паровой катер и ялик.

Положение судна перед последним сжатием

Измерения обнаружили глубину в 69 метров. Умеренный дрейф к юго-западу. Северо-восточный ветер со скоростью от 10 до 12 миль в час. Сильный туман помешал нам определить быстроту нашего дрейфа и после 15 часов совершенно окутал остров.

7 июня. В 10 часов туман, наконец, рассеялся, и прямо перед собой мы увидели справа остров на расстоянии около 4 миль на SW 80°. Очевидно, мы проходили мимо северного берега острова. Вчерашнее движение льда успокоилось, и только нагроможденные между нами и островом ледяные глыбы указывали, что битва продолжалась еще ночью. Виденные накануне обширные водные пространства закрылись, а большое водное пространство на западе от нашего ледяного острова совсем исчезло. С этой стороны нас окружал

длинный хребет из ледяных глыб в 180 и 215 сантиметров толщиной, указывая место столкновения льдов. Мы ничего не слышали, хотя все произошло в 150 метрах от нас. К югу и юго-западу видно было большое водное пространство. В том же направлении тянулись не связанные друг с другом каналы. Одолев сопротивление, оказанное им островом Генриетты, льды снова сомкнулись и возобновили привычный свой дрейф к северо-востоку. Беспредельное ледяное поле простиралось в этом направлении. Глубина 66 метров. Восточные и юго-восточные ветры со скоростью от 10 до 14 миль. Судя по общему положению, нас, повидимому, ожидает буря. Наш отряд во-время отправился к острову и во-время сумел вернуться, так как на следующий же день после возвращения отряда дрейф возобновился. Если бы они запоздали, то в тумане и при возобновившемся дрейфе их возвращение было бы связано с большими опасностями.

8 июня. Удалось определить наше положение: северная широта $77^{\circ}14'45''$, восточная долгота $156^{\circ}41'30''$. Дрейф с 3 июня $20\frac{1}{2}$ миль. Во время отсутствия отряда наша льдина почти не передвинулась, и поэтому большая часть этого расстояния проделана за последние 3 дня. Измерения глубины показали 62 метра, быстрый дрейф к западо-юго-западу. На месте северной и восточной стороны нашего острова остался небольшой канал воды. Ледяное поле кажется беспредельным. Мы оставляем остров Генриетты к востоку, и через несколько дней он скроется из виду. Так как мы уже прошли его, то остров можно назвать „делом прошлого“ (пожалуй, это неудачная шутка, но с тех пор, как меня ударило крыло ветряного двигателя, я не способен на лучшую).

Свежий востоко-северо-восточный ветер со скоростью от 15 до 17 миль в час. Алексея сегодня вычеркнули из списка больных, но он еще находится под наблюдением врача.

9 июня. Северная широта $77^{\circ}14'20''$, долгота $156^{\circ}7'30''$. Со вчерашнего дня дрейф в $7\frac{3}{4}$ мили на SW 87° . Глубина 70 метров. Ясная, солнечная, приятная погода. Востоко-северо-восточный ветер со скоростью от 15 до 11 миль в час. В 23 часа на корабле ощущалось сильное колебание. В 23 часа 30 мин. прежний восьмидесятиметровый канал расширился на 3 метра. В полночь вокруг нас раздался страшный треск и грохот, и, решив, что на этот раз мы гибнем, я бросился на палубу.

Глава XII

ОСТАВЛЕНИЕ КОРАБЛЯ

11—25 июня 1881 года

До сих пор наш рассказ был основан на дневнике, который капитан Де-Лонг вел в дополнение к корабельному журналу. Со времени оставления корабля Де-Лонг вел только дневник, и последующее изложение, за исключением первой записи, взятой из корабельного журнала, ведется на основании этого дневника.

10 июня. В 12 час. 10 мин. внезапно вдоль корабля вскрылся лед, и корабль выпрямился, Киль принял правильное положение. Немедленно была собрана вся команда, и мы перенесли на лед оставшиеся на корабле предметы. Судно почти приняло свою нормальную осадку — 265 сантиметров у носа и 380 сантиметров у кормы. Под килем виднелась громадная глыба льда. При первой же тревоге были закрыты все проходы в водонепроницаемых переборках; количество поступающей в судно воды уменьшилось, и видна была только небольшая струя воды, просачивающаяся на корме; так как около нас было много больших водных пространств, то решено было поставить руль, чтобы быть готовыми отплыть при первой же возможности. Стоило значительного труда удалить лед, скопившийся вокруг рулевых болтов, но в конце концов руль был прилажен, и все было готово, так что корабль мог идти под парусами. Насколько было видно, в кормовой части корабля не было никаких повреждений. При осмотре же носа оказалось, что с правой стороны был поврежден один шпангоут.¹

¹ Деревянный брус, являющийся как бы одним из ребер корабля. Шпангоуты составляют так называемый „набор судна“, который обшивается досками, образующими его борт.

Иных повреждений не было видно. Я полагаю, что уменьшение течи объясняется тем, что обшивные доски, отставшие от давления тяжелого льда на нос, как только льды разомкнулись, снова сошлись и закрыли отверстие. Линия или, скорее, уровень воды была ниже жилой палубы. Мы не предвидели никаких затруднений, считая, что, если бы корабль освободился от тяжелого пакового льда Ледовитого океана, он смог бы достичь какого-нибудь порта. Измерение глубины показало 60 метров, грязное дно, быстрый дрейф к западо-юго-западу.

11 июня. В 7 час. 30 мин. лед начал двигаться к левому борту, но, пройдя полметра, остановился. Одна смена втащила тяжелую льдину в небольшой канал слева, чтобы канал, закрывшись, мог принять на себя большую часть давления. В 10 часов лед начал наступать на левый борт, льдины выдержали давление, а затем все успокоилось.

В 16 часов лед начал с громадной силой напирать вдоль всего левого борта и прижал корабль ко льду с правой стороны, заставив „Жаннету“ наклониться на 16° на правый борт. Раздавшийся у бункеров и у обшивки правого борта треск и обнаруженное расхождение потолочных пазов заставляли предполагать серьезное повреждение корабля. Я распорядился спустить боты с правой стороны и оттащить их подальше от корабля на ледяное поле. Приказ был выполнен быстро и без какого-либо замешательства. Лед, наступая на левый борт, двигался и к корме. Она оказалась приподнятой слева, а справа придавленной к тяжелому льду и не давала всему кораблю возможности подняться.

Мельвилль обнаружил в машинном отделении разрыв, проходящий через все судно. От сжатия с левой стороны корабль раскалывался надвое, корму же и правую часть крепко сдерживали льды. Вода стала быстро наполнять правые угольные бункера; это указывало на то, что корабль разрушен. Я велел выгрузить на лед половину пеммикана из рубки и весь хлеб, бывший на палубе. Собаки и сани были спущены на лед. В 4 часа 30 мин. наблюдалось временное затишье, сжатие прекратилось. У нас возникла было мысль, что лед соединился под кораблем, что нам не угрожают дальнейшие повреждения и мы сможем заняться судном. Крен корабля на правую сторону достигал 22° , спереди корабль был поднят на 140 сантиметров, вся левая часть носа была тоже приподнята на 137 сантиметров. Рано утром сквозь воду мы обнаружили, что с правой стороны у носа

основание было отогнуто на 30 сантиметров. Отсюда ясно, что 19 января 1880 года сжатие шло слева направо, а не наоборот, как мы предполагали.

В 17 часов сжатие возобновилось с ужасающей силой, весь корабль трещал. Спардек начал подниматься кверху. Немедленно последовало распоряжение перевести больных в безопасное место, вынести припасы, одежду, постельные принадлежности, корабельные журналы и бумаги. В 18 часов после нового невероятного сжатия судно начало наполняться водой. Все наши усилия были направлены к переброске припасов и т. п. на лед, и работа не прекращалась, пока вода не поднялась до спардека. Корабль накренился до 30°. Вся правая сторона спардека находилась под водой, перила также были залиты водой, уровень которой достигал люковых комингсов.¹ Правая часть судна была, очевидно, разломана у грот-мачты, и корабль стал быстро погружаться. На бизани² был поднят кормовой флаг. Все приготовления были закончены, и в 20 часов был дан приказ всем оставить корабль. Мы собрались на ледяном поле, оттащили боты и припасы подальше от трещин и расположились лагерем. Подсчет наших запасов показал, что мы имеем:

1980 килограммов американского пеммикана.	7 килограммов пикулей.
448 килограммов черствого хлеба.	50 " шоколада.
260 галлонов спирта.	14 " какао.
40 килограммов колотого сахара.	82 " табаку.
160 " сахарного песку.	19 " телятины.
40 " чая.	18 " ветчины.
37,5 " бараньего супа.	60 " сыра.
70 " бараньего отвара.	84 " молотого кофе.
60 " мясного экстракта Либиха.	24 " кофе в зернах.
100 килограммов консервированных цыплят.	75 бутылок солодового экстракта.
57 килограммов консервированных индюков.	1½ бочонка лимонного сока.
14 килограммов кукурузы.	2000 патронов для ружей.
5 " свиных ног.	1 галлон виски.
13 " языка.	1 галлон водки.
17 " лука.	2 галлона виски с лимонным соком.
	7 бутылок коньяку.
	Первый катер.
	Второй катер.
	Первый китобойный бот.

¹ Невысокие сплошные загородки, окружающие все большие отверстия в палубе корабля, как, например, люки, трюмы, угольные ямы и т. п. Комингсы служат препятствием для проникновения воды в палубы внутри судна.

² Задняя мачта корабля.

Железный ящик.	3 саней.
Ялик Мак-Клинтока.	4 саней Мак-Клинтока.
33 запакованных вещевых мешка.	2 саней с острова Михаила.
6 палаток.	2 ящика с лекарствами и медицинскими инструментами.
Спальные мешки.	
5 печей для варки пищи.	

В полночь я дал сигнал ко сну.

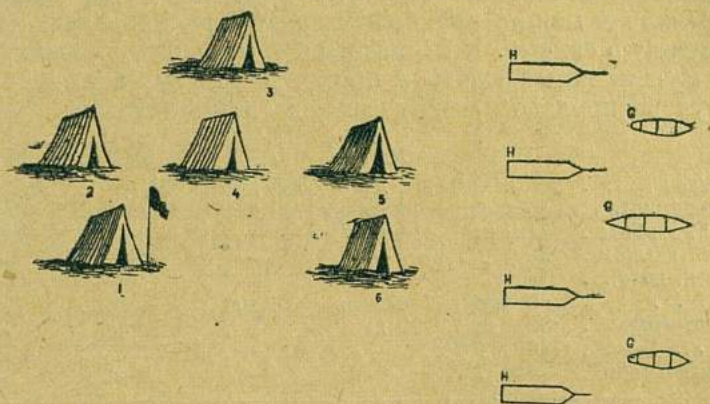
Мы ужинали на новом месте. Всю находившуюся на корабле питьевую воду удалось своевременно перенести на лед и ее хватило до ночи. Теперь же, конечно, приходится откабливать лед. Мы выбираем самые старые и высокие торосы и разыскиваем отломанные кристаллы, но пока их немного, так как солнце не успело вызвать значительного таяния.

Снег и, вернее, лед имеют вкус свежей воды, но доктор, производя пробу азотнокислым серебром, установил, что такая вода содержит слишком много соли. Однако, нам остается одно — бороться с этим злом с помощью лимонного сока. В настоящее время мы прекрасно питаемся, у нас нет тяжелой работы, и мы чувствуем себя великолепно, если не считать легких признаков прежнего отравления свинцом. В 20 часов — 7°, очень сыро. Северо-западный ветер. В 22 часа поставили дежурного и улеглись.

14 и юня. Все поднялись в 7 часов, позавтракали и в 9 часов приступили к работе. Из каждой палатки было выделено по 2 человека, и они, под руководством Мельвилля, начали отбирать шестидесятидневный запас припасов и отдираť деревянную упаковку. Доктор распределил лимонный сок между 2 катерами и китобойным вельботом. Денбар с 2 матросами втащил и привязал 3 саней Мак-Клинтока, подготовив их к погрузке. Остальная команда занялась приготовлением обмоток для ног и укорачиванием спальных мешков. Выздоровление больных идет медленно. У Алексея сильные желудочные боли и рвота. Кюне совсем ослабел. Они оба лежат в своих спальных мешках. Чипп выглядит бодрее.

Ясная, светлая, приятная погода. Северо-северо-восточный ветер. В 10 часов — 7° в тени. (Ночью минимальная температура — 11°.) К северу виднеются перисто-слоистые облака. К югу легкие массы тонкого тумана указывают место разводя. Я предполагаю, что мой карманный барометр не в порядке. В полдень широта 77°16' северная, температура — 5° градусов в тени (на солнце температура поднимается до — 1°). В 4 часа ветер не меняет направления, темпе-

ратура — 4° в тени. Большие клубы тумана поднимаются во всех направлениях и относятся ветром. Можно подумать, что они указывают на общее вскрытие льда. В 13 часов победили. В 14 часов начали погружать 5 саней. Разделили 1580 килограммов пеммикана и 200 галлонов спирта и, приготовив мешки для недельного запаса, начали их наполнять. Ежедневная выдача чая — одна унция, кофе — две унции и сахара две унции. Для точного установления веса мы определяли вес унции по медицинским весам и с помощью пуль

План лагеря на льду

1—Главная квартира. 2—Де-Лонг. 3—Чипп. 4—Даненовер. 5—Мельвилль.
6—Амблер. H—сани. G—боты.

доходили до 200 граммов. С помощью палки и 2 пустых жестяных банок из-под консервов мы устроили весы и до ужина провозились, взвешивая запасы на неделю. В 18 часов определили восточную долготу $153^{\circ}58'45''$, дрейф с 12 июня — $13\frac{1}{2}$ миль на 84° . Пока все идет хорошо. Все веселы, бодры, и в нашем лагере царит оживление. Он устроен так, как показано на рисунке.

После ужина не работали: только распределили между палатками 10 ружей. В первом катере будет 4 ружья, во втором также четыре и в китобойном вельботе — два. В 20 часов легкий северо-северо-восточный ветер. Температура — 8° в тени. Улеглись в 22 часа.

15 и июня. Встали в 7 часов, позавтракали в 8 часов, приступили к работе в 9. В 8 часов северный ветер. Температура — 5° в тени. Мрачная, туманная погода; после 10 часов

прояснилась, и настал яркий, солнечный день. Ночью было холодно — минимум температуры — 12°. Я спал неважно, никак не удавалось хорошо закутаться в спальном мешке, остальные все бодр и прекрасно выспались.

С большими обстоит так: Чипп, по его словам, чувствует себя лучше, он хорошо спал и бодр. Даненовер, несмотря на большой глаз, хватается за всякую работу, но, конечно, я не могу возложить на него определенных обязанностей. Алексей плохо провел ночь и к утру совсем ослабел. Кюне попрежнему все время остается в палатке. До полудня укладывали в мешки чай, кофе и сахар и распределяли их по весу между 5 санями. К 23 часам распределение закончилось, и мы начали привязывать и прикреплять груз в санях.

Груз распределен между санями таким образом:

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Пеммикана . . .	306 кг	288 кг	288 кг	288 кг	288 кг
Галлоны спирта .	40 галл.	40 галл.	40 галл.	40 галл.	40 галл.
Экстракт Либиха .	14,5 кг	14,5 кг	—	—	7 кг
Колотый сахар .	24 „	—	—	—	—
Сахарный песок .	24 „	—	—	—	—
Хлеб	4 меш.	4 меш.	4 меш.	4 меш.	2 меш.
Молотый кофе .	32 кг	12 кг	—	12 кг	—
Чай	36 „	—	—	24 „	—
Сахарный песок .	4 „	—	—	—	—
	663 кг	527 кг	500 кг	528 кг	530 кг

На льду еще остается 12 килограммов жареного кофе, 12 килограммов молотого кофе, 1 мешок хлеба. Их придется поместить в ботах. До шестидесятидневного запаса нехватает 126 килограммов пеммикана, 17 килограммов чая, 22 килограммов сахара и 15 килограммов кофе. Мы оставляем много припасов, два ялика и одни сани (из тех, которые получили на острове Михаила). Так как наше продвижение неизбежно будет очень медленным, то я считаю, что в течение недели мы будем находиться настолько близко от места нашей нынешней стоянки, что будем иметь возможность с каждого привала отправлять собачью упряжку и, таким образом, пополнять наши запасы на ближайшие 24 часа. Таким образом нам не придется распаковывать наши сани. Пообедали в 13 часов, а в 14 часов вновь принялись увязывать сани. На санях № 2 Чиппа поднят флаг с надписью „Лицци“. Я обратил внимание Ниндеманна на то, что у нас нет флага, и получил ответ,

что флаг уже изготавливается и что он хотел бы назвать его „Сильвией“, против чего, конечно, я не возражал.

Северная широта $77^{\circ}17'$, восточная долгота $153^{\circ}42'30''$. Со вчерашнего дня дрейф $3\frac{3}{4}$ мили на NW 70° . В 18 часов температура -7° . Северо-восточный ветер со скоростью 2 миль. После полудня я отдал следующий приказ:

„США. Катер „Жаннета“.

На льду, шир. № $77^{\circ}17'$, долгота О $153^{\circ}42'$ Ледовитый океан, 15 июня 1881 года.

Приказ

При отправлении к югу все офицеры и команда могут взять с собой, кроме того, что на них надето, только то, что будет находиться в вещевом мешке. Каждому по его желанию предоставляется одеть меховую одежду, но никакие дальнейшие перемены не будут допускаться. Кроме обуви никакое добавочное обмундирование не может быть взято. В вещевых мешках может находиться:

2 пары обмоток из грубой шерстя-	1 кепка,
ной материи,	1 шарф,
2 пары носков,	1 пара очков против снега,
1 пара обуви	1 трубка,
1 шапка,	1 пакет табака,
2 пары напульсников,	20 пуль,
1 нижняя рубашка,	24 коробки спичек,
1 пара кальсон,	

мыло, полотенца, нитки и иголки по усмотрению. В спальный мешок разрешается вложить только дополнительную пару обуви с обмотками.

На офицеров возлагается наблюдение за точным соблюдением вышеизложенного.

Сани № 1. Запасы, спальные мешки, палатки, вещевые мешки, посуда для первого катера.

Сани № 2 — то же для второго катера.

Сани № 3 — то же для китобойного вельбота.

Сани № 4 — то же для второго катера.

Сани № 5 — то же для китобойного вельбота.

В случае, если продвижение будет происходить на катерах: команда с саней № 1 переходит на первый катер

„ „ „ № 2 „ „ второй катер

„ „ „ № 3 „ „ китобойный вельбот

„ „ „ № 4 „ „ первый катер

Доктор, Коль и стюард переходят на китобойный вельбот. Остальная часть команды с саней № 5 — на второй катер.

Дальнейшие распоряжения или изменения будут отданы в случае необходимости.

Джордж В. Де-Лонг,

начальник Арктической экспедиции,
лейтенант флота США.

Небо почти безоблачно, и поэтому мы страдаем от солнца. Мы страшно загорели, губы, нос, щеки начали болеть. Но глаза до сих пор в порядке. К югу и юго-западу редкие перисто-слоистые облака. Я хотел бы, чтобы оттуда не дули ветры, пока мы не доберемся до чистой воды.

Ужин в 7 часов. В 8 час. 15 мин. лимонная кислота, а затем улеглись на ночь.

16 июня. Встали в 7 часов, позавтракали в 8, приступили к работе в 9. Приготавливали обмотки для ног и проверяли, все ли на месте на ботах. Так как спальные мешки могут оказаться недостаточно теплыми, я распорядился, чтобы в каждый мешок была вложена половина шерстяного одеяла. В 13 час. 30 мин. вместе с Денбаром я отправился к югу, чтобы отыскать хорошую дорогу, а затем издал следующий приказ:

США. Катер „Жаннета“.

На льду N шир. $77^{\circ}18'$, долгота O $153^{\circ}25'$
Ледовитый океан, 16 июня 1881.

Приказ

Мы отправимся к югу 17 июня в 18 часов и в дальнейшем будем находиться в пути от 6 до 18 часов. Устанавливается следующий порядок продвижения:

Во-первых, все перетаскивают первый катер. Собаки тянут сани № 1.

Во-вторых, первая вахта тянет второй катер, вторая вахта сани № 2. Собаки тянут сани № 2.

В-третьих, вторая вахта тянет китобойный вельбот, первая — сани № 5. Собаки тянут сани № 5.

3 собаки Алексея тащут сани с острова Михаила.

Кюне, Чарлз Тонг-Синг и Алексей сопровождают лейтенанта Чиппа.

Порядок дня следующий:

Сбор всех — 14 час. 30 мин.	В пути — 1 час
Завтрак — 17 час.	Остановка и устройство лагеря — 6 часов
Отход из лагеря — 17 час. 40 мин.	Лимонная кислота — 6 часов
В пути — 6 часов	Ужин — 6 час. 30 мин.
Остановка — 23 час. 30 мин.	Размещение дежурных, ночлег — 7 часов.
Обед — полночь	
Отход — 12 час. 40 мин.	

Курс — юго-восток.

Прежде чем зажечь лампы, необходимо установить печь в выкопанном в снегу отверстии. Кроме того, следует увеличить проход, чтобы обеспечить доступ воздуха для горения. Каждую субботу будет происходить смена поваров. На обязанности поваров следить, чтобы на каждой остановке еда была возможно скорее готова. Спирт надо брать с саней с острова Михаила, причем надлежит проверять, чтобы жестянка со спиртом была плотно закрыта. Особое внимание следует обращать на выбор льда и снега для варки. Снег и лед можно брать только с верха самого высокого тороса, причем откабливание льда и снега допускается лишь на глубину 2 сантиметров. Сменившийся повар обязан собирать снег и лед и помогать дежурному повару.

Команда каждых саней должна производить всю разгрузку и погрузку. Пока будет возможно, сани с острова Михаила будут ежедневно отправляться за припасами к месту настоящей стоянки, благодаря чему мы сможем не трогать запасов, погруженных на сани. С момента, когда мы начнем тратить эти запасы, устанавливается следующий рацион:

Завтрак	Обед	Ужин
4 унции пеммикана,	8 унций пеммикана,	4 унции пеммикана,
1 унция ветчины,	1 унция экстракта	1 унция языка,
3 куска хлеба,	Либиха,	$\frac{1}{2}$ унции чая,
2 унции кофе,	$\frac{1}{3}$ унции чая,	$\frac{2}{3}$ унции сахара.
$\frac{3}{4}$ унции сахара.	$\frac{2}{3}$ унции сахара.	

*Джордж Де-Лонг,*лейтенант флота США,
начальник Арктической экспедиции.

После полудня на санях и катерах были подняты флаги:

На первом катере „Жаннета“ — мой шелковый флаг.

На втором катере „Хирам“ — флаг Хирам.

На китобойном вельботе „Розей“ — флаг Розей.

На санях № 1 четырехугольный голубой флаг — „Сильвия“. Девиз *Nihil desperandum* (ничто не безнадежно).

На санях № 2 — раздвоенный флаг „Лицци“.

На санях № 3 — флаг без девиза

На санях № 4 — белый флаг, красный мальтийский крест.

Девиз: *In hoc signo vinces* (под этим знаком победишь).

На санях № 5 — флаг „Мод“. Девиз: *Comme je trouve*.

В 8 часов роздали лимонный сок. Затем я произвел смотр команды и огласил вышеприведенный приказ, после чего подняли легкий ялик и поместили его на тяжелый железный. Считаю, что теперь все готово, и завтра в 18 часов мы тронемся в путь. На сани с острова Михаила погрузили 20 галлонов лимонной кислоты, 10 галлонов спирта, ящик с инструментами, виски, 5 резиновых бутылок с лимонной кислотой, ящик с медицинскими инструментами, ружье винчестер, 12 пуль, ящик с хронометром — Негус № 1630.

Северная широта $77^{\circ}18'$, восточная долгота $153^{\circ}25'$, температура — 6° . Распределил офицеров по сменам. В первую входят: Де-Лонг, Даненовер, Амблер, Коллинс; во вторую — Чипп, Мельвилль, Денбар, Ньюкомб.

17 и юн я. Все собрались в 7 часов, позавтракали в 8 часов, в 9 приступили к работе. Нагрузили припасами вторые сани с острова Михаила и отправили их вперед, к наиболее удаленному из поставленных ранее указательных знаков; подтянули ремни у остальных саней, вставив между жестяками со спиртом мягкие деревянные клинья.

Я приготовил нижеследующий отчет, который оставил в закрытом сосуде.

США. Катер „Жаннета“.

На льду, северная широта $77^{\circ}18'$,
восточная долгота $153^{\circ}25'$,

17 июня 1881 года.

Завтра вечером, 18 июня, мы оставляем наш лагерь и отправляемся на юг с целью достичь Новосибирских островов, чтобы оттуда итти на ботах к побережью Сибири. „Жаннета“ вмерзла в пак в Ледовитом океане 5 сентября 1879 года, приблизительно в 25 милях к востоку от острова

Геральда и с 5 сентября 1879 года до 12 июня 1881 года дрейфовала к северо-западу, достигнув, наконец, $77^{\circ}15'$ северной широты и $155^{\circ}0'$ восточной долготы. 12 июня „Жаннета“ была раздавлена тяжелыми ледяными полями и затонула в 4 часа ночи 13 июня. Мы покинули корабль и высадились на лед в 20 часов 12 июня, причем мы спасли припасы почти на 80 дней, 5 ботов, все палатки, все прочее оборудование, одежду, амуницию и оружие. Наш отряд состоит из нижеперечисленных лиц (следует перечень).

С момента отплытия из Америки у нас не было случаев смерти. Все мы в удовлетворительном состоянии, среди нас не наблюдалось случаев заболевания цынгой. Говоря — „в удовлетворительном состоянии“, я имею в виду, что 2 офицера (лейтенант Чипп и Даненовер) и трое из команды (Алексей, Тонг-Синг и Кюне) находятся под врачебным наблюдением в связи с различными заболеваниями. Мы открыли два острова — 21 мая 1881 года остров, названный нами „остров Жаннеты“, расположенный северная широта $76^{\circ}47'$ и восточная долгота $158^{\circ}56'$, и 25 мая 1881 года остров, которому мы дали имя „остров Генриетты“, находящийся северная широта $77^{\circ}8'$ и восточная долгота $157^{\circ}45'$. На последний из островов высаживался наш отряд под командой Мельвилля. Кроме указанных двух островов мы ничего не видели с момента, когда в марте 1880 года остров Геральда скрылся из виду. Лед в этом океане носит такой же характер, как и лед, встреченный капитаном Нерес к северу от пролива Смита. Ветры преобладают юго-восточные, и поэтому этот старый лед медленно движется к северо-западу. Все наблюдаемые здесь течения вызываются исключительно ветрами, преобладающими в данное время. Зимой 1879—1880 года наша самая низкая температура была -49° по Цельсию, а зимой 1880—1881 года -46° . Наивысшая температура летом 1880 была $+8^{\circ}$, а в этом году до сих пор не превышала -1° . Этот месяц довольно холодный, от -6° до -4° , и я думаю, что нас ожидает холодное лето. С тех пор как мы вмерзли, мы не имели возможности продвинуться ни на шаг. После гибели корабля мы, разбив на льду лагерь, были заняты погрузкой саней и прочими приготовлениями к походу. Мы двигаемся в путь, имея шестидесятидневный запас провизии. У нас 23 собаки.

Джордж В. Де-Лонг,

лейтенант флота США,
начальник Американской арктической экспедиции.

Я тщательно зашил отчет в кусок черной резины и вложил его в пустой сосуд, который мы оставили на льду. В полдень пообедали. В 13 часов все прилегли, чтобы до выступления успеть выспаться.

В 17 часов все были в сборе и быстро поужинали. Снялись в 17 час. 50 мин. и в 18 час. 20 мин. тронулись в путь. Все отправились с первым катером, а собаки, которыми управлял Анегин, пробовали сдвинуть сани № 1. Катер пошел сравнительно легко, с санями же собакам пришлось помучиться.

При случайных остановках мы помогали вытаскивать сани из глубокой колеи, но, в конце концов, я увидел, что необходимо усилить команду саней, и с 6 матросами вернулся к саням № 1.

Вчера я отправил Денбара вперед, с поручением расставить по пути флаги. Он водрузил флаги в трех местах, больше, во всяком случае, я не видел. В конце дня Мельвилль соответственно этому сбросил провизию у третьего флага. Когда катер достиг третьего флага, Мельвилль хотел остановиться, но Денбар заявил, что есть еще четвертый флаг и что там кончается наш путь за первый день.

Я, конечно, не мог сам всюду поспеть, а Мельвилль последовал указанию Денбара, и, таким образом, первый катер, не остановившись там, где была провизия, пошел дальше. За это время я с 6 матросами вернулся к саням № 1, и нам с нечеловеческими усилиями удалось протащить их на четверть мили. Тут я увидел Чиппа с санями, в которых находились больные. Я отправил его вперед за первым катером. Затем мой отряд продвинул второй катер и китобойный вельбот к месту, где мы оставили сани № 1. Увидев, что Чипп остановился, я поспешил к нему и обнаружил, что образовалось разводье и нужно разгрузиться и устроить переправу.

Я не мог понять, почему так долго нет Мельвилля. По моим расчетам он давно должен был возвратиться со своим отрядом. Положение создалось довольно затруднительное. Я послал за легким яликом, переправил Чиппа с госпитальными санями и послал его за отрядом с первого катера. Время между тем шло, и мне с моим отрядом из 6 человек удалось с помощью собак дотащить до переправы второй катер, китобойный вельбот и сани № 1 и № 2. К 22 часам вернулась команда первого катера и сразу спустила 2 последних бота, перетаскала их через переправу и под-

няла на лед на другой стороне. Нам удалось избежать разгрузки саней, так как мы нашли другой путь и заполнив разводье большими глыбами льда смогли перебраться по этой неустойчивой дороге. При этом в санях № 1 сломался полоз, это заставило нас остановиться, в санях № 2 и № 5 также сломались полозья, у которых отломились верхние скобы. В результате, когда мы перешли канал, к 12 час. 10 мин 18 июня, у нас оказалось трое поломанных саней.

Мы запоздали с обедом больше чем на час, наша провизия находилась на расстоянии полмили впереди, а посуда и спальные мешки с саней № 1 еще на полмили дальше. С этим, однако, приходилось примириться. Мы энергично взялись за наши два бота и к 1 час. 30 мин. достигли черного флага, где находилась провизия. Доктор, возвращаясь с первого катера, встретил Чиппа и наших больных, которые ковыляли, почти выбившись из сил. Доктор дал Чиппу немного виски и посоветовал ему остановиться у третьего флага, где находилась провизия. Но Чипп не последовал этому совету и продолжал путь к первому катеру, что еще больше запутало все положение. Мне оставалось или распорядиться, чтобы все пошли за Чиппом, или вернуть его обратно, что я счел более целесообразным. Я отправил за ним Эриксена с собачьей упряжкой, чтобы привезти кухонную посуду с саней № 1, и с приказанием всем больным возвращаться, а если они не смогут больше идти, воспользоваться собачьей упряжкой.

Во время продвижения первого катера у Лаутербаха начались сильные спазмы, и его пришлось оставить на попечении Ньюкомба у места остановки катера. У Ли также были спазмы, вызванные, повидимому, свинцовым отравлением. В 14 часов все собрались к обеду, кроме команды саней № 1. Как только команда саней №№ 2, 3, 4 и 5 кончила обедать, я отправил Старра и Бартлетта с собаками и санями к нашему первому лагерю за провизией, а Коль с остальными собаками был послан за госпитальными санями. Когда пообедала команда саней № 1, я отправился с ней к переправе, где мы полностью разгрузили сломанные сани, а с целых саней убрали все, за исключением пеммикана и спирта. После этого мы притащили сани в лагерь, куда прибыли к 18 часам. Каждые сани тянули по 8 человек. В это время Коль вернулся с госпитальными санями. Эриксен взял у него собак и отправился за палаткой с саней № 1 и за спальными мешками. В 19 часов мы по-

ужинали, в 20 часов дежурный вышел на вахту, а мы, смертельно усталые, легли спать.

Весь день облачно. В 20 часов температура — 6°. Северовосточный ветер. Небо покрыто облаками, очень сыро. Туман пронизывает до костей. Все, однако, бодры и веселы. Никто не пострадал от трудной работы, и все прекрасно спали. Положение больных таково: у Чиппа болят ноги; Алексей, повар и Кюне чувствуют себя лучше. В 21 час 30 мин. сняли груз с первых двух саней и отправили людей за грузом с двух других саней. Денбар пошел вперед на юг, чтобы выбрать дорогу, а команда занялась починкой саней.

Оказалось, что сани, на которые поставлен китобойный вельбот, тоже не в порядке. Пришлось снять с саней бот, а затем приступить к ремонту. Надо признать, что первый опыт нашего похода не сулит ничего хорошего. Путь был ужасный: мягкий, глубокий снег, угрожающие разводы. Наши сани по необходимости перегружены и могут хорошо идти только по ровному льду; снег же их задерживает так же, впрочем как он задержал бы любые сани. Соединенные усилия 28 человек и 23 собак могут сдвинуть сани с грузом в 640 килограммов только на несколько метров. Когда же, соскальзывая с возвышения, сани проваливаются в снежные насыпи, то вытащить их оттуда неимоверно трудно.

Несмотря на то, что температура была —4°, —6° мы работали засучив рукава и обливались потом, как в жаркий летний день. Мне ясно, что нам надо двигаться с меньшим грузом. Сначала я предполагал, что удастся продвигать боты и припасы в три приема, но теперь мне ясно, что хорошо будет, если удастся продвигаться в шесть приемов. К полночи весь выгруженный у переправы груз был собран, и мы сели обедать.

19 июня. В 1 час приступили к работе. Я отправил сани с острова Михаила и собак к месту первоначального лагеря. Старру было дано распоряжение забрать все остающиеся припасы. На сани Мельвилля теперь погрузили только пеммикан и спирт. 288 килограммов пеммикана и 128 килограммов спирта составляют 416 килограммов, а раньше на его санях был груз в 537 килограммов.

Я заметил, что сани, на которые был помещен второй бот, начали разваливаться. Это вынудило нас снять бот и стянуть ремни. После этого, укрепив также и сани № 1, я

погрузил на них 17 банок пеммикана весом 306 килограммов, 8 банок спирта весом в 128 килограммов, полтора мешка чая, полтора мешка сахара и 14 килограммов экстракта Либиха. На сани доктора был погружен весь хлеб, кроме одного мешка. На санях Даненовера и Чиппа были уложены только пеммикан и спирт. В 6 часов поужинали, в 7 час. 30 мин. выдана лимонная кислота, в 8 часов пошли спать.

В 20 часов двинулся второй катер, сани № 1 и госпитальные сани, а Старр и Эриксен поехали с провизией на санях с острова Михаила. Команда с китобойного вельбота заканчивала погрузку саней № 3. Я оставался сзади, чтобы заставить всех скорей выступить в путь.

Я несколько изменил порядок продвижения: Чипп, Даненовер и больные идут с санями под наблюдением доктора и, достигнув намеченного для остановки места, ожидают там остальных. Мельвилль идет впереди с санями и ботами, а я остаюсь сзади и слежу за нагрузкой и за отправлением собачьих упряжек. Такой порядок был бы целесообразен, если бы не случайная неудача: когда Мельвилль доставил второй катер и сани № 1 к нашему новому лагерю, образовалось разводье, и, когда я двинулся вперед с двумя собачьими санями, нам с трудом удалось перебраться через трещину. Но мы все же перебрались и в полдень были в лагере.

Я распорядился приготовить обед на 26 человек, а для остальных 7 человек, включая и себя, я забрал обед, чтобы пообедать в нашем прежнем лагере. К моему изумлению, на полпути я встретил Мельвилля, что несколько нарушило мои планы. Я велел остановиться, послал Мельбилля сего людьми обедать и распорядился, чтобы у китобойного вельбота был приготовлен обед для нашего отряда в 7 человек. Вернувшись к прежнему лагерю, я доставил к китобойному вельботу целый груз припасов. Это заняло время до 1 часа.

20 июня. В 2 часа Эриксен отправился в лагерь, а мы пошли за хлебом к саням. Когда мы подошли к китобойному вельботу, сани Мак-Клинтока сломались, хотя дорога была ровная. Мы перегрузили с них хлеб на китобойный вельбот, но не могли далеко продвинуть его. Тут на горизонте показался Мельвилль с своим отрядом. Они оттащили бот, а я остался охранять хлеб. Вскоре подошел Эриксен с порожними санями, а когда он стал возвращаться с гру-

зом, я отправил с ним и сломанные сани Мак-Клинтока. Мельвилль, придя в лагерь, стал расставлять соответственно моим указаниям палатки, а Вильсон, разгрузив сани № 3, вернулся на них с собаками ко мне. Мы погрузили половину хлеба и, помня места, где открылся лед, благополучно добрались до лагеря. Бартлетт отправился за остальным хлебом и доставил его к 5 часам. За это время Бартлетт сделал еще один рейс, и я сменил его и Лича, послав за грузом Бойда и Джонсона. В старом лагере я оставил несколько протекавших жестянок спирта и теперь послал сосуд, чтобы перелить в него спирта. Ужин в 6 часов. Сегодня я освободил от работы Коллинса, так как у него появились боли в груди, но к ужину ему стало лучше. Прошлую ночь у нас в палатке промокли одеяла и спальные мешки, — от тепла внутри палатки начали таять снег и лед, но из-за снежной погоды нам не удалось высушить палатку и мешки, и с этим приходится мириться. В 7 час. 30 мин. выдан лимонный сок.

Поднял всех в 18 часов. Завтрак в 19 часов. Температура все время поднимается и дошла до 2°, ветер все еще с северо-востока.

Я объявил, что пока не пройдет дождь, мы не двинемся в путь. Остаток дня провели в палатках. Мы промокли, чувствовали себя неуютно и мечтали, чтобы скорее переменялась погода и мы могли просушить наши спальные мешки.

Начало лета — самое плохое время года для похода. Весной и зимой, если и холодно, то, по крайней мере, сухо. Осенью или поздним летом продвижение гораздо легче. Теперь же снег такой мягкий, что в него проваливаешься и почти невозможно двигаться. Особенно тяжело в дождливые дни. Даже собаки забираются, как курицы, под катера или жмутся у дверей палаток, ожидая, что их впустят. Единственное наше утешение заключается в том, что дождь способствует таянию льда и если потом наступят холодные дни, лед подмерзнет и будет хорошая дорога. Огонь служит только для варки пищи; высушить одежду нигде; струйки воды текут через вентиляционные отверстия в потолке. Я убедился, что, вопреки моему приказу, некоторые несут с собой больше, чем было разрешено. Просто удивительно, сколько затесалось „мелочей“, которые „ничего не весят“, и не менее поражает их общий вес. Перед выходом из лагеря я вынужден буду произвести основательную чистку.

21 июня. День начинается северо-восточным ветром, непрерывный дождь. Температура 2°. В 2 часа 30 мин. дождь перестал, и мы снова занялись починкой саней с острова Мухайла. Закончив починку легких саней Мак-Клинтока, я отправил их к месту последнего лагеря за провизией; Бойд, Иверсен и Анегин справились с этим делом к 5 часам. Денбар с отрядом из 4-х человек отправился вперед выбирать путь и расставлять флаги. В 3 часа 30 мин. я в санях, запряженных девятью собаками, перевез 180 килограммов пеммикана и 20 килограммов экстракта Либиха. Денбар наметил два пути: один через нагроможденные торосы, а второй — через разрушенный хребет, но, в общем, завтра путь предстоит более легкий, чем в первые дни. Опасно только одно место: лед там треснул, образовав разводье в тридцать метров шириною. Если разводье увеличится, придется устраивать мосты и переправы, а это будет не легко.

Хотя дождь прекратился, небо попрежнему покрыто облаками, сырость все сильнее дает себя знать. Температура попрежнему 2°. Ветер востоко-северо-восточный.

В 6 часов поужинали, легли в 8 часов. Встали в 18 часов, завтрак в 19 часов, в 19 час. 50 мин. пустились в путь. Мельвилль с санями № 1 и № 2 и двумя собачьими упряжками (одна нарта и одни сани № 5), а Эриксен и Ли на другой нарте отправились в старый лагерь, чтобы привезти остаток провизии. Мы оставили в лагере палатки вместе со спальными мешками и кухонной утварью на тот случай, если здесь придется обедать. Доктор с больными также остался у палаток.

К 20 час. 30 мин. вернулся со своим отрядом Мельвилль. Он оставил груз с первых двух саней у трещины во льду, о которой я упоминал. Пока мы спали, она стала шире. В 21 час двинулись в путь остальные сани, а в 21 час 30 мин. мы окончательно покинули лагерь; последними тронулись сани с китобойным вельботом.

Денбар и двое из команды начали наводить мост через разводье, используя для этого громадную глыбу льда. Я поручил Мельвиллю в случае, если Денбару удастся устроить этот мост, перевести через трещину все наши „двуколки“. Так как Мельвилль не возвращался за первым катером, я решил, что он выполнил мою инструкцию. В 23 часа 30 мин. из старого лагеря возвратились Лич и Эриксен. Они доставили на одной собачьей упряжке половину припасов. Вторую половину они оставили невдалеке на ялике. Я послал Эриксона

и Лича с тремя собаками, чтобы доставить ялик, а сам, погрузив в сани кухонную утварь, отправился вперед с тремя собаками.

22 июня. Не прошел я и четверти мили, как путь мне преградило разводье. Я не в силах был сдержать собак; они вырвались, опрокинули сани, и вся кухонная утварь разлетелась по льду. После этого собаки перебрались на другую сторону разводья и, усевшись, начали выть. Я собрал все разбросанные предметы, перенес их на другую сторону, а затем выпрямил и вытащил сани. Собаки снова убежали.

Когда к часу я дошел до разводья, вызвавшего задержку, я увидел Мельвилля на ледяном острове со всеми катерами и санями: ему не удалось перебраться через трещину. Я кричал, чтобы он обедал и что я присоединюсь к нему, как только подойдет ялик. Но ему удалось подтолкнуть ко мне глыбу льда, и я переправился с своей собачьей упряжкой и кухонной утварью. Мы сразу принялись строить из льдин мост и еще до обеда нам удалось переправить на целый лед двое саней и груз с собачьей упряжкой. В 1 час 30 мин. сели обедать, а в два подоспели Эриксен и Лич с яликом. В 2 часа 20 мин. снова начали работать и переправили второй катер с китобойного вельбота. После этого Мельвилль ушел со своим отрядом за первым катером, а я с Личем и Эриксом потащили собачьи упряжки с хлебом и пеммиканом к флагу, где вчера я оставил часть припасов. Вернувшись, мы застали у разводья доктора с больными. Мы приволокли ледяные глыбы и устроили довольно гладкий мост, через который перебрались больные, а за ними сани с лекарствами и инструментами. В 6 часов все, не исключая и первого катера, были на твердом льду. Мельвиллю с первым катером пришлось идти часть пути по воде на веслах, но все-таки он успел подойти во время и принял участие в работе арьергарда.

В 7 час. 30 мин. мы поужинали. Трудно было представить более голодных и усталых людей. В общем, за 10 часов тяжелой работы мы продвинулись на полмили. В 9 часов легли спать. В 18 часов подняли всех; позавтракали в 19 часов, в 19 час. 30 мин. выдали лимонную кислоту, в 20 часов выступил Мельвилль с санями № 1 и № 3. Лич и Эриксен погрузили две собачьи упряжки.

Погода чуть-чуть улучшилась. Держится густой туман через который солнце мерцает и мигает, как глаз пьяницы

Больные чувствуют себя неважно. Чипп плохо провел ночь. У Лаутербаха такой вид, как будто ему предстоит присутствие на похоронах. Даненовер сильно утомлен, и я стараюсь убедить его позаботиться о себе и меньше уставать.

В 20 час. 45 мин. Мельвилль, пройдя небольшое расстояние, вынужден был вернуться, так как у него сломались сани Мак-Клинтока. Мы немедленно выпрямили вывернутые полозья и укрепили их с помощью весла.

Не теряя времени, мы отправили вперед другие нагруженные сани, а в 21 час, 15 мин. Эриксен и Лич последовали за ними с собачьей упряжкой.

Дорогой с санями Мак-Клинтока случилась новая беда, и их пришлось вернуть для починки. Эта работа была поручена Ниндеманну и Свитману.

В 22 часа 30 мин. я отправил больных с доктором, а в 23 часа 30 мин., когда все уже были в пути, сам двинулся с Ниндеманном, Свитманом и Анегиным. У нас было несколько собак, и мы тащили ялик и немного банок с провизией. В 23 час. 55 мин. мы добрались до привала. В первый раз нам удалось за полдня дойти до назначенного места, во-время пообедать и быть готовыми к новому выступлению после обеда. Это объясняется тем, что мы двигались по крепкому льду и не встречали на своем пути разводьев.

23 июня. Сели обедать в 12 час. 15 мин. ночи, а в 1 час 15 мин. приступили к работе.

Погода попрежнему туманная. Я ехал впереди на собачьей упряжке и убедился, что мы сможем продвинуться еще на милю, не встречая неровного льда. Я отдал соответствующее распоряжение. К 4 часам все уже подвинулись вперед. Я с Денбаром прошел на ялике по каналу, но оказалось, что он поворачивает к северо-западу, и поэтому я отказался от мысли продвигаться водой. При дальнейшем продвижении нам не удастся избежать разводьев. Небольшое разводье как раз оканчивается у нашего лагеря и идет к югу. На расстоянии четверти мили наши катера плыли по воде.

В 2 час. 30 мин. небо прояснилось, и показалось яркое солнце. Немного перистых облаков. Туман рассеивался, как бы по волшебству. Когда в 5 часов задул легкий северо-восточный ветер, температура была — 3°, а к 7 часам стало — 3°.

Мы разбили лагерь, в 6 часов поужинали и стали готовиться ко сну. Мы проработали 7 часов и подвинулись не больше, чем на полторы мили. К югу от нас лед находится

в таком беспорядочном состоянии, что пробраться через него невозможно. Но никто не может сказать, что случится через 6 часов, и, может быть, пока мы спим, положение изменится. Сегодня я пробовал определить наше положение, но смог установить только восточную долготу 152°.

В 8 час. 30 мин. легли спать. В 18 часов встали и в 19 часов позавтракали. Денбар отправился вперед по неровному льду, чтобы выбрать путь. В 20 часов мы двинулись.

Чтобы избежать в дальнейшем подробных описаний, я хочу остановиться на нашем способе продвижения. По целому ряду причин нам пришлось отказаться от намеченного в приказе от 16 июня порядка продвижения. Главная причина состоит в том, что невозможно предугадать, какой встретится лед, а это меняет все планы. Вторая причина сводится к тому, что продвигаться ежедневно в таких условиях по 10¹/₂ часов невозможно. Мы бы совершенно выбились из сил. Может быть, позже, когда груз уменьшится, мы окажемся в состоянии выдержать такую работу, но сейчас об этом не может быть и речи. Предстоящий путь отмечается каждый раз черными флагами, которые, расставляются после привала или до выступления.

В 20 часов Денбар уходит вперед, чтобы убедиться, что за время привала не возникло необходимости устраивать мосты. После него выступает Мельвилль почти со всей командой, и с ними идут тяжелые сани. Сани № 1 (мы прозвали их „Моржом“) требуют усилий почти всей команды, но обыкновенно Мельвиллю удается одновременно продвинуть и остальные двое тяжелых саней. Эриксен и Лич отправляются с собаками, тянущими двое саней. Я наблюдаю за нагрузкой и иногда иду впереди, чтобы следить за продвижением и указывать путь. Доведя нагруженные сани до места назначения, Мельвилль со своим отрядом возвращается за ботами. В это время я довожу „докторские“ сани до привала. В 23 часа я даю распоряжение поварам готовить обед, а в это время Мельвилль со своими людьми продвигает сани еще на перегон.

24 июня. В полночь мы обедаем. В 1 час работа возобновляется. Мы протаскиваем боты до места, куда Мельвилль доставил сани; затем сюда подходит доктор с больными, потом сани снова идут вперед, за ними боты, сани с собаками и, наконец, в 5 час. 30 мин. или 6 часов последним дохожу я. В 7 часов мы ужинаем и в 8 часов ложимся отдохнуть с тем, чтобы в 18 часов быть на ногах.

Таким образом движемся 9 часов в день, спим или отдыхаем 10, на еду уходит 3 часа, а остальные 2 часа уходят на разбивку лагеря, на выдачу и варку пищи, на выступление из лагеря и на обследование предстоящего пути. Нет на свете работы тяжелее, чем такое продвижение. У меня дела по горло, так как двое из моих офицеров больны, но я нахожу большую поддержку в лице Мельвилля, и, если он и дальше не сдаст, я справлюсь. Доктор охотно участвовал бы и в разбивке лагеря и в протаскивании саней, но я считаю, что он больше нужен больным, и поэтому я предложил ему не оставлять их и продвигаться вместе с ними.

Сегодня дело шло хорошо. Мы продвинулись на милю с четвертью. Дважды лед открывался, и я оказывался в трудном положении. Тяжелые сани успели пройти до вскрытия льда. Сани же, запряженные собаками, не успели пройти это опасное место, и на полпути нам пришлось спустить собак, чтобы они не утонули. Сани удалось удержать. Дальнейшее продвижение будет легче. Перед нами на несколько миль тянется старый лед. Сегодняшний путь был неприятен еще и потому, что на поверхности льда было много воды. Люди проваливались по колено в воду, и понятно, что продвигаться в таких условиях было крайне тяжело. Вокруг нас много луж, в которых ночью при низкой температуре вода замерзает, но днем под влиянием солнца тает, и мы часто попадаем в воду. Через месяц вся вода уйдет.

При нашем выступлении было туманно, затем туман рассеялся, но небо покрылось облаками, и я не мог установить нашу широту. До сих пор мы не знаем точно, где мы находимся. Чипп очень слаб. Он едва может двигаться. Меня серьезно беспокоит его состояние. Лаутербах сегодня приступил к работе. Алексей все еще нездоров, — он ничего не может есть. Старр рассказал мне, что, распаковывая провизию, он натолкнулся на письмо следующего содержания:

„Я желаю выразить лучшие пожелания успеха в вашем великом предприятии. Надеюсь, что когда мое письмо дойдет до вас, вы будете думать о своих, которых вы оставили, чтобы сделать вклад в науку. Если можете, напишите мне несколько слов: Мой адрес: Г. И. К. 10 ящик. Нью-Йорк“.

По совету доктора, я сегодня распорядился, чтобы до дальнейших указаний не расходовать соли. У нас осталось всего 4,5 килограммов соли.

Сегодня кончились консервированные дыплята и брюква. Теперь мы должны перейти к установленному для перехода пищевому режиму. Правда, у нас еще есть шоколад, какао и сыр, и мы по возможности и дальше будем везти их с собой. Легли спать в 8 час. 30 мин., встали в 18 часов. Туманная погода. Позавтракали в 19 часов. В 20 часов отправили вперед сани. Я с Денбаром отправился ставить по пути флаги. Под поверхностной коркой льда много воды, и мы часто проваливались в воду по колено. Мы установили два флага в полумиле к югу от лагеря, и в 9 час. 30 мин. туда отбыл доктор с больными. При последнем переходе нам не удалось доставить всю кухонную утварь и пришлось за нею возвращаться.

25 июня. В полночь я определил высоту солнца, которая, к моему удивлению, показала широту $N\ 77^{\circ}46'$. Я много раз проверял свои вычисления, и каждый раз в результате получалось $77^{\circ}46'$. Я осмотрел секстанс — он был в полной исправности, и мое удивление еще больше возросло. Мы выступили, находясь на $76^{\circ}18'$ северной широты, целую неделю продвигались к югу, и вдруг оказывается, что мы на 28 миль севернее, чем в момент выступления, — есть над чем задуматься. Я долго размышлял над полученными данными и был склонен объяснить этот странный результат чрезвычайной рефракцией. В 4 часа 30 мин. и в 7 час. 30 мин. я снова произвел наблюдения и на этот раз получил $77^{\circ}43'$. Это еще более меня взволновало; я решил ждать полудня и, установив верную высоту солнца, — тогда уже думать о дальнейшем. Итоги дня менее благоприятны, чем вчера. Мы продвинулись около трех четвертей мили. Нас изводят разводя. Безветрие, туманно. С рассветом быстро прояснилось, температура упала до -5° , легкий западный ветер. К 8 часам температура -2° , западный ветер крепчает. Небо наполовину в слоистоперистых облаках, движущихся на восток. Мы разбили лагерь на старом льду. Денбар, посланный расследовать дальнейший путь, сообщил, что он так неровен и в нем столько провалов, что нам не пробраться.

Произвели измерения глубины — сорок пять метров. Слабость Чиппа меня очень тревожит. Пройдя треть мили, он совершенно обессилел. Затем в течение 7 часов он

лежал на своем спальном мешке, а когда захотел встать, не мог держаться на ногах. Ему помогли встать, но ходить он не мог и вынужден был согласиться на наши уговоры—мы поместили его в саних с собачьей упряжкой. Удастся ли нам сохранить его?

В полдень определил высоту солнца и получил широту $77^{\circ}42'$. На этот раз сомнений быть не может. Я мирюсь с создавшимся положением, соответственно меняю план похода. Вместо того, чтобы держать курс к югу, я возьму курс больше к юго-западу. Так как наш дрейф идет к северо-западу, то при юго-западном курсе мы скорей пересечем линию дрейфа, чем при южном, и скорей подойдем к кромке льда. Легли в 9 час. 30 мин. утра, и я дал приказ встать в 19 часов. У меня руки настолько обожжены солнцем, что распухли и болят. Я смазал их мазью из воска и масла, и мне скоро стало легче. Предстоящий путь настолько труден, что произведенного нами осмотра по моему, было недостаточно. Денбар отправился на разведку, остальные же продолжали отдыхать после трудной вчерашней работы; добавочный отдых только желателен, и если сегодня мы найдем хороший путь, то, отдохнув, мы сможем значительно продвинуться вперед. Кроме того, мы и времени не теряем, так как Эриксену и Личу осталось еще при везти сюда часть груза.

Глава XIII

ПОХОД ЧЕРЕЗ ЗАМЕРЗШИЙ ОКЕАН

26 июня — 14 июля 1881 года

26 июня. Сели обедать в полночь когда вернулся Денбар, я отправил его обедать, а сам с отрядом, выделенным для наводки мостов, и с двумя саними, запряженными собаками, двинулся вперед. Мельвилль неожиданно провалился и оказался в воде по пояс, а мои сани № 1 — „Морж“ — также провалились и зарылись носом под водой, но мы их извлекли. Погода несколько лучше вчерашней. Навести нам пришлось не менее пяти мостов. До остановки мы прошли к юго-юго-западу только полмили. Дальше в этом направлении идет, как кажется, хорошая дорога.

Температура на солнце не превышала — 5°, но было мучительно жарко, и, несмотря на легкий юго-юго-западный ветер, мы изнемогали от жары. Руки и лица у нас вспухли и покрылись волдырями.

В 7 час. 30 мин. поужинали. В 9 часов легли спать. В 18 часов встали и, позавтракав, в 20 часов двинулись вперед. Сначала ушел Денбар, а потом „строители“ мостов, за ними сани с собаками и, наконец, Мельвилль с тяжелыми саними. К завтраку у нас был превосходный крепкий бульон, кофе, хлеб и пеммикан. К 11 часам сани и боты успели пройти полмили по сравнительно неплохой дороге. Послали вперед больных. В густом тумане нельзя было различить поставленные флаги. Мне пришлось, спотыкаясь и проваливаясь, идти по следам Денбара, отыскивая место для следующего привала. Если я утверждаю, что дорога была удовлетворительная, то это не значит, что нам не приходилось идти в брод по колено в воде. Встречались очень трудные места, где приходилось откапывать лед и наводить мосты.

27 июня. К 1 часу мы прошли еще четверть мили и остановились пообедать. В 2 часа 15 мин. снова тронулись в путь и до 7 часов шли вперед в небывало тяжелых условиях. Мы продвинулись не больше чем на четверть мили к юго-юго-западу. В общем за 11 часов непрерывной работы пройдена миля с четвертью. Сейчас же после остановки надо было пересечь разводье в 6 метров шириной; пока мы были заняты устройством моста, оно увеличилось еще на 6 метров. С большим трудом мы сдвинули 3 льдины и с нечеловеческими усилиями перевезли сани и боты, причем первый и второй катер были спущены на воду. Дальше через четверть мили нас ждало второе разводье шириной около 18 метров. Для устройства моста через него пришлось перетащить целый ледяной остров в 9 метров шириной. Не успели мы укрепить глыбы льда, как разводье еще расширилось, и мы были вынуждены добывать новые глыбы льда. Лед сильно разрыхлен и легко уплывает.

Возможно, что мы встретим на пути и каналы, но пока мы имеем дело только с разводьями, которые очень затрудняют продвижение. Печально, что, работая как лошади, по 10 и 11 часов в день, мы так мало продвигаемся. Если к этому добавить, что пока мы продвигаемся на милю к юго-западу, нас относит на 3 мили к северу-западу, то моя тревога станет понятна. Я поделился ею только с Мельвиллем и с доктором и этим ограничился. Без сомнения, если бы этот печальный факт стал известен всем, он вызвал бы полное разочарование и, может быть, полную утрату энергии. Я стараюсь не видеть Денбара, Чиппа и Даненовера, чтобы избежать их вопросов. До сих пор все веселы и жизнерадостны. Не прекращается пение. Надеюсь, так будет и дальше. Ужин в 7 час. 40 мин., легли в 9 часов. У саней с вторым катером начали гнуться полозья. Мы сняли с саней катер, и дежурные занялись починкой.

Все жалуются на жару. В 9 часов температура — 1° в тени. Странно, что, несмотря на такую низкую температуру, мы ищем тени, чтобы отдыхать. К ужину в палатке было невыносимо жарко. Температура в палатке на высоте 30 сантиметров над льдом — 3°, на высоте груди — 4°. Безветрие; прекрасная погода. Встав в 18 часов, мы позавтракали в 19 часов. Наше продвижение задержалось из-за необходимости построить несколько мостов.

28 июня. Мы прошли к юго-западу не больше полу-мили и в 1 час 15 мин., перебравшись через канал, сели

обедать. В 2 часа 15 мин. выступили дальше, и нам сразу же пришлось пробуксировать в канал большую ледяную глыбу. Мы устроили из нее мост и поместили на него наши катера и все наше имущество. Пройдя четверть мили, в 5 часов разбили лагерь.

С утра безоблачное небо, палящее солнце, легкий восточный ветерок, температура -2° , но к обеду с запада показались облака, которые к 4 часам совершенно заволокли небо, и пошел крупный дождь. Температура поднялась до -1° , ветер изменил направление к юго-востоку. Образовавшиеся слоисто-перистые облака напоминали поднятые рефракцией ледяные поля. Все торосы и верхушки были ясно очерчены.

Мы могли бы продвинуться немного дальше, но я решил устроить привал. Мы промокли выше колен, и надо было переменить обувь. В 6 часов поужинали, после чего команда саней № 2 приступила к их исправлению. Есть много признаков, указывающих на то, что к юго-западу имеется вода. Чиппу лучше. Я надеюсь, что скоро доктору не надо будет находиться около него. В 8 часов легли спать, встали в 18 часов и, позавтракав в 19, в 20 часов тронулись в путь. Первую четверть мили путь был сравнительно хороший, и только изредка мы прибегали к кирке; но затем мы подошли к ужасной переправе — разводье шириной в 6 метров, полное ледяных глыб; перебраться через него можно было только с помощью моста. Нам кое-как удалось переправиться. В 24 часа 30 мин. мы сделали привал для обеда, успев продвинуться только на полмили.

29 июня. В 1 час 30 мин. двинулись дальше. Сразу пришлось пробивать дорогу. Мы подошли к старому тяжелому льду, покрытому грязью. На льду виднелись двустворчатые раковины. Я подобрал кусок скалы, похожей на куски с острова Генриетты. Я шел впереди с Денбаром и с санями, запряженными собаками. Вдруг перед нами показалась вода; всмотревшись сквозь туман, мы увидели, что открылся большой канал.

Мы вернулись, и я отправил на разведку ялик, но, увы, оказалось, что канал ведет к другому разводью, шириной в двадцать два метра. К счастью, тут же оказалась большая глыба, и с помощью Денбара и Шарвелля мне удалось ее сдвинуть в канал; канал к этому времени сжался на 30 или 60 сантиметров, и образовался прочный мост. Но сзади появились новые разводья, через которые нам тоже при-

шлось наводить мосты. Такой неудачи у нас еще не бывало. Стоило нам перебраться через канал, как сзади появилось новое разводье, и мы должны были спешить обратно, чтобы наш арьергард не оказался отрезанным от нас.

Пока мы бились со вторыми санями, впереди открылись новые разводья. Разводья наблюдаются всегда к западу и востоку, к северу же и к югу их не видно. Восточные и западные разводья переходят в узкие трещины, извивающиеся между нагроможденными массами льда, через которые немислимо проложить дорогу, а по трещинам катеры также не могут пройти. Нередко на расстоянии полумили нам приходилось устраивать четыре моста. Если вспомнить, что Мельвиллю с его отрядом приходится проделывать шесть или семь рейсов, прибавить к этому еще поездки саней, запряженных собаками, и необходимость пользоваться благоприятными моментами для продвижения больных, то станет понятно, что нас всего больше страшат разводья. Лед — торсообразный и там, где он покрыт грязью, похож на алебастр. Продвигаться и ехать в санях по такому льду не плохо. Мне встретился торос толщиной в 5 метров, причем во льду не было видно никаких напластований.

К 7 час. 30 мин. я подошел к лагерю. Измерение глубины дало 50 метров. Туман не дал мне возможности произвести необходимые наблюдения, чтобы установить наше местонахождение.

Сегодня я обнаружил, что полозья в санях со вторым катером начинают гнуться. Мы сняли катер и приступили к исправлению. Левые полозья у саней № 4 также были неисправны, и дежурные починили их во время нашего сна.

Чипп выглядит крепче.

Весь день температура — 1°, но нам кажется, что гораздо холоднее. У нас с момента выступления из лагеря промокают ноги, и поэтому до остановки мы чувствуем себя неудобно. Густой туман пронизывает до костей. Юго-западный ветер — довольно редкое у нас явление. Ужин в 8 час. 30 мин., легли в 9 час. 30 мин., проснулись в 19 часов, позавтракали в 20 часов, тронулись в 21 час. Юго-западный ветер.

30 июня. С 21 часа до 0 час. 40 мин. наше продвижение не представляло особых затруднений, если не считать двух небольших разводьев. За 3 часа 40 мин. мы сделали полмили и остановились обедать. К полночи на западе появилось длинное, низкое, черное облако, шедшее с юго-запада к северо-западу и предвещавшее туман. Когда мы остано-

вились, облако распространилось к северу и к югу, а к 1 часу 30 мин. небо было совершенно закрыто тучами, и мокрый туман проникал всюду, как мелкий дождь. Я начинаю верить, что мы подходим к чистой воде, так как нельзя допустить, что ежедневные туманы объясняются исключительно появлением разводьев.

После обеда, в 1 час 50 мин. ночи, тронулись дальше. Я шел впереди с Денбаром и наметил хорошую дорогу на полторы мили, оканчивающуюся у плоской ледяной глыбы. По дороге пришлось наводить мосты, прокладывая во многих местах путь и делать обходы. Мы почти благополучно одолели этот путь; сломались одни сани с острова Михаила, и у первого катера выскочила поперечная полоса крепления.

При переправе через канал я заметил как промелькнула и скрылась рыба длиной в десять сантиметров. Прошрое лето мы часто наталкивались на таких рыб, но нам не удалось их поймать. Я не знаю, треска это или семга.

Сегодня утром слышали крик диких гусей и видели чайку. Это уже вторая чайка, которую мы встречаем с момента гибели судна. Но обитаема ли эта часть света? Наверху старого льда попадают лужи. Они похожи на лужи, о которых упоминает капитан Нерес. Его команда пользовалась ими для питья. Сегодня при 0° они замерзли. Я предполагал, что здесь может быть свежая вода, но при испытании, произведенном доктором азотнокислым серебром, выяснилось, что в воде слишком много соли.

Полужинали в 9 часов, легли спать в 10 часов, за день сделали добрых две мили.

Больные настолько оправились, что не требуют более постоянного присутствия доктора, и доктор с Ньюкомбом и Ли в дальнейшем примут участие в прокладке пути и наведении мостов.

Алексей будет помогать Анегину управлять упряжными собаками. Встали в 20 часов, позавтракали в 21 час. Двинулись в путь только в 22 час. 30 мин., так как нас задержала починка саней.

1 июля. К 1 часу по сносной дороге продвинулись на полмили и остановились обедать. В 2 часа двинулись дальше и в 7 час. 30 мин. сделали новый привал. За 8½ часов работы прошли милю с четвертью к юго-западу.

Дорога не одинаковая, — то очень хорошая, то совсем плохая, но у нас впереди прекрасный путь в три четверти

мили, и нам не следует жаловаться. Мы навели несколько мостов, во многих местах пришлось прокладывать путь, но мы добрались без приключений, если не считать, что зазевавшийся доктор был опрокинут в воду наскочившим на него катером „Морж“.

Во время первого перегона Свитман починил сани с острова Михаила, и на втором перегоне сани работали исправно.

Поднял всех в 18 часов, позавтракали в 19 часов. Во все время нашего сна не прекращался ливень, и проснувшись, мы слышали, как капли стучат, ударяясь о палатку. Наши спальные мешки, конечно, промокли; некоторые мешки, особенно мой и Эриксона, промокли насквозь. У Эриксона, Бойда и Каака обувь промокла до колен, а накануне она была совершенно сухая. Я не плохо проспал несколько часов, устроившись так, что ноги были в сухом месте. Лед, на котором мы расположились, был дьявольски тверд, так что кости начали болеть. Если бы снег был мягче, то от нашего тепла он бы скоро растаял, и мы оказались бы в луже воды. На льду столько воды, что трудно найти такое место, где бы наши резиновые одеяла достаточно нас защищали.

В 20 часов начал снова накрапывать дождь, и, судя по небу, можно было ждать ливня. Дул легкий северо-западный ветер, и, несмотря на отсутствие тумана, трудно было видеть что-нибудь даже на небольшом расстоянии.

Опасаясь ливня, отложил выступление. В 21 час, когда, судя по температуре—1° можно было рассчитывать, что дождя не будет, я дал приказ выступать. Мы прошли полмили по сносной дороге.

2 июля. В 24 часа 30 мин. устроили привал, чтобы пообедать. Я отправился с Денбаром вперед, чтобы наметить путь, но из-за густого тумана не было ничего видно. Идя ощупью, мы нашли неровную и кружную дорогу к мягкому льду (т. е. ко льду, покрытому на пол-метра водой, талым снегом и дырами, в которые неожиданно проваливались до колен), а затем вернулись к обеду.

В 1 час 13 мин. ночи мы выступили. Отряд (по одному человеку от каждой палатки) отправился вперед подготавливать путь и мосты. Он быстро наметил путь среди окружающих масс бесформенного льда, и к 3 часам мы все подошли к „ровному“ льду, откуда дальше путь шел по льду, залитому водой. К 5 часам мы одолели его, пройдя с обеда три четверти мили. Дальше нам преградили путь

торосы, но мы опять выслали вперед отряд проложить дорогу; к 6 час. 45 мин. мы добрались до „старомодного льда“, ¹ как выражается Эриксен.

В 7 час. 30 мин. поужинали. Встали в 18 час., позавтракали в 19 час. Свежий северо-западный ветер, температура — 1°. Во время привала то дождь, то снег. Из-за температуры и спанья в мокрых мешках мы чувствуем себя промерзшими и окоченевшими, но это скоро пройдет, а ветер высушит мешки и обувь. В 20 час. 30 мин. прошли около полмили по очень неровному льду, а затем путь пролегал по мягкому льду, на котором было мало снега и воды. Так мы продвинулись милю.

3 июля. К 24 час. 30 мин. все наши катера и сани были у места, где начинался мягкий лед, и мы остановились на обед. Солнце начало пробиваться через облака и туман, стало холоднее. Мы так поставили катера, что они защищали нас от ветра, и во время обеда мы все собрались под их защиту. Наш флаг был водружен дальше места обеденного привала, и, дав Мельвиллю распоряжение тронуться со всем караваном к флагу, я сам отправился вперед, чтобы расставить флаги для дальнейшего пути. В 3 час. 30 мин. я отметил точку в 2 милях к юго-западу от лагеря. Я решил, что мы сможем добраться до этого места, и отправил Денбара сообщить об этом Мельвиллю и принести мой ящик с инструментами.

Временами показывалось солнце, а северо-западный ветер рассеивал туман.

Температура — 3°, что обещало ясную погоду. Впереди нас простиралась на милю ровная дорога. Туман рассеивался, и все предвещало хорошую погоду, а низкая температура, казалось, давала нам уверенность, что солнце не скоро скроется и что оно успеет высушить наши спальные мешки и обувь.

В 6 час. 45 мин. разбили лагерь, в 7 час. 30 мин. поужинали, в 9 часов я прочел военный устав, а в 9 час. 30 мин. легли спать. Все были бодры и жизнерадостны и, за исключением Чиппа и Даненовера, чувствовали себя прекрасно. У нас много пищи, мы прекрасно спим и, как говорит Кольт, с каждым днем все больше чувствуем весну. Мы теперь находимся на 77°31' северной широты и 150°41' восточной долготы. С 25 июня прошли 13 миль на SW 30°.

¹ Многолетний лед.

Кажется, против нас нет течения, так как по подсчету мы продвинулись на 12 миль. Но, конечно, я не могу утверждать этого с уверенностью. Во время трехдневного северного ветра мы могли быть увлечены сюда, и потому я должен ограничиться только констатированием того, где мы находимся, и двигаться дальше к кромке льда.

Все встали в 19 часов, позавтракали и пустились в путь в 21 час. Чиппу настолько лучше, что доктор решил день или два не выдавать ему виски, чтобы выяснить, как он себя будет чувствовать без виски. К 22 часам легкий ветер с юго-востока, температура — 3°, прекрасная температура для лета. Так как я запоздал из-за определения нашего положения, то уже в 22 часа я отправился вперед и в четверти мили к юго-западу выбрал хорошее место для обеда, куда все затем собрались.

4 июля. В 1 час 45 мин. ночи привал для обеда. Ровно в три выступили дальше.

Произошло небольшое замешательство, так как „Морж“ пошел по неправильному пути. Но мы быстро с этим справились и прошли еще милю, сделав, таким образом, за 8 час. 20 мин. „рекордное“ для нас расстояние в 2¼ мили. Последнюю четверть мили путь вел по прекрасному твердому льду параллельно к узкому каналу.

Мы смогли одновременно отправить вперед двое саней, затем второй катер и китобойный вельбот, и нам пришлось всем вместе тащить только первый катер. В связи с этим число перегонов с семи уменьшилось до четырех, — большое сокращение. Правда, оно возможно только при небольших перегонах, так как от такой работы все быстро выбиваются из сил.

Так как мы уже 16 дней в пути, то количество припасов на саниях с собачьей упряжкой заметно уменьшилось, и поэтому эти сани доходят до цели гораздо скорее катеров и тяжело нагруженных саней. Учитывая это, я распорядился убрать мешки с „Моржа“ и верхний ряд мешков с саней с хлебом и переложить их на сани с собачьей упряжкой; этим я рассчитываю облегчить более тяжелые сани настолько, чтобы команда могла одновременно продвигать двое саней.

Я с Денбаром отправился вперед выбрать дорогу для завтрашнего пути, а команда в это время была занята обычной послеобеденной работой. У лагеря, повидимому, оканчивается полоса тяжелого, мягкого льда, по которому мы продвигались половину вчерашнего дня и весь сегодняшний день.

Узкий канал, о котором я упоминал, идущий параллельно последней четверти нашего пути, отделяет его от разрозненных ледяных глыб, образовавшихся в прошлую зиму. Далее он идет на милю, а затем мы снова выходим к старому льду. Положение наше не плохо. Мы не съедаем нашей дневной порции — 400 граммов пеммикана, и странно, что и собаки не справляются со своей порцией. Пеммикан нам очень нравится, мы едим его 3 раза в сутки, и все-таки 400 граммов в день для нас слишком много. Каждой палатке требуется по пинте спирта на каждую трапезу для варки кофе, бульона или шоколада и для растапливания снега и отбитых кристаллов льда. В прежних санных путешествиях не тратили столько спирта, но я не вижу, как можно уменьшить это количество. Ужин в 19 час. 15 мин.

Мы отметили сегодняшний день флагами, хотя для меня день этот очень печален.

Ровно 3 года тому назад в Гавре наш корабль получил свое имя „Жаннета“; было сказано много приятного, строили планы, но все они рухнули вместе с кораблем. Я не думал тогда, что пройдет три года и мы окажемся на льду, ничего не достигнув.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов и, позавтракав в 20 часов, тронулись в путь. В 300 метрах от лагеря наш путь привел к разводью шириной в 45 метров. Так как мы теперь одновременно тащим двое саней, удвоив таким образом, наш „флот“, то такое развье представило для нас большое затруднение. В середине плавала небольшая толстая льдина. Я надеялся использовать ее и устранить задержку. Я послал за яликом, и нам удалось взять льдину на буксир и устроить паром. В это время подошли другие боты. Мы переправили второй катер и двое саней; остальные же сани и катер я задержал для погрузки. В конце концов все благополучно переправились. Скоро, однако, нам пришлось устраивать вторую переправу, а затем наводить несколько мостов и, после этого, наконец, мы добрались до тяжелого льда, где я уже раньше был с Денбаром. Лед, который раньше был спаян, вдруг раскололся и пришел в движение, и только к 1 часу ночи мы смогли сесть обедать.

5 июля. Падали большие хлопья снега. Мы сняли с катеров резиновые одеяла. Наш привал походил на небольшую деревенскую ярмарку. Я не мог не заметить, что в Хобокене теперь, вероятно, много людей, которые не отказались бы от нашей прохлады, но так как это могло

вызвать желание поменяться с ними местом, я больше не сказал об этом ни слова.

В 2 часа мы тронулись в путь. Нас снова изводили разводья, через которые мы устраивали мосты. В это время весь пак, как бы ожил и в течение 15 минут мы с тревогой наблюдали, как ворочались и метались льдины.

Большие ледяные поля, прежде скрытые под другими, вдруг освобождались и, поднимаясь на поверхность, барахтались, как громадные киты. При столкновении большие глыбы отламывались от льдин, вздымаясь при этом на высоту четырех—шести метров. Столкнувшиеся массы льда приподняли и выдвинули громадную глыбу, словно памятник возвышавшуюся на 9 метров над поверхностью ледяного поля. Отовсюду слышался грохот и визг. Длинные ледяные глыбы поднимались на высоту 9 метров, а потом опрокидывались, разбиваясь на куски, разлетающиеся во все стороны.

Наш сегодняшний и вчерашний путь вел по льду, наминававшему пак, который мы наблюдали у острова Геральда. За отдельными исключениями этот лед образовался за один сезон, и его толщина колебалась между 2 и 3 метрами.

Если наше предположение правильно, то мы уже выбрались из дрейфующего пака и находимся во льду, примыкающем к Ляховским островам. В этом случае я надеюсь, что скоро мы окажемся в канале.

Чипп еще не настолько оправился, как он старается нас уверить. Я уже говорил, что доктор перестал выдавать ему виски. Прошлую ночь он ничего не ел, не мог заснуть и все время стонал и ворочался. Об этом нам передал Денбар. Чипп утверждает, что он чувствует себя прекрасно, и уговаривает Денбара давать о нем такие сведения, чтобы доктор позволил ему работать. Уйдя вперед, я выбрал место для лагеря, и мы дошли туда к 6 часам, пройдя добрых две мили к юго-западу. Встали в 18 часов, позавтракали и в 20 часов двинулись в путь. На расстоянии 500 метров от лагеря натолкнулись на канал, легко через него перебрались, а затем четверть мили прекрасно проехали на санях. Мы живо одолели это расстояние и остановились у нагроможденных ледяных глыб, где нам пришлось выкапывать дорогу. Пока подошли боты, дорога была готова, и через нее прошли сани. Но затем начало образовываться разводье, и мы с большими затруднениями переправили боты и сани, запряженные собаками.

Я отправился вперед и наметил дорогу; затем распорядился, чтобы Денбар отправился с саними и с собаками, а сам я остался у разводья. Около полуночи начало пробиваться солнце, а между югом и западом появился низкий мягкий туман; я рассчитывал, что небо очистится, туман рассеется и мы увидим землю, но нам не суждено было пережить такое счастье. Временами падает снег, временами нас окружает холодный пронизывающий туман.

6 июля. В 1 час ночи остановились на обед на расстоянии мили от места отправления на кромке разломанных ледяных глыб и воды. Ветер изменил направление к SSW и засвежел, туман был холодный и влажный, как никогда. В 2 часа мы зацепили большую ледяную глыбу и, поместив на ней двое саней с припасами и сани, запряженные собаками, перетаскивали их на 200 метров к другому краю канала, а затем спустили боты. Все это заняло много времени, так как ялик оторвался, но в конце концов к 4 часам переправа была закончена.

Перебравшись через второй канал, мы прорыли дорогу через нагроможденные торосы, и почти заканчивали вторую милю, когда нас остановило разводье шириной в 30 метров. Обычно я жду, пока подойдет арьергард, и, только убедившись, что все благополучно, иду вперед. Мы воспользовались подходящей глыбой льда и к 6 часам были в лагере, но я подошел с арьергардом только к 7 час. 30 мин., холодный, промокший и голодный.

Эриксен (он из-за зубной боли не спал прошлую ночь и сильно мучился сегодня) доставил ялик, и этим окончился наш трудовой десятичасовой день. Сани первого катера были не в порядке, и, пока мы спали, дежурные занялись их исправлением.

Сегодня видели несколько чаек и трех тюленей. Легли в 9 часов, поднялись в 18 часов. Мрачный, неприятный день, и, чтобы не промокнуть до костей, приходится не покидать палаток. У нас, очевидно, юго-западный шторм, явление, не наблюдавшееся за эти два года. Было бы интересно узнать, куда он нас отнесет.

Мы использовали вынужденную остановку, чтобы починить протекающую и изношенную обувь. Наши спальные мешки снова, увы, мокры. Они бывают сухи только каким-то чудом. Если так будет продолжаться, из спальных мешков вылезет весь волос, и нам предстоит лежать на голой коже.

До самой полночи свирепые порывы ветра, угрожавшие снести наши палатки, и непрекращающийся дождь. Несмотря на холод и сырость, чтобы не сказать мокроту, мы были в сносном положении, так как палатки нас защищали.

Собаки запрятались под катера и всюду, где могли укрыться, а мы не выходили из палаток. Продолжался юго-западный ветер, барометр упал, а температура поднялась до $-1\frac{1}{2}^{\circ}$. Если нас не отнесет снова к северу, чего я очень опасаясь, буря поможет нам в двух отношениях — сломает лед и облегчит наше продвижение.

7 и июля. Обедали в полночь. Ветер немного крепчает, температура упала до -1° . Дождь прекратился. Теперь я ожидаю, что ветер переменит направление к северо-западу. Погода была настолько неустойчива, что я решил остаться в лагере и выступить в обычное время или немного раньше.

Анегин застрелил тюленя, но, прежде чем спустили ялик, тюлень погрузился в воду. Глубина воды 42 метра, быстрый дрейф к северо-востоку.

Пужинали в 6 часов. Снова водворили первый катер на сани. Ниндемани сегодня заболел. Чтобы не беспокоить его, палатка № 1 приступила к работе в 7 часов. Ветер изменил направление к западу, температура 0° . Сильный снегопад. Большие снежные хлопья похожи на пучки перьев.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов. Во время нашего сна порывистый ветер изменил направление к северо-западу. Иногда показывалось солнце. Температура -1° .

8 и июля. Двинувшись в путь в 20 часов, к 7 часам утра прошли милю. Свежий северо-западный ветер образовал разводья всюду, но только не там, где это было нужно, и нам пришлось беспрерывно устраивать переправы и мосты.

Ветер пронизывал насквозь, к нему присоединился обычный туман, и мы промокли и замерзли. Смогли пообедать не раньше двух часов ночи.

Чтобы пройти первые полмили, мы затратили 6 часов. В 3 часа двинулись дальше и к семи пришли в лагерь, где в 7 час. 30 мин. поужинали и в 9 часов легли спать. Встали в 18 часов. В 19 час. 45 мин. снежный шквал. В 20 часов тронулись вперед и благодаря хорошей дороге, к 12 часам ночи прошли милю с четвертью и остановились обедать.

9 и июля. Сегодняшнее продвижение должно вознаградить нас за вчерашние неудачи и замедление. Мы не плохо продвигаемся, когда нет разводьев. Теперь на двух саних уменьшился груз и наладилась работа саней, запряженных

собаками. В связи с этим людям приходится делать тот же путь четыре раза, а саням с собаками — пять раз. Так получается потому, что при первом рейсе продвигаются двое саней, при втором тоже двое саней, при третьем идет первый катер, при четвертом второй катер и китобойный вельбот, и работа как команды, так и саней с собаками заканчивается в одно время.

Одна пройденная миля составляет 7 миль, сделанных людьми, и 9 миль — санями с собаками.

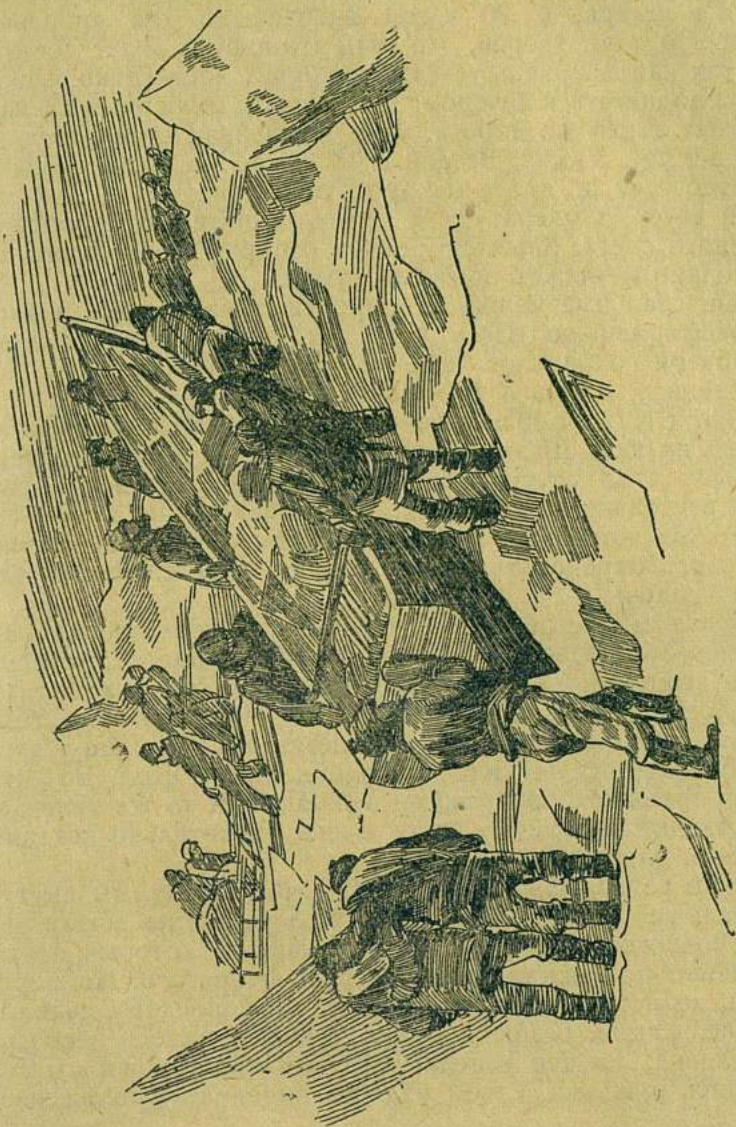
Мне приходится три раза утром и вечером проделывать дневной путь, не считая того, что я хожу выбирать путь, и следить за продвижением арьергарда. Я могу судить по себе, с каким нетерпением команда и Мельвилль должны ждать наступления отдыха.

Алексей выполняет свою работу, но страдает желудком. Я узнал от доктора, что его подавленное настроение объясняется тем, что его отец и дядя умерли от этой же болезни и он боится, что его ожидает такая же участь. Он глубоко убежден, что мы можем все достать. Вчера он совершенно серьезно просил у доктора баранины. Его просьбы звучат несколько странно, так как теперь пеммикан заменяет нам рыбу, мясо и дичь.

Продолжается свежий северо-западный ветер, и, хотя мы прятались под защиту катеров, нам было холодно, и мы чувствовали себя отвратительно. Туман ухудшал наше состояние. Не думаю, чтобы кто-нибудь пожалел, когда в 11 час. 10 мин. я дал приказ двинуться дальше. На небольшом расстоянии от места, где мы обедали, мы увидели отдушину, где, без сомнения, находился тюлень со своим потомством. Дальше мы встретили следы медведя. Мы подошли к старому льду, и дальнейшее продвижение, повидимому, будет нетрудно. Нигде не видно разводьев, и я надеюсь до привала успеть сделать 3 мили. Это будет рекордный дневной переход.

Образование льда более чем годовое. Над поверхностью льда возвышаются твердые, ровные глыбы, достигающие 3,5 и 4,5 метров. Все они идут к юго-востоку, что указывает на сжатие с северо-запада. Согласно моей немецкой карте на Новосибирских островах зимой преобладают юго-западные и северо-западные ветры и, повидимому, здесь то же самое. К 3 часам ветер изменил направление к западо-северо-западу.

Временами идет снег, временами град. Несмотря на сравнительно хорошую дорогу, всех нас замучил наш мно-

Проталкивание ботов через лед

гочисленный „флот“. Только к 7 час. 30 мин. последний бот прибыл в лагерь. С 20 часов вчерашнего дня пройдено 3 мили. Но я не уверен, что этим что-нибудь будет достигнуто, так как все очень устало и не будут достаточно свежи, чтобы продвигаться вечером. На полторы мили впереди нам предстоит такая же дорога, уже отмеченная нами флагами. Легли в 9 час. 30 мин. Встали в 18 часов. Во время нашего сна ветер стих, и, когда мы проснулись, задувал легкий западный ветер; температура 0° и, что удивительно, проблеск солнечного света. Кажется, погода собирается проясниться, если только не ляжет обычный туман.

Наши спальные мешки от сырости превратились в мягкую, бесформенную массу, и от них теперь мало пользы, хотя внутри сохранилось еще достаточно волоса.

Пустились в путь в 20 часов.

10 июля. К 12 час 15 мин. ночи прошли полторы мили и остановились на обед. До этого времени было достаточно солнца, но теперь стал спускаться туман. Высота нижнего края солнца настолько низка, что я, к сожалению, не могу уловить его искусственным горизонтом. Ввиду этого мне только раз удалось определить высоту солнца, хотя солнце и светило в полночь.

Сегодня мы встретили на пути много игольчатого льда, пользуясь обозначением, предложенным Парри,¹ приписывавшим его образование дождевым каплям. Мы думаем, что причину появления „игольчатого льда“ надо искать в том, что соль в некоторых местах смывается быстрее, чем в других и оставляет пучки или борозды длинных игол. Во внутренних трещинах при разрезе наблюдается то же явление. Прохождение по такому льду очень утомительно как для нас, так и для собак.

Легкий ветер, иногда вьюга. В 1 час 15 мин. мы выступили дальше по хорошему пути. К 5 часам мы дошли до конца ровного льда и подошли к каналу, который почти совершенно отделял это ледяное поле от другого. Мы перешли по небольшому перешейку, соединявшему льдины, и в 6 час. 40 мин. разбили лагерь. В канале видели нескольких тюленей, но они успели скрыться прежде, чем мы вооружились ружьями. Утром удалось определить положение:

¹ Парри Э. (1790 — 1855), английский исследователь полярных стран. В 1818 году участвовал в экспедиции Д. Росса в Баффиновом проливе. С 1821 по 1823 и в 1827 году пытался найти „Северо-западный проход“ из Атлантического океана в Тихий вокруг северных берегов Америки.

77°8'30" северной широты и 151°38' восточной долготы, с 3 июня изменение на $26\frac{3}{4}$ мили на SO 30°. По подсчету, мы прошли к юго-западу около 16 миль. Нам остается не изменять наше направление, и я считаю, что если только определенная мною долгота правильна, курс на юго-запад скорее всего может привести нас к кромке льда.

После ужина слышали крик „земля“. Действительно к юго-западу виднелось что-то похожее на землю; но уверенности не было, так как часто туман принимает вид, способный ввести в заблуждение всякого. Ближайшие сибирские острова находятся от нас в 120 милях, и поэтому я не могу поверить, что мы сегодня видели землю, разве только нам предстоит открыть новые острова. Я считаю, что сегодня за $9\frac{1}{2}$ часов мы сделали $3\frac{1}{4}$ мили.

Температура 0°. Встали в 18 часов, позавтракали и в 20 час. 15 мин. двинулись в путь. Небольшое опоздание вызывалось тем, что я отправил по палаткам мешок со следующим приказом:

„11 июля 1881 года.

Прошу офицеров каждой палатки собрать и сложить в мешок всю свободную амуницию. Мешок будет отправлен на первом катере и находиться в моем ведении. Если во время пути почему-либо потребуется амуниция или если встретится какая-нибудь добыча, каждому офицеру предоставляется выдавать амуницию из мешка. Во время остановок выдача будет производиться исключительно мною,

Д. В. Де-Лонг“.

Так как путь на полмили вперед был уже выбран, то я остался, чтобы сделать запись в дневнике, а вперед отправил Денбара, за ним доктора с отрядом для прокладывания пути и, наконец, Мельвилля с его отрядом.

В 9 часов я пошел за ними и встретил Анегина. Он бежал за ружьем, так как Денбар заметил медведя. Когда я подошел, я узнал от Денбара, что он действительно натолкнулся на медведя, но, не имея ничего, кроме кирки, как осторожный человек, предпочел убежать. Медведь был от него на расстоянии 30 метров, а когда Денбар убежал, мишка некоторое время гнался за ним. Затем медведь уселся и стал рассматривать Денбара; он скрылся только тогда, когда

Анегин подоспел с ружьем. Была организована погоня, но она ни к чему не привела.

11 июля. К 13 часам подвинулись на полторы мили, и я рассчитываю, что сегодня также будет пройдено 3 мили.

Неожиданно появился канал на расстоянии четверти мили от места, где была намечена остановка на ужин. Последние дни часто слышался мягкий плеск воды, и поэтому меня не удивило, когда вода оказалась так близко. Мы подошли к каналу в 15 часов. За это время разводье значительно расширилось. За ним недалеко появились и другие разводья; пришлось наводить мосты и переправляться, и, когда мы разбили лагерь, оказалось, что вместо трех пройдено только 2 мили.

Меня сильно поразило, что на юго-западе скопились облака. Денбар утверждает, — не похоже, что эти облака нависли над льдом.

Я взобрался на верх тороса, на высоту 6 метров над уровнем воды, и, внимательно разглядывая в бинокль, совершенно ясно различил и воду и землю. Очевидно, это та самая земля, которая была нами замечена вчера. Что это за земля, часть ли Сибири, или открытый нами остров, — сказать никто не может, так как мы не определили долготу, но во всяком случае едва ли это один из островов Ляхова.

Оказывается, что я имел все основания изменить наш курс с юга к юго-западу, так как новый курс скорее приведет нас к освобождению. Я предполагаю, что земля находится от 10 до 15 миль от нас. Я видел большое пространство чистой воды, на котором двигались длинные полосы оторвавшегося льда. Не исключена возможность, что за кромкой ледяного поля нас ждет чистая вода, простирающаяся до сибирского побережья, что соответствует утверждению русских исследователей. Правда, наш опыт опроверг уже столько теорий, что с трудом верится в возможность вырваться из власти льдов.

Сегодня ровно месяц со дня гибели „Жаннеты“. Но, несмотря на нашу тяжелую работу, ни один из нас не сдался. Правда, все согласны с тем, что такого тяжелого труда еще никто не испытал: все кости болят от работы с кирками над твердым, как кремль, льдом.

Похоже, что нас ожидает сильный юго-восточный шквал. Небо заволкли облака, все окутано туманом. Юго-восточный шквал может отбросить нас к северо-западу.

12 июля. Значительно холоднее, ветер переменял направление к западу. Солнце ярко светит и дает возможность осмотреть наше окружение. Лед впереди нас вскрылся под влиянием ветра, и пришлось прибегнуть к переправе. Эта работа сама по себе не тягостна, но идет ужасно медленно, так как не всегда имеются под рукой подходящие куски льда, а нам ведь надо использовать ледяные острова в качестве парома.

В конце концов мы перебрались через два ледяных поля, каждое протяжением в милю, и в 6 час. 30 мин. остановились и разбили лагерь на ледяном острове диаметром в 500 метров и толщиной в среднем в 3 метра. Это было самое подходящее место для остановки.

Дальнейшие перспективы нашего продвижения не очень радужны. Перед нами неровный лед и каналы воды. Каналы не настолько велики, чтобы нам помочь, но достаточно широки, чтобы служить препятствием.

Ветер изменил направление к северо-западу. Ясно и солнечно. Прошли полторы мили. Вчерашняя земля и вода совсем скрылись из виду.

Туманный юго-западный горизонт. Много кайр, несколько чаек; как ни странно, доктор подобрал бабочку — редкий гость на льду. Она несомненно принесена с земли либо вчерашним юго-восточным ветром, либо сменившим его юго-западным. Я сохранил эту бабочку.

Ужин в 19 час. 30 мин. Измерение глубины дало 42 метра, грязное дно, быстрый юго-восточный дрейф; свежий северо-западный ветер; термометр — 0° , облачно и туманно; тронулись в 20 часов. Сразу же пришлось переправляться с острова, где был лагерь, на другой, а с него на соседний и т. д.

13 июля. К полуночи прошли только полмили, дойдя до полосы льда длиной в милю. Остановились обедать, а в 1 час 50 мин. пошли дальше. Пройдя милю, очутились у разводья шириной около 60 метров, отделявшего нас от ледяного острова. С противоположной стороны к нему легко было подойти со льдины. На наше счастье, по разводью плыли три больших глыбы льда; мы зацепили их и устроили из них мост и, таким образом, смогли без промедления идти дальше. За нами на расстоянии полумили тянулось плоское ледяное поле, примерно в 5 миль к северо-западу и юго-востоку. Держась намеченного курса, мы прошли по этому ледяному полю только полмили и раз-

били лагерь, вполне удовлетворенные тем, что одолели милю и три четверти.

Пока подходили боты, я с Денбаром на ялике отплыл на разведку по каналу, у которого оканчивалось ледяное поле. Канал никуда не вел, если не считать высокого тороса, с которого можно было хорошо осмотреть всю окрестность. Я сразу убедился, что завтра придерживаться нашего курса не придется, так как дорога к хорошему льду вела через невероятное число переправ и весь день ушел бы только на перегрузку. Перебравшись через канал на запад, мы попали бы на ледяное поле, идущее на 2 мили к западо-юго-западу; это поле соединялось с хорошим льдом, по которому мы могли бы снова продвигаться по нашему курсу. Я решил, что мы так и сделаем.

По возвращении в лагерь я снова заметил странные облака, которые мы уже видели на юго-западе 11 июля. Как я ни старался различить землю и воду, — мне это не удалось. Однако, очень скоро Денбар мне сообщил, что он видит чистую воду. Тогда и мне, наконец, удалось различить чистую воду, на которой плавали полосы льда. Земли не было видно, а вода, как мне кажется, находилась не далее 8 миль к юго-западу. С полночи погода стала мрачная. Мы пересекали громадные пруды, такие, каких мы еще не встречали, а впереди их было еще больше; как это обстоятельство, так и удивительная рыхлость льда привели нас к заключению, что мы находимся близко от чистой воды. Так как этот вопрос мы сможем окончательно разрешить только при очистившемся горизонте, то туман был особенно некстати.

Сегодня впервые за 2 года имело место серьезное нарушение дисциплины и, что особенно удивительно, со стороны человека, поведение которого до сих пор не давало поводов ни к каким упрекам. Мельвилль положил пару подметок на корму одного из катеров и от толчков во время движения подметки соскользнули на спальный мешок Старра. Когда мы стали лагерем, Старр подошел к катеру, подобрал подметки и с раздражением выбросил их на лед. Мельвилль заявил, что это его подметки, и приказал Старру подобрать их. Не обращая никакого внимания на приказ, Старр продолжал ворчать по поводу мокрых подметок и своего спального мешка, говоря, что ему нет никакого дела до того, чьи это подметки. Когда я услышал, что Мельвилль повторяет приказ, а Старр позволяет себе всту-

пать в спор и сердиться, я подошел к ним и, к моему удивлению, увидел, что Старр не только не собирается поднять подметок, но продолжает грубо и непочтительно разговаривать; я немедленно велел ему замолчать и выполнить распоряжение Мельвилля. Но мои распоряжения также не были выполнены.

Старр продолжал рыться в катере, не переставая ворчать: „хорошее место, чтобы класть мокрые подметки“ и т. д. Только после трехкратного или четырехкратного повторения приказа он, наконец, подобрал подметки. Мой приказ замолчать не помешал ему высказать все, что он хотел. Я велел ему отойти в сторону от всех и через несколько минут спросил его, чем он может объяснить свое поведение — неподчинение распоряжениям как Мельвилля, так и моим приказаниям. Он не мог ничего привести в свое оправдание и сказал, что не понял, что приказ Мельвилля относится к нему. Такое объяснение, по меньшей мере, нелепо. Я немедленно отстранил его от работы.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов. Ясный светлый вечер — безветрие. На юго-западе виднеется что-то напоминающее землю. Некоторые утверждали, что они видят и воду. В это время лучи солнца ударяют под прямым углом, и потому нельзя рассмотреть то, что расположено к юго-западу. Но если ясная погода продержится до 4 часов, то солнце окажется позади нас и как раз над предполагаемой землей и водой, и тогда мы сможем все выяснить.

Тронулись в путь в 20 часов. Вблизи лагеря пересекли канал и продолжали путь к западо-югу-западу. За время нашего сна на большом ледяном поле образовалось много незначительных разводьев, что заставило нас наводить мосты.

14 и ю ля. В полночь мы дошли до хорошего льда и вновь двинулись по прежнему курсу на юго-юго-запад. За два часа до полуночи с северо-запада подул ветер; он нагнал много тумана, который быстро распространился по всему небу, и за время обеда мы промокли и замерзли.

Я забыл упомянуть, что несколько дней тому назад у некоторых собак появились припадки. Сначала у Джима. Припадок начался, когда он был в упряжке, и длился еще после того, как его выпрягли. Его трясло как в лихорадке, появилась пена. Затем был сильный припадок у Фокси. У Тома болезнь приняла странную форму. Казалось, что у него головокружение: собака вертелась минуту или две,

а потом набросилась на своего соседа по упряжке Вольфа, как будто бы тот был виноват в болезни.

Том, повидимому, выздоровел, так как уже два дня припадок не повторялся. Теперь во главе упряжки из 7 самых слабых собак идет Том. Эта упряжка тащит ящик под наблюдением доктора. У Эриксона 7 собак самых лучших, а у Алексея семь хороших. Бедный Джек с изувеченной спиной случайно был забыт у одного из каналов, а остальные собаки настолько плохи, что нет смысла их впрягать.

Мы выступили в 1 час 50 мин. и пошли вперед. Путь был отвратительный, пришлось прокладывать дорогу, наводить мосты. В 6 час. 20 мин. мы прошли 2 $\frac{1}{2}$ мили и расположились лагерем. Погода неважная. Иногда сквозь туман проглядывало солнце, но с северо-запада поднимался новый туман, заволакивая все кругом. Во время стоянки не прекращалась выюга.

Днем я заметил, что небольшие пруды на льду замерзли, а во время остановки с удивлением констатировал, что на тонком льду отчетливо видна выкристаллизовавшаяся соль. Если незамерзание воды при температуре ниже нуля не считать достаточным доказательством наличия соли, то выделения во всяком случае свидетельствуют с полной очевидностью о солености льда.

Подошвы сапог очень быстро изнашиваются от острого льда, по которому мы движемся, и расход кожи теперь больше, чем это допускает наш запас. Я уже дал разрешение взять кожу с весел ялика, а сегодня я велел срезать кожу с рулевых весел первого катера. Этой кожи хватит надолго, и я надеюсь, что освобожусь хоть от этой заботы.

Умеренный северо-западный ветер. Мрачная погода, туманно. Двинулись в путь в 8 час. 15 мин.; задержка была вызвана тем, что во время нашего сна собаки сожрали часть сбруи, которую мы по неосторожности оставили слишком близко от них. До обеда нам предстояло одолеть не меньше 11 разводьев, причем через три пришлось наводить мосты. К 1 часу ночи мы прошли полторы мили.

15 июля. Еще до полуночи горизонт к северо-западу стал проясняться. Туман и облака рассеивались, и иногда проглядывало солнце и голубое небо с перисто-слоистыми облаками, поднимающимися с юго-востока.

К полночи небо очистилось с запада и с юго-запада. Я начал всматриваться, не видна ли земля и вода, и в это время заметил Алексея, который с высокого тороса напряженно смотрел на запад.

Поспешив ко мне, Алексей обратил мое внимание на длинную черную полосу на западном горизонте, утверждая, что это остров. Мне показалось, однако, что это вода, и, когда я взял бинокль, оказалось, что я не ошибся. Видна была длинная полоса, та, о которой я говорил 13-го. Может быть, та самая, которую мы видели 11-го. Я убежден, что это океан. С нашего возвышения горизонт не может быть больше 6 миль, и поэтому кромка льда должна быть на таком же расстоянии. Ясно также, что мы дойдем до воды раньше, чем до земли.

Во время обеда мы впервые за 2 месяца увидели луну и, что еще более нас устраивает, тюленя. Коллинс застрелил его в канале, и ялик успел подойти во-время, прежде, чем тюлень пошел ко дну. Мы выступили в 2 часа 20 мин. взяв курс на SSW. Я предложил Денбару и Алексею пойти вперед, чтобы выяснить, действительно ли мы приближаемся к чистой воде, причем им не надо было считаться с продвижением саней. Я убежден, что пока мы пройдем полмили, они смогут пройти 3 мили, и оттуда им будет легче определить, далеко ли еще до чистой воды. Денбар взял с собой ружье, амуницию и пеммикан.

К 5 час. 5 мин. мы продвинулись на три четверти мили и подошли к ровному месту, годному для остановки. Было еще одно подходящее место, но слишком далеко, и мы не успели бы во-время до него добраться. Мы как раз успели поставить палатки, когда начался непрерывный дождь. Ветер изменил направление к западо-северо-западу, небо покрылось облаками, главным образом к северу и югу. Убитый тюлень пришелся очень кстати и как корм для собак и как смазка для протекающих сапог.

Еще до остановки я освободил Иверсена от другой работы и поручил ему заняться этим делом. У тюленя был удален спинной хребет и ворвань, а мясо разрублено на маленькие куски, и все количество—около 8 килограммов—было пропорционально распределено между пятью палатками. Таким же порядком была роздана и ворвань, и я уверен, что все получили свою долю. Каждая палатка получила, кроме того, дополнительно спирт для подогревания пищи, по 2 унции соли и хлеба. В 7 час. 15 мин. мы у себя в палатке № 1 сели за чудесный ужин.

В 7 час. 30 мин. возвратились Денбар и Алексей и сообщили мне о результатах своего путешествия. Они прошли 3 $\frac{1}{2}$ мили и, по мнению Денбара, прошли полпути до чистой

воды. Земля была так же далека, как и раньше, и ничего не было видно. Очевидно, земля далеко, и, вероятно, в конце концов окажется, что это один из островов Ляхова. Но я благодарен судьбе, что скоро мы окажемся на воде и что подход к ней не слишком труден.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов. Как ни странно, ясная хорошая погода, хотя температура (1° на солнце) давала основание ожидать облачного неба и тумана. Двинулись в дорогу в 20 часов. Дорога была „каменистая“, приходилось откалывать путь; пересекали несколько каналов, причем потребовался только один мост.

Сегодня кончились запасы какао и шоколада. Команда несет вахту по 2 часа. Температура поднялась до 2° . Из-за густого тумана даже вблизи ничего не видно. Вокруг нас столько воды, что мне кажется — мы уже добрались до кромки льда. В 18 часов сильный ливень, юго-восточный ветер. Сначала был очень сильный ветер, но потом ослаб и перешел к юго-западу.

В 20 часов я на ялике поплыл вперед, чтобы выяснить положение. Стоял такой туман, что из лагеря нельзя было рассмотреть другой берег окружавшей нас воды. Не успел я отправиться в путь, как пошел дождь. Но потом горизонт стал проясняться, и можно было ожидать улучшения погоды. Я установил, что для дальнейшего продвижения необходимо спустить наш караван вниз по каналу длиной около 300 метров и затем перетащить все через льдину к следующему каналу, через который также придется переправляться. В 21 час мы разгрузили первый и второй катер и воспользовались ими как паромом.

Сравнительно легко мы втащили палатки, спальные мешки, вещевые мешки и другие тюки и даже собак и собачьи сани, но с нагруженными санями у нас было много затруднений, так как легко можно было повредить катер. Мы использовали для этой цели только первый картер и положили сани на корму, сделав два рейса. Затем погрузили остальные двое саней, одни на нос, другие — на корму, а сами встали вшестером на середину катера, регулируя при переправе распределение тяжести. Конечно, это было сопряжено с риском, но я не хотел терять времени на разгрузку, погрузку и привязывание четырех тяжелых саней. Я не думаю, чтобы до обеда мы сделали больше четверти мили.

Глава XIV

ОСТРОВ БЕННЕТА

16 июля — 5 августа 1881 года

16 июля. К полуночи мы продвинулись на добрую милю и остановились, чтобы пообедать. Попрежнему ясная, хорошая погода, на небе перистые облака. Остров вырисовывается отчетливее, чем вчера, но воды не видно. В 14 часов снова двинулись в путь, а к 17 часам прошли еще полмили. Так как место было неудобно для привала, я отправил вперед Денбара на поиски, а сам занялся определением нашего местоположения.

Денбар выяснил, что впереди на расстоянии четверти мили имеется удобное место, куда мы сможем привести сани, так как бывшие на пути разводья закрылись. Затем Денбар ушел, чтобы отыскать высокий торос, с которого можно бы было увидеть воду.

Прошло много времени, а Мельвилля, который должен был вернуться за второй частью нашего каравана, все не было.

Я не мог понять, в чем дело; наконец, я сам бросился вперед с секстаном в одной руке и искусственным горизонтом в другой и выяснил, чем вызывалась задержка. Оказывается, появилось разводье, и мы попали в затруднительное положение: сани с собаками уже были переправлены и разгружены, но их нельзя было доставить обратно, и Мельвилль бился над тем, чтобы вырваться из западни.

Только к 9 часам все наши пожитки очутились в лагере, и на это ушло вместо часа целых три.

В виде утешения мы получили тюленя. Коллинсу удалось его подстрелить, а ялик успел его подобрать. Нас снова ждет великолепный ужин.

Со мной сегодня случилось неприятное происшествие. Чтобы взобраться на торос, откуда открывался вид на

землю, мне с Денбаром пришлось свернуть с пути и перепрыгивать через довольно широкие разводья. Когда я прыгнул через разводье шириной в 1 метр, лед подо мной подломился, и я оказался по шею в воде. Меня удерживала одежда, Денбар захватил меня, как он думал, за капюшон, а в действительности за бакенбарды, чуть не оторвав мне голову.

Мой вещевой мешок находился в арьергарде каравана, и я послал за ним Джонсона. Скоро я получил сухую одежду, а яркое солнце высушило мокрую.

Сани с собаками опрокинулись, и погибло 120 килограммов пеммикана.

Главное событие сегодня — это громадный жирный тюлень; нам снова обеспечена и еда и смазка для сапог.

После большого промежутка времени увидели моржа. Коллинс и Ниндемани выстрелили в него и попали, но он остался под водой, хотя несколько раз и всплывал.

Земля видна сегодня совершенно отчетливо, вода не обнаружена. Денбар уверяет, что он видел ее слева около 7 часов, но я думаю, что он ошибается.

Ужин в 10 час. 15 мин. Тюлень был превосходный. Мы кончили ужинать поздно, и я решил определить высоту солнца. Результат: $76^{\circ}41'$ северной широты. Завтра мы выступаем несколько позднее, так как ввиду предстоящей плохой дороги надо предварительно облегчить груз на санях № 1. Легли в 11 час. 15 мин. Легкий северо-западный ветер, температура $-1\frac{1}{2}^{\circ}$; на небе начали появляться перистые и перисто-слоистые облака.

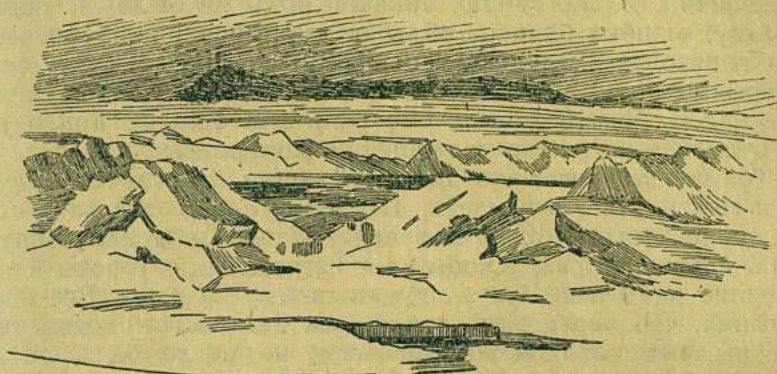
Встали в 20 часов, легкий западный ветер, небо обложено облаками; позавтракали в 21 час.

Чипп окончательно поправился и сегодня приступил к исполнению своих обязанностей. Теперь наблюдение за прокладкой дороги и наводкой мостов переходит к Мельвиллю, а доктор остается в резерве. Починили сани № 1 и № 2 и уменьшили на них груз. Денбар отправился ставить флаги по пути и, вернувшись, передал мне, что видна вода. Поднявшись на торос, я смог убедиться, что это действительно так. Вода находилась справа от острова, который вырисовывался еще отчетливее. Надеюсь, что мы накануне нового открытия. Мы находимся на $76^{\circ}41'$ северной широты и $153^{\circ}30'$ восточной долготы. Глубина — 43 метра, грунт — ил.

17 июля. Тронулись в путь в 1 час. Коль задержался с санями № 4, так как не успели их еще нагрузить. В 200 мет-

рах от лагеря пришлось задержаться из-за моста, навести который было очень трудно. Мельвилль прекрасно справился с этим делом. Чипп быстро переправился со всем караваном, и мы, наконец, подошли к твердому льду, где продвижение пошло значительно быстрее, и к 6 час. 45 мин. нами было пройдено свыше полуторы мили.

Мы остановились и разбили лагерь. Во время пути с вершины тороса была видна вода с правой и левой стороны острова. С правой стороны вода тянулась на небольшое

Вид на остров Беннетта

расстояние. Денбар отправился вперед и, по его словам, пройдя полторы мили, установил, что вода находится в 3 милях от этого места. От нас же до воды $4\frac{1}{2}$ мили. После возвращения Денбара мы сделали еще полмили, и теперь от воды нас отделяют 4 мили. Земля попрежнему так же далека. Денбар считает, что мы сможем в два дня добраться до воды, так как однолетний лед много лучше и местами ровный. Посмотрим.

Сегодня натолкнулись на „малиновый снег“ и на глыбы грязного льда. Когда я провалился в воду, мы смогли установить любопытный факт: оказывается, что у тюленей было две отдушины, соединенные проходом, покрытым снегом и тонкой корой льда. Я думаю, что здесь тюлени прятались от медведей. На льду около одной из отдушин было углубление, где тюлени лежали и где они терлись, когда линяли.

Встали в 18 часов. Позавтракали, в путь двинулись в 20 часов. Через четверть мили подошли к первому раз-

водью. Сани, запряженные собаками, прошли довольно легко, но так как разводье вдруг расширилось, то с катерами и тяжелыми саними пришлось повозиться. Дальше встретили еще два расширившихся разводья; с ними оказалось много работы, требующей большой осторожности и внимания. Мне самому хотелось посмотреть воду, которую видал Денбар, и я поднялся с ним вместе на возвышенность. Но, к моему удивлению, несмотря на утверждения Денбара о том, что он видел воду, на которой плавали полосы льда, я различил только землю; никакой воды не было, и, повидимому, ошибка Денбара объясняется рефракцией. На западном горизонте виднелись туманные очертания, а ниже еще более смутно можно было различить темные утесы и снежные массы. Чем больше я смотрел, тем больше приходил в смущение, а Денбар совершенно растерялся.

То мне казалось, что до самой земли простирается лед, то я готов был утверждать, что земля очень далека и что мы около чистой воды, где носятся глыбы дрейфующего льда. Иногда мираж поднимал и нагромождал торосы и небольшие пики и не было видно ни воды, ни земли. Все-таки я решил, что перед нами земля, так как частое появление фигуры, вид которой не изменялся, не могло быть объяснено действием рефракции. Я наблюдал более часа, следя в бинокль за всеми изменениями, и пришел к окончательному выводу, что темная масса — это земля, а что нижний слой, без сомнения, является водой. Несмотря на это, я решил после обеда отправить вперед Денбара и доктора, чтобы они, подойдя ближе, окончательно выяснили положение.

Затем я повернул обратно, чтобы узнать, отчего запаздывает Чипп. Оказалось, что его задержало разводье. От последней остановки мы прошли три четверти мили. В полночь я дал распоряжение остановиться и стать лагерем. Как раз в это время Коллинс позвал меня: „Что это, капитан, земля или вода?“ Коллинс показывал на юг. Положение еще более затруднялось. Земля это или вода? Если земля, то значит мы видели на западе воду. Если вода, то тогда землей была только слабо различимая линия и, к тому же, очень далеко. Я был совсем потрясен, а у Денбара был такой вид, как будто он свалился с неба. Я не знал, что делать дальше. Земля к югу была на гораздо большем расстоянии, и если бы мы взяли курс в эту сторону, то юго-восточный ветер отнес бы нас от земли раньше, чем бы мы ее достигли.

Если же идти к западу, то можно дойти до земли или воды раньше, чем нас отнесет юго-восточным ветром. Я решил выждать результаты разведки Денбара и доктора.

18 июля. В полночь Денбар и доктор отправились вперед, а в 1 час 15 мин. тронулись и остальные со всем имуществом. Мы пересекли два небольших канала и вышли на длинную, около 2 миль, полосу ровного однолетнего льда. По этому льду продвижение шло великолепно. За новым льдом начиналось длинное ледяное поле с твердым старым льдом (около 2 миль). Я уже считал, что за день мы сильно продвинемся, но неожиданно в старом льду образовалось разводье, которое заставило нас отойти, так что к 5 час. 40 мин., когда мы остановились на старом льду, со времени завтрака было пройдено не больше 2 миль.

Попрежнему хорошая погода. Временами солнце скрывалось за облака, и мы могли снимать наши снежные очки, которые большинство из нас переносит с трудом. Легкий западный ветер, облака медленно плывут с запада.

В 18 часов вернулись Денбар и доктор. По их подсчету, они прошли 4 мили в один конец. Они заявили, что видна только земля, а воды никакой нет. По их словам, до самой земли тянется лед; на каком расстоянии находится земля — установить они не могли. Это плохо согласуется с заявлением, что „через два дня — чистая вода“, но ничего не поделаешь.

После долгого размышления я решил еще несколько дней продолжать идти к земле. Я думаю, что земля ближе, чем мы предполагаем. Так как с юга ничего не видно, то, очевидно, земля всего ближе к нам с запада. Чипп утверждает, что утром он видел землю на севере. Если нам удастся добиться до земли, мы, во всяком случае, избавимся от вызываемого ветром бесцельного кружения. Если только острова Ляхова правильно нанесены на карте, то эта земля не может быть одним из этих островов, так как по карте самая северная их точка должна быть южнее и западнее от нас. Если, как утверждают Врангель,¹ Анжу² и Геденштром,

¹ Врангель Ф. П. (1796—1870) — русский полярный исследователь, описавший побережье Сибири от устья р. Колымы до острова Колючина, включая Медвежий острова. Именем Ф. П. Врангеля назван остров Врангеля.

² Анжу П. Ф. (1797—1869) — русский полярный исследователь, описавший в 1820 году побережье Сибири между реками Оленек и Индигирка.

³ Геденштром — русский полярный исследователь, описавший Новосибирские острова в 1808—1811 гг.

к северу от острова Ляхова есть чистая вода, то мы дойдем до нее от южного края этой земли.

„Лучше синица в руки — чем журавль в небе“, мы будем держать курс к земле, которую мы ясно видим, а не пойдем по движущемуся ледяному морю, не зная, куда приведет вы-
бранный путь.

19 июля. Я убежден, что мы прошли милю и три четверти к юго-западу. Ясно, солнечно, на северо-востоке появилось немного перисто-слоистых облаков. Ветер с юга начал крепчать. Земля видна совершенно отчетливо. Меня все еще удивляет отсутствие воды. В 1 час 15 мин. снова пустились в путь. После 2 миль хорошей дороги подошли к скоплению маленьких ледяных кусков, воды и редких глыб. По такому пути можно только плыть, продвигать же сани совершенно невозможно, а боты раскололись бы в куски. Здесь, очевидно, когда-то было торошение льда; повсюду возвышались громадные глыбы.

Поднимались на торосы. Я тщетно искал удобного прохода. Денбар так же тщетно бегал кругом. Мельвилль уже приступил к выполнению непосильной задачи: откопать несколько глыб и выровнять путь; но трещины делали эту задачу почти невыполнимой. В это время доктор сообщил, что он нашел более удобный путь дальше к северу. Мы сейчас же поспешили к этому месту; мне кажется, что там действительно можно пробраться и дойти до льда. Но было уже 6 часов — обычное время ужина, да к тому же мы прошли почти 4 мили. Переправа потребует, вероятно, не менее трех часов. Поэтому я решил сначала поужинать, а потом продолжать путь. Мне очень важно выбраться поскорей отсюда и перебраться на другую сторону, и, хотя мы уже прошли $3\frac{1}{4}$ мили, я вынужден заставить команду работать немного дольше обыкновенного. Несмотря на температуру $-1\frac{1}{2}^{\circ}$, я ожидаю юго-восточного ветра.

Куски „игольчатого“ льда, которые мы поднимаем, наглядно показывают, как образуется лед. Доктор обратил мое внимание на различные формы шестигранных призм, а также на пустоты и линии последовательного замерзания. Образование имеет сходство с образованием хлористого аммония или базальтовых колонн в пещере Фингала.¹ Куски легко

¹ Пещера Фингала находится на юго-западном берегу острова Стаффа в группе Гебридских островов. Известна своими базальтовыми колоннами до 17 метров высотой и световыми эффектами от лучей солнца, проникающими в пещеру сквозь воду.

отделяются слой за слоем, и по каждой линии замерзания и вертикально.

К 7 час. 20 мин. все добрались до края отвратительного пака. Небо попрежнему почти безоблачно, солнце ярко светит. Все почти жалуется на жару. Я выставил на солнце термометр, показавший 2°. В 8 час. 40 мин. выступили дальше.

До 15 часов нам было так трудно, как еще никогда. Мне еще не приходилось видеть такого нагромождения обломков искрошенного льда, отдушин и сплошного льда. Мы прокладывали дорогу, наводили мосты и с помощью канатов сдвигали движущуюся массу. На короткий промежуток времени мы достигали цели, а затем все расстраивалось. Только стремительным продвижением и рискованными прыжками мы перетаскивали все на твердый лед и расположились лагерем, сделав $4\frac{1}{4}$ мили.

К полудню с юга быстро поднялись облака и закрыли небо; это помешало мне определить широту. Встали в 13 часов. Глубина 41 метр.

20 июля. Как ни трудна была вчерашняя работа, надо быть довольным, что она не отложена на сегодня, так как сегодня из-за густого тумана выполнение ее было бы почти невозможным. Температура — 3°, объясняется испарениями, так как пруды на льду не обнаруживают ни малейших признаков замерзания.

Нашли Фокси мертвым в воде. Вероятно, у собаки был припадок, и она упала в воду.

Двинулись в путь в 1 час 30 мин. Хотя работа сегодня была не так трудна, как вчера, но все-таки она достаточно нас утомила. Уже было 6 часов, когда мы со всем нашим имуществом прошли полмили, отделявшие твердый лед, где мы стояли лагерем, от длинного, ровного пути. Я решил дальше не идти. Мы поставили палатки и начали готовиться к ужину.

Во время погрузки у первой партии саней на ледяную глыбу, служившую паромом, к нам подплыл морж, который тоже, повидимому, собирался расположиться на глыбе. Коллинс подбежал к моржу с револьвером и, выстрелив, попал около глаза. Морж погрузился в воду, и мы уже думали, что больше его не увидим, но скоро к северу от нас, среди разбитого льда, мы услышали тяжелое дыхание и, всмотревшись, увидели на льду большие кровавые пятна. Доктор немедленно бросился к твердому льду на запад,

Коллинс на восток, а Денбара я послал вперед. Скоро раздался выстрел, крик, чтобы дали канат, затем еще четыре выстрела и, наконец, морж был убит, и мы завладели добычей. Когда доктор выстрелил, морж был в воде. Он не был убит сразу, а только оглушен, так как иначе пошел бы ко дну. Денбар ножом прорезал дыру в плавнике, пропустил через нее ремень доктора, а потом выстрелом прикончил моржа.

Мы приволокли моржа в лагерь. Животное весило от 480 до 600 килограммов. Столько мяса ни мы, ни собаки при данных условиях не сможем съесть. Лучших частей, (вырезка, филейная часть, мозги, сердце, печень и плавники) хватит на три обеда, собаки также смогут весь день насыщаться вволю. Кожа будет разрезана и роздана на подошвы. Клыки получит Коллинс, который один клык решил преподнести доктору. В желудке у моржа найдены креветки, небольшие рыбки, похожие на корюшку, и много морских анемонов.

Около 4 часов туман рассеялся, но погода облачная и мрачная. До 7 часов земли не видно.

Тушеное моржовое мясо оказалось великолепным, хотя оно не такое сладкое и грубее, чем тюлень. На завтра у нас будет снова моржовое мясо, и мы захватим с собою столько мяса, сколько войдет в ялик.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов. Из-за тумана ничего не видно. В путь тронулись в 20 час. 30 мин. Пройдя четверть мили к юго-западу, подошли к разбитому льду и воде. Сани Мак-Клинтока сильно расшатались, надо было их укрепить; сани с яликом испортились, так как совершенно сжались полозья. Сани Эриксона также были не в порядке, и у Свитмана работы оказалось по горло. Все это нас сильно задержало. Я не решался пуститься вперед по такой ужасной дороге с неисправными санями и не считал возможным оставить здесь часть каравана.

В 23 часа ветер перешел к северо-востоку и усилился. Пошел дождь и, казалось, надолго. Лед в разводье (четверть мили обломков, торосов и айсбергов) пришел в движение.

Я опасался, что переход окажется невозможным. Все промокли насквозь. Нельзя было идти по движущемуся, неровному паку; ветер все усиливался, и надо было ждать бури.

Я решил здесь же поставить палатки и пообедать.

21 июля. В 1 час ночи палатка была поставлена. Начали готовить обед, а Чипп с командой отправился за яликом,

где было тюленьё мясо. В 2 часа обед был готов. Готовили на спирте. Все еще продолжается ливень; лед движется под действием сильного северо-восточного ветра. Мы потеряли день, но я примирился с этим.

В 5 часов 30 минут отчетливо видна земля между западо-юго-западом и западо-востоком. Глубина 40 метров. Быстрый дрейф к западо-юго-западу.

Ужин в 8 часов. Мы забрались в наши спальные мешки; ничего более удобного в нашем распоряжении не имелось. Ветер так рвал палатки, что казалось, они будут снесены. Время от времени шел дождь. Встали в 18 часов, позавтракали.

В канале попрежнему движется лед. Земля видна уже гораздо ближе. Она тянется от SW 87° до NW 56°. Ветер с востока, но уже слабеет. Перед нами такая дорога, что я не решаюсь следовать ею. Большие глыбы, обломки и айс-берги двигаются к югу. Иногда ледяная глыба, сдавленная еще большими глыбами, вдруг вздымается кверху. Возможно, что погруженные в воду части глыб освобождаются от на-двинутых на них ледяных масс.

Ветер начал снова усиливаться. Нельзя было и думать о продвижении.

Однако, к северу мы обнаружили место, где, казалось, переход через самую узкую часть канала не представлял особых затруднений. Денбар пошел вперед, чтобы наметить дорогу, а я поспешил обратно за санями, и в 21 час 35 мин. мы двинулись. Работая кирками, мы проложили сносную дорогу, хотя за это время последовало три сжатия, грозивших появлением разводьев. Действительно, едва мы успели перевезти боты, как образовалось разводье. Густой туман скрыл из виду землю.

22 июля. Через описанный выше переход переправлять сани и боты можно было только по очереди. К 1 часу мы перетаскили последний бот и сделали привал для обеда.

Мы оказались на хорошем, твердом льду. Правда, там были нагромождения, но продвигаться было не плохо. Еще до обеда я выслал Денбара наметить дорогу и, выступив в 2 часа 20 мин. мы перебрались без особых затруднений. Перед нами миля прекрасной дороги. Мы двигались так быстро, что в 5 час. 45 мин., ко времени привала, я с удовлетворением увидел, что мы с 21 часа 35 мин. сделали 2 мили. Я с Денбаром прошел полмили вперед по твердому, ровному льду, но нам пришлось остановиться, так как туман мешал

видеть впереди. Конечно, мы могли бы, дойти до этого места, прежде чем разбить лагерь, но я предпочитаю сначала выяснить путь для следующего продвижения.

Может быть, увидев землю, мы изменим направление, и наш путь будет лежать по лучшему льду.

Видели несколько полярных гагар и чаек. Снова к ужину моржовое мясо.

Мы освободились, наконец, от сырости и слякоти, которые так долго нас преследовали. Во льду было столько дыр, — или тюленьих отдушин, или мест, где скапливалась грязь, — что снег, растаяв на поверхности, уходил под лед. Теперь единственный наш враг — это разводья, но, к сожалению, они часто появляются.

Легли в 9 часов. Встали в 18 часов. Светило яркое солнце, но туман на горизонте закрывал землю. В 20 час. 10 мин. двинулись в путь и прошли больше мили по ровному льду. Но тут нас ждал разрыхленный пак шириной в 15 метров, который отделял нас от твердого льда, находившегося на расстоянии четверти мили. По мосту или, вернее, парому мы к полночи благополучно переправились на твердый лед и расположились обедать. В 1 час 20 мин. снова в путь.

Туман как будто рассеивался. Мы снова подошли к хорошему льду, и я поспешил вперед к торосу, с которого вместе с Денбаром собирался наблюдать землю. Мы увидели, как из тумана вырисовывается мыс, расположенный на NW 84° (магнитный); к нему, повидимому, вел хороший лед. В 4 часа почти безветрие. В 5 час. 40 мин. разбили лагерь, пройдя со вчерашнего вечера 2½ мили к северо-западу.

Туман над островом почти совсем рассеялся, и я смог установить, что перед нами не два острова, как я одно время предполагал, а один. Положение крайних его точек SW 82° и NW 27°. Я предложил Коллинсу сделать набросок острова.

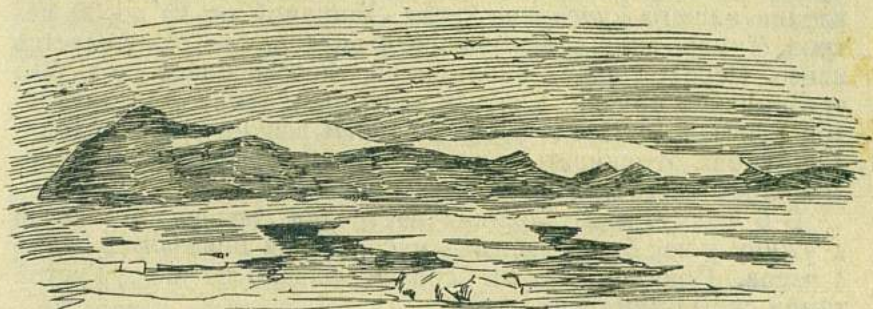
Остров теперь, по-моему, не дальше 5 миль от нас, а длинный, низкий мыс, спускающийся ко льду, еще ближе.

Великолепная погода, ветра нет. За исключением нескольких небольших слоистых облаков небо совершенно чисто. Задний план острова не виден, так как он скрыт облаками. Нестерпимо жарко, хотя термометр показывает —3°. Я определил, что мы находимся на 76°40' северной широты и 151°25' восточной долготы.

С 16 июля наше положение изменилось на 28½ мили на SW 38°. Глубина 37 метров, быстрый дрейф к западу.

Все, кроме меня, легли в 9 часов, я остался до полночи, чтобы определить высоту солнца, откуда получил широту $76^{\circ}39'15''$. Мое первоначальное определение оказалось почти самым правильным. Встали в 18 часов и тронулись в путь в 20 часов. Ясная, совсем безоблачная погода.

К югу видна земля. Перед выступлением еще раз определили ее положение. SW 87° и NM 18° (оба магнитные). Я держал курс к западной части острова. На востоке появилась полоса тумана, которая, казалось, надвигалась на нас,

Остров Беннетта, открытый капитаном Де-Лонгом и его отрядом

хотя погода попрежнему была ясная и приятная. Около мили и трех четвертей продвигались по хорошей дороге, а затем подошли к разводью, где плавали большие и маленькие ледяные глыбы; но все-таки было достаточно воды, чтобы перебраться на пароме. Весь лед был в движении. Так как условия перехода могли стать более благоприятными, мы отказались от бесполезного наведения мостов. В 9 час. 50 мин. все сани и боты прошли через разводье. В 10 час. нас окутал густой туман, земля скрылась из виду; легкий восточный ветер, при изменившейся температуре мы начали мерзнуть.

24 июля. В полночь мы пообедали около вскрывавшегося льда. Коллинс убил показавшегося тюленя, но, прежде чем подоспел ялик, тюлень пошел ко дну. В 0 час. 50 мин. выступили дальше. Во время обеда лед передвигался то к востоку, то к западу, но теперь движение прекратилось. От ближайшего твердого льда нас отделял канал чистой воды шириной в 50 метров. Я решил, что мы можем спустить боты в воду; переплыв на ялике и прикрепив его, мы

по очереди переправили водою бот. Когда подошел первый бот, мы его разгрузили и следующим рейсом перевезли собак, сани и все наше имущество. Через час с четвертью все было переправлено, и мы двинулись дальше.

Прошли расстояние в три четверти мили, и нас остановило движение льда. Громадные глыбы, кружась в водовороте, носились сначала к западу, а потом к востоку. Ежеминутно открывались и закрывались каналы. Там, где только что была хорошая дорога, появились разводья. Дальше тянулась полоса хорошего льда, и, самое главное, в направлении нашего курса шел канал, шириной от 15 до 30 метров. Туман лишал возможности видеть, где оканчивается канал. Переход через скользящий,двигающийся лед был чрезвычайно труден. Каждым саням приходилось сделать по три рейса, а команде четыре, причем всякий раз приходилось снова отыскивать дорогу. Мы переправились и расположились лагерем только к 6 час. 40 мин.

В 6 час. 30 мин. Коллинс застрелил тюленя, и завтра к ужину у нас будет тюленьё мясо. Земля показалась около 5 часов. Повидимому, мы совсем близко от нее. Густой туман скрыл землю из вида.

Легли в 9 часов. Вдруг раздался крик: „медведь!“, трое или четверо из нас бросились его преследовать; скоро раздался два выстрела, но в 9 час. 45 мин. охотники вернулись с пустыми руками. В медведя стреляли на расстоянии около 80 метров и довольно беспорядочно. Мишка был небольшой, с шерстью грязно-желтого цвета. Я сильно устал, сначала спал очень крепко, а к утру часто просыпался и в один из этих моментов пробуждения слышал два выстрела. Я не придавал этому никакого значения, но в 18 часов, когда Коль дал сигнал к сбору, я узнал, что в 16 часов Гертц застрелил медведя. Мишка подошел на 500 метров к лагерю, и Гертц, незаметно подкравшись на 100 метров, всадил в медведя две пули.

Попрежнему туманно. Легкий ветер с запада. Температура —2°. Что за погода в конце июля! В путь двинулись в 20 часов. Наш „флот“ направили по каналу к западу, а я спустился в ялике, но канал закрылся, и мы изрядно намучились, пока, наконец, в 0 час. 45 мин. мы достигли твердого льда.

25 июля. Выступили в 1 час. 45 мин., но из-за ужасного пути до 6 часов (время ужина) продвинулись на очень незначительное расстояние. Решили итти всю ночь.

Неожиданно совершенно отчетливо показалась земля, от которой теперь нас отделяло около мили. Ясно виден мох у подножья утесов. Двинулись в 8 часов.

До полудня ужасный путь — разводья, водовороты, которые отбрасывали нас от земли и разбивали наш караван. Проливной дождь. Пожертвовав отдыхом, мы прошли намеченное расстояние. Дождь заставил нас спрятаться в палатки. Повидимому, наш курс ведет к бухте на южной стороне острова. Дождь прошел. Возобновили продвижение в 14 часов, до 18 часов мучились так, что я никогда этого не забуду. Туман остановил нас; дойдя до хорошего льда, мы разбили лагерь. К ужину у нас медвежье мясо. Мы работали 24 часа.

Юго-восточный ветер. Температура — 1°.

Мы устали, промерзли, промокли. Нам хотелось есть и спать. Мы были разочарованы и с отвращением думали о работе, но были готовы завтра же снова вступить в бой. Легли в 21 час. Таким образом, мы возвращаемся к нормальной жизни — работаем днем, а ночью спим.

26 июля. Ночью я часто просыпался и слышал, как усиливается ветер и как временами идет дождь. Я хотел, чтобы все хорошо отдохнули, и поднял всех только в 8 часов. Дул сильный северо-восточный ветер, навис густой туман. Лишь временами можно было видеть очертания земли. К востоку от нас лед находился в движении, и от земли нас отделяла вода и дрейфующие глыбы льда. Дежурные сообщают, что ночью земля казалась гораздо ближе.

Кажется, я никогда не забуду вчерашний день, движение льда и появление каналов. Стоило нам начать двигаться по сносной дороге, как она портилась, лед под нами проваливался и, когда нам нужно было идти вправо, начинал скользить влево, и наоборот. Каждый раз, когда удавалось перевезти часть наших припасов, нам казалось, что мы спасли и их от гибели, а в то же время нас влекла к себе устойчивая, близкая земля, где мы могли бы отдохнуть на покрытых мхом холмах и откосах.

Вчера, в 8 часов, когда мы решили идти без остановки 24 часа, к берегу вело столько хороших дорог, что я не знал, на какой остановить наш выбор. Через 15 минут все дороги развалились, обратившись в массы льда и воды, поставившие нас в тупик. Нет никакого сомнения, что в 18 часов, когда мы остановились, все были настолько изнурены, что о дальнейшем продвижении не могло быть и речи. Мы

все промокли до колен, ноги у нас одеревенели, их сводили судороги, и нам стало легче только тогда, когда мы час или два пролежали в спальных мешках; но мы так устали, что не смогли заснуть. Однако, сегодня мы бодрь. Если бы мы не проработали 24 часа подряд, то во время бури сильный ледяной дрейф унес бы нас на милью от земли.

В полдень туман рассеялся, и на несколько минут показалась земля. Движение льда приблизило нас к бухте, и между нами и землей не больше двух миль почти свободной ото льда воды. К нашему ледяному полю пристало много торосов и ледяных глыб, что сильно затрудняет спуск ботов на воду. Волны непрерывно разбиваются о торосы. Палатка № 6 два раза срывалась. В 0 час. 30 мин. роскошный обед с медвежьим тушеным мясом.

К 1 час. 30 мин. туман снова скрыл землю, в остальном положение не изменилось. Как я ни хотел бы итти вперед, благоразумие требует, чтобы мы выждали более спокойной погоды. Барометр продолжает падать, временами дождь, сквозь туман ничего не видно. Я решил ждать улучшения погоды; тогда я отправлюсь на втором катере и выгружу часть припасов. Глубина 55 метров. Дрейф не наблюдается. Лед, повидимому, крепко сжат. По всей вероятности, отдельные торосы, прижатые теперь к ледяному полю, ослабев, позволят выбрать место для спуска ботов, и нам не нужно будет ждать, чтобы ледяное поле придвинулось к земле.

После полудня состояние льда начало изменяться. То казалось, что ледяное поле дойдет до острова, то появлялись разводья; временно наше ледяное поле приняло форму острова, и можно было спустить бот и добраться до берега. Признаюсь, у меня было сильное искушение это сделать, но я сообразил, что в китобойном вельботе, пока его не исправят, может поместиться только его команда, а остальным двум ботам для перевозки всего имущества придется переплывать по шести или семи раз. У китобойного вельбота каждый раз, когда его спускали на воду, появлялась течь, а сегодня—первый день, когда можно было заняться исправлением—погода не позволяла Свитману работать. Но я не успел еще спустить на воду ни одного бота, как между нами и землей показался лед. Льдина, на которой прошлой ночью мы разбили лагерь,—единственная большая ледяная поверхность, все же остальное—бесформенное нагромождение обломков. Если бы я пошел дальше или

остановился, не дойдя до этой льдины, трудно сказать, что было бы с нами. Мы медленно движемся к западу на расстоянии мили или полмили от земли. Сейчас мы идем рядом с большим ледником, и в бинокль можно рассмотреть его обломанные края, возвышающиеся на девять метров. Весь день я внимательно высматривал, где можно высадиться, но ничего не нашел. На побережье только утесы и ледники, высадка неудобна. Я надеюсь, что за ночь погода улучшится, хотя сейчас идет дождь, а небо мрачно, и там, где можно его рассмотреть сквозь туман, ничего не сулит хорошего. Ужин — тушеное медвежье мясо. Легли в 21 час.

27 июля. Встали в 6 часов, пообедали. Ветер изменил направление к востоку и теперь затихает. Попрежнему густой туман, на расстоянии 50 метров ничего не видно. Барометр поднимается, температура — 2°. Из этого я делаю вывод, что погода прояснится. До тех пор мы остаемся здесь. Я терпеливо прождал до полдня, но погода не прояснилась и к 13 часам. Попрежнему непроницаемый туман. Барометр все поднимается. Температура — 1°.

Глубина 29 метров. Я опасаясь, что, дрейфуя к западу мы слишком далеко продвинулись и что бухта окажется для нас бесполезной. Глубина воды в направлении бухты, как мы вчера установили, не превышала 24 метров.

В общем, все-таки нет оснований жаловаться. Все мы совершенно здоровы, несмотря на ужасную работу. У нас удивительный аппетит, хороший сон. Сорок один день продолжается поход через замерзший океан и до сих пор он не отразился на нашем здоровье.

К ужину у нас была только половина обычной порции мяса, так как медвежье мясо почти все съедено. Влияние пути сказывается только в том, что ноги у нас стали более чувствительны. Это вызвано тем, что они часто промокают, а это, конечно, неизбежно при переходах в брод. Чипп рассказал мне, как забавно происходит смена дежурных. Вместо того, чтобы вызвать смену или подойти к ней, что разбудило бы всех, пользуются причальным крюком. Чипп рассказывает: он как-то заметил ночью, что через дверь палатки просунулся крюк и, остановившись над Шарвеллем, стал энергично толкать его в спину, но тот только отмахивался, как от назойливой мухи. Так крепко спится в Арктике.

В 18 часов поужинали. В 18 час. 45 мин туман немного рассеялся, показалась земля приблизительно на расстоянии

полумили. С прошлого вечера, оказывается, мы дрейфовали вдоль берега, и ледник, который вчера был перед нами, остался слева. Перед нами и, повидимому, до самой земли тянулось очень крепкое ледяное поле голубого льда, отделенное от нас только незначительными разводьями. Нельзя было упустить такой случай. В 19 час. 15 мин. мы тронулись, впереди четверо саней, а за ними боты. Через час мы дошли до тяжелого ледяного поля, где убедились, что если мы пройдем еще полторы мили, то все же до земли останется полмили разбитого льда и водных пространств. Я установил, что за вечер с этим не справиться и что лучше посвятить этому делу день. Ветер изменил направление к востоко-юго-востоку и стал крепчать: начался непрерывный дождь, и я думаю, что с моей стороны было очень благоразумно, когда в 22 часа 45 мин., уже на кромке голубого льда, я велел остановиться и разбить лагерь.

28 и июля. Встали в 7 часов, позавтракали. Ветрено, туманно, неприятная погода. Иногда показывалась земля. Пошли немного к западу. Температура — 1. Снова в 8 час. 50 мин. двинулись в путь.

Я послал вперед Денбара, и нам скоро удалось перебраться через задержавший нас вчера разбитый лед. Мы подошли к небольшому ледяному полю, по которому стали поспешно продвигаться. Туман был совершенно непроницаем, и я стал было опасаться, что мы очутимся в тяжелом положении. Однако, по словам вернувшегося Денбара, на пути до прибрежного льда встречаются большие ледяные глыбы, и только одно разводье в 60 сантиметров. Взбравшись на этот лед, Денбар прошел по нему 100 метров по направлению к берегу. Такой хороший случай никак нельзя было упустить, и мы сейчас же двинулись в путь.

Но хотя мы очень спешили и быстро справились с переправкой паромом, все же, пока мы дошли до кромки, все развалилось на куски, и там было столько воды и движущегося льда, что мы не решились идти дальше. Движущийся лед напоминал небольшие оторвавшиеся от ледника айсберги с закругленными верхушками и совсем прямыми краями.

В полдень мы подошли к кромке ледяного поля и сделали привал для обеда. Солнце начало пробиваться сквозь туман, и я уже надеялся, что погода прояснится, но в 13 час. 30 мин. мы выступили при таком же тумане.

Положение несколько улучшилось, так как к нашей льдине подошла другая и нашлись подходящие глыбы для

моста. Это ледяное поле было невелико, и мы скоро его одолели. Впереди было другое большое ледяное поле. Мы погрузились на большую ледяную глыбу, как на паром, и начали проталкивать ее к ледяному полю. Вдруг раздался крик: „смотри!“ — впереди возвышалась земля, и мы быстро к ней неслись. Поспешно определили глубину, — 33 метра. Мы быстро добрались до ледяного поля, перетащили сани и боты и одолев еще две льдины, наконец, оказались у подножья ледника. Это было очень рискованное предприятие, так как нашей команде с палатками и припасами с трудом удалось добежать до последней льдины. Мы оказались в критическом положении: мы не могли добраться до подножья, от которого нас отделяло 3 метра воды и небольших глыб, и двигались со скоростью 3 миль в час.

Наша льдина была не очень прочна, и я опасался, что в водовороте движущихся льдин и небольших айсбергов она может расколоться и разломиться на части.

Это был жуткий момент. Мы находились не дальше полумили от юго-западного островного мыса, и, если бы нас постигла неудача, все труды и усилия двух недель оказались бы тщетными, и остров бы не был достигнут.

Скоро я заметил, что можно будет высадиться тогда, когда льдина станет углом к береговому льду. Отдан был приказ „быть наготове“, и мы с канатами ждали подходящего момента.

Скоро наша льдина задержалась. „Теперь время“, крикнул я Чиппу, и мы начали перебираться.

Одни сани очень хорошо проехали по неровному береговому льду; вторые сани едва не опрокинулись, третьи опрокинулись вместе с Колем; для четвертых саней пришлось притащить льдину и использовать ее как мост. Осмотрев внимательно льдину, я заметил, что она начинает подламываться. „Спускать боты“. Так мы и сделали, — люди бросились из саней в боты.

Первый катер уже начал отталкиваться, но в это время наша льдина оторвалась, увлекая за собой Мельвилля, Иверсена, Анегина, меня и шесть собак.

Часть собак Вильсон уже переправил на ялике, а за остальными он не смог вернуться.

Чипп в это время с ботами был уже у подножья, и я был уверен, что он справится и что все наше имущество цело.

Наш дрейф на льдине вызывал некоторые опасения, но, к счастью, очень скоро угол нашей льдины оказался вблизи

от берега, и, сделав отчаянный прыжок, мы очутились в безопасности. Наконец-то!

Хотя движение и прекратилось, мы не были еще на берегу. Нас отделяла бесформенная масса нагроможденных, сломанных, разбитых, треснутых ледяных глыб, так что сани не могли здесь пройти. Но я все-таки был рад, что мы на твердой земле, и дал приказ в 18 час. 30 минут разбить лагерь (первые сани подошли сюда в 17 часов). Мы находились в 15 метрах от самой земли. У подножья утеса был виден небольшой ручей, образовавшийся на месте таяния снега. С утеса сюда иногда падали валуны.

Ужин в 19 час. 30 мин. В 20 час. 30 мин. я произвел осмотр, а затем все вслед за мной переправились на берег, кто как мог, идя вброд, прыгая или устраивая переправы.

С трудом удерживаясь на крутых откосах, мы водрузили флаг.

Я обратился ко всем со следующим заявлением:

„Должен сообщить вам, что остров к которому мы пробились больше двух недель, является вновь открытой землей. Именем президента Соединенных штатов я принимаю его и называю островом Беннетта. Приглашаю вас провозгласить три раза „ура!“.

Никогда я не слышал более дружного „ура“. Потом мои спутники прокричали три раза „ура“ в честь меня.

29 июля. Я присоединил остров Беннетта к американской территории. Место высадки я назвал мысом Эмма. Легли в 21 час. Свежий восточный ветер, густой туман. Лед быстро уносится от берега к западу. Всю ночь невероятная трескотня птиц, но, несмотря на это, мы прекрасно спали.

30 июля. Созвал всех в 7 часов. В 9 часов приступили к работе. На время пребывания здесь выработан следующий план работы:

Чипп, Ниндемманн, Эриксен, Ли, Бартлетт наблюдают за приливом и отливом.

Коллинс — наброски, общая сводка всех данных.

Ньюкомб — флора и фауна.

Доктор Амблер — геологические исследования, сбор материалов.

Денбар — поиски добычи.

Де-Лонг — астрономические наблюдения, барометр, изменения компаса.

Команда — сбор птичьих яиц, плавника, цветов и других образцов.

Высадка на остров Беннетта

До полудня мне уже доставили мох, траву, противоцинготную траву, туф, лаву, креолит, желтые цветы, аметист.

После полудня Денбар передал мне два птичьих яйца величиной с куринные; они были в пятнах.

Джонсон принес покрытый мохом кусок рога северного оленя.

Денбар собрал целую коллекцию плавника, но не нашел дичи.

В полдень северная широта $75^{\circ}38'17''$. Температура -0° . До полудня был отлив, и, несмотря на западный ветер, лед быстро двигался на запад. Большие льдины напирали на прибрежный лед, сотрясая его, но он выдержал, а льдины, разбившись и расколовшись, унеслись дальше.

Собрано столько коллекций, что я могу только вкратце их отметить. Мельвилль нашел жилу каменного угля и принес большой кусок. Доктор нашел пух от лисицы или кролика, мох и цветы.

До 16 часов доставлены 108 птиц. Собрано уже много плавника. Один кусок внизу был отесан топором, как кол, у другого один конец обгорел. Мы уже собрали достаточно топлива.

Здесь есть уголь, тысячи птиц, и у нас не будет недостатка в горячей пище. Уголь горит прекрасно. Мельвилль считает, что в нем содержится от 50 до 60 процентов углерода.

Завтра он предлагает продолжить исследование, и я отмечу полученные результаты. К несчастью, и до полудня и после полудня облачно и туманно, и я не смог определить ни времени, ни азимут.

В 18 час. 30 мин. наблюдали оползень: большие массы камня и красной глины сползли вниз с вершины мыса Эмма. Наблюдение за приливом и отливом показало, что течение идет с запада.

К ужину нам подали птиц.

Произвели измерения глубины воды на различном расстоянии от подножья и утеса: в 15 метрах — глубина 2 метра; в 30 метрах — 3,5 метра; в 45 метрах — 5 метров; в 60 метрах — 8,5 метра. Слабый ветер с северо-востока. Измерения отлива и прилива производились остроконечным шестом у передней стороны утеса. Первые данные были получены в 22 часа 20 мин. во время моего дежурства, а затем их отмечали каждый час.

31 июля. Встали в 7 часов. Холодный туманный день. Денбар просил разрешения пройти вдоль южного берега,

Он отправится после обеда вместе с Алексеем, Анегиным, пятью собаками и санями. Он возьмет с собой припасы, лимонный сок, спальные и вещевые мешки, компас, бинокль и бот. Я предложил ему вернуться через 48 часов. По пути он делает наброски и, если сможет, поднимется на холм, с которого можно будет выяснить, есть ли земля к юго-западу.

Охота за птицами сегодня была не особенно успешна. Едва удалось промыслить достаточно к ужину. Птицы стали пугливы и при первой опасности взлетают. Сотни, возможно тысячи птиц прячутся в углублениях и трещинах, но их не видно и нельзя достать.

Сегодня Мельвилль, сложив из камней печь, исследовал уголь. Огонь горел до тех пор, пока не потух под собственным же пеплом. Результат — 50% горючего материала. Конечно, мы не имели возможности произвести количественного анализа. Вместе с углем сгорел и глинистый сланец, образуя газ, похожий на угольный или на нефтяной. Никаких признаков серы. Уголь очень легко отбивался и был взят исключительно с поверхности жилы, простиравшейся вдоль горы рядом с лагерем. Кроме того, мы обнаружили красный железняк, из которого делается коричневая металлическая краска.

Пообедали в 13 часов, ужинали в 19 час. 30 мин. Сегодня весь день питались птицами. Для разнообразия в палатке № 1 мы не тушили, а поджаривали птиц в медвежьем жиру, и я не помню такой великолепной еды. Мы пьем свежую и вкусную воду из стекающих с горы ручьев. Легли в 21 час.

1 августа. Встали в 7 часов. Легкий ветер. После долгого размышления я решил направить Чиппа со вторым катером и с шестью матросами осмотреть западную сторону острова.

Вчера сквозь туман я увидел еще один мыс, а Эриксен и Каак дошли до него и утверждают, что он не дальше 3 миль.

Я думаю, что если Чиппу удастся определить положение и сделать измерения, то у нас получится удовлетворительная карта острова. С Чиппом отправился и Коллинс, который делает наброски.

Отряд выступил в 10 часов. Когда дошли до кромки прибрежного льда, вместо воды натолкнулись на прижатый к берегу разбитый пак. Чипп остался здесь в ожидании перемены, а мы вернулись в лагерь.

Сегодня я послал Ньюкомба на охоту за птицами. До полудня он сбил 40 птиц. Птицы были очень пугливы, и ему с головокружительной высоты утеса трудно было выбрать удобное для прицела место. Он чуть не погиб, так как с места, где он только что стоял, оторвалась громадная глыба.

Мы пообедали в 12 часов пеммиканом, оставив птиц на ужин. За исключением ужина в ночь прихода сюда и завтрака на следующее утро, мы теперь для варки пищи пользуемся сплавным лесом.

Чипп взял с собой галлон спирта, а Денбар будет пользоваться исключительно сплавным лесом, но ему ведь не придется покидать прибрежный лед.

Несмотря на туман и облачность, я не теряю надежды на улучшение погоды. До ухода мне необходимо определить долготу. 4 августа днем мы отправимся к Сибирским островам. Температура — 1°. После обеда отправил отряд за дровами, собранными вчера Эриксоном и Кааком. Когда отряд вернулся, я узнал, что Чипп только что отплыл на втором катере. Ньюкомб возвратился в 20 часов с целой коллекцией.

2 августа. Встали в 6 часов, позавтракали. После завтрака отправил отряд на ловлю птиц. В 10 часов возвратился Денбар. Как видно из его словесного доклада, он прошел около 14 миль. Он захватил мох, камни, плавник и старую кость моржа или мускусного быка.

Дичи он не видел, но напал на следы медведей, песцов, арктических зайцев и куропаток. Медвежьи следы вели к медвежьему зимнему логову, разделенному на внутреннее и наружное отделения. Найдены также шерсть арктического зайца и помет куропаток.

Оказалось, что потухший вулкан, который мы видели до высадки с правой стороны, находится, вопреки нашему предположению, не на берегу, а в трех четвертях мили от берега и в $4\frac{1}{2}$ милях от лагеря. Видны были также два ледника, соединявшиеся, повидимому, у вершины. Поперечное сечение более далекого ледника равнялось 3 милям, а края его поднимались на высоту от 15 до 18 метров. Это тот самый ледник, рядом с которым мы были 26-го и где нельзя было высадиться.

Через 3 часа после выступления из лагеря Денбар пошел к долине, где протекал ручей. Как раз здесь был найден рог мускусного быка и обнаружены следы медведя.

Отсюда Денбар пошел к берегу, но так как берег был очень крут, ему пришлось вернуться обратно и расположиться лагерем. Здесь было много плавника, и часть его торчала из земли, напоминая пришедший в негодность док. На высоте 30 метров над уровнем воды и в 150 метрах по откосу плавника было еще больше.

На другое утро, 1 августа, оставив сани и все вещи, Денбар, Алексей и Анегин с собаками попытались пересечь гору. Они успели подняться на 300 метров, подобрали несколько морских раковин, но густой туман заставил их вернуться.

Затем они решили пересечь подножье большого ледника, но, пройдя около 3 миль, вынуждены были от этого отказаться. В леднике виднелись расширявшиеся книзу трещины, шириной в 30 сантиметров. Слышался шум воды, текшей на несколько десятков метров ниже, часто встречались полосы „малинового снега“.

После полудня поднялся сильный северо-западный ветер, который отогнал лед от берега. Между нами и западным и юго-западным паком много воды. Ниндемани передает, что видел широкие водяные проходы к юго-западу. Холодная и неприятная погода. Трудно согреться, и ноги у меня совсем замерзли. По небу тянутся густые облака. Надо побывать здесь, чтобы наблюдать угрожающие, нависшие дождевые облака. Мне очень хотелось бы определить высоту откоса, у которого мы стали лагерем. По моему секстану высота равнялась 90 метрам, мы же определяли ее на глаз от 500 до 800 метров, но все же я думаю, что секстан вернее.

У нас к ужину последние птицы — охотникам не удалось пополнить запасы. Топлива имеем достаточно на завтра и на послезавтра. Вечером шел дождь. Дул очень сильный ветер, и, хотя мы были под защитой, наши палатки подвергались опасности, и их могло снести.

Доктор совсем болен. Легли спать в 21 час.

3 августа. Встали в 6 часов, позавтракали. Временами дождь попрежнему сильный, северо-западный ветер, туман. К юго-западу в 2 милях от берега чистая вода. В 12 час. 30 мин. вернулся Чипп. Он прошел около 17 миль вдоль побережья и принес камни, мох, яйца, а Коллинс сделал прекрасные наброски.

Чипп вел подробный дневник, и мне нет надобности повторять здесь его данные. Погода отвратительная. Туман,

дождь, сильный град, холодные, резкие порывы ветра. В 18 часов ветер с запада, температура -2° . Из-за тумана нельзя рассмотреть, вода ли около нас или лед.

4 августа. Я назначил на сегодня выступление, но оно не состоялось. За ночь ветер перешел в бурю, и утром мы были окружены туманом; бесконечный шторм с дождем, снегом и градом. По направлению к морю не видно ни зги. Погода такая, что не выгонишь и собаку. Западо-северо-западный ветер. Решил оставить здесь следующий отчет:

„Остров Беннетта. Мыс Эмма.
Широта северная $76^{\circ}38'$,
4 августа 1881 года.“

Этот остров был открыт 11 июля. 29 июля здесь высадились офицеры и команда Арктического парохода „Жаннета“, которые присоединили остров к Соединенным штатам Америки и назвали его островом Беннетта. „Жаннета“ была раздавлена льдом и затонула 13 июня 1881 года на $77^{\circ}15'$ северной широты и 155° восточной долготы.

Я предполагаю выступить отсюда при первой возможности по направлению к Новосибирским островам, а оттуда к поселениям на реке Лене.

У нас 3 бота, припасы на 30 дней, 23 собаки и достаточно одежды. Мы в прекрасном состоянии. С 5 сентября 1879 г. до дня гибели корабля, раздавленного льдом, мы дрейфовали в паковом льду, открыв за это время два острова: остров Жаннеты и остров Генриетты.

На последнем острове высаживался отряд.

Остров Жаннеты, открытый 21 мая 1881 года, находится на $76^{\circ}47'$ северной широты и $158^{\circ}56'$ восточной долготы, а остров Генриетты, открытый 25 мая 1881 года, расположен на $77^{\circ}8'$ северной широты и $157^{\circ}45'$ восточной долготы.

Кроме этих островов мы не видали землю после того, как потеряли из виду остров Геральда в марте 1880 года.

Мы отдыхали здесь несколько дней, а теперь нас задерживает сильный западный ветер, туман, град с дождем и снег. Хотя по временам к юго-западу видна чистая вода, мы не в состоянии еще определить, будем ли мы продолжать путешествие на ботах, или вынуждены будем тащить все через лед.

Переход по льду был очень утомителен, — обычно в день проходили 2 мили, так как из-за груза приходилось делать много перегонов вперед и назад.

Лед здесь похож на многолетний лед, с которым столкнулась Британская экспедиция в 1875 году к северу от мыса Иосифа-Генриха. Мы все целы, восемь офицеров и двадцать пять человек команды. У нас не было цыгги.

Джордж В. Де-Лонг

начальник Арктической экспедиции
Соединенных штатов Америки“.

Не запомню такого отвратительного дня. Ветер дул с такой силой, что трудно было удержаться на ногах, пронизывающий снег и град загоняли в палатки. В палатках было мокро, холодно и печально. В них так тесно, что нельзя двигаться, ноги у нас все время замерзали. Когда, чтобы согреться, мы стучали ногами о ледяной пол, ноги начинали болеть, а когда мы начали бить ноги палками, то, правда, у нас появлялось ощущение жары, но вряд ли мы чувствовали себя лучше. Оставалось сидеть и терпеть, и мы только немного согревались горячим кофе за обедом и горячим чаем за ужином.

В 19 часов падение барометра прекратилось. Я надеюсь, что завтра погода изменится. Если не окажется чистой воды, то задержка здесь может создать серьезное для нас осложнение.

Бурей снесено с ближнего утеса много камней и грязи, и прошлую ночь нас чуть не задавило. Из палатки № 2 все выскочили, мы же отнеслись к этому совершенно спокойно. Мы столько пережили, что готовы ко всему.

5 августа. Встали в 6 часов. Ветер утихает. Температура — 2°. Облака редуют, и солнце начинает пробиваться. Все время до полудня я старался определить время, но было туманно, шел дождь или снег, и из-за мокрых стекол мой секстан и искусственный горизонт оказались бесполезными. Я послал Денбара положить наш отчет в пирамиде из камней на милю к востоку от мыса Эмма.

Сегодня после полудня пришлось пристрелить 10 самых слабых собак, включая Тома и Джима. Эти 10 собак съедали столько, что это не компенсировалось их работой. Я должен прежде всего думать о человеческих жизнях. Около 16 час. 45 мин. показалось солнце, и я смог установить долготу — 148°20' восточная. Температура — 2°.

Завтра мы выступаем.

Глава XV

В БОТАХ

6—30 августа 1881 года

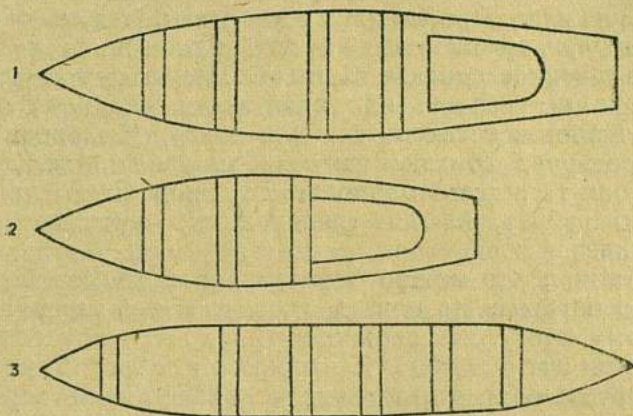
6 августа. Встали в 6 часов. Сильный ветер с северо-запада. Снежные шквалы. Временами яркое солнце. В общем странный день. Температура — 3°. Склон горы покрыт снегом. В 8 часов начали готовиться к отъезду. В 9 час. 30 мин. я отплыл на первом катере, наполненном нашим имуществом, и шел на парусах 2 мили, пока не достиг твердого льда на другой стороне. Затем катер отправился обратно уж на веслах; точно так же были отправлены обратно и второй катер и китобойный вельбот. Каждому боту надо было сделать два рейса, и последний бот с яликом на буксире вернулся только в 14 час. 45 мин. Мы окончательно распростились с островом Беннетта. Обед уже был приготовлен. В 15 час. 30 мин. начали нагружать сани. Ветер стал стихать еще при отправке первого катера, а ко времени высадки на лед совсем стих.

Наступил редкий в Арктике день — яркое солнце, почти безоблачное небо, температура — 5°.

Остров выплыл из тумана во всей своей красе, все его линии и покрытые снегом извилины ярко выделялись на небе. Я немедленно заставил Коллинса сделать набросок острова. С обеих сторон льдины, на которой мы высадились, тянулись водяные проходы. Сама льдина, как мы установили, представляла собой большой остров, а за нею простиралась вода. Я решил отправить боты кругом, а Чипп должен был протаскать через льдину сани. Мы так и сделали; в каждый бот были погружены спальные мешки, кухонная утварь, вещевые мешки и т. д.

В первом катере отправились доктор, Коллинс, Ли и я, во втором — Денбар, Старр и Кюне, в китобойном вельботе Мельвилль и Ньюкомб с Даненовером на положении

массажира. Боты обогнули льдину еще до 18 часов, а четверо саней и ялик переправились через нее только к 19 час. 35 мин. Мы расположились лагерем и занялись приготовлением ужина. Слабый северо-западный ветер. Температура на солнце -2° , а в тени -4° . Легли в 22 часа. Мы отошли от мыса Эмма не менее чем на 5 миль. Это не плохой результат работы за день.

Боты парохода „Жаннеты“

1—Первый катер—капитан Де-Лонг. 2—Второй катер—капитан Чипп.
3—Китобойный бот—Мельвилль

7 августа. Встали в 6 часов. Западный ветер. Температура -4° . С юго-запада стал, как обычно, находить туман. Вершина острова уже плавала в облаках. Низкая температура прошлой ночи вызвала появление молодого льда. Около нашего ледяного поля толщина его достигала нескольких миллиметров. Мы тщательно рассмотрели путь к юго-юго-западу и убедились, что по воде можно проплыть милю или две, а на санях миля не будет пройдена и в месяц. Многочисленные каналы и разбитый лед создавали непреодолимые трудности для перехода. Я решил попытаться плыть, и мы нагрузили 3 бота до предела.

В первом катере отправлялись: Де-Лонг, Амблер, Коллинс, Ниндеманн, Эриксен, Каак, Бойд, Алексей, Ли, Норос, Дресслер, Гертц и Иверсен, во втором — Чипп, Денбар, Свитман, Шарвелль, Кюне, Старр, Мансон, Уоррен, Джонсон, А-Сам. В китобойном вельботе — Мельвилль, Даненовер,

Ньюкомб, Коль, Бартлетт, Анегин, Вильсон, Лаутербах, Тонг-Синг, Лич. В 9 часов все было готово, и мы двинулись в путь.

Ялик был взят на буксир. На нем находился Эриксен с 7 собаками, но 4 собаки прыгнули и больше к нам не возвращались, так что из 12 собак у нас осталось только 8.

Мы шли на веслах, гребя вчетвером. У нас, таким образом, оказалось две смены гребцов, Ли для устойчивости перешел на ялик. Пробившись через новый лед, мы оказались на воде и, держа курс на юго-юго-запад, к 12 час. 30 мин. наверное сделали 3 мили. Нас окружил туман, и ничего не оставалось, как пристать к ледяному острову.

Я дал приказ остановиться для обеда. Мы бросили двое саней с острова Михаила и четверо саней Мак Клинтока. Теперь они годились только на топливо. Сани проделали большую работу, но для дальнейшего путешествия они не годились.

Я выяснил, что можно берегом дойти до левой стороны ледяного острова. Но едва я провел первый катер к узкому открытому месту, как неожиданно лед с треском сомкнулся, и я не мог идти дальше. Я направился обратно к лагерю; мы разгрузили боты и погрузили припасы на четверо саней. Затем мы все, за исключением Даненовера, принялись волочить и одним рейсом перетаскивали сани через ледяной остров. Мы продолжали продвигаться, все время сохраняя курс; перейдя к трудному месту, мы разгружали сани, переносили все предметы на плечах, затем перетаскивали сани, снова их нагружали и продолжали путь до 17 час. 30 мин., сделав еще 2 мили. Всего за день пройдено 5 миль. Дальше сегодня двигаться нельзя; я рассчитываю завтра продолжать переход.

Копия приказа Мельвиллю.

США. Арктическая экспедиция.

Мыс Эмма. Остров Жаннета.

Северная широта 76°38', восточная
долгота 148°02'. 5 августа 1881 года.

Инженеру Джорджу В. Мельвиллю. Флот США.

Завтра мы уходим с острова, беря курс на юго-запад (Магнитный), через лед или водой, в зависимости от возможности.

Если нам придется плыть, вам предписывается принять на себя командование китобойным вельботом до тех пор,

пока я не освобожу вас от этой обязанности или не дам вам другого назначения.

Все подчиненные мне лица, которые окажутся на китобойном вельботе, должны подчиняться вашим распоряжениям, и вам надлежит принять все зависящие от вас меры для обеспечения их безопасности и сохранности судна.

При всех условиях вам надлежит держаться вблизи того судна, где я буду находиться, но если, к несчастью, мы будем разлучены, вам надо стараться продвигаться к югу до побережья Сибири, а затем двигаться на запад вдоль побережья до реки Лены. Эта река является местом назначения нашего отряда, и вы должны, если мы будем разлучены, без замедления подняться до русского поселения, где сможете установить связь и откуда ваш отряд будет доставлен в безопасное и легко достигаемое место.

В случае, если бот, где я буду находиться, потеряет связь с остальными двумя ботами, вы поступаете в распоряжение лейтенанта Чиппа, и, пока вы будете находиться вместе, его распоряжения являются для вас обязательными.

Джордж В. Де-Лонг

Начальник Арктической экспедиции США.

В 20 час. 30 мин. произвел смотр и прочел военный устав. Легли в 21 час. Глубина 36 метров.

8 августа. Встали в 6 часов. Юго-юго-западный ветер. Температура—2°. В 8 часов начали перетаскивать сани и боты через льдину к каналу на южной стороне. Я пошел вперед и к 11 час. 50 мин. прошел, вероятно, полмили. Привал для обеда. Почти все время пришлось тащить сани и боты, и очень немного проплыли в ботах.

В 13 час. 10 мин. начали спускаться вниз по каналу и прошли милю. Мыс Эмма еще виден и находится от нас на расстоянии 10 миль.

В 15 часов остановились и втащили боты на лед. Дальнейший путь был почти непроходим, и мы решили ждать образования разводья; но, не дождавшись, снова начали волочить; к 17 часам пошли немного вперед и оказались на твердом льду.

В 19 часов привал для обеда. Коллинс убил тюленя, а Денбар застрелил 3 птицы. Раскололи сани Мак-Клинтока на топливо. После ужина я установил, что итти дальше

невозможно, и дал приказ лечь с тем, чтобы утром пораньше выступить.

К ужину у нас был жареный тюлень и вкусная птица. После ужина мы занялись нашим багажом, стараясь уменьшить его объем.

Запас кофе кончается. Вместо кофе за обедом был чай.

9 августа. Встали в 5 часов. Температура — 3°. Нагрузив сани, мы протаскивали их и боты через лед на четверть мили. Дальше можно было плыть на катерах. Первый катер едва не застрял при смыкании двух ледяных полей.

После недолгого плавания снова начали двигаться по льду и к 11 час. 30 мин. прошли к югу около 2 миль и остановились обедать. Глубина 36 метров.

В 12 час. 30 мин. спустили боты на воду. Судьба улыбнулась нам, и, не останавливаясь, мы смогли проплыть 5 миль. Единственное затруднение было вызвано тем, что закрылся узкий проход, через который я хотел провести все боты. Приди мы на 5 минут раньше, мы смогли бы им воспользоваться, но случай был упущен. Сзади нас лед тоже пришел в движение, и нам пришлось быстро вскарабкаться на край большой льдины и сбросить на нее наши припасы. Затем с помощью команды китобойного вельбота мы втащили наш бот на крутой склон. Это была нелегкая задача. Но, в конце концов, мы справились и к 18 часам было пройдено к югу 7 миль. Если вспомнить, что еще недавно после целого дня мучений мы продвигались на $1\frac{1}{2}$ — 2 мили, мы можем гордиться таким достижением.

Сели ужинать в 18 часов.

Наши нагруженные боты шли вдоль льдины. Я имел в виду, что 12 собак, с которыми мы ушли с острова Беннетта, останутся с нами до самого конца. Но в момент нашего отплытия 4 собаки выпрыгнули из ботов, а сегодня то же самое произошло с Смайком, Армстронгом, Вольфом и Диком. Еще долго после нашего привала слышался их жалобный вой, но я не мог тратить время на поиски, если бы даже состояние ботов и позволяло взять их с собой.

Наши боты так перегружены, что при малейшем движении вода поступает через уключины и при таком положении брать собак становится рискованным. Может быть, самое благоразумное было бы пристрелить их, но, так как остров близко, собаки, может быть, доберутся туда и смогут там пожить.

Сегодня ночью я пришел к выводу, что нельзя так перегружать бот, и, к моему большому сожалению и огорчению

Эриксона, 2 собаки были пристрелены — Принц и Пильгерлик. Из 40 собак, бывших с нами в начале плавания, остались две: Снутцер и Косматка.

Двинулись в путь в 7 час. 30 мин. и к 9 час. 30 мин., сделав еще 2 мили, подплыли к твердому льду. Разгрузили и, втащив боты, расположились лагерем. Кофе на исходе, и к обеду и к ужину я вынужден давать чай. Сегодня прошли 9 миль.

10 августа. Все встали в 6 часов и в 8 часов двинулись дальше. Безветрие. Сначала мы пробивались к югу на веслах, а затем появился слабый северо-восточный ветер, и мы распустили паруса.

В 10 часов громадное скопление льда преградило нам путь. Мы высадились на твердую льдину и, разгрузив боты, втащили их на лед. Около полумили наш путь шел по льду, а затем мы снова оказались на воде. В 11 час. 30 мин. пристали к твердому льду и занялись обедом. До полудня успели одолеть 3 мили. В 12 час. 45 мин. поход возобновился. Северо-восточный ветер усиливается, падает снег. В 15 час. 30 мин. подошли к концу большого канала.

Выяснилось, что, свернув немного к северо-западу, можно продолжать продвижение. С 15 час. 45 мин. до 17 час. 30 мин. шли так быстро, что я решил устроить причал у первого же большого ледяного острова. После полудня пройдено 9 миль, а всего между завтраком и обедом — двенадцать.

Туманно, снег не перестает падать. Сегодня остров Беннетта не виден. Во время обеда поставили палатки. Много чистой воды. Большие каналы. В 19 часов снова в путь. Усиливающийся северо-восточный ветер позволил к 21 часу пройти еще 5 миль. В 21 час мы разгрузились и расположились лагерем. От чистой воды нас отделял забитый канал. Мы вполне удовлетворены итогом сегодняшней работы, — пройдено 17 миль.

11 августа. Встали в 6 часов. Востоко-северо-восточный ветер. Температура — 3°. Так как канал все еще был забит, нам пришлось нести наши пожитки около 300 метров по льду, и только тогда мы смогли нагрузить боты и спустить их на воду. За время с 8 час. 40 мин. до 11 час. 45 мин., работая веслами или идя на парусах, мы продвинулись на 7 миль. К обеду пристали к льдине. За ночь образовалось много молодого льда. В 13 часов пошли дальше.

Солнце изредка пробивалось через облака и туман. Наш курс шел между юго-юго-востоком и юго-юго-западом. Же-

лая выиграть время, я, пробиваясь через лед, срезал углы; иногда при проходе через узкие места мы работали кирками и прыгивали на лед.

Груз в ботах уменьшался, и их стало легче перидвигать. Сегодня пришлось повернуть и некоторое время итти к западу, и поэтому к 17 час. 45 мин. мы прошли не более 9 миль.

Коллинс убил тюленя. К завтраку будем иметь свежее мясо. В 19 час. поплыли дальше, но уже через полмили оказались в „западне“, и, чтобы выбраться оттуда, пришлось полчаса итти к северо-западу. Пошел снег; в 21 час. 30 мин. мы пристали к льдине, разгрузились, втянули боты и расположились лагерем. Пройдено 4 мили.

От завтрака до обеда	7 миль
От обеда до ужина	9 „
От ужина до лагеря	4 „

Всего 20 миль

Восточный ветер. Температура -3° .

12 августа. Встали в 6 часов. В 8 часов спустили боты и погрузили их. Тронулись вперед в 8 час. 20 мин. и сначала около $2\frac{1}{2}$ часов шли к западу и юго-западу; затем взяли курс больше к югу и до 12 часов шли к юго-юго-западу.

В 12 часов пристали к ледяному полю. Не думаю, чтобы мы в общем прошли более 4 миль. Ясно виден остров Беннетта; его верхушка возвышается как купол. Я не могу точно определить, на каком он теперь от нас расстоянии, — думаю — в 40 милях. Когда мы подходили к острову, мы обыкновенно преуменьшали расстояние.

Возможно, что сейчас мы его преувеличиваем.

В 13 час. 15 мин. пошли дальше и, пробившись через канал, оказались в большом разводье, но скоро одолели его и подошли к плотной льдине. Пока разгружали сани и боты на льдину, я прошел вперед и увидел, что, если только лед немного разрежится, мы сможем дальше плыть по воде. От 14 час. 20 мин. до 15 часов мы ждали этого, но безрезультатно; в 15 часов начали тащить боты и сани по льду и дошли до узкого водяного прохода. Мы смогли продвинуться к югу еще мили на две, дальше же нас остановили сжатые ледяные глыбы. Пристав к твердой льдине, мы разгрузили и втащили боты и, поужинав, в 19 час. 30 мин. разбили лагерь.

13 августа. Встали в 5 часов. Безветрие. Ночью образовался изогнутый канал. В 7 час. 15 мин. тронулись в путь и к 11 часам, пройдя 5 миль к юго-западу, пристали к небольшой льдине. Приходилось проталкивать и тащить боты. Полное безветрие вызывает неподвижное состояние льда, и мы не можем пробраться через окружившие нас глыбы ни на санях, ни водой. Не видно ни одного канала, ни одного более или менее значительного ледяного поля. До появления ветра, который вскроет лед, нам остается только ждать. К югу и юго-западу видна земля, а темное отражение от кучевых облаков указывает на воду. После обеда показалось яркое солнце, и мы смогли, наконец, высушить одежду и спальные мешки. Несмотря на легкий ветер, лед не вскрылся. В 17 часов мне показалось, что состояние льда скоро изменится, и я велел готовить ужин, а в 18 час. 20 мин. все было уложено, и мы были готовы к отплытию. Температура — 4°. В 19 час. 10 мин. выступили в путь, но смогли пройти к юго-западу только одну милю. Пристали к твердому льду и разгрузились. Начались туман и слабый юго-восточный ветер.

Наличие припасов

26 килограммов хлеба (на 4 дня),	7 килограммов кофе (на 9 дней),
17 " ветчины,	8 " бычьего языка,
30 " чая (на 36 дней),	640 " пеммикана (на 38 дней),
30 " свиных ног,	
10 " говяжьего экстракта (на 23 дня),	53 галлона спирта (на 26 дней),
	5 галлонов лимонного сока (на 20 дней).
18 " сахара (на 11 дней),	

14 августа. Встали в 5 часов, юго-восточный ветер. Температура — 3°. В 6 час. 50 мин. спустили на воду боты и нагрузили их. Выступили в 7 час. 10 мин. и около мили шли к западо-юго-западу.

Нам страшно мешал молодой лед толщиной в несколько миллиметров. Чтобы провести через него боты, нам приходилось разбивать его веслами и крюками. На это уходила масса времени, и я не думаю, чтобы до 11 часов мы сделали больше 4 миль, то плывя под парусами, то протаскивая боты. В 11 часов я убедился, что дальнейшее продвижение невозможно, и мы остановились обедать. За это время ветер переменял направление к северо-востоку и стал креп-

чать; во льду тоже произошли изменения, давшие мне возможность в 12 час. 40 мин. возобновить наше путешествие.

К 14 час. 40 мин. мы прошли к юго-западу около мили и снова были вынуждены остановиться. Я поднял боты и разбил палатки. Падая густой снег, и ветер дул так сильно, что было опасно оставаться на открытом месте. Так как я не видел, как нам идти дальше, то отправил Денбара через льдину к югу. В 4 часа Денбар вернулся с сообщением, что в трех четвертях мили к югу он натолкнулся на идущий к югу канал шириной в четверть мили. Буря усиливалась. Я отложил выступление до утра. В 20 часов легли спать.

15 августа. Встали в 5 часов, позавтракали в 6 часов. Северо-восточный ветер, температура — 3°. Ветер сильно ослабел, но снег продолжал падать густыми хлопьями. Я отправил Денбара осмотреть канал, видневшийся на западе. Денбар выяснил, что канал идет к северу. Оставалось только перетащить все наши вещи через льдину к тому месту, где вчера виднелся канал. Мы приступили к работе в 7 час. 15 мин. Дело оказалось чрезвычайно трудным, так как лед сильно подтаял и во многих местах были провалы. За ночь выпало так много снега, что провалы не были видны и давали о себе знать только тогда, когда мы проваливались в них по пояс. Мы прошли этот извилистый, кружной путь и в конце концов смогли спустить на воду боты и погрузить их, но справились мы с этим только к 10 час. 15 мин. Затем нам снова пришлось возиться с молодым льдом.

За время от завтрака до обеда, к 12 часам, мы прошли к югу 2 мили.

Денбар застрелил тюленя. У нас будет хороший ужин, и оставшиеся 2 собаки обеспечены мясом.

В 13 час. 15 мин. снова двинулись. До полудня отсутствие солнца не давало мне возможности проверить правильность нашего курса, но после полудня показалось солнце, а ветер изменил направление с северо-востока к юго-востоку.

Я скрываю от окружающих, насколько меня тревожит отсутствие островов и чистой воды и большее количество молодого льда.

К 18 часам мы остановились обедать, успев пройти к югу 3 мили. Мы готовили тюленьё мясо на ворвани, что требует много времени. Поэтому в путь мы двинулись только в 20 часов. Направление ветра теперь к востоку: лед

начал быстро вскрываться то на юге, то на западе. К 22 часам пройдено к югу еще 2 мили. Из-за тумана ничего не видно. Я пристал к большому ледяному полю, разгрузил боты и разбил лагерь. Температура — 3°.

16 августа. Встали в 6 часов. Северо-восточный ветер. Температура — 3°. Закончив погрузку, мы в 8 час. 15 мин. двинулись дальше, но неудачно. Чтобы добраться до канала, идущего к юго-западу, надо было сначала идти к северу, и поэтому я думаю, что к 11 часам, когда мы были вынуждены остановиться, мы прошли не более двух миль к юго-западу. С самого высокого тороса видно только немного воды; водяных проходов совсем не видно. Лед мог бы развалиться на куски, но его сдерживает северо-восточный ветер. Определили широту 76°2'. Оказывается, мы меньше продвинулись к югу, чем думали. Мыс Эмма на острове Беннетта находится на 76°58', и, таким образом, мы продвинулись к югу только на 36'.

В 13 часов снова выступили и пробились к юго-западу еще на милю, но в 16 часов были вынуждены вновь остановиться. Я рассчитывал, что ветер изменит направление к северо-западу, и потому приходилось ждать. Тронься мы на саних, нам, вероятно, угрожала бы потеря части припасов, так как по такому пути сани могли перевернуться. После обеда не видно никаких признаков улучшения. Ветер изменил направление к северу, падал густой снег. Нет возможности плыть. Я распорядился вытащить и разгрузить боты. Предстояло провести еще одну ночь в мокрых спальных мешках. За день пройдено 3 мили к юго-западу. Глубина — 35 метров.

17 августа. Встали в 5 часов, легкий западный ветер. Тронулись в 7 час. 15 мин. и к 11 час. 30 мин. проплыли 8 миль, из которых шесть к юго-западу. Встретили большое ледяное поле. Мы остановились обедать, рассчитывая, что узкая полоса воды, огибающая льдину, за это время расширится. Так и случилось, и с 12 час. 45 мин. до 17 час. 30 мин. мы, по моим подсчетам, прошли к юго-западу добрых 6 миль. Как по мановению волшебной палочки, лед, еще вчера плотно сжатый, раскололся. Много тюленей, но застрелить не удалось ни одного. К югу заметна земля, туман и чистая вода. Глубина — 29 метров. В 19 час. 15 мин. тронулись дальше. До 21 часа 30 мин. прошли еще 3 мили к юго-западу. Всего за день сделали в этом направлении 15 миль. Разбили палатки.

18 августа. Все поднялись в 5 часов. Безветрие. Температура —3°. До отправления застрелили тюленя. Выступили в 7 час. 10 мин., но нас преследовала неудача, и к 9 час. 30 мин. мы прошли к западу всего милю, так как очень медленно пробивались через молодой лед. Пробовали тащить боты, но отказались от этого способа передвижения. Кто-то из команды провалился в воду через обманчивый снежный покров и промок до плеч. При попытке проплыть через два разводья мы едва не застряли, так как разводья неожиданно сомкнулись, и пришлось поспешно из них выбраться.

Лед двигался то в одну, то в другую сторону, видимо, под влиянием сильного сжатия.

В 9 час. 30 мин. мы вынуждены были остановиться, а в 10 часов начали готовить к обеду тюленя. Облака слегка рассеялись, появился легкий северо-восточный ветер. В 12 час. 20 мин. снова в путь. Ветер усилился, и образовались разводья, как это ни странно, к западо-юго-западу и юго-западу. Я решил держаться первого направления. К моему большому удивлению, разводья стали быстро закрываться, а лед пришел в сильное движение. Дважды я чуть не попал в западню.

Нам только недолго удалось держать курс к юго-западу и, несмотря на попутный сильный ветер, к 17 часам, дойдя до конца воды, мы прошли только 6 миль. Начался шторм, пошел густой снег. Температура —4°. Будущее покажет, правильно ли я поступил, решив остаться здесь на ночь. Воды не видно, а на санях продвигаться нельзя. При всем желании продвигаться дальше я не вижу, как это сделать. Сегодня вечером раздали последнюю порцию хлеба. Уже два дня, как уменьшили выдачу экстракта Либиха до унции в день. Начиная с пятницы, мы пьем кофе только за завтраком, а к обеду и ужину чай.

19 августа. Далеко за полночь завывал ветер. Мимо нашей льдины быстро мчался лед. Команда со второго катера и с китобойного вельбота должна была переставить свои палатки дальше от кромки льда. Встали в 5 часов. Позавтракали в 6 часов. Температура —3°. Легкий северо-западный ветер.

В 7 час. 10 мин. двинулись дальше и к 12 часам успели пройти к югу 12 миль. В 9 час. 20 мин. вокруг нас оказалось столько чистой воды, что я уже стал думать, что близко открытое море. Я направил все три бота к льдине,

чтобы набрать запас снега для варки, так как имел в виду продолжать плавание весь день и возможно даже и ночь. Это заняло 20 минут.

Ветер немного усилился, мы движемся со скоростью около $2\frac{1}{2}$ миль в час. Сани № 1 сняты с полозьев и помещены на бот № 1, а другие сани также уложены, и нам не приходится больше тратить силы на утомительную их буксировку. Сани Чиппа помещены на корме второго катера, а сани Мельвилля — на носу китобойного вельбота.

Я дал распоряжение Чиппу и Мельвиллю держаться около меня. Мы начали готовить обед в катерах, и это время шли только на парусах.

В 12 часов мы уселись в нашем катере за обед; в это время я заметил, что второй катер спустил паруса и что команда поспешно его разгружает. Мы только что прошли по узкому проходу между небольшими ледяными полями, и я предположил, что они сблизились и второй катер не может пройти. Я повернул и приказал китобойному вельботу тоже повернуть; мы пристали к льдине и закончили обед. Ветер переменял направление к северо-востоку, и на нас со всех сторон начал надвигаться лед. Я не мог подойти к Чиппу, чтобы ему помочь; он, с своей стороны, также не мог ко мне подплыть. С полудня до 15 часов он, повидимому, беспрестанно был занят проталкиванием через лед, и только в 15 час. 30 мин., когда мы оказались вместе, я выяснил, в чем дело.

Оказывается, лед, сомкнувшись, пробил дыру на носу катера с левой стороны. Чипп немедленно вытащил катер на льдину и поправил повреждение, воспользовавшись ящиком от экстракта Либиха. Во время остановки я произвел измерение глубины, получил 16 метров. Я предполагаю, что мы вблизи земли, скрытой в непрестанном тумане; но в полдень при новом измерении оказалось 27 метров.

Лед, как я уже говорил, словно по волшебству, двигался и кружился. Затем ветер перешел на восток, и мы пробились через потоки дрейфующего льда, за которыми временами виднелся чистый океан. Из-за этих ледяных потоков мы взяли курс много выше, чем я предполагал. Земли не было видно; правда, наш кругозор очень ограничен.

Небо имело такой угрожающий вид, что при нашей нагрузке дальнейшее продвижение было очень рискованным. Во второй катер проникло много воды, и его пришлось облегчить; будь мы в открытом море, нужно бы было умень-

шить и изменить нагрузку во всех ботах. Мы подплыли к паку, разгрузились, боты были втащены на лед, и мы разбили лагерь. Только что мы с этим покончили, как поднялся сильный восточный ветер, бушевавший весь вечер. Температура — 3°. Измерение глубины показало 26 метров (песчаное дно).

20 августа. Встали в 5 часов. Свежий ветер, с востока шторм. Температура — 3°. Начали готовиться к морскому плаванию. Осмотрели все боты, разрубили сани, растопили снег, чтобы достать воду, распределили припасы и составили списки.

Распределение команды по ботам:

Первый катер:

Лейтенант Де-Лонг
Доктор Амблер
Коллинс
Ниндемани
Ли
Эриксен
Каак

Норос
Герти
Дресслер
Иверсен
Алексей
Бойд

Второй катер:

Лейтенант Чипп
Денбар
Свитман
Кюне
Уоррен

Шарвель
Старр
Мансон
А-Сам
Джонсон

Китобойный вельбот:

Мельвилль
Даненовер
Ньюкомб
Коль
Вильсон

Тонг-Синг
Анегин
Лич
Лаутербах
Бартлетт

Еще до полудня Бойд обратил мое внимание на землю, замеченную им к югу; но, всмотревшись внимательно через бинокль, я не обнаружил земли, однако, в 14 часов земля была видна совершенно ясно. Она тянется от юга к западу. У меня не было сомнений в том, что это один из Новосибирских островов.

В 16 часов мне удалось определить положение. Принимая северную широту в 75° 30', получалось 147° 50' восточной долготы, как раз у западной части острова.

Нас окружает паковый лед, и мы быстро дрейфуем к западу. Близко от земли виден водяной проход. Если нам удастся добраться до него, нам ничего больше не надо. Сегодня после полудня я пригласил к себе в палатку Чиппа и Мельвилля, сообщил им о моих предположениях на будущее и дал им словесные указания относительно ботов, припасов и т. п.

Мое предписание держаться вблизи меня делает дальнейшие инструкции излишними, так как они всегда смогут получить от меня необходимые указания. Если же, к несчастью, мы будем разлучены, — им самим придется решать все вопросы. Они в этом случае должны будут без промедления продвигаться к реке Лене и могут ожидать меня или другую часть нашего отряда в каком-нибудь достаточно крупном русском селении, где им будет обеспечено питание и кров.

Ветер слабеет, а барометр в 18 часов быстро поднимается. Я надеюсь, что завтра будет хорошая погода и мы сможем отплыть.

Так как Косматка очень толста и неуклюжа, то ее пристрелили.

Припасы в первом катере на 20 августа:

7 килограммов ветчины,	1 килограмм кофе,
4 " языка,	4 " сахара,
2 " свиных ног,	8 " чая,
3 " экстракта Либиха,	252 " пеммикана.

Выдается на одну еду на 13 человек:

$4\frac{1}{8}$ унции чая,
$8\frac{2}{3}$ унции сахара,
$8\frac{3}{4}$ унции кофе,
$3\frac{1}{4}$ полных столовых ложки экстракта Либиха.

Пеммикана на завтрак	2 килограмма
на обед	2 "
на ужин	3 "

Всего . . . 7 килограммов

Лимонный сок 1 унция.

Первая вахта:

Ниндемани
Гертц
Алексей
Иверсен
Каак.

Вторая вахта:

Эриксен
Ли
Дресслер
Бойд
Норос

21 августа. Встали в 5 часов, позавтракали в 6 часов. В прошлую ночь Ниндемани произвел измерение глубины — 14 метров, песчаное, грязное дно. Быстрый дрейф к западу. Сегодня та же глубина, но нет дрейфа. Свежий восточный ветер, но умереннее, чем вчера. Температура -4° . Лед вокруг так сомкнулся, что кажется, что мы никогда не находились на воде. Мы не можем пуститься в путь. Для катеров нет каналов, а для саней — ледяных полей. Правда, с переменной ветра все снова изменится, и я надеюсь, что мы наверстаем потерянные дни.

В полдень определили высоту: широта $75^{\circ}40'$, а долгота — $147^{\circ}31'30''$. Мы находимся в 18 милях к северу от побережья и, приблизительно, на таком же расстоянии от западного мыса, который предстоит обогнуть чтобы войти в канал, отделяющий Новую Сибирь от острова Фаддеева. Днем мы доделали все мелочи и теперь вполне готовы отплыть. Мы и теперь живем так, как если бы плыли, и берем припасы непосредственно из ботов. Северо-восточный ветер.

22 августа. Положение без перемены. Хотя дует северо-северо-восточный ветер, не видно никаких признаков разрыхления льда. Ясная, прекрасная погода. Отчетливо вырисовывается земля между SO 30° и NW 85° (Магнитный). Мне кажется, мы несколько продвинулись и к югу и к востоку. Температура -4° .

Мой день рождения. Мне исполнилось тридцать семь лет. В этот день в прошлом году я едва спасся от медведя, и я верю, что в этом году этот день будет ознаменован избавлением ото льда. К полудню ветер изменил направление к северу. Мы, повидимому, снова начали дрейфовать. В полдень широта была $75^{\circ}40'$, только на несколько секунд южнее, чем вчера; похоже, что мы движемся на восток. Нам остается только ждать, чтобы ветер переменял направление к северо-западу и разломил пак.

Мы прождали целый долгий день, но никаких изменений в благоприятную сторону. Попрежнему, северный ветер; мы так прижаты к побережью Новосибирских островов, что наш дрейф очень замедлен, но все-таки, по моему, мы движемся на восток, а если только ночью поднимется западный ветер, то завтра будет достаточно воды. Гонимые ветром облака мчатся с северо-запада.

23 августа. Проснувшись утром, я услышал, как вокруг нас завывает ветер и как град со снегом ударяет о нашу палатку. Был северо-северо-восточный ветер и темпера-

тура 1°. Видимо, нам предстоит еще один потерянный день. Никто не обращает внимания на отсутствие хлеба. Кофе все вышло, и мы пьем только чай.

З а в т р а к: мясной экстракт, чай, пеммикан.

О б е д: чай, пеммикан.

У ж и н: мясной экстракт, чай, пеммикан.

Пеммикан на день выдается в количестве 300 граммов, чая — пол-унции, экстракта Либиха — пол-унции.

Мы сильно чувствуем отсутствие табака. Те, у кого еще немного сохранилось, расходуют его очень экономно, но таких счастливцев немного. Остальные или обходятся совсем без куренья, или курят кофейную гущу, смешивая ее с чайными листьями. От этого у нас в палатке запах как в бакалейной лавке, где жарится кофе. Мне тоже придется перейти к такому способу, так как сегодня после ужина я выкурю последнюю щепотку табака.

Глубина — 80 метров, нет дрейфа, грунт — песок и ил. До 19 часов погода без перемен, ветер стих, но лед такой же крепкий, как всегда. Температура — 2°. Ниндемманн застрелил небольшого тюленя, и у нас к завтраку будет приятное добавление.

24 августа. Все встали в 5 часов, позавтракали в шесть. Легкий востоко-юго-восточный ветер. Глубина — 43 метра. Температура — 4°. Слабый северо-западный дрейф. Сегодня у нас в палатке № 1 попробовали жарить пеммикан в его собственном жиру и остались очень довольны нововведением. День прошел бессмысленно и скучно. Ветер несколько стих и переменял направление к северу. Лед начал немного разрезаться, но разводий еще нет. Коллинс застрелил тюленя, и каждый получил к ужину 150 граммов свежего мяса. Температура — 5°.

25 августа. Встали в 5 часов, позавтракали в шесть. Температура — 4°. Легкий северный ветер. В остальном то же безотрадное положение. Мы только расходует припасы и ничего не делаем. Так как мы разрубили сани, то нам не приходится тратить спирт на топливо, но это слабое утешение, — ведь припасы уменьшаются, готовим ли мы на спирте или на дровах.

После полудня застрелили тюленя. У нас был хороший ужин.

К 19 часам легкий то западный, то северо-западный ветер; наблюдается незначительное движение льда к востоку. Температура — 3° на солнце, в тени она падает до — 4°.

Сегодня в 6 часов утра новолуние; если изменения месяца отражаются на погоде, то мы в праве ожидать перемен, но и сегодня не больше шансов возобновить путешествие, чем вчера.

26 августа. Встали в 5 часов. Безветрие. Температура — 4°. За завтраком съели последний сахар. Бартлетт застрелил тюленя, и мы добавим его к обычной порции пеммикана.

Определил восточную долготу — 147°38'45". Я должен признаться, что с вечера 22 августа я сильно страдаю без табака. Сегодня после обеда ко мне подошел Эриксен. Он видел, что я не курю, и предложил мне небольшой пакет драгоценного табака. Я согласился взять только на одну трубку, но Эриксен продолжал настаивать, уверяя, что у них в палатке № 6 хватит еще на несколько дней. Я разыскал доктора и Ниндемманна, и они так же счастливы как и я. Снова „жив курилка“.

Денбар застрелил тюленя, и нас ожидает хороший ужин. Так прошел еще один томительный день. К 19 часам легкий северо-западный ветер несколько засвежел, лед начал разрыхляться, на юге и востоке видно водяное небо, температура, поднявшись до — 2° на солнце, теперь — 3°. Попрежнему никаких шансов на отплытие. Из-за задержки на 3 часа — неделю тому назад — мы потеряли целую неделю.

27 августа. Встали в 5 часов. Ясное утро, лед попрежнему крепко сжат. Легкий N ветер. Температура — 4°. В полдень определил широту — 75°37'28". Мы с 22 августа продвинулись на 2½ мили к югу. Так прошел еще день. Северо-западный ветер засвежел. Температура в 18 часов — 3°. Между югом и западом видна земля. Очевидно, мы находимся теперь восточнее, чем раньше. К 20 часам между нами и землей стали видны водяные проходы, тянущиеся параллельно побережью. Нас отделяет от них масса бесформенных торосов и водяные трещины, через которые абсолютно невозможно проташить боты и припасы.

28 августа. Встали в 5 часов. Идет слабый снег. Северо-восточный ветер, температура — 3°. Лед казался более разрыхленным, в отдельных местах образовались воронки. Вблизи земли виден канал. Между нами и землей много отдельных разрозненных майн.

Появилась надежда. Ко мне пришел Денбар с сообщением, что к востоку видна чистая вода. Я поднялся на вершушку тороса, и мне показалось, что это земля. Несом-

мненно, он прав. Если это так, то мы находимся между островом Фаддеева и Новой Сибирью, а этим и объясняется сжатие льда. С одной стороны, наше положение улучшается, так как мы ближе к Лене, но, с другой стороны, меня это беспокоит, так как никто не может предсказать, сколько времени мы еще останемся в этой ловушке. Тюленей видно мало — они так пугливы, как будто на них постоянно охотились. Прежний быстрый дрейф замедлился, и ветер изменил направление к северу. Показались водяные проходы, но не было такого, которым бы мы могли воспользоваться.

Температура — 4°. Так как мы уже сожгли все дерево, то сегодня начали варить пищу на спирту. Измерение глубины показало 80 метров, песок и грязь. Дрейфуем к югу. В 20 часов ветер изменил направление к северо-северо-востоку.

29 августа. Я пришел к выводу, что нет никакого смысла вставать в 5 часов, так как шансов отплыть нет, а день и без того тянется так томительно, что нет необходимости без нужды его удлинять. Поэтому сегодня все спали до 6 час. 30 мин., а проснувшись, констатировали, что лед так же прочен, как вчера. Земля не видна из-за тумана. Видимость не превышает радиуса одной мили, и воды не видно. Температура — 6°, легкий северо-восточный ветер. Глубина 80 метров. Слабый дрейф к подветренной стороне.

В 12 часов ко мне в палатку зашел Чипп и сообщил, что вдоль восточной стороны нашего ледяного поля образовался канал, тянущийся к югу. Мы немедленно бросили обедать, снялись с лагеря, перенесли наши припасы через льдины и стащили боты.

В 13 часов пустились, наконец, в путь и шли до 15 час. 30 мин., когда вынуждены были остановиться. В 16 часов поплыли дальше и продвигались к востоко-юго-востоку. до 18 часов, а затем до 20 час. 30 мин. к юго-юго-востоку Я решил пристать к льдине; мы разгрузились и вытащили боты. В 13 час. 30 мин. глубина 11 метров, в 16 часов — 7 метров и в 20 час. 30 мин. — 9 метров. Лед образовал такие водовороты, что нас чуть было не раздавило. Очень быстрый дрейф. Надеюсь, что завтра мы сможем идти дальше.

30 августа. Встали в 4 часа. Начали нагружать боты. Виднеется земля, крайние ее точки расположены на SW 46° (Магнитный). Южнее этой точки ничего не видно. Измерение глубины показало 9 метров, быстрый дрейф к югу.

Лед образовал воронки, и мы дрейфовали мимо земли (в 5 милях расстояния) с большой быстротой. При таких условиях спустить и погрузить боты — трудная задача, но я знаю, что она нам не будет особенно страшна, когда мы окажемся среди ледяных глыб. В 4 часа 50 мин. мы двинулись. В 8 час. 50 мин. позавтракали в ботах. Ясная, приятная погода. Легкий, меняющийся ветер. Шли к югу среди дрейфующего льда. Температура — 6°. Яркое солнце сильно согревало, и мы забыли даже о низкой температуре. Но скоро появился туман и почти закрыл солнце; погода сразу стала сырой и неприятной. В 11 часов видна земля, и мы взяли курс к югу.

Водяные пространства делались все больше и больше; очевидно, мы подходим, наконец, к кромке льда и к открытому морю. Я наметил наиболее подходящее ледяное поле и пристал на 5 минут, чтобы пополнить запас снега. Измерение дало 7 метров, и я немедленно взял курс по направлению к мысу, который мы видели к востоку. До тех пор, пока не будут произведены наблюдения или пока у меня не будет других неопровержимых доказательств правильности нашего решения, могу только предполагать, что это мыс Песцовый. В 14 часов пройдена последняя линия льда между нами и землей; глубина 25 метров в полутора милях от земли. В 15 час. 10 мин. подошли к мысу, но в 50 метрах от берега катер ударился в ил. Я взял курс через бухту, чтобы отыскать другое место для высадки к так называемой „хижине Фаддеева“.

Обнаружив подходящее место для высадки, я в 18 часов направился к нему. Это был откос, покрытый травой и мхом, с целыми деревьями плавника и небольшими снежными насыпями. Но, увы, мы застряли в иле в 100 метрах от берега и ничего не могли поделать. Оставив в китобойном вельботе кроме Мельвилля только 2 человек и облегчив таким образом нагрузку, я предложил Мельвиллю попытаться пристать к берегу, рассчитывая в дальнейшем использовать китобойный вельбот в качестве парома. Но и этот бот застрял в 50 метрах от берега. Мы его вытащили и, так как нам, очевидно, предстояло переночевать в ботах, стали готовить ужин.

Но дальше к югу я обнаружил берег, где не было ила, а только гравий, поручил Мельвиллю сделать еще попытку, причем мы снова уменьшили груз в ботах. На этот раз, к моему большому удовлетворению, попытка увенчалась

успехом, а затем, используя вельбот в виде парома, мы все к 18 час. 45 мин. перебрались на твердую землю. Я почувствовал большое облегчение.

Мы поднялись вверх и расположились лагерем. Снутцер — последний оставшийся у нас пес — бешено носился кругом, преследуя леммингов, а мы занялись поисками дичи. Мы нашли совершенно свежий олений помет, куски оленьего рога, заячьи следы, перья черных гусей и целые деревья норвежской сосны. Мы обнаружили озера и, быстро освободившись от соленой снежной воды, сделали запас свежей. Сегодня выдана последняя порция лимонного сока. После ужина охотники отправились на поиски дичи. Легкий юго-восточный ветер. В 20 часов температура -4° . Я увеличил выдачу пеммикана до 300 граммов в день.

Глава XVI

НОВОСИБИРСКИЕ ОСТРОВА

31 августа—11 сентября 1881 года

31 августа. Встали в 5 часов. Легкий восточный ветер. Температура -5° , но воздух такой мягкий, как при температуре выше -1° . Охотники подстрелили трех уток. Видны многочисленные свежие оленьи следы, нашли куски рогов. На одном еще заметен пушок. К югу в полтора милях на правом берегу небольшой речки Свитман и стюард набрали на развалившуюся хижину. Это, несомненно, хижина Фаддеева. Она отмечена на карте, и тем самым наше положение определяется совершенно точно.

Утром доктор заметил куропатку. Позавтракали в 6 часов. Затем снесли весь груз вниз на берег; спустили и перегрузили боты, но в обратном порядке, чем вчера. В путь двинулись в 7 час. 20 мин. В 8 часов прошли мимо хижины Фаддеева и направились дальше к югу. В 11 час. 20 мин. сделали попытку высадиться на берег для ужина, но боты застряли в 300 метрах от берега. Дальше продолжали плавание на парусах и в 15 часов обогнули южный мыс. В 17 час. 30 мин. снова пытались высадиться, чтобы поужинать, но и на этот раз застряли в 500 метрах от берега, и даже китобойный вельбот с уменьшенным грузом не мог подойти к берегу ближе, чем на 300 метров. Решили всю ночь плыть на парусах. Температура воздуха -2° , температура воды 0° . Влияние прилива — 62 сантиметра. Я держал курс к западо-юго-западу, и попутный ветер облегчал продвижение. Ветер стал крепчать, мы хорошо шли до 22 часов, когда, к моему удивлению, перед нами появился лед, а мы застряли в иле. Оказывается, мы столкнулись с рукавом песчаной отмели, а лед образовался из застрявших на ней небольших глыб. До полуночи нам пришлось прилагать все усилия, чтобы не оказаться на мели.

Ночь стояла темная. Глубина была то 60 сантиметров, то 2,5 метра, то снова 60 сантиметров. Надо было спускать якоря, а у нас не было тяжелого груза, кроме пеммикана. Но банки с пеммиканом были продавлены и могли промокнуть. Я попытался использовать кирки и столбы для палатки, но не мог ими зацепиться. Тогда мы начали вбивать столбы от палаток в дно, но они сломались. Никто не мог заснуть в этой неудобной обстановке. Мы ждали наступления утра.

1 сентября. В 2 часа рассвело настолько, что мы могли видеть наш путь и двинуться вперед. Нам с трудом удалось обогнуть край берега, но мы ушли далеко от второго катера и потеряли его из виду. В 6 часов мы пристали к айсбергу и, в ожидании второго катера, занялись завтраком. В 7 час. 10 мин. показался второй катер, и мы возобновили плавание.

Начался прибой, и нас едва не унесло в море. Продвигались очень быстро. Востоко-юго-восточный ветер. Какая температура, я не знаю. На носу дежурный все время измерял глубину. Неожиданно при глубине в 90 сантиметров мой катер застрял. Китобойный вельбот подошел ко мне на помощь, но только сдвинул меня на риф, и катер почти до краев наполнился водой. В конце концов мы снялись с мели и до полудня шли юго-юго-западным курсом, после 20 часов — юго-западным.

Ветер крепчал, и глубины увеличивались. Мы снова потеряли из виду второй катер и в ожидании его пристали к ледяному полю. Мы идем превосходно, временами первый катер и китобойный вельбот делают от 5 до 6 узлов. Волны усиливались, и нас не заливало только потому, что мы шли полным ходом. Мы промокли насквозь, все время приходилось вычерпывать воду и работать насосом. Я был даже доволен, когда мы подошли к небольшим полосам дрейфующего льда, так как волнение несколько успокоилось. Но льдины были настолько малы, что мы не могли к ним пристать.

В 16 часов нам попалась навстречу подходящая льдина, к которой и пристали два наших бота. Второго катера не было видно. Меня тревожило то, что происходило вокруг нас. Со всех сторон начал напирать лед. Я боялся, что мы окажемся в западне. Как и 20 августа, мы не могли остановиться и пристать, так как не было достаточно больших льдин. Я вполне доверял умению Чиппа и не сомневался,

что он нас догонит и присоединится к нам. В 17 часов я заметил подходящее ледяное поле, к которому мы и пристали; мы поужинали и расположились лагерем. От южного мыса острова Фаддеева до острова Котельного 70 миль. Я не знаю точно, сколько мы проплыли за прошлую ночь, пока не застряли у рифа, но считаю, что к 17 часам мы прошли около 50 миль.

Земли еще не было видно, но на близость земли указывали облака, которые низко нависали на северо-западе. Мы так замерзли и промокли, что с радостью забрались в наши спальные мешки. Температура -3° . Ветер усиливается и предвещает шторм.

2 сентября. Ветер попрежнему восточно-южно-восточный, шторм со снегом. Встали в 5 часов. В 7 часов температура -1° . Второй катер все еще не виден. Глубина — 18 метров. Быстрый дрейф к западо-северо-западу. За ночь мы спали очень мало и использовали день, чтобы хорошо выспаться. Мы не обращали никакого внимания на шторм и хорошо бы отдохнули, если бы не отсутствие второго катера, которое нас беспокоило. После полудня Ниндеманн увидел землю между западом и северо-западом; по его мнению, земля не дальше 7 миль. Снег перестал падать, ветер дул с перерывами.

В 18 часов температура -1° . Снова пошел снег. Глубина 8 метров. Дрейф значительный. Я велел приготовить черный флаг и поднять его на топ-мачте, чтобы Чипп, если он недалеко, мог заметить нас. Легли в 21 час. Вокруг нас появилось столько льда, что с трудом верится, что мы приплыли сюда по чистой воде. Лед снова задерживает наше плавание, и нам только остается ждать перемены ветра. К западу остров Котельный удерживает лед, к северу его удерживает песчаная отмель, и лед смерзается.

3 сентября. Встали в 6 часов. Сильный юго-восточный ветер, но, во всяком случае, не шторм. Второй катер все еще не виден. Температура -1° . Измерения показали глубину в 7 метров. К северу и северо-западу видна вода (повидимому, вода на краю песчаной отмели), а к западо-северо-западу видна также и земля. К полудню ветер затих, и солнце несколько раз пыталось пробиться сквозь облака. Я надеялся, что шторм прошел и начнется благоприятный ветер, но после обеда барометр начал падать, и ветер снова засвежел. К 16 часам снова шторм, беспросветное свинцовое небо.

Отчетливо вырисовывается земля. За линией побережья виднеются горы. Вышина земли такая же, как и острова Фаддеева,—от 15 до 28 метров.

Я предполагаю, что земля в 10 милях. Меня измучило беспокойство о втором катере и неопределенность нашего положения. Час от часу мои сомнения усиливаются, так как юго-восточный шторм еще крепче скует окружающий нас лед.

В 16 час. 45 мин. Анегин увидел парус и закричал нам об этом. Это, конечно, был второй катер. Он шел на расстоянии полумили от нас вдоль кромки льда к северу, где, очевидно, он застрял на песчаной отмели. Подойдя к нам, катер пристал к льдине и поднял на топ-мачте черный флаг. В 17 час. 50 мин. Чипп и Кюне по льду подошли к нам, и мы угостили их ужином. Они потеряли нас из виду третьего дня в 15 час., а затем очень скоро их бот наполнился водой. Они вытащили его на лед. Когда мы будем на берегу, Чипп представит мне подробный рапорт. Я написал ему следующее:

13 сентября 1881 года.

Меня очень радует, что вы снова с нами. Мы были в большой тревоге последние 48 часов. Третьего дня, когда мы начали терять вас из виду, были такие волны, что я вынужден был пойти на парусах до тех пор, пока не нашел ледяного поля, где мог пристать и подождать вас. За это время мы оказались затертыми. Если ваш бот находится в безопасности, вам следует ждать окончания шторма или перемены ветра, позволяющей вам присоединиться. Я предполагаю при первой возможности отплыть к югу острова Котельного или к подходящему для высадки месту по юго-восточному побережью с тем, чтобы, когда позволит состояние погоды, проплыть мимо острова Столбового до Баркина (дельта Лены). Расстояние между южным мысом острова Котельный и островом Столбовым 65 миль к востоко-юго-востоку, а от острова Столбового до Баркина 112 миль на западо-юго-запад (смотрите нашу карту). Вы должны быть готовы отправить для уменьшения вашего груза одного человека на первый катер и одного на китобойный вельбот.

Примите все меры, чтобы в дальнейшем не терять меня из виду, и держитесь на таком расстоянии, чтобы вас можно было окликнуть. Если же мы снова будем разлучены, вам надо пробиваться к реке Лене и стараться добраться до какого-нибудь селения; остановиться ждать нас вы должны

только тогда, когда вам будет обеспечено пропитание и кров. Я не думаю, чтобы земля была дальше 10 миль. Мы пристали к льдине при глубине 18 метров и дрейфовали до глубины 5 метров.

В дальнейшем, когда паруса не будут подняты, на топмачте вы будете видеть небольшой черный флаг.

Джордж В. Де-Лонг,

начальник Арктической экспедиции,
лейтенант США флота*.

Сегодня за обедом между первым катером и китобойным вельботом были распределены 12 уток (двух застрелили на острове Фаддеева, а десять были убиты первого числа); до нашего соединения я не хотел трогать запасы, но птицы лежали на дне лодки, промокли и могли испортиться. Получился прекрасный обед; кроме птиц каждый получил по 100 граммов пеммикана. С утра Чипп, повидимому, прошел 30 миль вдоль песчаной отмели. Там, где стоит его катер (около мили к северу от нас), глубина 122 сантиметра и в пределах видимости песчаный берег. Из нашего лагеря видна земля на западо-северо-западе. Я надеюсь, что вода идет до земли. У нас глубина 6 метров, мы не дрейфуем. Я условился с Чиппом, что я дам знак, если решу перебраться через лед и идти по мелкой воде. Продолжается сильный юго-восточный ветер.

4 сентября. Встали в 5 часов. Сильный юго-восточный ветер. Температура —3°. В 6 час. 30 мин. Ниндемманн, Бартлетт, Лаутербах и Каак отправились вперед прокладывать путь для ботов, а за ними я отправил к лагерю Чиппа остальных (каждый нес что-нибудь — ящик, спальные мешки и т. д.). Я и Ли остались одни.

В 8 час. 30 мин. начали тащить боты по льду, но к лагерю Чиппа из-за неровной дороги подошли только к 13 часам. Это была исключительно трудная работа. Между глыбами встречались отверстия, в которые люди падали и проваливались; после этого приходилось бежать, чтобы высушить одежду. У нас осталось так мало припасов, что я не решался вынуть их из ботов и нести на руках. При падении можно было потерять банку с пеммиканом, а это дневная порция пищи. В 13 часов мы дошли до воды, быстро приготовили обед и в 14 часов сели обедать. Глубина достигает 183 сантиметров; к северу от нас идет отмель или песчаный берег, простираясь с востока на запад на расстоя-

ние 200 метров. В 150 метрах от тяжелого льда (1 метр 80 сантиметров толщиной) тянется длинная полоса небольших глыб, а в 50 метрах за нею — песчаный берег. Таким образом, здесь два песчаных наноса и два канала, идущих на несколько миль к западу. У нас в катере 14 человек; добавился А-Сам со второго катера, Мансон перешел на китобойный вельбот, — там теперь 11 человек.

Для того, чтобы первый катер не застревал на мели, я приказал Чиппу итти первым, за ним следует Мельвилль, а мы остались в арьергарде.

Мы отправились в 15 часов. При сильном юго-восточном ветре и снежных шквалах поплыли по неглубокому каналу на запад. За несколько минут до отплытия подо мной проломился лед, и я провалился до плеч. Мы успели пройти 2 или 3 мили, как вдруг Чипп поднял паруса и, подплыв ко мне, сообщил, что впереди нет прохода. Мы повернули, и два бота взяли мой катер на буксир и повели его против ветра около 300 метров. Затем через разводье мы вошли в мелкий канал и поплыли к западу; глубина достигала 1 метра 20 сантиметров.

К моему удивлению, во всех направлениях лед. Я уже думал, что нам предстоит или провести ночь в катерах, или устроить лагерь на непрочных прибрежных ледяных глыбах. К северо-востоку было достаточно воды, но вода вела к рифу или песчаному берегу, что было нежелательно. Мы отбрасывали глыбы льда и быстро пробивались вперед; так как вода прибывала, я шел впереди, чтобы остальные могли воспользоваться проложенным путем, хотя это увеличивало риск сесть на мель. Мы вынуждены были итти то к северо-востоку, то к северу и только к 17 часам освободились из льда и смогли итти к северо-западу. Неожиданно слева показались полосы льда, а справа к северо-западу низкий песчаный берег, край которого поднимался над водой на метр или полтора. Избегая песчаного берега, я старался держаться у льда. Глубина начала быстро уменьшаться, и я не сомневался, что мы застрянем. Я сразу пристал к льдине. Когда подошел китобойный вельбот, я оставил на нем только четырех человек, а остальным велел высадиться на льдину; судно я отправил вперед, чтобы произвести промер, а второй катер должен был осторожно и медленно плыть за китобойным вельботом.

Убедившись, что воды было достаточно, я дал распоряжение команде моего бота, увеличенной на 7 человек с

китобойного вельбота, дрейфовать за вторым катером. Я говорю — дрейфовать, так как было настолько глубоко, что я не решался плыть ни на парусах, ни без них. Скоро нам попался навстречу возвращавшийся китобойный вельбот, и Мельвилль доложил мне, что воды достаточно. Я послал к нему обратно его команду. Второй катер и мой пристали к берегу к 18 час. 30 мин.; разбили лагерь, разгрузили и втащили суда.

Где мы теперь находимся? В снежном шквале и тумане я мог установить одно: мы высадились на песчаном месте, где много плавника; остров это или низкий берег — я не знаю. На западе маячат горы; определить расстояние не могу даже приблизительно.

Я был так рад, что мы оказались, наконец, в безопасности, что меня мало интересовали географические особенности места нашей высадки.

Чипп сообщил, что видел тысячи уток. Я сразу же послал Ньюкомба с ружьем. Он вернулся через час с одной чайкой и с 6 несчастными маленькими куликами. По дороге он видел олений помет.

В ожидании того, что мы найдем на этом безлюдном месте, мы стали подкрепляться чаем без сахара. В это время затрещал костер; задыхаясь от дыма и обжигаясь искрами, мы окружили его, чтобы хоть немного обсохнуть. На дереве были видны следы топора.

Юго-восточный ветер еще больше усилился. В 10 часов спустилась темная ночь.

5 сентября. Встали в 6 часов. Шторм еще сильнее, слепящий снег. Востоко-юго-восточный ветер. Температура — 2°. Так как никого нельзя послать охотиться, вынуждены есть пеммикан и ждать.

Я все более и более благодарен судьбе, что у нас есть хоть эта песчаная морская коса. Через густой снег виднеются очертания земли к северо-западу и западу, но как далеко до земли — это неизвестно.

Коллинс провел ночь с леммингом. Утром, когда Коллинс вышел из палатки, лемминг выскочил из капюшона его мехового пальто и с быстротой молнии скрылся в песке. Джонсон, по его словам, видел след в песке. След совершенно свежий. На дереве также видны свежие следы топора. Неужели недавно здесь кто-нибудь был?

Ночью доктор подобрал кость ископаемого.

На песчаной морской косе много озер, но наше предположение что у нас будет хорошая вода, не оправдалось.

Вода оказалась слишком соленой. Поэтому мы пополнили наши запасы воды выпавшим утром снегом.

У Денбара совсем больной вид, и я опасаясь, что, находясь во втором катере, он перенес больше, чем говорит. Им приходилось вычерпывать из бота воду. У Чиппа от холодной воды сделались такие страшные судороги, что когда катер пристал к льдине, его пришлось вынести на руках. Чипп выдал всему своему отряду по две унции водки. Денбар залпом выпил свою порцию и упал в обморок. Я заметил, что у всей команды второго катера измученный, больной вид, у некоторых распухло лицо.

Ровно два года назад мы вмерзли в пак недалеко от острова Геральда. Сегодня мы на песчаной морской косе. К полудню снег перестал падать, ветер стих, и солнце раз или два пыталось пробиться сквозь облака. Ньюкомб отправился с ружьем, но подстрелил только двух уток. Он принес с собой отросток оленьего рога и череп молодого оленя. Вероятно, оленя сожрали волки.

После обеда все отправились на охоту. У берега показался тюлень, но он успел скрыться. Видны утки, но они были слишком далеко. По берегу бродили маленькие серые кулики. Были видны крупные пурпурные медузы. В 14 часов почти безветрие. Температура—9°. Вернулись охотники. Они видели к югу много плавника. Лес был уложен рядами к северо-западу и юго-востоку.

На берегу интересные камни. Ли набрел в миле к юго-востоку от нас на развалившуюся хижину. Может показаться странным, что я сам никуда не хожу, а только отмечаю все с чужих слов, но дело в том, что у меня от холода вспухли ноги, пальцы на них отморожены, и я не в силах много ходить.

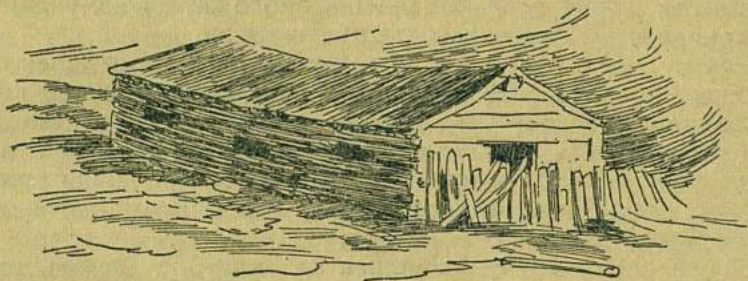
В 16 час. 30 мин. вернулись Коллинс и доктор. Они прошли около 5 миль и не встретили никакой добычи, хотя видели олений помет и отростки оленьих рогов.

Песчаная морская коса идет от низкого берега. Мы, без сомнения, на острове Котельном. Ручей или река идет по направлению к высоким холмам (20 метров вышиной), и мы, повидимому, у ее устья. Исходя из этого, я склонен думать, что мы у устья реки Царевой. Раньше мне казалось, что мы находимся южнее, ближе к южным рекам, у Баренкана.

Чипп и доктор тоже встретили несколько развалившихся хижин и много плавника. В одном месте почва была совершенно черная. Вся она состояла из прогнившего дерева.

Небо немного прояснилось, и мы могли рассмотреть, что нас окружает. Кюне, отправившись к югу, натолкнулся на развалины шести хижин и на кучи оленьих рогов. Значит, здесь были люди, которые охотились и питались.

Ниндемани принес несколько отделанных кусков дерева и обод от бочки. В 6 часов вернулся Ли. Он пересек косу, прошел вдоль ее южной стороны несколько миль и встретил построенную из бревен хижину; щели у нее были забиты тряпками. Здесь же он нашел мамонтовый клык и несколько

Хижина на острове Котельном

небольших кусков мамонтовой кости. Лед прилегал к самому берегу, и для ботов не было прохода; но, когда он уже уходил, ветер изменил направление к северо-западу, и лед начал разрезаться. Наконец, подошел и Алексей. Он подобрал в хижине деревянный стакан, деревянную ложку, деревянную вилку, мамонтовый клык и небольшую русскую медную монету — копейку, отчеканенную в 1840 году. Значит кто-то посетил остров уже после Санникова. Коллинс набросал рисунок хижины и окрестного ландшафта. В 20 часов начался северо-западный ветер.

6 сентября. Встали в 5 часов. Легкий западный ветер, температура -4° . В 7 час. 10 мин. тронулись в путь и успешно продвигались до 10 час. 30 мин. Прошли 6 миль после того, как обогнали песчаную морскую косу и пошли к югу. Здесь нас остановил лед, доходивший до самого берега. Не было ни одного канала. Нам оставалось одно из двух: или волочить боты по земле, или выждать, чтобы лед отжало от берега. Я решил выждать. Задержкой воспользовался для посещения хижины, где вчера был Коллинс.

Хижина тщательно построена, имеет порог. Крыша и стены законопачены и, без сомнения, хорошо защищали от

ветра. Много дров. Вокруг лежали сосновые и еловые чурбаны. Мы уже пользовались этими запасами. По земле бегали бесчисленные лемминги.

В 12 часов пообедали. Ветер стих. Спустился туман. Лед несколько разределся. Я безуспешно пытался провести боты к каналу. Пришлось разгружаться, устраивать переправу и в 500 метрах грузиться снова. В 13 час. 45 мин. тронулись дальше и вдоль побережья пробивались к югу. Как только показывалась земля, мы думали, что это Баренкан, но и к 18 час. 30 мин., когда я остановил боты для обеда, Баренкан был так же далек, как и прежде.

Иногда я отправлял всех, кроме гребцов, на берег, и они шли пешком. Когда на берегу встретился крутой утес, я дал распоряжение возвратиться на боты. За это время доктор обнаружил сланцевый утес и подобрал мамонтовую кость.

В 18 час. 30 мин. поужинали и расположились лагерем. Взобравшись на холм, я начал высматривать, где кончается земля, но из-за тумана почти ничего не было видно. Утешало только то, что виднелось большое водное пространство. Когда мы тащили боты по земле, я заметил, как Денбар пошатнулся и присел. Оказалось, что у него снова обморочное состояние, вызванное, по словам доктора, сердечным недомоганием. Я освободил его от всякой работы, кроме управления рулем второго катера.

Мы совсем отошли от песчаной отмели: глубины увеличивались, и мы без затруднений шли вдоль берега. Низкие песчаные берега с холмами на заднем плане сменились полосой холмов, напоминающих нагар на свечах. Мне еще никогда не приходилось на берегу или около него видеть землю вышиной в 30 метров. Коллинс заметил следы раскопок.

В 20 часов пошли дальше и до 21 часа 45 мин. сделали 3 мили; пристали к берегу и расположились лагерем. Я считаю, что за день пройдено 13 миль.

7 сентября. Встали в 5 часов. Восточно-северо-восточный ветер. Температура -4° . В 9 час. 12 мин. двинулись в путь.

В 9 час. 12 мин. были около Баренкана; пошли дальше и в 10 час. 30 мин. встретили большое ледяное поле. Чтобы обойти его, пошли к юго-востоку, но неудачно, тогда взяли курс к северо-северо-западу, а затем снова к юго-западу и западу. Ветер усиливается и отжимает лед.

В 11 час. 15 мин. Мельвилль крикнул, что не может справиться с течью. Пристали к плавающей ледяной глыбе и

вытащили китобойный вельбот. Оказалось, что при проходе через канал, глубиной в 12 метров выскочила пробка. От Баренкана находимся на расстоянии около 5 миль. В 12 час. 10 мин. снова на воде. Двинулись вперед.

Сильный восточно-северо-восточный ветер. Бурное море. Все время вычерпываем и откачиваем насосом воду. Сначала повар, а потом Коллинс заболевают морской болезнью. В 18 час. ветер стихает, и море успокаивается. На каждую еду выдается по пинте воды.

8 сентября. В 1 час 30 мин. вошли в разрыхленный движущийся лед. Задержались до 4 час. 30 мин., определили направление ветра к юго-востоку. До рассвета пристали к ледяному полю. Затем продолжали плыть к юго-западу. Сильный ветер, бурное море. Промокли, промерзли, не спали. Чувствуем себя отвратительно. В 6 час. погода изменилась. Ясное небо, легкий юго-восточный ветер. Солнце греет. Определил широту — $74^{\circ}41'$ к северу от Баренкана. Взяли курс к юго-юго-западу и шли так до 16 часов, когда, пожалев моих утомленных и промокших спутников, пристал к льдине, вытащил боты и расположился лагерем.

9 сентября. Встали в 4 часа. После отдыха чувствуем себя несколько лучше, но все еще мерзнем. Легкий южный ветер. Виден остров в расстоянии от 15 до 20 миль. Не Столбовой ли это? Температура — $1\frac{1}{2}^{\circ}$. В 6 час. 20 мин. двинулись дальше, гребли или шли на парусах. В 11 час. пристали к льдине и пообедали. Глубина 5 метров. Легкий юго-западный ветерок, временами дождь и снег. В 14 час. 30 мин. встретили громадную площадь битого льда, тянувшегося к востоку и западу. Пробивались через него к юго-западу по проливу шириной около полумили. Безветрие. В 17 час. 45 мин. перестали грести, поужинали. Глубина 6 метров. В 18 час. 5 мин. поплыли дальше. В 20 час. густой туман, земля совершенно скрылась из виду. В 21 час 40 мин. я решил остановиться. Мы подошли к неровной льдине, вытащили боты и разбили лагерь. Зажгли свечу, так как ничего не было видно. К ужину был чай и по 4 унции пеммикана на человека. Полное безветрие. Глубина 2 метра. Лыдина на мели.

10 сентября. Встали в 7, завтрак — в 8 часов.

Легкий северо-восточный ветер. Температура — $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Вышел весь экстракт Либиха. Последний раз имели его вчера к обеду.

На расстоянии мили видна земля. Это, несомненно, Семеновский остров. Вчера после полудня я видел к югу

другой остров — Васильевский. В пути с 8 час. 30 мин. Густой туман. В 9 час. 10 мин. подошли к северной части острова. Шли вдоль его западной стороны до 11 час. 30 мин., остановились для обеда. Остров, повидимому, шириной в одну восьмую мили. Виднеются свежие медвежьи и оленьи следы. Денбар совсем ослаб. Остров, повидимому, размывается. На вершине холма нашли отросток оленьего рога. Доктор подобрал зубы мамонта. На вершине холма озеро со свежей водой. Высота острова от 9 до 30 метров. Остров образовался не из речных отложений, и здесь нет остатков ископаемых. Когда-то здесь был тропический климат, что подтверждается нахождением угля на острове Беннетта. В 12 час. 45 мин. я отправил 5 человек из своего отряда к югу в поисках добычи; по моему указанию, Мельвилль и Чипп отдали такое же распоряжение.

По узкой полосе земли отправилось 9 или 10 человек; мы медленно плыли вдоль берега. Вскоре услышали выстрелы и крики: „попал“. Я уже приближался к южному концу острова и хотел его обогнуть, чтобы подобрать охотников, но так как берег был очень крут, я повернул и поплыл вдоль западной стороны острова, где встретил второй катер; на носу в катере лежал прекрасный олень.

Я немедленно подошел к небольшой бухте, приказал разгрузить боты, выпотрошить оленя и приготовить обед. Меня порадовало сообщение о том, что на восточном берегу острова есть плавник. Охотники стреляли в двух оленей, но одному удалось скрыться. Они видели также стаю белых куропаток.

Я еще раньше решил провести день здесь или на острове Васильевском. Так как на этом острове имелась пища, горючее, вода, возможность высушить одежду и отдохнуть, то, учитывая, что синица в руках лучше журавля в небе, мы остаемся здесь.

Много оленьего мха и противоцынготной травы. Я хочу снова отправить охотников на поиски второго оленя или медведей, если они водятся на острове. Ветер изменил направление к востоку, температура 0°.

К югу виден остров Васильевский. Южная сторона Семёновского острова так сточена, что похожа на лезвие ножа. Под действием холода от краев острова оторвались большие массы, которые лежат теперь на берегу. Громадные трещины указывают место будущих оползней. Видно много льда, но я думаю, что это разреженный пак и мы сможем

итти и ночью. Жизнь в боте не особенно удобна, но она становится страшной при неожиданной ночной встрече с дрейфующим льдом. В полной темноте, промокшие и промерзшие, мы тщетно боремся с нашим врагом.

Я распорядился выдать по 200 граммов мяса на человека. В 16 час. 45 мин. сели обедать. У нас был прекрасный жареный олень и чай. В 20 час. я снова устрою такое же угощение, а до тех пор охотники отправятся искать добычу. Алексей принес мамонтовый бивень, а Коллинс нашел немного раковин у откоса в 1—1,5 метрах над уровнем воды.

Бартлетт видел стаю куропаток, одним выстрелом убил трех. Две скрылись в расщелине утеса. Ньюкомб тоже застрелил одну куропатку. В 20 час. мы сели за ужин, и все получили немного больше, чем по 200 граммов. От оленя остались только кости; из них завтра к обеду будет приготовлен суп. Горячее мясо и чай заставили позабыть о мокрых спальных мешках и одежде. После трех неудачных попыток мы нашли, наконец, сухое место, где поставили палатки, и в 21 час 30 мин. улеглись спать. Тепло и безопасность, которой мы наслаждаемся на Семеновском острове, заставили нас позабыть о всех неудобствах. Ветер очень усилился; почти буря, падает густой снег. Лед больше не приближается, и я сильно надеюсь, что мы без затруднений достигнем Лены.

11 сентября. Девяносто один день со дня гибели корабля. Встали в 8 часов. Долгий сон подкрепил всех. Восточный ветер. В 10 час. 45 мин. произвел смотр команды, прочел военный устав.

Ветер снова крепчает, снег и град. Сегодня до полудня два раза прибежал к лагерю молодой олень. Один раз он подошел на 30 метров к Алексею. Алексей его заметил не сразу, потом пустился преследовать и к полудню еще не вернулся. Я думаю, что кроме убитого вчера оленя и этого молодого здесь больше нет оленей.

К обеду олений суп и по 150 граммов пеммикана. Я приготовил после обеда следующий отчет, который будет оставлен в оловянной банке.

„Остров Семеновский. Ледовитый океан.“

11 сентября 1881 года.

Мы оставляем этот отчет о нашем прибытии на остров и предполагаемом уходе на тот случай, если нас будут разыскивать до установления нами связи с родиной. „Жан-

нета" два года дрейфовала в паке и 12 июня 1881 года в северной широте $77^{\circ}15'$ и восточной долготы 155° была раздавлена и затонула.

Тридцать три человека, составляющих офицерский состав и команду корабля, прибыли сюда вчера после полудня и намерены на трех ботах отплыть завтра утром к устью реки Лены. Отчет о наших действиях был оставлен на острове Беннетта (открыт нами)—северная широта $76^{\circ}8'$, восточная долгота $157^{\circ}45'$, а третий—оставлен на льду—северная широта $77^{\circ}18'$, восточная долгота $153^{\circ}25'$.

Мы все здоровы, у нас нет цынги, и мы рассчитываем на будущей неделе достичь селения на реке Лене. У нас еще осталось припасов на 7 дней.

Джордж В. Де-Лонг,

начальник Арктической экспедиции,
лейтенант флота США".

В 18 часов вернулись охотники без добычи. Они видели много следов. В 18 час. 30 мин. поужинали,—суп из куропатки, жареный пеммикан и чай. Завтра утром мы отправляемся в путь.

Глава XVII

ДЕЛЬТА ЛЕНЫ

12—30 сентября 1881 года

12 сентября. Поднялись в 5 часов. Северный ветер. Температура $-1\frac{1}{2}^{\circ}$. В 7 час. 40 мин. тронулись в путь, держа курс к юго-западу. В 8 час. 40 мин. мы были у северной части острова Васильевского, а в 9 час. 40 мин. у южной. В 11 часов пристали ко льду для обеда. Пройдено 16 миль. Глубина 7 метров. Двинулись дальше в 16 час. 15 мин. и обогнули остров. Китобойный вельбот далеко уклонился в сторону. Востоко-северо-восточный ветер усиливается и переходит в шторм. В 21 час потеряли из виду шедший впереди нас китобойный вельбот, а в 20 часов перестали различать отставший второй катер. Шторм. У нас снесено гнездо мачты. Спустили паруса, килевая качка. Бурное море, сильный шквал, барометр быстро падает.

13 сентября. До 18 часов чрезвычайно сильный северо-восточный шторм. Бурное море. В катере набралось много воды, и у него сильный крен. В 10 часов подняли паруса и час шли на парусах, но потом направление ветра изменилось. После 18 часов ветер стих, море успокоилось, облака рассеялись, показались звезды, и выплыл месяц. Вспышки северного сияния. В 20 часов подняли запасной парус, устроенный из брезента от саней, и пошли к западу.

14 сентября. Барометр поднимается, волнение на море улеглось. К полдню ветер перешел к югу. Катер делает один узел—курс на запад. Второй катер и китобойный вельбот не видны. Вместо пеммикана к обеду у нас было 3 килограмма ветчины.

15 сентября. Слабый южный ветер. Сильная морская зыбь, скоро, впрочем, затихшая. Эриксен в полдень определил широту. Мои руки со вчерашнего дня совсем не

Бура разъединила боты. Первый катер Де-Лонга

действуют. Мы сшили вместе обе части запасного паруса. Идем медленно, делая не более пол-узла.

16 сентября. В 4 часа безветрие. Глубина полтора метра. Позавтракали. Укрепили шесть весел и идем к югу. Встречается много тюленей, попадаетесь молодой лед. В 8 часов впереди и слева вырисовывается земля. В 9 часов наскочили на мель на расстоянии больше мили от берега.

До 18 часов бились, чтобы сняться с мели. Мы ждали прилива, но и тогда вода поднялась лишь на 5 сантиметров. Низкая и плоская линия земли тянется на восток и на запад. Наконец, в 18 часов подошли к нагроможденным массам тонкого льда и пристали к ним. Собрали лед для варки. Лед и вода более пресные, чем в море.

17 сентября. Встали в 6 часов и позавтракали. В 8 часов снялись со льда и попробовали итти. Через несколько сот метров сели на мель. Освободились, опять мель. Сделали плот. Пообедали. Решили разгрузиться и пойти к берегу вброд. К 13 часам нагрузили плот палатками, кухонными плитами, ящиками, но, несмотря на прибой, который должен был поддерживать его, плот сел на мель. В 14 час. 45 мин. все, за исключением доктора, Бойда, Эриксона и меня, отправились с первой частью груза. Вода доходит до колен. Земля в полутора милях. Вернулись в 16 час. 15 мин. Протолкнули бот ближе к берегу. Отправили вторую часть груза (Коллинс и Сам совершенно выбились из сил и остались на берегу). В 18 час. 45 мин. команда вернулась. Снова начали проталкивать к берегу бот, протолкнули на одну восьмую мили. Затем все вышли и понесли груз к берегу.

Я высадился на берег в 20 часов. Темно, метель. Коллинс развел хороший костер; я отправил всех, за исключением доктора, Сама, Бойда, Эриксона, на бот, и к 22 часам все наше имущество было на берегу, не считая самого бота, весел, мачты, саней. К ужину дополнительно выдал около 1 килограмма свиных ног. Мой хронометр остановился около 23 часов. Не прошло еще 8 часов после заводки.

Разбили лагерь, не выставив дежурных.

18 сентября. Встали в 11 часов. К завтраку чай и пемикан. После завтрака доктор нас всех осмотрел.

Начали разводить большой костер, чтобы обсушиться. Почва такая сырая, что за ночь мы еще больше промокли. Как правило, промокают и спальные мешки и одежда, и только иногда белье в отдельных мешках остается сухим. После полудня отправил людей на бот. Они принесли спирт,

всю нашу одежду, ящик с инструментами. На катере остались только весла, мачта, половина брезента. Костер горел весь день, чтобы можно было хорошо высушить одежду.

Мы не должны скрывать от себя своего положения. Надо готовиться к походу. К обеду, вместо пеммикана, 3 килограмма ветчины, а к ужину приготовили суп из двух куропаток, а вместо пеммикана у нас были две свиные ноги и около 1 килограмма ветчины.

Снег и дождь, сильный ветер. Легли в 21 час, вахта не поставлена.

19 сентября. Встали в 6 час. 30 мин. К завтраку — чай и 2 килограмма языка. Весь запас консервов кончился. У нас остались припасы на $3\frac{1}{2}$ дня, пеммикан и много чая. Я отдал распоряжение готовиться к выступлению после обеда. Мы оставляем спальные мешки. Из них можно сделать обмотки для ног.

Мы оставляем:

1 секстан,
1 искусственный горизонт,
ртуть,
1 альманах,
1 походный стол,
прибор Шовене для отсчета долготы,
печь для варки,
14 кастрюль,
кухонный горшок,
сковорода,
1 ящик с образцами пород,

1 ящик с медицинскими инструментами, содержащий: 10 свертков бинтов, 2 унции морфия, 100 граммов слабительных пилюль,
1 ящик с урологическими инструментами,
1 небольшой ящик с инструментами для операций (частично),
1 сверток корпии,
400 граммов марли,
1 ящик с пластырем,
1 клинический термометр,
пустые склянки.

С собой берем следующие предметы:

2 аптечки,
2 ножа для операций,
2 небольших ручных пилы,
 $2\frac{1}{2}$ банки карболового вазелина по 4 унции в каждой,
6 унций глицерина,
6 унций скипидара для втирания,
2 унции карболовой кислоты,
8 флаanelевых бинтов,
 $\frac{1}{2}$ свертка корпии,
 $\frac{1}{8}$ свертка пластыря,
2 унции слабительного,
2 унции настойки из опия,
одну четверть водки,

1 операционную пилу,
1 топорик,
1 карманный барометр,
1 карманный компас,
1 ящик с термометрами,
1 ящик с картами,
2 жестяных коробки,
корабельные журналы,
бумаги;
дневник,
карманный хронометр,
1 ружье винчестер,
2 ружья ремингтон,
1 небольшое ружье винчестер.

Копия отчета, оставленного в ящике
с инструментами.

Понедельник, 19 сентября 1881 года.

Дельта Лены

Нижеперечисленные 14 человек с парохода „Жаннета“ (раздавленного льдами 12 июня 1881 года на 77° 15' северной широты и 155° восточной долготы) высадились здесь вечером 17 сентября и сегодня после полудня выступают в поход с целью достичь поселения на реке Лене: Де-Лонг, Амблер, Коллинс, Ниндемани, Гертц, А-Сам, Алексей, Эриксен, Каак, Бойд, Ли, Иверсен, Норос, Дресслер.

Мы оставили один отчет на острове Семеновском в полумиле к северу от южного его края. Офицеры и команда „Жаннеты“ в числе 33 человек отплыли утром 12 сентября от означенного острова на трех ботах. В ту же ночь, во время шторма я потерял два бота из виду и не имею с тех пор о них никаких сведений. Мною было дано распоряжение, чтобы в подобном случае каждый бот, не выжидая остальных, стремился добраться до поселения на реке Лене. Мой бот приплыл сюда утром 16 сентября. Я предполагаю, что мы в дельте Лены. Со времени оставления острова Семеновского я не имел возможности определить наше положение. Два дня мы старались подплыть к берегу и достичь устья реки, но не могли этого сделать из-за льда и, бросив бот, в брод прошли полмили до берега, захватив с собой все припасы и снаряжение. Теперь нам предстоит дойти до ближайшего поселения, которое, как я полагаю, находится в 95 милях отсюда. Мы здоровы. У нас на 4 дня припасов. Мы несем с собой оружие, амуницию, корабельные книги и бумаги, палатки, одеяла и лекарства. Поэтому мы надеемся, что нам удастся добраться до поселения.

Джордж В. Де-Лонг,

начальник Арктической экспедиции,
лейтенант США*.

Алексей до полудня застрелил большую чайку, и мы сварили из нее суп к ужину. Кроме того, у нас был чай и 6 унций пеммикана. В 14 час. 45 мин. выступили в поход, а в 16 час. 30 мин. остановились и стали лагерем. Груз слишком велик, а люди измучены. Ли стонет и жалуется; Эриксен, Бойд и Сам прихрамывают. Три остановки по 15 минут каждая не помогли. Плохая дорога. Всюду молодой

лед, и мы идем по тонкой корке, временами проваливаясь по колено. Я решил отправить обратно к месту, где были оставлены наши вещи, корабельные журналы, печь, два сосуда со спиртом, палатку и бинокль. Развели большой костер и во время ужина успели обсохнуть. Затем я послал Ниндеманна с Алексеем и Дресслером отнести корабельные журналы. Они вернулись в 21 час, и мы все забрались в палатки, чтобы уснуть. Весь день яркое солнце. Легкий южный ветер. К 20 часам стало облачно, ветер, изменив направление к юго-востоку, стал крепчать.

20 сентября. Встали в 6 час. 30 мин. Мы спали лучше, чем можно было ожидать, но часто просыпались от холода. Больные попрежнему чувствуют себя не плохо. В 8 час. 5 мин. пустились в путь. Бросили палатку № 1, так как не могли взять с собой.

Палатка № 6 сделана из хлопчатобумажной ткани и лучше защищает от воды. Я хочу разрезать ее по краям и пользоваться ею как покрывалом.

Мы подвигаемся вперед очень медленно. Солнце ярко светит и дает возможность определить курс. В общем мы движемся к югу, но из-за мшистых болот и многочисленных озер, покрытых тонким льдом, приходится делать обходы. Эриксен задерживает нас. От частых остановок ему не легче. В 11 час. 5 мин. я был вынужден объявить общий привал, так как Эриксен совершенно выбился из сил. Прошли 4 мили. Бойд и Сам прошли их не плохо, но не могли ничего нести, у всех нас пропала чувствительность пальцев ног, а у некоторых даже почти всей ноги. Ужасная неделя, проведенная в катерах, сильно нам повредила.

Приказал приготовить чай, выдал пеммикан. Мы вскрыли последнюю банку с пеммиканом (18 килограммов). Чтобы хватило на больший срок, я так его нарезал, что пеммиканом мы обеспечены на 4 дня. После этого у нас ничего не будет, и, если мы ничего не придумаем по пути, нам придется съесть нашу собаку. Но что будет потом?

Еще до полудня мы перестали встречать плавник, и меня начал беспокоить вопрос о топливе. В 12 час. 30 мин. пошли дальше и почти сразу напали на свежие оленьи следы. Окрыленный этим, я продолжал двигаться вперед. Держа курс к югу, мы снова подошли к массе плавника. Здесь мы нашли три следа, но я не знаю, удастся ли нам поймать оленя, волка или песца. С юга поднимался туман. У меня появилась надежда, что мы подходим к реке.

Вдруг сзади послышался крик. Когда отставшие подошли, я узнал от них, что Эриксен лег на землю и просил, чтобы его оставили. Я бросился к нему с доктором и, выбравив его за такой безумный шаг, заставил подняться и идти впереди меня. Его положение действительно очень серьезно. Он не может идти с нами, а с другой стороны, мы не в силах его нести. Не может быть и речи, чтобы в таком состоянии он смог бы в 4 дня куда-нибудь дойти. Возможно, что мне придется выслать вперед за помощью Ниндеманна и доктора.

Еще до этого я отправил Ниндеманна и Алексея по оленьим следам выяснить, не находимся ли мы вблизи устья реки. Когда я подошел к месту нашей остановки в 14 час., я узнал, что они отправились преследовать четырех оленей, которые за время моего отсутствия подходили к стоянке. В ожидании их возвращения развели костер. В 14 час. Ниндеманн и Алексей вернулись. Они видели целое стадо из 7 или 8 оленей, но на таком расстоянии, что не могли выстрелить. В 15 час. 20 мин. пошли вперед.

На этот раз я с доктором замыкали отряд, чтобы не дать Эриксену отстать от нас, и нам удалось заставить его пройти мимо. Мы пересекли устье реки, судя по громадной массе плавника на левом берегу. Я велел Коллинсу, Ниндеманну и Алексею сложить здесь их груз, а самим идти дальше в поисках добычи. Если их охота будет успешна, мы с честью выйдем из положения. В противном случае надо будет послать вперед за помощью.

Охотники вернулись в 17 час. 30 мин. Видели только оленьи следы. В 18 час. поужинали. Легкий юго-восточный ветер. Температура —1°. Во время обеда вокруг нас летала небольшая птица и, наконец, опустилась на наш флагшток, который я взял с собой. Коллинс воскликнул: „это к счастью, капитан“. В наших условиях поневоле обращаешь внимание на такие мелочи. Мы развели громадный костер, не жалея плавника. Сидя перед костром, мы буквально жарились, а из нашей промокшей одежды клубами шел дым. Мы спали на бревнах, покрывшись одеялами и вырезанными кусками палатки, покрывавшими нас так, как обычно брезент покрывает товары. За день прошли 5 миль.

21 сентября. Ночью шел сильный снег, ветер усилился. Покрывала из палатки сорвались. Наша ошибка в том, что мы легли ногами к костру, а головой к ветру. Мы часто просыпались, дрожа от сильного холода. Встали в 6 часов.

Переход в брод на берег

Юго-восточный шторм, снег, туман. В 7 час. 30 мин. навьючив на себя груз, тронулись и шли до 11 час. 30 мин. Бойд и Сам шли совсем хорошо, а Эриксен лучше, чем вчера, но все еще ужасно медленно. За 4 часа прошли не больше 4 миль. Я шел вдоль крупного строевого леса по левому берегу реки. Правда, вода была видна лишь тогда, когда мы проваливались сквозь тонкий лед в болото и грязь.

На северном берегу реки леса не видно. Часто попадались открытые капканы для песцов. Много оленьих следов, как бы от целого стада. Явился Ниндемани, которого я послал вперед на поиски добычи, и сообщил, что мы подошли к реке шириной в 100 метров. Вдоль берега тянется хороший ровный лед. Мы шли к юго-западу, и река шла в том же направлении. Линия же строевого леса уходила к северу. Я не придаю этому значения, так как и на нашей (южной) стороне леса вполне достаточно. В 11 час. 20 мин. привал. На приготовление обеда ушло много времени, так как спички были мокрые, дрова сырые и, кроме того, мешали сильные порывы ветра. Чтобы дойти до ровного льда у реки, нам надо было итти по поясу в снегу. В одном из капканов увидели оторванную морду песца, туловище было или объедено, или отрезано. Наше намерение растягивать одну порцию чая на три раза не всегда удается. Например, сегодня в чайнике из-за отсутствия более удобного места несли банку с солью, но Ли опрокинул ее, и чай испортился. В 13 час. пошли вперед. В 15 час. 30 мин. подошли к месту, где река делает изгиб к югу. Здесь, к удивлению, натолкнулись на две хижины. Одна из них, повидимому новая. Я решил здесь остановиться, и мы вошли в хижину. Сделали 6 миль.

Сегодня 101 день со времени гибели „Жаннеты“. Что это за место? Это важный вопрос. Если эта пара хижин составляет все поселение, то наши шансы на успех очень невелики. По моему подсчету, мы теперь в 35 милях от следующей станции и в 87 милях от ближайшего поселения. После утреннего завтрака у нас остается пищи на два дня, а с нами трое больных, которые не могут пройти более 5 или 6 миль в день. Я, конечно, не могу их оставить, а они не в силах продвигаться с необходимой быстротой.

При виде этих хижин, — одной новой, — в которых можно остаться и на более продолжительный срок, я решил, что нашему отряду следует здесь остановиться, а наиболее сильным ходакам итти вперед за помощью. Я наметил доктора и Ниндеманна. Я беседовал по этому поводу с доктором

и сообщил ему свои соображения. Ему надо дойти до поселения и прислать нам помощь. Как ни тягостно для него покидать нас, доктор согласен сделать все, что может облегчить наше положение. Завтра я окончательно дам ему все необходимые распоряжения. Мы не можем идти дальше, а тут, по крайней мере, для нас обеспечен и кров и тепло.

За рекой виднеется что-то похожее на указательный столб, а к востоку — на хижины. Я послал на разведки Ниндеманна и Алексея. Это было в 16 часов. Стая из 5 небольших уток плыла по реке; мы дали несколько выстрелов, но безрезультатно. Я распорядился тщательно обыскать обе хижины, но в них не нашли никакой пищи.

В 18 часов вернулся Ниндеманн. Он нашел в капкане чайку и принес ее, но, увы, она негодна. Капкан был поставлен для песцов или для гусей. В виде приманки в нем находилась рыба. Поужинав, мы забрались под наши покрывала. В новой хижине было две хороших койки для доктора, Коллинса, Ньюкомба и меня. Я распорядился плотно закрыть хижину, чтобы сохранить тепло, и лечь спать.

В 20 час. 30 мин. Алексея еще не было, но я не сомневался, что с ним ничего не случилось.

В 21 час раздался стук, и я услышал голос Алексея:

— Все спят?

Я сразу вскочил. Просунув голову в дверь, Алексей сказал: — Капитан, мы достали двух северных оленей, — и вошел с оленьим мясом.

Сон как рукой сняло. Сейчас же развели костер, и в обеих хижинах началась варка. Мы съели по 600 граммов на человека, и от всего, что принес Алексей, осталось только два языка. По дороге к замеченным хижинам Алексей заметил оленьи следы настолько свежие, что решил идти дальше, хотя и опасался, не буду ли я его бранить за долгое отсутствие. Очень скоро он заметил оленьи рога и, подкравшись к стаду из 14 оленей, загрел двух. Остальные убежали. Он сразу же отрезал заднюю ногу, два языка и, промокший и промерзший, пустился в обратный путь.

22 сентября. До рассвета в хижине было тепло, а потом стало холодно. Встав в 5 час. 30 мин., мы позавтракали пеммиканом. В 6 час. 45 мин. я послал Ниндеманна, Алексея и еще 5 человек за двумя убитыми оленями. Эта удача меняет все мои планы. У нас есть возможность остаться здесь день или два; наши больные оправятся, а за это время можно найти еще добычу, чтобы взять с собой в дорогу.

При осмотре хижины найдены следы пребывания русских или других цивилизованных людей,—грубая шахматная доска, деревянные вилки, куски карандашей и т. п.

В полдень легкий восточный ветер. Температура—1°. В хижине перед огнем термометр показывал 21°.

В 13 час. 50 мин. Ниндемани и его отряд притащили двух оленей. На это ушло 7 часов. Мы тотчас же стали готовить обед и в 15 часов сели за стол. У нас было по 600 граммов жареного мяса на человека. Кончив обед, приступили к приготовлению ужина: у нас так мало кухонных принадлежностей—котелок, сковорода и крышка для котелка, что за один раз не удается приготовить. Два часа кипятили кости для супа и жарили 200 граммов мяса на каждого. В 20 часов каждый получил по полпinte супа и по 200 граммов жареного мяса; в 21 час легли спать. От чая пришлось отказаться, так как котел был занят. Больным лучше. Бойд быстро поправляется, Сам—медленно; Эриксену не хуже. Я надеюсь, что от отдыха, питания и тепла их ногам станет лучше. Теперь они не в состоянии передвигаться; но у нас сейчас столько оленьего мяса (вероятно, 40 килограммов чистого мяса), что нет необходимости немедленно идти за помощью.

23 сентября. Встали около 6 час. 30 мин. К завтраку в 8 час. 300 граммов жареного оленьего мяса и полпинты чая. В полдень легкий юго-восточный ветер. Температура—4°. К югу видна возвышенность. К обеду по 300 граммов жареного мяса. Состояние больных, по мнению доктора, дает возможность выступить завтра утром. Подсчитал остаток оленьего мяса: чистого мяса без костей—22 килограмма, мяса на костях—5,6 килограмма, костей для супа 6 килограммов. Сегодня на ужин уйдет 9 килограммов мяса на костях; завтра к завтраку—2 килограмма, а 20 килограммов чистого мяса мы берем с собой. В 15 часов подкрепились пинтой супа из мозговых костей. В 18 часов ужин из чая и 200 граммов мяса; после ужина начали варить к завтраку остальные кости.

24 сентября. Встали в 4 часа 20 мин. В 5 час. 20 мин. суп, в 6 часов—чай и 200 граммов мяса на костях. Температура—2°, мягкий приятный день. Начали подготавливаться к выступлению, назначенному на 7 часов. Я закончил отчет о нашем продвижении, положил его в деревянный ящик, который привязал снаружи к столбу. В 8 час. 5 мин. выступил доктор и больные, а в 8 час. 20 мин. по-

следними я и Гертц. Я оставил в хижине свое ружье. Представляю себе удивление следующего посетителя хижины.

Мы шли вдоль берега реки, обогнули один приток и по льду пересекли другой. В 11 час. 20 мин. остановились, пройдя около $3\frac{1}{2}$ миль к югу. Прошли мимо трех развалившихся хижин. Обогнув приток, где были три развалившихся хижины, снова подошли к реке. Меня удивило, что в этом месте река не замерзла; на ней гуляла волна, поднятая ветром. Меня смушала медленность нашего передвижения, и огорчал измученный вид людей, идущих с тяжелым грузом.

Мне пришло в голову, что если устроить плот, мы будем двигаться быстрее, и, во всяком случае, людям будет легче. Я решил попробовать, и во время привала отобрал подходящие бревна. После обеда продолжали работу, и в 17 час. 40 мин. наш плот, правда, прескверный и непрочный, был готов. Не останавливаясь перед опасностью потерять весь наш груз, мы погрузились и попытались оттолкнуть плот на середину реки, чтобы дальше идти на парусах. Но начался сильный отлив, ветер утих, и плот прочно сел на мель. Я поставил крест на всю эту затею, мы снова нагрузились и с трудом поплелись дальше. Больные с доктором пошли пешком по направлению к месту, где Алексей видел хижину. Но, когда в 18 час. 40 мин. мы их догнали, никакой хижины не оказалось. Мы остановились, развели костер и поужинали. Высушили одежду. К обеду — 400 граммов оленьего мяса на человека. В 10 часов устроили место для сна на неровных бревнах, завернулись в покрывала и старались уснуть, но сон не приходил. За день пройдено 5 миль.

25 сентября. Отвратительная ночь — ни сна, ни отдыха, холод жестокий. Встали в 5 час. 20 мин. Съели по 300 граммов оленьего мяса. Двинулись дальше в 7 часов и скоро натолкнулись на приток. К счастью, перешли по льду.

К 11 час. 25 мин. прошли вниз по реке 6 миль. Привал для обеда. С огорчением убедился, что у нас остается только 3 килограмма оленьего мяса и 2 языка. Очевидно, мы ошиблись или при первоначальном подсчете, или при выдаче. За обедом съели все мясо. Пошли дальше в 13 час. 30 мин. и в 16 час. увидели две хижины. К 15 час. 30 мин. мы прошли 4 мили. Нам пришлось идти по отвесному берегу, но мы все-таки справились и к 16 час. 50 мин. прошли еще 2 мили, а всего за день 12* миль.

Я подошел к остальным в 17 час. 50 мин., так как отстал вместе с Ли, которого мне пришлось подгонять. Мы часто

проваливались сквозь лед, при этом обувь промокала и покрывалась снегом, который быстро замерзал, и ноги делались громадными и неуклюжими, как мешки с песком. Карта во многом оказалась неточной. Хотя мы отошли от воды, а потом вновь пересекли ее, мы все время шли по ровному замерзшему грунту. В одном месте дорога вела по руслу высохшей реки. Попадались проталины, в одну из которых несколько человек из нас, и я в том числе, провалились по пояс. Приблизительно через каждые 200 метров попадались капканы для песцов, часть из них была открыта, но часть с кусками птицы в виде приманки была в полном порядке. Капканы были устроены так, что песец, доставая мясо, должен был выбить небольшую подпорку и на него падала колода. Прошли мимо двух хижин. Одна совсем развалилась, в другой же мы все могли укрыть я, но в ней было очень грязно. В ней было несколько оленьих рогов, заплесневелые остатки еды, деревянные вилки и тарелки. Все указывало на пребывание здесь цивилизованных людей. Отвесный берег достигал 7,5 метра вышины. Поужинали в 18 час. 30 мин. Чай и 40 граммов пеммикана. Двинулись дальше.

26 сентября. Встали в 5 час. 30 мин. Позавтракали в 6 час. 30 мин. (чай, 40 граммов пеммикана). Доктор сообщил неприятную новость. У Эриксона на подошве ноги язва. Он еще может ходить, но через несколько дней нога совсем перестанет действовать.

В 7 час. 30 мин. Ниндемани с командой начали сооружать плот, а Алексей отправился вдоль реки с целью выяснить, нельзя ли перейти ее по льду или в брод. Так как такого перехода мы не нашли, то в 10 часов начали переправляться на нашем шапком плоту. Сначала переправились Коллинс, Алексей, Ли; Ниндемани и Каак работали за паромщиков. Пользуясь веслами, они с трудом достигли противоположного берега. В 180 сантиметрах от берега плот завяз в иле, но в 3 метрах было настолько глубоко, что трехметровый шест не достал дна.

В 11 час. 20 мин. плот вернулся. Я предполагал на этот раз отправить вместо 3 человек — пять, но оказалось, что это слишком много, и пришлось ограничиться тремя. В 15 час. 45 мин. переправлялась последняя партия (доктор, Эриксон и Гертц). Разгрузившись, мы сразу же стали обедать (чай, 40 граммов пеммикана). Еды у нас остается ровно на три трапезы и, кроме того, собака. В 16 час. 40 мин. пошли дальше и к 18 час. 55 мин. сделали 4 мили. Темнело, и я

дал распоряжение остановиться для ночлега. Трудно сказать, остановились ли мы у реки или нет. Мы шли к юго-западу и юго-западу, а по карте река течет к западу.

27 сентября. После холодной и бессонной ночи (почти все не спали) на рассвете выпили чай, а в 5 час. 15 мин. позавтракали — 40 граммов пеммикана. Осталось еще на одну еду. Вчера вечером мы добавили ко второй кружке чая полунции спирта. Это, несомненно, полезно, но меня сегодня утром немного тошнило.

В 6 часов мы уже совсем были готовы выступить, но в это время Ниндеманн увидел оленя, и я послал его вместе с Алексеем в погоню.

Нога Эриксона сегодня в плохом состоянии.

В 8 часов мы слышали выстрел и увидели к востоку наших охотников. Сейчас же к ним отправились 5 человек, и к 7 часам у нас было мясо прекрасного оленя. Мы снова спасены. Мне трудно даже выразить, какое это для меня облегчение. У нас оставалась еда только на один раз, а нам предстояло пройти еще 8 миль до места возможного поселения, — и нашей единственной пищей был бы бедный пес Снуцер.

Ниндеманн и Алексей подкрались к стаду почти у места вчерашней переправы и выстрелили на расстоянии 100 метров. У Ниндеманна ружье дало осечку, а Алексей из своего ружья подстрелил такого громадного оленя, что его пришлось тащить впрягом. В 10 час. 30 мин. 14 голодных людей начали уничтожать жареное мясо, и признаюсь, чтобы насытиться, мы съели 2 килограмма каждый. Затем я приказал взвесить остаток. У нас 93 килограмма чистого мяса без костей, 7 килограммов шеи (для супа), на ребрах наберется мяса на две еды. Кроме того, есть еще суповые кости, сердце, печень, мозги и язык, в общем — еда на три дня, считая 400 граммов каждому на каждую трапезу.

Теперь для моего спокойствия мне надо только узнать, что случилось с двумя другими ботами.

У Эриксона от язвы на ноге обнажены мышцы. Доктор не скрывает, что придется ампутировать обе ноги наполовину, а может быть полностью.

В 12 ч. 30 мин. мы двинулись в путь, сытые и бодрые. У каждого, кроме Эриксона, на плечах сверх обычного груза еще около 6 килограммов мяса.

К 16 часам мы прошли около $3\frac{1}{2}$ миль, а так как мы еще срезали угол и этим сократили дорогу на милю, то

всего мы сделали сегодня $4\frac{1}{2}$ мили. Здесь было много дерева. Так как все были утомлены от бессонной ночи и добавочного груза, я велел остановиться. Приготовили ужин (3 килограмма от шеи, 2,5 килограмма ребер) и занялись устройством палаток, поставив их против откоса. Весь день юго-восточный ветер и густой снег. Во время привала ветер изменил направление к востоку и почти стих.

Я считаю, что мы в $4\frac{1}{2}$ милях от места, находящегося против Сагастыря. Завтра это выяснится. К нашему удивлению, мы нашли отпечатки обуви на снегу. Они шли от воды к откосу. По словам Алексея, след свежий, не больше двух дней. С откоса вдоль реки виднеются три предмета, напоминающих хижины.

28 сентября. Встали в 5 час. 55 мин. Завтрак — 4 килограмма шеи, 6 килограммов ребер, чай. Хотя в прошлую ночь было не так неудобно и над нами были палатки, все-таки мы до такой степени устали, что несколько часов не могли заснуть, а потом часто просыпались и от холода и от того, что ветер стал дуть прямо вдоль реки. У нас был горячий хороший завтрак. В 8 часов пустились в путь; в 8 час. 45 мин. первая остановка. Пройдена миля. Мы так устали, что все, не исключая меня, заснули. В дальнейшем я через каждые 20 минут делал десятиминутную остановку.

На берегу видны следы двух людей. В 11 час. 10 мин. мы подошли к хижине. Судя по остаткам еды и свежему пеплу, в ней прошлую ночь были люди. Здесь река поворачивала направо. Я велел остановиться и приготовить обед. На значительном от нас расстоянии на нашем берегу видно что-то похожее на хижину. Я думаю, что ночью мы там остановимся. Когда я несколько отдохнул и пришел в себя, я осмотрелся, но то, что представилось моему взору, поставило меня в тупик. Перед нами к юго-юго-востоку виднелась другая река. Мы находились в разветвлении, и для продолжения пути нужно было пересечь реку шириной в четверть мили. Приходится сооружать плот, но нет подходящих бревен, не говоря уже об отсутствии веревок. Я направил Алексея вдоль реки к юго-востоку и узнал от него, что дальше река сворачивает к северу и делается еще шире. Я склонен думать, что мы дошли до конца дельты, а несовпадение с моей картой объясняется тем, что бывшее раньше мелью приняло за 60 лет вид приподнятой земли. Сагастырь, если он действительно существует,

должен быть в 5 милях к юго-западу, и, если я не ошибаюсь, замеченные нами утром следы указывают, что люди пришли оттуда.

Если у Чиппа и Мельвилля все благополучно, они, конечно, вышлют нам помощь. Возможно, что два человека, следы которых мы обнаружили, как раз нас и разыскивали.

Как бы то ни было, мы слишком утомлены и, не выспавшись, дальше идти не можем. Я решил всю ночь оставаться в хижине. Мы пообедали (4 килограмма ребер, 2 килограмма сердца и печени), и в 13 час. 10 мин. я послал Ниндеманна с Алексеем и Гертцем поправить хижину и устроить дверь из брезента. Остальная команда собирала дрова для варки и для костра. Я предполагаю развести снаружи большой костер, который должен привлечь внимание. В 17 час. 30 мин. мы пообедали (три килограмма костей на суп и по 200 граммов оленьего мяса на человека). Начали готовиться к ночлегу. К 20 часам сигнальный костер ярко горел, хижина была закрыта, и, усталые, мы улеглись спать.

29 сентября. Сто девятый день. В 6 часов стали готовить завтрак, зажгли костер. К завтраку чай и 200 граммов мяса. В 8 часов послал Алексея к западу за добычей и на разведку. Он должен был выяснить, можно ли пересечь реку и не меняет ли она направление к югу и западу.

Остальная команда занялась сбором дерева, за исключением Ниндеманна, который пошел вдоль восточной реки в поисках материала для плота, и Гертца, занятого исправлением хижины и поднятием флагштока с черным одеялом. Бойд и Сам наводили порядок внутри хижины, а повар доставал воду для обеда.

Я надеялся, что на утро будет достаточно крепкий лед, чтобы пересечь реку, там как мы не можем стоять на месте. У нас нет ни бота, ни материалов для сооружения плота, хотя бы и неустойчивого. С обеих сторон нас окружает вода, а припасов только на несколько дней.

Неприятно сознавать, что мы в безвыходном положении. Состояние Эриксона становится все более тяжелым. Доктор сказал мне сегодня, что, если в ближайшее время Эриксен не попадет в обстановку, где ему будет обеспечен надлежащий уход и медицинская помощь, что возможно только при продолжительном пребывании в каком-нибудь поселении — его жизни грозит опасность. Несколько дней тому назад у него появились симптомы, заставляющие опасаться судорожного зажатия челюстей и смерти. Действительно,

трудно представить, как он может поправиться. Если мы пойдем вперед и я заставлю его идти с нами, это сократит ему жизнь.

Если же я задержусь здесь со всем отрядом, мы ненадолго продлим его жизнь, но сами рискуем погибнуть от истощения. В нашей жизни наступил критический момент. Я ничего не могу сделать.

Пока не замерзнет река или не будет сооружен плот, нельзя перебраться через реку. Возможно, что я неправильно определяю наше положение и до конца дельты еще 12 миль. Может быть, река, идущая к востоку, как раз та самая, через которую мы переправлялись несколько дней тому назад. Мы должны соорудить такой большой плот, чтобы на нем можно было переправиться всем сразу, так как из-за сильных ветров плот не сможет сделать несколько рейсов туда и обратно. Как мы сможем достать столько бревен и чем мы их свяжем? Ведь у нас осталось только немного веревок от наших узлов.

После завтрака доктор и Коллинс тоже пошли на охоту, но видели только одну или две куропатки. В 12 часов пообедали — 3 килограмма костей для супа и 2,5 килограмма мяса. В 12 час. 15 мин. вернулись Ниндемани и Алексей. Они прошли вдоль реки около 4 миль. Судя по рассказу Ниндемани, река идет на востоко-юго-восток. В 2 милях от нас они набрали на небольшую хижину для двух человек: похоже, что недавно в ней были люди. Здесь они нашли немного рыбы, еще свежей и хорошей. Часть рыбы была сварена, а часть сырая. В полутора милях от нас река начинает замерзать, и через день по ней можно будет ходить. Нигде не видно материала для плота. Итак, итоги неутешительны. Утром я велел прикрепить черный флаг к поставленным друг на друга столбам высотой до 6 метров. Но я думаю, что из-за густого тумана флаг не заметен. Алексей застрелил большую чайку, спустившуюся к флагу. К обеду у нас будет суп из чайки. После обеда отправились искать дерева. А-Сам чистит и готовит чайку. Ниндемани prepares удочки. Повар рубит дрова, а остальные исправляют хижину и приводят в порядок одежду. С наступлением ночи снова развели большой костер, но кто его заметит? Ветер стих, изменив направление к западо-северо-западу. На обеих реках образуется лед.

30 сентября. Сто десятый день.

Позавтракали в 6 час. 50 мин. — чай и по 200 граммов жареного мяса. Легкий западный ветер. Температура в 9 ча-

сов—8°. Река покрылась слоем льда. Я отправил Ниндемманна выбрать место перехода. У нас в хижине с вечера довольно тепло, но к рассвету становится так холодно, что спать совершенно невозможно. Бойд и А-Сам сегодня совсем выздоровели.

Эриксену не лучше, ему не избежать потери четырех пальцев правой ноги и одного на левой. Доктор после завтрака срезал у него омертвевшее мясо. К счастью, он не страдал, так как передняя часть ноги у него омертвела. Но как мучительно было видеть эту операцию! Я надеялся, что он вернется здоровым домой. Теперь, конечно, его придется тащить, так как он не может двигаться. Температура падает, и нам не придется долго ожидать замерзания реки.

Ниндемманн и Алексей рассказывают, что они перешли восточную реку в полутора милях отсюда. В 12 часов пообедали, — 3 килограмма тушеного мяса, по 200 граммов на человека. Я сознаю, что это недостаточно, так как я сам голоден, хотя мне не приходится, как другим, носить дрова. Но даже при такой выдаче оленьего мяса хватит только на 3 дня, и поэтому я лишен возможности увеличить порцию.

После обеда Алексей пошел на охоту за оленями. Коллинс также отправился охотиться; команда искала дров для костра, а Ниндемманн сколачивал носилки для Эриксена. По мнению доктора, если мы не дойдем до какого-нибудь поселения, Эриксен проживет не более 2 или 3 дней.

Увы! Увы!! В 18 часов Коллинс и Алексей вернулись с пустыми руками. Алексей прошел с миллю, но кроме старых оленьих следов ничего не видел. К ужину 200 граммов оленьего мяса и чай. На холме снова зажгли костер.

В 20 часов легли спать. Наша грязная лачуга, в которую дома мы не поместили бы и собаку, кажется нам дворцом, так как дает нам кров.

Глава XVIII

РОКОВОЙ МЕСЯЦ

Октябрь 1881 года

1 октября. Сто одиннадцатый день, новый месяц. Как только кипяток был готов, в 6 час. 45 мин. сели завтракать: 200 граммов оленины на человека и чай.

Ниндемани и Алексей отправились к главной реке, а остальные начали собирать дрова.

Доктор ампутировал сегодня пальцы на ноге у бедного Эриксона. Нет сомнения, что придется ампутировать все пальцы, если только Эриксен до этого времени не умрет или мы не подойдем к какому-нибудь поселению. У него остался только один палец на левой ноге.

Температура—8°. В 7 час. 30 мин. я увидел, как Ниндемани и Алексей пересекли реку. Я сейчас же велел команде переносить груз. Оставлен следующий отчет.

„1 октября 1881.

Четырнадцать человек из состава офицеров и команды парохода „Жаннета“ в пятницу 28 сентября пришли в эту хижину. Мы были вынуждены ожидать здесь замерзания реки. Сегодня мы переходим на западный берег реки и направляемся вперед с целью достичь какого-нибудь поселения на реке Лене. У нас двухдневный запас провизии, но так как до сих пор удавалось доставать добычу, у нас нет опасений. У нас все здоровы за исключением моряка Эриксона, у которого ампутированы отмороженные пальцы. Мы оставили несколько отчетов в хижинах на восточном берегу реки, к которым мы подошли с севера.

Джордж В. Де-Лонг,
лейтенант флота США,
начальник экспедиции“.

В 8 час. 30 мин. сделали последний переход и благополучно перевезли нашего больного. Затем продвигались вперед до 11 час. 20 мин. Эриксона везли на санях. Остановились обедать. 200 граммов мяса на человека и чай. В 13 часов двинулись дальше и шли до 17 час. 20 мин.

Где мы теперь? Я думаю, в низовьях реки Лены. Сагастырь для нас оказался мифом. Мы видели только две старых хижины и больше ничего. Хижины были очень далеко, а прошло уже полдня. Мы все время шли по льду, и поэтому я думаю, что под нами была вода, но поток воды настолько узок и извилист, что по нему нельзя было бы плыть. Моя карта просто бесполезна. Мы должны пробиваться к югу. Ясный, тихий, прекрасный день.

Яркое солнце греет нас, дорога идет по льду, пищи осталось еще на день. Сапоги, конечно, промерзли и отяжелели. Не видно нигде ни одной хижины. Мы остановились у откоса и здесь проведем холодную ночь. К ужину 200 граммов мяса и чай. Развели костер, устроили ложе из чурбанов и установили дежурство по 2 часа. Дежурный должен следить, чтобы не потух костер. В 21 час улеглись.

2 октября. Мы довольно сносно проспали до полночи, а потом стало так холодно, что о сне не могло быть и речи. В 4 часа 30 мин. мы встали и стали греться у костра. Начало светать. Эриксен всю ночь говорил во сне, не давая уснуть и тем, которых не разбудил холод.

Позавтракали в 5 часов—200 граммов мяса и чай. Ясное, безоблачное утро. Легкий северный ветер. В семь пошли вперед по замерзшей воде, и к 9 час. 20 мин. прошли довольно большое расстояние. Я считаю, что мы делали по меньшей мере по 2 мили в час, а в пути находились 2 часа 4 минуты.

К обеду 200 граммов мяса и чай. Выступили в 13 часов и к 16 час. 15 мин. были в пути 2 часа, прошли 4 мили. Меня удивило, что река во многих местах сужалась до небольшой ледяной полосы. Иногда эта полоса приводила нас к песчаному плоскому берегу, иногда—к глубокому снегу, из которого приходилось выбираться, тратя время и силу.

Нельзя отрицать, что мы очень слабы. Пища недостаточна и не поддерживает наши силы, и каждая бессонная ночь дает себя чувствовать. Я несколько раз падал на лед, и это меня совсем извело. Усиливающийся северо-восточный ветер сдул со льда весь снег, и местами лед чист и гладок,

как стекло. Промерзшие сапоги плохо греют, и не только сводят ноги, но и делают их тяжелыми, как чугун. В 16 час. 5 мин. я велел остановиться и разбить лагерь, то-есть мы сели, развели огонь и поужинали. Нам предстоит еще холодная, утомительная ночь. Дул настолько сильный ветер, что нам пришлось из половины нашей палатки устроить ширму, за которой мы уселись, дрожа от холода и кутаясь.

3 октября. Сто тринадцатый день. В полночь стало так холодно и отвратительно, что я распорядился дать всем чая, и так мы держались до 5 часов. В 5 часов съели последнее оленье мясо и выпили еще чая. У нас остается еще 40 граммов пеммикана и полуотощавшая собака. Резкий ветер. Эриксен, повидимому, гибнет. Он слаб, его лихорадит. Засыпая, он все время говорит по-датски, по-немецки, по-английски. Никто не мог спать.

Вчера в 10 час. 45 мин. мои часы, которые были у дежурного, почему-то остановились. Я завел их наугад, и теперь надо руководиться ими, пока я не смогу определить точное время. Вчера когда часы были в порядке, восход солнца был в 6 час. 5 мин. Мы несколько задержались, так как перешли реку, увидев многочисленные капканы для песцов.

В снегу заметили человеческий след, который вел к югу. Мы пошли в том же направлении и снова перебрались на западный берег реки. Отсюда нам пришлось возвращаться, так как в отдельных местах река вскрылась и мы не могли больше идти по следу. Река имеет много отмелей. Они отбросили нас к западу. Я поспешил снова перебраться на западный берег, где мы в 11 час. 40 мин. остановились обедать. Съели последние 40 граммов пеммикана. В 13 час. 40 мин. двинулись дальше и проделали значительный по времени путь до 14 час. 20 мин. Когда мы находились на другом берегу реки, Алексей заметил хижину. Я хотел возможно скорее до нее добраться. Так как по песчаному плоскому берегу вела превосходная дорога, мы прошли милю, а затем пошли льдом по реке и пересекли ее по диагонали. В 14 час. 20 мин. я дал сигнал остановиться, и Алексей, поднявшись на откос, сообщил, что в расстоянии около четверти мили от берега видна вторая хижина, а первая находится на таком же расстоянии на краю откоса. Так как расстояние было одинаково, а везти больного по земле очень тяжело, я решил идти к хижине на берегу, куда по льду можно было подойти в три раза скорее.

Ниндемани, поднявшись на откос, заявил, что он не уверен в том, что на берегу действительно хижина. Относительно же второй хижины у него не возникало сомнений. Но Алексей настаивал на своем, и, к несчастью, поверив ему, я дал приказ двинуться на юг вдоль реки. Мы тронулись; впереди шли Ниндемани и Алексей.

Мы не прошли еще и мили, как вдруг я провалился сквозь лед по плечи. Меня удержал только мой вещевой мешок. Не успел я выкарабкаться, как в 50 метрах от меня Гертц провалился до шеи, а за ним Коллинс по пояс. Положение было крайне опасное. Мы обледенели, и могло оказаться, что мы отморозили ноги; тем не менее заковыляли дальше.

К 15 час. 45 мин. подошли к месту, рядом с которым должна быть хижина.

Ниндемани воскликнул: „Здесь нет хижины“. Я был очень огорчен и встревожен, убедившись, что мы приняли за хижину большую земляную насыпь. Ее правильная форма и расположение указывали, что она была специально устроена, чтобы служить навигационным знаком.

Алексей был настолько убежден, что это хижина, что обжегал кругом насыпь, ища дверей, а затем поднялся вверх, надеясь увидеть отверстие в крыше. Но это была только земляная насыпь.

С болью в сердце я велел остановиться в выемке на откосе, и скоро перед трещащим костром мы сушили одежду между тем, как холод пронизывал нам спину.

Теперь ужин. Кроме собаки ничего не было. Я приказал Иверсену убить ее и выпотрошить. Скоро из тех частей собаки, которые нельзя было взять с собой, приготовили что-то в роде тушеного мяса. И все, кроме меня и доктора, с жадностью принялись за еду. У нас обеих эта еда вызывала отвращение, но к чему распространяться об этом. Я взвесил то, что осталось. У нас не меньше 10 килограммов. Собака оказалась жирная и, так как ее кормили пеммиканом, вероятно, и чистая.

Я отправил Алексея с ружьем ко второй хижине проверить, действительно ли она существует. Он вернулся перед самыми сумерками. Хижина довольно просторна, — он был внутри ее и нашел там немного оленьего мяса и кости. У меня было искушение сразу же двинуться туда, но Алексей не был уверен, что сумеет в темноте найти дорогу, и мы решили ждать до утра, греясь у костра. Коллинс и

Гертц выпили немного спирта, а я не мог заставить себя последовать их примеру.

Холодно, сыро. Юго-восточный ветер, от него нельзя спрятаться и защититься. Предстояла томительная, тяжелая ночь. Скоро Эриксен начал бредить. Мы не могли согреться, а о том, чтобы просохнуть нельзя было и думать. Почти все как бы остолбенели, и я боялся, что не все переживут эту ночь. Я не могу определить, насколько было холодно, так как при частых падениях термометр разбился, но предполагаю, что было ниже нуля. Был поставлен дежурный поддерживать огонь, а остальные толкались вокруг костра. Так протекла третья бессонная ночь. Если бы Алексей не прикрыл меня своей тюленьей шкурой и не посидел бы, прижавшись ко мне, согревая меня своим телом, я, кажется замерз бы до смерти. От меня шел пар, я дрожал и трясся. В ночной тишине раздавались стоны Эриксена, и слышался его беспорядочный бред. Я надеюсь, что мне никогда больше не придется провести такую тягостную и мучительную ночь.

4 октября. Сто четырнадцатый день. С наступлением рассвета мы начали двигаться вокруг лагеря, а повар занялся приготовлением чая. Доктор выяснил, что Эриксен ночью сорвал рукавицы и у него отморожены также и руки. Мы начали растирать ему руки, и к 6 часам кровообращение в них возобновилось, так что мы рискнули везти его дальше. Мы быстро проглотили по кружке чая, и каждый приготовил свой груз.

Эриксен был без сознания, мы привязали его к саням. Дул сильный юго-западный ветер, было очень холодно; в 6 часов мы тронулись форсированным маршем вперед и к 8 часам подошли к хижине, достаточно, к счастью, большой, так что мы все могли в ней укрыться. Немедленно развели огонь и впервые за три дня могли согреться.

Доктор сразу же осмотрел Эриксена и нашел его состояние очень плохим: больной был без сознания, с очень слабым пульсом. Последняя ночь сильно на нем отразилась, и он быстро угасал. Мы опасались, что он не протянет и нескольких часов. Я поставил дежурного, и в 10 часов мы легли спать. Алексей же отправился на охоту и вернулся в полдень промокший насквозь, так как он провалился в воду. В 18 часов мы встали, и я решил, что необходимо подумать о еде. Каждый получил по 200 граммов жареной собаки и по кружке чая. Это очень мало, но мы были так

рады, что хижина защищала нас от безжалостного юго-западного ветра, что не обратили особого внимания на скудность нашей порции.

5 октября. Сто пятнадцатый день. В 7 час. 30 мин. повар стал кипятить воду и разогревать вчерашний заварной чай. До вечера я ничего больше не могу дать. До прихода помощи придется ограничиться 200 граммами собачьего мяса в день. В 9 часов Алексей вновь вышел на охоту, а команда стала подбирать небольшие палки, из которых мы настлали в хижине пол, так как на земляном мокром полу спать было неудобно.

Юго-западный шторм продолжается. У Эриксона началось омертвление ног. Операция бесполезна, да он ее, вероятно, и не выдержал бы. Иногда к нему возвращалось сознание.

В 12 часов вернулся Алексей и на этот раз без добычи. Он перешел реку, но из-за холодного ветра не мог идти дальше. Я думаю, мы на острове Тит-Ари, на его восточном краю, около 25 миль от Ки-Марк-Сурку. Я надеюсь, что там встречу поселение. Сагастырь оказался мифом. Хижина, где мы находимся, построена совсем недавно; это не та астрономическая станция, которая обозначена на карте. Хижина не достроена,—в ней нет дверей и порога. Может быть, она рассчитана только на летнее время, хотя многочисленные капканы для песцов дают основание предполагать, что ее посещают и в другое время года. Это наш последний шанс. Я не вижу, что я могу еще предпринять. Как только затихнет шторм, я отправлю Ниндемманна форсированным маршем за помощью в Ки-Марк-Сурку. В 19 часов съели по 200 граммов собачьего мяса и выпили по кружке чая старого заvara, а затем улеглись.

6 октября. Сто шестнадцатый день. Встали в 7 час. 30 мин. Выпили по кружке спитого чая, добавив пол-унции спирта. Все очень слабы. Шторм несколько утихает. Алексей снова отправляется на охоту. В полдень Ниндемманн и Норос отправляются форсированным маршем в Ки-Марк-Сурку.

В 8 час. 45 мин. скончался наш товарищ Эриксен. Я сказал над его телом несколько слов, чтобы ободрить и поддержать команду. Алексей вернулся с пустыми руками. Слишком сильная выюга. Что будет с нами? У нас осталось только 6 килограммов собачьего мяса, а до ближайшего поселения 25 миль.

Мы не можем вырыть могилу Эриксену: у нас нечем рыть, а грунт промерз. Что делать? Его могилой будет река. Мы зашили его в брезент от палатки и покрыли моим флагом.

Приготовили чай, добавив пол-унции спирта. Мы так слабы, что я не знаю, окажемся ли мы в состоянии двигаться.

В 12 час. 40 мин. снесли тело нашего покойного товарища к реке и, пробив во льду отверстие, опустили тело в воду. Тремя залпами из двух ружей отдали последнюю почесть. Мы приготовили доску с вырезанными на ней словами:

В ПАМЯТЬ
Г. Г. ЭРИКСЕНА
6 октября 1881 года
Пароход Соединенных штатов Америки
„Жаннета“.

Доска была поставлена на берегу реки рядом с могилой. Одежду Эриксена разобрали его товарищи.

Ужин в 17 часов—чай и 200 граммов собачьего мяса.

7 октября. Сто семнадцатый день. К завтраку съели последнее собачье мясо и выпили чай. Сегодня в котелок были опущены последние чайники, и нам предстоит поход в 25 миль без всякой пищи, если не считать двух кварт спирта и щепотки чая старого заvara.

В 7 час. 10 мин. начали готовиться к выступлению. Оставили ружье, которое было не в порядке, и 61 ленту с патронами; с собой мы берем два ремингтоновских ружья и 43 ленты с патронами. Оставил следующий отчет:

„Пятница, 7 октября 1881 год.

Нижеперечисленные офицеры и команда парохода Соединенных штатов Америки „Жаннета“ уходят отсюда сегодня форсированным маршем к Ки-Марк-Сурку или другому поселению на реке Лене. Мы пришли сюда во вторник, 4 октября, с больным товарищем (моряком Эриксенем), скончавшимся вчера утром и похороненным сегодня в полдень в реке. Его смерть последовала от гангрены отмороженных ног и от истощения. Все остальные здоровы, но у нас нет больше припасов. Сегодня съели последнее“.

Ниндемани и Норос в поисках помощи

Мы шли с 8 час. 40 мин. до 11 час. 20 мин., сделав около 3 миль. Мы совсем выбились из сил; нам казалось, что мы сбились с пути. Наткнулись на большие куски дерева, принесенные водоворотом, и я дал распоряжение остановиться. К обеду унция спирта, разведенная в котелке с чаем. Пошли дальше и скоро подошли к реке. Здесь при переправе через реку четверо провалилось сквозь лед. Опасаясь, чтобы не было случаев отмораживания, я велел развести огонь на западном берегу, чтобы обсушиться. За дровами я послал Алексея, приказав ему не уходить далеко и скорее возвращаться. Но к 15 час. 30 мин. его не было видно. Легкий юго-западный ветер, туманно; к югу видны горы. В 17 час. 30 мин. вернулся Алексей; он подстрелил одну серую куропатку, из которой мы сварили суп и поужинали, добавив в еду пол-унции спирта; затем улеглись спать. Легкий западный ветер, полнолуние, звезды. Не очень холодно. Алексей видел реку шириной в милю, свободную от льда.

8 октября. Сто восемнадцатый день. Встали в 5 час. 30 мин. К завтраку унция спирта в пинте горячей воды. Доктор отметил, что спирт очень полезен, так как заменяет пищу, предотвращает терзающие боли в животе и поддерживает силы. Мы расходует по 3 унции в день в соответствии с указанием доктора.

В 6 час. 30 мин. унция спирта; шли до 10 час. 30 мин. 5 миль, подошли к большой реке. В 11 час. 30 мин. двинулись дальше. Небольшая река. Вынуждены повернуть обратно. В 17 часов привал. Пройдена только миля. Снег, юго-юго-восточный ветер. Мало дров, поэтому на привале холодно, пол-унции спирта.

9 октября. Сто девятнадцатый день. Встали в 4 часа 30 мин. — унция спирта.

Отправил вперед за помощью Ниндеманна и Нороса. Они берут с собой одеяло, ружье, 40 патронов, 2 унции спирта. Им предписано идти по западному берегу реки до тех пор, пока они не встретят поселения; сказал им несколько слов ободрения.

Мы выступили в 8 часов, пересекли приток, провалились сквозь лед. Остановились, развели огонь, высушили одежду. В 10 час. 30 мин. двинулись дальше. Ли выбился из сил. В час подошли к берегу реки. Привал. К обеду унция спирта. Алексей застрелил трех серых куропаток; сделали из них суп.

Мы идем по следам Ниндеманна, но уже давно потеряли его из виду. В 15 час. 30 мин. тронулись дальше. Высокий

откос. Лед быстро несется по реке к северу. Привал в 16 час. 40 мин. так как нашли дрова и натолкнулись на байдарку. Улеглись на ней и заснули. К ужину пол-унции спирта.

10 октября. Сто двадцатый день. В 5 час. 30 мин. последние пол-унции спирта. В 6 час. 30 мин. послал Алексея на охоту за куропатками.

Едим куски оленьей кожи. Вчера утром съел свои обмотки для ног из оленьей кожи. Легкий юго-юго-восточный ветер. Не очень холодно. В 8 часов двинулись дальше. При пересечении притока трое из нас промокли. Развели костер, обсушились.

Снова в пути до 11 часов. Совсем изнемогаем. Развели костер. Сделали напиток из остатков чая в бутылки со спиртом. В полдень пошли дальше. Свежий юго-юго-западный ветер, вьюга, очень трудный путь. Ли умоляет, чтобы его оставили. Невысокий берег, а далее откос. Много следов куропаток. Идем по пути Ниндемманна. Привал в 15 часов, все выбились из сил, забрались в выемку берегового откоса, собрали дрова, зажгли костер. К ужину только ложка глицерина. Все обессилели и очень слабы, но не теряем бодрости.

11 октября. Сто двадцать первый день. Юго-западный шторм со снегом. Не в силах идти дальше. Вместо еды ложка глицерина и горячая вода. Вблизи не видно дров.

12 октября. Сто двадцать второй день. К завтраку последняя ложка глицерина и горячая вода. К обеду мы попробовали настой из арктического кипрея и горячей воды. Все слабеют и слабеют. Едва хватает сил, чтобы набрать дров для костра. Юго-западный шторм со снегом.

13 октября. Сто двадцать третий день. Чай из кипрея. Сильный юго-западный ветер. От Ниндемманна нет вестей. Мы не в силах идти против ветра, а остаться здесь — значит погибнуть от истощения. После полудня прошли мимо, пересекли другую реку или изгиб большой реки. Тут заметили, что недостает Ли. Мы спустились к выемке в откосе и остановились. Послал людей назад разыскать Ли. Он лежал навзничь и ожидал смерти. Сильный ветер. Ужасная ночь.

14 октября. Сто двадцать четвертый день. К завтраку чай из кипрея. Алексей застрелил серую куропатку. Сделали суп. Юго-западный ветер стихает.

15 октября. Сто двадцать пятый день. На завтрак чай из кипрея и две пары старых сапог. Решил двинуться с во-

Friday October 21

131st day. Kaack was found dead.
about midnight between the Doctor,
and my self -

Lee died about noon -

Read prayer for sick when he found
he was going

Saturday October 22nd

132^d day. Too weak to carry the 60
and Kaack out on the ice. The Doctor, Collins and
I carried them around the corner out of sight. Then
my eye closed up.

Sunday October 23^d

133^d day. Everybody pretty weak. Slept or rested all
day and then managed to get enough wood in before
dark. Read part of Divine Service - Suffering in
our feet - No foot gear.

Monday October 24th

134th day. A hard night.

Tuesday October 25th

135th day.

Wednesday October 26th

136th day -

Thursday October 27th

137th day. Iverson broken down

Friday October 28th

138th day. Iverson died during early morning.

Saturday Oct 29

139th day - Dressler died during night

Sunday Oct 30 -

140th day - Boyd & Fortz died during night - Dr Collins dying

сходом солнца. Ли и Алексей свалились. Подошли к пустому плоту. Привал. В сумерках к югу виден дым.

16 октября. Сто двадцать шестой день. Алексей свалился.

17 октября. Сто двадцать седьмой день. Алексей умирает. День рождения Коллинса, — ему исполнилось сорок лет. К закату Алексей скончался от истощения. Прикрыли его флагом.

18 октября. Сто двадцать восьмой день. Спокойный, мягкий день, падает снег. После полудня похоронили Алексея. Мы отнесли его на речной лед и прикрыли ледяными плитами.

19 октября. Сто двадцать девятый день. Разрезали палатку, чтобы сделать обувь. Доктор отправился вперед отыскать место для нового привала, но в темноте сбился с пути.

20 октября. Сто тридцатый день. Ясно, солнечно, но очень холодно. Ли и Каак погибают.

21 октября. Сто тридцать первый день. Около полуночи обнаружили, что Каак, лежавший между мною и доктором, скончался. Около полудня скончался Ли.

22 октября. Сто тридцать второй день. Мы слишком слабы и не можем снести тела Ли и Каака на лед. Я с доктором и Коллинсом отнесли трупы за угол, так что их не видно.

23 октября. Сто тридцать третий день. Все очень слабы. Спали или лежали целый день. До наступления сумерек собрали немного дров. У нас нет обуви. Ноги болят.

24 октября. Сто тридцать четвертый день. Тяжелая ночь.

25 октября. Сто тридцать пятый день.

26 октября. Сто тридцать шестой день.

27 октября. Сто тридцать седьмой день. Иверсен свалился с ног.

28 октября. Сто тридцать восьмой день. Иверсен скончался рано утром.

29 октября. Сто тридцать девятый день. Ночью скончался Дресслер.

30 октября. Сто сороковой день. Ночью скончались Бойд и Гертц. Умирает Коллинс.

Глава XIX

НИНДЕМАНН И НОРОС

9 октября—2 ноября 1881 года

Краткий рассказ капитана Де-Лонга о судьбе его отряда после высадки на побережье так спокоен и сдержан, что читателю трудно себе представить все перенесенные им трудности и лишения. После ужасного плавания в ботах люди так ослабли, что с трудом ступали, пробираясь по молодому льду. Они высадились у края большого болота, по которому нельзя было уверенно идти. При теплой погоде почва была мокрой и вязкой; в морозные дни она затвердевала. Люди спотыкались на каждом шагу, и каждая пройденная миля стоила большого труда. Они шли почти наугад. Эта безлюдная область не была нанесена на карту, к тому же в связи с ежегодными изменениями дельты реки всякая карта оказалась бы ненадежной. На самой подробной карте было нанесено 8 протоков дельты; во время же поисков, вызванных трагической гибелью „Жаннеты“, было насчитано в дельте 210 протоков и рукавов. При разливе Лены вся низина покрывалась льдом и водой и была иссечена взбухшими потоками, пробивающимися к океану. Каждый год направление потоков меняется, и бесчисленные ответвления ставят путешественника в тупик. Это и повело к тому, что отряд Де-Лонга все более уклонялся к востоку и в конце концов сбился с пути.

Утром 9 октября Де-Лонг, отправляя Ниндеманна и Нороса за помощью к югу в Ки-Марк-Сурку, передал Ниндеманну копию своей карты, отметив на ней место стоянки лагеря—остров Тит-Ари. Де-Лонг сказал уходившим, что им придется только один раз пересечь реку и что поселение расположено не далее 12 миль и они смогут достичь его в 3 или 4 дня.

Оказалось, что остров Тит-Ари был недалеко от места, где через 2 недели Ниндемани и Норос, пройдя почти 120 миль, встретили местных жителей. Ки-Марк-Сурку же расположен на 33 мили дальше. При сопоставлении с картой дельты Лены, составленной после поисков, становится ясно, насколько неудовлетворительна была карта Де-Лонга. По новой карте видно, как близко было расположено селение от места, где пристал первый катер. Де-Лонг дал Ниндеманну и Норосу только устные инструкции. Он велел им держаться западного берега реки, так как на восточном не было сплавного леса и трудно было рассчитывать на встречу с людьми. Ниндемани должен был избегать перехода в брод и, по возможности, обходить воду. Ниндемани и Норос выступили без всякой ноши. У них было только ружье, 40 боевых патронов и 2 унции спирта. В 7 часов они были готовы к походу и, простившись со всеми, тронулись в свой трудный путь.

Сначала они шли вдоль берега реки до места, где можно было ее перейти. Лед у краев не мог их выдержать, и им пришлось собирать куски дерева, чтобы с помощью их достичь более крепкого льда; у противоположного берега лед под ними подломился, но было мелко. В 200 метрах к югу текла другая река. Они решили пойти вдоль реки, по которой плыл лед. В этом направлении они шли до полудня. Ниндемани заметил куропатку, сидевшую на большом куске дерева; он выстрелил, но попал только в перья от хвоста, и птица улетела. Оказалось, что они приняли за дерево опрокинутую вверх дном байдарку. Они перевернули ее, но ничего в ней не нашли. Через полчаса сделали привал и собрали немного дерева для костра. Тут они заметили на расстоянии 50 метров 8 или 10 куропаток. Ниндемани подкрался к ним, выстрелил, но сбил только одну. Они зажарили ее; птица была величиной с голубя, и в ней было мало мяса.

Вдоль реки тянулся низкий откос. Путешественники пытались подняться на откос, но им мешал мягкий, глубокий снег. К 3 часам подошли к рукаву, впадавшему с запада, и продолжали путь по северному его берегу. Через милю дошли до удобного перехода и, перебравшись на другой берег, снова оказались у главной реки. Через час натолкнулись на вытащенный на берег большой плоский бот. Он был разбит, и они не могли им воспользоваться. Это был тот бот, который капитан Де-Лонг отметил 15 октября. От-

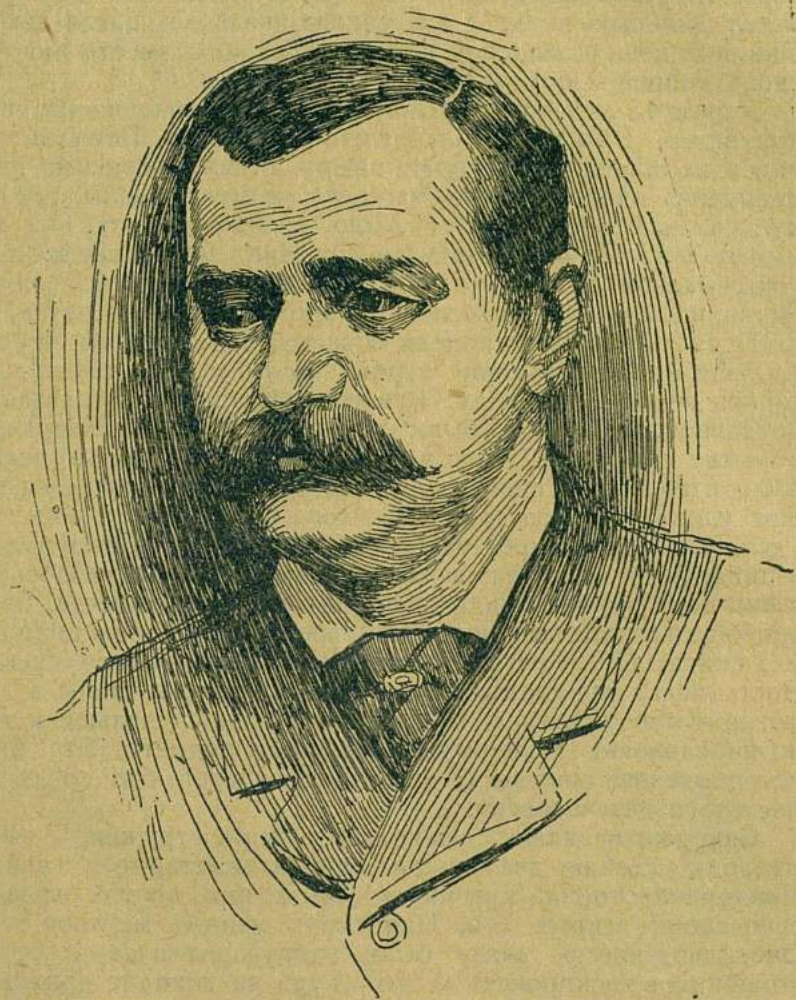
Ниндемани

дохнув, двинулись дальше. Незадолго до наступления темноты они заметили к западу какой-то предмет и приняли его за хижину. Подойдя ближе они заметили, что предмет двигается. Это были олени. Ниндемани осторожно подкрался к ним на 800 метров. Часть оленей лежала, а другая щипала траву. Он на коленях подполз к стаду на 300 метров, но олени, почувствовав человека, убежали к западу. Ниндемани выстрелил вдогонку три или четыре раза, но безрезультатно. Огорченный, он вернулся к товарищу, и они двинулись дальше. Темнело, дул сильный ветер. Моряки сделали привал у большой бухты. Здесь сливалось несколько притоков, и недалеко отсюда неделей позже Де-Лонг разбил свой последний лагерь. Собрав дрова для костра, моряки сварили чай из кипрея; поджарив подошву от сапога, они начали ее сосать, а затем, укутавшись в одеяла, расположились на ночь близ костра. Когда становилось слишком холодно, они поочередно подбрасывали дрова и снова ложились.

10 октября. Утром выпили чай из кипрея и поджарили вторую подошву, а затем двинулись вдоль берега, сначала к западу, а затем к югу, стараясь держать курс по западному берегу главной реки. Они попали в трясину, откуда с трудом выбрались. Дул сильный ветер, из-за снега в 50 метрах ничего не было видно. С 9 часов почти до темноты они пробивались от одного небольшого притока к другому. Ветер был настолько силен, что нельзя было развести огонь.

Дойдя до берега реки, они начали рыть углубление в снегу, чтобы в нем укрыться. Работа затянулась до ночи. Они забрались в дыру и закутались в одеяла. За ночь они промокли до пояса и, чтобы согреться, начали стучать ного об ногу. Спали не более 5 минут, а затем будили друг друга и опять ударяли ного об ногу, чтобы не замерзнуть.

Утром они с трудом выбрались из дыры, так как ветер замел отверстие снегом. Погода прояснялась, вьюга стихла. Это было 11 октября. До полудня шли к югу; остановились, развели костер, чтобы согреть спирт, но оказалось, что бутылка со спиртом, лежавшая у Нороса в кармане, разбилась и спирт вытек. Пришлось снова ограничиться кипреем и подошвой. К вечеру они заметили какой-то предмет, похожий на хижину. Пройдя через несколько притоков, они, действительно, натолкнулись на хижину, где могли укрыться, впервые за 36 часов. Развели костер и, обыскав хижину,

Луи П. Норос

нашли несколько оленьих костей; они бросили их в огонь, поджарили и пробовали есть вместе с кипреем. Высушили перед костром промокшую одежду и легли спать. Утром задул сильный ветер с юго-запада, началась дикая вьюга. Они весь день оставались в своем убежище, вместо пищи — снова кипрей и обуглившиеся кости.

Утром 13-го погода несколько прояснилась, но все еще дул ветер. Они не могли решить куда идти. Повидимому, они находились на острове между двумя протоками. Они двинулись вдоль острова, часто устраивая привалы, так как дул сильный ветер и идти было крайне тяжело. Как раз в этот день Де-Лонг записал: „От Ниндемани нет вестей“. Ниндемани медленно прошел мимо места, где впоследствии ему пришлось участвовать в похоронах своего капитана.

После полудня увидели хижину на западном берегу. Хижина была видна еще утром, но тогда они тщетно пытались перейти по льду. Вторая попытка тоже оказалась неудачной, так как лед был слишком хрупок. При следующей попытке лед провалился, и они вернулись. Берегом нельзя было идти, и они снова сошли на лед. Лед провалился, но они удержались, хотя и оказались по грудь в воде; им удалось вскарабкаться на более крепкий лед. Ветер дул им в лицо, лед ослепительно сверкал. Наконец, им удалось достичь берега; внизу виднелись два деревянных креста. Взобравшись на откос вышиной в 15 метров, они, наконец, подошли к хижине. Она почти развалилась и была забита снегом. Норос начал приводить ее в такое состояние, чтобы в ней можно было укрыться, а Ниндемани пошел дальше к югу по направлению к какому-то черному предмету. Это была остроконечная маленькая хижина без дверей, где могли поместиться два человека.

Снаружи валялись свежие деревянные стружки, а выше на холме стояли два ящика. Они были старые и гнилые. Ниндемани оторвал крышку одного из них, внутри оказался еще ящик; вскрыв его, Ниндемани увидел мертвое тело. Очевидно, кресты внизу были водружены в память двух покойников, похороненных там, куда не доходит прилив.

Вернувшись к Норосу, Ниндемани рассказал ему о своей находке. Они решили искать приюта в первой хижине и начали собирать дрова для костра. Ниндемани отправился на поиски дров. Когда Норос стал отодвигать дверь, он увидел дыру, в которой стоял наполненный землей ящик. В ящике оказалась пара рыб и одна или две рыбьих головы.

В это время Ниндемани поймал выбегавшую из норы пеструшку. В хижине был разведен огонь. На обед у них был чай из кипрея, рыба и пеструшка. Выпотрошить пеструшку они не могли, но сделали вертел из шомпола и поджарили зверька. Рыба была старая, гнилая и разваливалась при прикосновении; они нашли плоские камни и на них сжарили ее. Поужинав, завалили отверстие в хижине досками и улеглись перед огнем, чтобы высушить одежду и выспаться.

Утром была такая вьюга, что они должны были отказаться от попытки идти дальше; они вернулись в хижину и остались здесь еще сутки, питаясь остатками, которые смогли собрать, и экономно расходуя небольшой запас дров.

Утром 15-го ветер еще продолжался, но снег перестал падать. Они пошли вдоль берега к юго-востоку, стараясь подойти к главной реке. Пройдя через остров, где видели следы пребывания людей, они вышли к главной реке. Ветер дул им навстречу и крепчал с каждым часом. К 5 часам они подошли к углублению в береге реки; так как идти дальше было очень трудно, они предполагали было здесь устроить привал, но из-за сильного ветра решили идти дальше. Однако, на пути более удобного крова не было, и им пришлось вернуться и расположиться в этом углублении, напоминавшем пещеру и тянувшемся вдоль берега.

Собрали дрова. Кроме кипрея у них ничего не было. Ниндемани отрезал кусок своих брюк из оленьей кожи, размочили кожу в воде, а затем поджарили. Несмотря на жаркий костер, они дрожали от холода, так как ветер проходил через воронкообразную пещеру. Закрыть отверстие одеялом им не удалось — одеяло было недостаточно длинно. Расположиться у огня вдвоем они не могли из-за отсутствия места; они чередовались: то один, то другой вылезал из отверстия и ложился навзничь, чтобы спастись от дыма. Нельзя было ни согреться, ни выспаться. Вероятно, дым от этого костра и видел капитан Де-Лонг из своего лагеря.

16 утром ветер стих, снегопад тоже прекратился. Подкрепившись немного тюленьей кожей и чаем из кипрея, они двинулись к юго-востоку в поисках главной реки, протекавшей, по их предположению, мимо видневшейся в этом направлении возвышенности. Перебравшись через приток, они подошли к песчаной косе, покрытой большими ледяными торосами.

Ветер снова засвежел. Они тщетно пытались укрыться под защитой торосов. Ветер пронизывал насквозь. Наконец,

они пробились к большому песчаному откосу, на расстоянии 3 миль от которого виднелись высокие холмы. Главная река не была видна. Ниндемани и Норос опасались, что они ее пересекли. Они решили дойти до подножья холмов и оттуда, если не встретят главной реки, свернуть к западу. Продолжая путь по песчаной косе, они скоро подошли к реке. Согласно полученного от Де-Лонга приказа, они должны были держаться западного берега; но кроме песчаной косы там ничего не было, и они не могли рассчитывать на добычу.

Ворона перелетела над ними на другой берег. В арктических областях вороны держатся вблизи человека, и поэтому Ниндемани решил переправиться через реку, надеясь встретить там людей. На льду были большие проталины, и продвигаться приходилось очень осторожно. Когда они переправились, Норос стал жаловаться на недомогание, у него два раза начиналось кровохарканье. Ниндемани мог идти гораздо скорее и предложил Норосу следовать за ним, а сам продолжал идти вдоль цепи холмов. Холмы спускались в реку, и им пришлось снова идти по льду. Ни людей, ни добычи не было видно. Наконец, когда уже стемнело, путники дошли до ущелья, расположенного между холмами: они собрали немного плавника для костра и поужинали. Ужин и на этот раз состоял из горячей воды и тюленьей кожи. Они вырыли в снегу дыру и забрались в нее. Уснуть они не могли и охотно пошли бы дальше, но было слишком темно, не было видно дороги.

17-го они с рассветом двинулись берегом реки на юг. Дорога была очень неровная, они шли очень медленно. На следующем привале задержались час, развели костер, согрели воду. И на этот раз вся их еда заключалась в воде и тюленьей коже. Здесь же они занялись своей обувью, так как подошвы сильно износились. Тронувшись дальше, через милю оставили восточный берег и снова перешли через реку.

Несмотря на ветер и выюгу, весь день они пробивались дальше и, наконец, подошли к холмам. Оказалось, что это груды песка и снега. Они попробовали вырыть в них углубление, но натолкнулись на твердый лед. Снова пустились в путь и подошли к плавнику, где тоже не смогли найти кров. Только к полуночи, перейдя притоки и песчаные косы, они подошли к твердому берегу реки. Хотя здесь и было много плавника, но из-за сильного ветра нельзя было развести костер. Как и прошлую ночь, ничего не оставалось,

как вырыть в снегу дыру и укрыться в ней, под защитой снежных сугробов. Из-за холода о сне не могло быть и речи.

18-го с рассветом они двинулись вдоль берега реки к югу. Они находились на западном берегу главной реки; путь по ледяному руслу реки был много легче. Время от времени они пробовали взобраться на берег, чтобы посмотреть вперед, но здесь было столько мху и снега, что они на каждом шагу проваливались по колено. В 10 часов остановились, развели костер, выпили немного чая из кипрея и снова ели тюленью кожу. В 12 часов с берега на расстоянии мили заметили хижину; подойдя к ней, они увидели, что остроконечная хижина не имела дверей и была почти занесена снегом. В 100 метрах от хижины валялись сани. Так как вблизи не было дров, они сломали сани и использовали их на топливо. Освободив хижину от снега, подкрепившись чаем из кипрея и тюленьей кожей, они улеглись на ночлег. Они очень ослабели, так как много суток не спали и не имели крова. Теперь они, наконец, могли выспаться.

В пятницу 19-го они проснулись, когда уже было совсем светло. Выпив чая, двинулись к югу и, несмотря на слабость, шли до 3 часов. Они подошли к высокому утесу, где заметили летящую сову. Надежда на то, что сова спустится на утес и им удастся ее убить, оказалась напрасной,—сова описывала над утесом круги и, наконец, улетела. Они были так слабы и истощены, что едва могли идти 5 минут без остановки. В 4 часа приблизились к небольшой реке и пересекли ее, но тут, оглянувшись назад, Норос увидел на другом берегу три хижины. На позднейших картах это место обозначено как Белкур. Пришлось снова перебраться через реку. У хижины они увидели байдарку с рыбацкими сетями и другими принадлежностями. Недалеко лежала другая развалившаяся байдарка, в которой находился какой-то предмет, похожий на опилки. Они попробовали есть. Это была безвкусная, заплесневевшая рыба. Больше ничего вокруг не было. Собрав дрова, развели костер и съели рыбу.

Проспав ночь у костра, в четыре часа снова занялись поисками топлива. Пока они сидели у костра, им казалось, что они достаточно сильны и смогут двигаться, но, собирая дрова, они увидели, до какой степени ослабели. Они весь день провели в хижине; у них начался кровавый понос и они все больше ослабевали.

21-го сделали попытку двинуться дальше, но почувствовали себя настолько слабыми, что решили отложить выступление до утра. Определив при помощи оловянных кружек количество оставшейся у них рыбы, они сосчитали, что ее хватит на десять дней, если в день каждый получит по две полных кружки. Кроме этого у них оставались обмотки для ног и по ермолке. Они наполнили их рыбой, зашили и связали. Утром 22-го Ниндемани приготовился двинуться дальше, но Норос обратился к нему со словами: „Мы еще слишком слабы, стоит холодная погода, лучше отдохнуть еще день“. Ниндемани в своем рассказе добавляет: „В это время наш кровавый понос так усилился, что мы едва ли могли бы двинуться, и я думаю, что, если бы мы выступили, мы, наверное, замерзли бы дорогой“. Итак они остались в хижине и стали приводить в порядок свою развалившуюся обувь.

В полдень, сидя у костра и занимаясь приготовлением еды, они услышали шум. Казалось, пролетала стая гусей. Ниндемани выглянул через трещину и увидел, что к ним что-то движется. Думая, что это олень, Ниндемани схватил ружье, зарядил его и двинулся вперед. В это время дверь открылась, и на пороге показался человек, который при виде стоящего с ружьем Ниндемани бросился на колени и, подняв руки кверху, стал его умолять.

Ниндемани отбросил ружье в угол и знаками стал уговаривать незнакомца войти. После долгих колебаний тот, наконец, вошел. Чтобы показать, что они дружелюбно настроены, Ниндемани и Норос предложили незнакомцу рыбы, которую как раз жарили. Человек покачал головой и знаками показал, что рыба не годится для еды. Он приехал на санях, запряженных оленем. Ниндемани и Норос вышли посмотреть, нет ли у него еды. На санях не было ничего съестного, но Ниндемани взял большую оленью доху и принес ее в хижину. Он знаками предлагал взамен свою фланелевую рубашку, но человек качал головой. Ниндемани показал ему свою обувь: туземец пошел к саням и вернулся с парой сапог из оленьей шкуры.

Как ни старались Ниндемани и Норос знаками рассказать незнакомцу про горестное положение капитана Де-Лонга и его отряда, тот в ответ давал понять, что он должен уходить и что ему нужна его оленья доха, так как очень холодно. Он принес оленью шкуру и дал ее путешественникам, а затем поднял 3 или 4 пальца, очевидно, желая

сказать, через 3—4 часа или 3—4 дня (они не разобрали) он вернется.

Затем взяв рубашку Ниндеманна, он погнал сани вдоль реки к западу и скоро скрылся из виду. Ниндемани и Норос начали обсуждать, правильно ли они поступили, отпустив его. Ниндемани опасался, что он спугнул его своим ружьем, но Норос был уверен, что незнакомец вернется. Ниндемани решил ждать его четыре дня и, в случае, если незнакомец не вернется, отправиться к югу. Они были так слабы, что не могли и думать о выступлении. Они даже не имели силы спуститься по берегу реки за дровами и сделать костер из найденных ими саней, коек и отдельных кусков дерева.

Около 6 часов вечера, когда они варили свою заплесневевшую рыбу, послышался шум. Открылась дверь, и в хижину вошел их гость с двумя людьми. После тщетных попыток объясниться знаками один из людей вышел и вернулся с замороженной рыбой. Он очистил ее и нарезал тонкими ломтиками. За много дней это была первая настоящая еда.

Пришедшие знаками приглашали Ниндеманна и Нороса идти за ними. Они принесли оленьи дохи и сапоги, собрали все, что было в хижине, и, усадив Ниндеманна и Нороса в сани, запряженные оленем, поехали вдоль реки к западу.

Дорога вела в горы. Они проехали около 15 миль и подъехали к ущелью, где виднелись палатки из оленьей шкуры и горели костры. Ниндеманна отвели в одну палатку, а Нороса в другую и угостили вареной олениной. Всего в партии было 7 мужчин и 3 женщины. Одна из них предложила Ниндеманну воды для мытья. Ниндемани вымыл руки. Они больше походили на лапы зверя—настолько они были скрючены и так на них отросли ногти. Он не мог вымыть лицо, и женщина, пожалев его, сама вымыла ему лицо. Затем им предложили еще оленины и рыбы. Моряки пытались рассказать о своем странствовании; сначала их слушали, но потом якуты начали переговариваться и спрашивать, что у них имеется и есть ли с ними деньги. Ниндемани старался дать им понять, что на корабле было много денег, но корабль погиб, но, если они им помогут, они получат много денег. Нельзя было сказать, поняли ли их якуты или нет. Только поздно ночью улеглись спать. Утром, когда Ниндемани проснулся, было уже светло, и завтрак был приготовлен. После завтрака, когда все отправились

ловить оленей, Ниндемани подошел к якуту, который, по-видимому, был старшиной, и на снегу старался изобразить карту всех мест, где он был. Временами ему казалось, что его понимают, временами он впадал в отчаяние. Якуты запрягли 27 саней. У них было больше 100 оленей. На сани погрузили оленьё мясо, оленьи шкуры, рыбы и, когда все было готово, снялись и поехали через горы к югу.

В полдень, когда остановились, чтобы дать отдых оленям, старшина подвел Ниндемани и Нороса к месту, откуда можно было различить выступ в дельте Лены, который они видели во время своего похода, и спросил знаками, не там ли остался отряд. Ниндемани объяснил, как умел, что капитан Де-Лонг и его отряд находятся, по всей вероятности, 15 или 20 милями севернее. Он с волнением старался угадать, что предпримет старшина, но тот только печально покачал головой и вернулся с Ниндемани обратно к саням. Они продолжали путь к югу, а на ночь снова сделали привал. Следующий день прошел так же. Когда сани поднимались на холм, то все, чтобы облегчить их, выходили из саней; Ниндемани и Норос были так слабы, что отставали от своих спутников, которым приходилось их ждать. В 5 часов подъехали к селению. Это был поселок Ки-Марк-Сурку, до которого, по словам капитана Де-Лонга, они должны были добраться за 3 или 4 дня.

Появление Ниндемани и Нороса вызвало большое оживление. Их окружили, и Ниндемани снова тщетно старался объяснить, что он пришел за помощью.

„Утром 25-го,—рассказывает Ниндемани,—я снова начал объясняться знаками и пантомимой; кажется, кто-то из них понял, откуда мы и что нам требуется. Он сказал что-то мальчику, который вернулся с моделью якутской лодки. Они окружили меня, и спрашивали, похож ли наш корабль на модель. Я взял несколько палочек и укрепил их в модели, чтобы показать, что у нас было три мачты; затем с помощью других палок я объяснил им длину корабля. Они были очень удивлены.

Я сделал из дерева дымовую трубу, изобразил огонь и дым и отметил место, где был руль. Затем при помощи катушки я старался дать им понять, что наше судно—пароход. Затем я сделал модели ботов и показал им, сколько у нас их было.

После этого я просил дать мне несколько кусков льда. Мне принесли, и я показал им, как лед разбил наше судно.

Далее я показал, что эта катастрофа произошла севернее, что мы спасли три бота; палочками я показал, сколько человек спаслось в каждом боте.

В помещении была собака. Один из туземцев, показав на нее, спросил, были ли у нас собаки. Я по пальцам сосчитал около сорока и дал им понять, что большинство собак мы пристрелили, а часть оставили на льду.

Потом показал им карту океана и побережья и объяснил, что нас настиг шторм и что мы не знаем о судьбе двух

Хижина сибирских ссыльных

других ботов. Затем по карте я показал место нашей высадки и карандашом объяснил, как мы оставили бот и в брод пошли к берегу.

Далее я нарисовал наш путь вдоль берега реки, отмечая все хижины, где мы останавливались. Дойдя до места, где умер Эриксен, я знаками рассказал про его смерть и похороны. Все качали головами, выражая сочувствие.

Я сообщил им, что мы расстались с капитаном и его отрядом; закрывая глаза и наклоня голову, я объяснил им, сколько с этого времени прошло дней. Это произвело на них впечатление, но мне казалось, что у них нет желания мне помочь. То мне казалось, что они все поняли, то наоборот, я думал, что они не понимают ни слова. Я беседовал с ними почти до 12 часов, но они ничем не обнаруживали желания помочь нам“.

Еще день прошел в таких же попытках. Утром 27 октября Ниндемани, сидя один на койке, раздумывал о своем ужасном походе, об оставленных без помощи товарищах и о бесполезности своих попыток что-нибудь для них сделать. Он не мог сдержать рыдания.

Одна из женщин сжалась над ним и стала что-то горячо говорить находившемуся тут же мужчине. Тот подошел к Ниндемани и сказал ему что-то насчет начальника. Ниндемани несколько освоившийся с их языком, стал просить отправить их в Булун, так как здесь он отчаялся добиться какой-нибудь помощи. В ответ на это мужчина сказал несколько слов о начальнике и поднял 5 или 6 пальцев. Затем он дал понять Ниндемани, что завтра он повезет его в Булун.

Поздно вечером явился в хижину человек и сказал Ниндемани, что сейчас придет начальник. Его сопровождал высокого роста русский, к которому Ниндемани, приняв его за начальника, обратился по-английски. Русский, ссыльный по имени Кузьма, не смог его понять, но, очевидно, он знал, в чем дело, так как сказал „Жаннета“ и „американский“. Ниндемани подумал, что это, может быть, русский офицер, которому поручены правительством розыски экипажа „Жаннеты“.

Он попробовал заговорить по-немецки, но русский его не понимал. Тогда Ниндемани показал ему карту, которую он получил от Де-Лонга; русский ничего не понял. Он сказал Ниндемани несколько слов, из которых тот разобрал только „С.-Петербург“ и „телеграмма“. „Если надо ждать телеграммы из С.-Петербурга, то все погибло, — подумал Ниндемани, — так как нельзя будет во время вернуться к капитану“.

В это время Норос писал записку. Русский взял ее, положил в карман и, несмотря на просьбы, отказался вернуть; около полуночи он ушел. Утром русский пришел снова и дал им понять, что он направляется в Булун, куда скоро и они поедут.

Якуты снабдили Ниндемани и Нороса одеждой из оленьей шкуры и обувью, а когда все было готово к отъезду, женщина из хижины, где был Ниндемани, дала им на дорогу копченой рыбы. По пути в Булун они одну ночь провели в хижине, дважды пересекли реку и 29 октября около 6 часов вечера прибыли в Булун, где их приютили и напоили чаем. Скоро пришел якут и предложил следовать за ним к начальнику.

Ниндемани думал, что встретит своего собеседника из Ки-Марк-Сурку, но начальником оказалось другое лицо. У Ниндемани возникли сомнения, и он пытался выразить их знаками. Тогда начальник, чтобы убедить его, показал на свою форму и шпагу. Ниндемани пантомимой и знаками старался объяснить начальнику положение вещей. Он по пальцам считал, сколько человек осталось в их отряде. Начальник кивал в знак понимания головой, и Ниндемани продолжал свои объяснения. Начальник говорил о телеграмме, и Ниндемани, попросив перо, чернила и бумагу, продиктовал Норосу сообщение американскому послу в С.-Петербург.

Начальник сообщил, что завтра он передаст бумаги капитану. Ниндемани понял это в том смысле, что его сообщение будет передано главному начальнику по телеграфу, но он не был убежден, что поблизости есть телеграф. Они провели всю ночь вместе с начальником, а на утро начальник заявил, что идет с сообщением к капитану; он пригласил Ниндемани и Нороса к себе, где угостил обедом. Оставить их у себя он не мог, так как собирался жениться.

Ниндемани и Норос вернулись в хижину, в которой провели первую ночь в Булуне. Они были очень слабы и страдали от кровавого поноса. Они целыми днями сидели в хижине, так как у них не было сил пойти погулять.

Вечером 2 ноября Ниндемани лежал на своей твердой кровати, Норос сидел у открытой двери. К хижине подошел одетый в мех человек.

Ниндемани повернулся посмотреть на входящего и в изумлении упал на кровать.

— Боже, господин Мельвилль... Вы живы! Мы считали, что китобойный вельбот погиб, — воскликнул Норос.

Оказалось, что Кузьма отнес Мельвиллю написанную Норосом записку. Кузьма, говоря о капитане, имел в виду именно Мельвилля. Мельвилль сейчас же отправился к ним в Булун. Они рассказали ему все свои похождения и пожаловались, что кроме скудной рыбы ничего не могут получить. Мельвилль умел объясняться по-русски. Он послал за священником и просил его дать морякам все, что можно.

Глава XX

СУДЬБА ОТРЯДА С КИТОБОЙНОГО ВЕЛЬБОТА

12 сентября—2 ноября 1881 года

Буря 12 сентября разъединила боты. Китобойным вельботом командовал лейтенант Мельвилль. С ним были: больной лейтенант Даненовер и натуралист Ньюкомб. Команда состояла из матросов Коля, Вильсона и Лича, кочегаров Бартлетта и Лаутербаха, стюарда-китайца, туземца с Аляски—Анегина.

К 19 часам китобойный вельбот находился впереди первого катера, на расстоянии около 500 метров. Капитан Де-Лонг сделал знак Мельвиллю, и последний решил подойти ближе к первому катеру. Он частично спустил паруса, быстрота движения бота от этого уменьшилась, волны начали перекатываться через корму. Боту угрожала большая опасность. Капитан Де-Лонг заметил это и махнул рукой Мельвиллю. Мельвилль решил, что Де-Лонг приказывает ему итти вперед и заботиться только о себе.

Он поднял парус и направил бот к югу. В это время Мельвилль увидел, что Де-Лонг подает знаки лейтенанту Чиппу, который был на третьем катере, отставшем от катера Де-Лонга на 700 метров. Немного спустя стемнело, и быстроходный китобойный вельбот Мельвилля потерял из виду оба катера. Мельвилль не мог определить, как долго он будет во власти стихии; в связи с этим выдача пеммикана с 600 граммов на человека была уменьшена до 300 граммов в день. Соленая вода проникла в снег, взятый ими с собою с острова. Волны поднимались так высоко, что на боте пришлось устроить заграждения из трех столбов от палатки и куска брезента поверхностью около одного метра. К рассвету 13-го буря еще не стихла, но в полдень показалось солнце, и к 5 часам после полудня они

могли без риска продолжать путь. Всю ночь шли на юго-запад.

Утром 14-го бот сел на мель; земли не было видно. Снявшись с мели, двинулись к юго-востоку, стремясь, согласно указаниям капитана Де-Лонга, приплыть в Баркин. Весь день слабый юго-юго-восточный ветер. К вечеру погода стала ухудшаться. Чтобы не застрять на мели, взяли курс к востоку, где вода достигала 20 метров, затем пошли к юго-востоку, а 15-го, в 6 часов утра, направились на юго-запад с целью подойти к дельте.

Утром 16-го показалась земля и устье большой реки. Так как в течение четырех дней не было воды, все с жадностью набросились на грязную солоноватую воду. Устье реки было очень широко, и в нем было сильное течение. Ветер дул с востока, и идти вверх по реке было очень трудно. Русло было крайне извилисто, и часто бот застревал на мели. Высадиться не представлялось возможным. Мели все время заставляли менять курс. Мельвилль скоро убедился, что они находятся южнее Баркина, но выйти в море, подвергаясь опасности снова быть застигнутыми бурей, они не могли, так как вельбот был сильно потрепан.

Он решил идти вверх по реке. Около 19 часов на берегу, в 3 метрах от воды они заметили хижину, и им удалось высадиться. Вытащив бот на берег, они расположились в хижине и развели костер. Хижина хранила следы недавнего пребывания людей. Путники так ослабли, что едва могли передвигаться; ноги у всех распухли, их сводили судороги. Огонь только усиливал боль в ногах, окоченевших в ледяной речной воде. Всю ночь никто не спал, а утром они чувствовали себя еще хуже, чем накануне.

Весь следующий день плыли вверх по реке и, наконец, достигли притока. Им показалось, что это устье реки Лены. Повернув к югу, стали лагерем на болотистой земле. Лагерь дали имя „Грязный лагерь“.

Трое провели ночь в хижине, расположенной на возвышенном месте. 19-го поплыли дальше по реке и подошли к большой бухте. Русло и здесь было извилисто, и песчаные косы часто заставляли менять курс; наконец, после полудня удалось высадиться вблизи от группы хижин.

Пообедав, они уже собрались идти к хижинам, но в это время заметили, что к ним на байдарке направляются трое мужчин. Моряки знаками стали их приглашать подойти. После некоторого колебания байдарка подошла к боту.

Один из матросов ухватился за борт. Сидевшие в ней стали волноваться, но Мельвилль убедил их в том, что им нечего бояться.

Якуты провели их к себе, угостили олениной, гусем и рыбой, и скоро Мельвиллю удалось установить с ними самые хорошие отношения. Мельвилль знаками уговаривал якутов проводить в Булун, и те, разобрав в чем дело, дали ему понять, что это связано с опасностью для жизни. Они находились на мысе Борхая, в рыбацьем поселке. Всю ночь Мельвилль уговаривал якутов проводить его в Булун. Ничего не добившись, Мельвилль поплыл дальше, но, проведя на реке тяжелый день и ночь, ввиду начинавшейся бури, вернулся обратно и к вечеру снова оказался у мыса Борхая. Послали за старостой рыбаков и, в конце концов, Мельвиллю удалось убедить его проводить их в Булун.

На следующий день, 22 сентября, они двинулись в путь и 25-го доехали до поселка. Это было местечко Арху, население которого составляло 12 человек — мужчин, женщин и детей. Здесь староста их покинул, а вместо него с ними отправились трое молодых людей из Арху.

26-го вечером они прибыли в другое селение. Положение Мельвилля и его отряда было тяжелое. Они совсем замерзали, и только четверо были способны на какую-нибудь работу: якуты — мужчины и женщины — помогли им разгрузить бот, а староста приютил их в своем доме.

Селение было расположено на острове, и, по словам туземцев, отсюда до Булуна надо было плыть еще 16 дней. Мельвилль настаивал, чтобы их доставили в Булун. К этому времени все их запасы провизии истощились, и отряду пришлось жить тем, что давали им якуты, а также случайной добычей. На следующий день Мельвилль двинулся дальше; якуты имели в виду идти вдоль мыса Борхая и мыса Ордона и оттуда по реке Лене, на которой был расположен Булун, но лед и усиливающийся ветер вынудили их вернуться в селение.

Вокруг острова начал образовываться лед, и, по словам якутов, надо было ожидать чтобы сильный ветер освободил реку ото льда, или же чтобы река окончательно замерзла. Отряду отвели отдельную хижину и снабжали его едой. Пополнить запасы продовольствия было трудно, и положение становилось серьезным. Кроме того, отсутствие каких бы то ни было противоцынготных средств при истощенном состоянии отряда могло вызвать вспышку цынги. „В это

время, — пишет Мильвилль, — с нами в хижине поселился ссыльный, и нас было, таким образом, 12 человек. Уже около 40 дней мы не ели хлеба. У нас не было ни соли, ни каких-либо противоцинготных средств. Нас кормили гнилыми гусями, из которых вываливались внутренности. Я старался подбодрить людей. Я сильно опасался, что гнилая пища вызовет тиф. Я понимал, что если мы останемся здесь дольше, мы все погибнем от цынги“.

За это время Мельвилль составил несколько сообщений: телеграмму морскому министру и американскому посланнику в С.-Петербург, письма на английском, французском, немецком и шведском языках, к ним добавил рисунок корабля во льду, американский флаг и несколько почтовых марок. Все было зашито в мешок из клеенки и вручено старосте, который взялся доставить все это по назначению.

Постепенно люди пришли в себя, и Мельвилль начал торопиться с выступлением в Булун. Еще 1 октября в селение прибыл русский. Это был ссыльный Кузьма, который впоследствии встретился с Ниндеманном и Норосом. Он был развитее местных жителей, и с ним легче было сговориться. По его словам, лед был в таком состоянии, что сейчас по нему нельзя было переправляться. Кузьма обещал вернуться через несколько дней, а затем отправиться в Булун за помощью.

Кузьма сдержал свое слово. 14 октября он вернулся и заявил Мельвиллю, что он готов отправиться в Булун и привезти оттуда оленью упряжку, пищу и одежду. Он обещал вернуться через 5 дней, а Мельвилль обязался уплатить ему за услугу 500 рублей и отдать бот. Мельвилль настаивал на его немедленном отбытии, но Кузьма уехал только 16-го; позже выяснилось, что Кузьма, как ссыльный, мог ездить только в сопровождении старосты.

За это время они немного освоились с местным языком и узнали, что Баркин находится от них в 46 или 50 километрах. Лейтенант Даненовер решил отправиться туда, чтобы узнать о судьбе остальных ботов, но из-за трудного пути вынужден был вернуться.

Прошло больше 5 дней. Кузьма не возвращался, и Мельвилль стал подумывать о том, как обойтись без Кузьмы. Он предполагал взять сани и нагрузить их провизией. Часть отряда должна была идти пешком; наиболее слабые должны были ехать на санях. Трудность заключалась в том, что необходимо было достать проводника. Но кроме

Кузьмы и старосты нельзя было найти подходящего человека.

Наконец, вечером 29 октября вернулся Кузьма с запасами, письмами от коменданта Булуна и священника и с запиской Ниндеманны и Нороса, которую они дали Кузьме в Ки-Марк-Сурку. Надо отметить, что, когда Кузьма знаками объяснялся с ними, Ниндемани и Норос были поражены тем, что Кузьма то понимал их, то нет. Они не знали, что Кузьма прибыл от Мельвилля и что он имел в виду Мельвилля с его отрядом, между тем как Ниндемани и Норос все время говорили о капитане Де-Лонге и о его спутниках. Кузьма объяснил, что он задержался в пути из-за неожиданных затруднений. За ним следом должен был приехать комендант из Булуна с запряжками и запасами. Но, узнав о Ниндемани и Норосе о тяжелом положении отряда Де-Лонга, Мельвилль решил немедленно отправиться в Булун. Оставив отряд под командой Даненовера и распорядившись, чтобы сразу же по прибытии запряжек отряд отправился в Булун, Мельвилль уехал вперед на собачьей упряжке. Он рассчитывал встретить коменданта Булуна в пути, но они разъехались. 2 ноября Мельвилль прибыл в Булун, где нашел Ниндемани и Нороса.

Глава XXI

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

3—27 ноября 1881 года

Комендант захватил с собой подробное сообщение, составленное Ниндеманном и Норосом для американского посла в С.-Петербурге, и вручил его лейтенанту Даненоверу, который решил немедленно отправить его Мельвиллю с кочегаром Бартлеттом. Он сам предполагал отправиться с отрядом в Булун. На следующий же вечер после приезда в Булун Мельвилль встретил там Бартлетта, который передал ему сообщение Ниндеманна и письмо коменданта, в котором старосте в Булуне предписывалось доставить Мельвилля в Бурулак, расположенный между Булуном и Гео-мовиялоком. Прибыв в Бурулак вечером 4 ноября, Мельвилль решил ждать. На следующий день в Бурулак прибыл комендант с отрядом Мельвилля.

После совещания с лейтенантом Даненовером Мельвилль решил отправиться с якутами на розыски капитана Де-Лонга. Он дал распоряжение лейтенанту Даненоверу и отряду следовать в Булун, где к ним присоединятся Ниндеманн и Норос. Отсюда, оставив Бартлетта в Булуне, весь отряд должен был двинуться в Якутск и оттуда установить связь с русским правительством и с американским послом.

Здесь Даненовер должен был ждать возвращения Мельвилля, предполагавшего месяц употребить на поиски. Расставшись с Мельвиллем, Даненовер вскоре выяснил, что для всего отряда в Булуне не хватит транспорта; поэтому он решил наиболее здоровых оставить в Булуне, а с более слабыми направиться к югу.

Оставленная в Булуне часть отряда могла оказать помощь Мельвиллю и должна была вернуться вместе с ним. 12 ноября

Ньюкомб, Коль, Лич, Вильсон и китаец-стюард покинули Булун.

В Булуне остались Бартлетт, Ниндемани, Норос, Лаутербах, Мансон и Анегин. Хотя в это время Ниндемани и не совсем еще оправился, он предпочел остаться в Булуне, где его знакомство с краем и якутами могло принести пользу при поисках. Даненовер со своим отрядом прибыл в Якутск 17 декабря, сделав около 250 миль.

Мельвилль, отправляясь к северу на розыски Де-Лонга, тщательно записал все, что мог узнать от Ниндемани и Нороса. Он предполагал идти по пройденному ими пути и дойти до места высадки капитана Де-Лонга. С ним отправлялись две собачьих упряжки и два якута-проводника. Мельвилль взял с собою десятидневный запас продовольствия для людей и собак. После совещания с Даненовером в Бурулаке он выступил в поход и к ночи прибыл в Ки-Марк-Сурку; на следующий день он был уже в Бурулаке у тех хижин, где якуты нашли Ниндемани и Нороса. Здесь пришлось переждать день из-за сильной бури. По пути из Булуна до Бурулака Мельвилль, у которого еще не зажили ноги, снова их отморозил.

В Белкуре Мельвилль остался до утра 8 ноября, когда буря стихла, Мельвилль поехал по следам Ниндемани и Нороса. Он нашел место, где они сожгли на топливо сани. За день Мельвилль сделал около 40 миль. 9 ноября он приехал к месту, известному под именем „Два креста“, где Ниндемани и Норос провели ночь, а к вечеру подъехал к месту, называемому якутами Мат-Вай. Здесь в хижине Ниндемани и Норос провели ночь с 11 на 12 октября и весь день 12 октября.

Рассказывая Мельвиллю о своем походе, Ниндемани забыл упомянуть об этой остановке, и Мельвилль сначала думал, что здесь был Де-Лонг со своим отрядом. В хижине нашли пояс, и Мельвилль рассмотрев пряжку, выяснил, что она была сделана на „Жаннете“. Мельвилль решил следовать дальше западным берегом; он велел якутам быть готовыми выступить на следующее утро. Но проводники заявили, что должны возвращаться обратно, так как запасы продовольствия и для них и для собак уже кончились. Мельвилль настаивал, чтобы они шли дальше, так как они находились в пути только 5 дней, а запасов было взято на десять.

На его вопрос, как далеко ближайшее поселение, якуты ответили: „Больше, чем за 100 миль“, — и при этом заявили,

что не согласны идти дальше и желают вернуться. Мельвилль ответил, что у них 22 собаки, что он пойдет вперед и, если нужно, будет питаться собаками. Его решительность подействовала на них, и они двинулись к поселению Новый Булун, расположенному недалеко от морского побережья.

По дороге они видели много хижин и провели ночь в селении Кас-Карта. Обилие оленьего мяса в селении указывало, что Де-Лонг со своим отрядом здесь не проходил. Путь был очень трудный. В полночь 11 ноября доехали до Нового Булуна. Ноги у Мельвилля были так отморожены, что из саней в хижину его пришлось нести. Здесь было много якутов. Один из них показал отчет Де-Лонга, составленный им по пути, и сообщил, что кроме этого нашли и другие бумаги и ружье. Мельвиллю путем расспросов удалось определить, где и на каком расстоянии были найдены отчеты Де-Лонга, и он стал готовиться к дальнейшим розыскам. Он достал новую собачью упряжку, так как его собаки были истощены, и предложил якутам уложить в сани десятидневный запас пищи, но те не склонны были подчиниться, и не успел Мельвилль отойти, как они спрятали часть запасов, которые были в санях. Ноги Мельвилля были в таком состоянии, что он не мог носить обувь и женщины дали ему оленью шкуру, чтобы обмотать ноги.

13 ноября Мельвилль выступил к Баллоку, где был найден первый отчет. От Северного Булуна надо было пройти около 33 миль. Прибыв сюда вечером, Мельвилль не обнаружил никаких следов пребывания Де-Лонга.

14 ноября утром Мельвилль отправился дальше западным берегом реки и достиг моря; по побережью он направился на восток и, наконец, дошел до флагштока, указывавшего место, где было оставлено судовое снаряжение.

Здесь Мельвилль откопал корабельные книги, хронометр, ящик с инструментами, много горшков, сковород, котлов и старых спальных мешков. Все это Мельвилль погрузил на сани для того, чтобы при дальнейших поисках эти предметы не вводили в заблуждение. К вечеру Мельвилль вернулся в Баллок, предполагая на следующий день отправиться в Осокток, где в хижине был найден отчет Де-Лонга. Но ни здесь, ни в Осоктоке не было провизии, и поэтому пришлось отказаться от поездки в Осокток, расположенный на расстоянии 25 миль. Он вернулся в Северный Булун. Здесь, отобрав наиболее ценные предметы, Мельвилль роздал остальные якутам.

Достав 2 собачьих упряжки и одну небольшую с 7 собаками, 17 ноября Мельвилль отправился в Осокток. Там он ничего не нашел и направился к следующей хижине, где останавливался Де-Лонг. В своем отчете Де-Лонг говорит о намерении пересечь реку к западу и следовать вдоль западного берега. На следующий день Мельвилль двинулся тем же путем, каким шел Де-Лонг. В мягком талом снегу можно было различить выемку, сделанную санями месяца тому назад. По этой пустыне никто не проходит, и поэтому следы сохраняются долго. Теперь Мельвилль поставил себе цель найти хижину, где скончался Эриксен. В поисках приходилось основываться только на рассказе Ниндеманны, у которого это место запечатлелось как место гибели товарища, но которое само по себе ничем не отличалось от других остановок отряда Де-Лонга.

По предположению Мельвилля, хижина должна была находиться в 20—25 милях к югу от места остановки после пересечения реки. Якуты провели Мельвилля к какой-то хижине, которая находилась на таком же расстоянии на западном берегу. Но это оказалось не то, что искал Мельвилль. Оттуда он направился по восточному берегу на несколько миль к югу, где по словам якутов была другая хижина, но и это не было местом гибели Эриксена, так как здесь не было доски с надписью, укрепленной, как говорил Ниндеманн, над дверью хижины.

Мельвилль направился к хижине под названием „Сестра Чапах“ и провел там ночь. Началась сильная буря. Он с трудом уговорил якутов по глубокому снегу дойти до хижины, известной под именем Ку-Вина. В этой хижине было много остатков оленьего мяса, и потому было ясно, что капитан Де-Лонг со своим отрядом здесь не был. Мельвилль пришел сюда к вечеру 19 ноября и вынужден был остаться здесь до 21-го, пока не стихла буря.

„Я отправился,— рассказывает Мельвилль,— утром в 3 или 4 часа по берегу реки к хижине Мат-Вай. Прошло уже 30 или 32 дня, как Ниндеманн и Норос расстались с Де-Лонгом и его отрядом, и я пришел к убеждению, что за это время они наверное погибли от истощения и холода. Живыми они могли остаться только в том случае, если их нашли якуты.

„Я решил возможно скорей вернуться в Булун. Погода была хорошая, и я решил не останавливаться в хижине, так как всего оставалось пройти 40 километров. В Мат-Вай я

предполагал задержаться на короткое время, так как у нас не было больше провизии, если не считать остатков, найденных в хижинах. В двух часах езды от Ку-Вина якуты остановились и вырыли оленину, спрятанную прошлым летом. Мы погрузили ее на сани и направились дальше. После полудня проехали Мат-Вай. Около 19 часов мы вошли в горное ущелье, где река впадала в бухту. С юга дул сильный ветер, и нам пришлось разбить лагерь. При ветре и вьюге продвижение невозможно; собаки не бегут при встречном ветре, они ложатся на землю и начинают выть.

„Якуты вырыли в снегу дыру в 180 сантиметров шириной и 90 или 120 сантиметров в глубину, перевернули сани и, забравшись в свои спальные мешки, зарылись в сугробы. Всю ночь, следующий день и следующую ночь продолжалась вьюга. Нам нечего было есть. Ветер не давал развести костер, чтобы вскипятить чай, а оленье мясо, вырытое туземцами, кишело червями. Мы разрезали его на небольшие кусочки и глотали, но скоро я почувствовал себя плохо, и меня вырвало.

„Утром к 7 часам я решил направить две упряжки к югу, а меньшую упряжку отправил домой. Ей предстояло пройти к северу около 250 километров, а всю пищу составляли две высушенные рыбы и 100 граммов чая.

„Весь груз с трех саней был уложен на двое саней, и мы отправились в Белкур, куда и прибыли около 23 или 24 часов.

„Сани были так устроены, что при движении по песчаному берегу полозья изнашивались, ремни развязывались и сани постоянно падали. Я починил их, и на следующий день мы тронулись к поселению Ки-Марк-Сурку, расположенному в 50 или 55 километрах от Белкура. Когда я ехал к северу, этот путь в пятьдесят километров сделан был в семь часов, на обратном же пути из-за глубокого снега и вьюги у нас ушло на него около четырнадцати часов. Собаки так были истощены от голода, что тащили сани с трудом. Я сам настолько замерз, что не мог ходить. Якуты хотя и не замерзли, но так устали, что отойдя 8 километров от селения, предложили остановиться и до следующего утра разбить лагерь в снегу. Когда якуты остановились, собаки начали выть, как волки. Собаки в селении, услышав вой, ответили тем же, и тогда наши собаки бодро двинулись вперед.

„Я приехал в Ки-Марк-Сурку 24 ноября, переночевал там, а на утро выступил дальше и приехал в Бурудак.

Оттуда утром двинулся в Булун, находившийся на расстоянии 80 километров. Снег был такой глубокий, что только 16 оленей смогли тащить нас и наши вещи. Обычно это расстояние делают в восемь часов; на этот раз потребовалось четырнадцать часов. Якуты сбились с пути и, чтобы согреться, остановились в поселении Айакет. Утром 26 ноября, после тридцатитрехдневного отсутствия, я вернулся в Булун“.

По подсчету Мельвилля, за время этих поисков он сделал около 663 миль. Он не знал, что шел близко от того места, где лежали его погибшие друзья. Было ясно, что теперь зимой, без припасов, невозможны никакие дальнейшие розыски Де-Лонга и команды с третьего катера. Мельвилль решил забрать с собой оставленную Даненовером часть отряда, а весной вернуться для новых поисков. Он сам отправился вперед, а отряд выступил под командой Бартлетта.

Они встретились в Верхнекиренске, первом сравнительно населенном пункте. Здесь Мельвилль позаботился об отправке отряда в Якутск. Он воспользовался услугами одного русского, говорившего по английски, и написал подробное письмо исправнику.

30 декабря 1881 года Мельвилль прибыл в Якутск и смог оттуда установить связь с американским послом и властями в Петербурге. Даненовер прибыл в Якутск двумя неделями раньше, а 3 января 1882 года сюда прибыл и Бартлетт со своим отрядом. Так как не имело смысла для весенних розысков оставлять много народа, Мельвилль оставил только Ниндеманна и Бартлетта. Остальные 9 человек под командой лейтенанта Даненовера были направлены в Иркутск, а оттуда на родину. Мельвилль передал им все найденное, включая корабельные журналы и отчеты Де-Лонга. Лейтенант Даненовер выехал 9 января 1882 года из Якутска и 20 января прибыл в Иркутск, сделав свыше 900 миль.

Один из спутников Мельвилля, Джон Коль заболел душевным расстройством. У самого Даненовера еще не совсем поправился правый глаз, но окулист в Иркутске уверил его, что глаз скоро поправится.

Даненовер телеграфно запросил разрешения остаться и зафрахтовать пароход, чтобы весной и летом произвести розыски лейтенанта Чиппа и его отряда. Он просил также направить ему в помощь двух офицеров. Весь отряд Дане-

новера добровольно изъявил желание остаться и принять участие в розысках. Разрешение было получено, но так как Даненовер затем телеграфировал, что состояние его глаза не улучшается (правый глаз погиб совсем), то разрешение было отменено. В это время в Иркутск прибыл Д. П. Джэксон, специальный корреспондент газеты „Нью-Йорк Геральд“. По распоряжению Морского департамента, Норос был назначен сопровождать Джэксона к дельте Лены.

12 марта Джэксон и Норос отбыли в Якутск, а лейтенант Даненовер с отрядом отправился в Петербург. В Нижнеудинске 17 марта он получил телеграмму о том, что лейтенант Джильд Гарбер и В. Р. Шотце направлены для розысков лейтенанта Чиппа и его отряда. Он решил ждать их прибытия, и лейтенант Гарбер, поговорив с Даненовером, запросил разрешения привлечь для участия в поисках весь отряд. Разрешение было получено, и Гарбер направился по пути Джэксона и Нороса. Гарбера сопровождал Лич, Мансон, Вильсон, Лаутербах и Анегин, а лейтенант Даненовер с Ньюкомбом, китайцем-стюардом и больным Джоном Колем отбыли на родину и 28 мая 1882 года высадились в Нью-Йорке.

В Сибири, таким образом, остались три отряда: Мельвилль с Ниндеманном и Бартлеттом в Якутске, Джэксон с Норосом и лейтенант Гарбер с отрядом из 5 человек.

Глава XXII

ПОСЛЕДНИЕ ПОИСКИ

С отъездом Даненовера в Иркутск Мельвилль начал готовиться к поискам. Морской министр прислал ему телеграмму следующего содержания:

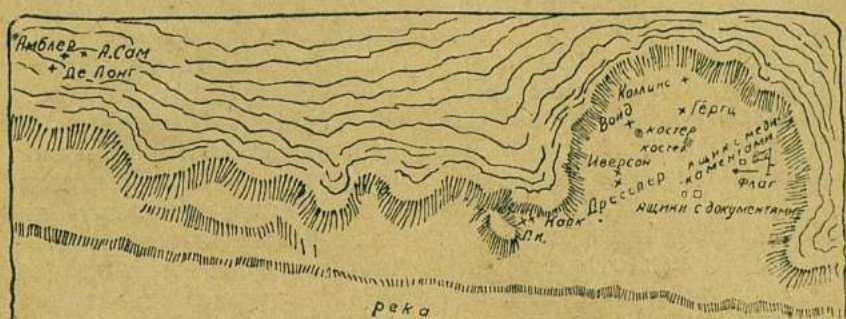
„Примите все меры, не останавливаясь ни перед какими затратами, чтобы обеспечить безопасность команды второго катера. Сделайте все возможное для больных и отправьте их при первой возможности к югу. Департамент предоставит все необходимые средства“. Якутский губернатор Черняев, ознакомившись с телеграммой и убедившись, что она исходит от правительства Соединенных штатов, сообщил Мельвиллю, что все зависящее от губернатора к услугам Мельвилля и что он может без ограничения требовать деньги, припасы и людей.

Надо было достать в Якутске табак, припасы и одежду и среди зимы переправить их на вьючных лошадях, оленьих и собачьих упряжках к дельте Лены на расстояние свыше 1500 миль. Мельвилль пригласил трех переводчиков, так как отправлялись три отдельные партии. Ниндемани со своим переводчиком отправился в Булун 19 января, Бартлетт с припасами 23 января, а Мельвилль — 27 января. Мельвилля сопровождал Гренбак, капитан моторного бота „Лена“, курсировавшего по реке Лене. С ним отбыл также исправник.

Мельвилль получил последнюю карту дельты Лены, на которой были нанесены поправки Норденшельда. Этой карты не было в распоряжении „Жаннеты“ при ее отплытии, но и эта карта была недостаточна и была дополнена после того, как Мельвилль со своими спутниками пересекли дельту. Ниндемани прибыл в Булун 12 февраля, а Мельвилль и Бартлетт — 17 и 18-го.

Месяц занял сбор припасов, собачьих упряжек и устройство складов припасов в Мат-Вае и Кас-Карте. Мельвиллю

пришлось проехать по уже знакомым ему местам. Но на этот раз положение было гораздо лучше, не говоря уже о том, что он сам значительно оправился; ему не приходилось заботиться о больных спутниках, и в его распоряжении находились все необходимые средства, была обеспечена помощь правительства. Он поставил на ноги местные власти, которые в свое время не оказали ему необходимой поддержки, расследовал поведение Кузьмы, которого подозревал в обмане, и, наконец, с помощью исправника разбил все попытки

План последнего лагеря с указанием мест, где были найдены тела

поднять цены. Он увидел нищету местного населения, которому постоянно угрожает опасность гибели от холода и голода.

16 марта все было готово, и Мельвилль с Ниндеманном приступили к розыскам. Оставив Кас-Карту, они пришли в Устарду, где капитан Де-Лонг пересек реку к западу. Ниндеманн сразу узнал место, и они начали разыскивать хижину, где умер Эриксен, но, несмотря на все поиски и расспросы, не смогли ее найти и вернулись в Кас-Карту. Отсюда Мельвилль направил Бартлетта в Мат-Вай, поручив ему идти на север по самому широкому притоку реки, а сам с Ниндеманном отправился в южном направлении. Мельвилль пишет: „Мы до позднего вечера ехали вдоль бухты, осматривая все мысы. Наконец, подошли к большой реке и нашли следы громадного костра, в два метра диаметром; в костре лежали большие бревна. Я крикнул Ниндеманну: „Они здесь!“ Ниндеманн, подойдя, сказал, что ни он, ни Норос не устраивали такого костра, но он был уверен, что как раз отсюда они повернули к западу и что они шли вдоль этой реки.

На мой вопрос, не разводят ли якуты такие костры, последовал отрицательный ответ: „У якутов бывают только небольшие костры“.

Я решил, что Де-Лонг со своим отрядом был здесь и ушел отсюда к западу. По словам Ниндеманна, на берегу должна была находиться плоская лодка. Если мы найдем ее, то легко обнаружим и хижину, где умер Эриксен. Я решил пройти вверх по реке, дойти до хижины Эриксона и забрать все, что там находится.

Ниндемани на собачьей упряжке поехал вперед и по пути заметил лодку. В 500 метрах от места костра мы заметили, что из снега на высоту 45 сантиметров торчали четыре палки, связанные друг с другом канатом. Я выскочил из саней и, подойдя к сугробу, нашел ружье. Его дуло на 20 сантиметров выступало из снега. Проводник, заметив, что я что-то нашел, подошел ко мне, и я послал его позвать Ниндеманна, который в это время шел по берегу к лодке. Я предполагал, что отряд Де-Лонга, устав нести груз, сложил здесь книги и бумаги: палки были, повидимому, поставлены как отличительный знак, чтобы можно было вернуться сюда за грузом. Мы постояли здесь с Ниндеманном, а затем приблизились к берегу. Ниндемани сказал, что пойдет к северу искать хижину Эриксона, а я, взяв компас, пошел к югу, чтобы определить положение Столбового и Мат-Вая и иметь возможность сюда вернуться. Вдруг я заметил чайник, наполовину закопанный в снегу. Со мной был один из якутов. Я показал ему на чайник и, подойдя, чтобы его откопать, увидел три трупа, наполовину засыпанные снегом. Над снегом виднелась поднятая левая рука. Я сразу узнал капитана Де-Лонга, доктора Амблера и повара А-Сама. Капитан и доктор лежали головами к северу, лицом к западу, а А-Сам — под углом к ним: его голова покоилась на трупе доктора, а ноги были обращены к костру или, скорее, к месту, где был костер.

Вокруг костра было много плавника и громадных стволов. Они принесли сюда чайник, собрали кипрея для чая и немного льда для воды. Очевидно, они собирались перенести на это возвышенное место книги и бумаги; ящик уже был принесен, но, повидимому, они так устали подниматься вверх, что не могли вернуться за книгами и бумагами. Несомненно, им было ясно, что если смерть постигнет их в русле реки, то весенние воды отнесут их в море. Я собрал все мелкие вещи, бывшие около них.

Обнаружение тел капитана Де-Лонга и его товарищей

В одном метре за Де-Лонгом я нашел его дневник. Казалось, что Де-Лонг, ложась на землю, левой рукой отбросил дневник через плечо к востоку. По последним страницам я узнал, кто умер после Эриксона. Это был Алексей. В дневнике отмечалось, что он умер в лодке, т. е. в 500 метрах от нас. В это время пришел Ниндемани, за которым я посылал. Мы покрыли тела куском старого брезента от палатки. Якуты продолжали рыть там, где стояли столбы от палатки; они дошли до земли, но ничего не нашли. Стал падать снег, поднялся ветер. Я велел рыть дальше, и скоро под снежным сугробом мы откопали голову одного человека и ноги другого. По моему распоряжению, продолжали рыть и откопали ящик с книгами и плечи еще одного человека. Мы находились в 20 километрах от места нашего лагеря в Мат-Вай. Мы воткнули деревянную палку там, где рыли, и вернулись в Мат-Вай.

На следующий день Мельвилль послал за Бартлеттом и приказал, чтобы он со всеми якутами направился туда, где были обнаружены тела, и доставил бы все в Мат-Вай. Сам Мельвилль остался в хижине и с переводчиком занялся составлением телеграмм и сообщений американскому и русскому правительствам. Прошло два дня, и за это время ничего не было найдено. В дневнике капитана Де-Лонга сообщалось, что Алексей похоронен в реке, и этим Мельвилль объяснил безуспешные попытки найти тело. Поэтому, отказавшись от дальнейших поисков, Мельвилль обещал наградить якутов, если они обнаружат тело Алексея.

Надо было выбрать место для похорон.

„Всю территорию, — передает Мельвилль, — к северу от места, где мы находились, а также возвышенность, где скончались Де-Лонг и Амблер, иногда вода заливают на 3 и 4,5 метра в высоту. Вся область дельты иногда покрывается снегом и льдом, которые уносятся вниз по реке. Когда тают снега, потоки уносят все в Ледовитый океан. Ближайшее безопасное место — это подножья холмов к северу от гор, образующих берега самой Лены. В 10 километрах к югу от Мат-Вая стояла небольшая скала высотой от 90 до 120 метров. Я выбрал ровное место на вершине скалы и послал туда вырыть углубление, чтобы водрузить там крест.

„Ниндемани и Бартлетт с помощью якутов начали ломать старую лодку, чтобы из досок сколотить ящик. Здесь же они нашли еловый брус и, перетаскив его к Мат-Вая, использовали для сооружения креста“.

Первые тела Мельвилль обнаружил 23 марта. 7 апреля все было окончено.

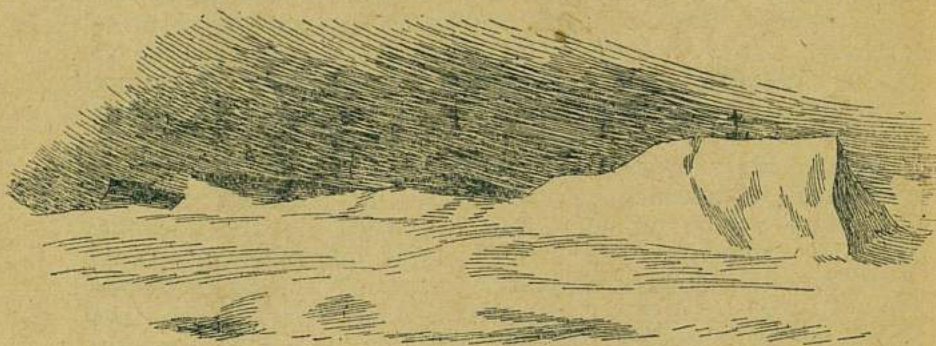
Все вещи, найденные у умерших, были собраны для отправки их на родину. Тела положены в ящик. Над ящиком была сооружена пирамида из камней и дерева, а крест, на котором была вырезана надпись, крепко укреплен над могилой. За это время Ниндеманн нашел хижину, где погиб Эриксен, и принес оттуда доску с надписью. Ничего больше нельзя было сделать, и оставалось только выяснить судьбу второго катера, находившегося под командой лейтенанта Чиппа. С 12 сентября, когда буря разделила катера, о втором катере ничего не было слышно и едва ли можно было сомневаться в его гибели. Но Мельвилль и его спутники не могли оставить дельты, не произведя поисков отряда. Отправным пунктом для розысков была намечена Кас-Карта, куда перешел весь отряд.

Мельвилль заручился проводниками и каюрами, хорошо знакомыми с восточным и северным побережьем дельты, и устроил в подходящих местах склады продовольствия. Затем он разделил свой отряд на три партии. Он направил Ниндеманна и Бартлетта с четырьмя упряжками собак вверх по главной реке к Баркалу. Здесь они должны были разделиться: Бартлетту надлежало идти к югу по восточному побережью дельты и дойти до Геомовиялока, а Ниндеманну было предписано идти вдоль северного побережья дельты до реки Осокток, оттуда он должен был вернуться в Кас-Карту и ждать возвращения Мельвилля. Сам Мельвилль направился к северо-западу и 21 апреля вернулся в Кас-Карту. Насколько несовершенно было сообщение между отдельными частями дельты, видно из того, что, как выяснил Мельвилль, якуты решительно ничего не знали о высадке американцев и о производившихся поисках.

В Кас-Карте Мельвилль встретился с Ниндеманном и оттуда вместе с ним прибыл в Геомовиялок, где застал Бартлетта. Они прошли все побережье дельты, поднимались по устьям всех рек, повсюду расспрашивая якутов. Полное отсутствие сведений о лейтенанте Чиппе и его отряде не оставляло сомнений в их гибели.

В Геомовиялоке они узнали, что в соседнем селении находятся американцы. Это были Джэксон и Норос. Джэксон хотел посетить могилу Де-Лонга и его товарищей и направился туда, а Мельвилль, Ниндеманн и Бартлетт отправились в Якутск.

Между Верхнекиренском и Якутском они встретили лейтенанта Берру и прапорщика Генне, входивших в состав спасательной экспедиции, отправленной правительством Соединенных штатов. Эта экспедиция на пароходе „Роджерс“ в июне 1881 года отплыла из Сан-Франциско, крейсировала вдоль острова Врангеля и зазимовала в бухте Св. Лаврентия на северном побережье Сибири. Здесь в конце декабря на пароходе вспыхнул пожар, и пароход сгорел. Большая часть команды направилась на остров Михаила с тем, чтобы весной вернуться в Сан-Франциско.

Холм с надгробным памятником. Дельта Лены

Полковник Гильдер, лейтенант Берру и прапорщик Генне, выполняя задание экспедиции, направились на запад и пересекли Сибирь. Мельвилль поделился с ними всеми сведениями и вместе с ними прибыл 8 июня в Якутск. В Якутске Мельвилль рассчитывал встретить лейтенанта Гарбера, но тот находился в Витиме, в 700 милях где подготавливал пароход, чтобы исследовать дельту. Мельвилль поспешил в Витим, но разъехался с Гарбером. Мельвилль и Ниндемани проехали в Иркутск, где к ним присоединился Норос.

Летом лейтенант Гарбер со своим отрядом безуспешно производил поиски в дельте и осенью вернулся в Америку с Бартлеттом, Личем, Лаутербахом и Мансоном. Вильсон заболел и еще раньше уехал в Америку, а Анегин умер от оспы. Лейтенанту Гарберу было поручено привезти в Америку останки Де-Лонга и его товарищей, на что было ассигновано 25 тысяч долларов. Весною 1883 года останки их были доставлены в Якутск.

Следует отметить еще одну попытку, предпринятую в 1881 году по настоянию Беннетта. Пароход Соединенных штатов Америки „Союз“ отправился на поиски „Жаннеты“, имея задание дойти до 77°45' северной широты, если не будет угрожать лед. „Союз“ крейсировал все лето, принимая все меры, чтобы узнать что-нибудь о „Жаннете“ на побережье и от рыбацких судов. Осенью 1882 года „Союз“ вернулся в Америку, дойдя до 82° северной широты, но ничего не узнал о „Жаннете“.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гибель „Жаннеты“ и последующая судьба командира и команды была предметом судебного расследования, согласно действующим во флоте Соединенных штатов Америки правилам. Судебные заседания начались 5 октября 1882 года в Вашингтоне. Суд ставил себе задачей „подробно и тщательно исследовать обстоятельства гибели в арктических морях исследовательского парохода „Жаннета“ и смерти капитана Де-Лонга, других офицеров и команды“. Суд должен был выяснить состояние корабля при отплытии, управление кораблем до момента его гибели, мероприятия после крушения, действия офицеров, направленные к обеспечению безопасности подчиненных им лиц и для помощи другим участникам экспедиции, и, наконец, определить в отдельности заслуги офицеров и команды. Расследование продолжалось 58 дней, были опрошены оставшиеся в живых участники экспедиции, а также лица, участвовавшие в снаряжении и оборудовании „Жаннеты“.

Суд признал, что как бы ни было построено судно, оно при известных условиях не в состоянии бороться со льдом; при этом суд установил, что „Жаннета“ в своей долгой борьбе обнаружила исключительную крепость и устойчивость. Ничто не могло дать более ясного представления об управлении кораблем, как дневник Де-Лонга, свидетельствующий о неослабевающем усердии Де-Лонга и его спутников, о их находчивости, решительности, заботе о здоровье и удобствах команды. Гибели корабля нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить.

Суд отмечает, что всякое судно, оказавшееся в положении „Жаннеты“ и подвергшееся такому же сжатию, должно было погибнуть независимо от типа сооружения и прочности. Корабль был покинут надлежащим образом, и переход по льду произведен вполне правильно, что подтверждается тем, что, несмотря на ужасные условия перехода, через 90 дней с момента гибели „Жаннеты“ офицеры и команда были в удовлетворительном состоянии. Так гласит решение суда. Последним вопросом в решении суда было: „установление поведения и заслуг офицеров и команды не дает никаких оснований вынести порицание в отношении кого-либо из участников экспедиции. Принимая во внимание долгое и однообразное плавание, перенесенные труды, лишения, разочарование, неуверенность в будущем, — надо признать, что в общем поведение всего персонала представляет чудесный образец бодрости, товарищеских отношений, взаимной снисходительности, выдержки и постоянства.

Особо следует отметить командира Де-Лонга, обнаруженные им высокие качества руководителя, главного инженера Мельвиля за его энергию, рвение, профессиональное умение и последующие поиски в дельте Лены, моряков Ниндеманна и Свитмана, — за их труды, давшие основание поставить вопрос о награждении их почетными медалями“

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>П. В. Орловский.</i> — Предисловие.	3
<i>С. Е. Лион.</i> — Мои встречи со спасенными участниками „Жаннеты“.	7
Глава I. Начальник экспедиции.	35
Глава II. Приготовления к экспедиции.	37
Глава III. От Сан-Франциско к бухте Лаврентия.	49
Глава IV. Дрейф во льду от острова Геральда.	63
Глава V. Во льдах	84
Глава VI. Глубокой зимой	106
Глава VII. Возвращение солнца	127
Глава VIII. Под полуночным солнцем.	154
Глава IX. Ледяное лето.	185
Глава X. Снова холод и мрак.	219
Глава XI. Перед гибелью „Жаннеты“	248
Глава XII. Оставление корабля.	287
Глава XIII. Поход через замерзший океан.	310
Глава XIV. Остров Беннетта.	333
Глава XV. В ботах.	358
Глава XVI. Новосибирские острова.	378
Глава XVII. Дельта Лены.	392
Глава XVIII. Роковой месяц.	410
Глава XIX. Ниидеманн и Норос.	423
Глава XX. Судьба отряда с китобойного вельбота	438
Глава XXI. Первоначальные поиски	443
Глава XXII. Последние поиски.	450

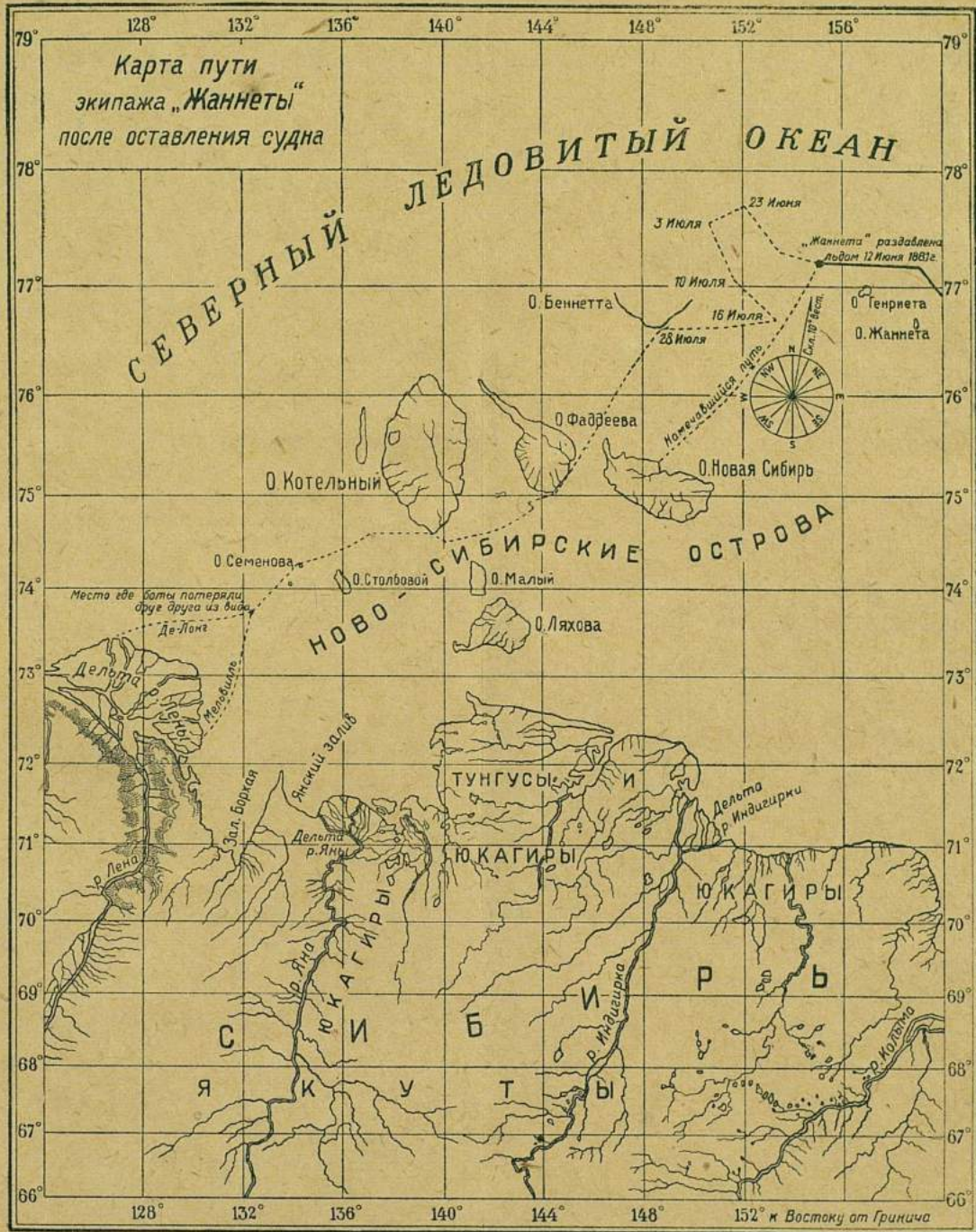
Переплет, суперобложка и форзац
работы художника *Б. И. Кожина*

Редактор *Д. В. Грибакин* Тех-
ническ. редактор *А. Соловейчик*
Сдано в набор 31 декабря 1935 г.
Подписано к печати 25 марта 1936 г.
Бум. 62×94 см. В 1 б. л. 76000 тип. зн.
28³/₄ п. л. 14³/₈ б. л. 25 авт. л.
Тир. 10 000 экземпляров. Изд. № 33
Ленгорлит № 6801. Заказ № 2329

Типография „Коминтерн“
и школа ФЗУ имени КИМ'а
Ленинград, Красная ул., № 1

Цена 9 руб.

Переплет 1 р. 50 к.

817/10

3328
1988

36-4

943